

**Министерство сельского хозяйства Российской Федерации
Департамент научно-технологической политики и образования
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Красноярский государственный аграрный университет»**

ГРИШАЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

**Материалы VII Международной научной конференции,
посвященной памяти доктора исторических наук,
профессора, заслуженного работника высшей школы
Василия Васильевича Гришаева**

7–8 ноября 2024 г.

Электронное издание

Красноярск 2025

ББК 4 г
Г 85

Редакционная коллегия:

С.Т. Гайдин, Р.В. Павлюкевич, Ю.В. Рябов, М.В. Сентябова,
А.С. Баранова, А.М. Колмогорова, Д.Д. Харебин

Г 85 Гришаевские чтения [Электронный ресурс]: материалы VII Международной научной конференции, посвященной памяти доктора исторических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы В.В. Гришаева (7–8 ноября 2024 г., Красноярск) / Красноярский государственный аграрный университет. – Красноярск, 2025. – 399 с.

ISBN 978-5-94617-561-6

Представлены материалы научных докладов участников VII Международной научной конференции «Гришаевские чтения», которая состоялась в г. Красноярске 7-8 ноября 2024 г. по направлениям: трансграничные переселенческие сообщества: иммиграция и эмиграция; переселенцы в городском и сельском пространстве; политика и административный контроль переселенческих сообществ; экономика переселенческих сообществ: трансфер практик и экономические анклав; конструирование категории переселенческое сообщество/общество: методология, источники и историография; этнокультурные аспекты и социальные связи переселенческого общества; динамика пространственного движения населения в России и мире.

Предназначено для научных работников, аспирантов, студентов, а также всех, кто интересуется исследуемой проблематикой.

ББК 4 г

Статьи публикуются в авторской редакции, авторы несут полную ответственность за содержание и изложение информации: достоверность приведенных сведений, использование данных, не подлежащих публикации, использованные источники и качество перевода.

ISBN 978-5-94617-561-6

© Авторы статей, 2025

© ФГБОУ ВО «Красноярский

государственный аграрный университет», 2025

СЕКЦИЯ 1. ТРАНСГРАНИЧНЫЕ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИЕ СООБЩЕСТВА: ИММИГРАЦИЯ И ЭМИГРАЦИЯ

УДК 325.14:791.4

«ВЕЛИКОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ НАРОДОВ» НАЧАЛА XXI в. В ИТАЛЬЯНСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ

Меер Евгения Сергеевна,

*Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева,
Красноярск, Россия,
jenumeer13@gmail.com*

В статье анализируются знаковые ленты современного итальянского кинематографа, посвященные «великому переселению народов» начала XXI в. Автор приходит к выводу, что основной дискурс фильмов касается репрезентации опасного пути африканцев в Италию и их спасения, оставляя в качестве мнемонических пробелов глобальные причины миграционного кризиса в Европе, его масштабные последствия и политику ЕС в отношении иммигрантов.

Ключевые слова: «великое переселение народов» начала XXI в., миграционный кризис в Европе, иммигранты, итальянский кинематограф, Эмануэле Криалезе, Джанфранко Рози, Маттео Гарроне

"THE GREAT MIGRATION OF PEOPLES" OF THE EARLY 21ST CENTURY IN ITALIAN CINEMA

Meer Evgeniya Sergeevna,

Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafieva, Krasnoyarsk, Russia, jenumeer13@gmail.com

The article analyzes iconic films of contemporary Italian cinema dedicated to the "Great Migration of Peoples" of the early 21st century. The author concludes that the films' main discourse concerns the representation of the dangerous journey of Africans to Italy and their rescue, leaving as mnemonic gaps the global causes of the migration crisis in Europe, its large-scale consequences and the EU's policy towards immigrants.

Keywords: "Great Migration of Peoples" of the early 21st century, migration crisis in Europe, immigrants, Italian cinema, Emanuele Crialese, Gianfranco Rosi, Matteo Garrone

«Великое переселение народов» начала XXI в., чьим выражением стал миграционный кризис в Европе, достигший пика в 2015 г., является глобальной политической проблемой современности и предметом для активного изучения специалистов разных социально-гуманитарных наук. Этот процесс также стал частью рефлексий кинематографа. Итальянское кино в силу того, что в качестве одного из основных маршрутов перемещения беженцев в Европу служит центрально-средиземноморский

путь из Ливии в Италию, не смогло пройти мимо репрезентации данной проблемы на голубом экране.

В российской науке уже сделаны первые шаги для осмысления отдельных кинолент. Фильм «Материк» Эмануэле Криалезе Н.Х. Орлова и Е.В. Кобзева приводят как пример современного итальянского кино о мигрантах, жанра, который процветает в стране с 1990-х гг., чтобы доказать возрождение здесь киноискусства [1, с. 118–119]. «Море в огне» Джанфранко Рози А. Р. Шакурова анализирует с точки зрения медийных стереотипов [2, с. 52–54], О. Яшина – стереотипов о миграции [3, с.41].

Мы же попробуем выявить особенности репрезентации «великого переселения народов» начала XXI в. в итальянском кинематографе, опираясь на научную литературу, посвященную миграционному кризису в Европе. В качестве источников в нашей статье используются три кинокартины. Это «Материк» Эмануэле Криалезе (2011 г.) [4], «Море в огне» Джанфранко Рози (2016 г.) [5], «Я – капитан» Маттео Гарроне (2023 г.) [6], соответствующие по времени выхода началу кризиса, его пику и его спаду. «Море в огне», в отличие от двух других, считается документальным фильмом, хотя это слабо прослеживается по построению киноленты. Все три работы удостоены европейских наград. «Материк» получил премию Пазинетти за лучший фильм и специальный приз жюри на Венецианском кинофестивале [7]. «Море в огне» – Золотого Медведя на Берлинском и приз Европейской киноакадемии как лучший документальный фильм [8]. Кинолента «Я – капитан» выиграла шесть наград (в том числе Серебряного льва за режиссерскую работу и премию Пазинетти за лучший фильм) на Венецианском кинофестивале, приз зрительских симпатий за лучший европейский фильм в Сан-Себастьяне [9].

Научная литература о европейском миграционном кризисе освещает ряд важных проблематик. Во-первых, это положение мигрантов на континенте в период со Второй мировой войны до начала нового «великого переселения народов» и миграционная политика формирующегося ЕС в это время. Во-вторых, причины миграционного кризиса. В-третьих, маршруты миграции в Европу и этнический состав беженцев. В-четвертых, политика ЕС в отношении миграционного кризиса (в том числе Италии). И, в-пятых, последствия «великого переселения народов» [10, с. 77–87; 11, с. 99–103; 12, с. 102–112; 13, с. 172–187].

Итальянское кино оставляет за кадром первый вопрос, но дает определенные ответы на второй. Так, в фильме «Материк» в качестве мотива нелегальной миграции африканка, оказавшаяся в доме итальянской семьи на острове Лампедуза, называет стремление найти мужа, который уже работает в Турине, то есть речь идет о воссоединении семьи [12, с. 104]. В «Море в огне» из песни, которую поет мигрант, выясняется, что он спасался бегством от какой-то бомбежки, то есть он может просить о предоставлении международной защиты [12, с. 104–105]. О каких военных действиях идет речь, непонятно. В киноленте «Я – капитан» стремление к лучшей жизни сподвигает двух мальчишек 16 лет оставить родных и отправиться в Италию. Ими двигает отсутствие перспектив жизни для молодежи, они мечтают о лучшей доле, которую якобы найдут в Европе. Их можно было бы классифицировать как мигрантов, которые ищут работу по найму [12, с. 104, 106]. У них есть дом, вода и еда. М. Гарроне затрагивает момент, который в научной литературе не рассматривается. Мальчишки имеют сотовые телефоны, именно благодаря интернету они вообразили, что сделают карьеру певцов в Европе и «белые» будут просить у них автографы.

Пути нового «великого переселения народов» ограничены в итальянском кино одним из трех средиземноморских маршрутов, приводимых в литературе [11, с. 101],

так как он имеет прямое отношение к Италии. «Материк» и «Я–капитан» с помощью глобуса и географической карты показывают зрителю траектории движения в Ливию из разных частей африканского континента. В кино задействованы географически два пути – из Тропической и Западной Африки, что не исчерпывает все варианты, отмеченные в научной литературе [12, с. 104], но формирует базовые представления. Что касается этнической принадлежности мигрантов, то в «Материке» героиня-африканка – из Эфиопии, подростки из фильма «Я – капитан» – сенегальцы, мигрант, поющий песню в «Море в огне», из Нигерии. В двух последних фильмах в качестве беженцев упоминаются эмигранты из Кот д’Ивуара, Ганы, Мали, Камеруна, Конго, Эритреи, Сомали, Судана и Сирии (единственное неафриканское государство).

Аспекты трансфера беженцев скудно отражены в литературе [10, с. 84], но в целом хорошо представлены в кино. Весь сюжет фильма М. Гарроне построен на истории опасного пути из Сенегала в Италию. Мошенники за деньги обеспечивают фальшивые паспорта, транспорт и инструктаж правильного поведения при пересечении пустыни Сахара. А в Ливии обманутых, брошенных Пиноккио поджидает полиция и мафия, заточение, пытки в случае отказа обратиться с просьбой о выкупе к родственникам, продажа в рабство. И если эта часть смертельного квеста все-таки пройдена, необходимо заплатить контрабандистам еще и за доставку по морю в Италию на сомнительном судне. Упоминание о ливийской тюрьме является общим местом во всех трех фильмах и фокусом всех ужасов пути: из рассказа африканки в фильме «Материк» мы узнаем, что муж платил за нее выкуп, его же требуют от подростка Сейду в «Я – капитан», но у того нет денег и его подвергают пыткам. Политическая ситуация в Ливии практически никак в фильмах не проясняется. Только нигериец в «Море в огне» пропевает о террористической организации ИГИЛ (запрещенной на территории Российской Федерации), которая правила в стране. В фильмах также отмечаются жуткие примеры выживания – люди пьют мочу в пустыне (фильм Рози), юноша, чтобы спрятать деньги от грабителей по совету перевозчиков вставляет купюры в целлофановом пакете в анальное отверстие (фильм Гарроне), что ему, конечно, не помогло. Трудности передвижения мигрантов по морю на пути к острову Лампедуза отражают все три фильма: мигранты приезжают больные, голодные, обожженные бензином, показаны беременные и рожаящие в пути женщины, люди сходят с ума, бросаются в воду, гибнут. Подчеркнем важный момент, который показан в кино, – роль самих этнических групп в выживании своих представителей: так в фильме Гарроне Сейду получает помощь от сенегальцев в Ливии с жильем и работой.

Что касается политики в отношении мигрантов, то в фильме «Материк» мы видим, что рыбакам острова Лампедуза запрещено самим спасать нелегалов, они должны только сообщать береговым службам о проблеме, даже ценой потери времени и смерти людей, иначе их ждут неприятности с полицией. В «Море в огне» уже комплексно показана первая помощь иммигрантам: спасательная, врачебная и идентификационная. Они поступают в лагеря беженцев. Но точно не ясно, какова судьба нелегальных переселенцев. В киноленте Эмануэле Криалезе упоминается, что они будут отправлены обратно. Таким образом, политика ЕС и Италии, кроме первоначальной помощи пострадавшим, в кино не репрезентуется.

Наконец, последствия «великого переселения народов» для Европы почти не находят отражения у итальянских режиссеров. Только в «Материке» мы видим, что живые и мертвые мигранты представляют угрозу для физической и моральной безопасности жителей Лампедузы и экономики острова, завязанной на туризме. Целый

блок последствий миграционного кризиса, имеющий место в научной литературе [10, с. 82–86], отсутствует в кино.

Таким образом, на основе трех итальянских кинолент, посвященных «великому переселению народов» начала XXI в., мы можем сделать вывод, что глобальные истоки и последствия миграционного кризиса в Европе являются теми мнемоническими пробелами, которые остаются незаполненными в кинематографическом дискурсе, так же как и политика ЕС и Италии в отношении мигрантов, за исключением первичной помощи с их стороны. Мы узнаем мотивы эмиграции африканцев, но нам не рассказывается о том, что было причиной проблем с безопасностью и работой на их континенте, и что станет с африканскими переселенцами по прибытии в Италию. Основной дискурс в итоге сосредоточен на нелегком пути мигрантов в Европу и их спасении.

Список литературы

1. Орлова Н.Х., Кобзева Е.В. Тематические акценты и семиотические контексты в современном итальянском кино // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2017. № 2 (12). С. 109–124.
2. Шакурова А.Р. Медийные стереотипы в документальных фильмах о европейском миграционном кризисе (на примере работы Джанфранко Рози «Море в огне» 2016 г.) // Казанская наука. 2019. № 2. С. 52–54.
3. Яшина О. Этностереотипы и стереотипы о миграции, отраженные в кинематографе // ЭТНОДИАЛОГИ. 2019. № 2 (58). С. 40–46.
4. «Материк» («Terraferma», реж. Эмануэле Криалезе, 2011).
5. «Море в огне» («Fuocoammare», реж. Джанфранко Рози, 2016).
6. «Я – капитан» («Lo Capitano», реж. Маттео Гарроне, 2023).
7. Награды // Материк [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/512680/awards/> (дата обращения: 01.10.2024).
8. Награды // Море в огне [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/924837/awards/> (дата обращения: 01.10.2024).
9. Награды // Я – капитан [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/4909014/awards/> (дата обращения: 01.10.2024).
10. Бочарников И.В. Социальные и гуманитарные аспекты европейского миграционного кризиса // Локус: люди, общества, культуры, смыслы. 2016. № 4. С. 77–87.
11. Васильев А.М., Копченко И.Е., Гринева Ю.А. Европейский миграционный кризис (2014–2015): причины и основные параметры // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 2. С. 99–103.
12. Сливкина В.А., Пронина Т.С. Африканская миграция в Италию: мотивы, локальные этнические группы, процессы интеграции // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2020. № 4. С. 102–112.
13. Старченков Г. Европа: куда ведет этнорелигиозная трансформация? // Россия и мусульманский мир. 2014. № 5 (263). С. 172–187.

СИСТЕМА ПОСЕЛЕНИЙ «ТУНЬТЯНЬ» В СИНЬЦЗЯНЕ В ПЕРИОД ЦИНСКОЙ ИМПЕРИИ: КЛАССИФИКАЦИЯ, СТРУКТУРА

Карпенко Елена Васильевна,

*Лаборатория исторических и социально-экономических исследований Сибири
и Центральной Азии КНЦ СО РАН, Красноярск, Россия
sinaeva@mail.ru*

В работе на основе анализа трудов китайских ученых представлена характеристика системы поселений в Синьцзяне в период активной колонизации территории под руководством цинского правительства. Раскрывается понятие «туньтянь», выделяются виды поселений, их краткая характеристика. Система поселений в Синьцзяне демонстрирует разнородность переселенческого общества региона.

Ключевые слова: «туньтянь», Синьцзян, Цинская империя, колонизация, переселенческое движение

THE SYSTEM OF SETTLEMENTS "TUNTIAN" IN XINJIANG IN THE PERIOD OF THE QING EMPIRE: CLASSIFICATION, STRUCTURE

Karpenko Elena Vasilievna,

*Laboratory of Historical and Socio-Economic Research of Siberia and Central Asia, KSC
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Krasnoyarsk, Russia
sinaeva@mail.ru*

The paper presents a description of the settlement system in Xinjiang during the period of active colonization of the territory under the leadership of the Qing government based on the analysis of articles by Chinese scholars. The concept of "tuntian" is revealed, types of settlements are distinguished, and their brief description is given. The settlement system in Xinjiang demonstrates the heterogeneity of the region's migrant society.

Keywords: "tuntian", Xinjiang, Qing Empire, colonization, migration movement

В процессе становления империи одним из ключевых вопросов являются проблемы, связанные с освоением новых территорий. Расширение территории империи ставит перед правительством новые задачи: сохранения, освоения и развития новых районов. Укрепление имперской власти на окраинах требует гибкой политики, учитывающей как социально-экономические, военно-политические, так и этнокультурные особенности региона. Изучение аспектов, связанных с колонизацией окраинных территорий империи, представляет необходимое условие для понимания целостной исторической картины развития империи как мультикультурного, полиэтнического образования.

Данная статья связана с проблемами китайской колонизации Синьцзяна в период Цинской империи. Одной из основных форм освоения нового региона стала система поселений «туньтянь» (или «туньтяньчжи»). По сути, разные типы «туньтянь» представляли собой элементы переселенческого общества Синьцзяна, участвовавшего в освоении территории. В настоящее время в отечественной историографии вопросам аграрной политики и системе поселений в Синьцзяне не уделяют должного вни-

мания. В 1930-е гг. Л.И. Даман в работе «Аграрная политика цинского (маньчжурского) правительства в Синьцзяне в конце XVIII в.» описал систему поселений Синьцзяна. Исследование было проведено в рамках существующих идеологических постулатов и концептов. Приведенная классификация «тунь» и их характеристика «подгонялись» под принятую в советской исторической науке марксистско-ленинскую теорию. В других работах, посвященных политике цинского правительства в Синьцзяне, в центре внимания находятся политические отношения, организацию поселений «тунь» либо не рассматривают вовсе, либо лишь упоминают о ней. В современной отечественной историографии работ по данной тематике нет. В китайской историографии исследования по проблемам классификации, организации системы «тяньтунчжи» на современном этапе представлены работами Цай Цзяби, Цуэй Цзюнлиу, И Чуньфана и др. Данная работа является попыткой представить общую классификацию и характеристику системы «туньтяньчжи».

Система поселений традиционно действовала в Китае как эффективный метод развития приграничных территорий. Сочетание иероглифов «тунь» 屯(tun) и «тянь» 田(tian) в переводе на русский язык означает «обработка земли военными поселенцами». Однако, стоит отметить, что исторически система «туньтянь» формировалась на двух уровнях: военном и гражданском. Выделяют два потока внутренней миграции, участвовавшей в системе поселений: «цзюньтунь» (или «бинтунь») – поселения, созданные расквартированными войсками; «миньтунь» – население, переселяющееся из районов Внутреннего Китая. В Синьцзяне система «туньтянь» получила широкое распространение, стала более сложной. Знакомство с синьцзянской системой поселений заслуживает отдельного внимания как пример гибкой, неунифицированной политики Цин в отношении окраин.

В Синьцзяне можно выделить пять типов «туньтянь»: «бинтунь» 兵屯 (bing tun), «цитунь» 旗屯(qi tun), «миньтунь» 民屯(min tun), «цяньтунь» 遣屯(qian tun), «хуэйтунь» 回屯(hui tun). Каждый из типов отличался составом населения, из которого формировалось поселение. В состав «бинтунь» входили расквартированные войска, «цитунь» – знаменные войска, «миньтунь» формировались из добровольных переселенцев районов Внутреннего Китая, «цяньтунь» представляли собой пример принудительной миграции, «хуэйтунь» – поселения мигрантов из Внешнего Китая, принадлежавших к мусульманскому населению. Существование разных источников комплектования поселений свидетельствуют о сложной военно-политической обстановке в регионе. Действительно, основная часть поселений представлена населением, находившимся под строгим контролем цинского правительства. Историком Цай Цзяби в монографическом исследовании «Социально-экономическая история Синьцзяна в период Цинской империи» был проведен весьма подробный анализ структуры поселений, динамики их численности. Согласно Цай Цзяби, важнейшую роль «туньтянь» Синьцзяна играли в так называемую «Золотую эпоху Цин», с начала XIX в. значение системы поселений снижается в силу ряда причин [1, с. 127].

Переселенческое общество Синьцзяна состояло в большинстве своем из лиц, направленных сюда по приказу, либо принудительно. Одной из первых форм «туньтянь» в регионе стали военные поселения – «бинтунь». Созданы они были в период правления императора Канси на территории Хами, Баркуля, в районе оз. Хара-Ус-Нур, Турфана. Основной целью создания поселений являлось препятствование разбойничьим нападениям арабов. С изменением цинско-джунгарских отношений их деятельность прекратилась. В период правления Цяньлуна (1735–1796 гг.) в «бин-

тунь» входило 13 905 чел, охвачены 288 108 му земли [1, с. 245] (Му - китайская мера площади, равная 1/15 га). В начальный период правления императора Даогуана численность населения «бинтунь» снизилась до 5 530 чел. на 114 580 му обрабатываемой земли. В «бинтунь» существовала жесткая организация труда: отряды составляли обычно 100 чел, имели ответственное лицо, члены отряда отвечали за различные хозяйственные работы. Существование «бинтунь» в Синьцзяне являлось вынужденной мерой: нестабильная ситуация в приграничных районах, труднодоступность региона приводили к проблемам доставки продовольствия и обеспечения военного контингента. Поселения «цитунь» были созданы «знаменными» войсками. После стабилизации ситуации в регионе и присоединении территорий к Цинской империи в Синьцзян постоянно перебрасывали войска зеленого знамени. Основная цель создания поселений данного рода – самообеспечение войск.

Освоение региона включало в себя процесс синизации. Составляющей синизации стало переселенческое движение ханьцев в Синьцзян. Поселения «миньтунь» формировались как поселения населения, мигрировавшего из Внутреннего Китая в Синьцзян. Позже под «миньтунь» понимали всех людей, которые получили наделы на территории Синьцзяна. Переезд на новые земли осуществляли бедняки из провинций Аньси, Ганьси. Уже в 1761 г. 1500 чел. (более 400 дворов) прибыли в Урумчи [1, с. 144]. Всего за период 1761–1780 гг. прибыло 17 групп общей численностью 53 665 чел. [1, с. 145]. Согласно распоряжению местной администрации, на каждый двор полагалось 30 му земли, сельскохозяйственный инвентарь, семена, 2 лян серебра в качестве займа на строительство дома, 8 лян серебра на покупку лошади [1, с. 146]. Торговцы, прибывшие сюда с армией, также входили в состав «миньтунь». С целью приобщить торговцев к обработке земель в 1762 г. был издан указ: «С различных мест торговому люду и семьям и родственникам военных следует обосноваться в поселении» [1, с. 147]. Цай Цзянь в своем исследовании приводит примеры раздачи земель под распашку торговцам. По мнению исследователя, с ростом населения в регионе масштабные переселения из Внутреннего Китая постепенно потеряли актуальность.

На территории Синьцзяна существовали отдельные мусульманские поселения – «хуэйтунь». Подавляющую часть таких поселений составляли уйгуры. В Или уйгуров направляли в распоряжение войск: «хуэйтунь» представляли собой обычные крестьянские дворы, но их организационная структура была схожа с военными поселениями. Во главе каждого поселения стоял «управляющий» – бек. В 1760 г. в Или были направлены 500 уйгуров [2, с. 76]. В основе системы управления лежали десятидворки. К 1794 г. «хуэйтунь» располагались в 9 районах, их численность строго контролировалась и не должна была превышать 6 тыс. дворов [1, с. 141].

Перечисленные типы поселений, несмотря на ряд ограничений, обладали относительной свободой хозяйственной деятельности, имели поддержку со стороны правительства. Тип поселений «цяньтунь» представлял собой организацию принудительного труда. Данные поселения имели особый статус, вся их деятельность жестко регламентировалась. Население «цяньтунь» формировалось из преступников, нарушителей разного рода. Согласно установлениям цинского правительства, каждому из «цяньтунь» предоставляли целинные земли под распашку не только на едока, но и на солдата. За работами поселения следил надзиратель. Фактически отправленные в «цяньтунь» находились в положении рабов. Цели цинской администрации заключались в следующем: разные нарушители, которых ждет смертная казнь, могут не только перенять народные нравы, но и будут способствовать процветанию и росту полей, своими силами будут вести распашку и сами себя обеспечивать. В основном наруши-

телей высылали в Урумчи и Или из провинций Шэньси и Ганьсу. На ссыльных полагался паек, обеспечение одеждой и обувью, на троих ссыльных полагалась 1 лошадь, 4 быка, комплект сельскохозяйственных орудий. Наделы выдавались под собственное обеспечение – 5 му, земли под обработку для государства – 12 му [1, с. 137]. Ссылный имел возможность получить статус гражданина: после 5 лет поселения – для впервые осужденных на смерть, после 3 лет – для ссыльных-военных.

Таким образом, система поселений на территории Синьцзяна выходила за общепринятые масштабы поселений во Внешнем Китае. «Туньтяньчжи» в Синьцзяне имела ряд особенностей, связанных как с труднодоступностью региона, сложной военно-политической обстановкой, так и с этнокультурными различиями. В отличие от принятой в других районах Внешнего Китая системы военных и гражданских поселений, в Синьцзяне существовали типы поселений с особым статусом: население находилось под жестким контролем местной администрации и в разной степени зависимости. Краткая характеристика системы «туньтяньчжи» в Синьцзяне демонстрирует разнородность переселенческого общества в регионе, определяет новые направления исследований по данной тематике.

Список литературы

1. Цай Цзяйи. Социально-экономическая история Синьцзяна в Цинский период [蔡家艺. 清代新疆社会经济史纲(Цай Цзяйи. Циндай Синьцзян шэхуэй цзиньцзи шиган)]. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2006. 409 с.

2. У Юаньфэн. Илийские хуэйтунь в Цинский период [吴元丰. 清代伊犁回屯(У Юаньфэн. Циндай Или хуэйтунь)] // Историко-географические исследования приграничья Китая [中国边疆史地研究(Чжунго бяньцзян шиди яньцзиу)]. 1993. № 3. С. 75–88.

3. Ts'ui-jung Liu, I. Fan. The Tuntian system in Xinjiang under the Qing Dynasty: A perspective from environmental history // International Review of Environmental History. Vol. 2. 2016. P. 99–141. DOI: 10.22459/IREH.02.2016.04 [Электронный ресурс: https://press-files.anu.edu.au/downloads/press/n2057/pdf/04_liu_fan.pdf].

МИГРАЦИОННЫЕ ПОТОКИ МЕЖДУ СЕЛЬСКИМИ РАЙОНАМИ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ И УЗБЕКСКОЙ ССР В 1960 гг.

Павлюкевич Руслан Витальевич,

*Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия.
autocrator@yandex.ru*

В статье анализируются потоки миграционного обмена населением между сельскими поселениями Красноярского края и Узбекской ССР в целом в 1961–1969 гг. Рассматривается, как прибытие, так и выбытие населения, а также дается оценка механического роста\убыли населения в рассматриваемый период.

Ключевые слова: миграция, Средняя Азия, прибытие населения, выбытия населения, механическое движение

MIGRATION FLOWS BETWEEN RURAL AREAS OF THE KRASNOYARSK TERRITORY AND THE UZBEK SSR IN 1960

Pavlyukevich R.V.,

Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia.
autocrator@yandex.ru

The article analyses the flows of migration exchange of population between rural settlements of Krasnoyarsk Krai and Uzbek SSR as a whole in 1961-1969. Both arrival and departure of the population are considered, as well as the estimation of the mechanical growth and departure of the population in the period under consideration is given.

Keywords: migration, Central Asia, population arrivals, population departures, mechanical movement

Одним из главных факторов, влияющих на развитие внешних отношений между Российской федерацией сегодня и государствами Центральной Азии выступает миграция. Данное явление имеет неоднозначное восприятия в современном российском обществе. Для контроля и управления процессами миграционного обмена важно учитывать опыт прошлого, так как многие структуры определяющие сегодняшние траектории сложились в 1960-е гг., когда вследствие процессов интенсивной индустриальной модернизации в стране происходит интенсификация межреспубликанской миграции.

Усиления потоков миграции, во многом стали последствием многочисленных преобразований осуществляемых под руководством Н.С. Хрущева. Среди них следует выделить, как масштабные процессы промышленного строительства, так и кампания по поднятию целинных и залежных земель. Эти процессы охватывали преимущественно Восточные части СССР, в лице Сибири и Среднеазиатских республик.

В 1960-х гг. как Сибирь, так и Средняя Азия вышли на этап форсированной интенсивной урбанизации, о чем неоднократно писали исследователи по проблемам сибирской урбанизации. Сибирские молодые города привлекали возможностью начать новую жизнь. Урбанизация требовала новых горожан, источником которых выступа-

ла не только сельская местность Красноярского края, но и другие регионы СССР. Схожие процессы наблюдались и в Узбекской ССР.

Конечно же ее, следует рассматривать не как монолитное явление, но в разрезе отдельных областей. В рамках среднеазиатского экономического района она была наиболее развитой. Среди ее территорий особенно выделялся Ташкентский экономический район, включавший в себя собственно Ташкент, Ташкентская область и близкую к ним Сыр-Дарьинская область. Здесь были расположены станции Чирчик-Бозсуйского каскада, дававшие дешевую электроэнергию. В экономическом районе действовали Узбекский металлургический комбинат (с 1944 г.), работали комбанат «Узбекзолото» и Узбекский комбинат тугоплавких и жаропрочных металлов, имелись предприятия машиностроения и химии. Именно этот регион имел наиболее близкий к Красноярскому краю промышленный профиль. Так же были преимущественно сельскохозяйственные Ферганский Самарканд-Каршинский, Нижнеамударьинский (Каракалпакская АССР и Хорезмская область) и Сурхандарьинский районы. И наконец следует упомянуть Бухарскую область, где помимо аграрного сектора получило развитие добыча природного газа.

Во-первых, давайте обратим внимание, на то какую долю вообще прибытие в сельские районы и выбытие из них играло в общей структуре потоков между Красноярским краем и Узбекской ССР.

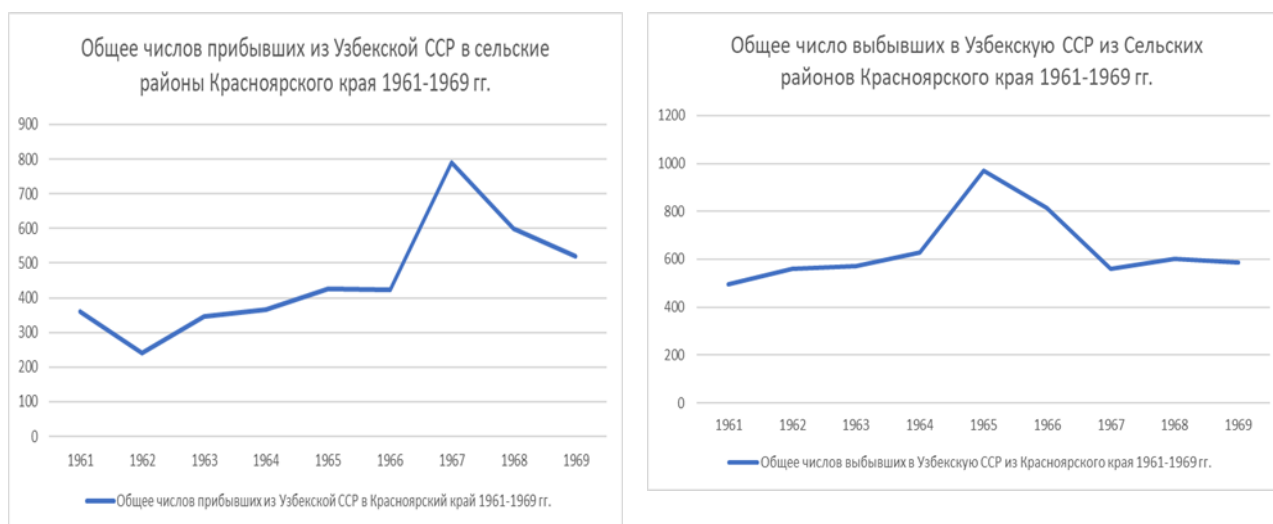

Рисунок 1

В обоих случаях данные потоки были второстепенны по сравнению с обменом городских поселений Красноярского края. Так только 33 % от всей массы прибывших в Красноярский край в период с 1961 по 1969 г. прибыли именно в его сельские районы, а доля выбывших из них незначительно, но меньше, составляя 30 % от всей массы. Эти данные не вызывают особого интереса, так как согласно классическим постулатам теории миграций, как правило на значительные перемещения в рамках переселения чаще решаются жители городов, нежели деревень. Последние скорее мигрируют в рамках территории своего родного региона.

Теперь обратим внимание на сводные данные по прибытию населения из Узбекской ССР в сельские районы Красноярского края. В целом для этих процессов характерен рост числа прибывших. Наименьшее количество приходится на 1962 г. (всего 240 человек) и пик это 1967 г. (790 человек). Значительный отток в 1967 г. был вызван знаменитым землетрясением в Ташкенте весной 1966 г., когда порядка 300 тысяч

людей были лишены крыши над головой. Но и без этого резкого всплеска тенденция на глаза. Отток был вызван и неудачами хрущевских преобразований. Основной массой переселенцев рамках обоих потоков выступали преимущественно русские. Которые ехали туда в надежде на лучшие условия и столкнувшись с неудачами или не получив желаемого они возвращались обратно.

Если анализировать поток прибывших в разрезе отдельных областей, входивших в Узбекскую ССР, то мы видим, что 54 % прибывших приходились на Ташкентский экономический район, соответственно оставшиеся 46 % разделялась на остальные. При этом 65 % приходится на городские поселения (из которых около 50% сделали жители Ташкентского экономического района).

Динамика выбытия населения из Красноярского края в Узбекскую ССР во многом зеркальна ситуации с прибытием населения. Пик приходится на 1965 г., когда вместе со сворачиванием хрущевских преобразований в ряде случаев высвобождались опытные кадры, в том числе управленцев. В свою очередь в Узбекской ССР вступают в эксплуатацию новые промышленные предприятия, что так же подстегивает потоки. И не менее ожидаемое дно показателей в 1967 г.

Чаще всего сельские жители Красноярского края переезжали в Ташкентскую область в 1965 г. Строились десять предприятий: завод «Ташсельмаш», первая очередь Ташкентского текстильного комбината, швейная фабрика «Красная заря», обувная – «Красный Октябрь». Дала ток гидроэлектростанции на реке Бозсу. Все это было мощным фактором притяжения населения. В разрезе областей прибытия мы видим, что Ташкентский экономический район забрал на себя порядка 69 % от всех прибывших в рассматриваемые годы из Красноярского края в Узбекскую ССР, и соответственно 87% из них прибывали в городские поселения региона.

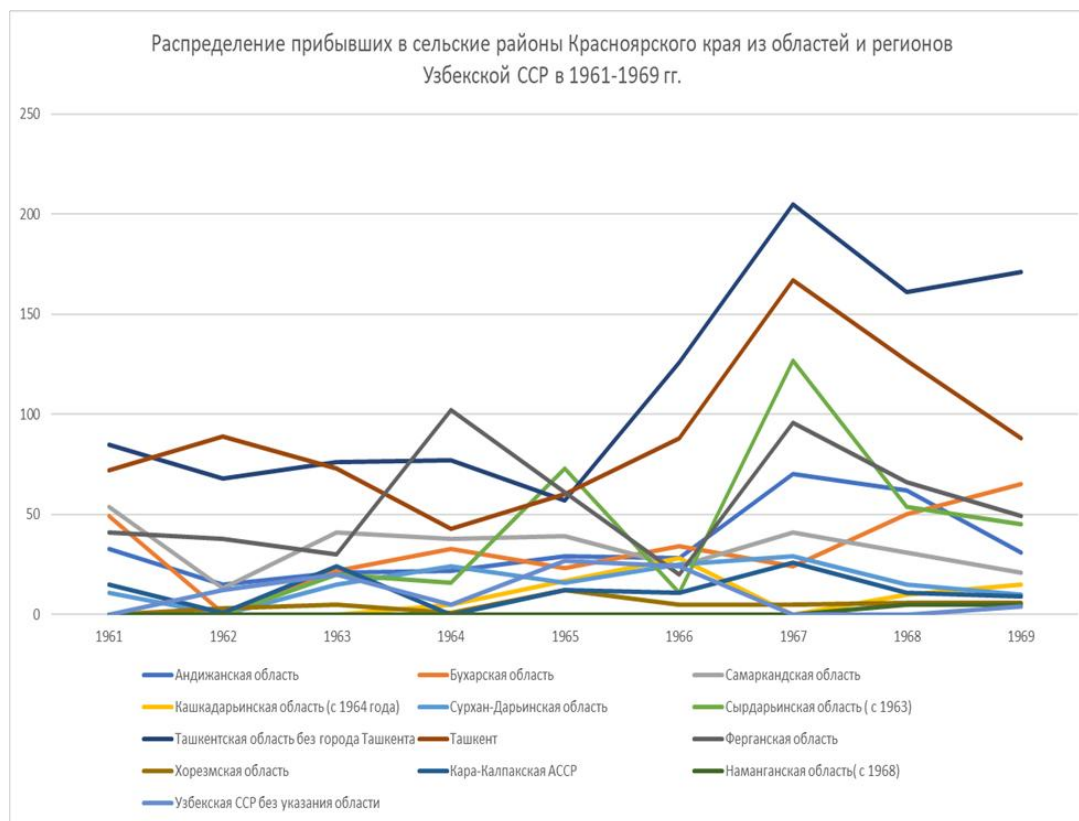

Рисунок 2

Рисунок 3

В целом между Красноярским и Узбекской ССР в рассматриваемый период наблюдался отрицательная динамика, за исключением 1967 г., и практически нулевой отток в 1968 г., вызванный во многом землетрясением в Ташкенте, о котором мы упоминали выше.

Список литературы

1. ГАКК (Государственный архив Красноярского края). Ф.Р. 1300. Оп. 1. Д. 2750.
2. ГАКК (Государственный архив Красноярского края). Ф.Р. 1300. Оп. 1. Д. 2752.
3. ГАКК (Государственный архив Красноярского края). Ф.Р. 1300. Оп. 1. Д. 2754.
4. ГАКК (Государственный архив Красноярского края). Ф.Р. 1300. Оп. 1. Д. 2755.
5. ГАКК (Государственный архив Красноярского края). Ф.Р. 1300. Оп. 1. Д. 2756.
6. ГАКК (Государственный архив Красноярского края). Ф.Р. 1300. Оп. 1. Д. 2757.
7. ГАКК (Государственный архив Красноярского края). Ф.Р. 1300. Оп. 1. Д. 2758.

РУССКИЕ ТРУДОВЫЕ МИГРАНТЫ НА АСТРАБАДСКИХ РЫБОЛОВНЫХ ПРОМЫСЛАХ ЛИАНОЗОВЫХ В ПЕРСИИ, РУБЕЖ XIX–XX вв.

*Корноухова Гадия Гизатуллаевна,
Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
kornoukhova-gg@rudn.ru*

Рассматривается вопрос привлечения русского населения на рыболовные промыслы Лианозовых российско-персидского трансграничья. Определяется количество русских переселенцев, анализируются условия их проживания на промыслах и та экономическая инфраструктура, которую создавали Лианозовы для улучшения своего дела. Также затрагивается вопрос коммуникации русских переселенцев с местными персидскими жителями.

Ключевые слова: Российско-иранские отношения, экономическая история, история российского предпринимательства, переселенческие сообщества в Персии, Астрабадский рыбный промысел

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00648, <https://rscf.ru/project/24-28-00648>.

RUSSIAN LABOR MIGRANTS IN THE LIANOSOV'S ASTRABAD FISHING INDUSTRIES IN PERSIA AT THE TURN OF XIX-XX CENTURIES

*Kornoukhova Gadilya Gizatullaevna,
RUDN University, Moscow, Russia
kornoukhova-gg@rudn.ru*

The issue of attracting the Russian population to the fishing industries of the Lianozovs of the Russian-Persian transborder is considered. The number of Russian settlers, their living conditions at the fisheries and the economic infrastructure that the Lianozovs created to improve their business, are examined. The issue of communication between Russian settlers and local Persian residents is also touched upon.

Keywords: Russian-Iranian relations, economic history, history of Russian entrepreneurship, settler communities in Persia, Astrabad fishing industry

Funding: The study is supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 24-28-00648, <https://rscf.ru/project/24-28-00648>.

Основателем российского рыболовного промысла в Персии стал купец первой гильдии Степан Мартынович Лианозов (изначально фамилия писалась через букву «о». Позднее она стала писаться через «а» – Лианозов). В 1873 г. под покровительством российской миссии в Тегеране он заключил с персидским правительством договор об аренде южного каспийского побережья [1, с. 129–130]. В скором времени предприятие наладило широкую торговлю рыбой осетровых и частиковых пород, икрой, клеями, визигой. Всего было основано пять промыслов: Астаринский, Энзелийский, Сефидрудский, Мешедисерский и Астрабадский [2, с. 162].

Свое дальнейшее развитие фирма получила при сыне С.М. Лианозова, Георгии Степановиче, управлявшего предприятием с 1894 по 1900 г. [3, л. 46].

В этот период на рыболовные промыслы рабочие прибывали в основном из Астрахани в количестве 800 чел. Чернорабочие и лодочники нанимались преимущественно из местных жителей [2, с. 162].

Русские трудовые мигранты жили на промыслах с семьями и находились в дружественных отношениях с персидскими рабочими и жителями аулов. В результате тесной коммуникации последние хорошо умели говорить по-русски, и даже, по свидетельству современника, «прекрасно ругаться, не хуже русского». На всех промыслах были больницы, в приемных покоях которых, помимо российских подданных, находилось и 30–40 иранцев. Частым было в том числе обращение персидских женщин по так называемым «женским болезням». Нередкими были случаи, когда местные жители искали заступничества у промыслового начальства, спасаясь от произвола персидских властей [2, л. 46].

После смерти Георгия Степановича дела прежнего владельца перешли к его дяде – Георгию Мартыновичу Лианозову, добившегося монополии на производство черной икры и организации ее широкой поставки за рубеж [4, с. 296]. Г.М. Лианозов получал награды и дипломы на многочисленных выставках, в том числе удостоился золотой медали на Международной рыбопромышленной выставке в Петербурге в 1902 г. [5].

В 1907 г., после смерти Г.М. Лианозова, дело перешло к его сыновьям – Мартыну, Степану и Леону. К сожалению, не сразу наследникам удалось овладеть ситуацией. На первом этапе братья решили пойти по легкому для них пути, сдавая в субаренду Астрабадский промысел фирме «Бегляров, Карапетьянц и К^о». Последние же относились к делу хищнически, не построив ни одного нового здания [3, л. 44–51а, 75 об.–76].

Драгоман В.Ф. Минорский, посетивший Астрабадские промыслы в 1908 г., докладывал в Министерство иностранных дел об их состоянии: «...я в жизни не видел такого хозяйства. Такая грязь во всех жилых помещениях <...> так скучены все служащие, что живут <...> друг на друге» [3, л. 36].

В таком крупном пункте Астрабадского промысла как залив Карасу, помещение для бондарей представляло собой небольшую камышовую избу, где на площади 12 кв. м размещалось 18 чел. Старая казарма была также «весьма неудовлетворительная», как и баня – «маленькая, грязная, вонючая и сырая» [3, л. 74].

Но в самом плачевном состоянии было помещение для чернорабочих персов «халхалов». Оно представляло собой длинный сарай из врытых вертикально в землю и обмазанных глиной палок, с земляным полом без окон и потолка. По замечанию В.Ф. Минорского, «в рациональных хозяйствах и благоустроенных экономиях сараи для скота гораздо лучше» [3, л. 74–74 об.].

Что касается экономической инфраструктуры, то она состояла из «убогих» камышовых сарайчиков, старого плота для приемки и выгрузки рыбы и «приплотка» – деревянных мостков на сваях [3, л. 74 об.].

В сложившихся обстоятельствах, при истечении срока субаренды Астрабадских вод 1 июля 1909 г., от продления контракта с торговым домом «Бр. Бегляровы, Карапетьянц и К^о» Лианозовы воздержались. Вместо этого ими были предприняты серьезные финансовые вложения в благоустройство возвращенных территорий [3, л. 72 об.].

В Карасу было решено построить главную контору, 8 больших амбаров для склада материалов и соли, 2 казармы на 250 чел. для русских рабочих с мужским,

женским и семейным отделениями, столовую с кухней, пекарню, баню, больницу с двумя палатами на 6 кроватей (женской и мужской), отделениями для аптеки, амбулатории, ванной и кладовки для больничного белья. При больнице также планировалось построить помещение для фельдшера, санитаря, прислуги и специальной кухни.

Особое внимание было уделено размещению персидских рабочих «халхалов». Для них планировалось построить новую казарму.

Что касается экономической инфраструктуры, то предусматривалось строительство большого плота для приема рыбы с «рыбосольным» отделением на 120 чанов для соли и с длинным мостом, доведенного до глубины 5 футов, что должно было обеспечивать свободное причаливание баркаса. Там же предполагалось разместить жиротопное отделение [3, л. 73, 99 об.].

10 января 1910 г. В.Ф. Минорский, согласно предписанию Первого департамента Министерства иностранных дел, вновь направился на Лианозовские промыслы [3, л. 72]. В его отчете сообщалось о значительных здесь положительных переменах. Что касается Карасу, то здесь была построена теплая и светлая казарма, рассчитанная на 125 чел., столовая и кухня с плитой на шесть котлов и кубом для горячей воды. Рядом с казармой находилась пекарня с печью, которая могла вместить сразу 80 караваев хлеба [3, л. 73 об.].

По результату осмотра В.Ф. Минорский сделал следующее заключение: «Для человека, знакомого с промыслом Карасу в прошлом году видно, какая громадная работа произведена в настоящее время для улучшения его» [3, л. 74 об.].

Постепенная реконструкция Астрабадского промысла шла и на других его участках, хоть и с меньшим размахом.

Таким образом, со времени начала существования своего рыбопромышленного предприятия, Лианозовы в Персии проделали большую работу в плане улучшения условий пребывания на промыслах российских переселенцев. При этом они четко осознавали, возложенную на них миссию – служить «мягкой силой» в деле утверждения российского присутствия в Персии. В Объяснительной записке душеприказчика Г.С. Лианозова за 1910 г. содержатся следующие строки, подтверждающие этот тезис: «Поставив себе ни одну только узкую цель промышленной эксплуатации <...> [фирма] способствовала образованию по персидскому побережью Каспия русских поселков и введения в крае русской гражданственности, и внушала местному населению уважение к русскому имени и к порядку, с которым ведется русское предприятие [3, л. 689].

В деле сближения персидского населения с русскими переселенцами за несколько десятилетий существования предприятия произошел очевидный прогресс. По воспоминаниям представителей династии, открытие промыслов в Персии происходило в очень тяжелых условиях, когда персы «не только не допускали наших служащих в свои избы для прикрытия от дождя или знойного солнца, но и не давали капли воды и крошки хлеба жаждущим и голодным нашим служащим» [3, л. 45–46]. Как было показано в исследовании, со временем коммуникативный барьер между представителями дух народов был преодолен.

Этот прогресс в межэтнических отношениях получил положительную оценку со стороны российской бюрократии. 8 августа 1912 г. консул В.И. Некрасов писал в своей секретной депеше: «Для фирмы, с точки зрения местного элемента, важно продолжать то гуманное отношение к персам рабочим, которое практикуется сейчас и которое делает фирму весьма популярной среди трудящегося бедного люда [3, л. 408–408 об.].

Список литературы

1. Павлова И.К. Как астраханский купец Степан Лионозов рыбопромышленником Персии стал (из истории русско-персидских связей в XIX в.) // Россия и Восток. К 300-летию СПбГУ: материалы XXXII Международного конгресса по источниковедению и историографии стран Азии и Африки. Санкт-Петербург, 2023.
2. Шавров Н. Судходство и торговля в южной части Каспия. СПб., 1912.
3. Архив внешней политики Российской империи. Ф. 144. Оп. 489. Д. 489.
4. Марисова Н.Д. Принципы музейной педагогики в презентационной деятельности по возрождению памяти о семье российских предпринимателей Лионозовых (Лианосян, Лианозовых, Lianozoff) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2014. № 2.
5. Демиденко Ю. Лианозовы – армянские олигархи Российской империи // Дилетант. 6.10.2023. URL: <https://diletant.media/articles/45365706/?ysclid=lobute5n404863147> (дата обращения: 29.10.20213).

СОВРЕМЕННАЯ ЭМИГРАЦИЯ ИЗ РОССИИ И ФОРМИРОВАНИЕ РУССКОГОВОРЯЩИХ СООБЩЕСТВ ЗА РУБЕЖОМ

Нор Кристина Евгеньевна,

*Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
tgp_law@mail.ru*

В работе автором рассматривается современная эмиграция из России и формирование русскоговорящих сообществ за рубежом, проводится анализ статистических данных об эмиграции из России. Анализируются тенденции, особенности жизнедеятельности таких сообществ, а также государственная политика Российской Федерации в области социально-экономической поддержки русскоговорящего населения.

Ключевые слова: эмиграция, русскоговорящие сообщества, географическое распределение, факторы формирования, численность, перспективы развития, ресурсы

MODERN EMIGRATION FROM RUSSIA AND THE FORMATION OF RUSSIAN-SPEAKING COMMUNITIES ABROAD

Nor Kristina Evgenievna,

*Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia
tgp_law@mail.ru*

The second paper examines modern emigration from Russia and the formation of Russian-speaking communities abroad, analyzes statistical data on emigration from Russia. The trends and features of the life of such communities are analyzed, as well as the state policy of the Russian Federation in the field of socio-economic support for the Russian-speaking population.

Keywords: emigration, Russian-speaking communities, geographical distribution, factors of formation, population, development prospects, resources

Стоит начать с того, что же такое эмиграция и в чем ее недостатки и перспективы для любого государства. И так, эмиграция является процессом выезда граждан из одной страны в другую по экономическим, политическим, личным и иным обстоятельствам. Рассмотрим сначала перспективы для государства в следствии эмиграции. Во-первых, это возможность привлечения иностранных инвестиций и технологий, благодаря притоку эмигрантов с высшим уровнем образования, с хорошими профессиональными навыками. Во-вторых, благодаря эмиграции в России граждан из иностранных государств происходит развитие новых отраслей и предприятий, что стимулирует первоначально экономический рост. Наконец, повышение международного престижа страны на мировой арене. Однако не смотря на положительность эмиграции существует ряд ее недостатков, оказывающих не малое внимание на развитие нашего государства.

Можно выделить первую проблему, такую как, отток квалифицированных специалистов из России в зарубежные государства, хоть в наше государство и приезжают иностранные специалисты, баланса квалифицированных кадров в стране нет, так как многим работникам не нравятся условия труда. Данная проблема порождает и другую

проблему: снижение налоговых поступлений, что ограничивает возможность государства инвестировать и развивать инфраструктуру [1, с. 501].

Также из-за оттока квалифицированных кадров из России в другие страны прекращается рост инновационных проектов, замедляется внедрение новых технологий в производство.

Существует риск, что крупные потенциальные инвесторы не захотят вкладывать свои денежные средства в развитие нашего государства, поскольку им может показаться, что Россия не является высокотехнологичным и развитым местом для их вложений. Все эти недостатки эмиграции могут привести к упаду экономики страны, а также к политическим проблемам внутри государства [2, с. 749].

В настоящее время современная эмиграция из России делится на три волны, и каждая из них характеризуется факторами, влияющими на решение граждан покинуть страну.

Первой волной признано считать период после распада СССР, она произошла в связи с экономическими трудностями и нестабильностью в стране. Вторая волна пришлась на начало 2000-х годов, обусловлена она тем, что экономика начала расти и появилась возможность обучаться лицам с российским гражданством за рубежом. И третья волна началась в начале 2010-х годах, она связана с политическими и социальными изменениями в стране. Однако можно выделить и четвертую волну, современную эмиграцию с 2019 года, она обусловлена тем, что в России стало меньше рабочих мест, ужесточились санкции, повысилось налогообложение, уровень образования не соответствует ожиданиям молодых людей, а также политическая обстановка в стране влияет на решение граждан покинуть Россию [3, с. 130].

Конечно, социально-демографическая структура эмиграционных потоков включает достаточно различные возрастные группы, профессии, уровень образования и семейное положение. Можно выделить наиболее частную возрастную группу, эмигрирующую из России – молодые люди в возрасте от 20 до 35 лет, которые имеют высшее образование, хорошие навыки в технологической сфере, бизнесе и науке.

Так, по свежим данным предоставленным Росстатом, в 2023 г. наблюдается сокращение числа как прибывших из зарубежных стран в Россию – с 730,3 тыс. до 560,4 тыс., так и уехавших за границу – с 668,4 тыс. до 450,4 тыс. Однако данные показатели не являются положительными, поскольку сокращение объема эмигрантов в полтора раза является показателем спада волны релокантов, которые активно покидают страну после начала СВО. Больше количество уехавших граждан проживает в Турции – около 150 тыс. человек, в странах ЕС документы оформили – около 112 тыс. человек, и на третьем месте страной по полярности стал Израиль, в нем обосновалось – около 53 тыс. российских граждан [4].

Таким образом, формирование русскоговорящих сообществ за рубежом происходит за счет следующих факторов [5, с. 13]:

1. Распад СССР.
2. Другие эмиграционные волны, которые также сформировали русскоговорящие общины на территориях зарубежных стран.
3. Политические причины.
4. Образовательные причины, поскольку образование за рубежом стало более доступным и интересным для граждан РФ, благодаря развитию дистанционных и онлайн-курсов, в том числе появились филиалы иностранных университетов в разных странах мира.
5. Прирост населения за счет рождаемости.

6. Культурные и семейные причины, так как в настоящее время многие молодые люди переезжают в другие государства за своими супругами или для того, чтобы дать своим детям возможность обучаться в иностранных вузах.

Нельзя не выделить следующие положительные последствия формирования русскоговорящих сообществ за рубежом:

- сохранение и развитие русского языка в зарубежных странах, что способствует в свою очередь поддерживать культурное наследие страны;
- благодаря русскоговорящим сообществам развиваются международные связи, так в России появляются инвесторы, юридические организации открытые иностранцами с их богатым опытом владения бизнесом, появляются онлайн-курсы на территории РФ, которые ведут наши соотечественники и рассказывают про культуру других государств, дают советы по обеспечению жизни за рубежом, помогают с адаптацией и поиском работы;
- укрепляются культурные, деловые отношения между Россией и зарубежными странами.

Следовательно, формирование русскоговорящих сообществ за рубежом является естественным процессом за счет эмиграции граждан из России. Данные сообщества играют важную роль в сохранении, развитии русского языка и культуры.

Стоит также отметить, что государство старается поддерживать русскоговорящие сообщества разными политическими проектами, например один из них: 57 Государственная программа Российской Федерации «Поддержка и продвижение русского языка за рубежом», включенная в Федеральный закон «О федеральном бюджете на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов» от 27.11.2023 № 540-ФЗ (последняя редакция) [6]. Суть данной программы заключается в стратегическом планировании и реализации мер, направленных на поддержку и продвижение русского языка в зарубежных странах. Можно выделить следующие приоритетные направления государственной политики:

- усиление роли Российской Федерации на мировой арене;
- распространение и укрепление позиций русского языка как международного языка для общения;
- продвижение инновационных достижений, культуры, и открытий в области науки и образования.

Государственная программа Российской Федерации «Поддержка и продвижение русского языка за рубежом» состоит из пяти ключевых направлений: культурно-гуманитарная сфера, образование и наука, информационная сфера, международно-политическая сфера, экспертно-аналитическое сопровождение программы. В рамках вышеперечисленных направлений реализуются множественные мероприятия, проекты, бизнес-конференции, которые способствуют продвижению русского языка за рубежом.

Подводя итог рассматриваемой темы, важно отметить, что как бы много не было недостатков эмиграции, положительные показатели все же оказывают значительное влияние на формирование русскоговорящих сообществ за рубежом. Современная эмиграция из России приносит хорошие плоды для развития нашей страны во многих ее сферах, поэтому чем больше русскоговорящих сообществ будет создаваться и укрепляться в разных зарубежных странах, тем лучше будет становиться Россия в культуре, политике, экономике и в международных связях.

Список литературы

1. Ионцев В.А., Рязанцев С.В., Ионцева С.В. Новые тенденции и формы эмиграции из России // Социологические науки. 2020. Т. 12, вып. 2. С. 499–509.
2. Шуджаи А. Воздействие социального фактора на эмиграцию // Молодой ученый. 2020. № 3 (62). С. 748–751.
3. Рязанцев С.В. «Русскоязычная» экономика как механизм интеграции русскоговорящих мигрантов в принимающих странах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2021. Т. 25, № 1. С. 122–136.
4. Официальный сайт «РитмЕвразии». URL: <https://www.ritm Eurasia.ru> (дата обращения: 02.10.2024).
5. Современная эмиграция из России и формирование русскоговорящих сообществ за рубежом / С. Рязанцев [и др.] // Мировая экономика и международные отношения. – 2021. – Т. 62, № 6. – С. 1–15.
6. О федеральном бюджете на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов: федер. закон от 27.11.2023 № 540-ФЗ (последняя редакция) // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 02.10.2024).

МУХАДЖИРСТВО КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ АБХАЗИЯ

*Курбанов Назар Исламович,
МГИМО МИД России, Москва
nazar.kurbanov2001@yandex.ru
Тихонов Никита Дмитриевич,
МГИМО МИД России, Москва
niktikh0305@gmail.com*

В данной статье рассматриваются последствия процесса мухаджирства середины XIX века для внешней политики Республики Абхазия. Авторы делают акцент на мухаджирстве как на предпосылке формирования особого географического мифа о тесном соседстве Турции и Абхазии при противоречии этого нарратива физической географии. Делается вывод о наличии как укрепляющих, так и разрушающих данное представление факторов.

Ключевые слова: мухаджирство, Абхазия, Турция, миграция, критическая геополитика

Публикация подготовлена при поддержке МГИМО МИД России в рамках XIV конкурса молодых ученых МГИМО «Новое пространство международного сотрудничества».

MUHAJIRDOM AS THE FACTOR OF THE REPUBLIC OF ABKHAZIA FOREIGN POLICY FORMATION

*Kurbanov Nazar Islamovich,
MGIMO University, Moscow
nazar.kurbanov2001@yandex.ru
Tikhonov Nikita Dmitrievich,
MGIMO University, Moscow
niktikh0305@gmail.com*

This article examines the implications of the mid-19th century muhajir process for the foreign policy of the Republic of Abkhazia. The authors focus on the Muhajirs as a prerequisite for the formation of a particular geographical myth about the close neighbourhood of Turkey and Abkhazia, while contradicting this narrative with physical geography. The authors conclude that there are factors both reinforcing and destroying this narrative.

Keywords: muhajirism, Abkhazia, Turkey, migration, critical geopolitics

Мухаджирство (или же махаджирство) – устоявшийся в историографии термин, обозначающий переселение мусульманского населения Северного Кавказа перед окончанием Кавказской войны и некоторое время после нее в Османскую империю во многом в результате целенаправленной политики Российской империи. Среди переселившихся народов были и абхазы, причем большая часть этноса до сих пор прожи-

вает в Турции – их численность колеблется от 200 тыс. до более чем 700 тыс. человек [1], в то время как в самой Абхазии титульная нация на конец 2023 г. составляет всего 125,7 тыс. человек [2]. Турецкая диаспора исповедует ислам суннитского толка, в то время как более 60% населения Абхазии являются православными христианами.

Другая «ветвь» абхазского народа более чем через век смогла добиться создания тогда еще никем не признанного, но независимого государства «Республика Абхазия» на Кавказе. В то же время соседи Абхазии (Грузия и Россия) поддерживали санкции, наложенные СНГ на эту непризнанную республику, в результате чего изоляция Абхазии имела не только политический [3, р. 85], но и географический характер. Абхазские эксперты напрямую называют сложившееся тогда положение вещей «блокадой» и обвиняют в этом «ельцинский режим» [1].

При этом внешняя политика зачастую отличается от таковой у «обычного» государства в силу вытеснения существующей системой международных отношений де-факто политий в область «аномалий» [4, с. 11]. В данной статье исследуется, как переселенческие процессы середины XIX века повлияли на внешнюю политику абхазского де-факто государства, созданного в 90-х гг. прошлого века.

Методология данного исследования опирается на рамку критической геополитики Джеройда О Тоала и Джона Эгню. В рамках данного ответвления предлагается при анализе географии обращаться не только к сугубо материальным характеристикам, но также географическому воображению и миру идей [5, 2015, с. 28–29]. Для этого предлагается уделять внимание также социальному конструированию пространства и связанным с ним «риторическим инфраструктурам». В результате данное ответвление геополитики рассматривает не только влияние физической географии на политику, но и создание нарративов относительно географии и политики (“earth writing”) [6, р. 109], которые, к тому же, могут сохранять свое влияние на общественное мнение даже если вступает в противоречие с «физической» географией [7, р. 191]. Критическая геополитика позволяет учитывать чисто социальный фактор абхазской диаспоры в Турции при формировании представления Анкары о возможных партнерах в Кавказском регионе, а также восприятие Абхазией Турции как своего «южного соседа», обусловленное историческим опытом соприкосновения культур и переселения абхазов в Османскую империю, при фактическом отсутствии у них сухопутной или даже морской границы и кардинальном изменении за время с середины XIX в. геополитической обстановки в регионе.

В первую очередь необходимо рассмотреть особенности формирования и эволюции такого «географического нарратива» о соседстве Турции и Абхазии. Во-первых, обе страны объединены общей историей и тем фактом, что именно Турция являлась инициатором принятия на своей территории большого числа выходцев с Северного Кавказа. Абхазские и турецкие историки объясняют это тем, что Турция таким образом старалась преодолеть тяжелый демографический кризис второй половины XIX в., вызванный двухвековой борьбой с народами Балканского полуострова и Аравии – каждый год в бесконечных стычках погибало до 100 тыс. человек [8, с. 25–26]. Сам факт принятия Турцией большого числа выходцев с Северного Кавказа сформировало образ этого государства как «идеальной страны ислама», где нет места притеснению, что всячески поддерживалось различными эмиссарами султана и агитаторами. Несмотря на то, что реальность оказалась полной противоположностью (переселенцев просто бросили на произвол судьбы, многие из них умерли от голода и болезней на чужбине [8, с. 30–31]), заложенный в результате мухаджиртства миф до

сих пор существует, что само собой располагает к налаживанию отношений между Абхазией и Турцией.

Во-вторых, сохранение вышеупомянутого мифа и после окончания активной фазы переселения адыго-абхазских народов в Османскую империю может объясняться формированием достаточно сильной абхазской диаспоры. так как в Турцию были переселены сотни тысяч людей из Северного Кавказа целом и из Абхазии в частности. Многие из них, не являясь этническими турками, сыграли весьма значимую роль в становлении и укреплении турецкого государства. Например, соратник Мустафы Кемаля Ататюрка Хусейн Рауф Орбай, абхаз по национальности, в 1922-1923 гг. занимал пост премьер-министра Турции. В результате, и в наши дни некоторые абхазские эксперты оптимистично предсказывают формирование в этой стране турецко-абхазской [1] (во всяком случае, турецко-северокавказской) элиты, которая в силу своего происхождения будет ориентирована на всестороннее сближение со своей исторической родиной.

В-третьих, распад СССР знаменовал собой новый этап, который резко усложнил отношения с диаспорой, хотя, на первый взгляд, должен был объединить разделенные народы. С одной стороны, полностью поменялись «правила игры» в региональной подсистеме международных отношений. На наш взгляд, наиболее отчетливо и красноречиво такую ситуацию продемонстрировал японский исследователь Эйджи Миядзава, который в течение нескольких лет проводил полевое исследование северокавказской (он называет ее черкесской) общины в рамках отдельно взятого района – плато Узуньяла (Uzunyala) у города Кайсери, что в Центральной Анатолии. В это сообщество входили кабардинцы, адыги, абхазы, карачаевцы и другие народы. Выяснилось, что черкесы за 150 лет своего изгнания сформировали собственный миф и жесткую, фактически кастовую иерархию, которая включала знатных людей (кто сумел сохранить хотя бы часть истории своей семьи), «обычных» людей и «потомков рабов», которые потеряли связь с исторической родиной. Этот миф оказался настолько силен, что продержался вплоть до XXI в. и выражался в том, что «потомки рабов» не могли сидеть рядом со знатью и присутствовать на публичных мероприятиях в качестве гостей, не могли говорить в присутствии знати и уж тем более не имели права рассказывать свое видение истории [9, р. 93–97]. Вместе с этим мифом, как отмечают абхазские эксперты, был сформирован еще один миф о «блестящей Абхазии», где живут блестящие люди, которые говорят на чистом абхазском языке.

Как отмечает Э. Миядзава, после распада СССР и открытия границ и представители знати, и «потомки рабов» получили возможность восстановить связь с исторической родиной, а заодно со своими дальними родственниками. Выяснилось, что часть знати сама является «потомками рабов» (!), а те, кого раньше записали в эту категорию, смогли «реабилитировать» свой социальный статус (иногда даже весьма знатный) [9, р. 97–101]. В это же время рухнул нарратив о «блестящей Абхазии», что в совокупности с тяготами блокады 1990-х гг. способствовало крайнему разочарованию репатриантов в этой непризнанной республике [1]. Все это в совокупности резко обострило как отношения внутри диаспоры, так и с исторической родиной, в том числе с Абхазией.

Тем не менее, полностью деконструировать укоренившийся за почти 100 лет изгнания нарратив о важной роли абхазско-турецких отношений не удалось ни в Сухуме, ни в Анкаре. Любопытно, что во время грузино-абхазской войны 1992–1993 гг., паромное сообщение (по крайней мере, на бумаге) по-прежнему функционировало, что усиливало ощущение близости «турецкого берега». В настоящее время между

Абхазией и Турцией возобновлено паромное сообщение, прерванное в 1996 г.: из Сухума можно добраться до турецкого порта Унье. Как отмечают абхазские эксперты, никогда не прекращались поставки из Абхазии в Турцию лома цветных металлов, древесины и угля [1]. Также до 1996 г. граждане Абхазии могли въезжать на территорию Турции по советским паспортам, что привело к формированию челночной торговли: абхазы (в основном женщины) закупали товары в Турции, затем перевозили их через Абхазию в южные регионы России на продажу, что не только приносило доход, но и наладило прямые торговые поставки из Турции в республику. Это было критично важно в условиях наложенных на Сухум санкций СНГ.

Однако, несмотря на весьма серьезные факторы, располагающие к углублению сотрудничества между Турцией и Абхазией есть целый ряд негативных факторов, которые в перспективе нескольких десятилетий могут деконструировать сформированный в результате мухаджирства геопропространственный нарратив.

Во-первых, турецкое правительство на фоне «курдского вопроса» настороженно относится к любым проявлениям национализма, даже в невинных его формах, как поддержка культуры, традиций и обычаев других народов. Так, только в 2002–2004 гг. в Турции были приняты законы, разрешающие при многочисленных оговорках вещание на языках национальных меньшинств и обучение на них. Однако размытость формулировок законов, гибкость их толкования и прямые ограничения фактически сводят культурную жизнь национальных меньшинств к минимуму. Например, вещание на национальном языке может осуществляться не более 1 ч в день, пять дней в неделю по радио и не более 45 мин в день, пять дней в неделю на телевидении, причем северокавказская община вообще не признается национальным меньшинством [10, с. 69–70]. Такая ситуация резко снижает возможности по использованию связей абхазской диаспоры с правительством Турции, так как любая подозрительная с точки зрения турецкой стороны активность на этом направлении может повлечь соответствующие санкции.

Во-вторых, сами абхазы в Турции расколоты между собой и входят в состав более представительной северокавказской диаспоры, которая состоит из выходцев из Чечни, Дагестана, Республик Адыгея, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкессия и даже Грузии. Уже сам этот факт не позволяет фокусироваться конкретно на вопросах абхазо-турецких отношений, фокус смещается в сторону российских сообществ – даже абхазские эксперты выделяют адыгскую общину как наиболее влиятельную в Турции [1]. Вместе с этим в Турции сформирована грузинская мусульманская диаспора, которая не только имеет прочные связи с Грузией, но и обладает достаточным влиянием и авторитетом, чтобы удерживать турецкое правительство от мер по налаживанию отношений с Абхазией [1].

Таким образом, несмотря на наличие очевидных позитивных факторов сближения между Турцией и Абхазией (совместное историческое прошлое, позитивная роль мухаджиров в турецкой истории, положительный опыт взаимодействия в 1990-х гг.), укреплению отношений Сухума и Анкары противостоят не менее серьезные факторы, а именно следующие: расколотость северокавказской общины, которая разделена не только по национальному признаку, но и по клановому, наличие набирающей силу грузинской диаспоры, а также негативное отношение турецких властей к активности национальных меньшинств на своей территории.

Список литературы

1. Вячеслав Чирикба. Избранные статьи и интервью // Абхазская интернет-библиотека. URL: http://apsnyteka.org/727-chirikba_v_izbrannye_statji_i_interviu_politologia.html#2 (дата обращения: 10.10.2024).

2. Интервью заместителя Министра иностранных дел Российской Федерации М.Ю.Галузина МИА «Россия сегодня», 12 июля 2024 года // МИД России. [Электронный источник]. URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/ab/1961668> (дата обращения: 10.10.2024).
3. Frear T. The foreign policy options of a small unrecognised state: the case of Abkhazia // *Caucasus Survey*. April 2014. Vol. 1, № 2. P. 83–107.
4. Броерс Л. Политическое происхождение де-факто государств: в поисках объяснительных моделей // *Международная аналитика*. 2022. № 13 (4). С. 11–18.
5. Окунев И.Ю. Методологический синтез в современной геополитике: на встречу неоклассической (посткритической) геополитике // *Политическая наука*. 2015. № 2. С. 26–38.
6. Tuathail Gearóid Ó. Understanding critical geopolitics: Geopolitics and risk society // *Journal of Strategic Studies*. 1999. Vol. 22:2, № 3. P. 107–124.
7. Tuathail G. Ó., Agnew J. Geopolitics and discourse: practical geopolitical reasoning in American foreign policy // *Political geography*. 1992. Vol. 11, No. 2. P. 190–204.
8. Бадерхан Ф. Северокавказская диаспора в Турции, Сирии и Иордании (вторая половина XIX – первая половина XX века). М.: Ин-т востоковедения РАН, 2001. 120 с.
9. Miyazawa E. Some Consequences of the Re-encouter with the “Homeland” on the Production of Local Knowledge: A Case of Circassians in Turkey // *The North Caucasus: histories, diasporas and current challenges : proceedings of the Sukhum conference "Towards a new generation of scholarship on the Caucasus"*. 2009, Kaf-Dav. P. 91–105.
10. Аватков В.А., Павлова А.И. Особенности межкультурной коммуникации в республике Турция // *Концепт: философия, религия, культура*. 2017. № 1. С. 65–75.

БЕЛОРУСЫ В ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ И РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Лойко Александр Иванович,

*Белорусский национальный технический университет, Минск, Беларусь
loiko@bntu.by*

Исследовано участие уроженцев Беларуси в переселенческом обществе Восточной Сибири и Дальнего Востока. Основной причиной массового переселения белорусов в регионы Сибири и Дальнего Востока стала бедность и открывшаяся в начале XX века реформой Столыпина перспектива получить земельный надел. Вторая волна переселения белорусов в Сибирь была связана с индустриализацией.

Ключевые слова: белорусы, Сибирь, Дальний Восток, переселенческое общество, экономические реформы, индустриализация

BELARUSIANS IN THE SETTLEMENT SOCIETY OF EASTERN SIBERIA AND THE RUSSIAN FAR EAST

Loiko Alexander Ivanovich,

*Belarusian National Technical University, Minsk, Belarus
loiko@bntu.by*

The participation of natives of Belarus in the resettlement society of Eastern Siberia and the Far East was studied. The main reason for the mass resettlement of Belarusians to the regions of Siberia and the Far East was poverty and the prospect of receiving a land plot, which opened up at the beginning of the 20th century with the Stolypin reform. The second wave of resettlement of Belarusians to Siberia was associated with industrialization.

Keywords: Belarusians, Siberia, Far East, settler society, economic reforms, industrialization

На планете есть территории, в пространстве которых преобладают переселенческие общества. Для этих обществ характерна высокая мобильность и влияние климатических факторов. Эти факторы обусловили конкретные типы хозяйственной деятельности, для которых характерны миграции (оленоводство и коневодство). Зависимость от миграции создала феномен кочевых цивилизаций. Сибирь по ряду параметров подходила для этого типа цивилизаций. Для археологии проблема заключается в том, что эти цивилизации не имели постоянной инфраструктуры городских укреплений, поэтому долгое время они не изучались.

Для кочевых цивилизаций не характерна высокая плотность населения. Именно в состоянии малой плотности местного населения находилась Сибирь к моменту прихода на ее территорию отрядов казаков. Обосновавшись в Сибири, казаки создали расширенную демографическую основу региона. Ее признаком стали остроги и городские поселения. Оседлому образу жизни способствовало земледелие. Климат позволял заниматься растениеводством, пастбищным животноводством и свиноводством.

Белорусы познакомились с Сибирью в 17 веке, поскольку находились в составе отрядов казаков. В основном это были белорусы православного вероисповедания. Они с семьями бежали в Московское государство, опасаясь преследований от представителей западной ветви христианства.

Поскольку в XVII в. шли затяжные войны между Московским государством и Великим Княжеством Литовским и Королевством Польским, в состав которых входила территория Беларуси, то плененные военные белорусского происхождения католического вероисповедания этапировались в Восточную Сибирь [1]. По дороге некоторые из них вели записи о местном населении, особенностях его быта и хозяйственной деятельности. По возвращении в Беларусь они издавали эти записи в местных типографиях [2].

Численность белорусов в переселенческом обществе Сибири и Дальнего Востока Российской империи выросла в 19 столетии, когда по итогам подавления вооруженных восстаний на территории Беларуси на восток в ссылку отправлялись белорусы католического вероисповедания за участие и поддержку вооруженного сопротивления, целью которого было восстановление государственности Великого Княжества Литовского и Королевства Польского. Это были люди разных сословий, в том числе люди с высшим образованием. Время ссылки они посвятили изучению географии и геологии Сибири [3].

Реформы Столыпина дали импульс к массовому переселению белорусов в Сибирь и на Дальний Восток [4]. Крестьяне надеялись получить земельные наделы и заняться хозяйственной деятельностью [5]. Из трех миллионов крестьян, переселившихся в восточные регионы Российской империи, половина приходилась на белорусских крестьян [6]. Учеными Российской Федерации проведены этнографические исследования территорий Сибири и Дальнего Востока со значительной долей компактного расселения этнических белорусов. По итогам исследований издан фундаментальный труд под названием «Белорусы в Сибири: сохранение и трансформации этнической культуры» [7].

В рамках этнографических исследований изучались особенности адаптации, жизни, численности этнических белорусов в регионах Западной и Восточной Сибири, а также Приморья. Обнаружено, что большая часть этнических белорусов ассимилировалась и стала частью местного населения с характерными для него особенностями языка и хозяйственной деятельности. Этнические белорусы в сельской местности сохранили этнографические особенности жизнедеятельности [8]. Они стали предметом изучения.

Описаны особенности поселений этнических белорусов в тайге [9]. Выявлено стремление этнических белорусов сохранять подобие родной деревни [10]. Одним из объектов исследования стало село Андрюшино в Восточной Сибири [11]. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. в Иркутской области проживает 7929 белорусов. В Иркутске действует региональная общественная организация Иркутское товарищество белорусской культуры имени Яна Черского [12]. Одним из объектов изучения стали бабушкины песни [13]. Предметом изучения стали самоходы. Это этнические белорусы, которые пешком путешествовали в Сибирь [14]. Часть из них обосновалась на Тюменском Севере [15]. Другая часть двинулась дальше в Прибайкалье [16]. Еще одна часть этнических белорусов последовала в Приморье.

В советский период истории индустриализация Сибири привлекла этнических белорусов комсомольскими лозунгами ударныхстроек и освоения земель под сельское хозяйство, высокими заработными платами для нефтяников.

Таким образом, белорусы стали участниками переселенческого общества Сибири. Они интегрировались в это общество и сохранили этнические особенности народной культуры.

Список литературы

1. Полевой Б.П. Забытый источник сведений по этнографии Сибири XVII в. О сочинении Адама Каменского-Длужика // Советская этнография. 1965. № 5. С. 122–129.
2. Сеницкий Л. Документ особого милосердия божьего // Советская этнография. 1972. № 1. С. 32–38.
3. Лойко А.И. Изучение духовной культуры народов ханты и манси уроженцами Беларуси // Динамика и константа в югорском языковом сознании. Ханты-Мансийск, 2019. С. 165–181.
4. Багашев А.Н., Федоров Р.Ю. Особенности этнокультурной идентичности белорусских переселенцев в Западной Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. № 3. С. 124–129.
5. Лобачевская О.А., Федоров Р.Ю. «Свеча» в Сибири: этнографический и культурно-антропологический аспекты бытования обряда у белорусских переселенцев // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 1. С. 72–82.
6. Фетисова Л.Е. Белорусы в Приморье // Многонациональное Приморье: история и современность. Владивосток, 1999. С. 34–37.
7. Белорусы в Сибири: сохранение и трансформации этнической культуры. Новосибирск, 2011. 424 с.
8. Белорусы в Сибири: в 2 т.: историко-культурологический литературно-художественный альманах / сост. Ю.П. Перминов, Р.Ю. Федоров; Общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска». Тобольск, 2019. 621 с.
9. URL: <https://hab.aif.ru/culture/1478004> (дата обращения: 23.04.2024).
10. URL: <http://rg.ru/2016/04/06/vyhodcy-iz-belorussii-vossozdali-v-tajge-ugolok-svoej-maloj-rodiny.html> (дата обращения: 23.04.2024).
11. URL: <http://news.tut.by/society/480330.html> (дата обращения: 23.04.2024).
12. URL: http://irkipedia.ru/content/belorusy_pereselenie_v_sibir (дата обращения: 23.04.2024).
13. URL: <http://vikulovo72.ru/news/160853.html> (дата обращения: 23.04.2024).
14. URL: <http://www.sb.by/kultura/article/v-gostyakh-u-potomkov-samokhodov.html> (дата обращения: 23.04.2024).
15. URL: <http://tumentoday.ru/2011/11/18/большой-творческий-путь> (дата обращения: 23.04.2024).
16. URL: <http://www.pribaikal.ru/byelorussian-images/gallery/0/137.html> (дата обращения: 23.04.2024).

ТАДЖИКСКИЕ МИГРАНТЫ В РЕГИОНЕ ПРИАНГАРЬЯ В 1990-е – 2015 гг.

*Урожаева Татьяна Петровна,
Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия
olgoy@ya.ru*

В статье проведен анализ деятельности таджикской общины в 1990-е – 2010-е гг., активности лидеров, созданных структур, контролирующих потоки трудовых мигрантов из Таджикистана, вербующих потенциальных мигрантов в регионах исхода, оказывающих помощь переселенцам в решении социальных проблем в регионе Приангарья (поиск жилья, работы, оформление регистрации и разрешения на работу, денежные трансферты на родину). Регулярно на протяжении длительного периода времени граждане Таджикистана прибывали в область на автобусах по маршруту Иркутск – Барнаул – Худжанд.

Ключевые слова: этнические мигранты, таджикская диаспора, трудовая миграция, УФМС по Иркутской области

TAJIK MIGRANTS IN THE ANGARA REGION In the 1990s – 2015

*Urozhaeva Tatyana Petrovna,
Irkutsk State University, Irkutsk, Russia
olgoy@ya.ru*

The article analyzes the activities of the Tajik community in the 1990s - 2010s, the activity of leaders, established structures that control the flows of migrant workers from Tajikistan, recruiting potential migrants in the regions of exodus, assisting migrants in solving social problems in the Angara region (search for housing, work, registration and work permits jobs, money transfers to the homeland). Tajik citizens have been arriving in the region on buses on the Irkutsk route regularly for a long period of time–Barnaul–Khujand.

Keywords: ethnic migrants; Tajik diaspora; labor migration; Federal Migration Service of the Irkutsk region

В 1990-х гг. постсоветские миграции носили вынужденный характер перемещений населения на постоянное место жительства, спровоцированный осложнением социальных ситуаций и межэтнических отношений в ряде стран СНГ и регионах РФ. В начале 2000-х гг. на смену пришла временная пространственная мобильность населения, основную долю в которой составила трудовая миграция. РФ стала главным центром притяжения трудовых мигрантов из стран Ближнего Зарубежья [1, с. 2].

Если за весь 1997 г. сотрудниками управления МВД г. Иркутска было изъято 1,2 кг наркотиков, то в январе 1998 г. – уже 8 кг. Из Таджикистана в область поступали сотни килограммов разных наркотиков [2, с. 3].

В 1993 г. в Иркутской области повсеместно были созданы группы по борьбе с незаконным оборотом наркотиков. Основными поставщиками наркотиков по области были цыгане и таджики [3, с. 4]. Резко возрос поток наркотиков из Таджикистана и Туркмении. Средством переправы стал поезд «Ташкент – Иркутск» [4, с. 1].

По инициативе работников УФМС с января 1999 г. в области было закрыто 26 гостиниц, администрация которых грубо игнорировала паспортно-визовые правила. Они обычно оказывались в центре незаконного оборота наркотиков, изготовления и сбыта поддельного спиртного, других уголовных сюжетов [5, с. 3].

По оперативным данным ВС УВДТ, на территории Иркутской области действовало свыше 30 преступных группировок, связанных с поставкой и торговлей наркотиков. Создавались они, как правило, на этнической основе: цыганские, азербайджанские, таджикские. Каждая контролировала свою зону: гг. Иркутск, Ангарск, Братск, Тайшет и Тулун [6, с. 3].

В октябре 1999 г. губернатор *Б. Говорин* на административном комитете потребовал усилить контроль за проживанием в регионе зарубежных граждан. Всех, кто проживал незаконно, необходимо было, по его мнению, выдворять [7, с. 4].

Таджики обычно нанимались рабочими-строителями. Работодатели в этом случае были обязаны их зарегистрировать [8, с. 2].

В августе 2000 г. в Иркутской области начал свою работу межрегиональный торговый представитель Республики Таджикистан *М. Маликшоев*. В начале 1990-х гг. организовал торгово-закупочную и производственную фирму. Работал в Москве и Иркутске.

Жители Прибайкалья не хуже меня знают, что на берегах Ангары в последние годы образовалась достаточно обширная таджикская диаспора. По подсчетам она составила к 2000 г. около 12 тыс. чел., которые образовали и зарегистрировали в органах юстиции Иркутскую областную общественную организацию «Таджикское национально-культурное общество «Самониды» [9, с. 4].

Кроме того, по аналогии с китайским рынком Таджикистан собирался открыть собственный рынок в г. Иркутске, а также бар или ресторан со своеобразной и неповторимой таджикской кухней, проводить выставки-продажи сельскохозяйственных продуктов [9, с. 4].

В феврале 2000 г. оперативники Восточно-Сибирского регионального управления по борьбе с организованной преступностью ликвидировали в Иркутске целую сеть наркодельцов. Оперативники имели дело с организованной преступной группой уроженцев Таджикистана, проживающих в районах, контролируемых оппозицией и поставивших на поток героиновый бизнес [10, с. 3].

В 2000 г. сотрудники структурного подразделения ВС РУБОП перекрыли канал поставки крупных партий наркотических средств. Были установлены тесные партнерские отношения с тремя гражданами Таджикистана, через которых и поступали крупные оптовые партии наркотиков для распространения в регионе [11, с. 2].

В декабре 2000 г. преступную группу, занимавшуюся сбытом сильнодействующих наркотиков, задержали в поселке Патроны Иркутского района. В это время там находились семеро наемных рабочих из Таджикистана. Было возбуждено уголовное дело по статье 228 «Незаконные операции в особо крупном размере». Она грозила арестованным наркодилерам лишением свободы на срок от 7 до 15 лет [12, с. 2].

В январе 2002 г. на территории Иркутской области проживали представители 136 национальностей. Увеличилась численность проживающих на территории Иркутской области таджиков (с 0,8 тыс. до 4,4 тыс.) [13, с. 2].

Большинство иностранных граждан, въезжающих на территорию области, были незаконными иммигрантами. Среди них были выходцы из бывших советских республик, в большинстве, из Таджикистана. Однако многие из них сохраняли связь с родиной, где остались семьи, и поэтому туда вывозились заработанные деньги [14, с. 3].

Летом 2003 г. в регионе отмечался значительный наплыв граждан стран СНГ, далеко не все из которых находились в Приангарье легально. Как отметили в службе занятости, больше всего иностранных граждан трудилось на территории г. Иркутска, в первую очередь, это люди строительных специальностей [15, с. 3].

В 2003 г. планировалось создать несколько совместных лесопромышленных российско-таджикских предприятий на территории Иркутской области. Об этом сообщил генеральный директор ГУП «Таджиклес» *С. Тахиров*. На территории Иркутской области было расположено три бывших предприятия «Таджиклеса»: Мартеновский ЛПХ, Витимский ЛПХ и промышленная фирма «Березка» [16, с. 4].

Регулярно на протяжении длительного периода времени граждане Таджикистана прибывали в область на сезонные работы на автобусах по маршруту Иркутск – Барнаул – Худжанд. Так, при отправке очередной группы мигрантов был задержан автобус, в котором находилось 83 гражданина Таджикистана. При проверке установлено, что все иностранцы прибыли на территорию России незаконно [17, с. 3].

В сентябре 2015 г. в соответствии с Временным соглашением между Правительством РФ и Правительством Республики Таджикистан, на основании Протокола между МВД России и МВД Республики Таджикистан была создана рабочая группа по документированию таджикских граждан, находящихся на территории Иркутской области с нарушением действующих паспортно-визовых правил [18, с. 2].

По данным управления по делам миграции ГУВД Иркутской области, в 2005 г. на территории Приангарья было зарегистрировано более 51 тыс. иностранных граждан. Большую долю мигрантов составляли таджики (7,5 тыс.). За нарушение режима пребывания сотрудниками милиции задержано и подвергнуто штрафным санкциям более 3,5 тыс. незаконных мигрантов [19, с. 4].

В 2007 г. самую большую долю иностранных рабочих предполагалось занять в сфере строительства – 87 %. Строительным компаниям было выгоднее привлекать иностранных рабочих из СНГ, нежели из дальнего зарубежья [20, с. 2].

Больше всего обратившихся за разрешениями из стран ближнего зарубежья составили жители Узбекистана – более 1,6 тыс. чел. (в 2006 г. – 68). Также много обращений из Таджикистана – 1,258 тыс. (в 2006 г. – 125) и Кыргызстана – 1,178 тыс. (59) [21, с. 3].

Труд иностранных рабочих использовался в промышленности, строительстве, сельском хозяйстве, на транспорте и в иных отраслях. Наибольшая концентрация гастарбайтеров наблюдалась в гг. Иркутске, Бодайбо, Братске, Ангарске, Усолье-Сибирском, Черемхове, Усть-Куте [22, с. 3].

На миграционный учет в 2007 г. в Иркутской области было поставлено 120 тыс. 620 иностранцев. Наибольший прирост иностранных граждан отмечается в гг. Иркутске, Усолье-Сибирском, Шелехове, Бодайбо, Жигалово, Киренске. Иркутск выбрали местом своего проживания 93 106 чел., Ангарск – 4 130 и Братск – 3 916. Чаще всего в Иркутскую область приезжали представители Узбекистана, Таджикистана, Кыргызстана [23, с. 2].

По мнению замминистра экономического развития и труда *Н. Брусковой*, большая часть иностранцев – это граждане из Таджикистана, Узбекистана, Туркмении, работали на предприятиях ЖКХ. Менее всего повезло предприятиям торговли и общепита, а также строительным, где заявки работодателей урезали на 65% и 61% соответственно [24, с. 4].

Число только легально прибывших иностранных граждан увеличилось с 2001 г. более чем вдвое и превысило 120 тыс. чел. Чаще всего в Иркутск приезжали гости из Узбекистана и Таджикистана [25, с. 3].

С 1 июля 2010 г. УФМС России по Иркутской области приняло около 2,5 тыс. заявлений от иностранных граждан на приобретение патента на трудовую деятельность. Большинство заявлений подали граждане Узбекистана – 71 % от всех принятых заявлений, 22,3 % – граждане Таджикистана [26, с. 3].

Но основная масса мусульман в Иркутске была представлена гастарбайтерами из Таджикистана, Узбекистана и Киргизии. В Иркутск они приезжали по временной регистрации на 3–6 мес., работать на стройках, на рынке, и «на фруктах» [27, с. 2].

В 2011 г. квота на привлечение иностранной рабочей силы, распределяемая региональным правительством с учетом заявок работодателей, была сокращена на 23 % и составила 21 тыс. чел. Приангарье занимало I место в Сибири по количеству мигрантов, прибывших из Средней Азии, доля иностранцев среди занятых в экономике постепенно росла. В 2009 г. она достигала 1,7 %, в 2010 г. – 2,4 % [28, с. 3].

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. свою национальность указали 2,34 млн. жителей Иркутской области. По данным переписи, в регионе проживало 4,17 тыс. таджиков [29, с. 2].

Первые дети выходцев из Средней Азии появились в 2002 г. Но сплошным потоком они пошли в 2004–2005 гг.: каждый год в первый класс стали приходить по 5–7 чел. стабильно. В 2011–2012 гг. они шли валом – узбеки, таджики.

В 2012 г. случилась аномалия: детей выходцев из ближнего зарубежья пришло столько, что специально для них администрация школы № 9 г. Иркутска была вынуждена спешно формировать еще один класс – 1 «д». Школа обслуживала район вокруг Центрального рынка, где в частном секторе снимали жилье работающие на рынке среднеазиаты [30, с. 4].

Всего в регионе 7,5 тыс. мигрантов из Средней Азии имели разрешения на временное проживание и вид на жительство. Всего по видам на жительство на территории Иркутской области проживало 1 735 иностранцев, в том числе 236 лиц без гражданства [31, с. 3].

1107 иностранных граждан прибыли в Нижнеудинский район за 10 месяцев 2012 г. Большинство вставших на миграционный учет были гражданами Таджикистана и Узбекистана. Кроме официально зарегистрированных эмигрантов, прибывали и нелегалы. В 2012 г. нелегалов прибыло 1 тыс. чел. [32, с. 2]

Сотрудники УФМС г. Иркутска в ходе проверки обнаружили две «резиновые» квартиры. В одном жилом помещении с 1 января 2013 г. было постановлено на миграционный учет 605 иностранцев, в том числе 96 граждан Таджикистана. Информация о «резиновых» квартирах была направлена в прокуратуру [33, с. 4].

1 609 чел. получили гражданство РФ в Иркутской области с января по сентябрь 2013 г. Это было на 31,3 % больше, чем за аналогичный период 2012 г. Основную часть лиц, получивших гражданство, составляли граждане Таджикистана (30,3 %) [34, с. 3].

В 2013 г. оперативники областного центра досмотрели 427 пассажиров в иркутском аэропорту и провели 166 рейдов по досмотру почтовых грузов на станции Иркутск-Сортировочный. Итогом стало изъятие 2 кг наркотических средств из почтовых отправок и задержка в иркутском аэропорту курьеров, перевозивших наркотики из Таджикистана внутримышечным способом [35, с. 3].

В 2014 г. россиянами стали почти 2,3 тыс. иностранных граждан и лиц без гражданства. Если рассматривать по национальному признаку, то 30 % – это были граждане Таджикистана (686 чел.) [36, с. 2].

В числе прибывших за 2015 г. высшее образование, включая незаконченное, имели 31,6 %, из выбывших – 32,8 %. А доля ограничившихся школьными знаниями или не окончивших даже школу, наоборот, среди прибывших была чуть выше – соответственно 33,9 % и 32,4 % [37, с. 4].

27 395 патентов оформили трудовые мигранты в Иркутской области за восемь месяцев 2015 г. Всего было принято 28,336 тыс. заявлений, выдано 26,840 тыс. патентов. Больше всего в Иркутскую область приезжали работать граждане из Узбекистана (50,4 %), Таджикистана (18,8) [38, с. 3].

Деятельность таджикской общины, активность их лидеров, созданные структуры, контролирующие потоки трудовых мигрантов из Таджикистана, вербующие потенциальных мигрантов в регионах исхода, оказывающие помощь переселенцам в решении социальных проблем в регионе Приангарья (поиск жилья, работы, оформление регистрации и разрешения на работу, денежные трансферты на родину) – это показатели, демонстрирующие экономическую ликвидность этнических сетей.

Список литературы

1. К нам тайком приехал тиф // Вост.-Сиб. правда. 1997. 6 июля. С. 2.
2. Поставить мафию на колени пока не удалось // СМ-номер один. 1998. 3 марта. С. 3.
3. Фомин Н. Встать у отравы на пути // Вост.-Сиб. правда. 1998. 1 окт. С. 4.
4. Соловьев Ю. От наркомании – к народной коме? // Приокская правда. 1998. 30 сент. С. 1.
5. Казак А. Криминальные похождения иностранцев в Сибири // Губерния. 1999. 2 ноября.
6. Курганская Н. «Белая смерть» из-за «бугра» // Губерния. 1999. 20 ноября. С. 3.
7. Предеин С. Всех нелегалов – выдворить! // Время. 1999. 12 окт. С. 4.
8. Трифонова Е. «Охота» на нелегалов // СМ-номер один. 2000. 10 марта. С. 2.
9. Малышев А. Иркутск – Душанбе: крепнут связи // СМ-номер один. 2000. 9 авг. С. 4.
10. Попов А. «Корабли» героиновых пустынь // Губерния. 2000. 5 февр. С. 3.
11. Тройнин И. 40 кг опия не дошло до наркоманов // Вост-Сиб. правда. 2000. 9 сент. С. 2.
12. Марфицын С. Без наемных рабочих мы могли бы обойтись // Губерния. 2000. 2 дек. С. 2.
13. Приангарье глянется Кавказу // Губерния. 2002. 15 янв. С. 2.
14. Сомеин Е. Сибирь превращается в Мекку // СМ-номер один. 2002. 24 дек. С. 3.
15. Петрова Е. Работа «варягов» любит // Вост.-Сиб. правда. 2003. 26 июня. С. 3.
16. Таджикистан – Прибайкалье: грани сотрудничества // Губерния. 2003. 14 июня. С. 4.
17. Зонов В. Необыкновенные приключения иностранцев в Сибири // Губерния. 2004. 5 февр.
18. Переход на «легальное» положение // СМ-номер один. 2005. 15 сент. С. 2.
19. Из «объятий» милиции // Губерния. 2006. 9 февр. С. 4.

20. Арбузова Е. Выгодная квота // Конкурент. 2007. 14 июля. С. 2.
21. Трудовая миграция // Конкурент. 2007. 12 апр. С. 3.
22. Гость должен знать свое место // Конкурент. 2008. 23 янв. С. 3.
23. Число работающих иностранцев увеличилось в 4,5 раза // Конкурент. 2008. 22 февр. С. 2.
24. Комарова В. Не додали гастарбайтеров // Конкурент. 2009. 11 июля. С. 4.
25. Бог в помощь: партнерство церкви с государством укрепляется // Губерния. 2010. 25 мая.
26. 2,5 тысячи иностранцев захотели работать в Приангарье // Конкурент. 2010. 12 авг. С. 3.
27. Корк Б. Житие гастарбайтера // Иркутский репортер. 2011. 19 февр. С. 2.
28. Саломатова А. Мигранты на все руки // Конкурент. 2011. 9 июня. С. 3.
29. 91,4 процента жителей Иркутской области // Ирк. репортер. 2011. 24 дек. С. 2.
30. Хадиджа, возьми красный карандаш // Ирк. репортер. 2012. 17 ноября. С. 4.
31. Миграционная проблема // Конкурент. 2012. 11 авг. С. 3.
32. Семенюк А. Наш район пополнился гражданами Китая и Таджикистана // Конкурент. 2012. 2 дек. С. 2.
33. В двух квартирах зарегистрировали 1200 иностранцев // Ирк. репортер. 2013. 2 дек. С. 4.
34. Статистика // Конкурент. 2013. 16 сент. С. 3.
35. В Иркутске усилят досмотр почтовых отправлений // Ирк. репортер. 2014. 25 марта. С. 3.
36. 22 процента составил рост числа иностранцев // Конкурент. 2014. 21 июля. С. 2.
37. Овсянникова И. Демографический маятник // Вост.-Сиб. правда. 2015. 15 сент. С. 4.
38. 27 395 патентов оформили мигранты // Конкурент. 2015. 22 сент. С. 3.

МИГРАЦИИ МЕЖДУ КАЗАХСТАНОМ И РОССИЕЙ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Есеева Гульнара Набиевна,

старший преподаватель ЗКУ им. М. Утемисова, г. Уральск, Казахстан

аспирант ВолГУ, г. Волгоград, РФ

Eseeva70@mail.ru

Данная работа посвящена анализу миграционных процессов между Казахстаном и Россией в условиях глобализации и изменений на международной арене. В статье рассматриваются современные тенденции, экономические и социальные факторы, влияющие на миграционные потоки, а также правовые аспекты миграционных процессов. Основное внимание уделяется динамике миграционных потоков, влиянию экономической ситуации и культурной адаптации мигрантов. В заключении представлены прогнозы будущих миграционных тенденций и их возможное влияние на развитие отношений между Казахстаном и Россией. Автором подчеркивается важность комплексного подхода к управлению миграцией для обеспечения социальной стабильности и экономического сотрудничества.

Ключевые слова: миграции, сотрудничество, Россия, Казахстан, ЕАЭС, интеграция

MIGRATION BETWEEN KAZAKHSTAN AND RUSSIA: CURRENT STATE AND PROSPECTS

Eseeva Gulnara Nabievna,

senior lecturer of ZKU named after M. Utemisov, g. Uralsk, Kazakhstan

postgraduate student of Volgograd State University, Volgograd, Russia

Eseeva70@mail.ru

This paper is dedicated to the analysis of migration processes between Kazakhstan and Russia in the context of globalisation and changes on the international stage. The article examines current trends, economic and social factors influencing migration flows, as well as the legal aspects of migration processes. The focus is primarily on the dynamics of migration flows, the impact of the economic situation, and the cultural adaptation of migrants. The conclusion offers forecasts of future migration trends and their potential influence on the development of relations between Kazakhstan and Russia. The author emphasises the importance of a comprehensive approach to migration management to ensure social stability and economic cooperation.

Keywords: migration, cooperation, Russia, Kazakhstan, EAEU, integration

Миграции становятся одной из глобальных проблем в современной мировой политике, что приводит к необходимости выработки общих концептуальных подходов к управлению международными миграционными потоками. В современных условиях глобализации и изменяющейся экономики миграционные потоки становятся все более значимыми и оказывают существенное влияние на развитие государств.

Миграции между Казахстаном и Россией представляют на сегодняшний день сложное и многогранное явление, влияющее на экономические, социальные и культурные аспекты обеих стран. Согласно Отчету МОМ о мировой миграции за 2024 г., миграционный коридор Казахстан-Россия занимает 8-е место в мире [1]. По данным на 2023 г. в России работало 102 092 трудовых мигрантов из Казахстана, а численность российских мигрантов в Казахстане за этот год составил 66 092 человека. Эти же показатели за первое полугодие 2024 г. составили 86 081 и 37 272 человек соответственно [2].

Основой для регулирования миграционных потоков между странами являются международные соглашения и двусторонние договоры, касающиеся миграции, работы и проживания граждан обеих стран. Казахстан и Россия имеют соглашения, позволяющие гражданам работать на территории друг друга без сложных визовых процедур. Обе страны стремятся создать условия для социальной интеграции и адаптации мигрантов. Например, в крупных российских городах действуют казахские культурные центры, где мигранты могут сохранять свои традиции, участвовать в культурных мероприятиях и обучать детей языку. Так, по данным дипломатических служб Казахстана в России, на сегодняшний день в Москве работают объединение «Казахская диаспора» и Фонд содействия развитию дружбы народов и национальных культур «Астана», в Омске – РОО «Казахский национально культурный центр», в Санкт-Петербурге – Межрегиональная ОО «Казахское национально-культурное общество Санкт-Петербурга и Ленинградской области «Ата-Мекен», в Саратове – ООО «Культурный центр «Казахстан», в Екатеринбурге – Свердловская РОО «Евразия-Казахстан» [3]. Подобные центры работают во многих городах России и помогают казахстанским мигрантам лучше интегрироваться в российское общество.

Мигранты сталкиваются с трудностями, связанными с юридическим статусом, доступом к медицинским услугам и образованию. Это вызывает необходимость в социальной поддержке и адаптационных программах. В отдельных городах России работают центры юридической помощи гражданам Казахстана. К примеру, такой центр был открыт в Новосибирске в 2018 г. Как отметил в ходе церемонии его открытия президент РОО «Казахский национально культурный центр» Жанат Бекмагомбетов, данный центр предназначен не только в целях административно-правовой работы. Сюда за социальной поддержкой могут обращаться студенты, которые учатся в ведущих вузах Новосибирска, Томска и Кемеровской области. По словам Бекмагомбетова, в дальнейшем филиалы центра будут открыты и в других городах России [4].

Россия и Казахстан активно участвуют в интеграционных союзах, охватывающих постсоветское пространство, которые способствуют трансформации миграционных процессов. Единый рынок труда ЕАЭС включает на сегодня более 93 млн человек, которые могут свободно передвигаться и работать в любой из этих стран. Для трудоустройства в любой из стран ЕАЭС гражданину достаточно иметь всего три документа: паспорт; диплом об образовании или свидетельство о квалификации; документ, подтверждающий трудовой стаж (трудовую книжку). Согласно данным Евразийской экономической комиссии (ЕЭК), лидером по числу въездов трудящихся из стран ЕАЭС в первой половине 2023 г. стала Россия. За этот период в страну прибыло более 881 тыс. трудящихся из союзных государств. Из них 618 тыс. граждан из Кыргызстана, 117 тыс. из Армении, 102 тыс. из Казахстана и более 44 тыс. из Беларуси. Казахстан занимает вторую позицию по численности мигрантов. Сюда из стран ЕАЭС за 2023 г. прибыло 80 тыс. человек, из них 66 092 человека приехали из России [5].

Одной из основных целей интеграции в рамках ЕАЭС является создание свободного рынка труда. В 2021 г. стартовал совместный цифровой проект стран ЕАЭС «Работа без границ». Данный проект предоставляет возможность гражданам стран ЕАЭС искать и находить работу в других государствах-участниках, что должно способствовать активизации миграции рабочей силы и более эффективному распределению рабочей силы. Проект активно функционирует и приносит свои плоды. По состоянию на 2024 г. на сайте были опубликованы более 500 тыс. вакансий и размещены свыше 2 млн резюме.

Согласно данным международной организации труда, уровень безработицы в ЕАЭС в первом квартале 2024 г. составил 3,2 %. В Казахстане данный показатель составил 4,7 % (2022 г.), а в России – 2,8 %. На конец мая 2024 г. в службах занятости стран ЕАЭС было зарегистрировано 999,5 тыс. граждан, ищущих работу. Статистика среднемесячной номинальной заработной платы в январе – марте 2024 г. показала, что наибольшие доходы зафиксированы в России – 888 долларов. В Казахстане средняя зарплата тоже довольно высокая – 849 долларов. Для сравнения в Армении она составила 702 доллара, в Беларуси – 643 доллара, а в Кыргызстане – 381 доллар [5].

В последние годы наблюдается увеличение количества мигрантов, что обуславливает потребность в системных решениях для их решения на рынке труда. Руководитель Департамента трудовой миграции и социальной защиты ЕАЭС Омурбекова А.С., отметила, что в 2023 г. был составлен список востребованных профессий во всех пяти государствах, что является хорошим ориентиром для системы образования, для министерств занятости и самих граждан. К востребованным специальностям были отнесены профессии, связанные с информационными технологиями, инженерией, медициной, сельским хозяйством и строительством и т.д. Разработаны единые квалификационные требования, которые помогут государствам готовить специалистов с одинаковыми, признанными квалификациями [6].

Все эти действия направлены на то, чтобы трудящиеся, приезжая в любую страну ЕАЭС, имели квалификацию, которая не подвергается сомнению и позволяет им быстрее адаптироваться на новом месте. Для трудоустройства в странах ЕАЭС достаточно договориться с работодателем и предъявить документы об образовании, которые автоматически признаются во всех странах союза. Также было подписано соглашение о взаимном признании ученых степеней. В настоящее время документ проходит ратификацию: четыре из пяти членов объединения уже завершили необходимые процедуры. Этот шаг откроет возможности для мобильности академических кадров и научной кооперации.

Наибольшее количество мигрантов из Казахстана сосредоточено в крупных российских городах, таких как Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск и Екатеринбург. Эти города имеют развитую инфраструктуру и предоставляют больше возможностей для трудоустройства мигрантов. Большинство мигрантов из Казахстана работает в строительстве, сельском хозяйстве, торговле, услугах и промышленности. По статистическим данным, информационной системы Минтруда, в 2022 г. в Казахстане осуществляло трудовую деятельность 22 тыс. граждан России. Что касается распределения работающих россиян в разрезе регионов Казахстана, то наиболее популярными стали: Алматы (2 878 человек) и северные области – Костанайская (2 440 человек) и Павлодарская (1 929 человек). Самыми востребованными среди россиян сферами трудовой деятельности в Казахстане являются: сфера торговли и ремонта автомобилей и мотоциклов (5 406 человек); обрабатывающая промышленность (2 479 человек); профессиональная научно-техническая деятельность (2 217 человек) [7].

Миграции способствуют развитию экономического сотрудничества между Казахстаном и Россией. Примером могут служить проекты в котором участвуют как казахстанские, так и российские компании. В 2023 г. в Казахстане добыли около 90 млн тонн нефти. 80 процентов этой нефти, или 56 млн тонн, прошло через Каспийский трубопроводный консорциум – КТК. Каспийский трубопровод соединяет казахстанское месторождение Тенгиз и российский черноморский порт Новороссийск. Его протяженность – полторы тысячи километров. Мигранты, работающие на таких проектах, способствуют обмену технологий и опыта между странами.

В Казахстане и России принимаются внутренние законодательные инициативы и нормативно-правовые документы, которые влияют на развитие миграционных процессов между странами. Так, в настоящее время в России внедряется российский профессиональный стандарт «Специалист по трудовой миграции». В компетенции специалиста входит планирование потребностей в кадрах, оказание организационной и правовой поддержки участникам рынка трудовой миграции. При этом работа этих специалистов должна осуществляться непосредственно в стране выезда. По мнению экспертов, для развития организованной и эффективной трудовой миграции важно привлекать к набору кадров отраслевые структуры, устанавливающие профессионально-квалификационные требования по востребованным мигрантами профессиям. Также существенной задачей является адаптация механизма независимой оценки квалификации для трудовых мигрантов и возможности проведения НОК на их родине [8].

В Казахстане действует портал «migration.enbek.kz», который позволяет обеспечить единый учет иностранных граждан независимо от цели их прибытия в Казахстан, а также мониторинг и контроль миграционных потоков. Портал объединяет в себе инструменты для централизованного управления информацией о прибывающих иностранных гражданах, а также позволит повысить качество предоставляемых государственных услуг в сфере миграции. Признавая растущую роль трудовой миграции для социально-экономического развития, Министерство труда и социальной защиты населения постепенно берет на себя различные функции в сфере миграции, перенимая их у Министерства внутренних дел.

Миграционные политики Республики Казахстан и России основываются на различных концептуальных и правовых основах, которые определяют порядок и условия миграции в эти страны. Основные принципы правового регулирования миграционных отношений, включая права и обязанности иностранных граждан и лиц без гражданства закреплены в Конституциях стран. Правовые основы миграционной деятельности, включая права и обязанности мигрантов, порядок и условия въезда, пребывания и выезда из страны определены в законах «О миграции», принятых в обеих странах. Особую важность для миграционной политики РФ представляет «Стратегия государственной миграционной политики Российской Федерации до 2025 года». Этот документ определяет основные направления и приоритеты миграционной политики России, включая интеграцию мигрантов, борьбу с нелегальной миграцией и защиту прав мигрантов. В Казахстане принята «Национальная стратегия “Казахстан-2050”», в рамках которой предусмотрены меры по развитию миграционной политики для привлечения квалифицированных специалистов и инвесторов, а также по интеграции мигрантов в казахстанское общество. Кроме того, существуют различные нормативные акты, подзаконные акты и программы, дополняющие основные законы и стратегии в области миграции в обеих странах. Миграционные политики охватывает широкий спектр вопросов, связанных с перемещением населения, въездом и выездом иностранцев, режимом пребывания, трудоустройством мигрантов и защитой их прав.

Двусторонние соглашения между странами способствуют упрощению миграционных процессов и обеспечивают защиту прав мигрантов. У Казахстана и России исторически сложились тесные культурные и языковые связи, что делает миграцию более естественной для населения и способствует постоянным миграционным потокам между странами. Прогнозы развития миграций между Казахстаном и Россией могут зависеть от различных факторов, включая экономическую ситуацию, политическую стабильность, социальные условия и миграционные политики обеих стран. На предпочтение России казахстанскими мигрантами оказывают положительное влияние географическая близость, безвизовый режим, общий рынок труда, знание языка, простота пересечения границы и т.д. Демографическая ситуация в России, характеризующаяся низким уровнем рождаемости населения, также будет способствовать увеличению миграционных потоков, в том числе и из Казахстана. С учетом текущих экономических и политических тенденций возможны изменения в миграционных потоках между Казахстаном и Россией, с возможным увеличением числа мигрантов из России в Казахстан. Развитие цифровой экономики и удаленной работы может изменить структуру миграции, позволяя большему числу специалистов работать на международном уровне, не покидая свою страну.

Миграционные процессы между Казахстаном и Россией находятся в стадии динамичного развития, и их успешное управление требует внимания со стороны правительств обеих стран. Эффективная политика миграции способствует укреплению экономических связей и социальной стабильности.

Список литературы

1. URL: <https://www.pragueprocess.eu/ru/countries/869-respublika-kazakhstan?tmpl=component&ml=1> (дата обращения: 04.05.2024).
2. Сведения о численности трудящихся государств-членов Евразийского экономического союза за период с 2023 года по 1 полугодие 2024 года // chromeextension://efaidnbmninnibpcjpcglclefindmkaj/https://eec.eaeunion.org/upload/media/library/a5d/j0asjs1n7p23zzvl71hsrlt3fdlmeugg/Svedeniya-o-chislennosti-trudyashchikhs-ya-za-2012_-1-polugodie-2024.pdf (дата обращения: 04.08.2024).
3. Посольство Республики Казахстан в Российской Федерации Список общественных организаций соотечественников в России. URL: https://kazembassy.ru/rus/diaspora/spisok_obsh_organizacii (дата обращения: 04.08.2024).
4. В Новосибирске открылся центр юридической помощи гражданам РК. Посольство Республики Казахстан в РФ. URL: https://kazembassy.ru/rus/press_centr/novosti/?cid=0&rid=2652 (дата обращения: 04.08.2024).
5. Все, что нужно знать о трудовой миграции в ЕАЭС: условия, документы, гарантии и права. URL: <https://ru.sputnik.kz/20240805/vse-cto-nuzhno-znat-o-trudovoy-migratsii-v-eaes-usloviya-dokumenty-garantii-i-prava-46111442.html> (дата обращения: 04.08.2024).
6. Департамент трудовой миграции и социальной защиты. URL: <https://eec.eaeunion.org/comission/departament/migration> (дата обращения: 04.08.2024).
7. Багдат Асылбек Минтруд Казахстана: 72 процента трудоустроенных россиян работают в сфере услуг. URL: <https://rus.azattyq.org/a/32057083.html> (дата обращения: 04.08.2024).
8. В ЕЭК рассмотрели вопросы трудовой миграции. Национальное агентство развития квалификаций. URL: https://nark.ru/news/news_nark/v-EEK-rassmotreli-voprosy-trudovoy-migratsii (дата обращения: 04.08.2024).

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ХОРЕЗМИЙЦЕВ: НАПРАВЛЕНИЯ И ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ

Аллабердиева Ляле Агагельдиевна,

*Марыйское педагогическое училище им. Хыдыра Деряева, Мары, Туркменистан
allaberdyeva85@mail.ru*

Археологический материал и письменные источники позволяют рассмотреть историю миграций населения Средней Азии в древности и средневековье. Одним из явлений такого порядка была хорезмийская колонизация – большая сеть колоний хорезмийцев далеко за пределами Хорезма. В статье рассматриваются причины и начало миграции жителей древнего Хорезма. На основе анализа сведений письменных источников и материалов археологических раскопок показаны начало миграции хорезмийцев на южном и западном направлении и образование сети хорезмийских торговых факторий и поселений на трассах Великого шелкового пути.

Ключевые слова: Хорезм, хорезмийцы, миграция, колонизация, Хорасан, Поволжье, Хазарский каганат, Итиль

MIGRATION PROCESSES OF THE MEDIEVAL KHOREZMIANS: DIRECTIONS AND FACTORS OF DEVELOPMENT

Allaberdiyeva Lale Agageldievna,

*Mary Pedagogical College named after Khydyr Deryayev, Mary, Turkmenistan,
allaberdyeva85@mail.ru*

Archaeological material and written sources allow us to examine the history of migrations of the population of Central Asia in ancient times and the Middle Ages. One of the phenomena of this order was the Khorezm colonization – a large network of Khorezm colonies far beyond Khorezm. The article examines the causes and beginning of the migration of the inhabitants of ancient Khorezm. Based on the analysis of written sources and archaeological excavation materials, the beginning of the migration of Khorezmians in the southern and western directions and the formation of a network of Khorezm trading posts and settlements along the routes of the Great Silk Road are shown.

Keywords: Khorezm, Khorezmians, migration, colonization, Khorasan, Volga region, Khazar Kaganate, Itil

Миграция – одна из форм движения населения, при которой перемена места жительства на более или менее значительное расстояние и время сопровождается общественно значимыми экономическими, социальными, демографическими и другими последствиями: позитивными и негативными, явными и скрытыми, текущими и долгосрочными и т. д. [8, с. 24].

Населению с древнейших времен было характерно стремление к миграциям, или к переселениям из одной страны в другую, с одного континента на другой, иначе говоря с одного места жительства на другое и перенесение труда в эту область. С самого зарождения истории человечества эти переселения рассматривались как один из важнейших видов движения населения, сущность которого заключалась в том, что

некоторая часть народа или племени выделялась из более или менее замкнутого союза и создавала новый очаг человеческой культуры. Как образно отметил один из видных современных французских демографов Жан Клод Шенэ, «история внешних миграций является, в некотором отношении, сокращенным пересказом всемирной истории; это одна из самых живых, но также и самых сложных глав народонаселения» [5, с. 57]. Передвижения групп людей отмечаются уже в период палеолита. Что касается конкретного региона – Средней Азии, то и здесь миграции крупных групп населения прослеживаются по археологико-экспедиционным исследованиям еще в каменном веке. Археологический материал и письменные источники позволяют рассмотреть историю миграций населения Средней Азии в древности и средневековье. Одним из явлений такого порядка была хорезмийская колонизация – большая сеть колоний хорезмийцев далеко за пределами Хорезма.

Хорезм – одно из ранних государственных образований на территории Средней Азии. Древняя историко-географическая территория под названием Хорезм относилась к современному Дашогузскому велаяту и северу Лебабского велаята Туркменистана, Каракалпакской Автономной Республики и Хорезмскому велаяту Узбекистана. По данным археологии и исторических источников, неолитическая культура Кельтеминар, возникшая на территории древнего Хорезма имела близкие торгово-экономические и культурные взаимоотношения с соседними и дальними странами. Обнаруженные на памятниках кельтеминарской культуры ракушки и монеты, говорят о связях Хорезма со странами Тихого океана и Средиземноморья. Они имели также близкие связи с некоторыми племенами Индии [4, с. 46]. Находки, обнаруженные на кельтеминарских стоянках, во многом схожи с находками, сделанными в Южном Туркменистане и на Ближнем Востоке, например, в Иране и Ираке, что свидетельствует о близости их земледельческих культур [14, с. 72]. По всей видимости, кроме обычного общения и торговых связей между этими регионами, могло иметь место и перемещение – миграция кочевых племен. Предметы, имеющие аналогии с поздними кельтеминарцами, встречаются также и на берегах сибирской р. Обь и европейской р. Камы. Материалы, найденные на Урале, доказывают, что неолитические стоянки были очень близки друг к другу. По мнению некоторых ученых, кельтеминарцы участвовали в сложении неолитической культуры на берегах Оби и Урала. С.П. Толстов, а вслед за ним известный русский археолог С. Киселев и другие исследователи, неоднократно отмечали частичное влияние среднеазиатского неолита на открытую в Южной Сибири знаменитую афанасьевскую культуру. Многочисленные данные подтверждают более тесные взаимоотношения кельтеминарской культуры позднего энеолита (т. е. III–II тыс. до н. э.) с Западным Казахстаном [14, с. 72].

В священной книге зороастрийцев Авесте упоминается область Хваризем – страна хорезмийцев, как одна из областей расселения арийских племен. Ценные сведения о Хорезме и хорезмийцах содержатся в знаменитой Бехистунской надписи. Эта процветающая область с многочисленным населением и развитой экономикой была в составе 16-й сатрапии Ахеменидской державы. Первые достоверные известия о миграции хорезмийцев относятся к эпохе Ахеменидов. Уже в V в. до н. э. группы хорезмийцев жили в Египте и Месопотамии [9, с. 10]. Самое раннее хорезмийское имя зафиксировано в 460 г. до н. э. в египетском архиве на острове Элефантина, где упоминается хорезмиец Даргаман сын Харшина, который судился за землю.

В средние века население Хорезма пережило несколько миграционных процессов, связанных с военно-политическими, культурно-экономическими причинами. Средневековые авторы оставили ценные сведения о миграционной активности

населения Хорезма. Хорезмийцы много путешествовали. Они были умелыми и опытными торговцами. Особые общины хорезмийских ремесленников и торговые фактории купцов существовали в ряде городов Хорасана, Восточной Европы и Ирака, нижнем течении Сырдарьи.

В IX–XI вв. одно направление миграционных перемещений жителей Хорезма в торгово-экономических целях было связано с Хорасаном. Так, ал-Истахри в книге «Китаб месалик ал-мемалик» говорил: «Они (хорезмийцы) более всех жителей Хорасана рассеяны по чужим местам и более всех путешествуют; в Хорасане нет большого города, в котором не было бы большого количества жителей Хорезма» [1, с. 180]. Характерно, что особое стремление хорезмийцев к дальним торговым экспедициям подчеркивается и более ранними источниками. В истории династии Тан можно встретить такую характеристику хорезмийцев эпохи арабского завоевания: «Среди всех западных варваров это единственный народ, который запрягает быков в повозки; купцы ездят на них в отдаленные страны» (Тан-Шу ССХХI в.) [13, с. 14].

Макдиси говорит, что хорезмийцы захватили почти всю земельную собственность в городе Ниса [2, с. 201]. Это были, в первую очередь, хорезмийские купцы, которые всюду проникали со своими товарами и везде старались пустить корни, покупая недвижимое имущество в городах и земельную собственность за их пределами. Мигранты из Хорезма в Нисе занимались земледелием, ремесленничеством и торговлей. Ниса была одной из «сокровищниц» или «житниц» Хорасана. По данным Истахри, средневековая область Нисы включала несколько обширных и плодородных селений, располагавшихся среди гор. В ее состав входили города Исфинакан и ас-Сурмакан или Джармукан, и два рабата, иногда именуемые городками: Фарава или Фарау и Шахрастана. Сам город Ниса располагался в местности, богатой садами и водой. В нем славилась прекрасные плоды и овощи, в частности баклажаны. Из Нисы вывозили шелк-сырец, шелковые одежды, кунжутное семя, кунжутное масло, хлопковые одежды и специальную одежду «занбафт», меха лисиц, ловчих хищных птиц. По письменным источникам, базар Нисы располагался рядами, т. е. каждое производство и каждый вид торговли группировались вместе, образуя особые ряды [2, с. 201]. На нисийских базарах можно было, по словам Макдиси, встретить ценные и редкие вещи [2, с. 205]. Согласно археологическим работам Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ), в IX–X вв. территория рабада (пригорода) Нисы расширялась, там жили купцы и ремесленники. Археологические исследования установили на территории рабада Нисы наличие остатков керамических печей для изготовления неглазурованной и глазурованной посуды, а также глиняных сосудов особого обжига, служивших тарой для драгоценных жидкостей, душистых масел и ртути. О развитии и разнообразии ремесленного производства свидетельствует открытие мастерских и лавок, обрабатывавших и продававших железные и стеклянные изделия. Археологическая домашняя утварь из Нисы, состоявшая из керамики, стекла, бронзы и различных украшений из резной кости и цветных камней, говорит о зажиточности ее владельцев [7, с. 54–55].

В последнем десятилетии X в. правитель левобережного Хорезма эмир Мамун ибн Мухаммед стал официальным правителем Нисы. Активные миграции хорезмийцев в X веке в торгово-экономических целях поспособствовали в конечном итоге к включению областей Нисы в состав Хорезмского государства. Миграция хорезмийских торговцев и ремесленников дала положительные результаты для экономики Хорезма.

Средневековые арабские авторы отмечают многочисленные хорезмийские колонии не только в городах Хорасана, но и на севере – в землях хазар и булгар, т. е. в Восточной Европе.

Хорезм издревле находился в постоянных торговых сношениях и имел прочные культурные связи с Восточной Европой. Связь с Поволжьем и Киевской Русью сопровождалась взаимной активной торговлей. Торговый путь, связавший страны Запада, особенно Средиземноморского бассейна, с Дальним Востоком, начал формироваться еще в эпоху Хорезмийско-Кангуйского царства (II до н.э.). Важным участком этого пути было северо-восточное побережье Черного моря, где сложились такие крупные торгово-ремесленные центры, как Тмутаракань, Азов и др., которые в X–XI вв. стали объектами острого соперничества Киевской Руси, Хазарского каганата и половцев. Сюда приходили многочисленные суда с товарами из городов Италии, Египта, Византии, караваны с Кавказа, Итиля, Булгарского царства, Хорезма, Дальнего Востока и из городов Киевской Руси. Археологические раскопки в этих городах открыли массу вещественных памятников, демонстрирующих связи Средней Азии с Новгородом и Тмутараканью. Археологический материал, собранный Хорезмской экспедицией под руководством С.П.Толстова, – прекрасная иллюстрация к характеристике этого великого древнего пути из Хорезма в Восточную Европу. На различных участках его до сих пор сохранились остатки караван-сараев, колодцев и т. д.

Отношения хорезмийцев с Восточной Европой не ограничивались дипломатическими и торговыми связями. С VII в. Хорезм был тесно связан с Восточной Европой, где происходили процессы миграции населения. Массовая эмиграция хорезмийцев в Восточную Европу, начавшаяся в VIII в., продолжалась до X века. Основные причины эмиграции связаны с экономическим и социальным кризисом, начавшимся в Хорезме в VIII в., который в это время прочно входит в систему халифата. Фискальная политика арабов довела народ до нищеты и отчаяния. В этот период резко падает в весе хорезмийская чеканка: монеты хорезмшаха Шаушафара неполновесны (нижний вес сасанидской драхмы – 3,69 г), их вес колеблется между 3,06 и 3,26 г. Монеты хорезмшаха Абдаллаха без имен арабских наместников весят 1,97–2,44 г, а с именами наместников Джафара и Фадла всего 1,32–2,05 г, падая в весе более чем вдвое по сравнению с драхмами Шаушафара и более чем втрое – с полновесными хорезмийскими драхмами VII – начала VIII в. (4,36–4,67 г), значительно превосходящими максимальный вес сасанидской драхмы (4,06 г). Резко падает качество металла – некоторые монеты хорезмшаха Абдаллаха имеют ничтожную долю серебра в лигатуре, превращаясь чуть ли не в медные монеты [12, с. 138–139]. Так, в истории головокружительного падения веса и качества монет хорезмшахов VIII в., как в зеркале, отразилась внутренняя экономическая история страны под властью арабских завоевателей в условиях глубокого внутреннего социального кризиса. Еще более ярко отразился этот упадок в исторической динамике орошенных земель. На рубеже VIII и IX вв. падает их новое резкое сокращение. Более сотни замков Хорезма превращаются в руины, дошедшими в таком виде до наших дней. Тысячи гектаров орошаемой земли становятся достоянием пустыни. Этот процесс сопровождается острой борьбой народа. В итоге начинается массовая эмиграция хорезмийцев в Поволжье, которая продолжалась вплоть до X в. В Поволжье было тогда два крупных государства – Хазарский каганат и Булгарское царство и две столицы – Итиль и Булгар.

В начале VIII в. столица Хазарского каганата была перенесена на берега реки Волги. С.П.Толстов связывает перенесение столицы Хазарии из Дагестана в Итиль с деятельностью хорезмийских эмигрантов [14, с. 228]. Перенесение резиденции кагана на Волгу привлекло в хазарский зимовник постоянное население из представителей

разных народов. Возле ставки кагана и его двора вырос торгово-ремесленный поселок, который в IX–X вв. стал важнейшим торговым центром на перекрестке путей, связывающих восток и запад, север и юг. Арабские писатели называли столицу каганата по названию реки Итилем, но у города было еще несколько наименований, являвшихся вместе с тем названиями его отдельных частей. Древнейшее же название этого города было ал-Бейда (Белый) [3, с. 235]. Итиль в X в. был большим торговым городом. По словам Ибн Хаукаля, он в длину и ширину имел по фарсаху (6–7 км). Итиль раскинулся на обоих берегах одного из рукавов Волги, а также на острове между ними. Город состоял из двух частей: западная носила имя Итиля и являлась административным центром государства, восточная называлась Хазаран и представляла собой торговый центр. На острове помещался, по словам Мас'уди, двор хазарского хакана. Обе части города были окружены стеной. Большую часть населения Хазарана составляли мусульмане, преимущественно хорезмийцы. Среди них были купцы, ремесленники и различные категории чернорабочего люда. По словам Ибн Хаукаля, в Хазаране проживало 10 тыс. мусульман и было 30 мечетей [6, с. 203].

В начале X в. в столице Хазарии Итиле-Хазаране существовала многолюдная мусульманская хорезмийская колония. Хорезмийцы в столице Хазарского царства играли огромную роль. По словам Мас'уди, основное ядро войска хакана составляли хорезмийцы. Ибн Хаукаль говорит, что их было в войске 12 тысяч человек, так называемых ал-Арсия, цвет тяжелой вооруженной конницы хазарского кагана. Они выполняли полицейские функции, служили хазарам наемниками против «языческих народов» [10, с. 60]. Ал-Арсии не присоединялись к хазарам, если они воевали с мусульманами. Таким образом, понятно, что жители Хорезма предпочитались даже за пределами Хорезма из-за их воинских навыков и мастерства верховой езды. Еще в начале X в. Ибн Фадлан, посетивший Хазарское царство и его столицу, подчеркивал, что в Итиле политическое и культурное влияние Хорезма весьма велико [11, с. 85–86]. Хазарского кагана окружали ученые, духовенство и деловые люди из Хорезма. По данным Мас'уди в исламский период из-за эпидемий чумы и войн, происходивших в Хорезме, хорезмийцы мигрировали к хазарам. Они поселились в Хазаране по договору, получили право строить себе мечети и медресе, выговорили себе везират, то есть право участия в правительстве хазарского хана. По словам Мас'уди, в его время (первая половина X в.) везиром в Итиле был хорезмиец Ибн Кувайя [6, с. 203].

Не только в Итиле, но и в Булгаре была, видимо, довольно значительная хорезмийская колония, на что указывает одно место Ибн Фадлана, где он, описывает погребальные обряды булгар, а также обряд, который справляется в Булгаре, «когда умирает мусульманин или женщина-хорезмийка» [11, с. 77].

Правители Хорезма в конце X – начале XI в. прилагали огромные усилия к исламизации хазар, булгар и особенно Киевской Руси. Хорезмшах издавна вмешивался в события соседних народов и особенно поддерживал царство булгар в борьбе против князя Киевской Руси Владимира. По словам Тахира Мервези, последний обратился к хорезмшаху и дал свое согласие принять мусульманство в Киевской Руси. «Тогда отправили они послов к правителю Хорезма, четырех человек из приближенных их царя, потому что у них – независимый царь и именуется их царь Владимир. И пришли послы в Хорезм, – сообщает далее Мервези, – и сообщили согласие царя их. И обрадовался Хорезмшах решению их обратиться в ислам и послал к ним обучить их законам ислама» [14, с. 257–258]. При Мамунидах могучий Хорезм утвердил свое влияние на землях Хазарского каганата. После разгрома Хазарского каганата Киевским князем Святославом, Хорезм активно воздействовал на политическую и культурную жизнь кочевых племен на обширной территории от Сырдарьи до Поволжья, выступал важным связующим звеном в цепи мировых политических, торговых и культурных свя-

зей стран Востока с Русью, Восточной и Западной Европой. Макдиси прямо сообщает нам: «Городами Хазарии иногда завладевает владетель Джурджании» [2, с. 209].

В IX–X вв. в Багдаде был отдельный квартал, называвшийся Рабад ал-Хоразмия (пригород хорезмийцев), что говорит о том, что в Багдаде тоже жила диаспора хорезмийцев...

Обзор исследований археологических и письменных источников позволяет сделать следующие выводы:

- активные эмиграции хорезмийцев способствовали появлению в X в. ряда Хорезмских колоний в соседних странах;
- отмечены следы пребывания хорезмийцев на берегах Волги, Сырдарьи, Южного Туркменистана;
- миграционные передвижения хорезмийцев сопровождались активной захватнической политикой Хорезмского государства.

Список литературы

1. Ал-Истахри. Извлечение из «Китаб месалик ал-мемалик» / пер. С. Волина; МИТТ. Т. 1. М.; Л., 1939.
2. Ал-Макдиси. Извлечения из «Ахсан ат-такасим фи-ма'рифат ал-акалим» / пер. С. Волина; МИТТ. Т. 1. М.; Л., 1939.
3. Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962. 521 с.
4. Джаббаров И. Древний Хорезм – страна высокой культуры и уникальной духовности (этно-исторические очерки). М.: ИЭА РАН, 2014. 304 с.
5. Ионцев В.А. Международная миграция населения: теория и история изучения. М.: Диалог – МГУ, 1999. 370 с.
6. История Узбекской ССР. Т. 1, кн. 1. Ташкент, 1955. 542 с.
7. Массон М.Е. Городище Нисы в селении Багир и их изучение // Тр. ЮТАКЭ. 1949. Т. 1. 421 с.
8. Моисеенко В.М. Территориальное движение населения. Характеристика и проблемы управления. М.: Мысль, 1985.
9. Негматов Н.Н. Хорезм и Мухаммад ал-Хорезми (к 1200-летию со дня рождения): сб. ст. / отв. ред. Н.Н. Негматов; АН ТаджССР, Ин-т истории им. А. Дониша. Душанбе: Дониш, 1983. 209 с.
10. Плетнева С.А. Хазары. 2-е изд. М.: Наука, 1986. 88 с.
11. Путешествие ибн Фадлана на Волгу. Перев. под ред. акад. И. Ю. Крачковского. Москва – Ленинград, 1939. – 193 с.
12. Толстов С. П. Монеты шахов Древнего Хорезма и древнехорезмийский алфавит // Вестник древней истории. 1938. № 4.
13. Толстов С.П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М.: Изд-во МГУ, 1948. 435 с.
14. Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 328 с.

СЕКЦИЯ 2. НЕВОЛЬНЫЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ: ПРИНУДИТЕЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

УДК 94(929).77

ВИЗУАЛЬНОЕ ВООБРАЖЕНИЕ СЕВЕРА В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПРОЕКТАХ ПОЛЬСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Степанова Лена Борисовна,

*Институт гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Севера СО РАН
solo007_79@rambler.ru*

Выявление и изучение вклада польских исследователей в формирование визуальной культуры Якутского региона сегодня представляет собой сложную междисциплинарную, историко-культурную и интеллектуальную проблему. В рамках стратегии современной гуманитарной науки оценка вклада польских политических ссыльных в формирование визуальных метаархивов, раскрывающих образы народов северо-восточной Азии, рассматривается как инструментальный метод изучения традиционной повседневности, востребованных процессов музейного и этнографического коллекционирования, отражающих культуру коренных общин Якутского региона. Статья раскрывает вклад польских исследователей в конструирование образа новой России, формировавшегося в российском обществе на рубеже XIX–XX вв.

Ключевые слова: визуальное воображение, польские политссылные, северные территории, Север, северные сообщества

VISUAL IMAGINATION OF THE NORTH IN RESEARCH PROJECTS OF POLISH RESEARCHERS

Stepanova Lena Borisovna,

*The Institute for Humanities Research and Indigenous Study of the North. Russian Academy
of the Sciences. Siberian branch.
solo007_79@rambler.ru*

Identification and study the contribution of Polish researchers to the formation of the visual culture of the Yakut region today represents a complex interdisciplinary, historical, cultural and intellectual problem. Within the framework of the strategy of modern humanitarian science, the assessment of the contribution of Polish political exiles to the formation of visual meta-archives revealing the images of the peoples of northeast Asia is considered as a toolkit of methods for studying traditional everyday life, in demand the processes of museum and ethnographic collecting reflecting the culture of the indigenous communities the Yakut region. The article reveals the contribution of Polish researchers to the construction of the image the new Russia, which was actively going on in Russian society at the turn of the XIX-XX centuries.

Keywords: visual imagination, Polish political exiles, northern territories, North, northern communities

Визуализация проводившихся экспедиционных наблюдений путем рисуночной фиксации, был успешно апробирован в экспедиционном изучении «чужих» культур, еще в ходе академических экспедиций XVIII – первой половины XIX в. После реформ 1860-х гг., формирование визуальной «энциклопедии» жизни полиэтнического населения страны, продолжилось. В этот период увеличивается поток населения двинувшегося осваивать территории Сибири и Дальнего Востока. Поэтому, сегодня исследователи, подчеркивая экспедиционный характер изучения северных территорий, они объясняют это необходимостью мониторинга происходящего со стороны отечественной науки.

Оказавшись во второй половине XIX в. в административной ссылке в Якутской области, польские политссыльные К.Ф. Рожновский, Я.Ф. Строжецкий, Э.К. Пекарский, Н.А. Виташевский, С.А. Ястремский и другие были задействованы представителями российских интеллектуальных кругов в экспедиционном изучении огромных неизученных пространств северо-востока Азии и привнесли персональный вклад в формирование визуальной культуры Якутской области. Пространство Севера через призму художественных практик раскрывается в совершенно новой ипостаси, который можно структурировать в контексте круговорота идей и действий, носившей в себе характерные черты эпохи.

Вклад польских исследователей в научное изучение и хозяйственное освоение Якутии, занимает солидный раздел в якутской историографии [2, с. 67–76; 4; 7, с. 52–60; 1, с. 45–51]. В польской историографии, вклад польских политссыльных в освоении северо-востока Азии менее обширна, представлена биографическими исследованиями посвященным периоду якутской ссылки В.Л. Серошевского и Я.Ф. Строжецкого, художественным опытом Л. Немировского и Енисейской экспедиции М.А. Чаплицкой [11, р. 13–27; 12; 9, с. 269–286; 5, с. 123–127].

Авторские фотопроекты польских исследователей с позиций современной визуальной антропологии рассматриваются нами как презентации научных «текстов» этнических культур коренных народов Якутии. Интерес к собирательству и комплектованию коллекций по заказам крупных российских и зарубежных музеев, увлечение фотоделом, работа в составе экспедиций, была продиктована необходимостью экономического выживания в непростых климатических и бытовых условиях. В силу своих политических убеждений, оказавшись практически уравненными с основной массой инородческого населения, и столкнувшись с необходимостью выживания в непростых условиях, необходимости освоения несвойственных им навыков. Поэтому, формируя образ человека в культурном пространстве Севера, они выделили в первую очередь особенности системы их жизнеобеспечения и способов хозяйствования. Сформированный польскими политссыльными визуальный образ Человека в культурном пространстве Севера, свидетельствует о разработанной ими целостной и долговечной системы жизнеобеспечения основанной на полукочевом образе жизни. Пространственное воображение польских исследователей характеризуется особой сюжетной и смысловой организацией. Реализация авторских фотопроектов стало механизмом выражения не только своего авторского интенционального видения, но и формирования образа в качестве метафоры. Язык фотографии позволил выразить им свое отношение к местному населению, показать условия жизни и социальный срез общества, в привычной им среде, отдельно выделив бытовые особенности, которые их удивили и поразили. И в их интерпретации реалии Севера транслируют трагические нотки общей безысходности.

Интересно, что наибольших успехов во время якутской ссылки достигли те, кто выучил язык местного населения (Э.К. Пекарский, В.Л. Сорошевский, Н.А. Виташевский, Я.Ф. Строжецкий). В силу своих политических убеждений, оказавшись практически уравниненными с основной массой инородческого населения, столкнувшись с необходимостью выживания в непростых условиях, освоения несвойственных им навыков. Они видели и оценивали повседневность и устройство быта, несколько иначе, что не могло не отразиться в их авторских фотопроектах. Образы коренного населения предстают в самых разных контекстах. Выделяется разница и контрасты повседневного уклада жизни центральных и северных округов Якутской области. Север Якутской области (Верхоянский и Колымский округа) с особой эстетикой кочевой культуры северных сообществ, с преобладанием нартенного транспорта на собаках и оленях, ярмарок, куда съезжались представители всех родов и народов. Резко контрастирует по сравнению с патриархальным размеренным укладом жизни центральной части области, где было развито скотоводческое хозяйство и торговля. Видовые и жанровые изображения этнографического характера, созданные польскими политссыльными стали частью комплексного программного изучения культуры, образа жизни и системы жизнеобеспечения северных сообществ. Созданные в ходе экспедиционных будней фотопроекты Я.Ф. Строжецкого, Н.А. Виташевского, К.Ф. Рожновского с ландшафтными образами можно выделить 3 основных сюжетных линии: процессы освоения человеком северных земель; уникальные географические объекты с функциями сакральных либо исторических мест; этнографическая повседневность аборигенного населения.

В череде зарубежных этнографических экспедиций, изучавших Якутскую область в начале XX в. внимания заслуживает собирательская работа этнографической экспедиции М.А. Чаплицкой (Оксфордский университет) и г. Р. Холла (Филадельфия), работавших в Енисейском округе и части Вилюйского округа Якутской области. В. Ольшевски, исследователь польских исследований в Сибири и Казахстане, считает, что экспедиция англичан была организована благодаря публикациям В.И. Иохельсона, заинтересовавшего научную общественность перспективами изучения Сибири [5, с. 124]. Польский этнограф и географ Мария Антонина Чаплицкая (1884–1921) будучи еще студенткой факультета антропологии, Лондонской школы экономики и политических наук (подразделение Лондонского университета) стала собирать материал по народам Сибири. Ее заинтересовал феномен сибирского шаманизма, в частности проблема гендерной идентичности у шаманов и явление арктической истерии, психического заболевания, распространенного за пределами Полярного круга. Чаплицкая интересовалась исследования возможностями человеческого разума. Выделив в сибирском шаманизме гендерный аспект и определив, что суровые климатические условия становятся катализатором психических отклонений и выражаются в способности народов Севера погружаться в видения. В предисловии своей книги «*Aboriginal Siberia. A study of social anthropology*» (1914), она выразила свою искреннюю признательность русским этнографам: *«Я обязана поблагодарить русских ученых, особенно доктора Штернберга, г-на Максимова, г-на Иохельсона и г-жа Н. Харузину. Мистер Иохельсон проявил бесконечное терпение, помогая мне в поисках данных и разрешая мои сомнения по различным вопросам. Двум моим соотечественникам, мистеру Пилсудскому и мистеру В. Сорошевскому, полякам, которые провели много лет в тесном личном контакте с сибирскими аборигенами, я с радостью пользуюсь этой возможностью, чтобы выразить свою сердечную благодарность за их помощь... Я в долгу перед г-ном Пилсудским, г-ном Строжецким, д-ром Штернбергом из Императорской Российской академии науки проф. Франца Боаса в Колумбийском университете»* [8, р. 14].

Монография М.А. Чаплицкой получила положительную оценку В.И. Иохельсона, опубликованную в конце 1915 г. в журнале отделения этнографии Императорского Русского географического общества «Живая старина» [3, с. 317]. По мнению, А.М. Решетова данный труд, был в значительной мере компилятивным [6, с. 22]. Узнав, что английских ученых интересуют результаты польских и российских исследований сибирских народов, она выразила желание организовать работу Сибирской экспедиции, с целью изучения эвенков, почти неизвестного в Европе народа. По тем временам, это был новаторский и амбициозный проект, который она сумела самостоятельно реализовать и организовать. По данным А.М. Решетова в мае 1914 г. М.А. Чаплицкая по пути в Сибирь останавливалась в Санкт-Петербурге и Москве, где встречалась с Л.Я. Штернбергом, В.И. Иохельсоном, Д.Н. Анучиным, В.В. Богдановым, В.Н. Харузиной и другими русскими этнографами [6, с. 25].

21 мая 1914 г. экспедиция выехала в Сибирь, в ее состав вошли художница и фотограф Дора Кертис, орнитолог Мод Хэвиленд и Генри Холл из музея Университета Пенсильвании (США), отвечавший за сбор этнографических экспонатов. Экспедиция Чаплицкой сделала несколько сотен фотографий, антропометрических и этнографических заметок. Сама М.А. Чаплицкая провела антропометрические исследования, учила местные языки, составила словарь и записала образцы народного фольклора. Большинство материалов этой экспедиции сегодня хранятся в музее Питта Риверса при Оксфордском университете. Экспедиция проследовала вначале через Москву, далее поездом по транссибирской магистрали, доехала до Красноярска и оттуда достигла устья Енисея, затем исследовала территории между долинами Енисея и Лены, достигнув Вилюйского округа Якутской области. Экспедиционные дневники и отчет по его итогам не сохранились в архивах. В связи с началом первой мировой войны, экспедиция распалась. М. Хэвиленд и Д. Кертис вернулись в Великобританию, а М.А. Чаплицкая и Г. Холл продолжили экспедицию, направившись на юг от Туруханска, к озеру Чиринда зимой. В 1916 г. по материалам экспедиции она издала вторую монографию «My Siberian Year» (Мой год в Сибири). В том же году, в сборнике статей «The Soul of Russia» она публикует статью «The Siberian Colonist or Sibiriac». Данная статья являлась проблемной и критически настроенной, посвященной проблемным особенностям процесса внутренней колонизации Сибири в Российской империи. В ней автор выразила мнение, что колонизация Сибири не была добровольной, подчеркнув, что исторически данный процесс произошел до появления колоний в США и Канаде [9, р. 129]. Большая часть фотографий экспедиции до сих пор не введена в научный оборот. В 1914 г. в свою монографию она включила фотоиллюстрации айнов, бурят, эвенков-орочонов. В ней нашли отражения фотоматериалы переданные Я.Ф. Строжецким.

Впоследствии фотопроекты В.Л. Серошевского, Я.Ф. Строжецкого, Э.К. Пекарского и М.А. Чаплицкой получили высокую оценку у российской научной общественности. Однако оценочные суждения польских исследователей с позиций имперского дискурса о колонизации северных территорий, транслируют столкновение ментальностей европейского мышления и полярного им традиционного северного сообщества. Иллюстрированная история освоения Якутской области, обильно снабжена неприглядными примерами тяжелого экономического положения аборигенного населения. Акцентируя внимание на социальные контрасты якутского общества, они фактически проиллюстрировали российский опыт колонизационного освоения этих территорий, в виде механизма управления зависимыми экономически национальными окраинами. Выстраивая свои авторские визуальные проекты и реализовывая лексикографические опыты, они стремятся раскрыть глубину политических, социальных, бытовых, климатических, этнических контрастов колониальной северной окраины Рос-

сийской империи. Поэтому здесь визуальное наследие польских исследователей выражает их личностную интерпретацию событий и реальности российского провинциального общества, в эпицентре которого они оказались. Они прекрасно осознавали весь трагизм индустриальной и имперской экспансии северных территорий деловыми кругами России, которые использовали проводившиеся научные изыскания с практической целью оценки перспектив получения экономической выгоды. Хищнический способ хозяйствования на Севере отмечали не только исследователи как В.И. Иохельсон, но и многочисленные зарубежные исследователи, которые столкнулись с неприглядной картиной быта глубинки Российской империи.

Реконструкция творческих исканий и итогов деятельности польских художников и фотографов, через призму их историко-культурной среды, политического и жизненного опыта, участие в работе русских академических экспедиций и поисково-промышленных партий объясняет широкие полисемантические пласты визуальных образов в их творчестве, а также их опыт в области народоописания.

Список литературы

1. Антонов Е.П. Из истории научных и культурных контактов польских ссыльных и якутской интеллигенции // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2011. №1. С. 45–51.
2. Бровченко М.И. Фонды национального архива Якутии о ссыльных поляках конца XIX - начала XX в. // Ссыльные поляки в Якутии: итоги, задачи, исследование пребывания. Якутск. 1999. 168 с. С. 67–76.
3. Иохельсон В.И. (рец.). М.А. Czaplicka. Aboriginal Siberia, a Study in Social Anthropology (Инородческая Сибирь, исследования в области социальной антропологии). Oxford University Press, 1914. Р. I–XIV, 1–374, 16 plates, 2 maps // Живая старина. Периодическое издание Императорского Русского географического общества. Год XXIV. Вып. III. 1915. Пг., 1916. С. 317–321.
4. Казарян П.Л. Олекминская политическая ссылка, 1826–1917 гг. / Ин-т гуманитарных исследований. Изд. 2-е, доп. Якутск, 1996. 494 с.
5. Ольшевски В. Польские этнографические отношения с Сибирью и Казахстаном с середины XIX до начала XX в. в контексте развития теоретической этнологии // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 49. С. 123–127.
6. Решетов А.М. М.А. Чаплицкая и ее статья «Жизнь и деятельность Н.Н. Миклухо-Маклая» // Австралия, Океания и Индонезия в пространстве времени и истории: ст. по мат-лам Маклаевских чтений 2007–2009 гг. / отв. ред. Е.В. Ревуненкова; РАН. МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера). СПб.: МАЭ РАН, 2010. С. 22–31.
7. Ширина Д.А. Ян Черский и Якутия // Поляки в Якутии: мат-лы науч.-практ. конф., Якутск. 19 сентября 1997 г. Якутск, 1998. С. 52–60.
8. Czaplicka M.A. Aboriginal Siberia. A study of social anthropology. Publisher: Oxford, Clarendon Press, 1914. 374 p. 16 plates, 2 folded maps.
9. Czaplicka M.A. The Siberian Colonist or Sibiriak. The Soul of Russia. London: Macmillan and CO Limited, 1916. 307 p.
10. Kaminska E. Jan Strozecki I jego fotograficzne wspomnienia z Jakucji // Polscy odkrywcy, badacze I eksploratorzy Syberii oraz Azji Srodkowej (XIX – poczatek xx wieku). Wroclaw, 2018. Pp. 269–286.
11. Kubica Grażyna. Maria Czaplicka – warszawska emancypanka w centrum brytyjskiej antropologii. Zeszyty Etnologii Wrocławskiej nr 2014/1(20). Pp. 13–27.
12. Slabczynski T. Słownik polskich podrozników I odkrywców. Warszawa: Globograf, 2017. 496 pp.

**ИНВАЛИДЫ И ПОЖИЛЫЕ ЛЮДИ В «КУЛАЦКОЙ ССЫЛКЕ»
(НА МАТЕРИАЛАХ СИБИРИ)**

*Ковалев Александр Сергеевич,
Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия
alexkovaleff@yandex.ru*

В статье рассматриваются особенности «кулацкой ссылки» нетрудоспособных граждан в Сибири. Представлены нормативно-правовые документы, регулировавшие этот процесс, численные показатели спецпереселенцев в сибирском регионе из числа инвалидов и стариков, условия их жизни, труда и быта. Отдельно анализируются случаи передачи нетрудоспособных на содержание родственников и перевод их в специализированные инвалидные дома.

Ключевые слова: инвалиды, пожилые люди, раскулачивание, «кулацкая ссылка», спецпереселенцы

**DISABLED AND ELDERLY PEOPLE IN THE «KULAK EXILE»
(BASED ON MATERIALS FROM SIBERIA)**

*Kovalev Alexander Sergeevich,
Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia
alexkovaleff@yandex.ru*

The article examines the features of the «Kulak exile» of disabled citizens in Siberia. The normative legal documents regulating this process, numerical indicators of special settlers in the Siberian region from among the disabled and the elderly, their living conditions, work and everyday life are presented. The cases of transfer of the disabled to the maintenance of relatives and their transfer to specialized disabled homes are analyzed separately.

Keywords: the disabled, the elderly, dispossession, «kulak exile», special settlers

Как известно, в ходе коллективизации в 1929–1933 гг. широкие масштабы приняла политика раскулачивания, которое сопровождалось практикой выселения зажиточного сельского населения. Раскулаченных отправляли на спецпоселение (трудпоселение), что иначе называлось «кулацкой ссылкой», куда наряду со взрослыми трудоспособными крестьянами отправляли нетрудоспособное население – детей, инвалидов и пожилых людей. Тема коллективизации, раскулачивания и спецпереселения довольно хорошо представлена в отечественной, в том числе, региональной, историографии, в частности, в работах В.Н. Земскова, Л.В. Зандановой, С.А. Красильникова и др. [1–6]. Однако вопросы высылки и спецпереселения нетрудоспособных граждан ни в одном из исследований специально не поднимались, хотя в указанных публикациях о «кулацкой ссылке» инвалидов и стариков эпизодически упоминается.

Сибирский регион стал территорией, где создавались спецпоселения, и куда отправляли нетрудоспособных раскулаченных жителей деревни. В связи с этим целью настоящего исследования является историческая реконструкция процесса «кулацкой высылки» инвалидов и пожилых людей в 1930-х гг. в Сибири. Источниковой базой исследования стали опубликованные документы: постановления государствен-

ных и партийных органов (в том числе в Сибири) о спецпереселенцах; материалы переписки органов ОГПУ/НКВД с государственными и партийными органами; циркуляры, инструкции, доклады, рапорты, справки органов ОГПУ/НКВД, переписка их руководителей с государственными деятелями, текущая отчетная документация Сиблага.

В отчетных документах ОГПУ и Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) о положении спецпереселенцев 1930–1931 гг. периодически встречается следующая информация: «...среди высланных имелись инвалиды без ног, без рук, слепые, явные идиоты»; «возмутительные случаи преступной халатности... и выселения... престарелых стариков и... не имеющих трудоспособности»; «были высланы... дряхлые старики 75–80 лет»; «все бараки переполнены исключительно инвалидами и стариками» [7, с. 100–116; 8, с. 41, 303, 728].

Из доклада ОГПУ в президиум Запсибкрайисполкома о положении расселенных в комендатурах спецпереселенцев от 25 февраля 1931 г. следует, что через «томский лагерь... всего прошло 20 000 человек... из них занято на работах 460, в том числе на лесозаготовках 280. Остальные нетрудоспособные...» [8, с. 226]. Нетрудно посчитать, что 95 % всех спецпереселенцев составили нетрудоспособные. К маю 1932 г. было зарегистрировано 5,3 тыс. инвалидов [9, с. 8–9].

Авторы книги «Корни или щепки. Крестьянская семья на спецпоселении в Западной Сибири в 1930-х – начале 1950-х гг.» пишут о том, что в системе спецпоселений практически сразу «возникли “спецколонии” из малопригодных к труду и инвалидов из числа спецпереселенцев», что подтверждают слова начальника отдела трудовых поселений И. Долгих о том, что прибыло значительно количество «нетрудоспособных семей, для которых приходилось организовывать специальные колонии» [6, с. 107]. В разделе «Спецпоселки глазами московского чекиста» они приводят сведения из информационного письма сотрудника ОГПУ Л.И. Юргенса помощнику начальника особого отдела ОГПУ Н.Г. Николаеву о расселении спецпереселенцев в комендатурах Нарымского округа Западной Сибири, который насчитал «нетрудоспособных свыше 40 %» [6, с. 202].

В докладной записке И.В. Сталину об итогах хозяйственной деятельности лагерей за 1932 и первый квартал 1933 г. Г.Г. Ягода сообщал о следующих показателях численности нетрудоспособных заключенных: «...на 1 марта 1932 г. ...во всех лагерях было... инвалидов 6 500 чел. (2,4 %)), а «...на 10 апреля 1933 г. ... инвалидов 12 700 чел. (3,2 %) и как особое явление отмечается наличие не менее 75 000 чел. истощенных [до степени инвалидности] из числа вновь прибывших, трудовое использование которых невозможно» [10, с. 95].

Составители сборника «Исследования новейшей русской истории» отмечают: «Инвалиды и старики почти все погибли... Жилья для ссыльных не строилось... Со сланные отдавали местному населению (в том числе и начальству) в обмен на продукты свои последние вещи» [11, с. 116]. В.Н. Земсков приводит информацию, представленную Начальником Сиблага ОГПУ, согласно которой в начале 1930-х гг. из 10 с лишним тысяч спецпереселенцев, прибывших в Новосибирск, умерли 3,3 % нетрудоспособных и стариков» [3, с. 13]. Справедливо утверждение С.А. Красильникова и его соавторов, что инвалиды, «оказывались наименее адаптированными и наиболее уязвимыми» и были «маргиналами даже для спецпереселенческого маргинального социума» [6, с. 292].

26 мая 1933 г. вышло секретное Постановление бюро Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) о высылке 1000 «кулацких семей», где оговаривалось, что выселе-

нию не подлежат инвалиды и лица старше 60 лет» [12, с. 753]. Однако сведения о нетрудоспособных спецпереселенцах говорят, что постановление в очередной раз выполнено не было. Так, в с. Парабель среди спецпереселенцев 5,4 % составляли нетрудоспособные и «в северных комендатурах высокой оставалась доля... инвалидов» [6, с. 242]. Из рапорта Омского оперсектора ОГПУ в Сиблаг от 23 июля 1933 г. известно, что среди спецпереселенцев сохранялась «значительная часть инвалидов, стариков» [5, с. 102].

Администрация ГУЛАГа была возмущена тем, что лагеря были переполнены нетрудоспособными, однако не стоит думать, что руководство ОГПУ вдруг прониклось гуманизмом – недовольство было вызвано лишь тем, что среди выселенных было много инвалидов и стариков, «не могущих быть совершенно использованными» [5, с. 102].

Систематизированный учет инвалидов на спецпоселениях ОГПУ стало вести с осени 1931 г. В соответствии с ним динамика среднего числа пожилых людей на одну семью в период ссылки постепенно снижалась: в 1931 г. – 1,98 чел., в 1935 г. – 1,69 чел. [6, с. 223]. Снижение численности нетрудоспособных объясняется тем, что в 1933 г. летом со спецпоселений освободили 145 000 чел., из которых 44 % (64 000 чел.) составили как раз инвалиды и старики [10, с. 109]. Тем не менее, даже после этого, как И.В. Сталину сообщал Г.Г. Ягода, в 1935 г. в системе ГУЛАГ насчитывалось почти 100 тыс. человек, т.е. около 14 % от всего лагерного контингента, неработающих по болезни, инвалидности и старости. К 1938 г., если верить объяснительной записке начальника ГУЛАГа И.И. Плинера, в лагерях осталось только 3,7 % инвалидов (34 600 чел.), однако и общее число заключенных выросло до 935 135 чел. [10, с. 144].

Спецпереселенцы и их семьи имели право на медицинскую и социальную помощь. На них формально распространялось социальное страхование, они даже имели право на получение пенсий [3, с. 32–33]. Однако по постановлению Секретариата ВЦСПС «Об условиях труда и социальном страховании спецпереселенцев» от 27 июля 1936 г. в стаж, необходимый для назначения пенсий и пособий, не засчитывалось время до 1 августа 1931 г., т. е. в него не входило все «эксплуататорское прошлое» спецпереселенцев.

Согласно договорам Сиблага ОГПУ с отдельными предприятиями и организациями, использовавшими труд ограниченно трудоспособных спецпереселенцев, «оказание медицинской помощи... а также обеспечение инвалидов производятся наравне с вольнонаемными... рабочими и в соответствии с существующими на сей предмет правилами НКЗ, НКТ и ЦУСтраха» [9, с. 166–167].

31 августа 1933 г. Циркуляром ГУЛАГа в целях «решительного оздоровления» было предложено всех нетрудоспособных «освободить от работы, устроить в отдельные бараки и перевести на улучшенное питание по нормам не ниже производственного пайка, проводить регулярные врачебные наблюдения, а также после их “восстановления” не нагружать их тяжелыми работами, а установить режим постепенного втягивания в трудовые процессы» [9, с. 166–167].

В то же время стариков-инвалидов, не имеющих родственников, могли передавать на «патронирование» [13, с. 536–541]. Еще в 1931 г. ЦИК СССР издал закон, согласно которому допускалось восстановление спецпереселенцев в гражданских правах, и спецпереселенцы, подавая заявления на восстановление в правах, ссылались именно на нетрудоспособность и преклонный возраст [6, с. 94]. При этом в директивном письме ГУЛАГ и финотдела ОГПУ от 16 июля 1932 г. говорилось об обязатель-

ном трудоустройстве «инвалидов II и III категории, стариков-одинок, способных к какому-либо труду» [6, с. 245].

В.Н. Земсков отмечает «очевидную либеральность» при рассмотрении просьб стариков о передаче их родственникам, если они исходили от нетрудоспособных лиц, упоминая «меморандум» Г.Г. Ягоды, в котором указывалось: «...стариков старше 65 лет разрешается оставлять родственникам и знакомым, изъявившим желание их содержать» [3, с. 23].

С.А. Красильников с коллегами называет это «чекистским гуманизмом» и пишут о том, что в 1930–1931 гг. органы НКВД чаще всего давали добро на выезд нетрудоспособных к родственникам, ибо они уже не представляли для власти никакой угрозы, зато сама власть снимала с себя ответственность о стариках, перекладывая ее на родственников [6, с. 62]. По их мнению, этот процесс «точечно» проявил себя в Сибири в самом начале действия постановления и более не повторялся. Согласно сведениям Сиблага, к 1932 гг. на иждивение родственников действительно было передано нетрудоспособных спецпереселенцев 4 091 чел. в Западной Сибири и 5 чел. – в Восточной Сибири [13, с. 469–498]. Впрочем, с середины 1930-х гг. передача инвалидов и стариков на иждивение родственников прекратилась, что, в свою очередь, вызвало рост протеста – спецпереселенцы бежали поодиночке и даже целыми семьями [6, с. 280].

В сентябре 1934 г. ГУЛАГ НКВД СССР разослал на места циркуляр, в котором были определены некоторые ограничения при передаче стариков и инвалидов на иждивение родственников. Так, передача спецпереселенцев была возможна только в крайних случаях и каждый раз с ведома и разрешения органа НКВД. Категорически запрещалось отправлять на иждивение нетрудоспособных, которые бежали с мест поселения [7, с. 61–62]. В.Н. Земсков указывает, что «на практике эти “крайние случаи” исчислялись десятками тысяч... В 1934–1938 годах из “кулацкой ссылки” было освобождено посредством передачи на иждивение 33 565 человек» [3, 53]. Но, в конечном счете, возможность передачи нетрудоспособных спецпереселенцев их родственникам была отменена ввиду якобы «улучшения положения с их устройством» [14, с. 9].

О том, как происходила передача на иждивение на практике, лучше всего расскажет конкретный случай, описанный в монографии «Корни или щепки...». Так, в начале 1930 г. Г.Е. Тарасов вместе с 70-летней матерью был выслан в с. Нарым (Томский округ). Его младший брат Т.Е. Тарасов тогда же был осужден к трем годам ссылки на поселение в том же Томском округе. Отбыв срок ссылки и получив необходимые документы, младший брат обосновался в родных местах и через некоторое время принял решение вывезти со спецпоселения свою престарелую мать. Он обратился с «обязательством» в комендатуру ОГПУ Парабельского района: «Я являюсь родственником [(сын)] Тарасовой Дарье Герасимовне[,] лет 71, находящейся в данное время при комендатуре О.Г.П.У. Обязуюсь взять на свое полное обеспечение и иждивение[,] кроме того[,] несу ответственность за все антисоветские действия[,] направленные против политической партии и сов[етской] власти[,] и могучие быть совершенными» [6, с. 267–268].

Разрешение забрать мать Тарасов-младший получил, однако сразу же после прибытия в спецпоселок за матерью в июле 1935 г. был задержан милиционером, у него изъяли все документы и причислили к семье старшего брата. Причиной задержания стало то, что его старший брат в то же самое время совершил побег из спецпоселка, и работники комендатуры нашли в действиях младшего брата стремление вывезти из ссылки мать, спрятать у нее старшего брата, чтобы затем воссоединить се-

мью. Вскоре беглеца задержали и вернули обратно, но тогда побежал уже младший брат (дважды), за что в 1936 г. был окончательно оставлен на спецпоселении. О его дальнейшей судьбе ничего не известно, мать скончалась во время войны, а старший брат был снят с учета только в 1950-х гг.

Также нетрудоспособным спецпереселенцам оказывалась социальная помощь в виде помещения в дом инвалидов, которыми руководили местные органы Накрмздрава и НКСО. Секретное постановление СНК СССР о спецпереселенцах от 16 августа 1931 г. гласило: «Обязать Наркомсобес дать... указания принять в свои инвалидные дома нетрудоспособных и не имеющих помощи от родственников стариков-спецпереселенцев» [9, с. 23]. Изначально это должны были быть специализированные учреждения, но на деле спецпереселенцев направляли в самые обычные инвалидные дома, как, например, произошло в Новосибирске, где их просто причислили к «беспризорному и деклассированному элементу».

В целом в 1934–1938 гг. из «кулацкой ссылки» в инвалидные дома Сибири было направлено 18 988 чел. – 56,6 % от всех, кого «освободили», в том числе в Западно-Сибирском крае – 16 150 чел., Омской области – 2 119 чел., Восточно-Сибирском крае – 525 чел., Красноярском крае – 194 чел. [15, с. 296].

Первым в Западной Сибири был открыт дом для инвалидов-спецпереселенцев в пос. Ключи (недалеко от Новосибирска), где были размещены 200 чел. [9, с. 8–9]. В мае 1932 г. в с. Татьяновка был открыт краевой специализированный инвалидный дом для спецпереселенцев, куда предполагалось направить 1,5 тыс. (!!! – *прим. авт.*) инвалидов-спецпереселенцев. Его директор в обзоре к деятельности учреждения оставил много интересных сведений. Одно из самых интересных – это то, что вместо того, чтобы размещать прибывших «в палатках, шалашах, бараках временного типа... и использовать их на строительстве и других хозяйственных работах», их поселили в близлежащих деревнях, при этом они получили от директора характеристику: «здоровые, способные работать». Естественно, спецпереселенцы, почувствовав «свободу», отправились на работу к единоличникам. Заработав немного денег, они «бросились бежать в места прежнего жительства, что приняло почти массовый характер» [9, с. 258–259].

Также директор отмечал случаи, когда «здоровая часть инвалидов» (формулировка, возможная только в те годы. – *прим. авт.*) противодействовала администрации инвалидного дома: «имеются случаи непослушания, неподчинения и абсолютного отказа от работы и самовольного ухода с таковой» [9, с. 258–259].

Возвращаясь к вопросу о «здоровых» инвалидах, следует сказать, что 9 июня 1932 г. ГУЛАГом был издан новый циркуляр о нетрудоспособных, согласно которому отправиться на проживание в инвалидный дом теперь могли только совсем слабые здоровьем, в основном, люди пожилого возраста с I группой инвалидности, у которых не было родственников, которые могли бы их содержать (эта формулировка еще более древняя, из XIX века). Как эти люди, когда даже на «гражданке» обладатели I группы имели право не трудиться, работали на строительстве жилых бараков, остается загадкой.

К концу 1933 г. в инвалидном доме в Татьяновке числилось 894 чел. – из них 60 % мужчин и 40 % женщин. Из них 55 % были признаны годными к труду, соответственно, 44 % – нетрудоспособными, 4 % скончались, 1 % был отпущен на иждивение родственников, причем 32 % инвалидов бежали [9, с. 260].

Приведенные цифры позволяют сделать сразу несколько выводов. Во-первых, количество мужчин, отправленных в спецдом для инвалидов ненамного превышало

численность женщин; во-вторых, большая часть инвалидов была признана «годными» к труду (тоже показательная формулировка – не способными, а годными – *прим. авт.*); в-третьих, смертность среди обитателей спецучреждения была относительно низкой, но чуть выше, чем в обычном инвалидном доме (3 %); в-четвертых, крайне незначительными были показатели передачи бывших спецпереселенцев на иждивение родственникам. Зато больше трети немощных и убогих, несмотря на все свою болячки, пустились в бега, что ставит вопрос об истинном характере их инвалидности.

Причиной побегов были слухи, что старикам скоро разрешат вернуться домой. По воспоминаниям спецпоселенцев, «прошел слух, что нетрудоспособным можно уходить на родину. Собрались в дорогу... Пошли по... деревням. Ночевали под елками... [просили] милостыню... давали хорошо. Зайдем в избу, спросят: “Куда идешь?”... “На родину”. Однако ушли мы недалеко...” [16, с. 294].

Тех, кто совершал побеги из спецдома для инвалидов, возвращали без применения уголовного преследования, хотя сельсоветам «при наличии явной практической нецелесообразности возвращения [нетрудоспособных] на места расселения» разрешалось «в зависимости от конкретных обстоятельств дела» оставлять беглецов у себя [17, с. 206–207].

Самый важный вопрос – для чего все-таки были нужны инвалиды и старики в системе спецпоселений. Об этом лучше всего скажет секретное циркулярное письмо ГУЛАГа ОГПУ «О порядке использования нетрудоспособных категорий спецпереселенцев» [9, с. 89–93] от 10 июля 1932 г. В нем говорилось, что инвалиды и старики, если только они способны хотя бы к какому-либо труду, должны были вновь встать в трудовые ряды – этакая реинкарнация принципа «утилизации труда», который использовался в первой половине 1920-х гг. Нетрудоспособные «тунеядцы» из числа пожилых людей и инвалидов, как следует из документа, «деморализуют» среду, а потому были социально опасны для остальных спецпереселенцев. Их следовало «вовлечь в решение актуальной, поставленной партией и правительством задачи – развития производства предметов широкого потребления». О том, насколько это было важным для государства направлением, говорит тот факт, что был даже указан конкретный «набор посильных производств»: мебельные, пошивочные, гончарные, кирпичные мастерские, производство метизов, обуви и ее суррогатов, сетевязание, плетение корзин, лаптей, изготовление игрушек» – одним словом, те же самые производства, которые были доступны для инвалидов в период нэпа. Автор настоящей статьи прежде ошибочно полагал, что неквалифицированный труд инвалидов на подобных производствах со временем исчез, уступив место трудоустройству на промышленные предприятия в период индустриализации. Однако приведенный выше документ явно дает понять, что вовлечение нетрудоспособных в эти виды работ просто «перекочевало» в спецпоселения. Конечно, важно отметить и то обстоятельство, что «отдельные категории спецпереселенцев» могли быть заняты на сельскохозяйственных, огородных работах, «рассчитанных исключительно на удовлетворение собственной потребности».

Об условиях трудовой деятельности нетрудоспособных в сибирских лагерях сообщает справка Главного управления лагерями ОГПУ от 15 августа 1931 г.: «...работали наравне со здоровыми 10 часов в день» [8, с. 727]. Кроме этого, нетрудоспособные спецпереселенцы были обязаны заниматься сбором ягод, о чем Сиблагом 13 июня 1931 г. были даны соответствующие указания – в «добровольно-принудительном» порядке стариков, инвалидов и детей отправляли за 25 км от поселения в лес, чтобы каждый собрал не менее 8 кг ягод «для удовлетворения нужд са-

мих трудпоселенцев» с последующей оплатой 40–50 коп. за кг. Однако, как писал один из комендантов: «...выслал 10 чел. Весь день проходили... и ничего не собрали» [7, с. 164]. Сбор ягод дал самые ничтожные результаты, та что Сиблаг осознал ошибку и практику ягодных сборов отменил.

Трудились инвалиды с оплатой «по единым расценкам», получая жалованье два раза в месяц, но с них удерживали 50 % зарплаты «за полученное обмундирование», а остальные они, по сути, не могли потратить, поскольку ни ларька, ни «ларькового довольствия» не было. «Работающие инвалиды», зачисленные на питание, получали 300 г махорки, 200 рыбных консервов, 100 сельди, 100 печенья, 5 коробков спичек [18, с. 221–222].

Работающим на тяжелых работах инвалидам выдавали дополнительную пайку хлеба (300 гр.), но в целом «в связи с отсутствием крупы, мяса и овощей питание было скверное» [9, с. 261].

В этой связи любопытно обращение наркома внутренних дел Г. Ягоды в Совнарком СССР от 31 июля 1936 г. по вопросу об оказании государственной помощи трудпоселенцам северных районов Западной Сибири. Оказалось, что за умершими, бежавшими, переданными в инвалидные дома нетрудоспособными спецпереселенцами с 1931 по 1936 гг. «числится задолженность 7 022 000 рублей», которую он просил списать как «безнадежную» [7, с. 69–70], т. е. инвалидов и стариков сначала раскулачили, отобрали имущество, выгнали из дома, отправили на спецпоселение, где они отдавали половину заработка за содержание, где плохо питались и ужасно одевались, и они же оказались должны государству.

Вполне естественно, что после того, как инвалидов-спецпереселенцев перестали отдавать на иждивение и отправлять в инвалидные дома, их численность снова возросла. В директивном письме от 2 января 1935 г. секретарю Нарымского окружкома ВКП(б) К.И. Левицу заместитель начальника ОТП УНКВД по Западно-Сибирскому краю Анастасенко и начальник 1 отделения Гладышев обращали внимание, что в Нарыме «имеется... стариков, инвалидов, не могущих быть *освоенными* (выделено мной – прим. авт.) с точки зрения втягивания их в сельское хозяйство или промышленность, 6 250 человек» [11, с. 76–77].

Учитывая это, крайком партии решил «всю эту *массу, балласт, ни к чему не способный*» (выделено мной – прим. авт.), рассосать..., т. е. освободить, но только «после установления, что данное лицо ни в чем плохом, антисоветском себя не проявило», и «ни в коем случае... нельзя высвободить всех сразу», чтобы «не наводнить районы Западной Сибири... сразу большим количеством... не способных к труду». А вскоре был изобретен и новый механизм, когда часть нетрудоспособных предлагалось отправлять в артели инвалидов в качестве сторожей, мастеров или инструкторов прямо на спецпоселении.

В практике ГУЛАГа существовало еще и такая практика, как «инвалидная командировка» [18, с. 337] – некоторые инвалиды и старики, подлежащие освобождению, оставались на поселении, но имели право выходить за пределы охраняемой территории в сопровождении конвоя. Только 3 июня 1939 г. вышло распоряжение НКВД СССР «Об освобождении трудпоселенцев-инвалидов».

Итак, инвалиды и пожилые люди были такими же пострадавшими от политики большевистской партии, как и другие социально-возрастные группы. Органы власти были недовольны тем, что в спецпоселения попадали граждане, от которых не было никакой практической пользы – они не были активным трудовым элементом, на который рассчитывали организаторы «кулацкой ссылки». Поэтому от них стремились

максимально быстро избавиться, отправив на иждивение к родственникам или в специализированный дом инвалидов. С другой стороны, те из нетрудоспособных, кто сохранил рабочие силы, были так же востребованы, как и на производстве в городах, разве что зарплату получали другую, и условия их существования были гораздо хуже.

Безусловно, советская власть проявила себя по отношению к нетрудоспособным спецпереселенцам крайне негуманно, причем, истоки бесчеловечного отношения к инвалидам и старикам из сельской местности следует искать не в бездумном и бездушном проведении политики коллективизации и раскулачивания, а в начале 1920-х гг., когда, в соответствии с классовым подходом крестьяне стали людьми второго сорта, и государство практически не принимало участия в их социальной защищенности. Поэтому в период «великого перелома» нетрудоспособное сельское население стало одной из жертв социальной эксклюзии. Оказавшись в «кулацкой ссылке», которая сама по себе стала логичным продолжением этого исключения, они были обречены на постоянное воспроизводство своего непрезентабельного социального статуса. И даже отдельные попытки, направленные на их реабилитацию, не стали реальным механизмом обратного включения в советское общество.

Список литературы

1. Земсков В.Н. «Кулацкая ссылка» накануне и в годы Великой Отечественной войны // Социологические исследования. 1992. № 2. С. 3–26.
2. Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. М., 2003. 306 с.
3. Земсков В.Н. Сталин и народ. М.: Алгоритм, 2014. 240 с.
4. Занданова Л.В. Сибирская ссылка сталинской эпохи: спецпереселение 1930–1950-х гг. // Сибирская ссылка: сб. науч. ст. Иркутск: Оттиск, 2006. С. 130–141.
5. Красильников С.А. Серп и Молот. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М.: РОССПЭН, 2003. 288 с.
6. Красильников С.А., Саломатова М.С., Ушакова С.Н. Корни или щепки. Крестьянская семья на спецпоселении в Западной Сибири в 1930-х – начале 1950-х гг. М.: РОССПЭН, 2010. 326 с.
7. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933–1938 гг. / сост. С.А. Красильников [и др.]. Новосибирск: ЭКОР, 1994. 309 с.
8. Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4 т. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М.: РОССПЭН, 2003. Т. 3. 1930–1934 гг. Кн. 1. 1930–1931 гг. 864 с.
9. Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 – начало 1933 г. / сост. С.А. Красильников, [и др.]. Новосибирск, 1993. 341 с.
10. История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: собрание документов в 7 т. / отв. ред. и сост. О.В. Хлевнюк. М.: РОССПЭН, 2004. Т. 3. Экономика Гулага. 624 с.
11. Нарымская хроника (1930–1945): трагедия спецпереселенцев: документы и воспоминания / под общ. ред. А.И. Солженицына. М.: Русский путь, 1997. 254 с. (Исследования новейшей русской истории).
12. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: документы и материалы. В 5 т. / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М.: РОССПЭН, 2001. Т. 3. Конец 1930–1933. 1008 с.
13. Политбюро и крестьянство: Высылка, спецпоселение. 1930–1940 гг. М.: РОССПЭН, 2006. Кн. 2. 1118 с.

14. Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4 т. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М.: РОССПЭН, 2005. Т. 3. 1930–1934 гг. Кн. 2. 1932–1934 гг. 840 с.
15. Население России в XX в.: в 3 т. / под ред. В.Б. Жиромской. Т. 1. М.: РОССПЭН, 2000. 463 с.
16. Раскулачивание и крестьянская ссылка в социальной памяти людей: исследования, воспоминания, документы / сост. Г.Ф. Доброноженко, Л.С. Шабалова. Сыктывкар: СыктГУ, 2005. 294 с.
17. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 – весна 1931 г. / сост. С.А. Красильников [и др.]. Новосибирск: Наука, 1992. 283 с.
18. Бацаев И.Д., Козлов А.Г. Дальстрой и Севвостлаг ОГПУ-НКВД СССР в цифрах и документах: в 2 ч. Магадан, 2002. Ч. 1 (1931–1941). 381 с.

**К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА
ДЛЯ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ ГРУЗОВ И ЛЮДЕЙ ДО И ВО ВРЕМЯ ФОРСИРОВАН-
НОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ РАЙОНОВ СОВРЕМЕННОГО
КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ В 1927–1931 гг.**

Есин Роман Сергеевич,

*МБОУ школа № 93 имени Героя Социалистического Труда М.М. Царевского,
ЗАТО г. Железногорск, Красноярский край*

В 1930–1931 гг. в СССР шла индустриализация, руководство Советского Союза активно проводило политику форсированной коллективизации и ликвидации кулачества как класса. Для перемещения все возрастающего количества промышленных и сельскохозяйственных товаров и продуктов, а также раскулаченных крестьян, интенсивно использовался железнодорожный транспорт. В данной статье на конкретных примерах рассматриваются отдельные аспекты транспортировки грузов и людей по железной дороге Красноярского участка Томской железной дороги в 1927–1931 гг. Делается уточнение численности ссыльных, а также вывод о большом значении железнодорожного транспорта в перемещении спецпереселенцев на территорию, а также внутри земель современного Красноярского края в 1930–1931 гг.

Ключевые слова: коллективизация, раскулачивание, Красноярский край, индустриализация, кулацкая ссылка, спецпереселение

**TO THE QUESTION OF THE USE OF RAILWAY TRANSPORT FOR THE
MOVEMENT OF GOODS AND PEOPLE BEFORE AND DURING FORCED COL-
LECTIVIZATION IN THE TERRITORY OF THE DISTRICTS OF MODERN
KRASNOYARSK KRAI IN 1927-1931**

Esin Roman Sergeyevich,

*MBOU school № 93 named after Hero of Socialist Labor M.M. Tsarevsky.
Zheleznogorsk ZATO, Krasnoyarsk Territory*

In 1930–1931, industrialization was underway in the USSR, the leadership of the Soviet Union actively pursued a policy of forced collectivization and the elimination of the Kulaks as a class. Railway transport was intensively used to move an increasing number of industrial and agricultural goods and products, as well as dispossessed peasants. In this article, specific examples are used to consider certain aspects of the transportation of goods and people by rail of the Krasnoyarsk section of the Tomsk Railway in 1927-1931. The number of exiles is clarified, as well as the conclusion about the great importance of railway transport in moving special settlers to the territory, as well as inside the lands of the modern Krasnoyarsk Territory in 1930-1931.

Keywords: collectivization, dispossession, Krasnoyarsk Territory, industrialization, Kulak exile, special settlement

История эксплуатации железной дороги на территории районов современного Красноярского края в 1927–1931 гг. достаточно подробно изучена советской и постсоветской историографией [1–4]. Но не смотря на это по-прежнему остаются лакуны,

что нуждаются в освещении. Так, до сих пор не описаны некоторые аспекты истории Красноярского участка Томской железной дороги, а также роли железнодорожного транспорта в перевозке крестьянства в 1930-1931 гг. из европейской части СССР на территорию современного Красноярского края. Кроме того, не определен масштаб ссыльных, перемещенных по железной дороге в 1930-1931 гг., и находящихся на территории Приенисейского края.

В конце 1920-х – 1931 гг. в Сибири, нагрузка на железнодорожный транспорт возрастала. Это видно как по статистике загруженности вагонов по стране в целом [3], так и по отдельным участкам железной дороги. Так, например, интенсивность грузоперевозок на участке Красноярского района Томской железной дороги выросла с 40 766 вагонов в 1927 г. до 37 812 вагонов только за 7 месяцев 1930 г. [4, л. 1–4]. Количество перевозимых товаров росло (табл. 1).

Таблица 1 – Количество некоторых грузов, перевозимых по Красноярскому участку Томской железной дороги в 1927–1930 гг.*

Показатель	1927 г. (вагоны)	1928 г. (вагоны)	7 мес. 1930 г. (вагоны)
Хлебные грузы	6 570	8 544	10 195
Сахар	6	7	7
Металлы и «металлизделия»	1 598	1 743	986

*Таблица составлена по ГАКК Ф.П.-10. Д. 690 Л. 1–4.

Данные таблицы 1 демонстрируют рост количества перевозимых грузов на Красноярском участке Томской железной дороги в 1927–1930 гг. (в дальнейшем с развитием индустриализации шел еще больший рост количества перевозимых грузов [3]), а также разницу в количестве перевозимой сельскохозяйственной продукции и результатов промышленного производства. Потребность в усиленной эксплуатации железнодорожного транспорта была вызвана коллективизацией, а также индустриализацией.

Кроме различных грузов по железной дороге осуществлялись как добровольные, так и принудительные перевозки людей. После начала форсированной коллективизации началась политика ликвидации кулачества как класса, в рамках которой государство перевозило часть раскулаченных крестьян в различные регионы, а также осуществляло перевозки внутри отдельных административных единиц.

Загруженность железнодорожного транспорта ссыльными, показывает как общая статистика, так и ситуации на местах. Так, например, показателен один случай на участке железной дороги, описанный в деле, хранящемся в Государственном архиве Красноярского края.

С 10 по 20 мая 1930 г. на станцию Тяжин (Ачинский округ Сибирского края) прибыл эшелон в котором находилось 300 семей раскулаченных (1 656 человек), сосланных с Украины [5, л. 52]. Ни одно ведомство не стало их принимать. В результате задержки ссыльные стали болеть и умирать. Среди умерших были дети [5, л. 52]. В архивном деле сохранился список умерших на более чем 50 детей.

Архивные документы содержат материалы следствия, в которых имеется докладная следователя, допросы чиновников, ответственных за высылку и прием ссыльных, а также и других должностных лиц [5], что раскрывают подробности произо-

шедшего. В заключении дела содержится и информация о принятом властями решении: ссыльных расселили, а начальник Томского отделения УЛОНа ОГПУ сообщая о ситуации на ст. Тяжин говорит о том, что в деле усматривается «из ряда вон выходящая преступная халатность» [5, л. 58]. Но краевой прокурор принимает решение, что «по ситуации на ст. Тяжин не нужно привлекать к судебной ответственности, а только к партийной» [5, л. 77]. По всей видимости, итоговое решение прокурора принято на основании приведенных в деле фактов о большой загруженности всех ведомств (включая железнодорожное), что рассылали и принимали на разные периоды времени большое количество грузов и ссыльных крестьян.

Приведенная выше ситуация на ст. Тяжин частично демонстрирует загруженность железной дороги перевозимыми ссыльными.

Более показательной в вопросе масштабов транспортировки спецпереселенцев железнодорожным транспортом является общая статистика принудительно перевезенных на территорию современного Красноярского края крестьян в 1930–1931 гг.

По подсчетам исследователя А.П. Финнарова, за это время из других регионов на территорию современного Красноярского края в 1930–1931 гг. было привезено 24 200 хозяйств раскулаченных. Сибирский историк О.В. Корсакова дополняет эту цифру перемещенными спецпереселенцами внутри территории современного Красноярского края в первую кампанию по коллективизации 1930 г. [6, с. 200]. Но на Приенисейских землях в 1930–1931 гг. были проведены и другие кампании по раскулачиванию, в ходе которых ссылали крестьян.

К сожалению, в архивных документах до сих пор не обнаружена информация о точной численности раскулаченных на территории районов современного Красноярского края. Однако, на основании опубликованной статистики мы можем предположить приблизительную численность крестьян, подвергнутых политике ликвидации кулачества как класса.

Так, располагая, опубликованными российскими исследователями, двумя статистическими таблицами с количеством сосланных внутри Сибирского края за период 1930–1931 гг. [7. с. 4, 8] можно составить представление о численности ссыльных внутри Сибири, а соответственно раскулаченных за два периода в целом и в Западно-Сибирском и Восточно-Сибирском краях в частности (табл. 2).

Таблица 2 – Количество сосланных внутри Сибири за 1930–1931 гг.

Регион	С 1930 по 1 июля 1931 г. хозяйств (процент от численности по Сибири)	С 1930 г. по конец 1931 г. хозяйств (процент от численности по Сибири)	С 1 июля 1931 г. по конец 1931 г. хозяйств/семей
Западная Сибирь	43 057 (78,76 %)	52 091 (76,43 %)	9 034
Восточная Сибирь	11 609 (21,24 %)	16 068 (23,57 %)	4 459
Итого	54 666	68 159	13 493

Из данных таблицы 2 видно, что раскулачивание в 1931 г. в Западной и Восточной Сибири шло примерно одинаковыми темпами и за вторую половину 1931 г. соотношение между численностью ссыльных и раскулаченных внутри этих регионов изменилось на 2 % (Западно-Сибирский край потерял около 2 %, снизив численность спецпереселенцев с 78,76 до 76,43 %; Восточно-Сибирский край примерно на 2 % относительно общего числа ссыльных в Сибири увеличил численность ссыльных с 21,24 до 23,57 %).

Располагая данными о том, что в первую кампанию по коллективизации и раскулачиванию 1930 г. на территории районов современного Красноярского края было раскулачено 9 773 хозяйства, что составляло 16 % от раскулаченных в целом по Сибири (в Сибирском крае было раскулачено 59 238 хозяйств [9, с. 120]), а также учитывая то, что кампания по раскулачиванию и ссылке в 1931 г. имела больший масштаб чем в 1930 г. [10] мы можем уточнить численность раскулаченных за период 1930–1931 г. на территории районов современного Красноярского края, а именно, – минимум 16 % от 68 159 раскулаченных в Сибири крестьянских хозяйств – это 10 905 хозяйств раскулаченных на территории бывших Красноярского, Минусинского, Канского, Хакасского и Ачинского округов.

Зная данные, указанные выше, и учитывая расчеты А.П. Финнарова, по которым на территории Красноярского края в границах декабря 1934 г. за 1930–1931 гг. прибыло 24 200 хозяйств ссыльных крестьян, можно предположить, что на территории вышеперечисленных округов за этот период находилось около 35,1 тыс. крестьянских хозяйств.

Зная, что по Хакасскому округу с 1930 по 1931 г. раскулачено и административно сослано около 3 тыс. хозяйств [11], можно предположить, что в 1931 г. на территории районов современного Красноярского края находилось около 32,1 тыс. сосланных крестьянских хозяйств.

Таким образом, видно, что масштабы эксплуатации железнодорожного транспорта во время проведения форсированной коллективизации большие. Данный транспорт имел большое значение и использовался как для транспортировки различных грузов, так и для перемещения ссыльных крестьян. На территории современного Красноярского края, а также внутри земель Приенисейского региона в 1930–1931 гг. было размещено большое количество прибывших и местных спецпереселенцев. Основная их часть перемещалась по железной дороге – это раскулаченные, что были принудительно перемещены из других регионов, и часть крестьян, что были подвергнуты внутри-сибирской ссылке. Точную численность перемещенных в 1930–1931 гг. в рамках Красноярского, Ачинского, Минусинского и Канского и др. районов, располагавшихся на территории современного Красноярского края на данный момент определить невозможно. Но из расчетов выше видно, что это около 32,1 тыс. крестьянских хозяйств, из которых минимум 24 200 хозяйств были доставлены в Приенисейский край железной дорогой. Сколько из крестьян, перемещенных внутри края, было подвергнуто транспортировке на железнодорожным транспортом на данный момент точно сказать невозможно. Можно предположить, что так как основная часть ссыльных была размещена на территории близкой к участку железной дороги Ачинск – Красноярск – Канск (что отражает расположение комендатур в 1935 г. на территории районов современного Красноярского края [6, с. 224]), часть располагавшихся там ссыльных крестьян была перемещена на железнодорожном транспорте.

Список литературы

1. Очерки истории Красноярской партийной организации / редкол. Н.П. Силкова [и др.]. Красноярск, 1982.
2. Красноярье: пять веков истории. Красноярск, 2006.
3. Ахтамов Е.С., Гергилев Д.Н. Развитие железной дороги Енисейского региона в XIX–XXI вв. // I Степановские чтения. Административные реформы дореволюционной Сибири: мат-лы междунар. науч. конф. Красноярск: Изд-во СФУ, 2023. С. 51–56.
4. ГАКК Ф.П.-10 Д. 690. Л. 1-4.
5. ГАКК. Ф.П.-59. Оп. 1. Д. 744.
6. Корсакова О.В. Крестьяне-спецпереселенцы в Сибири в 1930-е гг. (на материалах Красноярского края): дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2001.
7. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4 т. Т. 3, кн. 1. С. 716–717.
8. Земсков В.Н.. Спецпоселенцы (по документации НКВД – МВД СССР) // Социологические исследования. 1990. Вып. 11. С. 3–17.
9. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 – весна 1931 / отв. ред. В.И. Данилов, С.А. Красильников. Новосибирск, 1992.
10. Ильиных В.А. Сибирская деревня в период коллективизации: микроистория (село Плотниково Новосибирского района Новосибирской области) // Крестьяноведение. 2021. Т. 6, № 1. С. 71–90.
11. Антикрестьянские репрессии в Хакасии. <https://gazeta19.ru/index.php/pечатnaya-versiya/item/19369-antikrestyanskie-repressii-v-khakasii> (дата обращения: 08.10.2024).

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ РОССИЙСКИХ СТАРООБРЯДЦЕВ В СИБИРЬ В XVII В.

Бакшеев Андрей Иванович,

кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой философии и социально-гуманитарных наук

*ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет имени проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого» Минздрава России, Красноярск, Россия
baksh-ai@yandex.ru*

Старообрядчество – это разноплановый и уникальный феномен, распространившийся на огромной территории благодаря миграции его сторонников. Изучение миграции староверов в Сибирь позволяет определить роль староверов в освоении заселенных ими территорий. В статье осуществлен анализ процесса миграции российских старообрядцев в Сибирь в XVII в.

Ключевые слова: раскол, старообрядцы, миграция, Сибирь

THE RELOCATION OF RUSSIAN OLD BELIEVERS TO SIBERIA IN THE 17TH CENTURY

Baksheev Andrey Ivanovich,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy and Social and Humanitarian Sciences

*Prof. V.F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University, Krasnoyarsk, Russia
baksh-ai@yandex.ru*

Old Believers are a diverse and unique phenomenon that has spread over a vast territory due to the migration of its followers. The study of the migration of Old Believers to Siberia allows us to determine the role of Old Believers in the development of the territories they inhabited. The article analyzes the process of migration of Russian Old Believers to Siberia in the 17th century.

Keywords: schism, Old Believers, migration, Siberia

Введение. Сегодня российская историческая наука проявляет все больший интерес к историко-религиозной тематике, неотъемлемой частью которой в истории России является старообрядчество, чьи последователи в разные периоды времени расселились по всей территории нашей страны и даже за ее пределами. В то же время, в отечественной науке эта тема остается малоизученной и значительной части российского общества неизвестной. Старообрядчество, корни которого уходит в середину XVII века, времен московского патриарха Никона (1652–1666), в течение длительного периода влияло на внутривластное положение в российском государстве, представляя свое собственное понимание и подходы к отношениям государства и общества. В результате недоразумений, нежелания идти на компромиссы, между ними образовался целый комплекс противоречий и нерешенных проблем, повлекших за собой гражданское неповиновение и противостояние старообрядцев официальной Церкви и государству.

Следствием политики преследования и репрессий со стороны государственных структур в отношении религиозных инакомыслящих сообществ, в России стала многочисленная вынужденная, а подчас и принудительная миграция. В ней сторонники дониконовского православия (разных направлений) искали уединения и покоя, преимущественно в окрестностях государства или за его пределами. Люди, отличавшиеся стойкостью своих убеждений и преданностью культурным традициям, были вынуждены не по своей воле покидать родину. Конфессионная политика российского правительства при всей жестокости мер, направленных на поддержку господствующего положения православной Церкви, не смогла подавить и искоренить существовавшее и развивавшееся старообрядчество благодаря силе убеждений своих сторонников, готовых за свою веру принять мученическую смерть.

Цель исследования: анализ процесса миграции российских старообрядцев в Сибирь в XVII в.

1. Предпосылки миграции староверов во второй половине XVII века

Старообрядчество как религиозное, политическое и социально-культурное явление русской истории неразрывно связано с постоянной миграцией его приверженцев. Реформа церковной обрядности, проводимая патриархом Никоном (1652–1666) на протяжении 1653–1658 гг., вызвала один из величайших социальных протестов в истории российского государства. Результатом социально-политической борьбы стал, так называемый, церковный «раскол» и раздел православной церкви Московского царства на никониан – тех, кто поддержал или подчинился реформам Никона, и старообрядцев – тех, кто решительно выступил против изменений церковного уклада и оставался преданным древнему богослужебному чину. С первых дней противостояния последние были названы государством, поддержавшим реформу патриарха, «раскольниками», а само явление получило название «церковный раскол» или просто – «раскол». Старообрядцы не изменили древней церковной традиции, прежним церковным обрядам, «старой вере», поэтому они называли себя староверами, древнеправославными христианами и Церковью Христа. Постепенное ослабление преследования старообрядчества отразилось в присвоении им государством общепринятого светского названия – «старообрядцы» [1, с. 17].

Главным фактором, побудительным мотивом, старообрядческой миграции всегда была государственная политика в религиозной сфере. Староверы были довольно мобильной группой населения, быстро реагировавшей на смену правительственных настроений. Все значительные миграционные волны были вызваны государственной политикой – как реакционной, так и либеральной. Поиск лучших для жизни земель и отсутствие жесткого государственного контроля, каждый раз выступали основной целью переселенцев. Миграция стала единственным возможным средством сохранения собственной жизни и верности своим религиозным взглядам. Но переселение в более отдаленные от контроля центральной власти регионы не всегда гарантировали староверам защиту и спокойное исповедание своей веры [2, с. 191].

В результате репрессий, проводимых государством и Церковью, часть старообрядцев не согласилась преждевременно отдать свою жизнь на плахе или в горящем срубе. Они разделились на тех, кто был готов с оружием в руках отстаивать свою веру и тех, кто решил бежать и скрываться от преследований. Последние составляли абсолютное большинство приверженцев старой веры [3, с. 61]. Началось бегство старообрядцев в леса, на пустынные (безлюдные) окрестности России и за границу. Ссылки представителей духовенства, оставшихся верными старому обряду, спровоцировали массовое переселение их приверженцев и сподвижников. И хотя миграция старооб-

рядческого духовенства играла важную роль в распространении и сохранении старой веры, тем не менее, куда большее значение имело для развития старообрядчества переселение «раскольников» из мирян, их колонизационное движение на окраины Российского государства [4, с. 134].

Итак, с середины 50-х гг. XVII в. началось формирование государственной и церковной политики по отношению к сторонникам старой веры. Происходит законодательное закрепление анти старообрядческой политики, которая в 1680-х гг. достигла своего апогея. Результатом преследований, введенных господствующей церковью, а фактически реализованных государством, становится массовое переселение староверов. В результате бегство от контроля государственных чиновников и официальной церкви, рассматривалось старообрядцами как одно из немногих оставшихся средств защиты собственной веры и сохранения жизни.

2. Переселение старообрядцев в Сибирь во второй половине XVII века

Одним из направлений первых переселений старообрядцев стала территория Западной Сибири, куда старообрядцы направились уже в конце 60-х – начале 70-х гг. XVII в., сразу после церковной реформы. Н. Покровский и Н. Зольникова высказали мнение, что колонизация сибирских земель, а также их освоение с самого начала, в значительной степени, были связаны именно со старообрядчеством [5, с. 170]. Представители дореформенного православия проникали на эти территории двумя путями: в качестве ссыльных и свободных колонистов. Все же ведущую роль в расселении староверов в Сибири сыграла ссылка, масштабы которой значительно увеличились на рубеже XVII и XVIII вв. Среди отправленных в ссылку преобладали крестьяне, и так называемые «мятежники»: стрелки, служилый люд, оппозиционные государственные деятели и их родственники [5, с. 172].

Намерение оказаться как можно дальше от официальных властей Церкви и Российского государства направляло старообрядцев на далекие просторы Сибири и тем самым вынудило их осваивать ее необжитые территории, богатые, как плодородными незанятыми землями, так и полными дичью лесами. Условия Сибири являлись для староверов идеальным убежищем, обеспечивая всем необходимым для обзаведения хозяйством. Переселенческое движение особенно увеличивалось в периоды усиления репрессий, однако не прекращалось и при их ослаблении. Освоение старообрядцами Сибири осуществлялось постепенно, по направлениям с запада на восток и с севера на юг [6, с. 63–72]. «Раскол» в Сибири изначально получил более резкое выражение, и не только никогда не смягчался, наоборот – становился более консервативным. Удаленность от российских центров поповщины приучила сибирских староверов обходиться без священнослужителей, поэтому они почти никогда не знали разделения на поповщину и беспоповщину.

С. Зеньковский полагает, что первые старообрядцы переселились в сибирские земли в первые годы после церковного раскола, проповедником которого был протопоп Аввакум, находившийся в тобольской ссылке с декабря 1653 г. до июня 1655 [7, с. 267–268], после которой в 1656 г. он был сослан повторно, – в Даурию (Забайкалье) – на еще никем не освоенные территории.

Про первые поселения старообрядцев в Сибири сохранилось мало сведений. А.И. Мальцев пишет, что на тот момент основным очагом раскола являлся Тобольск, как центр освоения Сибири, и предположил, что старообрядцев переселяли в Сибирь, главным образом, в принудительном порядке [8, с. 35], а одно из их первых компактных поселений возникло на территории современной Омской области уже в 1665 г. Н.Н. Покровский также считает, что старообрядцы появились на этих землях в пер-

вые годы церковного раскола, однако, их массовое переселение в Сибирь относит к более позднему периоду – 70–80-м гг. XVII в. О быстром заселении старообрядцами сибирских земель было отмечено уже на Соборе 1681 г. [5, с. 168–172].

Для переселившихся в Сибирь старообрядцев было характерно слаженное самоуправление [9, с. 59]. Переселенцы, принешие сюда старую веру, преимущественно из северных районов, нашли среди немногочисленного местного населения много сочувствующих. Такое положение было связано с нечастыми визитами в Сибирь чиновников, очень малым количеством духовенства, которое годами не навещалось к своей пастве, особенно в отдаленные районы региона. Большинство местного населения воспринимало новый церковный обряд, введенный патриархом Никоном, как попытку усиления правительственного контроля над подданными, поэтому с пониманием и сочувствием относилось к противникам таких нововведений [7, с. 396].

В Сибири было положено начало сети старообрядческих приютов, ставших своего рода приходскими центрами, к которым тяготело местное население, и преобразовавшихся постепенно в сеть приютов для всех переселенцев, бежавших в Сибирь. Желание центральной власти заставить подданных правильно исповедовать веру, нести немалые повинности и выполнять обязательные работы, наталкивалось на растущее стремление беглецов найти самые отдаленные и непроходимые земли для свободной жизни [5, с. 174]. Таким образом, старообрядчество становилось одним из важных факторов интенсивной, большей частью скрытой колонизации Сибири. В результате миграции старообрядцы образовали в Сибири очаги особого русского субэтнуса, неравномерно расселенного на огромных просторах.

Заключение. Установлено, что миграция старообрядцев началась сразу после первых мер реформирования Церкви, проведенных московским патриархом Никоном. Староверам пришлось переселяться из-за безвыходного положения, в котором они оказались с самого начала – когда перед ними предстал выбор: или отречься от своих убеждений и взглядов, или идти в тюрьму, на допросы, а то и сгореть в пламени костров. Стремление сохранить свою жизнь и, вместе с тем, остаться верными своим религиозным взглядам заставляло тысячи и тысячи старообрядцев переселяться подальше от церковно-государственного надзора и контроля. Выяснено, что переселение староверов во второй половине XVII в. происходило в условиях кровавых преследований и жестоких расправ. Происходит заселение староверами Сибири. Определяющими для мигрантов становятся факторы удаленности от надзора и недостижимость церковного преследования. Спокойное существование старообрядцев смогли обеспечить территории, не находившиеся под властью Москвы или где правительственный контроль, которых был минимальным.

Список литературы

1. Крамер А.В. Раскол русской Церкви в середине XVII века. СПб.: Алетейя, 2011. 368 с.
2. Пыжиков А.В. Грани русского раскола. Заметки о нашей истории от XVII века до 1917 года. М.: Древлехранилище, 2013. 648 с.
3. Кожурин К.Я. Повседневная жизнь старообрядцев. М.: Молодая гвардия, 2014. 555 с.
4. Бакшеев А.И. Теория фронта и переселение крестьян в Сибирь: научная трактовка государственной политики XIX–XX веков // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т.16, № 2. С. 130–140.

5. Покровский Н.Н., Зольникова Н.Д. Освоение Сибири и старообрядчество // Всероссийский экономический журнал. 2011. № 2. С. 168–184.
6. Рябцева В.А. Миграционные потоки старообрядцев в Западную Сибирь // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 24. С. 63–72.
7. Зеньковский С.А. Русское старообрядчество. В 2 т. / сост. Г.М. Прохоров. М.: Ин-т ДИ-ДИК, 2009. 688 с.
8. Мальцев А.И. Староверы-странники в XVIII – первой половине XIX в. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. 268 с.
9. Бакшеев А.И. Сибирь в системе государственного устройства Российской империи // I Степановские чтения. Административные реформы в дореволюционной Сибири: мат-лы Междунар. науч. конф. Красноярск, 2023. С. 57–63.

ТРУДОВЫЕ РЕСУРСЫ СИБИРСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Зберовская Елена Леонидовна,

*Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева,
Красноярск, Россия
zberovskay@mail.ru*

В статье рассматриваются трудовой потенциал и место вынужденных переселенцев 1940-х – начала 1950-х гг. в процессе модернизации Сибири в контексте представлений самих переселенцев и оценки «принимающей стороны» – хозяйственных руководителей.

Ключевые слова: модернизация, Сибирь, спецпоселенцы, адаптация, трудоустройство, рабочая сила

LABOR RESOURCES OF SIBERIAN MODERNIZATION

Zberovskaya Elena Leonidovna,

*Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev, Krasnoyarsk, Russia
zberovskay@mail.ru*

The article examines the labor potential and the place of forced settlers of the 1940s-1950s in the process of modernization of Siberia in the context of the ideas of the special settlers and the assessment of the "host party" – enterprise managers.

Keywords: modernization, Siberia, special settlers, adaptation, employment, labor force

В 1940-х – начале 1950-х гг. Сибирь стала новым местом жительства для семей вынужденных переселенцев, оказавшихся в этом крае не по своей воле, в т. ч. более 250 тыс. чел. в Красноярском крае. Переселение было обусловлено как идеологическими, так и экономическими причинами – необходимостью дальнейшего освоения и Сибири, промышленное значение которой в послевоенное время постоянно возрастало. Постоянный приток рабочей силы был тесно связан с модернизационными процессами.

По справедливому замечанию новосибирского историка В.И. Исаева, «модернизация – это процесс не только количественных, но и качественных изменений. Большое значение имеют изменения в качественных характеристиках самого действующего субъекта исторического процесса – человека» [1]. В статье рассматриваются представления участников модернизационного процесса – спецпереселенцев об их месте и роли в указанном процессе и оценки прибывших трудовых резервов со стороны местных управленцев, участвовавших в приеме и трудоустройстве рабочей силы.

Среди спецпереселенцев военных и послевоенных лет, большую часть составляли женщины и дети. Так, после ликвидации Калмыцкой АССР в Сибирь, на Алтай и в Казахстан зимой 1944 г. были переселены 93 073 калмыка, в т. ч. 32 313 (34,7 %) женщин и 43 254 (46,5 %) детей [2, с. 369]. Оказавшиеся на спецпоселении немцы Поволжья тоже имели преимущественно женский и детский состав: в Новосибирской области из 120 тыс. переселенцев 50 % составляли дети, 27 % женщины, 23 % муж-

чины [3, с. 86]. Из 13 823 чел., прибывших в Красноярский край из Прибалтики в апреле 1949 г., было 6 103 женщины (44,2 %), 4 206 детей (30,4 %) и 3 514 мужчин (25,4 %) [4, с. 90]. Таким образом, изначально половозрастной состав переселенцев не имел подходящих для хозяйственного освоения территорий и развития промышленности региона характеристик. Мужчин, которые удовлетворяли экономическим запросам сибирских территорий, могли работать в добывающей, сырьевой, тяжелой промышленности, было мало.

Распределение пребывающих в Сибирь осенью 1941 г. семей не имело строго плана, поскольку основное внимание руководителей региона было сосредоточено на вопросах, связанных с обеспечением фронта и тыла. Большая часть немцев была направлена в колхозы и совхозы, где они частично заменили мобилизованных с фронта мужчин-сибиряков. В Красноярском крае исполком предписал распределить немецкие семьи в 40 районах края по 1–2 тыс. чел. в каждом [5]. Но уже в 1942 г. переселенцы выступают для властей и предприятий региона как трудовой ресурс, который может быть перемещен в соответствии с нуждами экономики. С начала 1942 г. немецких мужчин, а потом и женщин, наряду с русскими и представителями других этнических групп, стали призывать в рабочие колонны, отправлять в северные районы Сибири для развития рыбных промыслов.

В дальнейшем, распределение переселенцев все больше обретало черты плановости. В Постановлении СНК СССР №1432-425 с от 28 декабря 1943 г. Предписывалось «расселение калмыков производить главным образом в сельскохозяйственных, животноводческих и рыболовецких хозяйствах. Рабочих и служащих в предприятиях районов вселения с использованием по специальности» [6]. На месте планы корректировались. Так, в Красноярском крае, помимо рыбных промыслов и сельскохозяйственных артелей, калмыки были направлены на работу на Канский гидролизный завод, на марганцевый рудник в Ачинском районе, кирпичные заводы г. Красноярска, в химлесхозы Нижнеингашского района, предприятия лесной промышленности Манского, Советского и др. районов [7]. Переселенцы направлялись на предприятия, которые испытывали большую потребность в работниках. В 1948 г. при переселении в край 6000 литовских семей, Совет Министров СССР предписывал направлять их на предприятия лесной промышленности [8]. В свою очередь лесопромышленные тресты могли направить заявки на размещение контингента, который «по своему физическому состоянию должен быть пригоден для работы на лесозаготовках» [9].

Для приема переселенцев были созданы тройки в составе представителей исполкома, райкома и наркомата внутренних дел. Однако основные заботы размещения и трудоустройства доставались непосредственным руководителям колхозов, совхозов, трестов, которые не всегда были готовы принять и трудоустроить такой специфический контингент работников, с явным преобладанием детей и женщин. Им вменялось в обязанности трудоустроить преимущественно женский контингент, а также «расширить сеть детских учреждений в местах расселения в целях использования на производстве женщин, обремененных детьми» [10]. Перед руководителями была поставлена задача «закрепить» переселенцев в местах вселения, произвести их трудовое и хозяйственное устройство, проводить «массово-политическую работу по мобилизации переселенных на выполнение и перевыполнение норм выработки» [11].

Успехи в трудоустройстве переселенцев во многом зависели от их прежней специальности. Прибывшие из колхозов и совхозов трактористы и механизаторы быстро включались в рабочий процесс в сельскохозяйственных коллективах в местах

вселения. В таких случаях руководители докладывали, что «есть неплохие люди и показатели: например, бригада трактористов (немцев) в Первоманском свиновхозе на ремонте тракторов выполняет дневную норму на 123 %» [12]. Однако в условиях войны трудоустройство по специальности происходило не всегда. Так, часть калмыцких семей была направлена в химлесхозы, на заготовку живицы. Им пришлось в Сибири познакомиться с этим промыслом. В связи с чем, руководители лесохимических предприятий сетовали, что производительность труда низкая, план 1944 г. по добычи живицы не выполняется [13]. Подобные отчеты об отсутствии опыта рыбодобычи у перемещенных на север семей немцев, финнов, греков можно обнаружить в отчетах уполномоченных Красноярского крайкома в 1942 г.

Руководителям предприятий предписывалось обучить неквалифицированную рабочую силу, что по мере возможностей, в условиях ограниченных местных трудовых ресурсов, они и делали. Осваивая новые специальности, переселенцы вливались в местные трудовые коллективы, некоторые из них становились передовиками производства, перевыполнявшими планы [14]. Таким образом, производственные характеристики переселенцев для руководителей местных лесопромышленных, золотодобывающих, рыбных предприятий были невысокие. Прибывшую рабочую силу надо было разместить, обеспечить питанием и обучить базовым трудовым операциям. В связи с этим, в отчетах с мест зафиксированы постоянные просьбы о помощи в хозяйственном обустройстве переселенцев.

Оказавшиеся в новых местах жительства немцы-горожане первоначально скептически оценивали возможности реализации своих трудовых навыков. Так, прибывшие в Минусинский район Красноярского края немцы первоначально в колхозы не вступали, рассчитывали на работу в учреждениях г. Минусинска, Абакана и других, поскольку в Республике немцев Поволжья они работали в городе и здесь они «дадут мало пользы в колхозах» [15]. Небольшая часть была все же трудоустроена в организациях, но большинство переселенцев, как свидетельствуют отчеты, было отправлено в колхозы и совхозы. С трудом привыкали к новым трудовым будням калмыки. Через два месяца после переселения в Сибирь, исполком Красноярского крайсовета отмечал, что «спецпереселенцы-калмыки полностью не трудоустроены». У большинства не было теплой одежды и обуви. Спецпоселенцы быстро осознали, что трудовая адаптация является основным условием их выживания. В январе 1947 г. замначальника УМВД по Новосибирской области докладывал, что отношение калмыков к труду на производстве удовлетворительное, жалоб со стороны руководителей не поступало [2, с. 378]. В целом, не смотря на сложные условия первых лет жизни в Сибири: нехватку одежды и обуви у переселенцев, суровый сибирский климат, крайне стесненные бытовые условия, они были включены в трудовой процесс, став неотъемлемой частью местных трудовых коллективов.

В памяти детей переселенцев сформировались патерны о тяжелом труде их родителей-спецпоселенцев, чья молодость пришлась на военные и послевоенные годы. В своих устных нарративах они отмечают, что труд 12–13-летних подростков был распространенным явлением. Выделяются два основных мотива: «все для фронта – все для победы» и «заработать на кусок хлеба» [16]. Таким образом, в сложившихся нарративах, прибывшие в 1940-х – начале 1950-х гг. спецпоселенцы, наряду с сибиряками трудились в тылу, обеспечивая нужды фронта, а затем активно участвовали в послевоенном экономическом восстановлении страны. Ударный труд стал главным способом обеспечения базовых потребностей выселенцев, поскольку на новых местах

они жили бедно, компенсацию за сданное на родине имущество удалось получить немногим.

В конце 1940-х – начале 1950-х гг. прибывшие в Сибирь спецпоселенцы трудились в промышленности и сельском хозяйстве региона. Закрепление их в местах вселения навечно по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. окончательно привело к пониманию, что они становятся постоянными трудовыми кадрами в Сибири. В ходе прошедшего в 1949 г. переучета спецпоселенцев в Красноярском крае их насчитывалось 126 765 чел., в т. ч. 82 573 чел. (65,1 %) трудоспособных, из которых 5 586 чел. – подростков до 16 лет [17]. Пройдя сложную адаптацию, вынужденные переселенцы внесли свой вклад в хозяйственное освоение региона.

Список литературы

1. Исаев В.И. Формирование городского образа жизни в процессе модернизации Сибири. URL: <https://sibistorik.ru/project/modern/031.html> (дата обращения: 16.06.2024).
2. Максимов К.Н. Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки. М., 2010. 406 с.
3. Белковец Л.П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941–1955 гг.: историко-правовое исследование. М., 2008. 359 с.
4. Зберовская Е.Л. Спецпоселенцы в Сибири (1940–1950-е гг.). Красноярск, 2010. 180 с.
5. ГАКК. Ф.Р.-1386. Оп. 4. Д. 41. Л. 149–150.
6. ГАКК. Ф.Р.-1386. Оп. 4. Д. 66. Л. 8.
7. ГАКК. Ф.Р.-26. Оп. 14. Д. 48. Л. 209–212.
8. ГАКК. Ф.Р.-1386. Оп. 4. Д. 111. Л. 87.
9. ГАКК. Ф.Р.-26. Оп. 21. Д. 10. Л. 184.
10. ГАКК. Ф.Р.-1386. Оп. 4. Д. 71. Л. 1–2.
11. Там же.
12. ГАКК. Ф.Р.-26. Оп. 3. Д. 105. Л. 1.
13. ГАКК. Ф.Р.-26. Оп. 13. Д. 383. Л. 38.
14. ГАКК. Ф.Р.-1444. Оп. 1. Д. 8. Л. 13.
15. ГАКК. Ф.Р.-26. Оп. 3. Д. 105. Л. 3.
16. ОАГ, КГПУ, Каратузское-2016, ПФ-19; ГВГ, КГПУ, Курагино-2017, ПФ-12.
17. ГАРФ. Ф.Р.-9479. Оп. 1. Д. 471. Л. 98.

**ВЫСЕЛЕННЫЕ «ТУНЕЯДЦЫ» В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ В 1961–1965 гг.:
ЧИСЛЕННОСТЬ, ПРАВОВОЙ РЕЖИМ, БЫТОВОЕ
И ТРУДОВОЕ УСТРОЙСТВО**

Воробьев Алексей Николаевич,

*Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева,
Красноярск, Россия
politscience@mail.ru*

В статье на основании архивных источников рассматриваются численность, правовой режим и организация надзора, трудовое и бытовое устройство лиц, выселенных в Красноярский край в период 1961–1965 гг. на основании Указа ПВС РСФСР от 4 мая 1961 г. «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни».

Ключевые слова: тунеядцы, социальный контроль, девиантное поведение, принудительный труд

**EVICTED “PARASISTERS” IN KRASNOYARSK REGION IN 1961–1965: NUM-
BER, LEGAL REGIME, LIVING AND EMPLOYMENT ARRANGEMENTS**

Vorobyev Alexey Nikolaevich,

*Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev, Krasnoyarsk, Russia
politscience@mail.ru*

The article, based on archival sources, examines the number, legal regime and organization of supervision, labor and living arrangements of persons deported to Krasnoyarsk Krai in the period 1961–1965 on the basis of the Decree of the Supreme Soviet of the RSFSR of May 4, 1961 “On strengthening the fight against persons evading socially useful work and leading an antisocial parasitic lifestyle”.

Keywords: parasites, social control, deviant behavior, forced labor

Представления высшего руководства СССР о возможностях и методах форсированного построения коммунизма и связанная с этим борьба с «пережитками прошлого» привели к принятию 4 мая 1961 г. Указа ПВС РСФСР «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни». Согласно данному указу лица, «не вставшие на путь честной трудовой жизни», по постановлению народного суда или же на основании общественного приговора, утвержденного исполкомом Совета депутатов трудящихся, подвергались выселению в «специально отведенные местности» на срок от двух до пяти лет с обязательным привлечением к труду.

Совет министров РСФСР утвердил Красноярский край одним из шести регионов, куда подлежали выселению «тунеядцы» [1, с. 590]. Чуть позднее МВД РСФСР определило список регионов, с территории которых выселенные лица направлялись в Красноярский край. Список состоял из двадцати регионов европейской и центральной частей РСФСР, включая Москву [2, л. 1].

Выселенные «тунеядцы» начали прибывать в Красноярский край в первой половине июня 1961 г. В начале июля 1961 г. исполком Красноярского крайсовета своим решением определил районы для расселения, а также отрасли хозяйства для трудоустройства выселенных [3, л. 222–223]. В течение 1961–1962 гг. предполагалось расселить в крае 2 265 человек.

Реальная численность выселенных граждан оказалась значительно выше ожидавшейся. По данным на конец ноября 1961 г., за неполные семь месяцев действия указа в Красноярский край было выселено 3 722 человека [1, с. 626]. Всего же за четыре года, по состоянию на июнь 1965 г., в край прибыло 9 511 человек [4, л. 69]. Большая часть из этого числа, а именно 7297 человек, были выселены в первые два года действия указа [5, л. 130]. Основным источником «тунеядцев» для Красноярского края стала Москва, из 9 511 выселенных москвичи составляли 5422 человека. К сожалению, мы не располагаем статистикой по категориям выселенных, за исключением лиц, изгнанных за принадлежность к нелегальным религиозным сектам, – таких насчитывалось 490 человек [6, л. 178]. Проблемы с выселенными были обусловлены не только их большим количеством, но и спецификой прибывающего «спецконтингента». Как отмечали краевые партийные органы, «в числе прибывших многие до выселения были неоднократно судимы, хронические алкоголики, наркоманы, проститутки, религиозники-сектанты и т. п.» [4, л. 69].

Правовой режим и организация надзора. Три основных обязательства выселенных, определенные Советом министров РСФСР, включали в себя: 1) занятие общественно полезным трудом; 2) ежемесячное прохождение регистрации в органах милиции; 3) информирование органов милиции в течение 3 суток в случае смены места работы или проживания. Также выселенным запрещалось без санкции милиции отлучаться из населенного пункта проживания более чем на 3 суток и выезжать за пределы района.

ПВС РСФСР предполагал, что МВД в местах поселения создаст комендатуры для учета и контроля за выселенными. Спустя месяц Совет министров РСФСР определил, что контроль за выселенными будет осуществляться участковыми уполномоченными или создаваемыми в необходимых случаях комендатурами [1, с. 591]. Точку поставило МВД РСФСР, своим приказом определившее ответственными за надзор за поселенцами горрайорганы милиции, даже не упомянув вопрос о создании комендатур [2]. Наиболее типичной являлась ситуация, при которой функции надзора выполнял участковый уполномоченный, для которого это была работа по совместительству. Ситуация усугублялась географической разбросанностью поселенцев внутри районов и плохой транспортной доступностью многих поселений. При этом общественность и работодатели старались дистанцироваться от вопросов, связанных с контролем за выселенными. Естественным образом такая организация надзора вызывала множество нареканий со стороны проверяющих лиц на протяжении всего изучаемого периода.

На начальном этапе УВД оказалось не способно оперативно распределять прибывающих в край «тунеядцев», что привело к переполненности тюрьмы и созданию для поселенцев нечеловеческих условий. Так, в камере, оборудованной в подвальном коридоре тюрьмы без окон и вентиляции, на 24 июля 1961 г. содержались 26 человек, которые были вынуждены периодически поливать пол водой, чтобы освежить воздух. В той же камере из-за отсутствия мест на нарах десятерым приходилось размещаться на сыром полу. Многие люди ожидали распределения в таких условиях месяц и более. Также нетривиальным образом решалась в тюрьме проблема контроля над выселенными, надзирать за которыми был поставлен заключенный, осужденный за уго-

ловное преступление. Такие условия, естественно, вызывали негативную реакцию со стороны выселенных: так, 28 сентября 1961 г. 140 «тунеядцев» отказались от приема пищи в знак протеста против неправильного к ним отношения [7, л. 501–502; 8, л. 91].

Особенности организации надзора, указанные выше, привели к неспособности органов милиции обеспечить адекватный контроль за выселенными. Основные проблемы, обозначенные проверяющими инстанциями, а также журналистами, можно свести к следующему: 1) несоблюдение порядка ежемесячного прохождения регистрации; 2) отсутствие контроля за местонахождением выселенных, которые часто без ведома милиции покидали район проживания, вплоть до полетов в Москву; 3) слабый контроль за трудоустройством поселенцев. Отсутствие надлежащего контроля, помноженное на специфику «спецконтингента» и проблемы с трудоустройством, приводило к высоким показателям преступности среди выселенных. Так, за 1962–1963 гг. к уголовной ответственности было привлечено 218 человек [9, л. 23].

Трудоустройство. Труд рассматривался как лекарство, средство для перевоспитания человека. Как отмечал высокопоставленный работник МООП РСФСР, «высылать тунеядцев в отдаленные места нужно для того, чтобы, работая в трудных условиях, но обязательно в крепком коллективе, они и перевоспитывались бы» [10]. Красноярский крайисполком обязали обеспечить трудовое устройство выселенных, и также совнархозы были обязаны трудоустраивать выселенных на подведомственных предприятиях. На практике совнархоз отказался трудоустраивать выселенных, ссылаясь на отсутствие потребности в рабочей силе, и даже не реагировал на запросы со стороны краевого УВД. Вопросы трудоустройства почти полностью ложились на плечи милиционеров, вынужденных напрямую обращаться в близлежащие организации с просьбами принять на работу выселенных. В ряде случаев руководители наотрез оказывались брать на работу «тунеядцев», имевших плохую репутацию. В других случаях работодатели, трудоустраивая людей, не предоставляли им жилья, вынуждая увольняться, либо старались уволить под любым предлогом. Органы милиции не могли повлиять на данную ситуацию, так как трудоустройство выселенных регулировалось общегражданским законодательством. Определенную часть «тунеядцев», в свою очередь, также не интересовал поиск работы ввиду принципиального нежелания работать – либо из-за алкоголизма и других пристрастий, либо в связи с религиозными убеждениями (например, представители истинно православных христиан).

Бытовое устройство. Нехватка жилья, пригодного для проживания, в изучаемый нами период носила хронический характер, поэтому часто поселенцев размещали в помещениях, находящихся в неудовлетворительном состоянии. В этом отношении характерен пример Туруханского района, в котором группу из 22 «тунеядцев» разместили в бывшем помещении детсада, находящемся в антисанитарном состоянии, при этом в доме отсутствовали нары и плита для приготовления пищи [11, л. 36]. Также зачастую поселенцы прибывали в районы поселения в летней одежде, в которой были задержаны, так как работники милиции лишали их возможности взять с собой необходимый запас бытовых принадлежностей и одежды.

Весной 1964 года в различных районах края проводилась проверка работы по перевоспитанию и приобщению к труду выселенных лиц. Отчеты по трем районам края – Ирбейскому, Усть-Абаканскому и Аскизскому – позволяют в некоторой мере рассмотреть проблему бытового устройства выселенных [12, л. 1–14; 13, л. 22–26, 34–45]. Можно констатировать, что жилищно-бытовые условия не сильно отличались от района к району. Насколько мы можем судить, в целом руководители на местах стремились обеспечить минимально приемлемые бытовые условия (главное, чтобы не ночевали на улице), но не более того, поэтому даже в 1964 г. встречались случаи, когда

поселенцы проживали в нежилых или плохо приспособленных для жилья помещениях. Большая часть выселенных обитала в общежитиях и коммунальных квартирах, реже – в частных домах или квартирах, при этом встречались случаи проживания поселенцев в собственных домах. Например, в Ирбейском районе высланный из Московской области мужчина женился на жительнице села Яруль и купил дом.

Можно констатировать, что жилищно-бытовые условия и возможности их улучшения зависели во многом от самих выселенных, от их желания, возможности и умения работать и выстраивать неконфликтные отношения с работодателем и местным сообществом. Базовыми необходимыми условиями для создания благоприятных бытовых условий были трудоустройство и получение приемлемой оплаты труда. Ввиду ряда проблем с трудоустройством, о которых говорилось выше, большая часть выселенных не могла рассчитывать на постоянный источник дохода. При этом можно встретить примеры, когда поселенцы благополучно устраивались на работу, перевозили семьи, приобретали или арендовали дома, обустраивали подсобное хозяйство, часть поселенцев после окончания срока выселения оставались жить в крае. Также определенную роль играла поддержка со стороны родственников выселенных, которые помогали либо денежными переводами, либо посылками с вещами и продуктами.

Изучение реализации Указа от 4 мая 1961 г. в Красноярском крае позволяет, с одной стороны, рассмотреть многие важные сюжеты региональной истории, с другой стороны, дает представление о том, как планы высшего руководства страны по борьбе с «пережитками прошлого» разбивались об ригидность милицейской системы, нежелание местных руководителей и общественности участвовать в перевоспитании «тунеядцев» и общую социальную и бытовую неустроенность сельской жизни.

Список литературы

1. Социальные маргиналы как объект государственной политики, 1945–1960-е гг. / сост. Е. Ю. Зубкова, Т. Ю. Жукова. М.: РОССПЭН, 2010.
2. Приказ МВД РСФСР № 0288 от 14 июня 1961 г. // Центральный архив МВД России. Ф. 27. Оп. 1. Д. 85. Л. 1–11.
3. ГАКК (Государственный архив Красноярского края). Ф. Р-1386. Оп. 1. Д. 2039.
4. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 36. Д. 1.
5. ГАКК. Ф. П-6693. Оп. 1. Д. 1.
6. ГАКК. Ф. П-6692. Оп. 2. Д. 36.
7. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 34. Д. 36.
8. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 34. Д. 7.
9. ГАКК. Ф. П-6692. Оп. 2. Д. 1.
10. Петров С. Тунеядец просит лопату // Комсомольская правда. 1964. 21 окт.
11. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 35. Д. 198.
12. ГАКК. Ф. П-6780. Оп. 4. Д. 11.
13. НАРХ (Национальный архив Республики Хакасии). Ф. 2. Оп. 1. Д. 3016.

ГАРРИ РУФФ: ЖИЗНЬ, ПОЛНАЯ ПЕРЕМЕН И ВДОХНОВЕНИЯ

Ковалева Светлана Евгеньевна,

*Муниципальное бюджетное учреждение «Художественный музей «Арт-Донбасс»
города Донецка, ДНР, Донецк, Россия
Svetlana-Lana.Koval@mail.ru*

Статья рассказывает о жизни и творчестве этнического немца, Заслуженного художника Украины, почетного гражданина города Макеевка, кавалера ордена «За заслуги» III степени, обладателя награды «Золотая кисть мира» – Гарри Вильгельмовича Руффа, который в годы Великой Отечественной войны вместе с родителями был сослан в Сибирь. Через биографию художника автор показывает, каким образом пережитые невзгоды и горести нашли отражение в его творчестве. Статья подчеркивает, что живописные работы Гарри Руффа, хотя кажутся эмоционально сдержанными, обладают невероятной притягательностью и исповедальной правдой, передавая зрителям светлую радость и щемящую грусть. В тексте особое внимание уделено анализу живописных произведений художника, представленных из фондовой коллекции Художественного музея «Арт-Донбасс» города Донецка.

Ключевые слова: художник, ссылка, творчество, искусство Донбасса

HARRY RUFF: A LIFE FULL OF CHANGE AND INSPIRATION

Kovaleva Svetlana Evgenievna,

*Municipal budgetary institution «Art Museum «Art-Donbass» of Donetsk city,
DPR, Donetsk, Russia
Svetlana-Lana.Koval@mail.ru*

The article tells about the life and work of an ethnic German, Honored Artist of Ukraine, honorary citizen of the city of Makeyevka, holder of the Order of Merit of the III degree, winner of the Golden Brush of the World award - Harry Wilhelmovich Ruff, who was exiled to Siberia with his parents during the Great Patriotic War. Through the biography of the artist, the author shows how the hardships and sorrows experienced were reflected in his work. The article emphasizes that Harry Ruff's paintings, although they seem emotionally restrained, have incredible appeal and confessional truth, conveying to the audience bright joy and aching sadness. In the text, special attention is paid to the analysis of the artist's paintings presented from the stock collection of the Art Museum "Art-Donbass" in Donetsk.

Keywords: artist, link, creativity, art of Donbass

В 1941 г. депортация советских немцев в Сибирь стала одним из самых трагичных и незаслуженно забытых эпизодов истории Второй мировой войны. Тысячи людей, оказавшихся невольными переселенцами, были искоренены из своих родных земель, вынуждены оставить дома и привычный уклад жизни. Стремительный рост националистических настроений и опасения властей по поводу «пятой колонны» привели к тому, что немецкие общины, существовавшие в Советском Союзе на протяжении десятилетий, оказались под угрозой.

Большинство из них были мирными гражданами, работающими на благо страны, но их национальность стала причиной жестоких репрессий. В условиях стремительной эвакуации их отправляли на восток, в бескрайние просторы Сибири, которые становились испытанием на прочность.

К 1953 г. на спецпоселении находилось 1 223 968 немцев, из них 412 518 проживали в Сибирском регионе [1, с. 348]. Только после смерти Сталина происходит смягчение этого режима, а затем и поэтапная его отмена. В 1955 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР «О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении» все категории спецпоселенцев были освобождены. Несмотря на то, что немцев снимали с учета и освобождали из-под административного надзора, текст указа гласил, что «...они не имеют права возвращаться в места, откуда они были выселены» [2, с. 177]. Только в 1972 г. ограничения в выборе немцами места жительства были сняты [2, с. 179].

Любые трудности представляют собой возможность преодолеть себя на пути к заветной мечте. Жизнь Заслуженного художника Украины Гарри Руффа и те испытания, которые ему пришлось пройти, стали своеобразным рубежом в бурном потоке внешних обстоятельств, за каждым из которых открывался новый горизонт для творческого саморазвития.

Гарри Вильгельмович Руфф (Рис.1) родился 4 марта 1931 года в селе Озеровка Высокопольского района Херсонской области в семье немецких педагогов, отец был химиком, а мать – филологом, свободно владеющей пятью языками, но безоблачное детство завершилось очень рано в роковом 1941 году [3].

Рисунок 1 – Гарри Руфф

Оказавшись на спецпоселении в Сибири, куда семья Гарри Руффа была отправлена по национальному признаку, и не имея возможности получить даже начальные художественные навыки, будущий живописец обучался у ссыльной художницы Ирмы Герц, некогда преподавателя художественного института им. Сурикова. Она преподавала ему с нуля, щедро делилась своими знаниями с начинающим художником, знакомила его с историей искусств, поэзией и философией.

В 1947 г. Гарри Руфф поступил в Иркутское художественное училище, но судьба снова, словно бросая вызов, помешала получить профессиональное образование. Несмотря на череду неудач Гарри Руфф с 1951 г. начал трудовую и творческую деятельность художником-оформителем Ленинско-Кузнецкого драматического театра, где создавал декорации к спектаклям, участвовал в выставках общества художников.

В 1959 г. Гарри Руфф переезжает на Донбасс в один из городов промышленного региона г. Макеевка, с которым и будет связана последующая жизнь художника. Работал художником передвижного московского цирка «Шапито» № 14 и активно участвовал в творческих выставках «Общества художников Сибири». На протяжении тридцати трех лет Гарри Руфф проработал художника-оформителя в прокатном цехе № 2 «Макеевского металлургического комбината». Именно на Донбассе к художнику пришла известность, а его выставочная деятельность, начавшаяся в 1963 г., продолжается и по сей день.

Гарри Руфф работает в жанре станковой живописи. С 1960-х гг. активно участвует в многочисленных региональных, республиканских и международных выставках и творческих группах. Живописные произведения художника написаны во время творческих путешествий с семьей. На первый взгляд, его работы эмоционально сдержанные, но очень светлые и добрые, обладают, как и сам художник, какой-то неимоверной притягательностью. Они вызывают душевное спокойствие от соприкосновения с их естественной художественной правдой и выразительностью. И самое важное, что объединяет все произведения художника – это проникновенность, ощущение исповедальной правды перед зрителем, что невозможно не почувствовать. Это все, идущее из глубины души, освещено не только большим талантом, но и великой силой любви и добра, которые он сохранил, несмотря на пережитые невзгоды, чтобы поделиться ими с каждым из нас через свое творчество.

Гарри Руфф необыкновенно тонко чувствует архитектуру, тонко изображает цветы, природу, у него прекрасное чувство цвета. Его работы изящны в них много лирики, чувства композиции. Художник превыше всего ставит максимально точное воспроизведение натуры во всех ее мельчайших даже второстепенных деталях. Добросовестное и объективное изображение художник создает благодаря неисчерпаемым возможностям колорита и композиции. Свет, воздух, морская стихия становятся героями его полотен, покоряющих своей свежестью и эмоциональностью. Творческий метод художника во многом продиктован работой на пленэре, но образный язык искусства художник способен найти только благодаря своей живой душе, глубине чувств и отношению к тому, что он видит.

В фондовой коллекции Художественного музея «Арт-Донбасс» хранятся произведения Гарри Вильгельмовича Руффа. В своих работах художник аккумулирует духовность и устремленность к счастливой мирной жизни. В работе «Под мирным небом» 2010 г., холст/масло, 60 × 95 (рис. 2) представлен городской пейзаж, а именно сердце города Донецка, площадь им. В.И. Ленина летним солнечным днем. Картина выполнена в реалистичном стиле с использованием свободных мазков и ярких цветов. Время года, выбранное художником, отражает общее настроение картины. Несмотря на то, что почти все пространство произведения заполнено мелкими цветными акцентами – разноцветными шарами, зеленью деревьев, легкими голубыми облаками и весело парящими в воздухе голубями, внимание зрителя привлекают две светловолосые девочки. Одна из них, в розовом платье и с воздушными шарами в руках, стоит спиной к зрителю, а вторая изображена в профиль. Размещение воздушных шаров в центре работы подчеркивает мысль художника: чтобы подняться выше, нужно освободиться от некоторых тяжестей, но при этом не забывать о болезненных, но полезных уроках [3].

Рисунок 2 – Гарри Руфф «Под мирным небом», 2010 г., холст/масло, 60 × 95

В работе «Колокольный звон в Святогорье» 2014 г., холст/масло, 42 × 60 (рис. 3) представлен фрагмент колокольни на фоне пейзажа осенним днем. На переднем плане картины представлены церковные колокола, закрепленные на деревянном горизонтальном бруске и покрытые рельефными изображениями. Все они освещены контрастно, с бликами по краям. В левом верхнем углу виден фрагмент арочного проема колокольни белого цвета. На дальнем плане перед нами представлена панорама Святогорья: склоны, густо покрытые деревьями с золотистой листвой, стоящий на меловой горе белый православный храм. Работа написана реалистично, мелкими мазками, с прорисовкой деталей на переднем плане.

Рисунок 3 – Гарри Руфф «Колокольный звон в Святогорье» 2014 г., холст/масло, 42 × 60

В работе «Ялтинские пионы» 2014 г., холст/масло, 60 × 40 (рис. 4) представлен летний натюрморт, вписанный в пейзаж с элементами архитектуры. На переднем плане – фрагмент открытой террасы с белоснежной закругленной балюстрадой, цилиндрической гладкой колонной с изящной капителью и упирающейся в такое же белое перекрытие. На перилах балюстрады с правой стороны, крупно изображена корзина с белыми и розовыми пионами. С террасы открывается вид на побережье Крыма. Густая зелень, среди которой узнаваемы высокие кипарисы, за ними – изумрудно-голубая гладь Черного моря. На линии горизонта возвышается гора, у подножья которой вдалеке вдоль берега едва различима архитектура Ялты. Дальний берег залит солнечным светом. Серо-голубая высокая гора практически сливается по тональности с голубым небом и белыми облаками. Работа выполнена в пастельных тонах.

Рисунок 4 – Гарри Руфф «Ялтинские пионы» 2014 г., холст/масло, 60 × 40

Заключение. За много лет активной творческой деятельности Гарри Вильгельмович написал тысячи произведений, разных по содержанию, решению, звучанию. Привлекательность его картин – в умении видеть и открывать красоту. Открывать и дарить ее людям! Это и есть магия великого искусства. Его работы разъехались по всему миру! Интересная творческая жизнь Гарри Вильгельмовича продолжается и сегодня. Мастер продолжает писать и разрабатывать новые сюжеты. В картинах и этюдах художника есть нечто, что волнует, трогает душу, останавливает момент, передает светлую радость и щемящую грусть, глубину и спокойствие, нечто родное, понятное и близкое всем. О творчестве Гарри Руффа можно говорить бесконечно, анализируя каждое его полотно.

Список литературы

1. Бруль В.И. Миграционные процессы среди немцев Сибири в 1940–1955 гг. // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. М., 1998.
2. История российских немцев в документах (1763–1992 гг.) / сост. В.А. Ауман, В.Г. Чеботарева. М., 1993. 448 с.
3. ARTEFACT – гид по музеям России. URL: <https://ar.culture.ru/ru/subject/podmirnym-nebom-1> (дата обращения: 02.07.2024).

К ВОПРОСУ О МЕДИЦИНСКОМ СОПРОВОЖДЕНИИ ВЫНУЖДЕННЫХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ

*Кулемзина Татьяна Владимировна,
Криволап Наталья Викторовна,
Моргун Евгений Иванович,
Красножен Светлана Владимировна,*

*ФГБОУ ВО «Донецкий государственный медицинский университет им. М. Горького»
Министерства здравоохранения Российской Федерации, Донецк, Россия
medrecovery@rambler.ru*

Проанализированы особенности проявления как психологических, так и соматических патологических изменений у вынужденных переселенцев вследствие воздействия психотравмирующих факторов. Представлены пути комплексного восстановления здоровья указанной категории населения с применением различных лекарственных форм на основе автохтонных растений.

Ключевые слова: миграция, вынужденные переселенцы, дезадаптация, психосоматические расстройства, коррекция, фитотерапия, гомеотерапия

ON THE ISSUE OF MEDICAL SUPPORT FOR INTERNALLY DISPLACED PERSONS

*Kulemsina Tatyana Vladimirovna,
Krivolap Natalia Victorovna,
Morgun Evgeny Ivanovich ,
Krasnozhen Svetlana Vladimirovna,*

*Donetsk State Medical University named after M. Gorky of the Ministry of Health
of the Russian Federation, Donetsk
medrecovery@rambler.ru*

The features of the manifestation of not only psychological, but also somatic pathological changes in migrants due to the impact of psychotraumatic factors are analyzed. The ways of comprehensive restoration of the health of this category of the population with the use of various dosage forms based on autochthonous plants are presented.

Keywords: migration, forced migrants, maladaptation, psychosomatic disorders, correction, phytotherapy, homeotherapy

Чрезвычайные ситуации (ЧС), в особенности, вызванные военными конфликтами, приводят не только к разрушению инфраструктуры, но и к разрушению привычной жизни населения. ЧС требуют от людей, беспокоящихся за жизнь собственную и своих близких, напряжения физических сил и эмоционального фона, немедленного принятия важнейших решений, в том числе, о вынужденном переселении в более безопасные регионы [6, с. 3]. Кроме того, разрыв привычных социальных и территориальных связей, потеря имущества, ощущение безысходности и неопределенности осложняет и без того непростую ситуацию, в которой оказались беженцы [7, с. 38]. В дальнейшем, вынужденные переселенцы в новых жизненных условиях могут

сталкиваться с жилищно-бытовыми, социальными, финансовыми проблемами, что дополнительно осложняет адаптацию к изменившимся реалиям [2, с. 28].

Переживший сильные, разрушительные эмоции, человек входит в группу риска возникновения достаточно тяжелых стрессовых расстройств [6, с. 5]. Хроническое эмоциональное напряжение способствует возникновению психосоматических нарушений и, таким образом, значительно снижает адаптационные возможности, а, следовательно, и уровень физического здоровья [5, с. 30].

Цель исследования – продемонстрировать возможность создания физического и психологического комфорта вынужденных переселенцев путем применения средств растительного происхождения.

Перенесенный в ходе чрезвычайных событий травматический опыт, испытываемый пострадавшими значительный психологический стресс, приводит к развитию посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) [2, с. 29]. Развивающееся посттравматическое стрессовое расстройство, являющееся разновидностью дистресса, у вынужденных переселенцев проявляется психовегетативными нарушениями, со временем трансформирующимися в стойкую соматическую патологию [7, с. 41].

Таких пациентов беспокоят сначала неспецифические жалобы на повышенную возбудимость нервной системы, тревожность, нарушение сна, аппетита. Затем, вследствие соматизации переживаний, выявляются патологические изменения в определенных органах и системах, сопровождающиеся специфическими жалобами:

- при вовлечении нервной системы: головные боли, ощущение головокружения, синкопальными состояниями, тремором пальцев рук, парестезиями;
- сердечно-сосудистой системы: боль и дискомфорт в области сердца, чувство нехватки воздуха, учащенное сердцебиение;
- желудочно-кишечного тракта: тошнота, ощущение тяжести и боль в эпигастриальной области, правом подреберье, нарушение моторики кишечника и т. д. [3, с. 891].

Исходя из вышеизложенного, при выборе средств коррекции адаптационных нарушений и психовегетативных расстройств необходим поиск комплексных препаратов, обладающих высокой биодоступностью, большим набором лечебных эффектов, малым количеством побочных реакций и пригодных к длительному курсовому применению [4, с. 1802]. Всеми указанными свойствами обладают препараты из лекарственных растений в виде различных лекарственных форм, что позволяет персонализировать терапию [1, с. 50].

В фитотерапии рекомендуют применять препараты из автохтонных лекарственных растений (произрастающих в регионах проживания населения), так как организм пациентов наиболее адаптирован и восприимчив к действию именно местных растительных средств [4, с. 1803]. При вынужденной миграции для назначения переселенцам с ПТСР необходим подбор растительных препаратов, произрастающих как в регионе предыдущего проживания пациента, так, желательно, и в новом регионе (рис. 1).

Рисунок 1 – Принципы комплексной терапии соматоформных расстройств у вынужденных переселенцев

Находясь в условиях переживаемого хронического стресса, переселенцы вынуждены приспосабливаться к новым условиям жизни и заниматься решением целого ряда сложных бытовых, финансовых, бюрократических вопросов, что, безусловно, отрицательно сказывается на физическом и психологическом состоянии и значительно снижает качество жизни этих людей. Следовательно, стимуляция адаптационных возможностей беженцев может в будущем способствовать восстановлению физического и психического здоровья [6, с. 3].

К средствам адаптогенного действия, собственно повышающим неспецифическую резистентность организма к воздействию неблагоприятных факторам различной природы относятся препараты корня Солодки голой, цветков Эхинацеи пурпурной [1, с. 51]. Препараты солодкового корня также обладают выраженным противовоспалительным, обволакивающим, антиоксидантным, спазмолитическим действием. Фитопрепаратам на основе биологически активных веществ Эхинацеи также присущи иммуномодулирующие, противовоспалительные, общетонизирующие, регенерирующие свойства.

При диагностированном ПТСР системами-мишенями развития патологических изменений являются сердечно-сосудистая, центральная нервная системы, поэтому, препаратами выбора должны стать фитосредства, широко распространенные на территории Российской Федерации, с кардио- и нейротропным действием. К таковым относятся лекарственные препараты на основе:

- Зверобоя продырявленного (обладает противовоспалительным, желчегонным, а также выраженным антидепрессантным эффектом);
- Боярышника кроваво-красного (обладает сосудорасширяющим, антиоксидантным, седативным эффектами);
- Пустырника (обладает, кроме седативного, кардиотоническим, антиаритмическим, антигипертензивным эффектами);
- Пиона уклоняющегося (обладает вегетостабилизирующим, спазмолитическим, седативным эффектами) [1, с. 51].

Возможно также применение указанных лекарственных растений в виде гомеопатических препаратов, особенно для использования у пациентов с имеющимися аллергическими реакциями на цветение сезонных растений.

Таким образом, применение фитопрепаратов на основе автохтонных лекарственных растений, обладающих комплексным действием, эффективно при коррекции соматоформных расстройств у вынужденных переселенцев с ПТСР. Такой подход позволяет персонифицировать восстановительное лечение, избежать побочных реакций и повысить качество жизни таких пациентов.

Список литературы

1. Авдеева Т.И., Кинкулькина М.А. Препараты растительного происхождения в терапии тревожных расстройств // Врач. 2008. № 11. С. 49–52.
2. Бундало Н.Л. Депрессивные проявления при посттравматическом стрессовом расстройстве различной степени тяжести // Актуальные проблемы психиатрии и неврологии: мат-лы Всерос. юбилейной науч.-практ. конф. с междунар. участием. СПб.: Человек и здоровье, 2007. С. 28–29.
3. Дворецкий Л.И. Соматоформные расстройства в практике терапевта // Русский медицинский журнал. 2002. Т. 10, № 19. С. 889–895.
4. Дикевич Е.А., Иванова Д.М. Применение препаратов растительного происхождения при лечении соматоформных расстройств // Русский медицинский журнал. 2008. Т. 16, № 26. С. 1801–1805.
5. Залученова Е.А. Принципы оценки психологического компонента реабилитационного потенциала // Медикосоциальная экспертиза и реабилитация. 1998. № 2. С. 29–32.
6. Клинические рекомендации. Посттравматическое стрессовое расстройство: от 28.02.2023 ID:753. (принят Минздравом РФ 28.02.2023). Рубрикатор клинических рекомендаций Министерства здравоохранения Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://cr.minzdrav.gov.ru/schema/753_1 (дата обращения: 07.10.2024).
7. Соловьева Э.Ю. Смешанное тревожное и депрессивное расстройство в общесоматической практике // Consilium Medicum. 2009. Т. 11, № 2. С. 37–42.

К ВОПРОСУ О ЧИСЛЕННОСТИ ССЫЛЬНЫХ В ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XIX в.

Кабакова Наталья Васильевна,

*Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет, Омск, Россия,
natalya-kabakova@rambler.ru*

Рассматривается вопрос о числе ссыльных, направленных в Сибирь и водворенных в уездах Тобольской губернии в начале XIX в. Исследуются данные, предоставленные в губернаторских отчетах и иных документах, содержащих материалы о ссыльных.

Ключевые слова: ссылка, численность ссыльных, губернаторские отчеты, Сибирь, Тобольская губерния

ON THE ISSUE OF THE NUMBER OF EXILES IN THE TOBOLSK PROVINCE AT THE BEGINNING OF THE XIX CENTURY.

Kabakova Natalia Vasilyevna,

*Siberian State Automobile and Road University, Omsk, Russia
natalya-kabakova@rambler.ru*

The question of the number of exiles sent to Siberia and settled in the districts of Tobolsk province at the beginning of the XIX century is being considered. The data provided in the governor's reports and other documents containing materials about the exiles are being investigated.

Keywords: exile, number of exiles, governor's reports, Siberia, Tobolsk province

Ссылка в Сибирь остается темой, которая привлекает историков на протяжении длительного времени. Установлено, что в первой половине XIX в. ссыльные составляли до 10 % населения края, и это было время, когда количественное влияние ссылки оказалось наиболее заметным [1, с. 40]. В «Исторической энциклопедии Сибири» упомянуто, что за период с 1800 по 1812 г. в Сибирь прибыло приблизительно 25 тыс. ссыльных, из которых большая часть закрепилась в Западной Сибири и Прибайкалье, при этом ежегодно добавлялось до 1,6 тыс. чел. [2, с. 172]. Нередко подобные выводы носят обобщающий характер и базируются на хорошо известных источниках, а потому требуют подтверждений с помощью материалов по отдельным сибирским регионам и по конкретным, небольшим хронологическим отрезкам. Наименее исследованным периодом проблематики сибирской ссылки остается начало XIX в. В данной статье рассматривается вопрос о численности ссыльных в Тобольской губернии в этот хронологический период.

О необходимости развития Сибири, «одаренного от природы», но с малым населением, края, говорилось в указе от 17 октября 1799 г., принятом в царствование Павла I [3]. Разрешение этой проблемы власть видела через переселение сюда новых жителей – преступников, которые подлежали ссылке, отставных солдат, крепостных крестьян, отправляемых помещиками в счет рекрутов. Крепостные не могли быть старше 45 лет, отсылаться «без разлучения» мужей с женами, обеспечиваться поме-

щиками жалованием, провиантом и одеждой. Казна должна была подготовить для переселенцев дома, орудия труда, скот, хлеб. Впоследствии уже ссыльные обязывались строить дома для будущих поселян, а также для их обеспечения сдавать по одному четверику хлеба в магазины.

В подтверждение указа от 1799 г. в дальнейшем появлялись дополнительные распоряжения. Так, в одном из них говорилось о необходимости освидетельствования помещичьих людей на предмет их годности по возрасту и состоянию здоровья [4]. В другом шла речь о детях, отправляемых в ссылку вместе с родителями: следовало разъяснение о том, что на малолетних из казны помещики не должны получать выплат, тогда как 15-летние будут зачитываться как рекруты и на них положено выделять полное содержание [5].

Наибольшую озабоченность властей вызывал вопрос об учете ссыльных, направляемых в Сибирь. Этой проблеме было посвящено немало предписаний. Губернские правления должны были ежемесячно рапортовать Сенату о назначаемых на поселение в Сибирь отставных солдатах, преступниках и помещичьих людях. Кроме того, по прошествии каждой трети года требовалось предоставлять ведомости, содержащие подробные сведения о ссыльных (их имена и «прозвания», когда и куда прибыли, причины и количество выбывших из-за смерти или болезни) [6]. Нижние земские суды обязывались завести специальные алфавитные книги и вносить туда информацию обо всех сосланных.

В «Окладных книгах» по V ревизии, проведенной в Тобольской губернии в 1794–1795 гг., сохранились сведения о том, что в различных уездах в ссылке находилось 1032 чел. (табл. 1) [7, л. 100]. Наибольшее их количество разместили в Тобольском и Тарском уездах. Из общего числа ссыльных больше трети находились в богадельнях или являлись лицами преклонного возраста. Как видно, материалы «Окладных книг» не дают картины половозрастного состава ссыльных. К тому же, эти данные вызывают сомнения, поскольку материалами ревизии 1795 г. только по Тобольскому уезду учтено 573 чел. ссыльных [8, с. 368].

Таблица 1 – Количество ссыльных в Тобольской губернии в 1795 г.

Уезд	Ссыльные		
	в богадельнях на своем содержании	из посельщиков за старостью	в работу
Тобольский	–	88	263
Тюменский	–	39	10
Туринский	–	–	–
Ялуторовский	1	9	89
Курганский	3	30	28
Ишимский	–	61	28
Тарский	1	4	210
Березовский	–	–	–
Сургутский	–	–	–
Омский	124	1	43
Всего	129	232	671

В дальнейшем из Тобольской губернии в столицу отправлялись следующие данные о ссыльных: в 1803 г. принято 2 026 м.п., 284 ж.п., в 1804 г. – 2 264 м.п., 265 ж.п., в 1805 г. – 2 386 м.п., 287 ж.п. [9, л. 15]. Налицо как ежегодное увеличение количества ссыльных, так и значительный перевес ссыльных-мужчин по сравнению со ссыльными-женщинами.

В 1807 г. в рапорте Тобольского гражданского губернатора А.М. Корнилова Сибирскому генерал-губернатору И.Б. Пестелю упоминалось о 1 367 чел., водворенных в Тобольской губернии, из которых было 1 341 лиц м.п. и 26 лиц ж.п. [9, л. 40–41]. Эти поселенцы были размещены в Тобольском, Тарском, Омском, Ишимском, Ялуторовском, Тюменском и Курганском уездах. В подробном отчете указывалось, что обзавелись домами и рабочим скотом 107 женатых и 46 холостых мужчин, построили свои дома 10 женатых и 4 холостых мужчин, имели только скот 127 женатых и 93 холостых мужчин. Ничего не имели, но были способными к поселению 119 женатых и 483 холостых, которые на момент отчета «пропитание снискивали» через разные работы у старожилов. В рапорте говорилось также, что 16 ссыльных женились на дочерях старожилов и вошли в их дома. При этом 336 чел. женатых и холостых (примерно четвертая часть от общего количества водворенных в 1807 г.) определялись как негодные к водворению. В заключение рапорта губернатор давал посельщикам положительную характеристику, отметив, что местные жители охотно принимали их, при том, что земли для хлебопашества хватало всем.

В губернаторских сведениях о «наличных» ссыльных за 1808 г., находившихся в Тобольской губернии [9, л. 301 об.], указывалось 2 449 чел. (табл. 2). Среди них было 559 (22,8 %) детей. Из числа только взрослых ссыльных количество мужчин превосходило количество женщин в 2,4 раза. К тому же, холостых мужчин было существенно больше, чем женатых, тогда как среди женщин складывалась обратная ситуация – незамужних было мало. Значительную часть ссыльных разместили в западной части Тобольской губернии, где располагались Ялуторовский, Курганский и Ишимский уезды.

Таблица 2 – Количество ссыльных в Тобольской губернии в 1808 г.

Уезд	Женатых		У них детей		Холостых		Итого	
	м.п.	ж.п.	м.п.	ж.п.	м.п.	ж.п.	м.п.	ж.п.
Тарский	10	11	2	4	41	1	53	16
Омский	18	18	9	11	55	–	82	29
Ишимский	51	54	21	24	99	4	171	82
Ялуторовский	120	123	70	76	273	17	463	216
Курганский	103	103	59	59	183	7	345	169
Тюменский	206	211	114	110	179	3	499	324
Итого	508	520	275	284	830	32	1613	836

Среди ссыльных обоего пола встречались те, кто «по дряхлости и увечьям» не мог быть отправлен в работу или на поселение. В особом ведении Тобольской полиции находились колодники, число которых с 1788 по 1807 г. составило 370 чел., из них 73 чел. были отнесены к старым, 25 чел. – к больным [9, л. 140–142]. Аналогичный список, составленный в 1806 г., зафиксировал 168 чел., не способных к поселению. В подробном перечне назывались причины появления в нем людей: болезни (чахотка, падучая, цинга, глухота, венерические заболевания) – в 82 случаях, солидный

возраст. Количество тех, чей возраст достигал 50–59 лет, составляло 62 чел., 60–70 лет – 33 чел., свыше 70 лет – 24 чел. Самому старому поселенцу исполнилось 95 лет [9, л. 118–124].

В ведомости «О действительно поселенных» в Тобольской губернии за 1809 г. указано, что на 846 способных к поселению мужчин приходилось 240 «неспособных», на 419 способных к поселению женщин – 101 «неспособная» [9, л. 417–418].

Таким образом, невзирая на многочисленные требования столичных властей о предоставлении отчетов о ссыльных из мест их размещения, такие данные нередко оказывались фрагментарными, неполными. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы свидетельствуют о том, что часто происходило нарушение других правил: в ссылку отправляли людей, негодных по возрасту и состоянию здоровья. Среди ссыльных наблюдалась диспропорция со значительным перевесом лиц мужского пола над представительницами женского пола. Общее количество ссыльных, прибывавших в Тобольскую губернию в начале XIX в., ежегодно составляло более 2 тыс. чел. При этом относиться к подобным показателям следует с осторожностью, поскольку в предоставляемых губернаторами материалах о ссылке встречается разная терминология. Иногда они отчитывались о «прибытии» ссыльных, что могло предполагать дальнейшее следование для распределения в другие местности, а иногда о «водворении», что означало закрепление ссыльных собственно в Тобольской губернии.

Список литературы

1. Очерки истории освоения и изучения Северной Азии / В.Г. Дацышен [и др.]. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2019. 340 с.
2. Зуев А.С., Красильников С.А. Ссылка в Сибирь в XVII – первой половине XX в. // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск: Историческое наследие Сибири; Ин-т Истории СО РАН, 2009. Т. 3. С–Я. 783 с.
3. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года (далее – ПСЗ РИ). Т. 25, № 19.157. СПб., 1830.
4. ПСЗ РИ. Т. 26. № 19.740. СПб., 1830.
5. ПСЗ РИ. Т. 26. № 19.668. СПб., 1830.
6. ПСЗ РИ. Т. 26. № 19.564. СПб., 1830.
7. РГИА. Ф. 571. Оп. 9. Д. 1.
8. Колесников А.Д. Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX вв. Омск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1973. 440 с.
9. Исторический архив Омской области. Ф. 2. Оп. 1 Д. 52а.

**ЦЕБЕЛЬДА – СТАНИЦА НИКОЛАЕВСКАЯ (ВЫНУЖДЕННЫЕ
ПЕРЕСЕЛЕНИЯ БОГОЯВЛЕНСКИХ ЖИТЕЛЕЙ)**

Шаповалов Сергей Николаевич,

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

shapovalov07@gmail.ru

В статье исследованы вынужденные переселения русских жителей Цебельды в XIX в. в станицу Николаевскую. Их поселение было основано русской военной администрацией, которая планировала создать себе опору на землях Абхазии. Основу поселенцев составляли бывшие беглые солдаты, попавшие в плен к местным горским правителям и поселенные на их землях. Поспешность в реализации идеи основания поселения и недостаточная защита привели к гибели поселения и вынужденным переселениям жителей из Абхазии в Анапу.

Ключевые слова: Анапа, Богоявленское селение, водворение, станица Николаевская, переселение, Цебельда

Финансирование: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-20096 «Исторические закономерности развития городов, станиц и сел Краснодарского края в конце XVIII – начале XXI вв.»

**TSEBELDA – NIKOLAEVSKAYA VILLAGE (FORCED RESETTLEMENT
OF BOGOYAVLENSKY RESIDENTS)**

Shapovalov Sergey Nikolaevich,

Kuban State University, Krasnodar, Russia

shapovalov07@gmail.ru

The article examines the forced resettlement of Russian residents of Tsebelda in the XIX century to the village of Nikolaevskaya. Their settlement was founded by the Russian military administration, which planned to create a foothold on the lands of Abkhazia. The settlers were based on former fugitive soldiers who were captured by local city rulers and settled on their lands. Haste in implementing the idea of founding a settlement and insufficient protection led to the death of the settlement and forced relocation of residents from Abkhazia to Anapa.

Keywords: Anapa, Bogoyavlenskoye settlement, settlement, Nikolaevskaya stanitsa, resettlement, Tsebelda

Funding: The research was carried out through a grant from the Russian Science Foundation No. 24-18-20096 «Historical patterns of development of cities, villages and villages of the Krasnodar Territory at the end of the 18th – beginning of the 21st centuries»

В XIX в. во владение Российской империи перешли земли северо-восточного берега Черного моря, протянувшиеся от места впадения р. Кубани в одноименное море, до р. Ингури на границе с Османским государством. Для освоения новых пространств на побережье были реконструированы прежние турецкие укрепления и воз-

ведены новые. Их гарнизоны оказались в крайне тяжелом положении из-за неразвитости снабжения, торговли, непривычности климатических условий и постоянной военной опасности. Часть служивших в них солдат стали предпочитать бежать в ближайшие горы, где они попадали в различные формы зависимости от местных горских феодалов [1, с. 171]. Постепенно такие беглецы появились в разных частях Кавказа. Часть из них была поселена местными дворянами в своих владениях для занятия сельским хозяйством. Им позволяли вступить в брак с местными девушками и заводить семьи [2, с. 651]. Длительное нахождение бывших солдат в ином этническом и религиозном окружении вызывало у них стремление отказаться от своего вероисповедания, обычаев и мировоззрения путем принятия новой веры. Одно из таких поселений возникло в XIX в. в Цебельде.

В 1840 г. начальник III отделения Черноморской береговой линии полковник Н.Н. Муравьев подавил восстания в Цебельде и Дале на землях Абхазии. Его войска освободили русских пленников и увели их с собой. Военное начальство решило использовать их для реализации плана создания русского поселения в Цебельде. 9 июля 1840 г. об этом рапортовал Военному министру графу А.И. Чернышеву командир Отдельного Кавказского корпуса генерал-адъютант Е.А. Головин: «...утверждением нашим в Цебельде исполнится предположение об устройстве там Русского поселения...» [3, с. 493]. Местом поселения были выбраны окрестности укрепления Марамбы. К северу от него появилось русское поселение, получившее наименование Богоявленское. По сведениям Г.А. Дзидзарии, в нем были поселены до 80 русских семей [4, с. 73]. Жители занимались выпасом скота и сельским хозяйством.

Из-за отдаленного расположения от укрепления Марамба в 1842 г. Богоявленское селение подверглось нападению со стороны горцев. Наибольший урон поселению был нанесен весной следующего года. В результате было принято решение о переселении жителей в укрепление Дранда. Поспешность перевода богоявленцев на новое место привела к нехватке земли для пашни и выпаса скота, совместному проживанию нескольких семей. Командир Отдельного Кавказского корпуса генерал-адъютант А.И. Нейдгардт писал в рапорте от 8 июля 1843 г.: «...Нельзя не упомянуть о несчастном положении Цебельдинских наших поселенцев, живущих в Марамбе, а ныне переведенных в Дранды... они лишены всех средств к пропитанию, люди эти, по большей части дезертиры, много лет проводившие в горах, женатые на Черкешенках, частью чужды Русскому языку, не имеют настоящей веры... в Цебельде существовать не могут без того, чтобы не быть поводом к беспрестанным нападениям...» [5, с. 889].

В октябре 1843 г. с разрешения командира Отдельного Кавказского корпуса генерал-адъютанта А.И. Нейдгардта жители бывшего Богоявленского селения в составе 24 семей были перевезены в крепость Анапу. Их обеспечили продовольствием и домами, принадлежавшими казне [6, л. 42об]. Здесь переселенцы оказались в безопасности от нападений горцев, но одновременно были лишены возможности заниматься хлебопашеством и выпасом скота. Последний был продан еще в Абхазии на аукционах во время подготовки к перевозке богоявленцев в Анапу. Из-за отсутствия достаточного числа мест для водворения переселенцев в анапских станицах им было предложено переехать в разные места для поселения. Однако бывшие богоявленцы (так их продолжали называть в официальных документах) не захотели разделяться. Лишь 3 семьи покинули Анапу и переселились в селение Ады в землю войска Черноморского.

В конце 1844 г. кавказские власти разрешили поселить оставшиеся в Анапе семьи в одну станицу. К водворению была избрана станица Николаевская для ближайшего за ними надзора из Анапы. Из-за отсутствия в станице Николаевской свободных планных мест властям пришлось разрешить увеличить площадь станицы. Для этого потребовалось перестроить часть оборонительных сооружений. В первую очередь

был передвинут вперед в сторону Анапы станичный вал. Это позволило увеличить площадь поселения на 40 сажень. Для проведения этой объемной работы были привлечены одинокие поселяне, жители других закубанских станиц и крепости Анапы, которые кроме престарелых и малолетних работали по три дня [7, л. 43].

После завершения работ по расширению станицы Николаевской началось межевание планных мест для богоявленских семей. На каждую семью пришелся участок площадью 17 на 12 сажень. При помощи местных жителей в станице было построено 20 каменных и турлучных домов. Для обустройства на новом месте богоявленцы получили пахотные земли, огородные места, семенной фонд, земледельческие орудия, рабочий и гужевой скот и домашнюю птицу. Средства для закупки всего необходимого были выделены переселенцам от казны. Помощь оказали и местные жители, которые открыли запасы общественного магазина для пользования богоявленцам, предоставили места в своих домах для проживания и оказали другую посильную помощь.

Переселение богоявленцев из Анапы в станицу Николаевскую началось весной 1845 г. Общее число переселенцев составило 75 человек. Из них мужского пола 44 человека и женского 31 [8, л. 9об]. Местное правление приняло богоявленцев под свое покровительство и постоянно оказывало им помощь и поддержку. С момента обоснования в станице Николаевской богоявленцы обрели безопасность и постоянные источники для своего благосостояния. Оказавшись в русскоязычном окружении они постепенно восстановили навыки владения языком, хозяйственные привычки и вернулись (или приняли) православие. Однако для местных жителей и властей богоявленцы так и оставались особой группой переселенцев. В различных отчетах и рапортах они отделялись от коренных жителей станицы Николаевской. Дальнейшая судьба богоявленцев была связана с Крымской войной 1853-1856 гг. После ее начала и усиления военной опасности на северо-восточном берегу Черного моря местные власти приняли решение вывести жителей станицы Николаевской на территорию земли войска Черноморского. Здесь они были расселены по черноморским станицам.

Список литературы

1. Степаненко Н.С. Причины бегства казаков к горцам Северо-Западного Кавказа в 30-60-е гг. XIX века // // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 12 (74). Ч. 2. С. 171–176.
2. Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX – нач. XX вв.) / сост. Р.Х. Агуажба, Т.А. Ачугба. Кн. II. Сухум, 2008. 652 с.
3. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией: в 13 т. Т. 9. Тифлис, 1884.
4. Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1982. 567 с.
5. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией: в 13 т. Т. 9. Тифлис, 1884. 1013 с.
6. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 788. Оп. 1. Д. 55.
7. РГВИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 55.
8. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 260. Оп. 2. Д. 81.

ИЗ ИСТОРИИ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ УЙГУРОВ В ЦАРСКОЕ ИМЕНИЕ МЕРВСКОГО ОАЗИСА КОНЦА XIX ВЕКА

Хоммиев Тойлы Бабагельдыевич, старший преподаватель

Туркменский Государственный университет имени Махтумкули. г. Ашхабад, Туркменистан

hommyyewt@mail.ru

Нурмаммедов Нурмаммед Сердарович, студент

Туркменский Государственный университет имени Махтумкули. г. Ашхабад, Туркменистан

В данной статье анализируются сведения о принудительном переселении уйгуров в царское имение в Мервского оазиса. Царская администрация впервые использовали уйгуров которые преодолели трудный путь, при строительстве ирригационных систем и водохранилищ. Тяжелый труд, антисанитария и условия труда способствовали развитию эпилепсии. Группа из них, не выдержав столь суровых условий, вернулась обратно. Остальные получили землю вокруг реки Мургаб, подписав договор с управляющим предприятием. Уйгуры из Туркменистана рассматривают Туркменистан своей Родиной и считают туркмен своими братьями, давшими им хлеб, воду и землю в трудные годы.

Ключевые слова: уйгуры, вероломство, царская администрация, переселение, тяжелый труд

FROM THE HISTORY OF THE MIGRATION OF THE UIGHURS TO THE TSAR'S ESTATE OF THE MERV OASIS AT THE END OF THE XIX TH CENTURY

Hommyyev Toyly Babageldyyevich, Senior Lecturer

Turkmen state university named after Magtymguly of Ashgabat, Turkmenistan
hommyyewt@mail.ru

Nurmammedov Nurmammed Serdarovich, Student

Turkmen state university named after Magtymguly of Ashgabat, Turkmenistan

This article analyzes information about the forced resettlement of Uighurs to the royal estate in Merv oasis. The tsarist administration first used the Uighurs who had overcome the difficult path in the construction of irrigation systems and reservoirs. Hard work, unsanitary conditions, low-grade labor and working conditions contributed to the development of epilepsy. A group of them, unable to withstand such harsh conditions, returned. The rest received land around the Murghab River, signing an agreement with the managing enterprise. Uighurs from Turkmenistan consider Turkmenistan their homeland and consider the Turkmen their brothers, who gave them bread, water and land in difficult years.

Keywords: Uighurs, treachery, tsarist administration, migration, hard work

В прошлом судьба уйгурского народа была непростой. Но ее богатая, древняя история и культура почти исчезли в мировой цивилизации, ее свобода и

независимость были подавлены другими, более могущественными народами. На протяжении всей своей истории уйгуры боролись за независимость.

Первое государство, основанное уйгурами, появилось еще в VIII в. под названием Уйгурский каганат и оказало сильное влияние на исторические судьбы Восточной Азии.

Восточный Туркестан расположен в центральной части Азиатского континента, начиная от западных границ Китая, и граничит с Казахстаном, Киргизией, Узбекистаном, Афганистаном, Пакистаном, Индией и Монголией. Уйгурское Турфанское княжество (850–1250 гг.), возникшее в Восточном Туркестане, на протяжении нескольких столетий играло важную роль в истории Средней Азии.

Внесло большой вклад в развитие ее культуры. Так как через это княжество проходил Великий шелковый путь. Китайский посол Ван Янь был здесь в 982 г. и объехал многие части княжества. В своем отчете он отмечает: «Местные мастера делают очень изящные вещицы из золота, серебра, меди и железа». Уйгуры, имея свою литературу и изобразительное искусство, внесли весомый вклад в развитие мировой цивилизации.

В XVIII в. (1760 г.) Восточный Туркестан вместе с прилегающей с севера Джунгарией был завоеван Империей Синов и получил новое название Синьцзян. В переводе с китайского это означает новую границу или новую землю. Хотя уйгурский народ находился под гнетом Китайской империи более 200 лет, он не ослабил свою борьбу за свободу и независимость. На протяжении этих лет они организовали более 400 вооруженных восстаний против завоевателей. Но каждый раз терпели поражение из-за своей неорганизованности. В результате одного из таких восстаний (1864–1866 гг.) пали Илийский и Кашгарский султанаты. Мои предки были из первого султаната и они, спасаясь от угрозы полного исчезновения, вместе с тысячами уйгуров мигрировали. Появление уйгуров на территории Средней Азии связано главным образом с происходившими на территории Синьцзяна народными антифеодальными восстаниями. Вспышки этих восстаний в XIX в. приводили к эмиграции тысяч семей уйгуров в Фергану (Кокандское ханство). Немало уйгуров появлялось здесь и в мирное время в поисках заработка. Часть оседала в Фергане. Переселение уйгуров в Семиречье также было следствием политических событий, происходивших в Синьцзяне. В 1881–1883 г. 45 373 человека из числа уйгуров, живших в Илийском крае, переселилось в пределы Смеречинской области России [2, с. 491]. Сейчас это юг Казахстана. В сельском хозяйстве уйгуров преобладающую роль и по ныне играет полеводство, далее следуют садоводство и огородничество. Скотоводство всегда имела лишь подсобное значение. В прошлом уйгуры испытывали большой земельный голод, и в этом отношении страдали иногда больше своих соседей. В Фергане большинство уйгуров, особенно переселившихся в более позднее время, оказались малоземельными бедняками или превратились в батраков и издольщиков у местных баев. В Смеречинской области они получили самые худшие земли. Лучшие земли в Семиречье правительство отводило кулацким элементам из русских крестьян и казаков. Кроме того, в 1905 г. царским правительством была произведена принудительная отрезка земель в фонд переселенческого управления. В тех местностях, где живут уйгуры, сельское хозяйство возможно только при условии искусственного орошения. Уйгуры были поселены в Семиречье на землях, которые им значительной мере пришлось оросить заново [2, с. 495]. После Октябрьской революции «таранчи» и «кашгарцы» СССР консолидировавшись в единую народность приняли свое старое историческое имя уйгуров [3, с. 398].

Но борьба за освобождение Восточного Туркестана продолжалась. В 1931 г. в результате очередного восстания было создано Уйгурское исламское государство. Оно просуществовало три года. Возникновение исламского государства между двумя великими державами, СССР и Китаем, не было выгодно обеим странам. Именно поэтому лидеры уйгурского государства были арестованы или убиты. Восстание было подавлено.

В 1944 г. поднялся бунт народов Восточного Туркестана. В результате объединяются три северные провинции и создается Восточно-Туркестанское демократическое государство. Его возглавляет человек по имени Ахмет Касым. После победы социалистической революции в Центральном Китае по инициативе Сталина и Мао Цзэдуна это государство вошло в состав Китая и потеряло свою независимость [5].

В настоящее время Восточный Туркестан является автономным регионом КНР, который называется Синьцзян-Уйгурский автономный район. Здесь проживают более семи миллионов уйгуров.

Примерно в то же время (1882 г.) царская Россия завоевывает Туркменистан. Целебный воздух и плодородная почва этого места, Мургапский оазис, каспийское море, железные дороги – все это привлекло внимание русского царя Александра III, который решил построить здесь свое имение. Он планирует посадить в этом имении теплолюбивые растения и хлопок.

Для реконструкции существующих ирригационных систем и строительства новых, а также для посадки сельскохозяйственных культур были необходимы умелые земледельцы и рабочие. Заселять имение местным туркменским населением и пользоваться его услугами создатели имения не хотели из-за политических соображений. Пришлось население должно было оказаться дешевле, а потом им можно было диктовать свои условия [1, с. 114]. Расчеты и намерения администрации откровенно выражены в рапорте управляющего имением в Департамент уделов от 19 января 1889 г. относительно завербованных имением кашгарцев, опытных, здоровых и дешевых землекопов, которые в то же время составили бы контингент постоянных рабочих и этим избавили бы от неосредственной зависимости от текинцев, а затем дали бы возможность повысить заработную плату [1, с. 114–115]. Следует заметить, что начиная с 1867 г. в Семиречье, Сырдарья и Фергане было основано около 60 уйгуро-дунганских селений из 70 тыс. человек перешедших из Китая угнетаемых там национальных меньшинств. В Семиречье и внутренние области Китая снаряжались экспедиции из имения для вербовки в имение. Истинные планы и цели вербовки будущих поселенцев-мастеровых и земледельцев осуществляли секретные и от самого населения, и от администрации тех мест где производились вербовка и сборы. Так командированному в Верный, Кульджу и другие районы под видом хозяйственных закупок для имения и нефрита для Петербургской гранильной фабрики уполномоченному имением купцу 2-й гильдии А.И. Клейсторино управляющий именем Н.А. Лутцау давал различные инструктивные указания отрывки их писем разоблачают их действия. До революции уйгуров называли таранчами и кашгарцами. Слово таранчи значит земледелец (от слова «таран» – мука, хлеб) [3, с. 398].

По указанию Его Высочества господин Н.А. Лутцау отправляется в Семиречье и забирает на работу уйгуров, которые были из Восточного Туркестана (их называли тогда теренджи). Господин Лутцау много общается с уйгурами. Он предлагает им крупную сумму денег. Опираясь на их религиозные убеждения, он обманывает их, говоря, что Кааба – священное место для мусульман находится недалеко от пункта назначения. Таким образом, подкупив лидеров, г-н Лутцау забрал 200 семей и 250

холостых мужчин, в общей сложности полторы тысячи человек [5]. Вербуя рабочих и земледельцев, А.И. Клейсторин по предписанию Н.А. Лутцау давал населению различные обещания о выгодах и удобствах, которое должно было предоставить имение поселенцам. Значительно позднее, когда таранчинцы стали напоминать об условиях, оказалось, что нет никаких договорных документов, о необходимости которых они и не подозревали. Все делалось тайно в устной форме. Всего этого не знал даже Смерчинский военный губернатор генерал-лейтенант Иванов, подписавший «Открытое предписание» А.И. Клейсторины в котором говорилось что последнему должны «всюду чинить свободный пропуск и оказывать всякое законное содействие в проезде от верного до Кульджи, и оттуда до Самарканда» [1, с. 116].

По рассказам предков этих переселенцев, они шли из Семиречья в Байрамали 6 месяцев. В качестве основного средства передвижения использовались бычьи повозки. В пути люди заболели, сталкивались с различными трудностями. Таким образом, уйгуры, покинувшие свою Родину весной 1890 г., осенью того же года добрались до Байрамали. В скором времени в имении появилась 268 семей [4, с. 14].

Условия переселения, которые предлагалось давать народу устно перечислены были в инструктивном письме: каждому обещали выделить в имении 4 десятины земли в надел в потомственное пользование, за которые нужно ежегодно платить сбором хлопка с полу десятины, избавляясь от государственных податей, кроме общественных. Семена на посев хлопка поселенцы получают от имения даром, а за очистку хлопка оставляют в пользу имения семена со всего своего собранного хлопка. Кроме 4 десятин, можно арендовать какое угодно количество земли. Магистраль (главная канава) и плотина сооружаются имением, а поливную сеть по указаниям инженеров делают сами жители. До первых урожаев переселенцы обеспечивались хлебом (в заем), кормом для скота, лесом для постройки и деньгами на хозяйственные нужды. Проезд на поселение в имение – по удешевленному 50 % тарифу. Управление и суд сохранялись по обычаю и закону мусульман, как и у туркмен [1, с. 116]. Сначала их использовали при строительстве ирригационных систем и водоемов. Амир Хамза Сатынов, избранный таранчинцами представитель, сотрудничал с российской администрацией в своих интересах. В результате, на что бы они ни жаловались, их слова не оказывали влияния, и их жизнь не изменилась [4, с. 15]. Тяжелый труд, загрязнение, плохие условия труда способствовали развитию холеры. Таким образом из-за холеры погибли сотни людей, работавших на строительстве Солтанбенда и Хиндигуша. Определенная часть уйгуров, не выдержав этих суровых условий, вернулись назад. Остальные, заключив договор с управляющим, купили на каждую семью примерно по 2 десятины земли вокруг реки Мургаб. Сейчас здесь расположен дайханские объединения «Туркменистан» Туркменгалинского этрапа. После победы Октябрьской социалистической революции уйгуры, как и другие народы, прошли этапы большой коллективизации. В регионах города Байрамали были созданы два колхоза уйгуров имени Молотова и имени Буденного. Таким образом, был создан уйгурский поселок всего с тремя улицами. Он также получил название поселок теренджи и вошел в состав города.

После войны в результате слияния этих колхозов с другими колхозами основная часть уйгуров переселилась в город Байрамали и поселок Туркменгала.

Сегодня в Туркменистане проживают 1,5 тысячи уйгуров. Они работают в различных отраслях народного хозяйства Туркменистана. Они свободно владеют русским и туркменским языками. Есть уйгуры создавшие семейные узы с

туркменами, татарами и русскими. Уйгуры, живущие вдали от родного Казахстана, ассимилировались с местным населением [5].

Уйгурская молодежь, проживающая в городах, говорят на русском языке, а живущая в селах – на туркменском. В 1990 г. в городе Байрамали в целях сохранения родного языка, обычаев и национальной культуры был создан культурный центр «Дружба». Этот центр вошел в межгосударственное сообщество уйгуров СНГ. В декабре 1992 г. в Стамбуле прошел Всемирный съезд уйгуров. В качестве делегата от Туркменистана в первом съезде принял участие председатель Совета Уйгурского общества Туркменистана, заслуженный работник водного хозяйства Туркменистана Мухаммед Гаситов [5].

Уйгуры, живущие в Туркменистане, считают его своей Родиной. Они считают туркмен братьями, давшими им в трудные годы хлеб, воду и землю. Уйгуры своим трудом вносят достойный вклад в укрепление и расцвет дружбы между народами, проживающими в Туркменистане.

Список литературы

1. Канода Н.Н. Аграрная политика царизма в Туркменистане (1881–1917 гг.). Ашгабат: Ылым, 1991. 224 с.
2. Народы Средней Азии и Казахстана. Т. 2 / под ред. С.П. Толстова [и др.]. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 778 с.
3. Токарев С.А. Этнография народов СССР. М.: Изд-во Москов. ун-та, 1958. 615 с.
4. Дортгулы Мухаммет оглы. Мургапдакы патышалык мулки. Ашгабат, 1993. 70 с.
5. Гаситов М. Уйгурлар // Мару-Шаху-Жахан. 1993. 11 марта.

ДОБРОВОЛЬНАЯ И ВЫНУЖДЕННАЯ МИГРАЦИЯ КУПЕЧЕСТВА ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ГОДЫ XX в.

*Галлямова Лариса Васильевна,
Сургутский государственный университет, Сургут, Россия
lara.merkulova.99@mail.ru*

В статье рассматриваются вопросы миграции и социальной мобильности купечества Тобольской губернии в период политических кризисов начала XX в. Сделан вывод о преобладании вынужденного переселения, сочетавшегося с понижением социального статуса.

Ключевые слова: купечество, миграция, Тобольская губерния, Сибирь, торговля

VOLUNTARY AND FORCED MIGRATION OF MERCHANTS OF TOBOLSK PROVINCE IN THE REVOLUTIONARY YEARS OF THE XX CENTURY

*Gallyamova Larisa Vasilyevna,
Surgut State University, Surgut, Russia
lara.merkulova.99@mail.ru*

The article examines the issues of migration and social mobility of the merchants of the Tobolsk province during the political crises of the early XX century. The conclusion is made about the predominance of forced resettlement, combined with a decrease in social status.

Keywords: merchants, migration, Tobolsk province, Siberia, trade

Купечество, в его традиционном понимании, представляет собой социальный слой торговых предпринимателей, формировавшийся из различных социальных групп. Занятия торговлей предполагали активное передвижение предпринимателей в поисках точек соединения товара и покупателя, каковыми в России на рубеже XIX – XX вв. нередко выступали ярмарки. Таким образом, для всестороннего изучения купеческого сословия необходимо рассмотрение таких понятий, как миграция и социальная мобильность.

При исследовании форм перемещения купечества в качестве основных можно выделить две из них. Первая – свободное перемещение, предполагавшее возможность беспрепятственно передвигаться по стране, самостоятельно выбирать пути и торговые условия, поставщиков и покупателей. Кроме того, отмена крепостного права дала возможность крестьянам участвовать в торговой деятельности, что способствовало созданию массового слоя мелких торговцев. Ко второй форме передвижения относится вынужденное, когда при изменении экономических, социальных или политических факторов торговцам приходилось переселяться в другое место не по своей воле.

Сибирское купечество пополнялось за счет выходцев из самых разных социальных слоев и регионов. Из более чем десятка социальных источников пополнения наиболее существенными были мещанство и крестьянство [1, с. 26]. Данные свидетельствуют о том, что на территорию Тобольской губернии переезжали купцы из Владимирской, Пермской, Костромской и других губерний. Основной причиной переезда чаще всего было стремление к увеличению своего капитала, но, переселяясь, купцы могли поддерживать деловые отношения как с прежним, так и новым местом пребывания, что позволяло увеличить товаропоток.

В начале XX в. в российской истории происходит ряд важных событий, оказавших серьезное влияние на миграцию населения. Революции 1917 г. и начавшаяся гражданская война вызвали феномен массовой эмиграции, в том числе и торговых представителей [2, с. 9]. Затронули эти процессы и купцов Тобольской губернии. Рассмотрим судьбу некоторых из них.

Так, тюменские купцы Колокольниковы получили свою широкую известность в XIX в. благодаря торговле чаем и имели свой основной магазин в Тюмени, а также филиалы в Челябинске, Вятке, Кургане и в Перми. В 1895 г. был основан «Торговый дом Колокольниковы-наследники», который продавал различные товары. До 1914 г. Торговый дом держал монополию на чай на Ирбитской ярмарке. С изменением политической ситуации в 1918 г. советские власти арестовали Антона Ивановича Колокольникова, но чуть позже отпустили, в этом же году на семью была наложена 2-миллионная контрибуция [3, с. 179.]. В 1919 г. семья начинает эмигрировать. Старший сын Ивана Петровича Колокольникова – Степан Иванович переезжает во Францию, а чуть позже в Нью-Йорк. Виктор Иванович переезжает во Владивосток и создает «Беженский комитет», а в 1922 г. он уезжает в Харбин, где возглавляет в Комитет помощи русским беженцам. Антон Иванович Колокольников переезжает в Иркутск, где работал разнорабочим [4].

В этом же году эмигрировал в Харбин вместе со своей семьей другой тюменский купец I гильдии – Василий Лаврович Жернаков, который ранее имел паровую мельницу, вел оптовую торговлю хлебом, имел свое пароходство, был соучредителем чугунолитейного завода Машарова. До революции Жернаков имел большой магазин на базарной площади в Тюмени, а товарооборот его семьи достигал нескольких миллионов рублей в год [5, с. 132]. В Харбине он продолжал свою торговую деятельность, но уже не с таким размахом.

Купцы братья Колмаковы занимались предпринимательством не только в Тюмени, но и в Ялуторовске, Заводоуковске. В 1880-х гг. они основали в Тюмени торгово-промышленное товарищество «Братья Колмаковы», которое занимались хлебной и бакалейной продажей. Предприниматели постоянно находились в разъездах, посещая Ирбит, Тару, Тобольск, Омск, Ишим и ряд других городов, входивших в сферу их торговых интересов. В начале XX в. фирма Колмаковых становится одной из самых крупных в Тюмени, чье имущество оценивалось более чем в 36 тыс. руб. В 1917 г. Авксентий Степанович Колмаков был убит на пороге своего дома, а Кириак Степанович после революции вместе со своей семьей покидает город Тюмень, предположительно переехав в Омск [6, с. 115].

Бухарские купцы Абдулкабир Муртазин и братья Мирсалимовы занимались в Тобольской губернии продажей скота, а также изделий из кожи, козьего пуха, бакалейных и галантерейных предметов [7]. С конца XIX в. они торговали жировыми и хлебными товарами в Тюмени, Семипалатинске, принимали активное участие в Нижегородской, Ирбитской, Ботовской ярмарках. А. Муртазин был членом учетного комитета Тюменской ярмарки, ставшей одним из сибирских центров продажи кожевенного сырья в Европейскую часть России [8]. В период революций купцы сначала проживали в родных им Ембаевских юртах, но чуть позже переезжают в Среднюю Азию, а затем в Китай.

И.И. Корнилов – тобольский купец I гильдии, который возглавлял вместе с матерью Ф. В. Корниловой «Торговый дом Корниловых», занимался перевозками и торговлей хлебом после смерти отца. За свою деятельность был награжден орденом Св. Станислава 2-й степени в 1907 г. [9, л. 32]. В 1913 г. все семейство переехало в Москву. С этой поры Иван Иванович ни в Тобольске, ни в Тюмени уже не появлялся, а в его Торговом Доме располагался окружной суд. В 1914 г. Корниловы по семейным обстоятельствам переезжают в Крым, а в ходе революционных событий все они эмигрировали в Париж [10].

Не менее ярким был и купеческий род Балакшиных, сыгравший заметную роль в экономическом развитии города Кургана и Курганского уезда в целом. Александр Николаевич Балакшин в начале XX в. открыл ряд малолетних заводов. В 1901 г. он возглавлял Курганское сельскохозяйственное товарищество, которое стало важным посредником между сибирскими производителями масла и его покупателями за рубежом. По инициативе предпринимателя в 1907 г. создается самая крупная кооперативная организация в России – Союз Сибирских маслоделательных артелей. Александр Николаевич был убежден в том, что вывоз сибирского масла в Европу благотворно влияет на экономику страны [11]. В 1914 г. по делам торговли А.Н. Балакшин уезжает в Англию, а его сын Андрей Александрович продолжает в Кургане дела отца. В 1918 г. семья Балакшиных переезжает в Омск, затем эмигрирует в Харбин, потом в Шанхай и далее в Бостон, где ими был организован Сибирский сельскохозяйственный союз [12, с. 209].

Подводя итоги, хочется отметить, что основной причиной вынужденной эмиграции тобольских купцов было установление новой власти, которую они не признавали. Ряд бывших торговцев поддержал белое движение. С другой стороны, советская власть разрушила основы существования торгового сословия в период «военного коммунизма», когда свободная торговля была фактически запрещена, а имущество купцов национализировано, что определило их нисходящую социальную мобильность. Значительная часть торговцев-мигрантов двинулась в Харбин, получивший в 20–30-е гг. XX в. наименование «русский город», а также во Францию и США. При этом некоторые купеческие семьи надеялись, что они покидают свой дом на время и вернутся на Родину, но этим мечтам не суждено было сбыться.

Список литературы

1. Меркулова Л. В. Купечество Тобольской губернии XVIII–XIX вв. в музейных экспозициях // Северный регион: наука, образование, культура. 2020. № 2 (46). С. 26–28.
2. Алешковский И.А., Бочарова З.С. Революция 1917 г. как причина исхода и формирования зарубежной России // Вестник Московского университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика. 2017. № 1. С. 8–24.
3. Типикина Л.А. История частного Коммерческого училища Колокольниковых в г. Тюмени (1910–1919 гг.) // Ежегодник. 2000 / Тюм. обл. краевед. музей. Тюмень, 2001. С. 166–181.
4. Ледовская Н. «Они не знали, что уезжают навсегда»: как и почему семья купца Колокольникова сбежала из Тюмени [Электронный ресурс] / Тюмень онлайн от 28 января 2023 г. URL: <https://72.ru> (дата обращения: 05.10.2024).
5. Кубочкин С.Н. Тычковка, Сарай, Потаскуй. Из истории тюменских окраин XIX – начала XX вв. Тюмень: Изд-во Юрия Мандрики, 2002. 296 с.
6. Севостьянов А.А. Какие прекрасные лица! Семейный альбом купцов Колмаковых // Наше наследие: краеведческая конф. Ишим, 2016. С. 110–116.
7. Братья Муртазины // Портал культуры и искусства Тюменской области. URL: <https://kultura-to.ru> (дата обращения: 05.10.2024).
8. Некрасова Т. Живая нить времен [Электронный ресурс] / Новости Тюменского района. 2018. 28 окт. // URL: <https://rayon72.ru> (дата обращения: 06.10.2024).
9. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-177. Оп. 1. Д. 28.
10. Васильев Р. И только музыка в душе [Электронный ресурс] / Тюменская правда. 2023. 15 февр. // URL: <https://tyum-pravda.ru> (дата обращения: 05.10.2024).
11. Балакшины [Электронный ресурс] / Библиотечная информационная система г. Кургана. URL: http://cbs-kurgan.com/zhzl_balakshiny (дата обращения: 05.10.2024).
12. Картина маслом... Из истории сибирского маслоделия 1842–1920: документы и материалы. К 95-летию Государственного архива Курганской области / отв. сост. А.А. Михайлов. Курган: Эталон, 2019. 399 с.

УДК 94 (57)

**К ВОПРОСУ О НАПРАВЛЕНИЯХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МИГРАЦИИ
В СИБИРИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.**

*Ищенко Оксана Владимировна,
Сургутский государственный университет, Сургут, Россия
iovf@yandex.ru*

В статье рассматриваются отдельные аспекты влияния образовательной миграции на развитие Сибири, связанные с открытием в Томске первых высших учебных заведений в конце XIX в. Сделан вывод о положительном влиянии учебной миграции на социально-экономическое развитие региона на рубеже XIX-XX вв. и значительной трансформации этого процесса в современных условиях.

Ключевые слова: студенчество, миграция, образование, Сибирь, Либеров

**ON THE ISSUE OF THE DIRECTIONS OF EDUCATIONAL MIGRATION
IN SIBERIA AT THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES**

*Ishchenko Oksana Vladimirovna,
Surgut State University, Surgut, Russia
iovf@yandex.ru*

The article deals with the issues of educational migration related to the opening of the first higher educational institutions in Tomsk at the end of the XIX century. The conclusion is made about the positive impact of educational migration on the socio-economic development of the region at the turn of the XIX-XX centuries and a significant transformation of this process in modern conditions.

Keywords: students, migration, education, Siberia, Liberov

В истории Российского государства процессы миграции играли и продолжают играть особо важную роль. Необходимость заселения окраин, самой обширной из которых была азиатская часть империи, в разные периоды времени определяла усилия государства, направленные как на добровольное, так и принудительное перемещение населения. В научной литературе свое отражение получили сюжеты, связанные с приходом в Сибирь служилых людей, насильственным водворением ссыльных, переселением крестьян в период аграрных реформ. В то же время важным фактором развития сибирского региона служила и образовательная миграция. В современных исследованиях образовательная (учебная) миграция определяется как временное перемещение людей для получения образования [1, с. 123]. Учебная миграция носит преимущественно добровольный характер и в большей степени присуща молодым людям, получившим среднее образование по месту постоянного проживания, но стремящимся к получению далее высшего или среднего профессионального образования. Чаще всего выбор нового региона связан с наличием привлекательного учебного заведения [2, с. 221].

Довольно сложным вопросом является маятниковый характер образовательной миграции, поскольку только часть обучающихся возвращается на место прежнего проживания. Значительная часть студентов в дальнейшем либо остается в месте получения образования, либо покидает его для устройства на работу в ином регионе. Таким образом, образовательная миграция выступает важным фактором влияния на жизненную траекторию молодых людей. Одновременно учебная миграция оказывает огромное влияние и на социально-экономическое развитие привлекательных образовательных центров, способствуя привлечению в них молодежи, созданию новых рабочих мест, превращению университетских городов в центры развития науки, образования и культуры.

В этом контексте невозможно переоценить роль открытия во второй половине XIX в. первого сибирского высшего учебного заведения – Томского университета. До момента его создания молодые люди, желающие получить высшее образование, уезжали из региона, и, как писал сибирский ученый и видный общественный деятель Н.М. Ядринцев, «в весьма редких случаях» они возвращались в Сибирь, «избирая местом своей деятельности Европейскую Россию». Понимая это, генерал-губернатор Западной Сибири Н.Г. Казнаков утверждал в докладе императору, что государству выгодно готовить специалистов «из местного населения, окончивших на месте, в Сибири, высшую школу» [3, с. 18–19].

Томский университет был открыт для занятий в 1888 г. и имел особые правила приема, способствовавшие привлечению сюда абитуриентов со всей страны, поскольку к поступлению в него были допущены не только выпускники гимназий, но и ряда других средних учебных заведений. В силу этого состав студентов университета преимущественно был представлен выпускниками сибирских мужских гимназий и духовных семинарий Европейской России с преобладанием последних. Об этом свидетельствуют цифры официальной статистики: за первые 20 лет существования университета в нем обучалось 3758 человек, 954 из которых были выпускниками гимназий, а 1955 – духовных семинарий [4]. В дальнейшем, с ростом числа средних учебных заведений в Сибири, доля их выпускников в составе студентов Томского университета стала увеличиваться, составляя в начале XX в. более половины от общего числа обучающихся [3, с. 41–42].

Приведенные данные свидетельствуют о том, что открытие Томского университета способствовало усилению образовательной миграции как внутри Сибири, так и за ее пределами. Причины приезда сюда абитуриентов из Европейской России, равно как и трудности, связанные с переездом, можно рассмотреть на примере выпускника Костромской духовной семинарии, будущего известного врача Николая Дмитриевича Либерова.

Не имея возможности поступить в университет ближе к дому, Либеров вместе с товарищами в 1896 г. направляется из родного города Галича Костромской губернии в дальнюю дорогу в Томск, занявшую более 10 дней [5, с. 19]. В письмах к товарищу он подробно описывает город прибытия, давая ему весьма нелестные характеристики: «Томск, Томск! ... Убог и беден ты по внешнему виду, да и по внутреннему-то не совсем хорош... Постоянные кражи, убийства, любовь к дракам – вот чем характеризуеть ты себя» [6, с. 14]. И только университет предстает в письмах абитуриента, а затем студента, как центр образования и науки.

Но этот, столь не полюбившийся сначала выходцу из центральной части страны, город становится в дальнейшем его фактически второй родиной. Закончив в 1902 г. с отличием медицинский факультет Томского университета, Н.Д. Либеров продол-

жил свою научную и преподавательскую деятельность в Томске. В 1926 г. он переезжает в Омск, став профессором Омского медицинского института и внося значительный вклад в развитие сибирской медицины и курортного дела. В Омске он прожил до конца жизни, скончавшись в 1944 г. [6, с. 10].

Сын Н.Д. Либерова – Алексей Николаевич Либеров (1911–2001 гг.), известный художник, получив первоначальное художественное образование в Томске и Омске, учился затем в вузах Москвы и Ленинграда. В дальнейшем вернулся в Омск, где стал фактическим родоначальником высшего художественного образования в городе, поскольку по его инициативе в 1960 г. был открыт художественно-графический факультет Омского педагогического института. В 1994 г. в Омске был открыт художественный музей, получивший имя Либерова [7]. Дело Алексея Николаевича Либерова продолжил его сын – Никита Алексеевич, художник, выпускник основанного его отцом художественно-графического факультета Омского государственного педагогического института имени А.М. Горького.

Таким образом, пример нескольких поколений семьи Либеровых свидетельствует о том, что, фактически вынужденно приехав в Сибирь для получения образования, многие молодые люди связывали свою судьбу с этой отдаленной окраиной страны, внося немалый вклад в ее социально-экономическое, научное, культурное развитие. Об этом в конце XIX в. писал первый директор второго томского вуза – Томского технологического института, Е.А. Зубашев, предполагавший, что выпускники средних учебных заведений Европейской России за период обучения «освоятся с Сибирью, так сказать акклиматизируются», и потому останутся здесь навсегда [3, с. 58].

К сожалению, на сегодняшний день потоки образовательной миграции имеют обратную направленность. Многие выпускники сибирских школ стремятся либо сразу получить высшее образование в столичных городах, либо переехать туда после окончания вуза. Крупные города (Новосибирск, Томск, Омск, Красноярск и др.) как образовательные центры остаются привлекательными только для самих жителей региона, но даже довольно продолжительное пребывание в них не гарантирует дальнейшего закрепления молодых специалистов в Сибири.

Список литературы

1. Митин, Д.Н. Образовательная (учебная) миграция: понятие, проблемы и пути решения // Вестник РУДН. Серия политология. 2010. № 3. С. 123–134.
2. Трофимов Е.А., Трофимова Т.И. Особенности учебной миграции в условиях глобализации // Тенденции и проблемы в экономике России: теоретические и практические аспекты: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф., Иркутск, 23 марта 2017 г. Иркутск: Байкальский гос. ун-т, 2017. С. 219–224.
3. Толочко А.П., Ищенко О.В., Сковородина И.С. Развитие профессионального образования в Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. (опыт истории в контексте современности). Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2005. 223 с.
4. Сибирская жизнь. 1908. 22 июля.
5. Ищенко О.В. Томский университет в городском пространстве Сибири (конец XIX – начало XX вв.) // Вестник Югорского государственного университета. 2012. № 1 (24). С. 18–22.
6. Либеров Н. Тепло становилось на душе от речи профессора // Сибирская старина. 1998. № 15 (20). С. 10–14.
7. Алексей Николаевич Либеров // Государственный областной художественный музей «Либеров-центр»: официальный сайт. URL: <https://liberov.ru/a-n-liberov-kollekcii> (дата обращения: 07.10.2024).

ФОРМИРОВАНИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА НАСЕЛЕНИЯ ИДРИНСКОГО РАЙОНА

Баранцева Наталья Анатольевна,

*Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», Абакан, Россия,
barantzeva@inbox.ru*

Милкин Евгений Иванович,

*Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», Абакан, Россия
milkin.01@bk.ru*

В статье раскрываются миграционные источники формирования населения Идринского района с учетом естественно-географической, экономической и социокультурной среды обитания.

Ключевые слова: миграция, население, Минусинский округ/уезд, переселенцы, ссыльные, населенные пункты, приживаемость, адаптация

FORMATION OF THE RESETTLEMENT COMPONENT OF THE IDRINSKY DISTRICT POPULATION

Barantseva Natalia Anatolyevna,

*Katanov Khakass State University, Abakan, Russia
barantzeva@inbox.ru*

Milkin Evgeny Ivanovich,

*Katanov Khakass State University, Abakan, Russia
milkin.01@bk.ru*

The article reveals the migration sources of the formation of the population of the Idrinsky district, considering the natural geographical, economic and socio-cultural habitat.

Keywords: migration, population, Minusinsk district/county, migrants, exiles, settlements, survival, adaptation

4 апреля 2024 г. отмечалось столетие Идринского района, образованного в ходе районирования Енисейской губернии. В состав района вошли три волости – Идринская, Кнышинская, Никольская, а также два селения Шалаболинской и семь населенных пунктов Салбинской волостей. По данным всероссийской переписи населения 1920 г., население Идринской волости насчитывало 14 529 чел., из них 6 918 мужчин, 7 311 – женщин [1, с. 27].

Заселение современной территории района кочевыми племенами смешанного монголоидно-европеоидного типа датировалось III тыс. до н. э. – XII-XIII вв. н. э. К приходу русского населения в районе проживали койбальские племена, мигрировавшие из Минусинских степей в подтаежные районы Восточного Саяна [2, с. 277].

Естественно-географический фактор сыграл важную роль в формировании населения района. Располагаясь в юго-западной части современного Красноярского края между Восточным Саяном и южной частью Минусинской котловины, территория являлась труднодоступной для заселения, ввиду отдаленности от губернского центра и неразвитости транспортной инфраструктуры. Рельеф большей части терри-

тории Идринского района представлял собой среднегорье, переходящее на юге и западе в низкогорье и равнинную лесостепь. Климат в районе достаточно суровый – резко континентальный, характеризующийся морозной зимой и коротким летом, значительным количеством осадков. Вместе с тем разветвленная сеть рек (Сыда, Сисим, Шушь, Убей, Хабык и др.) создавала благоприятные условия для передвижения переселенцев, давала запасы воды для приготовления пищи человеку и домашним животным, снабжала рыбными ресурсами. Разнообразие почв – от черноземов, до подзолистых и кислых почв позволяло использовать земельные угодья для развития растениеводства и скотоводства. Наличие в лесной зоне дикоросов (черемуха, смородина, черемша, щавель, грибы, кедровый орех, саранка и пр.) и лекарственных растений (душица, кровохлебка, зверобой, марьин корень, кипрей, пижма и др.) давали возможность разнообразить домашнюю кухню и практиковать народную медицину. Богатый мир животных таежной и лесостепной зон (марал, козел, кабарга, косуля, рысь, соболь, выдра, норка, горностай и т. д.) создавал условия для организации охоты и пушного промысла [2, с. 276–277].

Заселение юга Енисейской губернии в первой трети XVIII в. связано с возведением в 1707 г. Абаканского острога красноярскими казаками-годовальщиками, выполнявшими задачи закрепления южных государственных границ и защиты населения от набегов маньчжуров. По окончании срока службы часть казаков (Крапивин, Гордеевы, Спиридоновы, Гагаркины и др.) основала в 1736 г. на реке Сыда село Идринское, что документально в 1779 г. было подтверждено исповедной росписью Воскресенской церкви Абаканского ведомства. Наличие плодородных земельных угодий, природных и водных ресурсов обусловили развитие земледелия и животноводства. Казачество длительное время соседствовало с хозяйствами койбалов [3].

Дальнейшее освоение Минусинского края с хозяйственными целями вплоть до 60-х гг. XVIII в. осуществлялось преимущественно за счет внутренней миграции – пришлого населения из старожильческих мест Красноярского и Енисейского округов. Расширение освоенных участков проводилось на основе заимок и промысловых избушек. Одиночки или маломощные семьи чаще подселялись в обжитые деревни. Большевесемейные, более экономически обеспеченные переселенцы, при наличии свободных земель, продвигались на новые территории [4, с. 93, 98].

В последней трети XVIII в. рост населения Идринского района осуществлялся за счет естественного прироста, а также миграционных потоков из европейской части России. В числе мигрантов были как вынужденные поселенцы, например, казаки, посланные в Сибирь после подавления крестьянской войны 1773–1775 гг., участники польского национально-освободительного движения, так и представители добровольной крестьянской колонизации. На территории Идринского района начали возникать такие поселения как Большой Хабык (1775 г.), Малый Хабык (1776 г.), Большой Телек (1776 г.) [3]. По мере продвижения переселенцев вглубь территории района происходило взаимодействие с коренным хакасским населением, которое нередко заимствовало способы разведения скота, выращивания зерновых культур и иные виды сельского хозяйства. Но по мере роста пришлого населения, истощения свободных переселенческих участков нередко возникали земельные споры и столкновения с «инородцами».

В XIX в. процесс заселения Идринского района ускорился. В 1806 г. возникло село Большие Кныши. Благодаря реформам Сперанского крестьянам всех губерний разрешили переселяться в Сибирь. Преимущественно военная миграция населения сменилась аграрной. С образованием в 1822 г. Енисейской губернии село Идринское приобрело статус волостного центра, что значительно повысило его административ-

ное и социально-хозяйственное значение в регионе. «Киселевские» переселения 1850-х гг. стимулировали переселения государственных крестьян в Приенисейский край, что содействовало хозяйственной, политической и социокультурной интеграции новых территорий в состав Российской империи. В окрестностях Идринского района были образованы селения Адриха (1829 г.), Малые Кныши (1834 г.), Аджар (Васильевка) (1831 г.), Малый Телек (1836 г.), Большая Салба (1840 г.), Никольское (1841 г.), Екатерининское (1846 г.), Еленинск, Зезезино, Отрок (1850 г.) [2, с. 287-299]. В 1852-1853 гг. им был присвоен статус казенных деревень.

Отмена крепостного права в России в 1861 г. привела к росту переселенческого компонента малоимущих крестьян в сибирские регионы. Ввиду значительного сокращения переселенческого фонда расселение вновь прибывших производилось либо в старожильческие хозяйства в качестве батраков, либо в отдаленные, малопригодные для жизни и хозяйствования места. К этому времени относится создание таких селений района как Новоберезовка (1887 г.), Новотроицкое (1888 г.), Романовка (1890 г.), Куреж (1896 г.) и др.

Материалы инспекционных поездок по православным приходам свидетельствуют о том, что представители РПЦ уделяли особое внимание жилищно-бытовым условиям проживания населения Идринского района, источникам существования, а также духовно-нравственной атмосфере в сельских переселенческих сообществах. Так, в описании Больше-Хабыкского Троицкого прихода, открытого в 1897 г., акцентируется внимание на том, что условия хозяйствования в селениях прихода благоприятные. Село Хабык стоит на реках Хабык и Сыда в красивой горной «здоровой» местности, в 40 верстах от паровой станции Сорокино, в 15 верстах от почтового отделения Идринского, «пути сообщения удобные». Есть небольшая церковная библиотека, церковно-приходская школа, удобная и частая, с одним учителем и примерно с 50 учениками. У причта есть собственные дома, сенокосная и пахотная земля. В приходе 422 двора из 2 625 жителей (1 263 мужчин и 1 362 женщин). Все жители являлись старожилами, разногласий на религиозной и национальной почве не наблюдалось [5, с. 140–141].

В то же время, например, отмечались серьезные противоречия и вражда среди населения Екатерининского прихода, открытого в 1913 г., с населением, состоявшим из 799 чел. православных, а также раскольников разного толка – 208, католиков – 2 чел. Это объяснялось тем, что жители прихода были выходцами разных губерний – Пермской, Тобольской, Нижегородской, Симбирской, Самарской, Воронежской, переселенцами разновременных волн, различающимися по религиозному и материальному статусу [5, с. 147–148].

Вместе с тем, материалы обследований старейшего Курежского Покровского прихода, открытого в 1607 г., показывают, что многонациональный состав сельских поселений не являлся препятствием для мирного существования жителей. В приходе насчитывалось 464 дома, в которых проживало 2176 чел. (1 109 мужчин, 1 067 женщин). Население села Куреж состояло исключительно из переселенцев-малороссов Полтавской и отчасти Херсонской губерний. В деревне Метихово проживали старожилы и переселенцы-малороссы тех же губерний, но особенно много было мордвы из Тамбовской губернии. Большинство жителей прихода были православными. Только 234 чел. являлись раскольниками, но «не пропагандировали своего учения, жили мирно с православными». Межэтническому согласию способствовали достаточно благоприятные условия хозяйствования. В селе Курежском были три типа кооперативов: кредитное товарищество, сельскохозяйственное общество и маслодельная артель [5, с. 164–165].

В 1911 г. население Идринской волости, состоявшей из 12 населенных мест, в основном сформировалось и стало основой образованного в 1924 г. Идринского района. Оно насчитывало 1 779 дворов из 11 143 чел. (из них 5 343 мужчин и 5 800 женщин) [6, с. 320–322]. В состав Идринского района вошли 8 селений Кнышенской волости (1 018 дворов, 6 602 чел., в т. ч. 3326 мужчин, 3276 женщин) [6, с. 328–330]; 10 селений Никольской волости (1025 дворов, 6917 чел., в т. ч. 3 504 мужчин, 3 213 женщин) [6, с. 346–348]; 7 селений Салбинской волости (268 дворов, 1 561 чел., из них 796 мужчин, 765 женщин [6, с. 360–364]; 2 селения Шалаболинской волости (223 двора, 1 394 чел., в т. ч. 665 мужчин, 729 женщин) [6, с. 370–372]. Домохозяйство в среднем насчитывало 6,3 чел., что свидетельствовало о преобладании традиционных семей, основанных на принципах всеобщей брачности и многодетности.

Таким образом, на протяжении XVIII – начала XX в. формирование переселенческого компонента населения Идринского района осуществлялось как за счет вольно-народной, в том числе внутренней колонизации из районов Приенисейского края, так и в результате переселенческой политики российского государства. Данная политика была направлена на защиту, интеграцию и хозяйственное освоение новых территорий. Миграционный поток носил полиэтнический характер. Выходцы из западных российских губерний, в зависимости от наличия свободного переселенческого фонда, расселялись компактными группами или дисперсно в старожильческих селениях. Миграционный прирост населения района дополнялся значительным естественным приростом. Географическое положение и природно-климатические условия Идринского района играли важную роль в формировании селений. Особое значение в создании населенных пунктов переселенцы придавали наличию речных систем, природных ресурсов, чтобы обеспечить благоприятные условия для возведения жилья, развития сельского хозяйства, домашних ремесел и промыслов. Большое значение в горной и лесостепной местности придавалось транспортной доступности волостных центров и сел, где располагались административные и общественные здания – церкви, школы, почтовые службы, магазины, реже лечебницы.

Список литературы

1. Население Сибири (по материалам Всероссийской демографической переписи 1920 года): погубернские, поуездные и поволостные итоги. Т. 1. Вып. 1. Новониколаевск: Сиб. стат. упр., 1921. 40 с.
2. Энциклопедия Красноярского края ЮГ: справочное издание. Красноярск: Буква С, 2008. 592 с.
3. Енисейской губернии 200 лет. 1822–2022 // URL: <http://200eg.krskstate.ru/settlers/0/id/58783> white (дата обращения: 08.10.2024).
4. Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII веке. Новосибирск: Наука, 1981. 248 с.
5. Краткое описание приходов Енисейской епархии. Издание Енисейскаго Церковно-Историко-Археологическаго Общества. Красноярск: Эл.-тип. Епарх. братства, 1916. № 751. 227 с. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_009410963?page=2&rotate=0&theme=white (дата обращения: 07.10.2024).
6. Список населенных пунктов Енисейской губернии. Красноярск: Енисейское районное переселенческое управление, 1911. 443 с.

СУДЬБА ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ СЕРЕДИНЫ XV ВЕКА ИЗ ВЕНЕЦИИ В ТАНУ ПО МАТЕРИАЛАМ НОТАРИАЛЬНЫХ АКТОВ ПЬЕТРО ПЕЛЛАКАНА

Лебедева Ирина Евгеньевна, переводчик

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,

Санкт-Петербург, Россия

lebedeva_ie@spbstu.ru

В статье рассматриваются занятия, социальная принадлежность и имущество переселенцев из Венеции в Тану в середине XV в. На основе полученных данных делаются выводы о причинах переезда и судьбе приезжих. Исследование основано преимущественно на изучении неизданных нотариальных актов Венецианского государственного архива.

Ключевые слова: работоторговля, этнос, манумиссия, Причерноморье, Венеция, Тана, нотариальные акты, Пьетро Пеллакан

THE FATE OF THE MIGRANTS FROM VENICE TO TANA IN THE MIDDLE OF THE 15th CENTURY BASED ON THE NOTARIAL ACTS OF PETRUS PELACAN

Lebedeva Irina Evgenyevna, Translator

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia

lebedeva_ie@spbstu.ru

The article examines the occupation, social affiliation and property of migrants from Venice to Tana in the mid-15th century. Based on the data obtained, conclusions are drawn about the reasons for the migration and the fate of the migrants. The research is based primarily on the study of unpublished notarial acts from the Venice State Archive.

Keywords: slave trade, ethnicity, manumission, Black Sea area, Venice, Tana, notarial act, Petrus Pelacan

Источником для настоящей работы послужили акты венецианского нотариуса Пьетро Пеллакана, составленные в период с 1446 по 1455 г. Большинство из них прежде не публиковалось. Оригиналы данных актов в настоящее время хранятся в Государственном архиве Венеции (ASV – *Archivio di Stato di Venezia*) в фондах так называемой «Нижней канцелярии» (*Cancellaria Inferior*). Фотокопии этих документов были любезно предоставлены нам акад. РАН, проф., д.и.н. С.П. Карповым. Папка, или busta, под номером 148, содержащая акты Пеллакана, включает в себя книгу имбревиатур разных документов (СС. 1-85), составленных в Каффе, Тане, Константинополе и Венеции в период с 1 октября 1446 г. по 27 июля 1455 г. Из 125 актов, содержащихся на 85 страницах книги имбревиатур, нас будут интересовать только документы, составленные в Тане для заказчиков, у которых городом происхождения/постоянного проживания до переезда в Тану значится Венеция (или венецианский «приход» – *confinio/contrata*). Таких актов будет всего 7.

Прежде чем приступить к непосредственному анализу информации, содержащейся в означенных актах, необходимо сказать несколько слов о месте составления актов и их составителе.

Точно неизвестно, когда именно итальянцы основали в дельте Дона свою факторию с названием Тана. Однако, скорее всего, это произошло в конце XII – первой половине XIII в. (впервые название Таны как населенного пункта упоминается в 1269 г.). Географическое положение Таны было крайне выгодным: между территориями Юго-Восточной Европы и Поволжья.

Венецианское консульство в Тане возникло между 1317 и 1325 г. В 1332 г. венецианская фактория приобрела особый юридический статус благодаря договору с Узбеком, ханом Золотой Орды, и февральским решением Сената 1333 г. [1, с. 48]. В середине XIV в. Тана стала важнейшим опорным пунктом Венеции в Причерноморье для торговли с Востоком [2, с. 103]. И хотя Венеция старалась поддерживать регулярные дипломатические контакты с Ордой, в начале XV в. Тана четырежды (в 1395, 1410, 1412 и 1418 гг.) подверглась нападению и разграблению со стороны татар. Однако венецианцы возвели новые, более мощные фортификационные укрепления (даже в наших актах от 1449, 1451 и 1452 гг. Тана по-прежнему называется *castro*, т. е. «крепость»), чтобы защитить столь важный для них форпост.

Дальнейшая история региона проходила под знаком усиления турецкой угрозы. В 1475 г., после захвата турками, Тана перестала существовать. Сегодня на ее месте располагается город Азов.

Что же касается Пьетро Пеллакана, то свою трудовую деятельность в качестве нотариуса, согласно генеральному перечню Госархива Венеции, он начал в Венеции в 1428 г. В то время Пьетро Пеллакан был пресвитером церкви Санта-Мария-Формоза, потому что, подписывая документы в 1447 г., он продолжает именовать себя клириком или пресвитером этого храма (ASV, Canc. inf., b. 148 от 6 января 1447 г.).

Судьба Пьетро Пеллакана типична для большинства нотариусов Венеции: проработав какое-то время в метрополии, он отправляется на работу в факторию, совмещая нотариальную деятельность с исполнением других официальных должностей и духовным саном [3, с. 37]. В Тану Пьетро Пеллакан приехал уже состоявшимся специалистом, имеющим за своими плечами стаж работы почти в 20 лет (в Венеции и, возможно, в других городах). Он приступил к работе сразу же по приезде и проработал нотариусом и канцлером при консулах Марино Малипьери (1446-48), Марко Дуодо (1449-51) и Андреа Баффо (1451-52) в течение 6 лет, никуда более не отлучаясь [4, с. 84].

В 1452 г. нотариус покинул Тану и, сделав остановку в Константинополе, в 1453 г. вернулся в Венецию. Здесь он поменял приход и стал пресвитером церкви св. Вита. Согласно тому же генеральному перечню Госархива Венеции, Пьетро Пеллакан проработал нотариусом до 1463 г. включительно.

Интересующие нас 7 документов относятся к 1446–1449 гг. Все они написаны на латыни и составлены, по-видимому, в кабинете нотариуса, за исключением двух актов об освобождении рабов (манумиссий), составленных в церкви свв. Марии и Антония в Тане.

Оставшиеся пять документов представляют собой четыре торговых поручения (в том числе по получению остатка жалования) и одну охранную грамоту. Уже одно это свидетельствует о том, что переселенцы из Венеции в Тану занимались, в основном, торговлей. Трое из семи заказчиков (Андреа Бон, Алоизио Тревизан и Якопо Салон) прямо названы *mercator* или *negotiator*, то есть «купец».

Еще одно популярное занятие для приезжих – военное дело. Один из заказчиков нотариуса, Лука Нигро, «вынужденно проживающий в венецианской части Таны», называется бывшим баллистарием на жаловании и просит Маттео и Захарию Барбаро получить причитающиеся ему 277 танских безантов (или 21 венецианский дукат) в качестве остатка жалования (ASV, Canc. Inf., b. 148 от 13 августа 1449 г.). Баллистарии служили на военных и торговых кораблях и были стрелками из аркбаллист, арбалетов и катапульта, а с XV в. – и из пороховых бомбард. Баллистариям не разрешалось заниматься торговлей [5, с. 96]. Учитывая, что их жалование в середине XV в. составляло в среднем 4–5 дукатов в месяц, а задерживать выплаты могли до полугода, несчастным переселенцам приходилось оставаться на месте службы и взыскивать долг через суд.

Интерес для анализа представляют и две манумиссии от 1447 г. Необходимо отметить, что на протяжении XIV–XV вв. Тана была крупным центром работорговли в Причерноморье. Однако среди документов Пьетро Пелакана нет актов купли-продажи рабов, только манумиссии. Вряд ли это говорит о том, что работорговля в этих местах сошла на нет, скорее, изменилось само отношение к ней: возросли риски, уменьшилась прибыль [6, с. 129].

Из двух манумиссий в одной освобождение происходит безо всяких условий (ASV, Canc. Inf., b. 148 от 6 января 1447 г.), а во второй – на условии службы хозяину в Венеции в течение 5 лет, «а если она [рабыня] откажется это сделать... то она не является и не считается свободной» (ASV, Canc. Inf., b. 148 от 27 февраля 1447 г.). Наличие подобных актов подтверждает тот факт, что редкая патрицианская семья в Венеции обходилась без одного или нескольких рабов (а значит, переселенцами были не только представители торгово-ремесленных слоев, но и нобили). При этом чаще всего привозились они именно из Причерноморья и по национальности были, в основном, русскими, татарами или черкесами [6, с. 132]. Но если в XIV в. превалировали рабы-татары, то в XV в. перекося пошел в сторону русских (объяснение этому можно видеть в изменении геополитической ситуации). И действительно, в одном акте (ASV, Canc. Inf., b. 148 от 6 января 1447 г.) фигурирует русский раб Иван, а в другом (ASV, Canc. Inf., b. 148 от 27 февраля 1447 г.) – рабыня-черкешенка Мерет (в крещении Франческа).

Трое из семерых заказчиков-венецианцев именуются в актах *ser* (в т.ч. *discretus vir ser*), т. е. «сеньор». Это может указывать как на их благородное происхождение, так и на особое уважение общины. Один из заказчиков, уже упоминавшийся нами Алоизио Тревизан, купец и хозяин рабыни Мерет, определяется еще более почетно – «великолепный и щедрый господин». И это неудивительно, ведь данную фамилию носило несколько патрицианских семей Венеции. Один из Тревизанов даже стал 80-м дожем республики.

Разумеется, столь малое количество заказчиков из Венеции не говорит о том, что переселенцев из республики в Тане было немного. Скорее всего, нотариус не считал нужным указывать в актах родной город своих соотечественников, поскольку именно они были его постоянными клиентами [7, с. 555]. Так, если исключить жителей других городов, происхождение которых указано в актах, около трети заказчиков будут носителями итальянских фамилий, а значит, потенциальными венецианцами. Однако наша выборка, тем не менее, получилась довольно репрезентативной и отражает общие тенденции, обозначенные в актах.

На основе установленных данных мы можем сделать несколько выводов:

1. Переселенцами становились как люди низкого происхождения, так и нобили.
2. Причиной переезда в далекую черноморскую факторию из родной Венеции чаще всего было желание быстро обогатиться. Путей к обогащению было несколько, среди них особо выделяются торговля и военная служба.
3. Судьба приезжих складывалась по-разному: кто-то исполнял свою мечту и мог позволить себе жить на широкую ногу, в т. ч. держать рабов, как было принято у патрициев на родине. А кто-то погрязал в долгах и был вынужден оставаться в фактории даже после истечения срока службы.

Список литературы

1. Карпов С.П. История Таны (Азова) в XIII–XV вв.: в 2 т. Т. 1. Тана в XIII–XIV вв. СПб., 2021. 378 с.
2. Скржинская Е.Ч. Венецианский посол в Золотой Орде (по надгробию Якопо Корнаро, 1362 г.) // Византийский временник. М., 1973. Т. 35 (60). С. 103–118.
3. Прокофьева Н.Д. Акты венецианского нотариуса в Танае Донато а Мано (1413–1419) // Причерноморье в средние века. Вып. 4. СПб., 2000. С. 36–174.
4. Лебедева И.Е. Образ венецианского нотариуса по материалам актов Пьетро Пеллакано (1446–1456 гг.) // Потемкинские чтения: сб. мат-лов VII Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Севастополь, 2023. С. 84–86. DOI: 10.5281/zenodo.8434970.
5. Карпов С.П. Пути средневековых мореходов: Черноморская навигация Венецианской Республики в XIII–XV вв. М., 1994. 158 с.
6. Карпов С.П. Работоторговля в Танае в XIV–XV вв. (преимущественно по данным венецианских нотариальных источников) // Византийский временник. М., 2017. Т. 101. С. 128–142.
7. Лебедева И.Е. Этноконфессиональная принадлежность жителей средневекового города на материале актов венецианца Пьетро Пеллакано (Тана, 1446–1452) // Проблемы истории и культуры средневекового общества: мат-лы XLIII всерос. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. СПб., 2024. С. 554–561.
8. ASV, Canc. Inf., b. 148 от 10 октября 1446 г.
9. ASV, Canc. Inf., b. 148 от 6 января 1447 г.
10. ASV, Canc. Inf., b. 148 от 27 февраля 1447 г.
11. ASV, Canc. Inf., b. 148 от 19 октября 1447 г.
12. ASV, Canc. Inf., b. 148 от 20 мая 1448 г.
13. ASV, Canc. Inf., b. 148 от 30 октября 1448 г.
14. ASV, Canc. Inf., b. 148 от 13 августа 1449 г.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛЬСКИХ ССЫЛЬНЫХ ПОСЕЛЕНЦЕВ В УЕЗДНОМ ГОРОДЕ ЕНИСЕЙСКЕ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.

Селиванов Леонид Сергеевич, аспирант

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

lselivanov1942@gmail.com

Статья посвящена деятельности ссыльных польских поселенцев, отбывавших наказание в г. Енисейске. Рассмотрены такие виды их деятельности, как научно-исследовательская, просветительская, а также в области медицины и культуры. В статье использован биографический метод, который позволил через индивидуальное жизнеописание выявить особенности трудоустройства ссыльных, изучить их вклад в социокультурные преобразования городского уклада уездного Енисейска в последней четверти XIX в., определить отношение городского сообщества к ссыльным поселенцам-общественникам. В исследовании автор опирается на архивные документы, воспоминания очевидцев, делает вывод о значимости деятельности ссыльных поселенцев для малого сибирского города.

Ключевые слова: уездный Енисейск, ссыльные поляки, переселенцы, просветительская деятельность, культурные преобразования

ACTIVITIES OF POLISH EXILED SETTLERS IN THE DISTRICT TOWN OF YENISEYSK IN THE LAST QUARTER OF THE SIXTH CENTURY

Leonid Sergeyevich Selivanov, postgraduate student,

Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia

lselivanov1942@gmail.com

The article is devoted to the activities of exiled Polish settlers who served their sentences in Yeniseisk. Such types of their activities as scientific research, educational, as well as in the field of medicine and culture are considered. The article uses the biographical method, which made it possible to reveal the peculiarities of the exiles' employment through their individual biographies, to study their contribution to the socio-cultural transformations of the urban way of life in the district of Yeniseisk in the last quarter of the 19th century, to determine the attitude of the urban community to the exiled settlers-public figures. In the research the author relies on archival documents, memoirs of eyewitnesses, makes a conclusion about the significance of the activity of exiled settlers for a small Siberian city.

Keywords: district Yeniseisk, exiled Poles, settlers, educational activities, cultural transformations

Развитие малых городов Енисейской губернии находится в центре внимания ученых. Население, территория, отдаленность от центра конкретного региона и влияние на экономический и культурный потенциал являются основными индикаторами, характеризующими особенности городского уклада. Особое внимание в работах исследователей Е.В. Комлевой [9], А.В. Аксеновой, Н.В. Гониной [2, 3] уделяется изучению вклада в развитие провинциальных городов, социальных групп, поселенческих сообществ, личностей, которые своим участием в процессах экономической и куль-

турной модернизации создавали условия для формирования духовных ценностей, возможности появления индивидуальной траектории преобразований городской среды. Изучение социально-функциональной деятельности человека в городском пространстве в историческом аспекте поможет определить роль социума и его влияния на специфику развития малых городов Сибири.

Енисейск, основанный в XVII в. как территориально-административный центр региона, в течение XVIII–XIX вв. являлся торговым и промышленным узлом, входившим в десятку крупных уездных городов Приенисейского края и России. В конце XIX – начале XX вв. он переживал сложный период в связи с утратой своего положения как промышленного и торгового региона Енисейской губернии, но все еще оставался многолюдным уездным центром. По численности населения Енисейск во второй половине XIX в. относился к малым городам – по данным переписи населения за 1897 г. в Енисейске проживало не более 11 000 тысяч человек [15, с. 9]. Представители городской общественности в лице купцов-подвижников способствовали сохранению привлекательности города, создавая благоприятные возможности для развития культурной среды, были открыты гимназии, библиотеки, общественный музей, работал театр в доме Общественного собрания. Несмотря на это, город покидало примерно 500 и более человек в год, на 1901 г. население Енисейска уменьшилось на 1710 человек [3, с. 52]. Одним из факторов пополнения населения городов Сибири являлось переселенческая политика. Енисейская губерния занимала первое место в Восточной Сибири и третье в масштабах всего Сибирского региона по количеству переселенцев из Европейской России на рубеже веков [3, с. 56]. Население города пополнялось за счет добровольных и ссыльных переселенцев, которые в силу сложившейся обстоятельств, двигались из центральной части России в Сибирь.

По мнению А.В. Аксеновой, Н.В. Гониной, авторов монографии «Енисейск в последней трети XIX – начале XX века. Очерки социокультурного развития провинциального города», значительную часть населения Енисейска в исследуемый период составляли ссыльные поляки [3, с. 64], которые «как и по всей Сибири, оказывали большое культурное влияние на городское общество, способствовали развитию образования и общего просвещения горожан. Среди них были квалифицированные специалисты, в которых так нуждались восточносибирские города: ученые, врачи и учителя» [3, с. 64].

Социально-значимая деятельность ссыльных поселенцев в Енисейске имеет целый ряд примеров. Одним из ярких представителей этой группы, отбывавших наказание в Сибири, был Максимилиан (Максимильян) Осипович Маркс (1816–1893). Родился в Витебске, был сыном подпоручика войск Царства Польского, образование получил в Витебской гимназии, далее обучался в Московском университете на физико-математическом факультете. Был талантливым учителем и научным деятелем, преподавал в Смоленской гимназии до 1866 г. затем в гимназии Москвы. Вначале 1860-х гг. стал одним из руководителей подпольного польского комитета, объединившего все радикально-патриотические организации поляков, в том числе и в Москве. Вместе с женой Леокадией он помогал студентам-полякам проводить собрания и встречи, предоставляя для этого свой дом на Трубной площади [13, с. 23]. По подозрению в неблагонадежности был арестован и почти год провел в заключении в Турецком бастионе Петропавловской крепости. По постановлению следственной комиссии в дальнейшем за ним устанавливается негласное наблюдение. Несмотря на это, М.О. Маркс продолжал активную деятельность в польской подпольной организации, и в 1866 г. был арестован по обвинению в причастности к делу Д.В. Каракозова, со-

вершившего покушение на императора Александра II. По решению суда М.О. Маркса лишили всех званий, состояния и сослали на поселение в Сибирь [2, с. 240].

Образованный и доброжелательный интеллигент М.О. Маркс сумел расположить к себе общественность города, его ценили в купеческих кругах Енисейска, меценаты поддерживали его научную и просветительскую деятельность. М.О. Маркс прожил в Енисейске 24 года, за этот период проявил себя как общественник, которому не безразличны проблемы сибирского города. В 1871 г. он организовал метеорологическую станцию, которая размещалась в съемной квартире. Сам он писал об этом так: «С 1 мая 1871 г. я начал постоянные метеорологические наблюдения, запасшись нужными для того инструментами, главным образом из магазина г. Рихтера в Санкт-Петербурге, отчасти установленные мною уже на месте, хотя с большими затруднениями после неоднократных неудач, пока не пришло нужное оборудование...» [13, с. 24]. Директор пекинской обсерватории Фритче осматривал в 1874 г. его станцию и «...нашел в Марксе очень искусного и опытного наблюдателя, но инструменты станции неудовлетворительны...» [10, с. 476]. М.О. Маркс вел метеорологические наблюдения с 1871 по 1884 гг., сотрудничал с Петербургской физической обсерваторией, откуда получал новые инструменты, был членом-сотрудником Императорского Русского географического общества по части метеорологических наблюдений. М.О. Маркс составил карту Енисейского округа, занимался сбором гербария местной флоры [2, с. 240]. В 1882 г. вместе с купцом В.М. Харченко совершил поездку на Чулым в целях исследования территории для проведения конно-железной дороги [4, с. 5]. В доме купцов Востротиных, где он жил, во флигеле устроил фотостудию [2, с. 240]. Купец первой гильдии С.В. Востротин часто собирал у себя дома светскую публику для проведения культурных мероприятий, устраивал литературно-музыкальные вечера. М.О. Маркс был прекрасным собеседником на таких мероприятиях, умеющим удивить своими разносторонними знаниями. Фотосъемка, которую популяризовал ссыльный ученый, становится хобби многих енисейцев, в том числе и самого С.В. Востротина – в краеведческом музее-заповеднике г. Енисейска сохранилась небольшая коллекция его фотографий.

Заслуги М.О. Маркса перед наукой не остались незамеченными, особенно в академических кругах Санкт-Петербурга. В 1887 г. по результатам его многолетних наблюдений вышел его труд о климатическом исследовании Енисейска [4, с. 5]. За исследования в области метеорологии М.О. Маркс в январе 1878 г. был награжден золотой медалью Русского географического общества [13, с. 25]. Однако из-за финансовых трудностей медаль ему пришлось продать – несмотря на образование и опыт работы в столичных учреждениях, ссыльные поселенцы часто испытывали большие затруднения в трудоустройстве, и М.О. Маркс не был исключением.

Как сторонник просвещения, М.О. Маркс в 1883 г. участвовал в создании Общественного енисейского музея. В своем труде «Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии. 1594–1893» А.И. Кытманов не раз упоминает М.О. Маркса, который вместе с ним и Н.В. Скорниковым по поручению городской думы стал распорядителем музея и постоянно оказывал помощь в описании коллекций, которые сам же и пополнял [10, с. 583].

Уровень образования политических ссыльных был достаточно высоким, что позволяло им заниматься образовательной практикой, давать уроки купеческим и мещанским детям. Состоятельная городская общественность стремилась дать качественное образование наследникам, не отказывалась от возможностей нанять грамотного учителя, невзирая на статус ссыльного. Например, в 1880-х гг. музыке, а именно

игре на пианино обучала полька Рагозинская, ее уроки посещало 15 учениц. «С ее приездом местные учителя музыки лишились учеников» – писал корреспондент «Сибирского вестника» [12, с. 3–4]. М.О. Маркс вел частные уроки по математике и естественным дисциплинам. Как вспоминал С.Л. Чудновский: «Енисейские золотопромышленники чтили в нем человека, пострадавшего за свои убеждения, и считали своим долгом доставлять ему в той или иной форме средства к существованию, тем более, что он был хороший математик и знающий натуралист» [17, с. 100]. М.О. Маркс подавал прошения о возвращении права преподавать уроки в образовательных учреждениях, например, в гимназии, но получал отказ [2, с. 240].

После возвращения ему в 1877 г. прав состояния М.О. Маркс остался в Енисейске. Он оставил воспоминания о своей жизни в ссылке в виде рукописи «Записки старика», которые хранятся в Енисейском краеведческом музее-заповеднике. В них бывший ссыльный отмечал качественный подход к делу управления со стороны местной администрации, особенно ценны его воспоминания о культуре Енисейска, библиотеках, учебных заведениях и местных деятелях [11]. Он писал об облике города, об изменениях, свидетелем которых он был в 1880-х гг.: «Как бы то ни было, а Енисейск в последние 20 лет изменился во многом к лучшему. Он отстроился и принарядился довольно даже изящно...» [11]. В 1893 г. проводить его в последний путь собралась почти все городская элита, трогательные речи о заслугах М.О. Маркса произнесли купцы И. П. Кытманов, А. И. Кытманов, С. В. Востротин [1, л. 107].

Другим примером для подражания городской общественности служил ссыльный поляк, католик А.-С.О. Пиотровский, который был первым заведующим амбулаторией уездного Енисейска. Антон-Станислав Осипович Пиотровский попал в Енисейскую губернию в 1871 г. в возрасте 35 лет. Имея диплом лекаря Киевского Императорского Св. Владимира университета, полученный в 1858 г., он желал быть полезным обществу. А.-С.О. Пиотровский обратился с прошением к губернатору о дозволении ему частной медицинской практики на золотых приисках Южной части Енисейского округа [7, л. 1]. С августа 1882 г. он стал городским врачом г. Енисейска и проработал в этой должности 12 лет, руководил санитарными инспекциями города, вел прием в тюремной больнице, за неимением персонала работал при городской амбулатории и бесплатной лечебнице для бедных [6, л. 5]. А.-С.О. Пиотровский имел большой авторитет среди местного населения, к нему шли за помощью не только горожане, но и жители окрестностей, он нередко выезжал с целью оказания медицинской помощи на заимки и в отдаленные поселения крестьян. Нужда во врачах в сибирских городах в последней четверти XIX в. позволила ссыльному А.С.О. Пиотровскому работать по профессии, несмотря на низкую заработную плату, а порой и ее отсутствие. За усердную службу Антон Осипович дослужился до чина коллежского советника, и с 1896 г. получал пенсию за выслугу лет, имел награды: орден Св. Владимира 4-й степени, Св. Анны 3-й степени, Св. Станислава 3-й степени и серебряную медаль в память Императора Александра III [5, л. 25–21]. В 1904 г. А.-С.О. Пиотровский уволился с должности по состоянию здоровья. Городская управа предоставила ему права ношения в отставке мундира «последней должности присвоенного», что говорит о признании его заслуг перед обществом.

Уездные города Енисейской губернии отличались друг от друга географическим положением, природно-климатическими особенностями, родом занятий местных жителей и уровнем культурного развития. В исследуемый период все более широкие слои горожан приобщаются к формам проведения культурного досуга: маскарадам, концертам, спектаклям. Благодаря ссыльному по фамилии Пулло (*к сожалению*

нию, подробных сведений о его биографии нет в источниках), который устроился работать буфетчиком в здании Общественного собрания, где собирались горожане для времяпрепровождения за игрой в карты, бильярд, на театральные спектакли, выступления артистов-музыкантов, в Енисейске появились маскарады [2, с. 241]. Его предложение о проведении шуточной костюмированной вечеринки пришлось по душе местной элите, и уже первые маскарады поражали разнообразием костюмов, в числе масок, среди них было много оригинальных в виде шарад и ребусов с остроумными обличительными надписями, которые обращали на себя пристальное внимание. Как пишет А.А. Уманский: «Иногда в большой толпе появится какая-либо неузнанная маска с обличительным ребусом на спине, и долго потом судачат об этом досужие кумушки» [16, с. 8]. Ссылный врач С.Я. Елпатьевский, автор очерка «Маскарад в Тайгинске» писал: «Золотопромышленники задавали тон мероприятию. Они могли играючи явиться на маскарад в причудливых костюмах, щедро угощали посетителей сладостями, купленными в буфете» [8, с. 76–77].

Нередко ссылки использовали маскарад как место для обсуждения социальных проблем. «В 1888 г. один гость пришел на енисейский маскарад в костюме Петрушки, который наделал много шума. Он иронически изобразил на своей голове елку с подвешенными сушками, пустыми коробками и сальными огарками с надписью «Голове», подразумевая городского голову. Ссылный М.П. Замоштин после конфликта с городской управой пришел на очередной маскарад в костюме с ослиной головой и недвусмысленной надписью: «Наша голова» [14], [3, с. 241].

Благодаря Пулло маскарады прижились в Енисейске и в конце XIX в. получили статус благотворительных мероприятий – проводились маскарады-базары, маскарады-литореи, тематические маскарады, где выступали гимназисты и преподаватели. Особенно популярными и оживленными были святочные маскарады, на которых собиралось до 500–700 посетителей, они приносили основной доход организаторам [2, с. 241]. Такие мероприятия также формировали культурную среду уездного сибирского города.

Таким образом, деятельность представителей ссыльных переселенцев в последней четверти XIX в. способствовала преобразованию городского уклада. В сибирском уездном городе, политические ссылки, активно занимались культурно-просветительской работой, способствовали повышению уровня образования у местных обывателей, росту престижа высшего образования, вели научную и исследовательскую деятельность, способствовали приобщению сибиряков к новинкам технического прогресса. Ссылные стремившиеся служить обществу, занимаясь полезной деятельностью, заслуживали уважения и почет у горожан, находили поддержку у городского самоуправления и купеческой элиты. Благодаря таким людям как М.О. Маркс, А.-С.О. Пиотровский, Енисейск не утратил своей привлекательности как центр социально-экономического и культурного развития отдаленной сибирской провинции. Польские ссылки в условиях сибирской ссылки получили возможность внести свой вклад в развитие отечественной науки, что было отмечено наградами на высоком государственном уровне. Деятельность ссыльных влияла на специфику и характер значимых преобразований в Енисейске, позволяла приобщить местное население к новым веяниям культурной жизни центральной части Российской империи.

Список литературы

1. АГЕ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 65. Л. 107.
2. Мир культуры г. Енисейска второй половины XIX – начала XX века: словарь основных характеристик, понятий и персоналий (к 400-летию Енисейска) / А.В. Аксенова [и др.]. Красноярск, 2019. 537 с.
3. Аксенова А.В., Гонина Н.В. Енисейск в последней трети XIX – начале XX века // Очерки социокультурного развития провинциального города Красноярск, 2017. 279 с.
4. Восточное обозрение. 1887. 24 сент. С. 5.
5. ГАКК. Ф. 595. Оп. 22. Д. 1931. Л. 21–25.
6. ГАКК. Ф. 595. Оп. 22. Д. 329; Оп. 23. Д. 58. Л. 5.
7. ГАКК. Ф. 595. Оп. 23. Д. 13. Л. 1–4.
8. Елпатьевский С.Я. Маскарад в Тайгинске // Очерки Сибири. 3-е изд. СПб., 1901. С. 76–77.
9. Комлева, Е. В. Купцы Скорняковы в истории Енисейска (XVIII – XIX вв.) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2016. № 3. С. 80–92.
10. Кытманов А.И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии, 1594-1893 год. Красноярск, 2016. 850 с.
11. Маркс М.О. Записки старика [Рукопись воспоминаний М.О. Маркса в 1866–1888 гг.] // Фонды ЕКМ. 82 с. Машинопись.
12. Письмо из Енисейска // Сибирский вестник. 1886. № 11. С. 3–4.
13. Ромашков Ю. В. Летопись Енисейского краеведческого музея (1883–2018). Красноярск, 2019. 211 с.
14. Сибирь. 1881. № 23. Фонды ЕКМ.
15. Смирнов В.А. Исторический очерк Приенисейского края. (Учреждение Енисейской губернии, население и колонизация в XIX веке). Ч. 2. Красноярск, 1928. 47 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01009045407>
16. Уманьский А. А. Золотой город: этнографический очерк // Очерки золотопромышленности в Енисейской тайге. СПб., 1888. 102 с. URL: https://vk.com/doc653897781_666907831?hash=3EDrzqdVJXBjZ384MqkzSojN6bqf3cxF8ZY9U4PNTBc
17. Чудновский С.Л. Из дальних лет. Воспоминания. М.: 1934. 312 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01009355905>.

ПРОБЛЕМА ВОСПРОИЗВОДСТВА ЛОКАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯ РЕГИОНА С ВЫСОКИМ УРОВНЕМ МИГРАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ СЕЛЬСКИХ И ГОРОДСКИХ СООБЩЕСТВ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ)

Яковлева Ирина Павловна,

Кубанский государственный технологический университет, Краснодар, Россия

Останко Владислав Александрович,

Кубанский государственный технологический университет, Краснодар, Россия

pariny@rambler.ru

В статье рассмотрен феномен локальной идентичности. Анализируются функции локальной идентичности для личности и для общности. Исследуется влияние миграционных процессов в регионе на воспроизводство территориальной идентичности населения. На примере городской и сельской молодежи Краснодарского края изучены средства воспроизводства локальной идентичности.

Ключевые слова: локальная идентичность, воспроизводство, городские и сельские территориальные общности, молодежь, миграция

THE PROBLEM OF REPRODUCING LOCAL IDENTITY OF YOUTH IN THE CONDITIONS OF A REGION WITH A HIGH LEVEL OF MIGRATION (ON THE EXAMPLE OF RURAL AND URBAN COMMUNITIES OF KRASNODAR REGION)

Yakovleva Irina Pavlovna,

Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia

Ostanko Vladislav Aleksandrovich,

Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia

pariny@rambler.ru

The article examines the phenomenon of local identity. The functions of local identity for the individual and for the community are analyzed. The influence of migration processes in the region on the reproduction of the territorial identity of the population is studied. Using the example of urban and rural youth of the Krasnodar Territory, the means of reproduction of local identity are studied.

Keywords: local identity, reproduction, town and rural territorial communities, youth, migration

В последнее время со стороны различных социально-политических институтов растет интерес к проблеме развития патриотизма, гражданственности российского общества и, прежде всего, молодежи. Однако запрос на гражданско-патриотическое воспитание подрастающего поколения может быть удовлетворен только при условии всестороннего теоретического и эмпирического анализа базовых основ данных социальных явлений. К их числу можно отнести различные уровни социально-территориальной идентичности: от локального до государственного. Именно они обеспечивают осознание людьми общих территориальных интересов, территориаль-

ной солидарности, отношений землячества, чувства любви, привязанности к Родине. Особенно значима в этом плане локальная идентичность территориальных общностей, под которой понимается одна из форм социальной идентичности, связанная с чувством сопричастности человека с местом его проживания или происхождения (мегаполис, малый город, деревня) [1, с. 512].

Локальная идентичность, являясь низовым, базовым уровнем территориальной идентичности, играет значительную роль в становлении личности и ее повседневном бытии. Ю.В. Козлов отмечает, что отсутствие реальной действенной идентификационной системы в месте постоянного проживания, приводит человека к состоянию расщепленности, оторванности от собственного настоящего, от полноты и подлинности собственной жизни, в том числе и на физическом уровне [2, с. 41]. Говоря о функциональном значении локальной идентичности для социальных общностей и общества, стоит выделить то, что она обеспечивает мобилизацию населения территории для решения определенных задач, их консолидацию, поддержание определенного образца поведения, образа жизни.

Локальная идентичность населения Краснодарского края, безусловно, имеет определенные специфические особенности, связанные в том числе с социально-демографическими процессами, протекавшими в регионе. Особую роль играет высокий уровень миграции, в том числе и в сельских районах. По данным официальной статистики за 2023 г. коэффициент миграционного прироста на 10 000 человек населения по краю был почти в 3 раза выше, чем в среднем по Южному федеральному округу и в 5 раз выше, чем по России. Это при том, что с 2015 г., когда этот показатель достиг наибольшего значения – 128 на 10 000 человек населения края, наблюдается тенденция на снижение (в 2023 он составил 20 на 10 000 человек) [3, с. 91].

Данный процесс находит отражение и в социологических исследованиях. Согласно проведенному авторами социологическому опросу среди студентов КубГТУ, проживающих в сельских населенных пунктах, с рождения являются жителями станиц и поселков края 61,7 % респондентов, 13,6 % проживают там более 10 лет, 7,4 % – более 5, но менее 10 лет, 14,8 % более 1 года, но менее 5 лет, 2,5 % – менее 1 года. Среди студентов – жителей городов, показатель мобильности ожидаемо выше: с рождения являются жителями данного города 48,2 % респондентов, 15,9 % проживают там более 10 лет, 15,3 % – более 5, но менее 10 лет, 18,8 % более 1 года, но менее 5 лет, 1,8 % – менее 1 года. Поскольку значительный процент мигрантов относится к внешним для края (из других регионов, стран), то это не может не сказываться негативно на территориальной идентичности локальных сообществ.

Следует отметить также дальнейшее развитие процесса урбанизации, размывание границ между городскими и сельскими территориями [4, с. 106; 5, с. 59]. Если обратиться к опыту края, то даже при более низком уровне урбанизации, чем в других регионах страны (если в 2022 г. соотношение городского и сельского населения края составляло 57,1 и 42,9 %, то в целом по стране – 74,9 и 25,1 % соответственно [3, с. 47]), постепенно идет процесс формирования агломераций, групповой формы высококонцентрированного расселения с интенсивными связями между входящими в их состав городскими и сельскими поселениями [6, с. 3507]. Этот процесс затрагивает не только краевой центр. В регионе он имеет свою специфику: доля сельского населения в таких образованиях остается достаточно высокой.

Рост мобильности, в том числе повседневной горизонтальной, приводит к умножению системы значений и культурных репрезентаций личности, способствует возникновению возможности выбора из множества идентичностей.

Текущая ситуация актуализирует вопрос о механизмах воспроизводства локальной идентичности молодежи. В основе понимания воспроизводства идентичностей лежит определение, предложенное В.И. Немчиной, согласно которому это процесс, обусловленный интерпретацией местными жителями окружающей действительности через сопоставление имеющихся в коллективной памяти значимых, концептуальных категорий, каждая из которых связана с конкретным интерактивным символом, получаемым из мира действительности [7, с. 80]. В ситуации с локальной идентичностью такими символами служат особенности локальной территории и жизнедеятельности на ней социальной общности. Среди механизмов воспроизводства коллективной идентичности называют сохранение языка (говора, диалекта), традиций, празднование праздников, ориентация на эндогамию, налаженный процесс передачи знаний об истории и культуре общности, создание и функционирование общественных объединений (землячеств, кружков и т. д.) [8, с. 94–97]. С учетом информатизации и виртуализации общественных отношений в последние десятилетия указывают еще один компонент влияющий на сохранение и трансформацию локальной идентичности – социальные сети (от неформальных соседских до территориально-актуализированных интернет-сетей) [9, с. 107].

С целью изучения особенностей воспроизводства локальной идентичности молодежи сельских и городских поселений региона был проведен опрос среди студентов Кубанского государственного технологического университета. В интернет анкетировании приняли участие 240 человек, обучающихся как на очной, так и на заочном отделениях университета. 69,3 % опрошенных – мужчины, 30,7 % – женщины.

В рамках проведенного нами эмпирического исследования было выявлено, что у студентов из сельских районов Кубани в большей степени чем горожане готовы репрезентовать себя через свой населенный пункт: отвечая на вопрос откуда они назовут населенный пункт, в котором живут 82,7 % студентов из сельской местности и 61,2 % из городов. Это может быть связано с тем фактом, что в структуре социальных идентичностей (этнической, профессиональной, гражданской, религиозной и т. д.) респондентов из сельских территорий потребность ощущать себя «местным», жителем своего населенного пункта более актуализирована, чем у опрошенных из городов.

Следует отметить, что социальные практики, направленные на сохранение локальной идентичности в городских и сельских поселениях региона несколько отличаются в плане приоритетности их использования местным сообществом. Распределение ответов на вопрос «Проводятся ли в Вашем населенном пункте какие-либо посвященные ему мероприятия?» представлено в таблице 1.

Таблица 1 – Практики сохранения локальной идентичности жителей Краснодарского края, %

Показатель	Жители городов	Жители сельских поселений
Действует краеведческий музей	61,2	50,6
Установлены памятные знаки	58,8	53,1
Работают исторические, патриотические, краеведческие кружки, клубы	54,1	39,5
Проводятся ярмарки, фестивали народного творчества	50	33,3

Празднуется день основания населенного пункта	47,1	45,3
Проводятся какие-то праздники, фестивали, мероприятия, имеющие место только здесь	45,3	34,6
Работают общественные организации, объединяющие местных жителей	38,8	35,8
Организованы фольклорные коллективы	30,6	27,2
Есть туристические маршруты по населенному пункту и \ или его окрестностям	30	18,5
В интернет размещены видео подкасты о населенном пункте	27,6	29,6
Проводятся конкурсы по изучению малой Родины среди детей, молодежи	23,5	25,9
Проходят общественные слушания по актуальным для населенного пункта вопросам	17,6	16
Проводятся встречи с земляками и интересными людьми	15,9	12,3
Другое (не владеют информацией)	2,4	2,4
Ничего не проводится	1,2	6,2

Из данных таблицы 1 видно, что в городах края несколько выше вовлеченность молодежи в различные мероприятия, направленные воспроизводство идентичности и консолидацию местного сообщества.

Интересным является тот факт, что городская молодежь чаще пользуется для получения информации официальными страницами органов управления и должностных, а сельская – неофициальными пабликами населенного пункта в социальных сетях. Наименее информативны для обеих групп страницы отдельных организаций, предприятий, работающих на территории населенного пункта. Так же стоит отметить, что среди иных каналов получения информации в сети горожане указали телевизионные новостные и иные программы. Полные данные представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Интернет-ресурсы, которые используют респонденты для получения информации о населенном пункте, %

Показатель	Жители городов	Жители сельских поселений
Официальные страницы органов управления	74,7	61,7
Страницы отдельных организаций, предприятий, работающих на территории населенного пункта	48,8	43,2
Историко-культурные страницы в интернет	67,6	56,8
Паблики населенного пункта в социальных сетях	73,5	69,1
Другое	6,3	1,2

Вместе с тем, участие как сельской, так и городской молодежи в различных реальных и виртуальных сообществах назвать активным нельзя: состоят в местных реальных и виртуальных сообществах 17,3 % опрошенных из сельской местности и 11,2 % – из города, только в реальных сообществах – 6,2 и 3,5 % соответственно, только виртуальных – 39,5 и 40 % соответственно. Не состоят ни в каких локальных сообществах 37 % сельских студентов и 45,3 % городских.

Таким образом, развитие локальных территориальных общностей во многом связано с сохранением, воспроизводством идентичности его населения. Миграция, как внутренняя, так и внешняя затрудняют этот процесс. На данный момент существуют определенные официальные и неформальные практики, способствующие воспроизводству локальной идентичности. Однако сказать, что уже существующие практики полностью реализованы, нельзя.

Список литературы

1. Идентичность: личность, общество, политика / отв. ред. И.С. Семененко. М.: Весь Мир, 2017. 992 с.
2. Козлова Ю.В. Социально-экологические аспекты локальной идентичности // Russian Economic Bulletin. 2021. Т. 4, № 4. С. 41–46.
3. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2023: стат. сб. / Росстат. М., 2023. 1126 с.
4. Шарифьянова Р.Р. Возможности культурно-образовательной деятельности музея в развитии социокультурной идентичности сельской молодежи // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2021. № 2. С. 104–109.
5. Дроздова Ю.А., Мартинсон Ж.С. Пространственно-временные паттерны развития территориальных общностей: возможный сценарий изменений // Logos et Praxis. 2022. Т. 21, № 4. С. 55–69.
6. Гвоздева М.А., Казакова М.В., Пospelова Е.А. Подходы к определению агломерации // Российское предпринимательство. 2016. Т. 17, № 24. С. 3505–3514.
7. Немчина В.И. Фреймы воспроизводства коллективных идентичностей // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 7. С. 78–83.
8. Климович Л.В., Лукичева Л.Ю. Механизмы воспроизводства и сохранения этнокультурной идентичности выпускников российских вузов за рубежом // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2017. № 3. С. 92–98.
9. Мокин К.С., Барышная Н.А. Территориальная идентичность: структура, границы, воспроизводство // Социологические исследования. 2023. № 6. С. 101–111.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И КУЛЬТУРНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЙ НА АЛТАЙ

Бондаренко Светлана Ивановна,

Алтайский государственный аграрный университет, г. Барнаул, Россия

bonsvet@bk.ru

В статье рассматривается вклад переселенцев в культурную и экономическую жизнь Алтая. С опорой на опубликованные источники анализируются особенности экономических и культурных изменений, выявляются основные виды деятельности переселенцев. Устанавливается, что переселенцы дали значительный толчок культурно-экономическому развитию региона.

Ключевые слова: сибиряки, переселенцы, старожилы, Алтай, кустарная техника, крестьянское хозяйство

THE ECONOMIC AND CULTURAL SIGNIFICANCE OF MIGRATIONS TO ALTAI

Bondarenko Svetlana Ivanovna,

Altai state agrarian University, Barnaul, Russia

bonsvet@bk.ru

The article examines the contribution of immigrants to the cultural and economic life of Altai. Based on published sources, the features of economic and cultural changes are analyzed, and the main types of activities of immigrants are identified. It is established that the settlers gave a significant impetus to the cultural and economic development of the region.

Keywords: Siberians, migrants, old-timers, Altai, handicraft equipment, peasant farming

Исследователи Сибири XVIII – начала XX в. оставили нам свои научные наблюдения, которые позволяют увидеть впечатления, оценки, уникальную интерпретацию исторических фактов очевидцами событий. Изучение этих источников позволяет более точно реконструировать особенности заселения окраинных регионов в контексте восприятия этих процессов современниками. Важный вклад в изучение и систематизацию исследовательского материала по истории переселенческого дела внес И.Е. Овсянкин. Будучи сыном южноуральского купца, виноторговца Е.И. Овсянкина, окончил одну из самых известных и престижных на Южном Урале мужскую гимназию в городе Троицке. В гимназии действовал самый крупный на Урале революционный социал-демократический кружок, которым руководил будущий народник и исследователь Алтая П.А. Голубев. Овсянкин становится членом этого кружка. После окончания гимназии, он поступает на юридический факультет Казанского университета. Но, со второго курса, в 1897 году, был отчислен за революционную деятельность, и сослан на четыре года в Алтайский край село Чистюнька. Проработав два года учителем в Чистюньском народном училище, он увлекается исследованием крестьянского хозяйства алтайской деревни и становится действительным членом Общества любителей исследования Алтая. Вскоре по ходатайству почетного председателя Общества

он переезжает в Барнаул, где продолжает исследовательскую работу по заданию общества. В 1890 г. ссыльный народник П.А. Голубев издает в г. Томске исследовательский труд «Алтай: историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа», куда включается и работа И.Е. Овсянкина «Колонизация и переселенческое дело» [1, с. 380]. В работе он характеризует особенности переселенческого дела.

Экономическое и культурное значение переселенческого движения для Алтайского региона трудно переоценить. Так исследователи подчеркивают, не было ни одного кустарного или ремесленного производства на Алтае, которое не было бы улучшено переселенцами, а многие только с их приходом и появились. Так шубники, пинокаты, столяры, слесаря, швецы, штукатуры, плотники в подавляющем большинстве были новоселами. И если по мнению М.П. Шабанова в XVII–XVIII вв. можно говорить о заметной роли ссыльных в земледельческой колонизации региона, то в XIX в. ситуация меняется, роль ссыльных в земледельческом освоении является уже незначительной, а переселенцы это уже в массе своей культурные труженики [3, с. 77].

Переселенцы привезли новые земледельческие машины и орудия. Местная соха была полностью вытеснена российским плугом, веялки и сортировки имелись почти в каждой деревне, практически во всех волостях Алтайского округа работали по 2–4 молотилки. Кроме городов (Бийск и Колывань), кустарные переселенческие центры появлялись в селе Загайново Бийской волости Бийского округа [2, с. 382]. Кроме производства сельскохозяйственных, и шерстобитных машин, в селе вытачивались самопрялки, деревянная посуда и т.п. Переселенцы завели в Бийском округе маслобойни. Появились новые производства. Так, до переселения в алтайских деревнях постного масла не производилось. Переселенцы, строили водяные мельницы, изменили местную конструкцию ветряных мельниц.

Переселенцам принадлежал почин и главная роль в деле улучшения семян и введении в культуру на Алтае новых сортов хлеба: преимущественно таких сортов как китайская рожь («веснянка»), черный овес, пшеница белотурка, синеуска и пр. Просо вошло в состав постоянной пищи алтайского крестьянина только с развитием переселений. А гречку в Бийском и Барнаульском округах сеяли и употребляли в пищу одни лишь новоселы, а из старожилов многие с ней были даже незнакомы.

Но не только в сельском хозяйстве наблюдались изменения в связи с процессом переселения. Животноводство тоже претерпело существенные новации в связи с переселенческим процессом.

Местные породы скота были улучшены скрещиванием с привезенными породами из центральной России. Также разводились новые породы скота, например, орловские рысаки в деревне Мышланке Барнаульского уезда. В деревне Курья Бийского округа, разводили «чухонских» свиней, длинношерстных овец, крупный рогатый скот и проч.

Но главное значение переселений все-таки было не в распространении новинок кустарной техники, в земледелии, скотоводстве. Переселение дало толчок изменению самого характера, типа крестьянского хозяйства на Алтае. Более ста лет алтайский крестьянин нес заводские повинности: рубил лес в борах, выжигал годовой «урок» угля, возил этот уголь на заводы, туда же доставлял за сотни километров руду с рудников. Необходимость частных и долгих отлучек по делам заводов отрывала крестьянина от его хозяйства. Рудовозная повинность и богатые пастбища приалтайских степей указывали иной путь для хозяйства – скотоводство. И действительно, оно достигло здесь грандиозных для крестьянина Европейской России размеров. В 1870-х гг. дворы

с несколькими десятками лошадей и крупного рогатого скота были обычным явлением. С распространением переселения тип крестьянского хозяйства поменялся со скотоводческого направления на земледелие.

В начале 1880-х гг. пароходы уже повезли алтайский хлеб в Тюмень и цены на пшеницу поднялись в три раза. Это стимулировало сибиряков самим заниматься пашенным земледелием. Переход совершался довольно быстрыми темпами. Известные деревни – Хабазино Барнаульской волости, Бураново и Шахи Шадринской, и др., где до прихода переселенцев не было ни одного пахаря, а в конце XIX в. уже редкий старожил не засеивал 1–5 десятин. Сами алтайцы прямо указывали, что за землю взялись их надоумил пример новоселов. У них старожилы учились лучшим приемам ухода за пашней.

По наблюдению Овсянкина Е.И. старый строй жизни алтайской деревни создал в ней бок о бок поразительные контрасты: около больших двухэтажных хором – находились десятки некрытых лачуг. Наряду с владельцами сотни лошадей – было несколько безлошадных домовладений. Одни крестьяне не работали совсем, другие отличались трудолюбием.

В конце XIX века, по общему отзыву старожил, эти крайности заметно сглаживались, а на смену богатому меньшинству и бедной массе крестьян, из последней выделилась группа самостоятельных хозяев – середняков. Это было объяснимо. При скотоводческом хозяйстве наследственная передача имущества играла гораздо большую роль, чем личный труд. В земледелии, при избытке свободных земель, наоборот.

Постепенный подъем беднейшего большинства до положения самостоятельных хозяев выразился, в области общественных отношений деревни. Быстрый рост алтайского земледельческого хозяйства можно было проследить по данным официальной статистики. Так по губернаторским отчетам, в трех алтайских округах (Бийском, Барнаульском и Кузнецком) за 12 лет – с 1875 по 1886 г. средний годовой сбор хлебов увеличился на 37,8 %, или 3,1 % в год [2, с. 385].

Но за данный период в населении произошел большой прирост от притока новоселов, и, несмотря на увеличение абсолютной цифры сбора, средняя запашка на хозяйство могла даже несколько понизилась. На одно хозяйство (двор) в 1830-х гг., в зависимости от урожая хлебов, приходилось от 26 до 33 четвертей сбора, что в среднем выходило около 30 четвертей.

Очевидно, что до 1870–1880-х гг. алтайское земледелие, увеличиваясь только пропорционально росту населения, в сущности, оставалось на одной и той же, очень невысокой ступени развития и лишь с притоком переселенцев стало расти значение Алтая, как житницы Западной Сибири.

В 1887 г. с алтайских пристаней по р. Оби было отправлено за пределы округа до 21–22 миллионов пудов хлеба. Кроме этого, значительная часть пшеницы Бийского округа была вывезена через иртышские пристани. Алтайская пшеница поступала в Восточную Сибирь, и на Урал. На 5 крупчатных мельницах размалывалось до 800 тыс. пудов в год. Вывоз зерна и муки увеличивался из года в год. В алтайском хозяйстве Кабинета чистый доход давали теперь только земли и леса, а горное дело даже не окупало уже расходы по эксплуатации и управлению. Помимо весьма значительных косвенных выгод от общего экономического подъема и оживления края, Кабинет выигрывал на росте прямых сборов – оброчного и арендного от распахки незанятой земли, от переселения.

В интересах Кабинета было способствовать быстрому заселению Алтая, помогая обустроиться новоселам на Алтае. Опасений «перенаселения» и малоземелья

здесь не могло быть даже при усиленном приливе новоселов. По примерным подсчетам, территория Алтая превышала 40 миллионов десятин. Даже если допустить, что из них только 25 миллионов пригодны для земледельческой культуры, при 15-десятинной норме надела на мужскую душу, Алтай мог вместить около 1 600 тыс. мужского населения. В конце XIX в. оно не составляло еще и 500 тыс. душ мужского пола. Таким образом, при ежегодном переселении около 10 тыс. душ мужского пола при норме надела 15 десятин, переселение могло осуществляться около 100 лет.

По мнению исследователя, проявившиеся факты «утеснения» в угодьях, порождающие массу столкновений между деревнями и у старожилов с новоселами, лежат, в недостатках постановки земельного дела на Алтае и могли быть устранены правильной межевой политикой при окончательном наделении алтайских крестьян земель. Настоятельная необходимость этой меры заключалась в скорейшем окончании затянувшейся реформы 8 марта 1861 г.

На это указывалось и в местной печати. В урегулировании поземельных отношений и преобразовании податной системы на Алтае официальное учреждение (Томский губернский статистический комитет), местная пресса и специальный исследователь переселенческого вопроса на Алтае Чудновский, видели первый и неизбежный шаг для правильной постановки переселенческого дела. Но и эта необходимейшая мера не могла решить все проблемы переселенческого дела на Алтае. Большинство переселенцев приходили на новые места без средств и должны были в первые годы перебиваться на чужой работе, батраками. Очевидно, в это время они не могли приносить ни краю, ни Кабинету всех выгод, как самостоятельные хозяева. Ввиду этого и государство, и Кабинет несли большие потери от такого положения дела. Большие недоимки за новыми поселками красноречиво об этом говорили.

Государство ставило перед собой конкретную задачу помочь переселяющимся на государственные земли. Закон от 13 июля 1889 г. не только давал им льготы при уплате платежей и повинностей, но обещал денежное пособие на дорогу и первое устройство на новых местах [4, с. 127].

По мнению Овсянкина такие меры поддержки требовались и от Кабинета по отношению к переселенцам. Устройство специального алтайского переселенческого банка, по образцу Крестьянского поземельного, потребовало бы от Кабинета не затрат, а всего лишь посредничества. Банк мог легко бы найти, за 6 %, частные капиталы, а для новосела кредит в 7–8 % был бы большой поддержкой, по сравнению с кабальными условиями старожилов.

В конце XIX в. на Алтае оседало ежегодно по 18–20 тыс. переселенцев, или около 6 тыс. семей. Из них не имело средств для обзаведения хозяйством примерно 1,5 тыс. переселенцев, или 3 тыс. семей.

По наблюдению исследователя, на домообзаведение семьи было необходимо 200–250 рублей, следовательно, все затраты нуждающихся переселенцев требовали около 700 тыс. рублей ежегодного кредита. Высокий уровень зажиточности переселенцев на Алтае могло служить гарантией, что ссуды будут погашаться регулярно и через 15 лет переселенцы без затруднений смогли бы расплатиться с банками. Переселенцы редко селились в одиночку, в каждом пункте оседало ежегодно по несколько семей. Таким образом, для большего обеспечения кредитов, банки могли бы выдавать ссуды только товариществам, одновременно селящимся в одном месте, используя круговую поруку.

Не касаясь второстепенных мер к упорядочению переселенческого движения, исследователь выделяет важнейшие из них: 1) завершение поземельного устройства

алтайских крестьян и 2) организация специального переселенческого кредита. Только осуществление этих двух основных мер, по мнению И.Е. Овсянкина, поставит переселенческое дело на Алтае на должную почву и обеспечит для государства, края, Кабинета наибольшие выгоды.

Список литературы

1. Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII – начало XX веков. Т. 4. Алтай: историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа. Томск, 1890 / под ред. П.А. Голубева. Барнаул: Алт. краев. универ. науч. б-ка им В.Я. Шишкова, 2014.

2. Овсянкин И.Е. Колонизация и переселенческое дело // Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII – начало XX веков. Барнаул: Алт. краев. универ. науч. б-ка им В.Я. Шишкова, 2014. Т. 4. С. 380–418.

3. Шабанов М.П. Роль ссыльных в земледельческом освоении Сибири в XVII–XIX вв. // Американские исследования в Сибири. Вып. 2. Американский и сибирский фронт: мат-лы междунар. науч. конф. (4–6 октября 1996 г.). Томск: Изд-во ТГУ, 1997. Томск. Изд-во ТГУ, 1997. С. 76–90.

4. Бондаренко С.И. Особенности переселенческого дела на Алтае (по материалам ученых и общественных деятелей XVIII – начала XIX вв.) // Гришаевские чтения: мат-лы VI Междунар. науч. конф., посвящ. памяти доктора исторических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы В.В. Гришаева. Красноярск, 2024. С. 127–130.

АЗЕРБАЙДЖАНСКИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ В ГОРОДСКОМ И СЕЛЬСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ В 1989–2021 ГОДАХ

Войтович Айнур Ханлар кызы,

Тюменский институт повышения квалификации МВД России, Тюмень

hazar22@rambler.ru

В данной публикации на основе информации из переписей населения рассмотрен вопрос численности и локализации азербайджанских переселенцев в Тюменской области с 1989 по 2020 год. Сделаны выводы по общим численным данным (городское, сельское население) и с подробной разбивкой по муниципальным образованиям. Подготовлены графические иллюстрации полученных результатов.

Ключевые слова: Азербайджан, азербайджанцы, азербайджанская диаспора, переселенцы, миграция, демография, численность населения, перепись населения, Тюменская область

AZERBAIJANI SETTLERS IN THE URBAN AND RURAL SPACE OF THE TYUMEN REGION IN 1989–2021

Voitovich Aynur Khanlar kyzy,

Tyumen Institute for Advanced Studies of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Tyumen

hazar22@rambler.ru

This publication examines the number and localization of Azerbaijani migrants in the Tyumen region from 1989 to 2020 based on information from population censuses. Conclusions are drawn based on general numerical data (urban, rural population) and with a detailed breakdown by municipalities. Graphic illustrations of the results obtained are prepared.

Keywords: Azerbaijan, Azerbaijanis, Azerbaijani diaspora, migrants, migration, demography, population, population census, Tyumen region

Хронологические рамки исследования конкретизированы периодом с 1989 по 2020 г. – от последней переписи населения в СССР до последней на текущий момент переписи населения в современной России. Территориальные рамки анализа ограничены территорией собственно самой Тюменской области, без соседних «северных» регионов. В основу аналитических построений легли материалы 4 переписей населения – Всесоюзная перепись 1989 г. и Всероссийские переписи 2002, 2010, 2020 гг.

По результатам Всесоюзной переписи населения 1989 г., численность азербайджанцев составила [1]:

- всего в СССР – 6 770 403 человека;
- на территории РСФСР – 335 889 человек;
- на территории Тюменской области – 3 191 человек.

То есть на момент переписи 1989 г. численность азербайджанской диаспоры в Тюменской области составляла всего 0,02 % от общей численности азербайджанцев СССР, или 1 % от общей численности азербайджанцев России (РСФСР).

Следующий подобный замер численности азербайджанской диаспоры в Тюменской области на основе переписи 2002 г. [2]:

- всего в России – 621 840 человек;
- на территории Тюменской области – 8 918 человек.

Получается, что к 2002 г. численность азербайджанской диаспоры в России выросла более чем в 2 раза, или на 85 %, и в Тюменской области – почти в 3 раза, или на 178 %, при этом численность тюменской диаспоры в процентном соотношении от общероссийской диаспоры также выросла – 1,4 %.

За 8 лет на момент переписи 2010 г. ситуация кардинально не изменилась, но в целом показатели уменьшились [3]:

- всего в России – 474 576 человек;
- на территории Тюменской области – 6 880 человек.

То есть к 2010 г. численность азербайджанской диаспоры в целом в России уменьшилась на 24 %, а конкретно в Тюменской области – на 23 %.

И последняя точка замера численности азербайджанской диаспоры в России – 2020 г. [4]:

- всего в России – 603 070 человек;
- на территории Тюменской области – 8 282 человека.

То есть, за 10 лет, между переписью 2010 г. и переписью 2020 г., численность азербайджанского населения и в России, и в Тюменской области снова увеличилась – по России увеличение произошло на 26 %, по Тюменской области – на 20 %.

Обобщая, можно сделать следующие выводы по вопросу численности азербайджанской диаспоры в Тюменской области в 1989–2020 гг.:

- между переписями 1989 и 2002 гг. виден серьезный рост, по всей видимости, обусловленный распадом СССР, со всеми последующими проблемами, в частности экономическими и национальными, решая которые, азербайджанская диаспора вполне логично выбирала наиболее экономически процветающие и национально толерантные регионы, в том числе Тюменскую область;

- далее между переписями 2002 и 2010 гг. видно небольшое снижение, вызванное вероятно оттоком азербайджанского населения как обратно в Азербайджан к уже налаженной к тому времени азербайджанской экономике, так и в более привлекательные в экономическом плане столичные регионы России (Москва и Санкт-Петербург);

- в период между переписями 2010 и 2020 гг. мы видим обратное увеличение, вызванное по всей видимости теми же причинами, что и во втором нашем выводе по этому вопросу, то есть Тюменская область вновь становится привлекательным регионом для миграции.

Рассмотрев динамику численности азербайджанской диаспоры в Тюменской области в целом, переходим к следующему вопросу нашего анализа – расселение и конкретная территориальная локализация диаспоры внутри региона, в общем по городским и сельским территориям и более подробно по конкретным муниципальным образованиям.

Если изучить и обобщить данные переписей по первому аспекту (разделения общей численности населения на городское и сельское), то по Тюменской области мы видим следующие результаты:

- в 1989 г. – городское население 2 558 человек, сельское население – 633 человека, то есть 1 к 3 с преобладанием городского населения;
- в 2002 г. – городское население 7 765 человек, сельское население – 1 153 человека, то есть 1 к 6 с преобладанием городского населения;

– в 2010 г. – городское население 5 757 человек, сельское население – 1 123 человека, то есть почти 1 к 5 с преобладанием городского населения;

– в 2020 г. – городское население 7 103 человек, сельское население – 1 179 человека, то есть 1 к 5 с преобладанием городского населения.

То есть получается, что азербайджанская диаспора Тюменской области в 1985–2020 гг. была представлена преимущественно городским населением, при этом с очень существенным преобладанием.

Наиболее высокая доля сельского населения в соотношении с городским наблюдается по переписи 1989 г., что, видимо, обусловлено еще пока функционирующим на тот момент советским сельским хозяйством, делавшим сельскую местность вполне привлекательной в экономическом плане территорией, а также другим социальным портретом мигрантов, преимущественно из сельских районов Азербайджана.

К переписи 2002 г. общая численность сельского населения увеличилась (практически в 2 раза), но в пропорции к городскому населению доля сельского населения пошла на убыль. Скорей всего, это было вызвано тем, что к началу 2000-х гг., когда сельское хозяйство России находилось не в лучшем экономическом состоянии, жизнь на селе перестала быть перспективой и возможностью заработка, и новые азербайджанские мигранты, прибывающие в Тюменскую область, предпочитали больше осесть в городах и заниматься иными видами деятельности, нежели сельское хозяйство.

К переписи 2010 г. ситуация особенно не меняется – численность сельского населения осталась практически на том же уровне, а численность городского населения пошла на убыль, в пропорции доля сельского населения по-прежнему в разы меньше, чем доля городского населения.

Интересны показатели переписи и 2020 г. – численность сельского населения за 10 лет практически не изменилась, а вот доля городского населения увеличилась.

Далее переходим к такому аспекту данного исследования, как распределение азербайджанских переселенцев по конкретным муниципальным образованиям Тюменской области. Здесь мы видим, что по результатам каждой переписи основная часть диаспоры проживает в Тюмени и Тобольске и гораздо меньшая часть – в остальных муниципальных образованиях:

– в 1989 г. – в Тюмени 1 851 человек (58 %), в Тобольске – 556 человек (17 %), остальные муниципальные образования – 784 человека (25 %);

– в 2002 г. – в Тюмени 6 735 человек (75 %), в Тобольске – 979 человек (11 %), остальные муниципальные образования – 1 204 человека (14 %);

– в 2010 г. – в Тюмени 4 928 человек (72 %), в Тобольске – 671 человек (10 %), остальные муниципальные образования – 1 281 человек (18 %);

– в 2020 г. – в Тюмени 6 153 человека (74 %), в Тобольске – 820 человек (10 %), остальные муниципальные образования – 1 309 человек (16 %).

То есть в разрезе по муниципальным образованиям мы видим, что наибольший интерес у представителей азербайджанской диаспоры вызывает Тюмень, на которую по итогам каждой переписи приходится преобладающая доля диаспоры (58–75 %), на втором месте по численности азербайджанского населения находится Тобольск (10–17 %), на остальные муниципальные образования приходится крайне малая доля (от 0,1 до 5 %).

Подводя итог нашего исследования, мы приходим к следующим выводам:

– по вопросу численности скажем, что за 30 лет (1989–2021) диаспора азербайджанцев в тюменском регионе значительно выросла – по итогу на 2020 г. более чем в

два раза, пик роста зафиксирован в переписи 2002 г. (в 3 раза), затем к 2020 г. произошло небольшое понижение;

– по вопросу территориального расселения отметим, что основная доля мигрантов во время переписей проживала в городах, доля сельского населения была существенно меньше по сравнению с городским населением – наибольшая доля сельского населения наблюдалась в 1989 г. (1/4 часть диаспоры), по результатам последующих переписей доля сельского населения уменьшилась и оставалось стабильно одинаковой без изменений в пропорции к городскому населению (1/6–1/7 часть диаспоры);

– наибольшая доля в численности диаспоры в разрезе по муниципальным образованиям Тюменской области приходится на Тюмень.

Также в качестве вывода приводим наглядную иллюстративную демонстрацию итогов данного исследования:

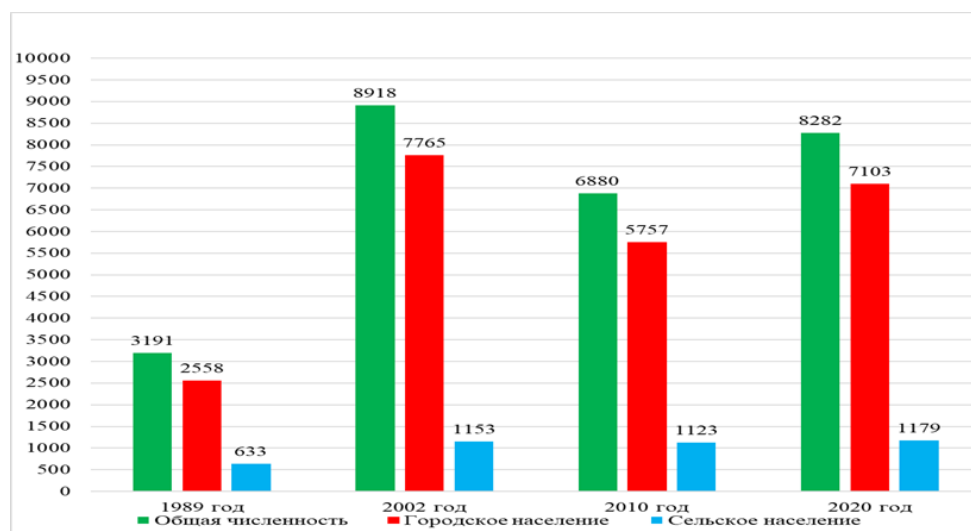

Рисунок 1 – Распределение численности азербайджанцев в Тюменской области в разрезе по городским и сельским территориям, чел.

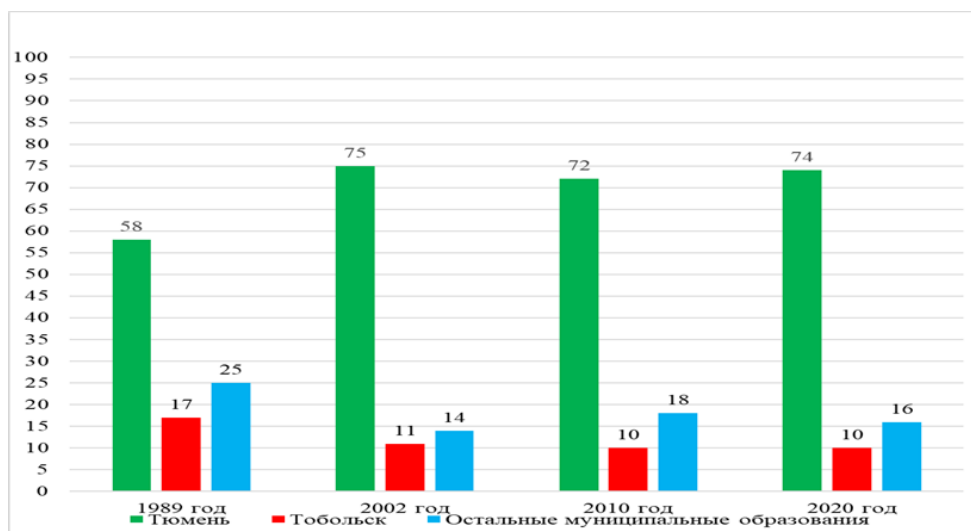

Рисунок 2 – Распределение численности азербайджанцев в Тюменской области в разрезе по муниципальным образованиям, %

**Таблица 1 – Распределение численности азербайджанцев
в Тюменской области в разрезе по муниципальным образованиям**

Муниципальное образование	1989		2002		2010		2020	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Тюменская область	3191	100	8918	100	6880	100	8282	100
Городские округа:								
г. Тюмень	1851	58	6735	75	4928	72	6153	74
Голышмановский городской округ	25	0,8	63	0,7	41	0,6	42	0,5
Заводоуковский городской округ	42	1,3	52	0,6	52	0,8	59	0,7
г. Ишим	64	2	92	1	42	0,6	75	0,9
г. Тобольск	556	17	979	11	671	10	820	10
г. Ялуторовск	54	1,7	61	0,7	101	1,5	85	1
Муниципальные районы:								
Абатский	41	1,3	29	0,3	21	0,3	20	0,2
Армизонский	34	1	7	0,07	15	0,2	22	0,2
Аромашевский	8	0,2	15	0,1	8	0,1	13	0,1
Бердюжский	10	0,2	12	0,1	20	0,3	14	0,1
Вагайский	13	0,4	38	0,4	35	0,5	46	0,5
Викуловский	9	0,2	59	0,7	60	0,9	63	0,8
Исетский	28	0,9	49	0,5	87	1,2	94	1,1
Ишимский	14	0,4	68	0,8	57	0,9	76	0,9
Казанский	19	0,6	21	0,2	28	0,4	18	0,2
Нижне-тавдинский	67	2	124	1,4	147	2,1	74	0,9
Омутинский	19	0,6	45	0,5	49	0,7	64	0,8
Сладковский	11	0,2	2	0,02	7	0,1	9	0,1
Сорокинский	35	1	24	0,2	8	0,1	27	0,3
Тобольский	57	1,8	36	0,4	40	0,6	34	0,4
Тюменский	144	5	268	3	279	4	321	4
Уватский	31	1	45	0,5	48	0,7	42	0,5
Упоровский	13	0,4	18	0,2	42	0,6	24	0,3
Юргинский	9	0,2	13	0,1	13	0,2	6	0,07
Ялуторовский	11	0,2	13	0,1	50	0,7	23	0,3
Ярковский	26	0,8	50	0,6	31	0,4	58	0,7

Список источников

1. Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. Раздел 5. Национальный состав URL: https://istmat.org/files/uploads/17594/naselenie_sssr_po_dannym_vsesoyuz_poy_perepisi_naseleniya_1989g.pdf (дата обращения: 29.05.2023).

2. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Т. 4. Национальный состав и владение языками. Таблица 3. Население по национальности и владению русским языком по субъектам Российской Федерации. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17> (дата обращения: 29.05.2023).

3. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Т. 4. Национальный состав и владение языками. Таблица 4. Население по национальности и владению русским языком по субъектам Российской Федерации. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 29.05.2023).

4. Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. Т.5. Национальный состав и владение языками. Таблица 1. Национальный состав населения. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (дата обращения: 29.05.2023).

О РОЛИ П.К. ГУДКОВА В РАЗВИТИИ ДОБРОВОЛЬНОЙ ПОЖАРНОЙ ОХРАНЫ В ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Перелыгин Андрей Юрьевич,

*Преподаватель кафедры пожарной тактики и аварийно-спасательных работ
ФГБОУ ВО Сибирская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России,
ЗАО Железногорск, Россия
anduopty@yandex.ru*

Среди переселенцев, родившихся за пределами Сибири и впоследствии ставших ключевыми фигурами в истории сурового края множество по-настоящему талантливых людей. К такой категории относится и Павел Козьмич Гудков – купец, меценат, председатель правления Красноярского Вольно-пожарного общества с 1895 по 1908 год. В статье автором приведены сведения о биографии П.К. Гудкова, а также описаны его достижения на посту председателя Красноярского Вольно-пожарного общества.

Ключевые слова: история добровольной пожарной охраны, история Красноярского края, П.К. Гудков

ON THE ROLE OF P.K. GUDKOV IN THE DEVELOPMENT OF VOLUNTARY FIRE PROTECTION IN THE YENISEI PROVINCE IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURY

Perelygin Andrej Jurevich,

*Siberian Fire and Rescue Academy of EMERCOM of Russia, Zheleznogorsk, Russian Federation
anduopty@yandex.ru*

There are a lot of really talented people among the immigrants who were born not in Siberia, but became truly key figures in history of the cold region. Pavel Kozmich Gudkov was a merchant, philanthropist, chairman of the Krasnoyarsk volunteers firefighters community from 1895 to 1908. In the article the author provides information about the biography of P.K. Gudkov, as well as describes his achievements as chairman of the Krasnoyarsk Volunteer Fire Society.

Keywords: the history of the volunteer firefighters, the history of the Krasnoyarsk region, P.K. Gudov

Купечество Енисейской губернии является популярной темой для исследователей истории Сибири. В разное время рассматривались вопросы численности купечества, его основные направления деятельности, участие купцов в общественной жизни, и в развитии научно-технической отрасли. В своей статье В.В. Хорина [1, с.2] рассмотрела мотивы участия купцов в различных сферах жизни общества, прежде всего в развитии науки и техники. Автор указывает перспективу увеличения собственной прибыли купца в качестве основного мотива финансирования научных исследований, что присуще лишь небольшому количеству представителей «третьего сословия».

Объемное исследование биографий купцов Енисейской губернии провели Г.Ф. Быконя, Е.В. Комлева, А.И. Погребняк в своем труде «Енисейское купечество в лицах (XVIII – начало XX в.)» [2, с. 124]. Коллектив авторов приходят к выводу, что помимо развития собственных предприятий многие купцы занимались активной общественной деятельностью, благодаря чему удалось создать и развить социально-полезные общественные институты, в том числе институт добровольной пожарной охраны.

В истории противопожарного добровольчества Енисейской губернии конца XIX – начала XX в. особую роль играет купец I гильдии, золотопромышленник Павел Козьмич Гудков.

Определив для себя задачу поиска информации о талантливом предпринимателе, неутомимом руководителе, ставшим в 1906 году во главу города Красноярска, при подготовке данной статьи автор столкнулся с незначительным количеством информации о жизни и деятельности П.К. Гудкова. Поэтому задачей данной статьи является исследование роли П.К. Гудкова в развитии пожарного дела Енисейской губернии.

Павел Козьмич Гудков родился в Самарской губернии в 1850 г. По одним данным, относился к мещанам [4], по другим, был крепостным Самарского помещика вплоть до 1861 г. [5]. Умер по одним данным в Томске [5], по другим – в Красноярске 27 октября 1908 г. [6].

Сведения о биографии значимого для истории Енисейской губернии переселенца незначительны и содержат следующие основные этапы:

- 1) после окончания гимназии работал механиком на заводах Санкт-Петербурга [5];
- 2) по приглашению золотопромышленника В. И. Асташева занял должность управляющего на золотом прииске в 1871 году [5];
- 3) в 1896 г. переезжает в Красноярск [5];
- 4) в ноябре 1897 г. проводит 1-й съезд южноенисейских золотопромышленников [5];
- 5) в 1898 г. входил в состав акционеров акционерного золотопромышленного общества «Драга», в 1901 г. стал его директором-распорядителем [5];
- 6) в 1903 г. стал пайщиком золотодобывающей компании «Спасский и К» [5];
- 7) в 1905 г. совместно с В.А. Баландиной и другими золотопромышленниками стал совладельцем красноярской газеты «Голос Сибири» [5];
- 8) 22 января 1906 г. избран городским головой Красноярска [5].

На должности городского головы г. Красноярска разрабатывал проекты строительства водопровода, мощения улиц, устройства электростанции.

Помимо ранее приведенных фактов о биографии П.К. Гудкова, необходимо пролить свет на его неоценимый вклад в развитие пожарного дела Енисейской губернии.

В 1881 г. после катастрофического пожара в г. Красноярске созданное Вольно-пожарное общество Енисейской губернии прекратило существование в виду отсутствия пожертвований и смещения вектора внимания населения в сторону восстановления сгоревшей части города и всесторонней помощи погорельцам.

В 1895 г. при поддержке губернатора Енисейской губернии Урусова П.К. Гудков участвует в воссоздании Красноярского вольно-пожарного общества (далее – Общество), и становится председателем правления данной общественной организации вплоть до 1908 г. [9].

Первой и главной задачей Общества после возрождения было приведение противопожарного инвентаря в исправное состояние. Для получения прибыли в целях развития добровольной пожарной охраны были применены предпринимательские таланты Гудкова. В новоутвержденном уставе Общества предусматривалась возможность заработка средств на собственные нужды за счет организации и проведения выступлений, творческих вечеров и иными способами, не запрещенных законом.

Уже в 1900 г. Общество оборудовало собственное депо и приобрело паровую машину для повышения эффективности деятельности по борьбе с пожарами [11, с. 2].

В 1902 г. по решению правления Общества во главе с П.К. Гудковым деятельность добровольных пожарных была направлена на организацию предупредительных мер борьбы с пожарами на территории г. Красноярска. Была организована работа по контролю складирования сена, фуража и дров для собственных нужд населения. На заседаниях Городской думы регулярно поднимался вопрос борьбы со стихийным складированием и организации работы водовозов [11, с. 3].

Также в 1902 г. правлением Общества решено создать страховое общество, ориентированное на страхование имущества от пожаров. Таланты П.К. Гудкова позволили не только создать значительный страховой фонд, но и использовать доходы от страховой деятельности на развитие противопожарного добровольчества по всей Енисейской губернии [11, с. 4].

В виду увеличивавшейся численности и растущей экономики г. Красноярска возникла потребность в разработке обязательных мер, направленных на недопущение возникновения пожаров. В этой связи правление Общества:

- приняло участие в разработке проекта новых обязательных постановлений по строительной части и представило ряд замечаний на эти правила;
- принимало участие при составлении проекта введения в г. Красноярске пожарной электрической сигнализации;
- подняло вопрос в Городской Думе об обязательности железных кровель, для решения которого решило открыть свой склад для продажи жителям кровельного железа по сниженным ценам;
- устроило емкость для воды в Никольской слободе;
- возбудило ходатайство перед губернатором о выдаче беспроцентной ссуды из капитала губернского земского страхового сбора на устройство склада железа и пожарных принадлежностей для нужд всех других пожарных организаций губернии.

П.К. Гудков имел значительный опыт участия в мероприятиях Всероссийского масштаба и умел привнести новшества во все сферы деятельности. Так, в 1896 г. в Нижнем Новгороде была организована Всероссийская промышленная и художественная выставка (далее – Выставка). П.К. Гудков принимал в ней участие в качестве представителя золотодобывающей отрасли (рис. 1).

Рисунок 1 – Визитка П.К. Гудкова в альбоме участников Всероссийской промышленной и художественной выставки в Нижнем Новгороде в 1896 г. [10]

С 31 марта по 6 апреля 1902 г. в г. Москве проходил IV Всероссийский пожарный съезд Императорского Российского Пожарного Общества. Присутствовало 686 делегатов. К съезду было приурочено проведение пожарной выставки, которая открылась в день начала съезда. В съезде принимали участие выдающиеся деятели пожарной охраны, а также разработчики пожарной техники и огнетушащего оборудования, например Густав Лист, заводы которого снабжали пожарной техникой львиную долю пожарных подразделений [12].

Во время съезда пожарных деятелей также были вынесены на повестку вопросы о водоснабжении населенных пунктов, «о необходимости выделения пожарной помощи в самостоятельную единицу», о полном освобождении пожарных от телесного наказания и обучении подростков пожарному делу. Во время съезда П.К. Гудков выступил с докладом о замене полицейских пожарных команд общественными, за что удостоился высокой оценки делегатов.

В 1903 г. правление Общества внесло инициативу в устройство в г. Красноярске водопровода и получило от правления г. Красноярска 5000 рублей на предварительные изыскания, которые были проведены известной фирмой «Нептун», системы противопожарного водоснабжения которой были, вероятно, оценены Гудковым на Выставке в 1896 г. [13, с. 2].

Опыт 1903 г. показал, что склад кровельного железа имеет все данные, чтобы сосредоточить в своих руках стабильное снабжение большинства населенных пунктов Енисейской губернии. В виду этого, правление Общества заблаговременно вошло в соглашение с заводами о поставке железа в достаточном количестве и возбудило ходатайство об увеличении оборотного капитала из средств земского губернского страхового капитала.

Правление Общества регулярно поднимало вопросы противопожарного обустройства в Красноярске: будь то разработка строительных норм и правил, или надзор за явкой водовозов на пожары. Муниципальные органы управления в соответствии с действовавшими положениями Городского уложения должны были решать данные вопросы самостоятельно, однако не решали. П.К. Гудков и иные члены правления Общества обращались с просьбами образовать особый орган, ответственный за реализацию противопожарных норм в городе, с обязательным участием членов правления

общества в таковом, однако противопожарного органа в данный период создано не было.

В период с 1904 по 1908 г. Общество продолжало пожинать плоды организаторских и предпринимательских талантов П.К. Гудкова. Благодаря его участию в правлении общества удалость не только возродить институт добровольной пожарной охраны, но и значительно укрепить его, увеличив численность и усовершенствовав техническое оснащение.

Список литературы

1. Хорина В.В. О роли купечества в научном изучении Енисейской губернии (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Вестник КГПУ. 2011. № 4. С. 285–291. EDN ONZDAJ.

2. Быконя Г. Ф. Енисейское купечество в лицах (XVIII – начало XX в.) / отв. ред. Ю.Л. Александров; Ин-т истории СО РАН. Новосибирск: Издательство Сибирского отделения РАН, 2012. 316 с. EDN TLZRGL.

3. Чекаленко Е.В., Гергилев Д.Н. Полномочия и деятельность государственных служащих местной администрации в конце XIX – начале XX века и ее влияние на систему центральной власти // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2022. № 1 (23). С. 164–173. DOI: 10.36718/2500-1825-2022-1-164-173. EDN JNJOMB.

4. Гудков Павел Козьмич. URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Гудков,_Павел_Козьмич (дата обращения: 10.09.2024).

5. Неизвестный Гудков. URL: <https://za-kadry.tpu.ru/newspaper/article/view?id=4299> (дата обращения: 11.09.2024).

6. Гудков Павел Кузьмич (Козьмич). URL: <https://my.krskstate.ru/docs/voevods/gudkov-pavel-kuzmich-kozmich> (дата обращения: 11.09.2024).

7. Устав вольного пожарного общества в г. Красноярске Енисейской губернии. Красноярск, 1879.

8. Отчет Красноярского Вольного Пожарного Общества Енисейской губернии за 1880 год.

9. Устав Красноярского Добровольного Пожарного Общества. Красноярск: Типография А.Д. Жилина, 1895.

10. Всероссийская промышленная и художественная выставка (1896 Нижний Новгород). Альбом участников Всероссийской промышленной и художественной выставки в Н. Новгороде в 1896 г. СПб., [1896]. 468 с.

11. Отчет Красноярского Вольного Пожарного Общества за 1902 год. Красноярск: Типография Ал. Д. Жилина, 1903.

12. Открылся IV Всероссийский пожарный съезд ИРПО в Москве. URL: https://вдпо.рф/calendar/1902-3-31_otkrylsya-iv-vserossiyskiy-pozharnyy-sezd-irpo-v-moskve (дата обращения: 12.09.2024).

13. Отчет Красноярского Вольного Пожарного Общества за 1903 год. Красноярск: Типография Ал.Д. Жилина, 1904.

14. Отчет Красноярского Вольного Пожарного Общества за 1905 год. Красноярск: Типография Ал. Д. Жилина, 1906.

15. Отчет о деятельности городской думы. Отдел 1. 1907.

СЕКЦИЯ 4. ПОЛИТИКА И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ КОНТРОЛЬ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИХ СООБЩЕСТВ: ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ

УДК 93/94(47) 908

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ И КОМИТЕТА ТРУДА В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ (ПО ДОКУМЕНТАМ КГКУ «ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ»)

Соколова Евгения Васильевна,

*Государственный архив Красноярского края, Красноярск, Россия
evg3984442@yandex.ru*

В 1939 году постановлением президиума исполкома Красноярского краевого Совета депутатов трудящихся при исполкоме был организован переселенческий отдел, занимавшийся переселением «избыточной» части колхозников и единоличников из малоземельных районов и помощью им в обустройстве на новом месте. В статье рассматривается история создания и деятельность переселенческого управления СНК СССР, которому подчинялся переселенческий отдел красноярского крайкома, а также условия переселения колхозников на территорию Красноярского края, их обустройство, изменения статуса и структуры отдела.

Ключевые слова: переселенцы, переселенческое управление, переселенческий отдел, колхоз, единоличники, Красноярский край

THE ACTIVITIES OF THE RESETTLEMENT DEPARTMENT AND THE LABOR COMMITTEE IN THE KRASNOYARSK TERRITORY (ACCORDING TO THE DOCUMENTS OF THE KGKU «STATE ARCHIVE OF THE KRASNOYARSK TERRITORY»)

Sokolova Evgeniya Vasilyevna,

*The State Archive of the Krasnoyarsk Territory, Krasnoyarsk, Russia
evg3984442@yandex.ru*

In 1939, by a decree of the presidium of the Executive Committee of the Krasnoyarsk Regional Council of Workers' Deputies, a resettlement department was organized under the executive committee, which was engaged in relocating the "excess" part of collective farmers and sole proprietors from small-land areas and helping them to settle in a new place. The article examines the history of the creation and activities of the resettlement department of the USSR Council of People's Commissars, to which the resettlement department of the Krasnoyarsk Territory Committee was subordinate, as well as the conditions for the resettlement of collective farmers to the territory of the Krasnoyarsk Territory, their arrangement, changes in the status and structure of the department.

Keywords: migrants, resettlement management, resettlement department, collective farm, sole proprietors, Krasnoyarsk Territory

Постановлением президиума исполкома Красноярского краевого Совета депутатов трудящихся от 10 августа 1939 г. в соответствии с решением ЦК ВКП (б) от 27 мая 1939 г. № 740 и постановлением СНК СССР от 23 июля 1939 г. № 1099 при исполкоме был организован переселенческий отдел, занимавшийся переселением «избыточной» части колхозников и единоличников из малоземельных районов и помощью им в обустройстве на новом месте. Отдел подчинялся Переселенческому управлению при СНК СССР [2, л. 28].

На хранении в КГКУ «Государственный архив Красноярского края» находится фонд Р-2137 «Комитет труда Администрации Красноярского края (1939–2004)», в котором отложились документы о деятельности этого отдела, планы переселения, приема и распределения переселенцев, списки переселенцев, постановления, решения, распоряжения, приказы СНК СССР, ЦК ВКП(б), Главного переселенческого управления при Совете Министров РСФСР, Министерства трудовых резервов СССР, Государственного комитета РСФСР по труду, краевого исполкома и краевого комитета ВКП(б) и т. д.

Переселенческое управление осуществляло переселение колхозов, колхозников и единоличников из малоземельных районов в многоземельные, а также переселение с земель, используемых для строительства промышленных предприятий, железнодорожных магистралей, гидротехнических и других сооружений. В ведомство переселенческого управления входило определение районов с избыточной частью колхозников и единоличников; установка контингента переселенцев и мест их заселения; организация переезда переселенцев и обслуживание их в пути следования; проведение работы по организационно-хозяйственному устройству переселенцев в места заселения (подготовка и отвод землефондов, хозяйственное и культурно-бытовое строительство, снабжение стройматериалами, инвентарем и др.); финансирование мероприятий, связанных с переселением и осуществление контроля за “правильностью” использования отпускаемых кредитов и применением существующих льгот по переселению. На местах при облисполкомах, крайисполкомах и совнаркомх создавались переселенческие отделы с подчинением их переселенческому управлению. К 5 августа 1939 года обкомы и крайкомы административно-территориальных единиц страны, в том числе Красноярский крайком, обязали выделить штатные единицы и сотрудников для работы начальниками переселенческих отделов и представить их на утверждение Центрального Комитета ВКП(б) [2, л. 29].

26 июля 1939 г. Постановлением № 1104 Совета народных депутатов был определен порядок переселения колхозников и единоличников из малоземельных в многоземельные районы СССР, согласно которому переселенческие отделы определяли возможные контингенты колхозных хозяйств для переселения, предварительно изучив возможности отпуска колхозников без ущерба для сельского хозяйства данного района. Колхозники, желающие переселиться в многоземельные районы, должны были подать заявление в райисполкомы по месту жительства. Сведения о желающих переселиться райисполкомы направляли в переселенческие отделы республик, край(обл) исполкомов. Переселенческие отделы, исходя из плана для края, области или республики, определяли и доводили плановые контингенты переселения колхозников району, после чего райисполкомы проводили отбор и оформление отобранных переселенцев в счет районного плана. Финансирование и организация отправки переселенцев, обслуживание их в пути и доставка до места поселения возлагались на переселенческие отделы при край(обл) исполкомах и СНК республик мест выхода переселенцев. Прием переселенцев и их хозяйственное устройство в местах поселения

также возлагались на переселенческие отделы. Уволенные из рядов РККА, РК ВМФ и войск НКВД СССР красноармейцы, начальствующий и командный состав в долгосрочный отпуск подавали заявления о желании переселения по команде командирской части. Собранные заявления передавались в переселенческие отделы по месту нахождения части. Переселенцам, переселенным в плановом порядке, предоставлялись льготы [2, л. 30–31].

Положение о переселенческом отделе при Красноярском крайисполкоме было утверждено 4 декабря 1939 г. Основными задачами переселенческого отдела являлось:

- сельскохозяйственное переселение колхозов, колхозников и единоличников;
- прием и хозяйственное устройство;
- переселение с земель, отчуждаемых для строительства промышленных предприятий, железнодорожных магистралей, гидротехнических и других сооружений;
- внутриобластное сельскохозяйственное переселение;
- хозяйственное устройство кочевых и полукочевых хозяйств, переходящих в оседлость;
- переселение на вновь освоенные в области орошаемые земли [3, л. 9–10].

Переселенческий отдел возглавлялся начальником отдела, утверждаемым начальником переселенческого управления; содержался за счет средств союзного бюджета, проводимых по генеральной смете переселенческого управления при СНК СССР.

Медико-санитарное обслуживание переселенцев, отправляемых по-эшелонно из краев, областей и АССР, как в местах выхода, так и в местах вселения переселенцев, было возложено на Народный комиссариат здравоохранения РСФСР. Наркомздрав был обязан обеспечить медицинский осмотр врачами переселенцев в течение 24 ч с момента их прибытия на ближайших к месту поселения медицинских участках. Всех прибывших, согласно инструкции НКЗдрава СССР, при медосмотре вакцинировали (от оспы, дизентерии, брюшного тифа, детей до 12 лет от дифтерии), отправка переселенцев, у которых в течение 15 дней перед отправкой наблюдались признаки остро-заразных заболеваний, не допускалась. Наркомздравом был утвержден список заболеваний, временно препятствующий к выезду колхозников и членов их семей на переселение, в который входили: пороки сердца, туберкулез легких, трахома, сифилис, грибковые заболевания кожи, чесотка, злокачественные опухоли, проказа и т. д. Также на местах прибытия поселенцев проводили санобработку, используя для этого все имеющиеся в районах бани и дезустановки (колхозные, коммунальные, железнодорожные и др.). В пути на каждый эшелон выделялось по одному врачу или лекпому (помощник лекаря, врача; фельдшер) и медсестре. Переселенческое управление оплачивало работу местных органов Наркомздрава согласно утвержденным нормативам:

- за медосмотр каждого человека – 75 коп;
- за каждое оспопрививание – 20 коп.;
- за медикаменты (оплата по факту предъявленных счетов из аптек);
- за дезсанобработку (на каждую санобработку, без стрижки и мыла) – 1 р. 20 коп.;
- за каждую стрижку – 30 коп.;
- за мыло на одну помывку – 30 коп.

Отдельно оплачивалась работа медперсонала, сопровождавшего эшелоны с переселенцами из расчета 1/25 мес. оклада [2, л. 36–38].

В 1938 г. Главным ветеринарным управлением НКЗ СССР была утверждена “инструкция по ветеринарно-санитарному обслуживанию живности переселенцев”. Согласно инструкции, к вывозу допускались только здоровые животные из районов, в которых не наблюдались заболевания у домашнего скота; перевозиться скот должен был не истощенным и годным для производственных целей; за 10 дней до отправки животные изолировались от общего стада и подвергались клиническому осмотру и термометрии, лошади и муллы проходили маллеинизацию, свиньи обследовались на бруцеллез, крупный рогатый скот на туберкулез и паратуберкулез; также все животные должны были быть очищены от клещей и других паразитов. Для ветобслуживания скота в пути Райзо выделяло на каждый эшелон одного ветработника и аптечку первой ветпомощи [2, л. 57–57об].

Изначально переселение колхозников проводилось целыми семьями без предварительного въезда в места будущего жительства трудоспособных членов семей для участия в устройстве своего хозяйства. Как отмечалось в отчетах переселенческого отдела красноярскому крайкому, при такой организации переселенческой работы приезжающие на новые места жительства семьи переселенцев зачастую сталкивались с отсутствием элементарных условий для устройства своего быта и хозяйства. Например, часть семей, переселенных в 1938 г. и весной 1939 г. в Красноярский край больше года не могли получить дома и скот. Имели случаи чрезмерного удорожания строительных и ремонтных работ по подготовке жилого и хозяйственного фонда при низком качестве произведенных работ. К началу 1940 г. было принято решение о направлении на места переселения сначала трудоспособных членов семей колхозников для участия в устройстве своих хозяйств, и только после этого разрешалась ликвидация хозяйств на старом месте и выезд остальных членов семьи. Практиковалась посылка целых бригад трудоспособных колхозников, с оказанием им помощи стройматериалами, инструментами и техническим руководством. Строительство в местах нового поселения производилось за счет отпущенных на эти цели кредитов и бюджетных ассигнований. Выезжающие трудоспособные члены семей колхозников должны были иметь на руках: переселенческий билет, паспорт, воинский документ с отметкой о снятии с учета, справку о медицинском осмотре. Для устройства своего хозяйства с собой они должны были забрать имеющиеся инструменты (топоры, пилы и проч.).

Эшелоны переселенцев формировались из расчета 25 человек на один вагон. Количество вагонов в эшелоне исчислялось по существующим нормам НКПС. В составе каждого эшелона должны были быть: один классный вагон для амбулатории, вагон с обслуживающими эшелон персоналом; вагон-изолятор; вагон-лавка и один вагон-клуб.

Колхозники по прибытии, на основе переселенческих билетов, подавали заявление о приеме их в члены новообразованного колхоза. Оплата труда членов колхоза, принимавших участие в строительстве и ремонте переселенческих построек, производится колхозом за счет средств, отпускаемых на переселенческое строительство. Оплата труда, не связанного со строительством, производилась колхозом трудоднями, в соответствии с нормами и расценками, принятыми в колхозе [2, л. 62–69].

В 1939 г. Красноярский край принимал эшелон № 51308 с переселенцами из Чувашской ССР, следовавший в Бурят-Монгольскую ССР, Красноярский край, Новосибирскую область и Алтайский край (на ст. Канск также были посажены переселенцы, следовавшие в Бурят-Монгольскую ССР). В Красноярский край следовало глав семей – 247 человек и членов семей 45 человек. Расселены они были в Тюхтетский,

Пировский, Казачинский, Дзержинский, Козульский районы и Хакасскую АО. Также следовал эшелон № 51408 из Марийской ССР в Красноярский край [1, л. 4–6].

Согласно плану переселения на весну 1940 года для участия в благоустройстве хозяйств в Красноярский край было направлено 500 трудоспособных членов семей колхозников из Пензенской области. По линии наркомлеса была обеспечена отгрузка в Красноярский край леса круглого 400 куб. м, пиломатериалов – 200 куб. м, по линии наркомчермета – 0,5 т кровельного железа, на заготовку строительных материалов было выделено 1,548 тыс. руб., на расходы, связанные с приемом и доставкой переселенцев от станции выгрузки до колхозов вселения, – 30 тыс. руб. В отчетах о следовании эшелонов отмечались недостатки организации погрузки переселенцев (неорганизованная погрузка имущества и скота переселенцев; перегрузка вагонов, когда при нормативе в 25 человек на вагон в вагонах следовало до 55 человек и т. д.) и их встрече на станциях прибытия [4, л. 28–29].

К концу 1939 г. стало ясно, что количество желающих переселиться «с малоземельных территорий на многоземельные» значительно меньше утвержденных планов. Согласно приказу по переселенческому управлению при СНК СССР от 21 декабря 1939 г., «переселенческие отделы обращали внимание только на наличие поданных заявлений о желании переселиться, не учитывая при этом малоземелья колхозов, действительных излишков рабочей силы в них и наличия земли для наделения колхозников приусадебными участками» [2, л. 82]. В результате неорганизованной работы переселенческого управления и переселенческих отделов на местах имели место случаи обратных выездов переселенцев. Переселенческим отделам поручалось проводить переселение в первую очередь из малоземельных колхозов, имеющих излишки рабочих рук и исчерпавших уже резервы земель для наделения колхозников приусадебными участками. Также поручалось усилить массово-разъяснительную работу в колхозах по ознакомлению колхозников с районами и колхозами, куда производится переселение, с льготами, предоставляемыми государством переселенцам и т. д.

За годы Великой Отечественной войны и позднее, вплоть до 1950-х гг. переселенческий отдел организовал прием и переселение из многих районов СССР. На хранении в КГКУ «Государственный архив Красноярского края» сохранились списки граждан, эвакуированных в г. Красноярск и районы края из Смоленской, Воронежской, Орловской, Ивановской, Пензенской, Кировской, Куйбышевской областей, Татарской АССР, Карело-Финской АССР; детей, эвакуированных с детскими домами, садами и яслями из г. Ленинграда и других городов; эвакуированных работников завода № 580; эвакуированных и реэвакуированных на Украину граждан немецкой и польской национальности (1941–1948 гг.). Также сохранились списки реэвакуированного населения и граждан, оставшихся на постоянное место жительства в г. Красноярске (1945–1948 гг.), списки плановых переселенцев из Мордовской и Чувашской АССР (1950–1952 гг.), сведения по вопросу переселения на Южный Сахалин и Курильские острова, в Камчатскую область (1948–1950 гг.), в Красноярский край; о репатриации польских граждан, списки эвакуированных и депортированных граждан в Красноярский край, в том числе с территории АССР Немцев Поволжья. Сохранившиеся данные представляют научный интерес для изучения процессов переселения граждан в советский период, а также позволяют восстановить имена участников переселения в отдаленные районы Сибири, найти составы семей депортированных родственников.

В июне 1953 г. отдел был передан в состав краевого Управления сельского хозяйства и заготовок. Решением исполкома Красноярского краевого Совета от 15 янва-

ря 1955 г. № 12 он был реорганизован в самостоятельное подразделение исполкома, подчинявшееся Главному переселенческому управлению при Совете Министров РСФСР [5, л. 14].

В 1947 г. в г. Красноярске была создана краевая контора по организованному набору рабочих Министерства трудовых резервов СССР. На основании постановления Совета Министров РСФСР от 13 мая 1953 г. № 501 во исполнение постановления Совета Министров СССР от 6 мая 1953 г. № 1206 контора была реорганизована в отдел организованного набора рабочих Красноярского краевого исполкома с подчинением его Главному управлению организованного набора рабочих при Совете Министров РСФСР [6, л. 61].

29 августа 1956 г. решением исполкома Красноярского краевого Совета депутатов трудящихся № 458 на основании постановления Совета Министров РСФСР от 3 августа 1956 г. № 532 краевые отдел переселения и отдел организованного набора рабочих были объединены в единый отдел переселения и организованного набора рабочих краевого исполкома с подчинением его Главному управлению переселения и организованного набора рабочих при Совете Министров РСФСР.

Основными функциями отдела являлись:

- организация и проведение переселения в сельскохозяйственные местности в пределах края;
- организованный набор рабочих, подбор и направление на работу специалистов;
- участие в работе комиссий по персональному распределению молодых специалистов, окончивших высшие и средние специальные учебные заведения, а также контроль за их направлением и использованием [7, л. 114–116].

В марте 1967 г. отдел переселения и организованного набора рабочих исполкома Красноярского краевого Совета был преобразован в отдел по использованию трудовых ресурсов исполкома с подчинением, созданному в феврале того же года Государственному комитету Совета Министров РСФСР по использованию трудовых ресурсов.

Осенью 1976 г. Госкомитет Совета Министров РСФСР по использованию трудовых ресурсов преобразовался в Госкомитет Совета Министров РСФСР по труду (Госкомтруд РСФСР), в августе 1978 г. – в Госкомитет РСФСР по труду. В соответствии с этим в декабре 1976 г. отдел переселения и организованного набора рабочих исполкома краевого Совета был переименован в отдел по труду [8, л. 40–45].

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 28 августа 1987 г. Госкомитет РСФСР по труду преобразовался в Госкомитет РСФСР по труду и социальным вопросам. В связи с этим, решением краевого исполкома от 21 октября 1987 г. № 430, отдел по труду исполкома был преобразован в отдел по труду и социальным вопросам [9, л. 4].

Постановлением исполкома Красноярского краевого Совета народных депутатов и президиума краевого Совета профсоюзов от 29 сентября 1990 г. № 248/10 в соответствии с постановлением Госкомитета по труду и социальным вопросам СССР и Секретариата ВЦСПС от 29 марта 1990 г. № 116/4-97 путем слияния отдела по труду и социальным вопросам краевого исполкома и Красноярского краевого центра по трудоустройству, переобучению и профориентации населения было создано Управление труда и занятости населения краевого исполкома.

Решением исполкома Красноярского краевого Совета от 11 июля 1991 г. № 155-п в соответствии со ст. 25 Закона РСФСР от 19 апреля 1991 г. «О занятости насе-

ления в РСФСР», Управление труда и занятости населения было вновь преобразовано в отдел по труду и социальным вопросам краевого исполкома. Этим же решением был образован краевой Комитет по занятости населения.

В связи с принятием Указа Президента РСФСР от 10 ноября 1991 г. № 187 «Об образовании Министерства труда и занятости населения РСФСР» решением исполкома Красноярского краевого Совета от 29 декабря 1991 г. № 267 на базе краевого Комитета по занятости населения и отдела по труду и социальным вопросам краевого исполкома был образован краевой Комитет труда и занятости населения, главными функциями которого стали:

- обеспечение занятости и социальной защиты населения от безработицы;
- проведение единой государственной политики в области труда, его оплаты и условий, уровня жизни и обеспечения социальных гарантий для малообеспеченных слоев населения.

Согласно постановлению администрации Красноярского края от 26 января 1994 г. № 30-п, краевой Комитет труда и занятости населения был реорганизован путем разделения на краевой Комитет по занятости населения и Комитет по труду и социальным вопросам администрации края.

На Комитет по труду и социальным вопросам была возложена ответственность за реализацию на территории края государственной политики в области социально-трудовых вопросов. Постановлением администрации Красноярского края от 22 марта 1994 г. № 139-п он был переименован в Управление социального страхования и труда.

Постановлением администрации Красноярского края от 16 октября 1995 г. № 517-п краевое Управление социального страхования и труда было реорганизовано в Комитет труда администрации края. Основными задачами Комитета являлись:

- управление охраной труда на территории края;
- мониторинг социально-трудовой сферы;
- организация и обеспечение деятельности региональной системы социального партнерства [10, л. 45–66].

11 мая 2004 г. постановлением Совета администрации Красноярского края № 127-п, в целях совершенствования государственного управления в области социально-трудовых отношений в Красноярском крае и на основании ст. 68 краевого Устава, Комитет труда администрации края был ликвидирован [11, л. 1–12].

Список литературы

1. КГКУ «Государственный архив Красноярского края» (ГАКК). Ф.Р-2137. Оп. 1. Д. 1.
2. ГАКК. Ф.Р-2137. Оп. 1. Д. 2.
3. ГАКК. Ф.Р-2137. Оп. 1. Д. 4.
4. ГАКК. Ф.Р-2137. Оп. 1. Д. 5.
5. ГАКК. Ф.Р-2137. Оп. 1. Д. 189.
6. ГАКК. Ф.Р-2137. Оп. 1. Д. 190.
7. ГАКК. Ф.Р-2137. Оп. 2. Д. 38.
8. ГАКК. Ф.Р-2137. Оп. 2. Д. 93.
9. ГАКК. Ф.Р-2137. Оп. 2. Д. 227.
10. ГАКК. Ф.Р-2137. Оп. 2. Д. 381.
11. ГАКК. Ф.Р-2137. Оп. 2. Д. 431.

ОСМЫСЛЕНИЕ АССИМИЛЯТОРСКИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ РУССКОГО НАРОДА В ТРУДАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ УЧЕНЫХ-ЭТНОГРАФОВ КОНЦА XIX ВЕКА

*Крот Максим Николаевич,
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
mnkrot@sfedu.ru*

Доклад посвящен анализу оценок ассимиляторских возможностей русского народа отечественными учеными-этнографами И.Н. Смирновым и Н.Н. Харузиным, ставившими их в основу успешной реализации политики русификации национальных окраин. В докладе также рассматриваются предлагаемые учеными методы и средства эффективной ассимиляции инородцев, а также формы поддержки колонизационных процессов, направленных на обрусение окраинных регионов империи.

Ключевые слова: Российская империя, русификация, колонизация, ассимиляция, национальные окраины, И.Н. Смирнов, Н.Н. Харузин

UNDERSTANDING THE ASSIMILATORY CAPABILITIES OF THE RUSSIAN PEOPLE IN THE WORKS OF DOMESTIC ETHNOGRAPHERS OF THE END OF THE 19TH CENTURY

*Krot Maxim Nikolaevich,
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
mnkrot@sfedu.ru*

The report is devoted to the analysis of the assessments of the assimilation capabilities of the Russian people by Russian ethnographers I.N. Smirnov and N.N. Kharuzin, who used them as the basis for the successful implementation of the policy of Russification of national outskirts. The report also examines the methods and means of effective assimilation of foreigners proposed by scientists, as well as forms of support for colonization processes aimed at Russification of the outskirts of the Russian Empire.

Keywords: Russian Empire, Russification, colonization, assimilation, national outskirts, I.N. Smirnov, N.N. Kharuzin

Одним из ключевых направлений внутренней политики самодержавия во второй половине XIX века стала русификация национальных окраин, под которой принято понимать сложный комплекс правительственных мер и общественных инициатив, направленных на унификацию регионального административного устройства Российской империи, создание единого государственного правового поля, распространение русского государственного языка, аккультурацию инородческого населения национальных окраин и его ограждения от внешних ассимиляционных устремлений [1, с. 55–61; 2, с. 28–55].

Характеристика возможностей и перспектив русификаторской политики имперских властей была напрямую связана с оценкой ассимиляционного потенциала титульной государственной нации, от которого, в конечном счете, зависела способность поддерживать государственное единство и осуществлять интегрирующее воздействие

на недоминирующие национальные сообщества, входившие в состав империи. Следует указать на имевшее место в рассматриваемую эпоху разграничение понятий «русификация», под которым понималось, в первую очередь, определенное направление правительственной политики и «ассимиляция», рассматривавшийся, преимущественно, как естественный процесс, не зависящий от воли и усилий государственной власти [3, с. 23].

Первоначально вопрос об ассимиляторских возможностях русского народа поднимался в контексте рассмотрения формирования этнической структуры Русского государства. Отечественные ученые, затрагивавшие данный вопрос, такие как К.Д. Кавелин, А.С. Хомяков, И.С. Аксаков, отмечали высокую степень ассимиляционного потенциала русско-славянского элемента, обусловленную его культурным превосходством над соседними племенами, а также фактором христианства, который придавал колониционному движению характер приобщения ассимилируемых народностей к более высокой цивилизационной общности [4, с. 233–235]. Ассимиляционные процессы рассматривались и оценивались в общеевропейском просветительско-цивилизаторском ключе, как неотъемлемый элемент развития идеи нации, получившей широкое распространение в XIX столетии, в рамках которой ассимиляция мелких сообществ и народов более крупными признавалась естественным и неизбежным явлением [5, с. 64]. При этом оценивались они преимущественно как позитивное явление, в первую очередь, для тех народов, которые становились их объектами, поскольку они, таким образом, приобщались к более высокой культуре, что благоприятно сказывалось на их дальнейшем развитии [6, с. 105].

В конце XIX в. в полемику о сущности политики русификации и связанном с ней осмыслением ассимиляторских возможностей русского народа, наряду с государственными деятелями и публицистами, включились профессиональные ученые-этнографы.

Наиболее видным из них был профессор Казанского университета И. Н. Смирнов, стремившийся осмыслить задачи обрусительной политики, проводимой правительством, соотнес их с характеристикой ассимиляторского потенциала русского народа [7, с. 752–765].

По мнению ученого, аккультурация инородцев, входивших в состав крупных государственных образований, созданных народом, находящимся на более высоком уровне социального и культурного развития, являлась вполне естественным историческим процессом. Вследствие этого он считал, что воздействие имперских властей на инородцев Российской империи не может ограничиваться исключительно «политическими отношениями», а должно быть направлено на «культурное объединение всех национальностей и их полную ассимиляцию с правящей нацией» [7, с. 761–762].

Однако достижение данных целей, по мнению Смирнова, не должно осуществляться насильственными методами. Опираясь на исторический опыт русской государственной политики в отношении интегрируемых инородцев, ученый подчеркивал, что обрусение восточных народностей империи было достигнуто исключительно в результате мирных, естественных процессов и именно эту практику следует учитывать при формировании политики имперского центра по отношению к национальным окраинам в будущем.

«Первым и главнейшим орудием обрусительной политики» Смирнов считал умело организованную и направляемую властями колонизацию. Именно русские колонисты – крестьяне или рабочие, в достаточно большом количестве расселявшиеся на окраинных землях, в большей степени способствовали русификации инородцев,

нежели православные миссионеры или правительственные администраторы. Отдельные случаи «дерусификации» – восприятия русскими колонистами инородческой культуры, языка, элементов быта совершенно не смущали ученого, видевшего в этом не более чем свойственную всем русским потребность приспособления к новым условиям окружающей среды [7, с. 760]. В общем культуртрегерском потенциале русского народа Смирнов не сомневался. Колонизация должна была проходить не стихийно, а организовываться властью, задача которой состояла в том, чтобы направлять ее потоки в районы концентрации инородческого населения и «при самом глубоком внимании к интересам переселенцев» располагать их деревни так, чтобы они разрывали территорию инородческого населения на отдельные острова, время от времени пополняя переселенческие кадры [7, с. 763].

Другое ключевое средство русификации инородцев Смирнов видел в правильно организованном народном образовании, осуществлявшемся первоначально на местных языках. Именно школа должна была мягко и ненавязчиво внедрять в сознание инородцев сущность православной христианской веры, его догматов и нравственного идеала, способствуя постепенному переходу к «русскости» [7, с. 763].

Предлагаемая Смирновым концепция русификации была направлена, в первую очередь, на народности, не обладавшие развитым национальным самосознанием и стоящие на менее высоком уровне культурного и социального развития, чем русский народ. Это обстоятельство делало возможным минимизировать административно-властный компонент русификаторской политики, в большей степени полагаясь на культуртрегерский потенциал русских колонистов.

Большой вклад в изучение ассимиляционного потенциала русского народа с этнографической точки зрения также внес видный русский ученый, которого принято считать отцом-основателем отечественной этнографии – профессор Московского университета Н.Н. Харузин. Его взглядам свойственно всеобъемлющее понимание русификации как полной этнической гомогенизации, в результате которой должна осуществиться полная аккультурация и ассимиляция инородцев с полной утратой ими своих культурных и самобытных черт, включая и отказ от собственного языка. Однако принципиальная возможность такой перспективы в отношении всех инородческих сообществ Российской империи ученым ставилась под большое сомнение.

Способность государства к аккультурации и ассимиляции инородческого населения напрямую связывалась ученым с культуртрегерским потенциалом титульной нации, анализу которого было посвящено специальное исследование [8]. Задаваясь вопросом о наличии и степени ассимиляционных способностей русского народа, Харузин провел детальный анализ характера его взаимодействия с различными группами инородцев, находившимися на разных уровнях социально-экономического и культурного развития.

Отмечая многочисленные примеры обрусения многих народностей, от которых остались только топографические обозначения и «смутные воспоминания в умах людей», ученый, тем не менее, указывал, что при неблагоприятных внешних обстоятельствах, а также при столкновении с сообществом, находящемся на более высоком уровне развития русские не только не проявляют высоких ассимиляционных способностей, но и сами демонстрируют неустойчивость в отношении альтернативных ассимиляционных воздействий [8, с. 3–4]. Указывая на случаи утраты русским населением, оказавшимся в инородном окружении, своих национальных особенностей, вплоть до отказа от родного языка и заимствования местных верований, ученый приходил к выводу об отсутствии у русского народа особых ассимиляционных способно-

стей. Он подчеркивал, что можно говорить лишь о его ассимиляционной деятельности, интенсивность и эффективность которой зависит от множества внешних факторов и условий [8, с. 35]. Ассимиляторские способности русских проявлялись только при их взаимодействии с народами, находящимися на более низком уровне социально-экономического и культурного развития, а также в условиях большой численности русского населения. При столкновении с инородческими сообществами, условия жизни которых принципиально отличались от привычных русским (например, кочевников), а также с носителями «строго организованной» религии, такой как католицизм или ислам, данные способности фактически сходили на нет. Вследствие этого, «естественная» этническая гомогенизация значительной части имперского пространства без государственного вмешательства представлялась ученому невозможной.

Отмечая невысокий уровень ассимиляционных способностей русского народа, Харузин указывал на наиболее эффективные средства ассимиляции, имевшиеся в арсенале имперских властей. Наиболее сильным из них он считал школу, способствовавшую не только распространению русского языка, принятие которого, по мнению ученого, являлось одним из наиболее рельефных признаков ассимиляции народа, но и общему культурному влиянию русского народа на инородческое население империи [8, с. 4].

Помимо этого, значимым рычагом ассимиляции инородцев ученый-этнограф считал развитие внутренней инфраструктуры – речных и сухопутных торговых путей, дорог, рынков, которые, являясь своеобразным местом встречи и пересечения различных народностей, могли способствовать вовлечению их в общегосударственные экономические процессы, выгода от которых была лучшим интеграционным средством [8, с. 23].

Отмечая роль религии как важного фактора во взаимодействии различных народов, Харузин, в то же время, не был склонен преувеличивать ее ассимиляционный потенциал. По его мнению, она могла оказать определенное ассимилирующее воздействие только на племена, находящиеся на «низких ступенях духовного развития», придерживавшиеся языческих верований, либо усвоившие «строго организованную» религию лишь поверхностно. В иных случаях миссионерская деятельность православного духовенства, сколь бы интенсивной и хорошо организованной она ни была, значимых результатов дать не может [8, с. 25].

Таким образом, русские ученые-этнографы были не склонны преувеличивать ассимиляторские способности русского народа, указывая на необходимость последовательной государственной поддержки колонизационно-ассимилятивных процессов, происходивших на окраинах Российской империи. Повышение ассимиляционного потенциала русского народа ставилось в прямую зависимость от его социально-экономического, культурного и нравственного развития, что должно было стать важнейшей целью модернизационных процессов в России на заре нового, XX столетия.

Список литературы

1. Миллер А.И. Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 248 с.
2. Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли: словарь понятий / под общ. ред. А.Т. Урушадзе. Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2020. 192 с.

3. Градовский А.Д. Собрание сочинений. Т. 6. Статьи и публичные лекции о национальном вопросе. Славянский вопрос и война 1877 года. Польский вопрос. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1901. 635 с.
4. Нарезный А.И., Урушадзе А.Т. Оценка ассимиляционного потенциала русского народа в отечественной общественной мысли XIX в. // Былые годы. 2021. № 16 (1). С. 231–243.
5. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб.: Алетейя, 1998. 305 с.
6. Малинова О.Ю. Либерализм и концепт нации // Полис. 2003. № 2. С. 96–111.
7. Смирнов И.Н. Обрусение инородцев и задачи обрусительной политики // Исторический вестник. 1892. Т. 47, № 3. С. 752–765.
8. Харузин Н.Н. К вопросу об ассимиляционной способности Русского народа. М.: Т-во скоропеч. А.А. Левенсон, 1894. 36 с.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ НА ТЕРРИТОРИЮ ЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ (1917–1920-е гг.)

Шекшеев Александр Петрович,

Хакасская республиканская ассоциация жертв политических репрессий,

Абакан, Россия

turan47@yandex. ru

Данное сообщение посвящено рассмотрению переселения крестьян из европейских районов страны в Енисейскую губернию, затем в енисейские округа Сибирского края, осуществляемого в 1917–1920-е гг. Исследователь показал, что оно было обусловлено малоземельем, голодом крестьян в районах их «выхода», наконец, начавшейся коллективизацией и чаще всего носило характер стихийного явления. Вселение переселенцев напрягало местное крестьянство и власти. Автор соглашается с утверждениями историков о высокой значимости переселения в обогащении производительных сил и культуры региона. В то же время он выдвигает проблему соучастия переселенцев в советском преобразовании деревни.

Ключевые слова: деревня, Енисейская Сибирь, земля, крестьяне, переселение, советская власть, старожилы

PEASANT RESETTLEMENT TO THE TERRITORY OF YENISEI SIBERIA (1917–1920s)

Sheksheev Alexander Petrovich,

Khakass Republican Association of Victims of Political Repressions, Abakan, Russia

turan47@yandex. ru

This report is devoted to the consideration of the resettlement of peasants from the European regions of the country to the Yenisei province, then to the Yenisei districts of the Siberian Territory, carried out in the 1917–1920s. The researcher showed that it was caused by low land, the famine of peasants in the areas of their "exit", finally, the beginning of collectivization and most often had the character of a natural phenomenon. The resettlement of immigrants strained the local peasantry and the authorities. The author agrees with the statements of historians about the high importance of resettlement in enriching the productive forces and culture of the region. At the same time, he raises the problem of the complicity of immigrants in the Soviet transformation of the village.

Keywords: village, Yenisei Siberia, land, peasants, resettlement, Soviet power, old-timers

Крестьянское переселение в Сибирь активно освещалось современниками и поколениями историков, которые рассматривали миграции в дореволюционное и советское время как разные, практически не связанные между собой деяния, которым была чужда преемственность. Сложившаяся традиция и классовая обусловленность происходивших событий сказались на степени изученности миграционных процессов. Первая в советские годы попытка заселения Сибири и, в частности Приенисейского края, осуществленная в 1920-е гг., длительное время освещалась гораздо меньше или в основном в публикациях более широкого назначения и получила специальное исследование лишь в трудах Н. И. Платунова [1] и М. Д. Северьянова [2]. Миграции этого периода начали усиленно

изучаться историками в публикациях XXI столетия. Но большинство из них рассказывало о государственных инициативах и миграциях в территориальных границах всей страны или об осуществлении их в местах крестьянского «выхода» и совсем незначительно освещало судьбу крестьян-переселенцев. Так, вселение и участие их в событиях политического характера, к примеру, на территории Енисейской Сибири рассматривались только на страницах обобщающих трудов по истории революции, гражданской войны, земельных отношений и немногих статей [3, 4–8].

Предлагаемое к освещению переселение крестьян происходило в канун и во время особых свершений, изменивших лицо страны. По мнению историков, заселение ими способствовало консолидации сибирской бедноты и активизации ее социальных притязаний [9, с. 92]. Поэтому выявление роли крестьян-переселенцев в социально-политической жизни енисейской деревни, основанное на известных и новых фактах, извлеченных из архивных документов, приобретает важное научное значение.

В 1893–1917 гг. на территорию Енисейской губернии вселились 410, в т. ч. в 1906–1914 – 248 тыс. крестьян, или десятая часть сибирских переселенцев [10, с. 151; 11, с. 151]. Переселенческая деревня не была сплошь бедняцкой. Однако среди переселенцев оказался значительный процент людей, потерпевших «хозяйственную неудачу». В отличие от старожила, который, вернувшись с германского фронта, как правило, утрачивал большевистскую окраску, переселенец не проявлял интереса к хозяйствованию, проникался злобой и ненавистью к властям и горожанам, соседям-старожилам и казакам [12, с. 25]. Вскоре такие лица стали преобладающим населением региона. В отличие от Сибири в целом, где на долю переселенцев приходилось 34, в Енисейской губернии удельный вес их составлял 57,3 % всего сельского населения [13, с. 4; 14, с. 124–125].

Февральскую революцию 1917 г. крестьянство губернии встретило по-разному. Но переселенцы стремились к немедленному решению земельного вопроса. Хотя состоявшийся 20–29 июня 1917 г. губернский крестьянский съезд проголосовал за предложенную эсерами социализацию земли [15, с. 159–164], крестьяне Канского и некоторых волостей Красноярского уездов осенью того же года поддержали победившую в Петрограде советскую власть и приняли участие в формировании ее местных органов.

Принятый 27 января 1918 г. ВЦИК закон «О социализации земли» не предусматривал появления новоселов в Сибири. Но волна стихийного переселения к июню того же года доставила на берега Енисея 35 тыс. крестьян. В Канском уезде запретительные действия властей не действовали, попытки расселить переселенцев на выделенных участках не увенчались успехом. На захваченной земле образовались 24 самовольных поселка, еще 13 – возникли в частных владениях северной части уезда [16, л. 76]. Обживая подтаежные и труднодоступные в зимнее время местности, переселенцы были наиболее открытыми «для восприятия идей коммунизма и всякого антиправительственного движения» [17, 5 декабря]. «На сходе у бывших полтавчан, – наблюдал очевидец, – царила «мания величия и собственной важности»: один из них, вдруг, заявил, что, если поселенец (В. И. Ленин) в России стал царем, то почему бы и ему не быть министром?... Все они ... являлись большевиками или ожидали вновь «большевистского правительства». Обобщая увиденное, он писал: «До революции все жили как люди, свободы разложили деревню, в особенности новоселов. Взаимная вражда, ненависть, самогонка, огрубение – общее явление, теперь одни другому хуже зверя» [18, 12 января].

Воцарившаяся в июне 1918 г. антибольшевистская власть была настолько слабой, что ее налоговая, мобилизационная и пр. политика провоцировала крестьянские бунты. Общим фактором, характерным для большинства территорий, охваченных

красным партизанским движением, являлось наличие множества переселенцев [19, с. 207]. В дальнейшем в селениях с преобладанием переселенческого населения наблюдалось доброжелательное отношение к распоряжениям восстановленной советской власти [20, л. 16].

Вследствие разрухи и запустения хозяйства в центральных губерниях России переселение было запрещено. Но уже в 1920 г. в Енисейскую губернию вселились 2,5 тыс. новоселов, а затем возникло массовое бегство крестьян из охваченных голодом районов страны. Для организации помощи голодающим 16 июля 1921 г. при Сибревкоме был создан Сибирский комитет, а затем образовались губернская, уездные и волостные комиссии. Несмотря на то, что пригодными к заселению признавались лишь 62,8 % земфонда губернии, к февралю 1922 г. в губернию прибыли 24,5 тыс. переселенцев. Прибывшие поражали сибиряков своей нищетой, отсутствием не только инвентаря и рабочих рук в хозяйстве, но и «жизненной энергии». Вселившиеся в селения Анциферовской волости Енисейского уезда 4 тыс. голодных людей поели своих лошадей, из-за случившегося недорода не получили семена для сева и были вынуждены пуститься за подаяниями. Множество переселенцев, «обреченных на голодную смерть», устремилось в Минусинский уезд [21, л. 90, 171; 22, л. 29; 23, л. 41, 51, 61].

Поддерживая вселение новоселов в подтаежные местности, Совнарком декретом от 20 июля 1922 г. освободил данную категорию лиц, ведущих раскорчевку леса, на несколько лет от уплаты налога, а местные власти понизили для них его разряды [24, 7 января]. Вероятно, за год, к осени того же года губернией были приняты 26,8 тыс. переселенцев и 3,1 – детей [25, с. 15]. Получив земельные наделы, переселенцы начинали перекочевывать из волости в волость, из северных и таежных местностей в более плодородные южные степи. Осенью 1922 г. на территории Минусинского уезда скопилось до 30 тыс. лиц, которые не были устроены на земле [26, л. 31]. Местные власти были вынуждены провести земельную регистрацию и наделить землей крестьян. Одновременно переселенцы захватили в Ачинском уезде – 30, Минусинском – 18,5 и Хакасском – 4,5 тыс. десятин земли [27, л. 65].

Между тем некоторые переселенцы, не сумев приспособиться к условиям существования и устроиться на новом месте, начали, как и в дореволюционное время, возвращаться в Европейскую Россию. В результате на 27 марта 1924 г. в губернии оставались лишь 2 тыс. беженцев, прибывших из Казанской и Чувашской областей и просивших денежные пособия для отъезда [28, л. 26].

Но в условиях новой экономической политики (нэпа) государство вновь обратилось к плановому переселению. Оно было обусловлено необходимостью подъема экономики страны и улучшения хозяйственного положения крестьян. Декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 6 июля 1925 г. было разрешено плановое переселение в Сибирь. Согласно мартовской 1925 г. директиве Наркомзема, 10 тыс. переселенцев должны были вселиться на Енисее. К маю здесь появились ходоки от 7,1 тыс. лиц, желавших переселиться. Однако из-за острого малоземелья и удручающей бедности неожиданно для властей, наряду с плановым, большие масштабы обрело самовольное вселение. К июню переселенческое движение усилилось так, что Енисейское губернское земельное управление начало телеграфировать в вышестоящие земельные и соответствующие советские органы об отсутствии свободных земель. Лишь в августе поток прибывающих сократился [29, л. 161, 402–403; 30, л. 145; 31, л. 196].

Большинство переселенцев вселялось на земли старожилов, что вызвало недовольство всех участников этого процесса. С прибытием их укрупнялись общины, что противоречило задачам земельной политики. Новые общинники были вынуждены подчиняться порядкам и обычаям, сложившимся в старожильческом земледелии. Во многих местностях они остались недовольными распределением земель. Случалось,

расселенные у тайги переселенцы обкладывались налогами наравне со старожилами, оплачивали землеустроительные работы, но оставались без земли. Другие же – содержали местные советы. К апрелю 1926 г. в Минусинском округе вновь существовали 16 тыс. чел. не приписного населения, а 9 тыс. – были размещены на неплодородных землях [32, л. 120].

Затягивание властями устройства переселенцев провоцировало их на самостоятельное решение этого вопроса и порождало конфликтные ситуации. К примеру, переселенцы-латыши, вселившиеся в села Манского района, захватывали земли и налаживали хуторское хозяйствование [33, л. 26]. Конфликтовали переселенцы и старожилы не только при дележе, например, сенокосных угодий. В д. Вознесенка Ачинского уезда русская по национальности молодежь преследовала чувашей, а в д. Мыслинка – случилось «побоище» между русским и татарским населением [34, л. 358].

Вместе с тем с середины 1920-х гг., когда был объявлен переход к индустриализации, материальная помощь государства сельскому хозяйству стала уменьшаться. Переселенческая политика приняла противоречивый характер. С одной стороны, государство принимало меры к поддержке переселения. Переселенческим отделом Сибири участники самовольного движения стали наделяться землей и льготами на обустройство домами. С другой, – переселение на местах не поощрялось. В феврале-марте 1927 г. ряд местностей Енисейской Сибири были вновь закрыты для переселения.

Но вскоре началось бегство «русских» крестьян от объявленной властями коллективизации, которое, расширив масштабы внепланового движения, увеличило численность населения в местах вселения. К примеру, за три года (на 10 ноября 1927 г.) в Ачинском округе она по этой причине выросла на 9,4, а в Канском – в 1927–1928 гг. на 11 тыс. душ [34, л. 312; 35, л. 22]. Затем переселение, охваченное якобы «кризисом», оказалось несовместимым с «социалистической реконструкцией» народного хозяйства и перестало оплачиваться государством.

Значение крестьянского переселения, в результате которого сельское население Енисейской Сибири к 1930-м гг. против 1917 г. выросло на 65,6 % [3, с. 25], заключалось в смягчении аграрной перенаселенности в некоторых районах страны и вовлечении в хозяйствование природных ресурсов региона. Вместе с тем оно пополняло бедноту и размывало этнический состав местного населения. Общение представителей разных народов, переплетение их экономических интересов способствовали взаимному культурному обогащению. Но зачастую «национальная грань» между ними «не стиралась». Переселенцы нередко относились к политике с равнодушием. Став коммунистами, они объясняли проверяющим, что «если нам проводить в жизнь все директивы партии, то ... некогда будет работать в своем хозяйстве» [36, л. 47]. Между тем среди переселенцев находились лица с обостренными национальными и социальными ожиданиями, которые устраивали советскую власть, проводившую политику раскола деревни на бедноту и кулаков. Следовательно, крестьянское переселение способствовало не только освоению Сибири, но и воцарению и укреплению советской власти, а затем и преобразованию ее на путях к сплошной коллективизации.

Список литературы

1. Платунов Н.И. Переселенческая политика Советского государства и ее осуществление в СССР (1917 – июнь 1941 гг.). Томск: ТГУ, 1976. 283 с.
2. Северьянов М.Д. Партийное руководство переселением крестьян в Восточную Сибирь (1925-1941 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1979. 185 с.
3. Шекшеев А.П. Гражданская смута на Енисее: победители и побежденные. Абакан: Хак. кн. изд-во, 2006. 592 с.

4. Северьянов М.Д. Сибирская доколхозная деревня: землепользование, землеустройство и переселение (1861–1930). Кызыл: ТывГУ, 2010. 246 с.
5. 1917. Гроза над Енисеем: Русская революция в Енисейской губернии. Красноярск: Поликор, 2017. 448 с.
6. Шекшеев А.П. «Пришлые люди» в социально-политической жизни Азиатской России «смутного времени» (на примере енисейской деревни) // Вопросы истории Сибири. Вып. 12. Омск: ОмГПУ, 2015. С. 208–220.
7. Шекшеев А.П. Ссылные и переселенцы в Енисейской губернии: заселение, адаптация и влияние на политические процессы смутного времени // Мартъяновские краеведческие чтения. Минусинск, 2017. С. 198–207.
8. Анисимова Л.Ю., Северьянов М.Д. Земельные отношения в российской деревне: история и современность. Красноярск: СФУ, 2020. 344 с.
9. Кузнецов И.С. Социальная психология сибирского крестьянства в 1920-е годы: учеб. пособие. Новосибирск: НГУ, 1992. 94 с.
10. Эйхе Г.Х. Опрокинутый тыл. М.: Воен. изд-во, 1966. 384 с.
11. Ильиных В.А. Столыпинская программа аграрного освоения Сибири // Экономическое развитие Сибири. Красноярск: Резонанс, 2016. С. 148–151.
12. Эльцин В. Крестьянское движение в Сибири в период Колчака // Пролетарская революция. 1926. № 2 (49). С. 5–48.
13. Земельный вопрос в Сибири. М.: Гос. изд-во, 1919. 38 с.
14. Списки населенных пунктов Енисейской губернии и Урянхайского края. Ч. 1. Красноярск, 1921. 174 с.
15. Шекшеев А.П. Крестьянские съезды Енисейской губернии весной – летом 1917 г. // Проблемы развития АПК Саяно-Алтая. Абакан: Март, 2015. С. 159–164.
16. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 323.
17. Свободная Сибирь (Красноярск). 1918.
18. Свободная Сибирь. 1919.
19. Новиков П.А. Гражданская война в Восточной Сибири. М.: Центрполиграф, 2005. 414 с.
20. ГАО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 32.
21. ГАО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 879.
22. Муниципальное казенное учреждение «Архив г. Минусинска» (МКУ «АГМ»). Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 5.
23. Государственный архив Красноярского края (ГАО). Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 226.
24. Власть труда (Минусинск). 1923.
25. Очерки истории Красноярской партийной организации. Т. 2. Героическая борьба за построение социализма и постепенный переход к коммунизму (с 1921 по 1969 годы). Красноярск: Кн. изд-во, 1970. 390 с.
26. МКУ «АГМ». Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 162.
27. ГАО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 251.
28. ГАО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1272.
29. ГАО. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 527.
30. ГАО. Ф. Р-49. Оп. 2 с. Д. 143.
31. ГАО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 859.
32. МКУ «АГМ». Ф. Р-115. Оп. 1. Д. 28.
33. ГАО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1206.
34. ГАО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 2113.
35. ГАО. Ф. П-2. Оп. 5 а. Д. 41.
36. ГАО. Ф. П-60. Оп. 1. Д. 544.

**СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ УЧРЕЖДЕНИЙ ДЛЯ ОКАЗАНИЯ
МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ КРЕСТЬЯНАМ-ПЕРЕСЕЛЕНЦАМ
В ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

*Шаламов Владимир Александрович,
Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия
Wladimir13x@ya.ru*

В публикации рассматривается процесс становления и развития специализированных служб, оказывающих медицинскую помощь крестьянам-переселенцам в Енисейской губернии в 1906–1917 гг. Особое внимание отведено системе управления переселенческой медициной и ее реформированию. Изучен опыт организации медпомощи переселенцам в пути. Основная часть текста посвящена медицинским учреждениям на местах водворения.

Ключевые слова: история здравоохранения, история медицины, медицинская помощь переселенцам, столыпинская аграрная реформа, переселенческая медицина

**ESTABLISHMENT AND DEVELOPMENT OF INSTITUTIONS FOR PROVIDING
MEDICAL CARE TO DISPLACED PEASANTS IN THE YENISEI PROVINCE
AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY**

*Shalamov Vladimir Aleksandrovich,
Baikal State University, Irkutsk, Russia
Wladimir13x@ya.ru*

The publication examines the process of formation and development of specialized services providing medical care to displaced peasants in the Yenisei province in 1906–1917. Special attention is paid to the management system of resettlement medicine and its reform. The experience of organizing medical care for migrants on the way has been studied. The main part of the text is devoted to medical institutions at the places of residence.

Keywords: the history of healthcare, the history of medicine, medical assistance to immigrants, Stolypin agrarian reform, resettlement medicine

Научных изданий, в которых авторы специально занимаются изучением медицинской составляющей реформы П.А. Столыпина, к сожалению, немного. На сегодняшний день есть в наличии несколько обзорных публикаций, в которых рассматривается медицинское обеспечение процесса переселения в макромасштабе. К примеру, перу Д.Н. Беянина принадлежит статья, в которой он подробно описал медицинскую помощь крестьянам-переселенцам во время пути в Сибирь в 1906–1914 гг. Военный период остался за пределами его исследовательских интересов [1]. В публикации И.В. Егорышевой и С.Г. Гончаровой уделено внимание не только медпомощи переселенцам в пути, но и на местах их водворения за Уралом. И в этой публикации военный период остался за бортом [2]. В рамках кандидатской диссертации О.М. Бобылевой, посвященной крестьянскому переселению в Восточную Сибирь, была предпринята попытка изучить медицинскую составляющую проблемы вплоть до 1916 г. При прочих положительных сторонах работы стоит отметить ее описательный характер, от-

сутствие статистики и слабый анализ кадрового состава [3]. Крупной обобщающей работы по данной теме обнаружено не было. Размеры данной публикации не позволяют раскрыть всю тему, поэтому рассмотрим, каким образом управлялась медицинская часть и что представляла собой сеть медицинских учреждений для переселенцев.

В связи со строительством Транссиба Комитету по постройке Сибирской магистрали была поручена забота о переселенцах. Эту работу выполняло два заведующих переселенческим делом – один на восток от Челябинска, другой – на запад. В частности, в 1893 г. в Томской губернии было открыто четыре первых переселенческих пункта, в том числе в Боготоле [4, с. 141]. В последующем были учреждены врачебно-продовольственные переселенческие пункты в Ачинске, Красноярске, Канске и чуть позже на Ольгинской станции [5, с. 236–237]. Как заведующие переселением, так и заведующие переселенческими пунктами были обычными чиновниками. Для них медицина была второстепенным делом. На пункт приглашался по вольному найму врач или фельдшер, которые не могли существенно изменить порядки бюрократического мира. Они оказывали только амбулаторную помощь больным переселенцам. После постройки железной дороги сложившаяся практика закрепилась. Учреждение при МВД Переселенческого управления в 1896 г. мало, что изменило. В пути медпомощь оказывала ведомство путей сообщения, а на местах сельско-врачебная часть.

В Сибири, несмотря на острую потребность, так и не было создано земство, а ведь именно эта организация значительно продвинула медицинскую помощь в деревне европейской части страны. Когда началось массовое переселение крестьян, одним из сдерживающих факторов стало отсутствие серьезной постановки медицинской помощи в азиатских регионах страны. Сельско-врачебная часть представляла собой инертную редкую сеть государственных медицинских учреждений, расположенных в наиболее густонаселенных пунктах. В этом случае переселенцы оказывались лишенными доступа к медпомощи. Вместо того чтобы расширить существующую сеть медпунктов или учредить земство, имперская власть пошла по пути создания специальной медицинской службы. В 1906 г., когда собственно и стартовала реформа П.А. Столыпина, Переселенческое управление было передано из МВД в Главное управление земледелия и землеустройства. Именно Переселенческое управление и должно было ведать всеми делами врачебно-санитарной помощи крестьянам-переселенцам в пути следования и на местах водворения. В том же 1906 г. было образовано два района передвижения переселенцев. В качестве границы между ними был избран Иркутск [2, с. 58].

По данным доктора В.И. Забалуева в пределах Енисейской губернии действовало до 1909 г. 4 врачебно-продовольственных пункта, в каждом из которых прием вели врач и 2–3 фельдшера. В 1910 г. таких пунктов стало 10 [6, с. 92]. Однако после того как в 1910 г. изменили границы передвижения переселенцев, вся Восточная Сибирь была передана в подчинение заведующему Восточным районом передвижения. Накопленный опыт подсказывал, что медпомощь в пути и медпомощь на местах требуют разной организации, что и произошло на деле. Кроме обычных переселенческих пунктов, в которых прием вели врачи в Ачинске, Енисейске и Канске на 1913 г. действовали обсервационные пункты, задача которых состояла в санитарной обработке и фильтрации потоков переселенцев. Их возглавляли студенты-медики Томского университета [7, л. 59 об.]. Первая мировая война внесла свои коррективы. Стало остро не хватать медицинских кадров. Сократился переселенческий поток. В 1915–1917 гг. на территории губернии значилось уже три врачебных (Ачинск, Красноярск, Канск) и

2 наблюдательных пункта (Красноярск, Канск). Вдали от железной дороги медпомощь уже лежала на плечах Переселенческого управления [8, л. 1–2].

В 1911 г. в Енисейском переселенческом районе числилось 7 врачебных пунктов (во всех уездах кроме Енисейского) и 18 фельдшерских пунктов (3 в Ачинском, 3 в Енисейском, 2 в Красноярском и по 5 в Канском и Минусинском уездах) [9, с. 90–91]. К сожалению, мы не обладаем информацией о мощности стационаров. В этот начальный период переселенческая медицина только становилась на крыло и поэтому значительная часть учреждений вынуждена была занимать арендованные у крестьян избы или размещаться в только что отстроенных помещениях.

Отметим, что строительство шло ускоренными темпами, поскольку численность новоселов стремительно росла. Даже на фоне начала Первой мировой войны цифры выглядят впечатляюще. Вся сеть медицинских учреждений насчитывала 488 коек. В наличии было 18 врачебных стационаров на 365 мест и 32 фельдшерских стационаров на 123 места. Врачебные стационары были от 10 до 40 коек, а фельдшерские – от 2 до 6. Правда, фельдшерские пункты в Ингашетском и Романовском селениях были запланированы, но из-за войны так и не были открыты, а Кемчугский фельдшерский пункт стоял без персонала, призванного на войну. Пункты были неплохо оборудованы и обеспечены с материальной точки зрения. Однако не хватало современного оборудования. К примеру, не имелось рентгенаппарата. Для сравнения, вся сельско-врачебная часть губернии насчитывала всего 288 коек. Самый крупный врачебный пункт имел в своем составе лечебницу на 15 коек, а фельдшерский – на 2 койки [10, л. 22, 43]. Таким образом, переселенческое ведомство имело медицинскую сеть для сельского населения на треть больше чем сеть медицинского департамента.

Первая мировая война внесла свои коррективы. Массовый призыв медработников в армию привел к ограничению роста медицинских пунктов. Более того, переселенческие врачи вынуждены были брать на себя обязанности ушедших товарищей, как по переселенческому ведомству, так и по сельско-врачебной части. Так, в августе 1914 г. заведование 4 врачебным участком Красноярского уезда было возложено на врача Больше-Муртинского переселенческого пункта В.Е. Лавровского, 1 участком Канского уезда – на врача Ольгинского переселенческого пункта Е.Н. Уварову, 2 и 5 участками Канского уезда – на врача Тальского переселенческого пункта А. Успенского, 5 участком Минусинского уезда – на врача Колеватовского переселенческого пункта М.В. Книжникова [11, л. 185]. Естественно, что это приводило к сильным перегрузкам. Врач не мог обслуживать большой район и население оказывалось без квалифицированной медпомощи.

Со временем персонал подбирался, но новые наборы в армию обескровливали переселенческую медицину и не только. В конце 1915 г. врачебный инспектор В.А. Боровка писал енисейскому губернатору, что в переселенческой организации из 19 врачебных вакансий замещено только 10, а из 105 фельдшерских – 75. Разгул эпидемий заставил врачебного инспектора обратиться к губернатору с призывом, напоминающим действия чекатифов времен гражданской войны, когда к обузданию эпидемического вала привлекались все медработники всех учреждений и ведомств [12, л. 9].

К февралю 1916 г. осталось только 11 врачебных пунктов, да и то в одном не было врача – прием вел средний медицинский персонал. Еще в одном месте призванного врача замещал студент-медик. Число учреждений сократилось на треть, а качественная сторона и того больше. Фельдшерских пунктов наоборот стало больше. На бумаге числилось 37, но напротив некоторых было написано «фельдшер призван в войска», а у других – «закрыт по обстоятельствам военного времени». Таких учреждений было 10. Примерно у такого же количества пунктов вместо полагающихся

фельдшеров работали акушерки, повивальные бабки, зубные врачи или даже сестры милосердия [13, л. 4–7]. Таким образом, и сеть фельдшерских переселенческих пунктов серьезно просела и в количественном и в качественном разрезе.

После Февральской революции Переселенческое управление получило свободу действий. Однако при существовавшем тогда дефиците кадров ничего не смогло сделать. Ситуация продолжала ухудшаться. Управление пыталось заморозить число учреждений, но часть из них стояло под замком в ожидании приезда медработника. Так, накануне ликвидации Переселенческого управления в январе 1918 г. число врачебных пунктов было 16. При этом в них было 12 вакантных врачебных должностей. Пункты функционировали за счет работы фельдшеров и акушеров. В сельской местности господствовал фельдшеризм. Из 34 фельдшерских пунктов 14 числились только на бумаге [14, л. 3–6]. В последующем все медицинские учреждения Переселенческого управления были переданы согласно распоряжению Центросибиря в ведение местных совдепов.

Организация медицинских пунктов для переселенцев началась еще в конце XIX в. Однако активный рост их числа пришелся на период реформы П.А. Столыпина. Максимум медицинская служба Переселенческого управления достигла в 1914 г., когда функционировало до полутысячи коек при 18 врачебных и 32 фельдшерских стационарах. Первая мировая война остановила рост числа учреждений. Власти пытались сохранять медицинские пункты, но до трети из них стояли под замком из-за отсутствия медперсонала, призванного на войну. Приход советской власти прервал процесс развития переселенческой медицины.

Список литературы

1. Белянин Д.Н. Медицинская помощь переселенцам во время следования в Сибирь в 1906–1914 годах // Научный диалог. 2020. № 11. С. 315–334.
2. Егрышева И.В., Гончарова С.Г. Медицинское обеспечение переселения крестьян в Сибирь в ходе столыпинской реформы // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2013. № 3 (51). С. 58–60.
3. Бобылева О.М. Деятельность переселенческих организаций Восточной Сибири в 1906–1916 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2000. 232 с.
4. Труды I съезда врачей Томской губернии (9–14 сент. 1917) / под ред. П.И. Чистякова. Вып. 1. Томск: Печатня С.П. Яковлева, 1917. 269 с.
5. Белянин Д.Н. Деятельность переселенческих пунктов и врачебно-продовольственная помощь переселенцам в Сибирь в 1861–1905 годах // Научный диалог. 2019. № 12. С. 230–247.
6. Забалуев В.И. Краткий обзор переселенческой медицины за трехлетие 1908–1910 гг. // Сибирская врачебная газета. 1910. № 8. С. 92–94.
7. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 175. Оп. 1. Д. 206.
8. ГАИО. Ф. 122. Оп. 2. Д. 19.
9. Памятная книжка Енисейской губернии на 1911 год. Красноярск: Енис. губ. тип., 1911. 445 с.
10. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 595. Оп. 23. Д. 228.
11. ГАКК. Ф. 595. Оп. 22. Д. 1225.
12. ГАКК. Ф. 595. Оп. 25. Д. 218.
13. ГАКК. Ф. 595. Оп. 25. Д. 431.
14. ГАКК. Ф. 595. Оп. 23. Д. 237.

ОБОЗРЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИРКУТСКОГО ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОГО РАЙОНА ЗА 1925 ГОД (ПО МАТЕРИАЛАМ ЦЕНТРА ДОКУМЕНТАЦИИ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ)

*Шаламова Светлана Александровна, кандидат исторических наук, доцент,
Байкальский государственный университет. Иркутск, Россия
Swetlana15x@ya.ru*

В статье рассматривается деятельность Иркутского переселенческого района в период с 1 ноября 1924 по 1 ноября 1925 г. Раскрываются основные проблемы и ключевые вопросы переселенческой политики района, приводятся статистические данные по количеству свободной земли, числу прибывших едоков и т. д., подводятся итоги работы Иркутского переселенческого района за указанный период.

Ключевые слова: Иркутский переселенческий район, едоки, старожилы, земельный фонд

REVIEW OF THE ACTIVITIES OF THE IRKUTSK RESETTLEMENT DISTRICT IN 1925 (BASED ON THE MATERIALS OF THE CENTER FOR DOCUMENTATION OF THE MODERN HISTORY OF THE IRKUTSK REGION)

*Shalamova Svetlana Alexandrovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Baikal State University. Irkutsk, Russia
Swetlana15x@ya.ru*

The article examines the activities of the Irkutsk resettlement district in the period from November 1, 1924 to November 1, 1925. The main problems and key issues of the resettlement policy of the district are revealed, statistical data on the amount of free land, the number of arrived consumers, etc. are provided, the results of the work of the Irkutsk resettlement district for the specified period are summarized.

Keywords: Irkutsk resettlement area, eaters, old-timers, land fund

История переселения освещалась авторами достаточно широко, как в советский, так и постсоветский период. Эта проблема приобрела новое звучание и в наши дни. Проблемам переселения крестьян в Восточную Сибирь из других (преимущественно – центральных) регионов Советского Союза в 1920-е – 1930-е гг., государственной политике в отношении зажиточного крестьянства в конце 20-х – начале 30-х гг. в Восточной Сибири (на материалах Иркутской области и Красноярского края) посвящены работы Л.С. Корякиной [1, 2].

Хозяйственное освоение Сибири на протяжении всей ее российской истории было тесно связано с колонизацией, переселением. По мнению Л.С. Корякиной, «с точки зрения экономического развития Сибири, плановые и добровольные переселения сыграли значительную роль, в частности, пополнив ресурсный (трудовой) потенциал региона, как в сельском хозяйстве, так и в промышленности. В докладе о плане работ Иркутской колонизационно-переселенческой партии на 1926/27 г. отмечалось: «Если в Европейской части нашего Союза на экономику давит избыточное, не нахо-

дящее применения своему труду население, то развитие производительных сил Сибири, в частности бывшей Иркутской губернии, тормозится недостатком населения» [3, д. 2577, л. 2].

Так же «не меньшее значение имела и цель укрепления границ СССР с сопредельными государствами в районе Сибири и Дальнего Востока в связи с напряженностью внешнеполитических отношений Японии с Маньчжурией и Монголией, что соответственно угрожало и интересам СССР» [3]. Без достаточной численности населения, освоенности территории укрепление пограничных районов было невозможным. Необходимость взять миграционные потоки под контроль со стороны советского руководства проявилась уже с начала 1920-х гг. Так, в 1921 г. было произведено переселение в Сибирь из-за неурожая в европейской части России, в частности, в Иркутскую губернию. Для этого на территории последней было определено шесть пунктов вселения: Нижнеудинск, Тулун, Зима, Черемхово, Иркутск и Мысовск [4, д. 402, л. 104].

Вопросы землеустройства Иркутской губернии в 1920-е гг., проблемы переселения крестьянских хозяйств из Горьковского края в Усольский район Восточно-Сибирского края в 1935 г., реализацию земельной политики и землеустройства в крае в 1920-е – 1930-е гг. рассматривала Цубикова Л.В. [5–7]. Организации переселения и землеустройства в Иркутской губернии в 1904-1920-е гг. была посвящена работа Шободоева Е.Б. [8, с. 179–203]. Вопросы развития системы сельскохозяйственного землепользования с середины XVII в. по настоящее время в пределах современных границ Иркутской области изучались Е.Л. Макаренко [9, с. 17–33].

Следует отметить, что авторы рассматривали разные аспекты переселенческой политики советского государства в Восточной Сибири в 1920-е гг. – 1930-е гг., однако проблемы Иркутского переселенческого района за 1924–1925 гг. по документам Иркутского уездного комитета РКП (б) освещались недостаточно и требуют дополнительного изучения. Поэтому задача автора настоящей публикации заключается в том, чтобы изучить отчетные документы Иркутского уездного земельного управления за 1924–1925 гг. и сделать соответствующие выводы о работе Иркутского переселенческого района.

В архивном фонде Иркутского Уездного комитета РКП (б) имеется отчетный документ, а точнее объяснительная записка по Иркутскому переселенческому району к годовому отчету за период с 01.10.1924 – 01.10.1925 г. заведующего уездным земельным управлением Шебашева (так в тексте документа), в которой содержится интересная информация о работе района в первые годы его существования, раскрываются его проблемы и намечаются перспективы.

В документе сообщается, что «Иркутский переселенческий район к концу 1925 г. насчитывает 122 переселенческих участка, площадью 144 695, 95 дес. (десятин) на 21 695 едоков, что фактически означает, что на одного едока приходилось 6,6 дес. земли. Указано, что свободный фонд к отчетному периоду состоит из 119 302, 41 дес. удобных земель на 17 970 едоков из данного фонда, готового к немедленному заселению – 91 408, 74 дес. удобных земель на 13 960 едоков, который разделяется на фонды: лесной фонд – 63 188,41 дес. на 9 268 едоков и лесостепной 28 220,33 дес. на 4692 едока и фонда, требующего предварительной подготовки, исключительно лесного общей площадью до 27 893, 67 дес. на 4010 едоков [10, д. 236, л. 62–63].

В документе сказано, что кроме этих участков в 1925 г. ожидается увеличение фонда за счет присоединения участков Байкальской группы и земель Бурреспублики. При этом значительное увеличение фонда Иркутского колонизационного района в сравнении с прошлым 1924 г. объясняется увеличением территории Иркутского уезда за счет вхождения в него переселенческих участков бывших волостей: Бельской, Го-

луметской, Каменской, Забайкалья [10, л. 63]. При этом в Иркутском уезде есть земли старожильческие, государственные, а также множество не освоенных земель, которые после обследования вполне могут составить колонизационный фонд [10, л. 63].

Сообщается, что фонд Иркутского уезда имеет большие перспективы для колонизации в будущем. Например, район р. Ангара вблизи Байкала, в котором в последнее время начало неплохо развиваться земледелие, при принятии соответствующих мер сельскохозяйственного характера со стороны земельных органов, в будущем может вполне стать процветающим Ангарским районом [10, л. 63]. Отмечается, что до 9 декабря 1924 г. Иркутского переселенческого района как самостоятельного не существовало. Этим районом заведывало лицо, состоящее при ГЗУ (Главном земельном управлении), или заведующий переселенческим делом при ГЗУ. С 9 декабря 1924 г. был назначен особый заведующий и дело было передано в ведение Иркутского УЗУ (Уездного земельного управления) [10, л. 63].

В документе озвучиваются существовавшие на тот период проблемы в Иркутском переселенческом районе. Поскольку в процессе формирования находился не только сам район, но и его делопроизводство (материалы, планы, книги водворения и зачисления находились в хаотичном беспорядочном состоянии). Также в районе продолжалось беспорядочное, внеплановое, переселение старожилов и переселенцев. Участки, числящиеся по книгам водворения незаселенными, или зачисленными, оказались частью заселенными и наоборот.

Но, несмотря на трудности кроме текущей работы, руководством Иркутского переселенческого района были приняты следующие меры: установлена одинаковая норма на участки; подобраны материалы и заведены на каждый участок особые статистические карточки. Эти статистические карточки очень сильно облегчили текущую работу, но собранные сведения в этих карточках являются порой не точными. Например, по прежним сведениям участок значился вполне обеспеченным водой, дорогами, а в действительности был не обеспечен и наоборот. Подобные проблемы касались и заселенности участков.

Также в архивном документе сообщается, что для обследования были намечены участки заселенные, полужаселенные участки и те из свободных участков, которые расположены вблизи освоенных земель и по дорогам. Всего было намечено обследовать 97 участков общей площадью 123 487, 83 дес. (десятин). Первым делом, было сделано на восковке около 60 копий планов, которых в распоряжении Иркутского колонизационного района не было.

Таким образом, на 1 октября 1925 г. руководством и сотрудниками района был обследован 31 участок (уч.), общей площадью 48 792, 24 дес. и учтено населения около 325 семей при 1 489 едоках; потрачено 255 руб. 53 коп. В октябре предполагалось обследовать 28 уч. площадью 60031, 68 дес. Не обследованными остаются 12468, 26 дес. в 32 участках, по р. Ушаковке 4 уч., по Байкалу 20 уч. и в районе Харата 8 уч. Их обследование предложено поручить участковому землеустроителю тов. Леханову. В итоге, намеченный план обследования переселенческих участков Иркутского района к началу ноября 1925 г. планируется завершить [10, л. 63 об.].

В отношении Иркутского района сказано, что, здесь главным элементом переселяющихся являются самовольцы и местное старожилое (так в тексте документа) население, но их число было не велико, что объяснялось тем, что передвижение переселенцев, особенно самовольцев было стихийным без всякого разрешения. Говорилось, что переселенцам нужна помощь на местах, а они предоставлены сами себе, со стороны государства нет никакой помощи. Их обслуживают те же органы, что и старожилов.

В конечном итоге отмечается, что очень важно отрегулировать в Иркутском переселенческом районе переселенческое дело, чтобы добиться желаемых целей. Для этого необходимо запретить самовольное переселение, в том числе старожилов; прикрепить переселенцев к своим местам, произвести переучет переселенческого фонда и его населения, вернуть применение книг водворения и зачисления, планового материала, статистических карточек, издать путеводитель по переселенческим участкам с учетом современных данных, решить кадровый вопрос и создать при ГЗУ особую переселенческую партию со своим штатом землемеров, агрономов, мелиораторов и т.д. Очень важно было изыскать и образовать новый фонд из казенных, бывших казачьих земель, лесного ведомства и др. земель, которых в Иркутской губернии было в достатке [10, л. 63 об.].

Таким образом, изучение отчетных архивных документов Иркутского уездного земельного управления в 1920-е гг. позволяет сделать важные выводы о деятельности Иркутского переселенческого района в начальный период его деятельности, когда он переживал не простые времена, так как ощущалась нехватка финансирования на местах, недостаток кадров для реализации поставленных задач, имелись сложности с устройством переселенцев на местах, не было произведено точного учета всех пригодных к заселению земель, имели место самовольные переселения и др. Тем не менее, процесс переселения, охвативший Иркутский переселенческий район, не смотря на все трудности в 20-е гг., станет важным шагом для развития этого сибирского региона в будущем.

Список литературы

1. Корякина Л.С. Переселение в Восточную Сибирь. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 2-1 (8). С. 95–97.
2. Корякина Л.С. Государственная политика в отношении зажиточного крестьянства в конце 1920-х – начале 1930-х гг. в Восточной Сибири (на материалах Иркутской области и Красноярского края) : автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.01.02. Иркутск, 2005. 32 с.
3. Центр документации новейшей истории Иркутской области (ЦДНИ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 2577. Л. 2.
4. ЦДНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 402. Л. 104.
5. Цубикова Л.С. Землеустройство Иркутской губернии в 1920-е годы // Вестник Ангарского государственного технического университета. 2018. № 12. С. 286–291.
6. Цубикова Л.С. Переселение крестьянских хозяйств из Горьковского края в Усольский район // Вестник Ангарского государственного технического университета. 2019. № 13. С. 280–283.
7. Цубикова Л.С. Реализация земельной политики и землеустройства в Восточно-Сибирском крае в 1920-е – 1930-е годы // Манускрипт. 2019. Т. 12, № 1. С. 57–61.
8. Шободоев Е.Б. Организация переселения и землеустройства в Иркутской губернии // Сибирский архив. 2021. № 2 (8). С. 179–203.
9. Макаренко Е.Л. Сельскохозяйственное освоение земель Иркутской области. // Известия Русского географического общества. 2021. Т. 153, № 3. С. 17–33.
10. ЦДНИ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 232. Л. 62–63.

СЕКЦИЯ 5. ЭКОНОМИКА ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИХ СООБЩЕСТВ: ТРАНСФЕР ПРАКТИК И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АНКЛАВЫ

УДК 93/94

ВОЛЬНЫЕ И НЕВОЛЬНЫЕ РАБОТНИКИ ЗОЛОТЫХ ПРИИСКОВ СИБИРИ В ИМПЕРАТОРСКИЙ ПЕРИОД

*Гайдин Сергей Тихонович, доктор исторических наук, профессор
Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
gaydinsergey@rambler.ru*

*Бурмакина Галина Александровна, кандидат исторических наук, доцент
Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия*

Развитие золотой промышленности в малонаселенной Сибири в императорский период потребовало привлечения на золотые прииски работников из разных регионов страны. Цель исследования – определить основные источники рабочей силы на золотых приисках Сибири. Если сибирское население формировалось, в первую очередь, из вольных переселенцев из европейской части страны, то на золотых приисках работали не только вольнонаемные работники из старорусских губерний, но и ссылаемые в Сибирь ссыльнокаторжные и ссыльнопоселенцы, которые являлись маргинальными элементами, вступившими в конфликт с законом. Мы попытались выявить заинтересованность в работе на приисках Енисейской губернии сибирских крестьян – хлебопашцев, представителей коренных народов юга и севера губернии. В качестве источников мы использовали изданные в императорский период работы специалистов, работавших в золотой промышленности Сибири или изучавших ее работу.

Ключевые слова: Золотой стандарт, государственная золотая промышленность, частный золотой прииск, каторжные, ссыльнопоселенцы, вольнонаемные «нижегородцы», золотничники, коренные народы Сибири

VOLUNTARY AND INVOLUNTARY LABOURERS IN THE GOLD MINES OF SIBERIA IN THE IMPERIAL PERIOD

*Gaidin Sergey Tikhonovich, Doctor of Historical Sciences, Professor
Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia
gaydinsergey@rambler.ru*

*Burmakina Galina Aleksandrovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia*

The development of gold industry in sparsely populated Siberia in the imperial period required the attraction of workers from different regions of the country to the gold mines. The purpose of the study is to determine the main sources of labour force at the gold mines of Siberia. While the Siberian population was formed primarily of free migrants from the European part of the country, the gold mines employed not only free labourers from the Old Russian provinces, but also exiled convicts and exiled settlers, who were marginal elements in conflict with the law. We tried to identify the interest of Siberian peasants – farmers, representatives of indigenous peoples of the south and north of the province in working at the mines of Yenisei province. As sources we used the works of specialists who worked in the gold industry of Siberia or studied its work published in the imperial period.

Keywords: gold standard, state gold industry, private gold mine, convicts, exiled settlers, freelancers ‘Nizhny Novgorod’, gold miners, indigenous peoples of Siberia

В конце XVIII – первой половине XIX в. европейские страны стали переходить на золотой стандарт. В 1774 г. золотые монеты стала выпускать Британия, в 1834 г. – США, в 1854 г. – Канада и Португалия. В 70-е гг. XIX в. золотые деньги стали выпускать в Италии, Франции, Бельгии, скандинавских странах [1]. Специалисты объясняют переход на золотой стандарт увеличением добычи золота, развитием мировой торговли и ростом инвестиций. Россия также была заинтересована во вхождении в сообщество стран золотого стандарта.

Первое рудное золото в России было открыто в 1742 г. на Березовском месторождении на Урале, а в 1814 г. горный мастер Л.И. Брусницын нашел в отрогах Уральских гор рассыпное золото. За весь XVIII в. силами каторжан и приписных крестьян в России было добыто 20 т драгоценного металла и к началу XIX в. ее доля в мировой добыче золота приблизилась к 3 % [2, с. 134–135].

Руководство императорской России понимало важность увеличения добычи золота в стране. И.В. Щеглов в своем «Хронологическом перечне важнейших данных из истории Сибири» отметил, что после принятия в России в сентябре 1824 г. Указа «О распространении открытий и умножении разработки золотоносных россыпей» купцам было дано разрешение искать золото на Урале, Алтае, в Тобольской и Томской губерниях. Поиски золота велись в Иркутском Приангарье и Нерчинском крае. По утверждению И.В. Щеглова добыча промышленного золота в Сибири началось после открытия в 1829 г. компанией Я.М. Рязанова, Г.Ф. Казанцева и С.И. Баландина богатых месторождений в Томской губернии. В 1830 г. в ее Мариинском округе уже работало 83 золотых прииска, и поиски золота были развернуты в Енисейской губернии [3, с. 469, 477, 487, 492, 494].

Если до 1838 г. монополию на добычу золота имело государство, то с 1838 г. промывка золота была разрешена дворянам, почетным гражданам и купцам первой гильдии. По свидетельству предпринимателя, организатора краеведческого музея в Енисейске А.И. Кытманова в енисейской тайге в 1842 г. работало около сотни золотоискательских партий, проводниками у которых были тунгусы (эвенки), кочевавшие в Приангарье, по Большому Питу и другим речным системам Енисейского округа [4, с. 244].

Открытие золотых приисков потребовало привлечения рабочей силы из-за пределов Сибири, так как сибирские крестьяне при частых неурожаях не могли в большом количестве покидать свои хозяйства в сельскохозяйственный сезон, который по времени совпадал с сезоном добычи золота.

Поэтому на Кабинетских Нерчинских приисках с 1832 г. и, вплоть до конца 80-х гг. XIX в., использовался принудительный труд каторжников. В 70-е – первой половине 80-х гг. существовала практика их закрепления за некоторыми частными приисками Сибири.

Но, большинство владельцев частных приисков были вынуждены нанимать ссыльнопоселенцев. По данным исследователя истории золотой промышленности В.И. Семевского, в 1834 г. 82 % рабочих на сибирских золотых приисках составляли ссыльнопоселенцы и только 18 % рабочих было из сибирских крестьян и мещан [5]. Таким образом, криминальные элементы из различных губерний европейской части России стали главной рабочей силой в золотодобывающей промышленности страны, размещенной в ее сибирском регионе.

В 30–40-е гг. XIX в. в России появилось немало проектов обеспечения золотых приисков Сибири рабочей силой за счет населения российских губерний. В частности, в 1839 г. один из помещиков предложил переселить своих крепостных крестьян в Сибирь для работы на добыче золота, но император Николай I категорически запретил использовать помещичьих крестьян в Сибири.

В 1846 г. генерал-губернатор Восточной Сибири В.Я. Руперт предложил, за счет средств золотопромышленников, переселить из российских губерний от 100 до 150 тыс. крепостных и государственных крестьян. Они должны были получить жилье и скот. Но половина переселенных должна была, затем 15 лет отработать на их приисках.

Позже жандармский офицер Мишо, обеспокоенный нищенским положением ссыльнопоселенцев, выступил с предложением создавать из них команды по 200 человек с военной дисциплиной для работы на приисках. Начальник команды должен был хранить заработанные ими деньги до окончания промывочного сезона и делать вычеты на приобретения поселенцами домов и скота [5, с. 88–89]. Однако, эти предложения не получили правительственного одобрения.

Тем не менее, несмотря на существующие запреты, крепостные крестьяне из европейской части страны в 40-е гг. XIX в. нанимались на работу на сибирские золотые прииски. По данным В.И. Семевского в 1847 г. в Сибири их насчитывалось 1 732, в 1848 г. – 1437, в 1849 г. – 2 118 человек [5, с. 88, 92]. Как правило, это были, находившиеся на денежном оброке крестьяне нечерноземной Нижегородской губернии. Поэтому со временем всех наемных приисковых рабочих из российских губерний в Сибири стали называть «нижегородами».

Врач Енисейского округа М.Ф. Кривошапкин, который хорошо знал жизнь приисков Северной и Южной тайги в середине XIX в., писал, что владельцы приисков считали ссыльнопоселенцев ненадежными работниками, так многие из них не только уклонялось от работы, но и после получения задатка, стремилось покинуть прииски. В таблице, составленной по данным горного исправника приисков Южной тайги, приведенным М.Ф. Кривошапкиным, показано количество беглых ссыльнопоселенцев, заключивших договоры на работу [6, с. 194–195].

Количество беглых ссыльнопоселенцев, заключивших договоры

Год	Общее количество работников	Количество беглых (кроме ссыльнопоселенцев)	Количество беглых ссыльнопоселенцев
1856	9558	67	336
1857	9472	38	133
1858	7236	33	124
1859	6569	52	126

Составлено по: [6, с. 194–195].

Лучшими работниками на приисках считались государственные крестьяне из Нижегородской, Пензенской, Вятской, Саратовской и Пермской губерний, которые осознанно нанимались на работу в зависимости от того, кто был управляющим прииска и какие на нем были условия труда. Они приезжали на заработки на несколько лет, подписывали особые контракты на проведение вскрышных работ с более высокой, чем обычно, оплатой труда. А в период между промывочными сезонами создавали строительные бригады и зарабатывали дополнительные деньги на строительных работах в Енисейске.

Также на прииски нанималось немало государственных крестьян из сибирских губерний, которым нужны были деньги на укрепление своих хозяйств. В 1843 г. генерал-губернатор Восточной Сибири В.Я. Руперт, обеспокоенный отвлечением хлебопашцев при росте спроса на хлеб и другие продукты питания, запретил крестьянам старожилам и переселенцам, занимавшимся хлебопашеством, оставлять свои хозяйства для работы на приисках. Из семьи можно было отпускать только одного человека, в

случае, если в ней оставались еще один или два полноценных работника мужского пола [4, с. 258].

В частности, в 1859 г. на приисках Северной тайги из 6 569 наемных работников работало 725 государственных крестьян из Томской губернии, 330 крестьян из Енисейской, 93 крестьянина – из Тобольской и 67 крестьян – из Иркутской губерний, что в совокупности составляло почти пятую часть от общего количества наемных рабочих. Приход на прииски значительного количества государственных крестьян из Томской губернии М.Ф. Кривошапкин объяснял тем, что они приспособились работать на приисках, так как крупный томский золотопромышленник И.Д. Асташов категорически был против найма ссыльнопоселенцев [6, с. 164–165].

В 70-е гг. XIX в. потребность в рабочей силе на золотых приисках Сибири значительно выросла в связи с тем, что правительство разрешило добычу золота всем, не лишенным гражданских прав, подданным Российской империи. Исследователь работы приисков Красноярского и Канского округов Енисейской губернии А.И. Крахалев писал, что летом 1896 г. Управляющий делами Комитета Министров и Комитета по постройке Средне-Сибирской железной дороги А.Н. Куломзин на совещании в Красноярске требовал размещения переселенцев, прежде всего в приисковых районах.

Но, по утверждению А.И. Крахалева и других знатоков золотой промышленности, значительная часть рабочих из ссыльнопоселенцев представляла собой маргинальную массу, склонную к бродяжничеству, которая не проявляла интереса к работе, так как пропивала все заработанные деньги. Часть рабочих, которых он относил к «отпетым», пыталась по разным поводам обманывать предпринимателей. Одинокие «бобыли», которые не собирались обустроить собственное хозяйство, не стремились работать, так как считали достаточным иметь ежедневное питание. Именно, эта масса, получив при расчете относительно «большие» суммы денег, впадала в нездоровую эйфорию разгула, разбрасывая ассигнации, покупая дорогие одежды и напиваясь до полусмерти [7, с. 8, 29, 53].

Так как владельцы приисков испытывали постоянный дефицит рабочей силы, то управляющие приисков направляли в разные концы страны своих представителей, которых сегодня можно было бы называть вербовщиками. Они изображали из себя удачливых рабочих приисков, заманивали на них потенциальных работников, не имевших устойчивых доходов по месту жительства, спаивали их, заставляли подписывать договоры найма, давали денежный задаток и забирали паспорта. В ловушку вербовщиков попадали люди разных сословий, национальностей и религий. Знаток золотой промышленности в Енисейской тайге А. Уманский писал, что на небольшом прииске, на котором ему довелось работать, было всего 40 рабочих, среди которых, наряду с русскими, как оказалось, был татарин, хохол, сибиряк, познанский поляк, бывший прусский кавалерист, а также литвин [8, с. 118].

Проблема плохих условий труда и низкой оплаты работ объяснялась не только корыстью золотопромышленников, но и тем, что, открывая прииски, они не имели представления о реальном количестве золота и пытались за счет снижения расходов на оплату труда и обустройство быта рабочих окупать свои вложения в разработку месторождений. Многие прииски работали не больше двух-трех промысловых сезонов. Естественно, что после их закрытия дальнейшая судьба сезонных рабочих не интересовала владельцев приисков ни в малейшей степени.

По утверждению А. Уманского после отработки крупных месторождений в енисейской тайге в конце 80-х гг. XIX в. началось измельчение приисков со сдачей их в аренду частями. Поэтому, по его утверждению, «нынешний золотопромышленник – это, в большинстве случаев человек, обремененный долгами и процентами и работающий на чужой земле» [8, с. 58].

Подтверждением нестабильности работы приисков является информация из «Описания к картам золотых приисков Минусинского горного округа..» которые были расположены в речных системах Кантегира, Кизира, Енисея, Сисима, Абакана, Ои, Убея и др. В период с 1838 г. по 1895 г. здесь было открыто 503 прииска, но к концу указанного периода здесь работал только 71 прииск, что составляло всего 14 % от общего их количества. Остальные прииски прекратили работы и были переданы в казну (посчитано по: [9]).

После того как на приисках отрабатывалось основное месторождение золота, управляющие допускали к работе по закрайкам разрезов так называемых золотничников, с которыми заключали договоры на оплату с добытого ими золотника (4,266 гр. золота) [7, с. 17–18]. На этот вид работ могли наниматься разные категории населения и, в том числе, крестьяне окрестных сел в летний период между посевом и уборкой урожая. Такой вид работ практиковался на приисках Красноярского и Канского округов Енисейской губернии, которые относились к категории сельскохозяйственных.

В.И. Семевский обратил внимание на то, что спрос на рабочую силу ссыльно-поселенцев на золотых приисках в XIX в. устойчиво падал. Если в 1834 г. на приисках Енисейской губернии они составляли 82 % от всех приисковых рабочих, то в 1847 г. их доля сократилась до 68 %, а в 1850 г. – до 53 %. Но, напротив, рос спрос на наемную рабочую силу из европейской части страны.

Национальный состав работников золотых приисков во многом зависел от конкретных географических районов добычи золота. В частности, на приисках Степного края работало много киргизов, на приисках Дальнего Востока – корейцев и китайцев [5].

Историк В.Я. Бутанаев писал, что наиболее неимущая часть хакасского этноса – халтары в конце XIX в. работала на промышленных предприятиях и золотых приисках Минусинского горного округа. В 1889 г. из 9 584 мужчин сагайцев 314 работало на заводах и приисках. Из 3 207 качинцев в 1893 г. на золотые прииски уходило до 200 человек [10, с. 6].

Отдельный пристав Туруханского края П. Третьяков писал о попытках чиновников Енисейского округа отправлять на работу на золотые прииски охотников и рыболовов из коренных народов Енисейского Севера, накопивших большие долги за муку, взятую из хлебных магазинов. Этот эксперимент привел к гибели нескольких сотен аборигенов, которые не смогли адаптироваться к особенностям работы и образу жизни на приисках [11, с. 448]. Но, тем не менее, небольшая часть аборигенов принимала участие в работе золотой промышленности, нанимаясь на перевозку грузов для приисков на лодках по таежным рекам.

Таким образом, в добыче российского золота в Сибири и, непосредственно в Енисейской губернии принимали участие работники со всей России, которые попадали в Сибирь, либо в качестве вольнонаемных работников, либо в качестве ссыльных криминальных элементов. Государство, которое до 1838 г. являлось монополистом по добыче золота на Урале и в Сибири использовало труд приписных крестьян и ссылокаторжных. После разрешения частной добычи золота, владельцы приисков вынуждены были нанимать ссыльнопоселенцев, которые в большинстве своем представляли вступившую в конфликт с законом маргинальную часть населения разных национальностей из европейской части России.

На работу на прииски нанимались также сибирские крестьяне-старожилы и вольные переселенцы, нуждавшиеся в деньгах для обзаведения хозяйством. Часть из них в летний период заключала договоры с администрацией приисков на временное участие в проведении старательских работ с оплатой с добытого золотника.

Наиболее ценными работниками золотых приисков считались наемные работники из старорусских губерний, которые подписывали договоры на работу на несколько лет.

Национальный состав работников приисков зависел от географического района, где производилась добыча. В развитие золотой промышленности вносили свой вклад коренные народы северной части Сибири, представители которых работали проводниками поисковых экспедиций и доставляли на лодках грузы для приисков, но они не выдерживали монотонной, тяжелой работы на приисках. Но представители хакасского народа постепенно втягивались в работу золотой промышленности на территории Минусинского горного округа.

К концу XIX в. Сибирь стала основным поставщиком золота. Накопление золота позволило министру финансов императорской России С.Ю. Витте в начале 1897 г. перевести денежную систему страны на полноценное золотое обращение. Россия вошла в сообщество стран золотого стандарта, что способствовало развитию российской экономики, ускоренной ее модернизации в догоняющем режиме, привлечению иностранных инвестиций и вхождению страны в международное разделение труда.

Список литературы

1. Большая история золотого стандарта. Ч. первая. URL: <https://zoloto-md.ru/info/analytics/bolshaya-istoriya-zolotogo-standarta-chast-pervaya> (дата обращения: 04.04.2024).
2. Кузнецов В.Б., Коршунов А.Н. История золотодобычи в России: Лев Иванович Брусницын // Горная промышленность. 2022. № 3. С. 132–139.
3. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032–1882 гг. / сост. И.В. Щеглов; под ред. В.И. Вагина. Иркутск: Издание Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества, 1883. 778 с.
4. Кытманов А.И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии, 1594–1893 год / отв. ред. Л.П. Бердников; авт. предисл. В.Г. Давышен. Красноярск, 2016. 850 с.
5. Семевский В.И. Рабочие на сибирских золотых промыслах [Электронный ресурс]: историческое исследование. Т. 1. От начала золотопромышленности в Сибири до 1870 г. СПб., 1898. 657 с. URL: <http://elibrary.shpl.ru/ru/nodes/44885-semevskiy-v-i-rabochie-na-sibirskih-zolotykh-promyslakh-istoricheskoe-issledovanie-spb-1898> (дата обращения: 04.04.2024).
6. Кривошапкин М.Ф. Енисейский округ и его жизнь. СПб.: Типография В. Безобразова и комп., 1865. Т. 1. 309 с.; Т. 2. 188 с.
7. Крахалев А.И. Золотые прииски Красноярского и Канского округов Енисейской губернии. Томск: Типо-литография М.Н. Кононова и И.Ф. Скулимовского, 1898. 84 с.
8. Уманский А. Очерки золотопромышленности в Енисейской тайге. СПб., 1888. 174 с.
9. Описания к картам золотых приисков Сибири и Урала. Енисейская губерния. Ачинско-Минусинский горный округ (Минусинский округ). Листы I–VII. СПб.: Типография Е. Евдокимова, 1899. 40 с.
10. Бутанаев В.Я. Социально-классовая структура хакасов конца XIX – начала XX в. // Аграрные отношения и земельная политика царизма в Сибири (конец XIX в. – 1917 г.): сб. ст. Красноярск: КГПИ, 1918. С. 3–15.
11. Третьяков П. Туруханский край // Записки Императорского Русского географического общества по общей географии (отделению географии физической и математической). Т. 2. СПб.: Типография В. Безобразова и компании, 1869. С. 216–530.

ЭКОНОМИКА ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИХ СООБЩЕСТВ НА ЕНИСЕЕ В КАМЕННОМ ВЕКЕ

*Рогачев Александр Георгиевич, доктор исторических наук, профессор
Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
kaf.history@mail.ru*

Люди впервые переселились на Енисей в палеолите. В дальнейшем переселенческие приливы наблюдались регулярно как в мезолите, так и в неолите. Динамика экономической жизни постепенно нарастала, особенно это оказалось во время социальной неолитической революции.

Ключевые слова: палеолит, каменные орудия труда, палеоантроп, сартанское оледенение, неоантроп, матриархат, патриархат

ECONOMY OF HUMAN MIGRANT COMMUNITIES ON THE YENISEI IN THE STONE AGE

*Rogachev Alexander Georgievich, Doctor of Historical Sciences, Professor
Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia
kaf.history@mail.ru*

People first migrated to the Yenisei in the Paleolithic. Subsequently, migration tides were observed regularly both in the Mesolithic and in the Neolithic. The dynamics of economic life gradually increased, especially during the social Neolithic revolution.

Keywords: paleolithic, stone tools, paleoanthropus, Sortany glaciation, neoanthropus, matriarchy, patriarchy

Люди стали прибывать в Приенисейский регион в палеолите, древнем каменном веке, из пограничных азиатских регионов около 400 тыс. лет назад. Археологи обнаружили в Новоселовском районе Красноярского края простейшие галечные орудия, относящиеся к указанному времени. Человек оббивал речную каменную гальку и превращал ее в острое лезвие. Такие лезвия использовали для резания, затесывания и рубки. В среднем палеолите люди повысили качество обработки камней. Около 200–40 тыс. лет назад они стали заготавливать специальные камни – нуклеусы. С них методом обивки получали отщепы и пластинки: острые осколки, из которых готовили скребла и остроконечники. С помощью скребел люди разделявали туши животных, обрабатывали их шкуры. Кинжалами, наконечниками копий, ножами становились каменные остроконечники. С помощью каменных ножей обрабатывались изделия из дерева и кости [1, с. 18].

В среднем палеолите на Енисее формируется человек-палеоантроп (неандерталец). Эти люди имели невысокий рост, но большую мускульную силу, а мозг достиг такого же объема как у современного человека. Люди – палеоантропы использовали часто пещеры и гроты в качестве жилья. В гроте Проскуракова на Чулыме и в пещере Двуглазка вблизи Абакана найдены стоянки людей, живших здесь примерно 50 тыс. лет назад. На этих стоянках обнаружены кости животных: лошади, кулана, носорога, пещерных медведя, гиены, льва. Из шкур животных изготавливалась одежда. Очаг с

огнем давал в пещере дополнительный обогрев. Примерно 25 тыс. лет назад началось мощное сартанское оледенение. Около впадения в Енисей Подкаменной тунгуски к северу простирался ледник толщиной до 500 м. А к югу от него начиналась тундра и холодная полупустыня, где встречались мамонты, северный олень, шерстистый носорог и иные теплокровные животные. Они являлись объектами охоты людей. Последним зимой приходилось прятаться от 70-градусных морозов [2, с. 5–6]

Развитие экономики ускорилося с переселением в регион примерно 30–40 тыс. лет назад людей современного физиологического типа: неоантропов (кроманьонцев).

Стоянки Афонтова гора под Красноярском, грот Двуглазка Ширинского района, Усть-кова в Кежемском районе дали много соответствующего тому времени археологического материала. Теперь люди при изготовлении ножей, скребков, резцов широко использовали пластические материалы: кость и рог.

Появляется вкладышевая техника изготовления: в костную основу вставляли каменные микропластины. Они образовывали режущий край. В итоге получали вкладышевые ножи. Теперь другие каменные орудия также снабжались деревянными и костяными рукоятками [2, с. 7].

Экономическая жизнь людей становилась более сложной. Величайшим событием стало разделение труда по полу людей. Мужчина – неоантроп – это прежде всего охотник.

Женщины в свою очередь обрабатывали и разделывали добытых животных. Люди по необходимости иногда строили дома – землянки. 10 тыс. лет назад климат существенно потеплел. И теперь ледник постепенно отступал. Тундру вытесняли широколиственные и хвойные леса. За ледником на Север вслед за животными переселялись и люди. Стадные крупные животные, например, мамонты, вымирали. Люди теперь охотились на оленей, лосей, медведя, косуль. Чтобы достать их в охотничьем промысле пришлось изобрести копьеметалку, которая увеличила полет копья вдвое до 70–80 м [2, с. 7–8].

В палеолите позднее начинает постепенно расти численность населения и увеличивается его плотность. Изменялся все больше и жизненный уклад. Так на смену пещерам и постоянным жилищным сооружениям приходят мобильные охотничьи шалаши и чумы временного типа. В них имелись кольцевидные очаги из каменных плит, которые качественнее обогревали людей. Появляется родовая община как коллектив первобытных людей. Его возглавляет женщина – мать. Утверждается матриархат: экономика организуется и контролируется женщинами [2, с. 8].

Наступление мезолита – среднего каменного века повысило переселенческую мобильность людей в погоне за пропитанием. Человек реально вынужден теперь заниматься и рыболовством. Рыбу ловили сетями и костяными крючками, били острогой. Что бы сделать лодку – долбленку для рыбалки потребовалось придумать каменный топор. С его помощью строили так же жилища, заготавливали дрова. Человек изобрел для постоянных занятий охотой и рыбалкой лук со стрелами (стреляли и в рыбу). Приручение первого домашнего животного – собаки – значительно повысило эффективность охоты и первобытной экономики в целом [2, с. 12–13].

В охотничьем промысле быстро развиваются индивидуальные формы охоты. Большой коллектив стал дробиться на мелкие группы. Формируется племенная организация, связывающая отдельные родовые единицы. Возникает личная собственность на орудия труда и домашний инвентарь. Но общественное равенство и коллективное распределение по-прежнему святы. Между тем возрастает авторитет и роль родовых старейшин [2, с. 13].

Новый каменный век – неолит – породил 7–8 тыс. лет назад неолитическую революцию (как и во всем мире) на Енисее. Древние сибиряки изготавливают теперь глиняную посуду, появляются более эффективные шлифованные топоры (с их помощью лодка-долбленка изготавливалась теперь за 2–3 дня) [2, с. 16–19].

Неолитическая революция постепенно стала содействовать формированию частной собственности. Мужчина – земледelec и скотовод приручил лошадь, коров и быков, других животных, ставших домашними,

Социальная роль мужчин резко возрастает, а женщины уменьшается. Появляются зависимые люди, будущие рабы. Происходит переход от матриархата к патриархату.

В III тыс. до н.э. в бассейн Енисея с западных территорий переселялись европеоидные племена Афанасьевской культуры. Они создали древнейший в Азии южно-сибирский очаг по изготовлению изделий из металла: (меди, серебра, золота и даже метеоритного железа),

Природные самородки обрабатывали методомковки, афанасьевцы приручали лошадей, коров, овец; употребляли мясную и молочную пищу. Каменные зернотерки и мотыги свидетельствуют о развитии у афанасьевцев земледелия. Проживали афанасьевцы в деревянных рубленых домах и землянках. Мужчины стали постепенно занимать руководящее место в экономике. В Енисейском регионе происходит переход в период Афанасьевской культуры от матриархата к патриархату [3, с. 34–38].

В итоге можно отметить, что Приенисейский регион в каменном веке активно пополняли люди из соседних регионов. Переселенцы быстро осваивались, на новом месте, и достаточно успешно использовало его природные ресурсы. Относительно более суровый сибирский климат в определенной степени тормозил экономическое и социальное развитие. Хотя в целом в те времена экономика в регионе находилась в русле общечеловеческих достижений.

Список литературы

1. Красноярье: пять веков истории: учеб. пособие. Ч. 1. Красноярск: Платина, 2005. 240 с.
2. Рогачев А.Г. История Красноярского края с древнейших времен до современности: культура, экономика, быт, право и особенности управления: учеб. пособие / Краснояр. гос. аграр. ун-т. Красноярск, 2015. 180 с.
3. Макаров Н.П., Баташев М.С. История и культура народов Приенисейского края: учеб. пособие. Красноярск: Сибирский федеральный ун-т; Политехнический ин-т, 2007. 246 с.

**ОСОБЕННОСТИ КОЛОНИЗАЦИОННОГО ФОНДА БЕЛЬСКОЙ ВОЛОСТИ
ЕНИСЕЙСКОГО УЕЗДА ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНТЕКСТЕ
РЕФОРМЫ П.А. СТОЛЫПИНА**

*Деньгина Ольга Владимировна, магистр истории, преподаватель
Восточно-Сибирский техникум туризма и сервиса, Красноярск, Россия,
dengolga@yandex.ru*

Реализация аграрной реформы П. А. Столыпина в Енисейском уезде Енисейской губернии включала подготовку земельных участков для переселенцев из губерний Европейской России. Колонизационный фонд Бельской волости Енисейского уезда имел ряд особенностей: часто свободными были лесные и лесостепные районы, либо лишенные водных источников или окруженные болотами местности.

Ключевые слова: аграрная реформа П.А. Столыпина, колонизационный фонд, переселенческие участки, старожилы, земельная норма, Переселенческое управление

**PECULIARITIES OF THE COLONIZATION FUND OF BELSKAYA VOLOST,
YENISEI UYEZD, YENISEI PROVINCE IN THE CONTEXT
OF P.A. STOLYPIN'S REFORMS**

*Olga Vladimirovna Denigina, Master of History, Senior Lecturer
East Siberian Technical School of Tourism and Service, Krasnoyarsk, Russia,
dengolga@yandex.ru*

The implementation of P. A. Stolypin's agrarian reform in the Yenisei district of the Yenisei province included the preparation of land plots for immigrants from the provinces of European Russia. The colonization fund of the Belsky and Kazachansky volosts of the Yenisei District had a number of features: forest and forest-steppe areas were often free, either devoid of water sources or surrounded by swamps.

Keywords: P.A. Stolypin's agrarian reform, colonization fund, resettlement sites, old-timers, land norm, Resettlement management

Массовые переселения в Енисейскую губернию стали возможны в период проведения аграрной реформы П.А. Столыпина 1906–1911 гг. Одной из задач реформы являлось решение жизненно важного для крестьянского населения вопроса – земельного. Обеспечение переселенца землей – основной вопрос, решением которого занималось отделение Енисейского Переселенческого управления. К 1908 г. перед чиновниками встала задача изыскания свободных казенных земель в северных и удаленных от железной дороги уездах Енисейской губернии. Это было связано с исчерпанием фонда земель для переселенцев в Западной Сибири, также в южных и придорожных волостях Енисейской губернии. До 1907 года Енисейский уезд был наименее заселенным. Природа и климат Енисейского уезда (округа) имели свои особенности, отличающие этот уезд не только от условий жизни в Европейской России, но и в более южных районах Енисейской губернии.

Актуальность темы обусловлена недостаточной изученностью проблемы землепользования переселенцев Бельской волости Енисейского уезда в период проведе-

ния аграрной реформы П.А. Столыпина, так как северные районы в меньшей степени были пригодны для земледелия в отличие от южных уездов Енисейской губернии и землеустроительные работы здесь начались позже. В работах современных авторов обращается внимание на исследование таких вопросов как переселения в южные территории Енисейской губернии, изучению истории возникновения населенных пунктов и органов местного управления, бытовой стороне жизни старожилов или взаимоотношений инородцев и старожилов. Поэтому в нашем исследовании мы остановились на изучении данного вопроса.

Источниками исследования послужили делопроизводственные материалы и учетная документация, представленные материалами Государственного архива Красноярского края (ГАКК). Были использованы материалы фонда 262 «Заведующий переселением и землеустройством в Енисейской губернии». Фонд 262 включает журналы совещаний, циркуляры, постановления Главного управления землеустройства и земледелия в Енисейской губернии (ГУЗиЗ), карточки обследования переселенческих участков, в которых отражены планы землеустроительных работ по годам, особенности землеустройства старожилов.

Территориальные рамки исследования – Бельская волость Енисейского уезда Енисейской губернии.

В Енисейском уезде Енисейской губернии под массовое заселение в период проведения аграрной реформы П. А. Столыпина попадали «таежные пространства... гари... вдали от населенных пунктов». Территории неосвоенных земель смещались все дальше к северу. Из-за «истощения свободных земель» переселенческие участки создавались за счет излишков земель старожилов [1, л. 81, 95–96]. Согласно Инструкциям переселенческого управления на удаленных участках было рекомендовано обеспечить переселенцев жильем и построить общий барак или выдать ссуды и строительные материалы [2, л. 65].

В Бельской волости переселенческие участки образовывались за счет земель местных жителей, причем тех, которые они указывали сами. В целом, при проектировании переселенческих участков степень их заселенности определялась числом «едоков», которые будут на них проживать. Участки для переселенцев отводились в лесных и лесостепных районах, покрытых растительностью, часто на землях, не имеющих природных источников воды, не обеспеченных дорогами, и не только за счет земельных излишков местных жителей, но и на землях, не пригодных для земледелия. В Бельской волости при подготовке участков земельная норма на душу мужского пола составляла по 13 десятин на участках «Соловухин» и «Фирсовский», по 14 десятин – на участке «Брусничном». В Циркуляре Министерства внутренних дел и Главного управления землеустройства и земледелия разъяснялось, что 15 десятин – это высшая норма наделения, закон не требует обязательного наделения землей в таком размере. Надел мог быть увеличен по ходатайству жителей, но не более установленной нормы [3, л. 4].

Отношения старожилов с землеустроительным отрядом Переселенческого управления доходили до конфликтов еще на этапе формирования колонизационного фонда в Енисейском уезде в 1908–1909 гг. Землеустроители сталкивались с сопротивлением местных жителей образованию участков. В землепользовании старожилов применялась чересполосица, усложнявшая землеустроительные мероприятия. Так, в пользовании крестьян-старожилов села Пировского находилось по 38 десятин земли при максимальной норме 18 десятин на душу мужского пола. Жители деревни Кузне-

цовой пользовались 35 десятинами земли на душевой надел, а в деревне Троицкой – 28 десятинами на душу мужского пола [4, л. 1–253].

Жители старожильческих сел Бушуйского сельского общества и Больше-Кетского сельского общества в 1909 году составили «приговоры», в которых просили производителя работ от Переселенческого управления не использовать их земли для нужд колонизации. Такие решения были приняты сельскими сходами несмотря на разъяснения исполняющего обязанности производителя работ Н. Трофимова о земельной норме, которая полагается при поземельном устройстве крестьян четырех сибирских губерний [5, с. 285–280].

Старожилы понимали, что по действующему законодательству они пользуются «излишне-занятыми казенно-свободными землями» и то, что их традиционным способом ведения хозяйства приходит конец [6, л. 87, 109].

Использование излишков земель старожилов для переселенческих участков затронуло и жителей села Троицкого Бельской волости. На землях, занятых крестьянами этого села, были запроектированы участки общего пользования «Соловухин», «Брусничный» и запасной участок «Фирсовский». В деревне Троицкой проживали 413 душ мужского пола, которым по норме, установленной для четырех сибирских губерний, было положено 15 десятин пашни на душу и по 3 десятины лесных угодий, всего 7 434 десятины земли. На этом основании топограф-инструктор Н. Трофимов принял решение отрезать 11 898,00 десятин земельных излишков в колонизационный фонд. Но изъять излишки земли оказалось невозможно из-за того, что пашни и покосы старожилов были разбросаны «мелкими... по 1 десятине клочками по всей территории прилегающих земель».

В этой ситуации топограф Н. Трофимов предложил жителям Троицкой в обмен на используемые ими земли отдать под переселенческие участки урочище «Гарь», где пашни имели не более десяти семей. Старожилы согласились с этим предложением и оформили это решение письменно в «приговоре» от 5 октября 1908 г. Однако уже 28 апреля 1910 г. заведующий Енисейской землеотводной партии получил прошение от жителей этого села с ходатайством оставить во владении крестьян большую часть земель. Производитель работ Н. Трофимов в объяснительной сообщил, что действовал точно в соответствии с инструкцией для производителей работ и по всем правилам статьи 133 о переселении на казенные земли [7, л. 201–202].

Сложная ситуация с изъятием излишков земель в переселенческий фонд сложилась и в селе Пировском той же волости. После проверки посемейных списков села были исключены 132 «души мужского пола», которые отсутствовали продолжительное время, находясь в неизвестном направлении. Жители села подтвердили коллективным решением (приговором) от 21 сентября 1908 г., что только 532 «души мужского пола» имеют право на пользование землей. Также они дали письменное согласие на предложение землеустроителя Трофимова уступить разбросанные пахотные, покосные места и угодья под переселенческие участки. Взамен просили выделить им площади земли со строевым лесом вдали от своих владений. Через некоторое время, в августе 1909 г., жители Пировского обратились с заявлением к крестьянскому начальнику второго участка Енисейского уезда, указывая, что им стало известно, что обещанные им земли, «удобные для пользования» также отошли и к жителям деревни Кузнецовой, а в их пользовании «кочки по сырому грунту, болота, непроходимая чаща». Старожилы ходатайствовали о выделении им дополнительных земель [8, л. 185].

На уступку излишков земли для переселенческих участков решились жители деревни Кузнецовой после проверки посемейных списков лиц мужского пола инст-

руктором-топографом Н. Трофимовым. Об этом был составлен общественный «приговор» 28 сентября 1908 г., в котором указано, что «коренные интересы» жителей не были нарушены. Но спустя год, 30 августа 1909 г., жители этой деревни составили новый «приговор», в котором сообщали, что «мы совсем ничего не поняли и уступили наши займища на Гаре..., [а] в нашей земле — кочки, болота, непроходимые чащи... [Трофимов] ввел нас в заблуждение». Затем на имя крестьянского начальника второго участка Енисейского уезда поступило заявление от Кузнецовского сельского общества от 23 января 1910 г., в котором указывалось на то, что производитель землеустроительных работ Н. Трофимов потребовал от жителей деревни уступки земли: «...если не уступим, то он имеет право образовать участок вблизи нашего селения». Также в заявлении говорилось: «...оказывается, что занимающие на Гари пашни крестьяне при переезде много своих интересов потеряли: местность эта разрабатывалась нашими отцами много лет, расчищали, корчевали лес, произведены постройки, что стоит денег и трудов, все это при переезде пропадет... удобной земли для пашни ...для нас недостаточно...». Жители деревни Кузнецовой продолжали требовать вернуть им обустроенный участок.

И в апреле 1910 г. на имя заведующего переселением и землеустройством в Енисейской губернии поступило прошение от крестьян Кузнецовского сельского общества, заканчивающее словами: «...мы не можем обойтись без участка... просим выслать нам постановление... рискуем остаться без куска хлеба...». Жалоба была рассмотрена в рамках заседания Общего присутствия Енисейского губернского управления 25 ноября 1910 г., но из-за недостаточности данных была возвращена заведующему переселением для доработки материалов дела. Ответ на жалобу дали производитель работ Н. Трофимов и заведующий переселением и землеустройством в Енисейском переселенческом районе В. Ю. Григорьев. Было указано на то, что жалобщики обеспечены по 27 десятин земли на душу мужского пола, причем землей высокого качества, при норме 15 десятин и менее ценную для себя землю [Гарь] они выбирали сами [9, л. 187]. После повторного рассмотрения в ноябре 1911 г. заседанием Общего присутствия Енисейского губернского управления жалоба старожилов была оставлена без удовлетворения. Но это не остановило жителей д. Кузнецовой и, оставшись недовольными, они планировали ее обжаловать [10, л. 186, 227–228].

В ответе на запрос заведующего переселением и землеустройством в Енисейской губернии производитель землеотводных работ Кемского района Трофимов сообщил о том, что в пользовании крестьян села Пировского, деревень Кузнецовой и Троицкой находилось земель в 1,5–2 раза больше нормы. Поэтому 140 десятин пашен этих селений были включены в переселенческие участки в 1909 г. [11, л. 186, 193–194]. Еще в марте 1910 г. производитель землеустроительных работ в Кетском подрайоне Н. Трофимов отправил уведомление в Бельское волостное правление об утверждении границ переселенческих участков Временной комиссией и требование взять подписку об уведомлении с крестьян деревень Кузнецовой, Селивановой, Троицкой, Михаило-Архангельской, села Бельского. Вскоре волостной староста представил подписи крестьян указанных населенных пунктов об уведомлении их о границах созданных переселенческих участков [12, л. 195, 197–198].

Такая же ситуация сложилась в деревне Селивановой, жители которой сначала составили «приговор» об уступке излишков земель в переселенческий фонд в марте 1909 г., а затем, в апреле 1910 г., обратились с прошением к заведующему Временной партией с просьбой об оставлении за ними отданных земель. Кроме того, производитель работ Н. Трофимов обвинялся ими в «неправильным путем запугивании, отобра-

нии от крестьян приговора от 16 марта об уступке ими земель». Данное прошение было оставлено без удовлетворения, так как жителям этой деревни было оставлено в пользование по 40 десятин на душу и нарушений законодательства не было выявлено [13, л. 203–204].

На основании жалоб местных жителей, приказом № 31 от 21 мая 1912 г. заведующего переселением и землеустройством в Енисейской губернии действия производителя работ Н. Трофимова были оценены как недопустимые. В приказе указывалось на «необходимость сообразовываться» при изъятии земель с местными жителями и действовать только с их предварительным согласием об изъятии, «относиться к соблюдению этих интересов с особой осторожностью». А при образовании переселенческого участка «Фильчиха» он не учел решение старожилов Зырянского сельского общества и включил 20,5 десятин земли общего пользования, также заимку, в переселенческий фонд [14, л. 127].

Приведенный материал позволяет заключить, что лесной и болотистый характер местности в Бельской волости создавал недостаток свободных земель, подходящих под переселенческие участки. Все удобные и качественные земли были распределены чересполосно между старожилами. При формировании колонизационного фонда ущемлялись права местных жителей, так как на части используемых ими земель образовывались переселенческие участки. Особенности переселенческого фонда влияли на утверждение общинного характера землепользования новоселов, приводили к их оттоку на родину или в соседние уезды и губернии. Подготовка переселенческих участков в условиях притаежных территорий требовала от землеустроителей большого объема мелиоративных и дорожных работ, который не был реализован. Чиновникам приходилось идти на уступки местным крестьянам и продлевать период использования распаханых ими земель, что в свою очередь нарушало права новоселов, и в дальнейшем конфликт переходил в плоскость отношений старожилов – переселенцы.

Список литературы

1. Смета доходов и расходов по Енисейскому переселенческому району на 1912 г. // Государственный архив Красноярского края. Ф. 262. Оп. 1. Д. 1. Л. 81, 95–96.
2. Копия телеграммы Переселенческого управления от 19 мая 1911 за № 2709 // ГАКК. Ф. 262. Оп. 1. Д. 91. Л. 65.
3. Циркуляры Министерства внутренних дел и Главного управления землеустройства и земледелия Енисейского губернатора инструкции // Государственный архив Красноярского края Ф. 262. Оп. 1. Д. 185. Л. 4.
4. Переселенческие земельные фонды и переписка по ним Пировского участка. 1908–1918 // ГАКК. Ф. 262. Оп. 1. Д. 41 а. Л. 1–253.
5. Столыпин П.А. Программа реформ П.А. Столыпина: документы и материалы: в 2 т. Т. 2. Положение о поземельном устройстве крестьян и инородцев на казенных землях Сибирских губерний и областей. М., 1911. С. 275–280.
6. Приговор № 4 от 20 июля 1909 г. крестьян села Бушуйского сельского общества // ГАКК. Ф. 262. Оп. 1. Д. 56. Л. 87, 109.
7. Журнал общего присутствия Енисейского губернского управления, 8 июля 1910. № 588 // Государственный архив Красноярского края. Ф. 262. Оп. 1. Д. 41 а. Л. 201–202.

8. Заявление доверенных от Пировского сельского общества крестьянскому начальнику 2 участка Енисейского уезда // Государственный архив Красноярского края Ф. 262. Оп. 1. Д. 41 а. Л. 183–184; Приговор крестьян Енисейского уезда Бельской волости в Пировском сельском обществе от 29 августа 1909 // ГАКК. Ф. 262. Оп. 1. Д. 41 а. Л. 185.

9. Приговор Кузнецовского сельского общества 28 сентября 1908 // ГАКК. Ф. 262. Оп. 1. Д. 41 а. Л. 186; Приговор Кузнецовского сельского общества от 30 августа 1909 // ГАКК. Ф. 262. Оп. 1. Д. 41 а. Л. 187; Прошение к Заведующему переселением и землеустройством в Енисейской губернии от Кузнецовского сельского общества 13 апреля 1910 // ГАКК. Ф. 262. Оп. 1. Д. 41 а. Л. 207–208; Ответ Трофимова на жалобу крестьян д. Кузнецовой // ГАКК. Ф. 262. Оп. 1. Л. 214–215; Журнал Общего присутствия Енисейского губернского управления 25 ноября 1910 г. № 990 // ГАКК. Ф. 262. Оп. 1. Д. 41 а. Л. 218–219; В Общее присутствие Енисейского губернского управления от Заведующего переселением и землеустройством Григорьева // ГАКК. Ф. 262. Оп. 1. Д. 41 а. Л. 230.

10. Журнал Общего присутствия Енисейского губернского управления 8 июля 1911 // ГАКК. Ф. 262. Оп. 1. Д. 41 а. Л. 186, 227–228.

11. Ответ на запрос заведующего переселением и землеустройством в Енисейской губернии от 8 января 1910г. // Государственный архив Красноярского края. Ф. 262. Оп. 1. Д. 41 а. Л. 186, 193–194.

12. В Бельское волостное правление Енисейского уезда от производителя работ Трофимова 2 марта 1910 // Государственный архив Красноярского края. Ф. 262. Оп. 1. Д. 41 а. Л. 195; От заведующего Енисейской землеотводной партией // ГАКК. Ф. 262. Оп. 1. Д. 41 а. Л. 186, 197–198.

13. Журнал Общего присутствия Енисейского губернского управления 8 июля 1910 № 587 // ГАКК. Ф. 262. Оп. 1. Д. 41 а. Л. 203–204.

14. Приказ Заведующего переселением и землеустройством в Енисейской губернии 21 мая 1912 г. № 31 // ГАКК. Ф. 262. Оп. 1. Д. 185. Л. 127.

РАЗВИТИЕ АВТОМОБИЛЬНОГО ТРАНСПОРТА НА ТЕРРИТОРИИ КУЗБАССА В 1930-е гг.

Батури́н Александр Сергеевич, преподаватель

*Филиал ФГБОУ ВО «Центральная музыкальная школа – Академия исполнительского искусства» «Сибирский», Кемерово, Россия
alex-910891@mail.ru*

Статья описывает формирование автомобильного парка Кемеровской области. Особое внимание уделяется статистике автомобилей, строительству и ремонту дорог. Появляется Кемеровский автомобильный трест, первые такси и Правила дорожного движения. Разработаны ГОСТы дорожных знаков. В заключении приводятся выводы о первых шагах автомобильной промышленности регионального уровня.

Ключевые слова: Кемеровская область, автомобильная промышленность, автомобильные дороги, довоенное время, правила дорожного движения, такси

DEVELOPMENT OF MOTOR TRANSPORT IN THE KUZBASS TERRITORY IN THE 1930s

Baturin Alexander Sergeevich, educator

*Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«Central Music School – Academy of Performing Arts», Kemerovo, Russia
alex-910891@mail.ru*

The article describes the formation of the automobile fleet of the Kemerovo region. Particular attention is paid to automobile statistics, road construction and repair. The Kemerovo Automobile Trust, the first taxis and the Traffic Regulations appear. GOST standards for road signs have been developed. In conclusion, conclusions are given about the first steps of the automotive industry at the federal and regional level. The conclusion provides insights into the first steps of the regional automotive industry.

Keywords: Kemerovo region, automotive industry, roads, pre-war time, traffic rules, taxi

Автомобиль, появившийся еще в конце XIX – начале XX в., стал одним из основных транспортных средств только в XX в. Отечественные изобретатели загорелись мыслью создания автомобиля еще в 1780-е гг. Таким человеком стал Иван Кулибин. Но первый отечественный автомобиль был выпущен только в 1896 г., создателями которого являются Е. А. Яковлев и П. А. Фрезе [7]. В Сибири же автомобили появились в начале XX в., а в Кузбассе и того позже – с приходом советской власти.

В Щегловском районе на 1 января 1932 г. насчитывалось 80 автомобилей и всего за год их численность увеличилась более чем в полтора раза, большинство из которых были отечественного производства. Выпуском автомашин занимались такие заводы как Автомобильное Московское Общество ГАЗ, Горьковский автомобильный завод и Ярославский автомобильный завод [1, с. 94]. То есть процесс увеличения производства новых автомобилей коснулся и Щегловского района: возросло количество поставок в регион.

Ожидаемо, что на территории современной Кемеровской области параллельно с развитием автомобильной промышленности, в начале 1930-х гг. шло и строительство дорог в таких направлениях как Кемерово – Подъяково, Кемерово – Мозжуха, Кеме-

рово – Мазурово. Шло и благоустройство подъездов к шахтам «Ягуновская» и «Крохалевская». В городе был сооружен понтонный мост через реку Томь [1, с. 95]. В тот период времени в Западно-Сибирском краю были следующие типы покрытий дорог: естественные грунтовые, естественные профилированные, улучшенные грунтовые, гравийные, гравийные шоссе, щебеночные шоссе, булыжниковые мостовые, дорожноусовершенствованные, жердочные накатные и настилы. Общая протяженность всех дорог на 1 января 1935 г. составляло 65 094, что за один год увеличилось практически на 200 км. На момент середины 1930-х гг. самым распространенным типом покрытия были естественный грунтовый [3, с. 74]. Подавляющее большинство дорог (93% от общего числа) относилось к районным, сельским и хозяйственным органам. Около 4% имели статус союзных и, наконец, порядка 3% – краевых.

Подобные качественные изменения могли быть связаны с тем, что транспорт являлся важнейшей артерией для развития экономики и социальной сферы области, а дороги – это тот самый связующий элемент между двумя точками.

Строительством сети автомобильных дорог на местах осуществлялось местными органами власти. Так, в 1929 г. для снабжения приисков Семеновский, Первомайский, Центральный, Берикульский, добывающих золото в Мартайге, была создана Тисульская транспортная экспедиционная контора треста «Запсибзолото». Перевозка осуществлялась гужевым способом. Летом 1934 г. поступили первые три автомобиля «ЗИС-5». С 1937 г. появились газогенераторные машины «ЗИС-13». Транспортная контора развивалась стремительно.

Для содержания и ремонта дорог, протяженность которых составляла 197 км, организовали дорожные участки. На дорогах работало 200 человек. Все работы выполнялись вручную [2].

История Чебулинского ДРСУ уходит в 1930-е гг., когда в России в основном пользовались гужевым транспортом, и только начинали свое становление дорожные организации. Как правило, они представляли собой отделы райисполкомов. Затем прошли реорганизации, и сеть автодорог, которые обслуживало ДРСУ, составляла 170 км.

В декабре 1936 г. при Юргинском райисполкоме был образован райдоротдел. С того дня начинается трудовая биография ДРСУ. Райдоротдел тех времен, обслуживая сеть автодорог района протяженностью 175 км, имел в штате четыре кустовых и одного старшего десятников, заведующего отделом, бухгалтера, кассира и семь конюхов. Работы велись на основе гужевой повинности.

На основе всего вышесказанного напрашивается вывод, что автомобильные дороги, пусть и не самого лучшего качества, были необходимы. Поэтому и появляются отделы и управления, занимающиеся строительством и обслуживанием дорог.

Кроме того, в это период времени шло строительство мостов, труб и паромов. Количество мостов в период с 1 января 1934 г. по 1 января 1935 г. увеличилось практически в 1,5 раза (с 4 965 до 6 780 единиц). Их общая длина за указанный выше период также увеличилось также примерно в 1,5 раза (с 58 741 до 83 356 м). Примечательно, что количество труб возросло параллельно с количеством мостов (с 5 209 до 6 734 единиц). Конечно же, их протяженность была значительно ниже, но за период с 1 января 1934 г. до 1 января 1935 г. все же интенсивно увеличилась примерно в 1,5 раза (с 20 184 до 28 142 м). Число же паромов увеличилось незначительно (с 110 до 113 единиц) [3, с. 74].

По мере развития населенных пунктов в числе прочих мероприятий, создавались специализированные автотранспортные предприятия. В некоторых городах будущей области автотранспортные предприятия появились еще в 1930-е гг.: в Таштаголе – в 1934-м, в Итатском, Тисульском и Тяжинском районах – 5 мая 1938 г. [5, с. 2]. Также в г. Ленинск-Кузнецкий автотранспортное предприятие было образовано в 1939 г. [6, с. 8].

Важным фактом еще перед началом войны было появление в 1940-м г. в Кемерово первых такси. Их количество составляло всего в 2 машины из общего количества автомобилей, парк которых насчитывал порядка 1 000 единиц. Удобство передвижения из одного пункта в другой повлияло на появление городского такси. Параллельно с автотакси оставалось популярным и конное городское такси. В теплое время года пассажирам подавались тарантасы, а в холодное – крытые сани. Это был основной вид городского транспорта, который был востребован у кемеровчан в довоенные годы, а стоимость его составляла примерно 10 коп. за 1 км. Поездки считались довольно выгодными. Например, 1 кг мяса на рынке в 1939 г. стоил 5 руб. Главные стоянки «лошадиных» такси располагались у зданий старого железнодорожного вокзала и цирка по улице Кирова. Уже то время в Кемерово за соблюдением правил дорожного движения следили 4 милиционера, которые разъезжали по городу на лошадях и могли штрафовать таксистов-извозчиков [4].

Ожидаемо, что с появлением все большего количества автопредприятий и дорожных управлений, увеличением количества автомашин и даже появлением первых такси, в скором времени должны были появляться и правила дорожного движения (далее – ПДД).

До 1940 г. в стране не было единого свода правил, так как они разрабатывались местными органами власти и в основном были ориентированы на гужевой транспорт. В 1940 г. были утверждены типовые «Правила дорожного движения по улицам и дорогам СССР», на основе которых создавались местные ПДД, разрабатывались единый образец водительского удостоверения, правила учета и технического осмотра.

Таким образом, можно сделать следующие выводы о причинах и предпосылках развития автомобильной промышленности на федеральном уровне:

1) До начала Великой Отечественной войны преимущественно выпускались грузовые автомобили, что свидетельствовало об их необходимости, в первую очередь в промышленности. Подобная тенденция сохранялась и в годы войны.

2) Шло развитие дорожной сети, которая повлекла за собой расширение всевозможных управлений и организаций, занимающихся строительством и обслуживанием дорог.

3) Были сформированы единые правила дорожного движения и появились ГОСТы, введившие дорожные знаки, которые используются и по сей день.

4) Появились первые автомобильные такси, которые некоторое время существовали параллельно с конным. Это было довольно удобно и доступно для жителей региона.

Список литературы

1. Горелов Ю.П. К вопросу о развитии автомобильного транспорта в Сибири и в Кемерове (конец XIX – середина XX вв.) // Балибаловские чтения: мат-лы науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию городского статуса Кемерово, июнь 1998 г. / Кемер. гос. ун-т [и др.]. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1998. С. 92–97.

2. Дорожное хозяйство Кузбасса. Кемерово, 2000.

3. Западно-Сибирский край в новых границах в цифрах. краткий статистический справочник. Новосибирск: Зап.-Сиб. КУНХУ, 1935. 185 с.

4. Из истории кузбасского транспорта... // URL: <https://schreibikus-s.livejournal.com/240170.html> (дата обращения: 01.10.2024)

5. Макарова Е. Нашей истории строки... // Призыв (р.п. Тяжин). 2008. № 24. С. 2.

6. С юбилеем! // Кузбасс. 2013. № 13. С. 8.

7. Шугуров Л.М., Ширшов В. П. Автомобили страны советов. 2-е изд. М.: ДОСААФ СССР, 1983. 128 с.

СОСТОЯНИЕ РАЗВИТИЯ ТОРГОВОЙ СЕТИ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ НА ЭТАПЕ УРБАНИЗАЦИОННОГО ПЕРЕХОДА

Баранова Александра Сергеевна, ассистент

*Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
a-s-baranova@mail.ru*

В статье анализируется состояние развития торговой сети Красноярского края на рубеже 1950–1960-х гг. Представлены материалы по специализации торговой сети и количеству торговых точек. Анализируются причины отставания темпов развития отрасли торговли от темпов развития Красноярского края в целом на этапе урбанизационного перехода.

Ключевые слова: торговля, торговая сеть, Красноярский край, СССР, урбанизация, урбанизационный переход

STATE OF DEVELOPMENT OF TRADE NETWORK OF KRASNOYARSK KRAI AT THE STAGE OF URBANIZATION TRANSITION

Baranova Alexandra Sergeevna, Assistant

*Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia
a-s-baranova@mail.ru*

The article analyzes the state of Krasnoyarsk Krai trade network development at the turn of 1950–1960-ies. The materials on trade network specialization and the number of retail outlets are presented. The reasons of lagging behind the pace of development of the trade branch from the pace of development of Krasnoyarsk krai as a whole at the stage of urbanization transition are analyzed.

Keywords: trade, trade network, Krasnoyarsk Krai, USSR, urbanization, Urbanization transition

Торговля играет ключевую роль в жизнедеятельности общества и экономики страны. В советское время она была не только средством обмена, но и важным элементом социалистической экономики, обеспечивая удовлетворение потребностей населения в товарах и услугах. В условиях плановой экономики, где государство контролировало все аспекты производства и распределения, торговля становилась связующим звеном между производителями и потребителями. Основная задача торговли заключалась в том, чтобы обеспечить население необходимыми товарами, несмотря на существующие дефициты и ее роль только возрастала параллельно процессу урбанизации.

Вторая половина 1950-х гг. в истории Красноярского края стала рубежом, когда городское население стало преобладать над сельским. Так называемый, хоть и не общепринятый термин, урбанизационный переход отмечается на рубеже 1950-х и 1960-х. На 15 января 1959 г. общая численность населения Красноярского края составляла 2 614 тыс. чел. (49,5 % городского и 50,5 % сельского населения) [9, с. 40], а уже в рамках следующей переписи, на 1 января 1961 г. общая численность населения увеличилась до 2 698 тыс. чел. (53 и 47 %, соответственно) [10, с. 44]. Минимальную процентную разницу

мы наблюдаем на начало 1959 г. В дальнейшем процент городского населения будет только увеличиваться вместе с общим количеством населения в регионе. Все это требовало дополнительных мощностей от предприятий торговой сети.

Вторая половина 1950-х проходила под знаком модернизации и успехов в развитии отраслей хозяйства, науки, культуры и пр. Именно такая задача и была поставлена XXI съездом Коммунистической партии: «...превзойти наиболее развитые капиталистические страны по производительности общественного труда, производству продукции на душу населения и обеспечить самый высокий в мире жизненный уровень» [1, л. 17]. Это стремление было отражено в плане развития народного хозяйства Красноярского края. В плане на 1959 г. предусматривался прирост стационарной розничной торговой сети на 105 единиц [1, л. 6]. Здесь стоит отметить, что предыдущий план прироста в 112 единиц не был выполнен [1, л. 31]. Стояла задача решить ряд нерешенных вопросов, тормозивших выполнение планов. Отдельное внимание было обращено на проблему неосведомленности руководителей предприятий и краевых ведомств деталями производства и финансово-экономической деятельностью своих подразделений [1, л. 11].

Для начала, мы рассмотрим специализацию розничной торговой сети по Министерству торговли, Орсам, Главторгу министерства обороны СССР и специализированной сети Министерств и количество действующих торговых предприятий в 1959 г. Целесообразно будет разделить выборку на продовольственные и непродовольственные магазины. Наибольшее число составляли: неспециализированные продовольственные – 66,3 %; булочные и хлебные – 12 %; бакалейно-гастрономические – 10,7 % [8, л. 30]. Среди непродовольственных товаров однозначное преобладание заметно у прочих неспециализированных – 38,9 %; аптек – 22,8 %; за книжных – 10,1 % и посудно-хозяйственных – 8,9 % [8, л. 30] (табл.).

Специализация розничной торговой сети по Министерству торговли, Орсам, Главторгу министерства обороны СССР и специализированной сети Министерств и количество действующих торговых предприятий на 1 января 1960 г.

Специализированные продовольственные магазины	Число торговых точек	Специализированные непродовольственные магазины	Число торговых точек
Булочные и хлебные	108	Тканей	9
Мясные, мясо-рыбные, мясо-рыбо-овощные	31	Обувные	9
Флодоовощные	35	Швейных товаров	9
Бакалейно-гастрономические	97	Мехов и головных уборов	1
Винно-водочные	2	Галантерейно-трикотажно-парфюмерные	10
Молочные	14	Детских товаров	4
Прочие специализированные	18	Культтоваров	14
Неспециализированные продовольственные	599	Книжные	65
Итого продовольственных	904	Посудно-хозяйственные	57
		Мебельные	6
		Нефтелавки	12
		Строительных материалов	5

		Аптеки и магазины Аптеко-управления	146
		Прочие специализированные	30
		Неспециализированные непродовольственные	249
		Универмаги	2
		Магазины по продаже скупленных вещей	5
		Комиссионные	8
		Итого непродовольственных	641

По состоянию на 1 января 1959 г. торговая сеть в целом по Красноярскому краю состояла из 6 976 розничных предприятий на 10 360 рабочих мест [2, л. 49]. За 1959 г. розничная сеть при плане прироста 105 единиц увеличилась на 276 единиц, из них 217 магазинов [2, л. 50].

За 2 года, к 1959 г., торговая сеть возросла на 506 единиц, в том числе магазинов на 195 единиц. Было организовано 17 специализированных продовольственных и 30 книжных магазинов, 41 отдел самообслуживания, 203 промтоварных магазинов и отделов, производящих продажу товаров с открытой выкладкой и по образцам. В 23 магазинах из общего числа производится продажа в кредит [8, л. 83].

На июльском пленуме ЦК КПСС 1955 г., в рамках программы «комплексной автоматизации отраслей народного хозяйства было озвучено стремление по специализации торговых сетей и внедрению прогрессивных форм обслуживания. В Красноярском крае в рамках этой же программы шло оснащение предприятий торговли холодильным и торгово-технологическим оборудованием, была упрощена структура торговых организаций [5, л. 9]. Несмотря на это, недостаток торговых точек продолжал оставаться проблемой для отрасли.

Нормой для РСФСР на 1 рабочее место в торговой сети было 150 человек. Данный параметр стал отражаться в отчетах о развитии народного хозяйства Красноярского края с 1961 г. и вплоть до 1964 г. включительно, он не соответствовал норме по РСФСР. На 1 рабочее место в торговой сети в Красноярском крае приходилось: в 1961 г. – 250 [3, л. 20]; в 1962 г. – 233 [5, л. 10]; в 1963 г. – 205 [6, л. 13]; в 1964 г. – 199 человек [7, л. 6]. Несмотря на ежегодный рост количества предприятий торговой сети, планы ее прироста не выполнялись. Это приводило к дисбалансу, к тому, что Красноярский край оказался не готов к увеличению населения и к его миграции из сел в города. Не оправдала себя и мера по использованию 5% отчислений от капиталовложений на жилищное строительство на развитие торговой сети.

Проблема недостатка магазинов не была единственной, с которой приходилось столкнуться торговле на данном этапе. Это были трудности разного характера: недогруз и неравномерное отоваривание выделенных фондов, завоз товаров без учета спроса потребителей и поставки в неустановленном ассортименте. Имело место несвоевременное заключение договоров на поставку товаров [2, л. 47]. Работа по специализации сети и внедрению новых форм обслуживания проводилась, но ее темпы не соответствовали поставленным планам [3, л. 19]. Также торгующие организации принимали недостаточно мер по сокращению непродовольственных расходов и потерь и ослабляли контроль за количеством товаров, поступающих от промышленности, и нарушали правила хранения товаров и срок их реализации [4, л. 76]. А в системе потребительской кооперации широкое распространение получили факты приписок и

искажений в отчетности для создания видимости благополучия в выполнении планов [4, л. 78].

В итоге на этапе урбанизационного перехода в конце 1950-х гг. в Красноярском крае был и этап активного совершенствования предприятий торговой сети и увеличения их числа. Однако продолжало существовать большое количество не решенных проблем в данной сфере. Вышло так, что развитие Красноярского края было опережающим по отношению к отрасли торговли. Справиться с проблемой перегрузки торговой сети покупателями не удалось в течение первых лет после достижения этапа урбанизационного перехода.

Список литературы

1. ГАКК. Ф.Р-1478. Оп. 3. Д. 347.
2. ГАКК. Ф.Р-1478. Оп. 3. Д. 349.
3. ГАКК. Ф.Р-1478. Оп. 3. Д. 372.
4. ГАКК. Ф.Р-1478. Оп. 3. Д. 385.
5. ГАКК. Ф.Р-1478. Оп. 3. Д. 386.
6. ГАКК. Ф.Р-1478. Оп. 3. Д. 407.
7. ГАКК. Ф.Р-1478. Оп. 3. Д. 429.
8. ГАКК. Ф.Р-1478. Оп. 3. Д. 650.
9. Народное хозяйство РСФСР в 1958. Статистический ежегодник / Центральное статистическое управление при Совете Министров РСФСР. М.: Государственное статистическое изд-во, 1959. 508 с.
10. Народное хозяйство СССР в 1960 (Статистический ежегодник) / Центральное статистическое управление при Совете Министров РСФСР. М.: Госстатиздат ЦСУ СССР, 1961. 943 с.

**И.П. КОРНИЛОВ О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ СЛУЖАЩИМ В ВИЛЕНСКОМ
УЧЕБНОМ ОКРУГЕ ПРАВ И ПРЕИМУЩЕСТВ, ДАРОВАННЫХ
СЛУЖАЩИМ В ЦАРСТВЕ ПОЛЬСКОМ (1867)**

*Ганчар Андрей Иванович, кандидат исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой экономической теории
Гродненский государственный аграрный университет, Гродно, Беларусь
gancharandre1@yandex.ru*

В статье показано отношение попечителя Виленского учебного округа И.П. Корнилова к политике, проводимой к педагогическим кадрам округа в сравнении с другими регионами Российской империи и Царства Польского. С целью сохранения кадров, попечитель находил нужным установить такие же права и преимущества служащим в округе, которые действовали в Царстве Польском.

Ключевые слова: Российская империя, образование, Римско-католическая Церковь, педагогические кадры, политика

**I.P. KORNILOV ON GRANTING TO THE EMPLOYEES OF THE VILNA
SCHOOL DISTRICT THE RIGHTS AND ADVANTAGES GRANTED
TO THE EMPLOYEES OF THE POLISH KINGDOM (1867)**

*Hanchar Andrei Ivanavich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of Economic Theory
Grodno State Agrarian University, Grodno, Belarus
gancharandre1@yandex.ru*

The article shows attitude of the tutor of the Vilensky Educational District I.P. Kornilov to the policy conducted for the pedagogical staff of the district in comparison with other regions of the Russian Empire and the Kingdom of Poland. In order to preserve the staff, the trustee found it necessary to establish the same rights and advantages for employees in the district who operated in the Polish Kingdom.

Keywords: Russian Empire, education, Roman Catholic Church, pedagogical staff, politics

Иван Петрович Корнилов происходил из дворян Псковской губернии. В службу вступил прапорщиком 22 сентября 1830 г. из камер-пажей Пажеского корпуса. 3 октября 1830 г. прибыл в Измайловский полк, где 29 мая 1833 г. получил звание подпоручика, 18 апреля 1837 г. – поручика, 6 декабря 1842 г. штабс-капитана. 11 апреля 1843 г. был назначен старшим адъютантом в штаб главного начальника военно-учебных заведений. 24 января 1846 г. был награжден орденом св. анны 3 степени. За отличие по службе 12 января 1847 г. был произведен в капитаны, 8 ноября 1847 г. – подполковник. По распоряжению начальства командовал 3 бригадой 24 пехотной ди-

визии с 8 ноября 1845 г. по 15 мая 1849 г., а за отсутствием генерал-губернатора Восточной Сибири и командующего войсками, расположенных в ней, был временно командующим ими с 15 мая по 1 ноября 1849 г. 24 января 1850 г. награжден был орденом св. анны 2 степени. 20 декабря 1850 г. за отличие был произведен в полковники. 2 апреля 1851 г. был назначен старшим членом межевой канцелярии, а со 2 марта по 8 декабря 1853 г. являлся, временно, ее председателем, которую исправлял и в дальнейшем. 13 апреля 1857 г. был произведен в статские советники с увольнением от военной службы для определения к статским делам. 3 мая 1857 г. определен инспектором казенных училищ Московского учебного округа. 18 ноября 1859 г. был причислен к МНП. 2 декабря 1859 г. был назначен помощником попечителя Санкт-Петербургского учебного округа. 3 февраля 1864 г. И.П. Корнилову повелено быть попечителем Виленского учебного округа (далее – ВУО). 16 апреля 1867 г. во внимание к ревностной службе и отличным трудом всемилостивейше пожалован орденом св. анны 1 степени [1, л. 1–13].

12 сентября 1867 г. попечитель ВУО И.П. Корнилов выразил в представлении к управляющему Министерством народного просвещения Дмитрию Андреевичу Толстому за № 8881 свое отношение по поводу предоставления служащим в Виленском учебном округе особых прав и преимуществ. Настоящее исключительное положение северо-западных губерний Российской империи, как следствие особых местных исторических обстоятельств, ставило, по глубокому убеждению Ивана Петровича, в такое же положение и ВУО, сравнительно с прочими округами империи, и тем определяло его задачу и характер деятельности. Независимо от прямой педагогической цели, достижение которой здесь соединялось с несравненно большими затруднениями, чем во внутренних губерниях, положение дела возлагало на ВУО такие обязанности, какие не входили в круг деятельности прочих округов.

Попечитель ВУО заверял управляющего МНП, что до последнего мятежа полонизм распространялся здесь, в коренном русском крае, повсеместно и беспрепятственно, так как его представителями и проводниками были весь местный землевладельческий класс, влиятельный, богатый и с польским образованием, а также чрезвычайно искусное в пропаганде римско-католическое духовенство. Представителем же русского элемента было бедное православное духовенство и погрязший в грубом невежестве народ, утративший сознание о своей национальности и находившийся в полной зависимости от польских панов. Полонизм действовал и успевал без помощи военной силы. И если, с одной стороны, нельзя было отрицать, что распространение его в народе отчасти содействовала и сила помещичьей власти, то, с другой стороны, утвердительно можно было говорить, что главнейшими и влиятельнейшими орудиями полонизма были школы, ученые учреждения, наука, литература, журналистика, проповедь, пропаганда, братства, вся польская общественная среда. Ведь до мятежа здесь были польский музей, библиотеки, издавались польские книги, журналы, газеты и процветала книжная торговля.

Затем, с восстановлением в крае законного порядка, польский элемент в администрации и в учебных заведениях должен был, по убеждению И.П. Корнилова, уступить свое место русскому элементу. Народные училища стали быстро возрастать в

числе и все учебные заведения наполнились русскими учреждениями. Русским педагогическим составом предстояло перевоспитать польскую учащуюся молодежь, развить и утвердить в учебных заведениях русское направление и привлечь учащихся к серьезным занятиям учебными предметами. Выполнение этой задачи тем более встречало затруднения, что приходилось иметь дело с молодежью, деморализованной во время бывших беспорядков. Само же выполнение не встречало ни сочувствия, ни содействия со стороны родителей и родственников учащихся. Но этими трудами не могла ограничиться деятельность учебного ведомства. При заявленной правительством и русским обществом осознанной решительной необходимости нравственного слияния края с остальными частями империи, при различных мерах, принятых для его обрусения, в сфере просвещения одной школы оказалось недостаточной. Вынужденно замолкнувшая польская печать, наука и литература оставались не замененными. Ложь польской исторической науки и клевета публицистики, не опровергнутые, продолжали смущать общественное мнение. В крае, где до того времени господствовала умственная жизнь, враждебно направленная против России, нельзя было действовать одними отрицательными мерами. Уничтожая вредное, следовало взамен его создавать полезное. По отношению к науке это было тем важнее и для русских деятелей обязательнее, что местная история, археология и этнография, искаженные пристрастием польских писателей, представляли богатый, неизвестный русской науке, материал, серьезная и правильная разработка которого могла бы свидетельствовать громадным количеством несомненных фактов об исконном господстве русской народности и православия в здешнем крае.

При отсутствии в крае высшего учебного заведения и коренного русского образованного общества, учеными работами могли заняться только лица учебного ведомства. И с 1864 г. начались в крае ученые изыскания, которые без перерыва, с возрастающим успехом, продолжились и дальше. Таким образом в течении последних трех лет лицами учебного ведомства было совершено несколько ученых и художественных экспедиций по краю, осмотрены и разобраны местные архивы, найдены замечательные древние рукописи, акты и грамоты, из библиотек упраздненных р.-к. монастырей и конфискованных имений, равно из книжных приобретений от частных лиц, было образована и открыта в г. Вильно богатая редкими материалами по местной истории публичная библиотека и здесь же был открыт северо-западный отдел Императорского русского географического общества, напечатаны и продолжали печататься акты, грамоты и другие полезные для истории материалы, изготовлялись к выпуску в свет художественные альбомы замечательных памятников православной старины в крае и палеографических снимков с древнейших рукописей и печатных изданий. Печатались различные учебники для средних и низших учебных заведений. Изданы были некоторые сочинения по местной истории, книги для чтения в народных училищах, азбуки, русские, жмудские и латышские календари. Такого рода деятельность учебного ведомства ВУО была вызвана существенной необходимостью, так как наука и литература, по словам И.П. Корнилова, серьезно направленные, составляли могущественное орудие, которое вернее и надежнее многих административных мер могло вести к достижению цели, указанной правительством [2, л. 1–3 об.].

Из вышеизложенного следовало, что состав учителей, от достоинства или недостатка которого вообще везде зависел успех или безуспешность всего дела, в ВУО, по важности возлагаемой на учебное ведомство задачи, должен был в особенности отличаться совершенной благонадежностью, знаниями, усердием и преданностью к делу. А так как единственное средство для наполнения многочисленных учебных заведений ВУО достойными русскими преподавателями составляло вызов их из внутренних губерний, то для того, чтобы привлечь сюда лучшие силы и иметь возможность делать между ними выбор, необходимо было, по мнению И.П. Корнилова, учебной службе в ВУО предоставить некоторые преимущества перед прочими учебными округами. Когда в 1864 г. всем лицам русского происхождения, служащим в северо-западных губерниях, было назначено 50% добавочного содержания, а вызываемым из внутренних губерний учителям, сверх того, двойные прогоны и полугодовые оклады, в то время в кандидатах на службу в ВУО не было недостатка и округ имел недостатка и округ имел полную возможность все вакансии заместить лицами русского происхождения, наиболее благонадежными и способными. Сейчас же обстоятельства значительно изменились и ВУО представлялись очень большие затруднения не только в замещении открывающихся вакансий, но и в удержании на месте лучших служащих здесь преподавателей. Причиной этих затруднений явились следующие обстоятельства: 1) почти во всех прочих округах Российской империи были введены новые штаты, согласно уставу гимназий и прогимназий 1864 г.; по этим штатам жалование учителя было выше содержания и с 50 % прибавкой, получаемой преподавателем в ВУО; 2) в православные семинарии также были введены значительно увеличенные новые штаты, вследствие чего переход профессоров из этих заведений, а также поступление воспитанников духовных академий в учебное ведомство должны были прекратиться; 3) высочайшим повелением, последовавшим 30 июля 1867 г., русским чиновникам, служившим в губерниях Царства Польского, предоставлены были служебные преимущества, каких северо-западные губернии не имели [2, л. 3 об.–5].

Вследствие указанных выше обстоятельств, служба в ВУО, сравнительно с прочими местностями империи, потеряла прежние свои преимущества. Вызов учителей из внутренних губерний делался крайне затруднительным, так как каждый из них охотнее предпочитал спокойную и хорошо оплаченную службу на месте своей родины, или в тех губерниях, где не было противодействовавших национальных элементов тем особым трудам и нравственной борьбы, какие, при меньшем вознаграждении, ожидали русского учителя в северо-западных губерниях. Своего рассадника учителей ВУО не имел. Единственным источником для пополнения педагогических комплектов оставались стипендии округа в Санкт-Петербургском и Московском университетах и стипендии Западного края. Но количество стипендиатов округа было не в состоянии удовлетворить потребности местных учебных заведений, а стипендиаты второй категории определялись на службу не только в ВУО, но и в прочие округа. Так высочайшим повелением было предоставлено начальству Казанского учебного округа право замещать имевшиеся в округе учительские вакансии стипендиатами Западного края в Казанском университете в продолжении одного года. В 1867 г. некоторые из лучших стипендиатов Западного края в этом университете не поступили в ВУО. Та-

ким образом имелись очень уважительные основания опасаться, что при сложившимся невыгодном положении округа количество вакансий в местных гимназиях и прогимназиях должно увеличиваться. Несколько весьма дельных преподавателей, привлеченных лучшим обеспечением и спокойствием службы перешли из ВУО в другие округа и попечитель И.П. Корнилов не имел оснований их удержать. В 1867 г. имелась еще возможность заместить открывшиеся учительские вакансии посредством перевода учителей из предположенных к закрытию Новогрудской и Свенцянской гимназий и Тельшевской прогимназии. Но с течением времени затруднения округа в этом отношении постоянно должны были увеличиваться. От подобных переходов и при том лучших преподавателей ВУО ничем на будущее время не был обеспечен.

Принимая во внимание изложенные невыгоды сложившегося положения ВУО и находя, что с отбытием из края лучших преподавателей, при незамещенных вакансиях, при невозможности привлечь достойных кандидатов, учебное и воспитательное дело в ВУО и вся образовательная его деятельность должны были неминуемо подвергнуться серьезному расстройству, во вред самым существенным интересам края. В видах предупреждения столь бедственного расстройства, попечитель ВУО И.П. Корнилов просил ходатайства управлявшего МНП Д.А. Толстого о предоставлении лицам русского происхождения, служившим в ВУО, служебных преимуществ, которые доставили бы округу возможность удерживать на месте лучших преподавателей и замещать открывавшиеся вакансии, без затруднения, достойными лицами. Попечитель полагал, что было бы вполне совместимо с пользами края, если бы высочайше дарованные 30 июля 1867 г. преимущества русским чиновникам, служившим в губерниях Царства Польского, могли быть распространены и на учебное ведомство ВУО тем более, что служба в северо-западных губерниях была соединена с неменьшими лишениями и трудностями, чем в губерниях Царства Польского. Кроме того, начальники шести северо-западных губерний вошли с представлениями к Главному начальнику края об исходатайствовании служащим в этих губерниях русским чиновникам служебных преимуществ, дарованных для губерний Царства Польского. Копию с данного представления И.П. Корнилов представил к Главному начальнику края и он изъявил совершенное свое согласие с изложенным выше мнением, выразив благосклонную готовность содействовать благоприятному исходу своим ходатайством [2, л. 5–8].

Согласно изъявленной 13 марта 1868 г. императором Александром II воле о назначении попечителя ВУО, действительного тайного статского советника И.П. Корнилова членом совета министра народного просвещения, с сохранением получаемого им содержания, по 6 000 руб. в год, министр народного просвещения Д.А. Толстой 13 марта 1868 г. получил все милостивейшее соизволение сообщить министру финансов, для личного доклада императору, о производстве И.П. Корнилову упомянутого содержания из сумм Государственного казначейства, сверх сметы МНП, так как были заняты две положенные по штату должности члена совета министра народного просвещения, с содержанием по 6 000 руб. в год. При этом Д.А. Толстой исходатайствовал о пожаловании И.П. Корнилову, при назначении его членом совета министра народного просвещения, чина тайного советника.

На должность попечителя ВУО, ставшей таким образом вакантной, Д.А. Толстой полагал назначить члена совета министра внутренних дел, тайного советника Помпея Николаевича Батюшкова, с таким содержанием, какое производилось действительному статскому советнику И.П. Корнилову, т. е. с жалованьем в 2 500 руб. и со столовыми в 3 500 руб. при казенной квартире [1, л. 21–22, 25].

Получив 21 марта 1868 г. предложение министра от 16 марта 1868 г. за № 2538 с высочайшим указом, данным 13 марта 1868 г. Пр. Сенату о назначении себя членом совета министра народного просвещения с увольнением от должности попечителя, И.П. Корнилов 23 марта 1868 г. передал управление ВУО окружному инспектору, действительному статскому советнику фон-Траутфеттеру. По всеподданнейшему докладу министра финансов отношения управляющего МНП от 8 мая 1868 г. император Александр II высочайше соизволил на отпуск из Государственного казначейства в пособие на подъем тайным советникам П.Н. Батюшкову 3 000 руб. и И.П. Корнилову 1 000 руб. 21 июня 1869 г. члену совета министра народного просвещения И. П. Корнилову было поручено временное управление Санкт-Петербургским учебным округом. 23 января 1871 г. И.П. Корнилов был назначен почетным опекуном Санкт-Петербургского присутствия опекунского совета учреждений императрицы Марии, присутствующим в Санкт-Петербургском опекунском совете, с оставлением в прежней должности члена совета министра народного просвещения. 24 июля 1877 г. И.П. Корнилову вновь было поручено временное управление Санкт-Петербургским учебным округом. Неоднократно во время отсутствия князя Ширинского-Шихматова обязанности товарища министра народного просвещения исполнял И.П. Корнилов. Ввиду свершившегося 12 октября 1880 г. пятидесятилетия службы почетному опекуну И.П. Корнилову были пожалованы орденские знаки св. благоверного великого князя Александра Невского. 1 апреля 1892 г. к празднику св. Пасхи И.П. Корнилову были пожалованы бриллиантовые знаки ордена св. благоверного великого князя Александра Невского, а 31 марта 1901 г., также к предстоящему дню св. Пасхи, – орден св. Владимира 1 степени. 2 июля 1901 г. член совета министра народного просвещения, действительный тайный советник И.П. Корнилов скончался. В пособие на покрытие расходов по погребению умершего было отпущено из казны единовременно 1 000 руб., с отнесением расхода на предвидимые остатки по действующей смете МНП [1, л. 33, 41, 52, 69, 112–112 об., 134–134 об., 140, 199, 255, 275].

Список литературы

1. РГИА. Ф. 733. Оп. 120. Д. 516. Л. 284.
2. РГИА. Ф. 733. Оп. 193. Д. 330. Л. 10.

ЗАБАЙКАЛЬСКОЕ КРЕСТЬЯНСКОЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЕ ХОЗЯЙСТВО (XVII–XIX вв.)

*Зайцева Любовь Алексеевна, доктор исторических наук, профессор
Бурятская государственная сельскохозяйственная академия им. В.Р. Филиппова,
Улан-Удэ, Россия
klio1976@mail.ru*

В статье автор подчеркивает, что начиная с XVII в. большой вклад в хозяйственное освоение Забайкалья вносит русское население. Первые опыты занятия земледелием связаны с деятельностью служилых людей. Русская колонизация Забайкалья была крестьянской, хозяйственной. Автор определяет земледельческое хозяйство в Забайкалье – как хозяйство объединяющее земледелие, скотоводство и промыслы.

Ключевые слова: Забайкалье, старообрядцы-семейские, русские, буряты, земледелие, скотоводство, землепользование

TRANSBAIKAL PEASANT AGRICULTURAL ECONOMIES (IN XVII-XIX CENTURIES)

*Zaitseva Lyubov Alekseevna, Doctor of Historical Sciences, Professor
Buryat state Academy of Agriculture named after V.R. Philippov, Ulan-Ude, Russia
klio1976@mail.ru*

In the article, the author underlines that beginning from the XVIIth century the Russian population has contributed a lot for the development of Transbaikalia region. The first arable farming cases taken place on these territories were connected with the activity of the service class people. Colonization of Transbaikalia territories by the Russians was of peasant and economic nature. The author defines agricultural economies in Transbaikalia as units comprising husbandry, animal husbandry and crafts.

Keywords: Transbaikalia, Old-Believers, Russians, Buryats, arable farming, animal husbandry, land use

В 1851 г. Забайкалье было выделено из состава Иркутской губернии и составило самостоятельное территориальное образование в границах Российской империи – Забайкальскую область с центром в г. Чите. В XIX в. область включала в себя Верхнеудинский и Нерчинский округа; ранее называлась Даурией, Западное Забайкалье – Селенгинской Даурией. Ныне это территория Республики Бурятия и Забайкальского края.

Внутри этого региона издавна существовал ряд особенностей. Во-первых, Забайкалье разделяется на западную и восточную части, которые отличаются по климатическим и почвенным условиям. Особенности климата и почвы повлекли за собой специализацию этих регионов, разделение их на земледельческий и скотоводческий районы. Во-вторых, в XVIII–XIX вв. в Восточном Забайкалье собственником земли был Кабинет, а в Западном Забайкалье, со времен первых поселенцев, земля принадлежала государству [1, с. 3]. В-третьих, Забайкалье – регион особый в этническом и религиозном плане: многонациональный и многоконфессиональный. В-четвертых,

необходимость защиты границ Забайкалья в XIX в. повлекла за собой образование бурятских и эвенкийских казачьих отрядов. Все эти особенности наложили отпечаток на жизнь и хозяйственную деятельность крестьян края.

Крестьяне – основные жители Забайкалья, они накопили большой опыт в ведении земледельческого хозяйства, выработали навыки и знания по получению урожая, не взирая на капризы суровой забайкальской природы.

В XVII в. в Забайкалье получают развитие сельское хозяйство, ремесла, промыслы, усиливается приток русского населения – служилого, вольного, военного. Хозяйственное освоение происходит при полном покровительстве российского правительства. Эти тенденции в развитии Забайкалья будут продолжаться в XVIII в. – I половине XIX в. На территории Предбайкалья и Забайкалья были созданы Иркутский и Верхнеудинский уезды. В XVIII в. на территории Иркутского уезда было 544 населенных пункта, Верхнеудинского – 252 [2, с. 73].

Начиная с XVII в. большой вклад в хозяйственное освоение края вносит русское население. Первые опыты занятия земледелием связаны с деятельностью баргузинских, селенгинских, нерчинских служилых людей. Появляются деревни. В Забайкалье и Предбайкалье такие деревни располагались на расстоянии 3-7 верст и насчитывали несколько дворов. В Предбайкалье для развития земледелия были лучшие условия – больше ровных мест, плодородной земли, выше урожай. В Забайкалье пахотные места занимали долины рек Селенги, Уды, Хилка, Ингоды, Шилки [3, с. 244].

В середине XVIII в. русское население Прибайкалья значительно увеличилось благодаря переселению старообрядцев – семейских. Переселенцы снабжались хлебом на продовольствие и семена, сельскохозяйственными орудиями и лошадьми, в течение первых 6 лет освобождались от платежей и повинностей, а по истечении этого срока платили подушную подать и натуральный земельный налог (по 2 пуда с десятины). В результате расселения по южному Прибайкалью этих трудолюбивых людей незначительные поселки превратились в огромные селения – Бичура, Мухоршибирь, Тарбагатай, Урлук, Никольское и др. Семейские производили огромные посевы зерновых, которыми снабжали зерном Забайкалье и Иркутскую губернию, ежегодно отпуская в продажу свыше 500 тыс. пудов хлеба [4, с. 12].

Русские земледельцы принесли в Забайкалье свои традиционные культуры и приемы обработки земли. Ведущей культурой стала рожь. Выращивали ячмень, пшеницу, горох, гречиху, просо, коноплю. В первые годы русские крестьяне занимались сошным земледелием, использовали переложную систему земледелия [5, с. 122]. Развивалось и огородничество. В силу подсобного характера огорода устраивали на усадьбных землях. Выращивали капусту, морковь, лук, свеклу, репу, чеснок, огурцы, табак, в небольших количествах картофель, который в XIX в. стал полевой культурой.

С 40-х гг. XVIII в. пашенное земледелие начинают осваивать буряты. Царское правительство содействовало развитию земледелия у бурят: раздавало семена, инвентарь, предоставляло льготы от выплаты ясака на некоторое время.

В Забайкалье сложился вольнозахватный режим землепользования. Из-за нехватки земель вблизи селений крестьяне и казаки переходили к земельно-захватной системе приобретения земель, когда поля распахивались на удаленных участках. Захваченные участки считались собственностью семей их распахавших, и переходили от отца к сыну. Право собственности терялось если участок забрасывался. Сельская община ограничивала право собственности на землю, не допуская сделок с землей с представителями других общин. С 1828 г. государство разрешило крестьянам пользоваться захваченными и разработанными участками пашни, которые получили назва-

ние «чертежи», в течение 40 лет. Захватная система земледелия существовала благодаря относительной малочисленности населения, наличию свободных земель.

В среднем на хозяйство в Забайкалье приходилось по 5,3 дес. пашни, 3,4 дес. посева, 36,5 голов скота [6, с. 12; л. 1 об]. Это средний показатель, одинаковой мерой измеряющий как крестьянское, так и казачье, и инородческое хозяйство. А между тем каждое из них отличалось от другого. Для крестьян-земледельцев скотоводство было лишь придатком к хлебопахотному хозяйству, для инородцев (бурят и тунгусов) – хлебопахотное хозяйство – придаток к скотоводству и промыслу, казаки совмещали и то, и другое [7, с. 12]. В сравнении с крестьянским хозяйством Центральной России забайкальский крестьянский двор имел вдвое больше скота (18,9 против 8,6), казачий – даже в 4 раза [8, с. 13].

Земледельческое хозяйство в условиях Забайкалья отличалось от того, которое было в центре России. Это было хозяйство, объединяющее земледелие, скотоводство и промыслы. Были и чисто скотоводческие хозяйства, но в основном у инородцев. Местное сельское хозяйство было недостаточно организовано. Здесь преобладала двухпольная паровая система, а на половине территории система перелогов со значительным процентом распашки по «нови». В скотоводстве была не система откорма, а нагуливание скота и зимняя его пастьба по ветошам, т.е. в том и другом случаях типичная форма экстенсивного хозяйствования [9, с. 62].

Строительство Транссибирской железной дороги дало толчок к развитию зернового хозяйства, но к этому времени иссяк запас фонда пригодных земель под распашку. Существенное значение имело и то обстоятельство, что русская колонизация края была крестьянской, хозяйственной и для развития земледелия требовались земельные угодья совершенного иного достоинства, чем земли необходимые для развития скотоводства. Все это приводило к возникновению споров о земле между переселенцами и коренными жителями [10, л.1; л. 75, 76].

К концу XIX в. в Западном Забайкалье около 82 % территории составляли пустопорожние земли. Русские крестьяне занимали 23,3 % от общего количества удобных занятых земель. Сравнительно низкое земельное обеспечение крестьян удобными землями определялось непригодностью большинства земель к хлебопашеству, а значительное количество земли у коренного и казацкого населения – скотоводческим типом их хозяйства [11, с. 14, 15].

Земельные угодья крестьян слагались из усадебных мест, пашен, сенокосов, лесов. Каждому соответствовала своя форма землевладения: захватная, ограниченно-захватная, общинно-передельная. В конце XIX в. в основной массе все удобные земли находились в прямом подчинении у крестьянской общины, которая разрешала захваты и проводила переделы пахотных земель.

В хозяйстве русского крестьянина, в отличие от хозяйств бурят и казаков, пастбища и сенокосы занимали незначительное место. Крестьяне держали скот в хозяйстве, когда была необходимость для эффективного ведения земледельческого хозяйства. Сенокосы подвергались переделам, а их цикличность зависела от размеров участков – чем меньше пай, тем чаще передел. Усадебные земли крестьян не подвергались переделам.

Важное место в экономике забайкальских крестьян занимало животноводство, которое фактически было вторым после земледелия. По удельному весу от общего поголовья скота на первом месте в хозяйстве крестьян стоял крупный рогатый скот, далее – овцы, козы, свиньи и лошади.

Если сравнить крестьянское хозяйство Забайкалья и европейской части России, то можно отметить, что обеспеченность лошадьми была в Забайкалье выше. Объяснение находим в более больших размерах запашки на двор, необходимостью проведения полевых работ в сжатые сроки в условиях рискованного земледелия, значительными пространствами, развитием извозного промысла.

Обеспеченность русских крестьян скотом по сравнению с другими группами населения Забайкалья была невысокой. По количеству рогатого скота крестьяне уступали казакам более чем в половину, бурятам – в 4,5 раза, по количеству лошадей – в полтора раза, мелкого рогатого скота – в 3,5 раза казакам и в 7,5 раз бурятам. Лишь по количеству поголовья свиней крестьянские хозяйства находились в примерно равном отношении с другими категориями населения [12, с. 189, 200, 202].

Русское сельское население и значительная часть городского занимались смешанным земледельческо-скотоводческим хозяйством, которое было также характерно и для казачьего населения области. Коренное население Забайкалья – буряты и эвенки – занималось традиционными видами хозяйственной деятельности.

Список литературы

1. Гарбуз И.В. Крестьянство Забайкалья второй половины XIX в.: историческое исследование: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2004. 22 с.
2. История Бурятии. Т. 2. XVII – начало XX вв. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. 623 с.
3. Зайцева Л.А. Забайкальская крестьянская община // Монгольский мир: новый век – новые вызовы (Улымжиевские чтения – IV: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф., 24–25 июня 2010 г.). Улан-Удэ: Бэлиг, 2011. 244 с.
4. Селищев А.М. Забайкальские старообрядцы, семейские. Иркутск, 1920. 82 с.
5. История Бурят-Монгольской АССР. Т. 1. Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1954. 496 с.
6. Соколов В.Н. Забайкальское хозяйство и рынок (Проект распределения Забайкальской области на экономические районы). Чита, 1918. 119 с.; Государственный Архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 1053. ОП. 1. Д. 9. Л. 1 об.
7. Зайцева Л.А. Заселение и хозяйственное освоение русскими Прибайкалья и Забайкалья // Народы центральной Азии на пороге XXI в.: мат-лы междунар. комплексной экспедиции. Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1998. С. 3–16.
8. Соколов В.Н. Указ. соч. С. 13.
9. Зайцева Л.А. Экономическое развитие забайкальского крестьянского хозяйства (XIX – 30-е годы XX вв.) // Наука, образование в системе культуры: Сибирь и Россия: освоение, развитие, перспективы: мат-лы 4-й Всероссийской науч. конф. Красноярск: КГАУ, 2006. С. 61–65.
10. ГАРБ. Ф. 187, ОП. 1, Д. 15, Л. 1; Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 478. ОП. 3. Д. 3086. Л. 75, 76.
11. Пыкин П.В. Русская деревня Западного Забайкалья на рубеже XIX – XX вв.: население, экономика, культура: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2001. 24 с.
12. Зайцева Л.А., Андреев Ч.Г. Очерки аграрной истории Бурятии. Улан-Удэ, 1993. 214 с.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ОРГАНИЗАЦИИ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ НОВОСЕЛОВ И СТАРОЖИЛОВ В СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Тихоньких Виктор Петрович, свободный исследователь

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, Абакан, Россия

victor.tikhonkikh@mail.ru; victor.tik1946@yandex.ru

В статье предпринято исследование социальных и экономических последствий земельных взаимоотношений старожилов Сибири с пришлым крестьянским населением во второй половине XIX века, которые часто проявлялись в хозяйственных конфликтах. Автор рассматривает конфликты как проявление противоречий социально-экономического развития сибирского общества и как одно из средств их решения.

Ключевые слова: Сибирь, субэтнос, субкультура, сторожил, новосел, конфликт

SOCIO-ECONOMIC CONSEQUENCES OF THE ORGANIZATION OF LAND USE OF NEW SETTLERS AND OLD-TIMERS IN SIBERIA IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY

Tikhonkikh Viktor Petrovich, Independent researcher

Khakass State University named after N. F. Katanov, Abakan, Russia

victor.tikhonkikh@mail.ru ; victor.tik1946@yandex.ru

The article undertakes a study of the social and economic consequences of land relations between old-timers of Siberia and the foreign peasant population in the second half of the 19th century, which often manifested themselves in economic conflicts. The author considers conflicts as a manifestation of contradictions in the socio-economic development of Siberian society and as one of the means to solve them.

Keywords: Siberia, subethnos, subculture, watchman, new settlement, conflict

После отмены крепостного права в 1861 г. часть бывших крепостных и государственных крестьян направилась в Сибирь, где как им представлялось имелись обширные территории пригодные для развития сельских хозяйств. На самом деле земельный ресурс, пригодный для земледелия был ограничен, с одной стороны, с другой стороны, «коренное» сибирское население – старожилы – ментально и по способам землепользования заметно отличалось от вновь прибывших поселенцев, поэтому между новоселами и старожилами возникали противоречия экономического и социально-психологического характера.

Рост численности переселенцев был более динамичен, чем рост численности старожилов. По переписи 1897 г. во второй половине XIX в. численность переселенцев в сибирской сельской местности увеличилась с 22 до 37 %. В городской местности – с 31 до 65 %. За 1861–1891 гг. в Сибирь прибыло 450 тыс. переселенцев. Значительный приток приезжих из-за Урала наблюдался в 1885–1905 гг. – 1,5 млн человек [1, с. 36–37]. Доля старожилов (включая казаков) в общей численности крестьянского

населения региона (без учета представителей аборигенных этносов) в 1897 г. составляла 61 %, а в 1914 г. – 40 % [2, с. 23]. Следствием такой динамики аграрного переселения из-за Урала стало превышающее естественный прирост увеличение сельского населения края и числа крестьянских дворов за счет новоселов. Конечно, это не полные данные, но они отражают тенденцию роста народонаселения Сибири за счет переселенцев Европейской России и уменьшение доли старожилов.

Отсутствие благоприятных земель для ведения хозяйства, недостаток средств обработки земли у большинства новоселов, другая ментальность, вызывало противопоставление «сибиряков» и «наезжих», представляло собой одну из вариаций деления сибирского социума на уровне бытовой и экономической психологии на «своих» и на «чужих», «своих» и «русских людей». Понимание сущности жизни, хозяйствования, восприятие мира новоселов и старожилов заметно расходилось. У русского крестьянина средней полосы отсутствовало представление о естественном праве на владение землей. В Сибири же такое право существовало, основанное на приоритете первого захвата и затраченного труда на приведение земли в культурное состояние. Учитывалась длительность владения земельным наделом, что являлось доказательством справедливости владения собственностью. В хозяйственной практике переселенца такого понимания права владения землей не было. Претензии переселенцев на землю сибирских общин, а значит и на владения давних жителей Сибири, с точки зрения старожилов, являлись не обоснованными.

После крестьянской реформы 1861 г. вышел ряд правительственных законодательных актов, изменивших права владения крестьянами европейских губерний земельной собственностью. Крестьяне начинают строить свои отношения на основе писанного, государственного, права [3, с. 73–108]. Переселенцы в спорах с старожилами по вопросам землепользования обращались к земельным законодательным актам принятым правительством после отмены крепостного права в европейской части России, которые почти не учитывали традиции землепользования в Сибири. Требования официального земельного законодательства учитывающего ведение крестьянского хозяйства в европейской части России старожилами игнорировалось как идущего в разрез с историческими традициями и реальностями землепользования в Сибири. В частности, на Сибирь переносилось уравнительное наделение землей по количеству душ мужского пола. Определялась единая норма наделения землей и одинаковый размер платежей для всех крестьян [4, с. 264]. Что не принималось старожильским сибирским крестьянством.

Официальная структура правового государственного регулирования в России, в том числе в Сибири земельных отношений была разработана недостаточно и не отражала реального состояния проблемы. Крупный государственный деятель Российской империи, занимавшийся земельными отношениями, А. И. Васильчиков писал: «Нигде понятие поземельной собственности не было так смутно и шатко, как у нас, не только в сознании народа, но и у правительства» [5, с. 297].

Если в Европейской России межевание было осуществлено почти повсеместно, то в Сибири размеры крестьянского землевладения оставались неопределенными. Межевания земель отсутствовало. Во второй половине XIX века назрела необходимость введения единого порядка, с учетом особенностей Сибири, пользования и распоряжения земельным наделом. Для этого необходимо было ввести официальные межевые разграничения. Размежевание земель нужно было для того, чтобы новоселы не оседали на землях, фактически находящихся в чужом владении и для предоставления новоселам пригодных к земледелию участков [6, с. 1–2].

Особые затруднения вызывало выделение земли для ведения хозяйства необходимого качества. Описания качества земли носили общий характер и не давали материалов для заключений о ее хозяйственной ценности или даже просто пригодности отводимых земель. Не было четкого понятия, что считать «удобной землей». Часть земель, пригодных для ведения хозяйства, оставались в пользовании казны и не передавались переселенцам [7, с. 13–23].

Поверхностное определение качества вело к тому, что далеко не вся выделяемая «удобная земля» была пригодна для земледелия. К тому же земли переселенцам по Закону от 13 июля 1889 г. были отведены не на праве частной собственности, а на ограниченном праве пользования с исключением свободы распоряжения отводимым участком [8, с. 22].

К 1893 г. была выработана правительственная программа аграрных мероприятий в Сибири. Главные ее пункты были намечены во время подготовки «Временных правил» и в самих правилах от 13 июня 1893 г. Прежде всего, отрицались какие-либо права крестьян, на землю, находившуюся в их фактическом пользовании. Последующий закон 23 мая 1896 г. о поземельном устройстве крестьян Сибири окончательно признавал собственность государства на землю. Земля отводилась в постоянное пользование сельским обществам из расчета по 15 десятин на наличную душу мужского пола. Законом предполагалось выделение на душу также лесного надела в 3 десятины. Но он не входил в обязательную наделную норму, а отводился по возможности за дополнительную плату – особый лесной налог [9, с. 35]. По разграничению, проведенному в рамках межевания из пользования старожилов была изъята значительная часть отведенных им прежде земельных угодий, в том числе наиболее ценных для ведения хозяйства.

Земли, благоприятные для ведения хозяйства, все же в основном оставались за старожилами. Но земельные наделы отводились им лишь в пользование на условиях платежа оброчной подати [10, с. 87–137].

Основной проблемой организации землепользования в Сибири стало несоответствие писанного и обычного права в земельных отношениях. Старожилы отстаивали захватное право и считали его справедливым. Заняв свободный участок земли и обрабатывая его, сибирский крестьянин-сторожил считал себя полноправным хозяином этой земли. Этот факт признавался законным и его односельчанами. В результате он владел тремя основными правами собственности: владение, пользование и распоряжение. Для охраны своего права на исключительное владение землей он не оставался и перед насилием, и перед обращением к авторитету старосты, волостного суда и почти всегда получал защиту своих прав. Обычное право «трудовой собственности», подкрепленное вложенным трудом и материальными средствами, старожилы ставили выше официального юридического права на землю и угодья. Затрата труда служила, в большинстве случаев, определяющим фактором владения землей [11, с. 97].

Одной из форм защиты своей собственности был отказ принимать новоселов в состав земельных обществ и выделения им земельных наделов. Были и случаи захвата старожилами земли, предназначенной для наделения новоселов. Новоселы, чтобы получить земельный надел и войти в общину, вынуждены были в отдельных случаях покупать у общества «право на поселение». С души мужского пола за приемный приговор приходилось платить от 50 до 100 рублей. Таких денег у многих просто не было. Переселенцы часто просто отказывались платить [12, с. 625–630].

Со стороны старожилов требование денег не было стремлением к наживе, а было одним из способов защиты своей собственности.

Кроме отказов в приеме в общину использовались и другие способы противодействия новоселам: разорялись их жилища, осуществлялась потрава посевов и пастбищ, вырубался лес вблизи поселений новоселов, уничтожались колодцы, случались физические столкновения. В 1883 г. крестьяне деревни Новоторышкино Бийского округа жаловались Бийскому окружному исправнику о земельном «стеснении их переселенцами». В ответ старожилы на сходе приняли решение: «Не допускать переселенцев работать на пашнях, отбирать у них полевые орудия». Новоселы в свою очередь, около 200 чел., пригрозили также использовать насилие. Конфликт грозил перерасти в открытое физическое противостояние. Бийский окружной исправник доносил, что «настойчивость и упорство переселенцев в Бийском округе привели местное население к крайнему против них озлоблению, так что возникшую борьбу из-за владения ими участками земли нельзя уже сдерживать внушениями и уговорами, как это делалось до сего времени» [13, с. 73–109].

С одной стороны, старожилы стремились изгнать переселенцев из своих сел, а с другой стороны, переселенцы требовали предоставления им возможности использовать надел в тех селениях, где они остановились [12, с. 625–639].

Старожилы были правы. Было несправедливо лишаться земли, освоенной их предками, они не понимали, почему землю, которой они пользовались несколько поколений, вложили в нее свой труд, у них отбирают и передают новопоселенцам. Им были не понятны жалобы переселенцев на то, что они владеют лучшими и близлежащими около селений землями, что было естественно, определено длительной историей землепользования, и не желали их передела. Земли были освоены трудом старожилов и по сибирским правилам не подлежали переделам, но психология европейских крестьян была настроена на переделы, традиционные в Европейской России.

Социальная напряженность была часто связана с нищетой подавляющего числа переселенцев. Если для переселенцев сразу находилась свободная и пригодная для жизни и земледелия земля, то для ее освоения после изнурительного и затратного пути в Сибирь у многих попросту не оставалось средств. Лишь часть новоселов имела необходимые средства для немедленного заведения хозяйства, у большинства же не было ни денег, ни самых необходимых орудий труда и даже жилья. Исследователь аграрного вопроса Сибири конца XIX – начала XX в. А.А. Кауфман отмечает, что большая часть переселенцев прибывала без достаточных средств ведения хозяйства. Она испытывала недостаток инвентаря, лошадей и другого домашнего скота [14, с. 301–302]. Ряд старожилов, используя фактор неустроенности новоселов, видели в них источник дешевой рабочей силы: работа по найму, аренда земельных угодий у зажиточных старожилов [15, с. 3–18].

Развитием аграрного сектора Сибири сопровождалось социальной напряженностью, размыванием общинных порядков и атомизацией деревни. Трения между старожилами и новоселами имели не только экономическую, но и социально-психологическую основу. Традиционное сознание великорусских крестьян было адаптировано к окружающей среде Европейской России в условиях крепостного права, господства помещичьего землевладения и малоземелья, которое выражалось в адекватном психологическом состоянии. Оно не могло быстро трансформироваться и приспособиться к иным сибирским условиям жизни. Прежние пространственно-географические образы и стили социально-экономических отношений исчезли, а новые не могли быстро стать привычными. Сибирская среда местообитания требовала выработки новых адаптивных традиций, а для этого необходимо было время, тогда как обеспечивать свое существование необходимо было сейчас. Однако, попадая в мир старожилов, переселенцы постепенно расставались со своими «российскими» традициями, привычками, растворялись в условиях новых отношений, новой системы хозяйствования.

Следствием конфликтов как проявления противоречий социально-экономического развития сибирского общества и как одно из средств их решения стали уникальные этносоциальные последствия. Противоречия и одновременное сотрудничество переселенцев и старожилов постепенно вели к полиэтнизации и полисубэтнизации сибирской деревни, а впоследствии к ее десубэтнизации. Это касалось и городского населения. К концу XIX в. в Сибири сложился субэтнос великорусского этноса – сибиряки [16]. Это была субэтническая, а не только географическая группа, со своим набором ментальных, социальных, бытовых, языковых и культурных характеристик. Население Сибири все более приобретало однородность, так как в основе его лежал великорусский этнос.

Список литературы

1. Иванцова Н. Ф. Западно-сибирское крестьянство в 1917 – первой половине 1918 гг. М: Прометей, 1993. 352 с.
2. Ильиных В.А., Рынков В.М., Шиловский М.В. Аграрные преобразования и сельское хозяйство Сибири в XX веке: очерки истории. Новосибирск, 2008. 307 с.
3. Сатлаев Ф.А. Земельная политика царизма в Горном Алтае в пореформенный период (1861–1913 гг.) // Проблемы истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1987. С. 73–109.
4. Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев. СПб., 1912. 395 с.
5. Васильчиков А.И. Землевладение и земледелие в России в других европейских государствах. Т. 1. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1881. 507 с.
6. Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутск: Тип. К.И. Витковской, 1893. Т. 3. 778 с.
7. Семиколенов М.В. Проблема собственности на крестьянские наделные земли в Сибири во второй половине XIX века // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 6 (38). С. 13–23.
8. Молодых И.А. К реформе переселенческого дела // Вопросы межевания и землеустройства. М., 1906. Кн. 4. С. 36–37.
9. Храмков А.А. Земельная реформа в Сибири (1896–1916 гг.) и ее влияние на положение крестьян. Барнаул: Алтайский государственный университет, 1994. 91 с.
10. Сухотина Л.Г. О правовом положении крестьян Сибири пореформенного периода (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Вопросы истории Сибири. Вып. 5. Томск, 1970. С. 87–137.
11. Платонов О.А. Русский труд. М.: Современник, 1991. 335 с.
12. Кириллов А.К. Столкновения переселенцев и старожилов в Сибири накануне и в ходе столыпинского переселения: функции социального конфликта // Историко-экономические исследования. 2019. Т. 20, № 4. С. 625–639.
13. Материалы для изучения быта переселенцев, водворенных в Тобольскую губернию за 15 лет (с конца 70-х до 1893 г.). Т. 1. М., 1895. 541 с.
14. Кауфман А. А. Хозяйственное положение переселенцев, водворенных на казенных землях Томской губернии: По данным произведенного в 1894 г. по поручению г. Томского губернатора подворного исследования. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1896. 341 с.
15. Худяков В.Н. Аренда земли и ее роль в сибирской деревне накануне строительства Сибирской железной дороги / Из истории Западной Сибири и Омской области. Омск, 1972. Вып. 66. С. 3–18.
16. Курилов В.Н. Русский субэтнос Западной Сибири в середине XIX в.: расселение и топонимия. Новосибирск, 2002. 29 с.

СЕКЦИЯ 6. КОНСТРУИРОВАНИЕ КАТЕГОРИИ ПРЕСЕЛЕНЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО/ОБЩЕСТВО: МЕТОДОЛОГИЯ, ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ

УДК 930.1

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ КАК ОПЫТ ДЕТСТВА: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Сентябова Мария Викторовна,

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
m.v._redko@mail.ru

Исследование посвящено основным подходам к осмыслению детского опыта переселения в современной российской историографии. Автор работы рассматривает вопросы миграции и переселения через призму истории детства, уделяя особое внимание разбору основных исследовательских концепций детского переселения.

Ключевые слова: история детства, переселение, дети-переселенцы, историография, детская миграция

RESETTLEMENT AS A CHILDHOOD EXPERIENCE: CONCEPTUAL ANALYSIS

Sentyabova Maria Viktorovna,

Krasnoyarsk state agrarian university, Krasnoyarsk, Russia
m.v._redko@mail.ru

The research is devoted to the main approaches to understanding the children's experience of resettlement in modern Russian historiography. The author of the work examines the issues of migration and resettlement through the prism of childhood history, paying special attention to the analysis of the main research concepts of child resettlement.

Keywords: childhood history, resettlement, displaced children, historiography, child migration

Одним из вызовов, с которым сталкивается мир в настоящее время, является существенное увеличение миграционных потоков. Рост численности мигрантов всех возрастов в крупных городах Российской Федерации неизбежно приводит к повышенному вниманию к проблеме детей-мигрантов. По оценкам специалистов, в 2023 г. к этой социальной категории может быть отнесено от 6 до 20 % всех пребывающих в России иностранцев, а потому от процесса их интеграции во многом зависит социальный порядок в стране в ближайшие десятилетия [1, с. 566]. Научный подход к теме детей-переселенцев неизбежно требует к изучению особенностей существования этого явления в прошлые исторические этапы, что представляется невозможным без формирования концептуального подхода к изучаемому вопросу.

Настоящее исследование своей целью ставит определение основных подходов к осмыслению детского опыта переселения в современной российской историографии. Особенно интересным в этом контексте представляется рассмотрение вопросов миграции и переселения через призму такого научного направления как история детства.

В отечественной исторической науке тематика детской истории начинает полноценно развиваться только в 2000-х гг., оформляясь как научное направление к середине 2010-х гг. [2, с. 37]. Поэтому значительное количество вопросов, касающихся проблематики детства в прошлом, до настоящего времени остаются недостаточно проработанными. К таковым относится и тема детского переселения и миграции. Она освещалась в значительном количестве публикаций, посвященных исследованию детской повседневности, социального обеспечения и государственной политики в отношении детей в конкретных исторических условиях. Однако среди самостоятельных исследований, посвященных феномену детской миграции, в настоящее время можно назвать только статьи Н.А. Леоновой [3], что явно не раскрывает весь исследовательский потенциал темы.

Сложившаяся ситуация заставляет обратиться к изучению основных подходов, в рамках которых исследователи обращаются к теме детей-переселенцев и детского опыта переселения. Во многом эти подходы базируются на концептуальных основах истории детства. Ключевой из них является идея детства как отдельной части жизни, наделенной самостоятельной социальной и психологической ценностью [4, с. 7.]. Прямым следствием этого является присущая детям другая, отличная от взрослой форма социального акторства [5, с. 197–198], благодаря которой они формируют собственную детскую повседневность.

Другой отличительной чертой детства выступает его неполноправное положение во взрослом обществе: будучи юридически не полностью дееспособным, ребенок выступает как объект приложения усилий со стороны взрослых, социальных институтов и государственных и общественных структур, направленных на его воспитание, сохранение и поддержание его жизни и здоровья. Такое амбивалентное положение ребенка – как самостоятельного социального актора и как недееспособного объекта приложения заботы со стороны внешних сил, при изучении детского опыта переселения и миграции приводит к формированию нескольких исследовательских концептов детей-переселенцев. Содержание их напрямую зависит от тех факторов, которые исследователь выдвигает на первый план в своей работе.

Первый из них связан с вопросом добровольности переселения. Как сложные социальные явления переселенчество, переселение и миграция имеют много форм и вариантов, различающихся условиями, временными рамками, обстоятельствами и, что немало важно, мотивацией. Однако ребенок как юридически неполноправный субъект в большинстве случаев не имеет возможности принимать осознанное решение о переселении, он подчиняется воле внешних обстоятельств. В таких условиях «самовольное» детское переселение рассматривается преимущественно в контексте беспризорности [6], то есть ситуации отсутствия заботы.

Особое наполнение фактор изначальной неволи любого детского переселения звучит в контексте принудительной миграции. В отечественной истории детства эта тема рассматривалась в аспекте «кулацкой» ссылки 1930-х гг. [7] и в контексте депортации народов в первой половине 1940-х гг. [8]. Образ ребенка-невольного переселенца в таких исследованиях приобретает особую эмоциональную окраску невинной жертвы обстоятельств, что подчеркивается как в заголовках работ – «Дети в депортации», «Детство в ГУЛАГе» [9], так и в тексте исследования: «дети стали заложниками политиков» [8, с. 129].

Другой концепт детского опыта переселения возникает в условиях дефиниции процесса миграции как эвакуации, то есть переселения ребенка с целью спасения от экстремальной угрозы жизни и здоровью. В таком аспекте процесс переселения мо-

жет быть осмыслен как акт проявления заботы. Наибольшее количество исследований, посвященных вопросам детской эвакуации, сосредоточенно на проблемах эвакуации в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. [см., напр., 10], и, особенно, эвакуации из блокадного Ленинграда (подробнее см. [11]). Однако в последние годы стали появляться работы, посвященные эвакуации детей как форме социального призрения в условиях Гражданской войны [12] и голода начала 1920-х гг. [13]. Восприятие детей как объектов приложения государственной или общественной заботы сказывается и на их тематическом наполнении этих исследований. Значительная их часть посвящена организации работы социальных учреждений [14] и органов здравоохранения [15] с эвакуированными детьми. На специфическом сибирском материале эту тему исследовали Л.Э. Мезит [16] и Т.В. Коростелева [17].

Еще один исследовательский концепт в рамках изучения истории детей-переселенцев напрямую связан с переселенческим опытом детей как социальных акторов. В таком подходе переселение выступает как экстремальная ситуация, задающая условия для невозможности сохранения прежнего образа жизни и формирования детьми новой детской повседневности в тех условиях, в которых они оказались. Большинство исследований в рамках этого подхода так же сосредоточены на экстремальных формах детского переселения: спецпоселении [18], депортации [19] или эвакуации [20]. Однако в центре исследования уже находится вопрос отражения детской повседневности в детских воспоминаниях и эго-документах. Ребенок предстает как актор, реагирующий на историческую реальность, а не как безмолвный объект попечения.

Стоит отметить, что имеющиеся исследовательские концепты вовсе не охватывают все историческое поле детского опыта переселения. До настоящего времени практически вне зоны внимания остаются менее экстремальные формы детской миграции, характерные для второй половины XX в. Дети, переселявшиеся в более крупные населенные пункты с целью получения образования, или перевезенные родителями-трудовыми мигрантами из сельской местности в города или из центральных районов РСФСР в Сибирь, Заполярье или Дальний Восток, оказывались в непривычных для них условиях, подразумевающих смену образа жизни. В новых условиях они были вынуждены выстраивать новую детскую повседневность и адаптироваться к изменившейся реальности. Но этот процесс еще ждет своего осмысления в рамках истории детства, подтверждая высокий исследовательский потенциал темы переселенческого опыта в детской истории.

Список литературы

1. Невидимые дети: дети-беженцы, дети-мигранты. Медико-социальная и психологическая помощь // *Forcipe*. 2023. Т. 6, № S1. С. 566–567.
2. Сентябова М.В. Историография сибирского детства XIX–XX вв. // *I Степановские чтения. Административные реформы в дореволюционной Сибири: мат-лы Междунар. науч. конф.* Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2023. С. 37–44.
3. Леонова Н.А. История детства в контексте миграционных процессов: анализ исследовательских практик // *Развитие системы педагогического образования в современной России: антропологический аспект: мат-лы XI Междунар. науч.-практ. конф.* Ставрополь: Ставропольский гос. пед. ин-т, 2015. С. 62–67.
4. Кон И.С. Ребенок и общество: учеб. пособие для вузов. М.: Академия, 2003. 336 с.
5. Зааль Ю. Советские «дети войны»: к вопросу об одном поле исторического исследования. // *Cubar'jan A., Wirsching A. Band 9 Deutsche und sowjetische*

Gesellschaften im ersten Nachkriegsjahrzehnt: Traumata und Hoffnungen. Berlin, Boston: De Gruyter Oldenbourg; 2021. p. 476–498.

6. Леонова Н.А. Детская беспризорность как фактор миграции в историческом контексте 1920–1930-х гг. // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-2. С. 620.

7. Елеуханова С.В. Социальное положение детей спецпереселенцев в Казахстане в 1930-е годы // Кубанские исторические чтения: мат-лы XIV Междунар. науч.-практ. конф. Барнаул: ИП Колмогоров И.А., 2023. С. 128–131.

8. Оконова Л.В. Дети в депортации: воспоминания о сибирском детстве (к проблеме изучения истории повседневности) // Репрессированные народы: история и современность: мат-лы Всерос. науч. конф. Т. 1. Элиста, 2013. С. 208–215.

9. Аманбекова С.Е. Детство в ГУЛАГе: рассказы о депортации в Казахстан // Историко-педагогические чтения. 2022. № 26. С. 9–18.

10. Марченко М.А. Эвакуированные дети на Горьковской земле в годы Великой Отечественной войны // 70-летие победы в Великой Отечественной войне: современное осмысление: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. с участием студентов. Н. Новгород: Стимул СТ, 2015. С. 124–128.

11. Белякова Е.С. Ленинградские детские интернаты в Сибири (1942–1945 гг.): историографический обзор // Российская государственность: история и современность: сб. МА-лов Всерос. науч.-практ. конф. Абакан: Хакаский гос. ун-т им. Н.Ф. Катанова, 2023. С. 149–151.

12. Чебаковская А.В. Эвакуация «детей Севера»: попытка смягчения социальных проблем в условиях Гражданской войны // Научный диалог. 2021. № 10. С. 499–518.

13. Исянгулов Ш.Н. Эвакуация детей из Башкирии в 1921–1922 гг. // Известия Уфимского научного центра РАН. 2022. № 2. С. 109–115.

14. Ешпанов В.С. Деятельность детских домов на территории Актюбинской области в годы Великой Отечественной войны (1941–1942 гг.) // История. Общество. Политика. 2024. № 1 (29). С. 25–30.

15. Харитонов О.Н. Защита здоровья эвакуируемого детского населения в годы Великой Отечественной войны // Советский Союз в исторической памяти поколений: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию образования СССР. Чебоксары: Чувашский гос. пед. ун-т им. И.Я. Яковлева, 2023. С. 244–250.

16. Мезит Л.Э. Повседневная жизнь эвакуированных ленинградских детских домов в годы Великой Отечественной войны // Манускрипт. 2021. Т. 14, № 9. С. 1801–1805.

17. Коростелева Т.В. Об эвакуации ленинградских детских интернатов в Хакаскую автономную область в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) (на основе архивных источников ГКУ РХ «Национальный архив») // Архивные документы в системе объективного научного знания: мат-лы IV Межрегион. науч.-практ. конф. Абакан: Бригантина, 2022. С. 167–174.

18. Лиджиева И.В. Мир детства на спецпоселении (по устным воспоминаниям детей-спецпереселенцев) // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2015. № 2 (18). С. 59–62.

19. Карибаева А.С. Депортация по устным воспоминаниям детей-спецпереселенцев // Этнография Алтая и сопредельных территорий. 2023. № 11. С. 342–348.

20. Потемкина М.Н. Воспитанники московского интерната в уральском тылу: отражение военной действительности в синхронных эго-документах // Технологос. 2020. № 3. С. 123–133.

**ЕНИСЕЙСКАЯ ГУБЕРНИЯ И КРЕСТЬЯНСКОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ НАЧАЛА
XX ВЕКА. ОТРАЖЕНИЕ РАЗЛИЧНЫХ АСПЕКТОВ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЙ
ПОЛИТИКИ В ДОКУМЕНТАХ КГКУ «ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ
КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ»**

*Чернышов Виктор Владимирович, ведущий архивист
КГКУ «Государственный архив Красноярского края», Красноярск, Россия
vikchern73@yandex.ru*

Документы, отражающие переселенческие процессы на рубеже XIX–XX вв. широко представлены в досоветских фондах КГКУ «Государственный архив Красноярского края». Изучая эти материалы, можно рассмотреть совершенно разные аспекты переселенческой политики того времени.

Ключевые слова: Енисейская губерния, переселенческий пункт, ходок, ходаческое свидетельство, проходное свидетельство

**YENISEI PROVINCE AND PEASANT RESETTLEMENT AT THE BEGINNING
OF THE 20TH CENTURY. REFLECTION OF VARIOUS ASPECTS
OF RESETTLEMENT POLICY IN THE DOCUMENTS OF THE STATE ARCHIVE
OF THE KRASNOYARSK REGION**

*Chernyshov Victor Vladimirovich,
Leading archivist of KGKU "State Archive of the Krasnoyarsk Territory",
Krasnoyarsk, Russia
vikchern73@yandex.ru*

Documents reflecting the resettlement processes at the turn of the 19th-20th centuries are widely represented in the pre-Soviet funds of the KGKU "State Archive of the Krasnoyarsk Region". Studying these materials, it is possible to consider completely different aspects of the resettlement policy of that time.

Keywords: Yenisei province, resettlement point, walker, walking certificate, passing certificate

Одним из важнейших явлений социально-экономической жизни России на рубеже XIX–XX вв. стало организованное переселение крестьянского населения Европейской России за Урал – на обширные и свободные территории Сибири, Дальнего Востока, Казахстана и Средней Азии.

Реформы 1860-х годов и последующие за ними правительственные постановления не только разрешавшие, но и поощрявшие переселение, а также строительство Транссибирской железнодорожной магистрали вызвали всплеск переселенческой активности. Так, по данным Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел с 60-х гг. XIX в. до 1885 г. за Урал переселилось около 249 000 человек, а за последующие 11 лет (с 1885 по 1896 г.) переехало еще 469 275 человек [1, с. 3]. Но это было только началом массового переселения.

Причины переселения были различными, но в основном касались нерешенных земельных вопросов. Ехали из-за недостаточности или неудобного расположения зе-

мельных наделов, тяжелых условий аренды помещичьих земель. Иногда на решение о переселении влияли такие факторы, как отсутствие или недостаток покосов, выгонов, наличие или отсутствие леса, плохое качество почвы, наличие на землях песков и оврагов [1, с. 3].

Енисейская губерния стала одной из первых сибирских губерний, открытых для переселения. При этом переселение в нее не прекращалось до начала Первой мировой войны. А если учесть размещение на ее территории беженцев военного времени, миграцию населения в годы Гражданской войны и первые годы советской власти, дальнейшую советскую переселенческую политику второй половины 1920-х гг. можно сказать, что миграционные процессы продолжались здесь непрерывно до начала 1930-х гг., оказав огромное влияние на различные сферы жизни.

Поэтому и документы, отражающие переселенческие процессы – законодательные акты и постановления губернских властей, переписка должностных лиц и статистические сведения, документы о зачислении переселенцев и проходные свидетельства – широко представлены в досоветских фондах Государственного архива Красноярского края. Такие документы можно найти как в фондах учреждений, занимающихся собственно переселенческой политикой, например «Заведующий переселением и землеустройством в Енисейской губернии» или «Районная контора Енисейско-Иркутского района сельскохозяйственных складов и товарно-продовольственных лавок переселенческого управления», так и в фондах учреждений, для которых водворение и обустройство переселенцев было только одним из видов деятельности – фонды волостных правлений, «Крестьянский начальник 4-го участка Красноярского уезда», «Енисейская губернская казенная палата» и многих других. Тем самым, изучая архивные материалы, можно рассмотреть совершенно разные аспекты переселенческой политики того времени.

Один из таких аспектов связан с переселенческой политикой правительства П.А. Столыпина. Переселение крестьян при П.А. Столыпине была частью реформы крестьянского наделного землевладения, направленной на ликвидацию крестьянского малоземелья, повышение интенсивности хозяйственной деятельности крестьянства на основе частной собственности на землю, увеличение товарности крестьянского хозяйства. Для достижения этих целей законом от 9 ноября 1906 г. разрешался выход из крестьянской общины. Переселение же на свободные земли должно было решить наиболее острые задачи внутреннего развития России – наличие большого количества незаселенных окраинных земель и сельское перенаселение в Европейской России, и тем самым смягчить последствия самой реформы – разрушение крестьянской общины, капитализацию деревни. В связи с этим политика в отношении переселенцев в это время отличалась от организованного переселения конца XIX и первых годов XX в. большей продуманностью и привлекательностью для самих переселенцев.

Так, все вопросы, связанные с переселением, доступно объяснялись в специально издаваемых для крестьянского населения печатных изданиях, которые распространялись среди населения Европейской России, а также среди ходоков и переселенцев за минимальную цену или совершенно бесплатно. Что это были за издания, можно узнать, ознакомившись с рядом архивных материалов, в частности с изданными Переселенческим управлением справочными книжками: «Переселение за Урал в 1911 г. Краткая справочная книжка», «Описание Енисейского переселенческого района. Справочная книга для ходоков и переселенцев на 1911 г.», «Енисейская губерния. Краткое описание Енисейской губернии для переселенцев и ходоков». В этих книжках подробно описывается порядок переселения, даются различные сведения об Енисей-

ской губернии – ее населении, природе, возможностях для земледелия, лицах, отвечающих за переселение, свободных земельных участках. При этом на обложке или первой странице печатался специально выделенный текст, сообщающий, что переселение – это очень серьезный, трудный и опасный шаг, и каждый переселенец должен обдумать этот шаг, прежде чем его совершить [2].

Сведения об информировании переселенцев содержатся и в переписке между заведующим переселением и землеустройством в Енисейской губернии и заведующим Красноярским переселенческим пунктом. Только в одном из сопроводительных писем сообщается о направлении в Красноярский переселенческий пункт 300 экземпляров списков переселенческих участков Красноярского, Канского, Минусинского и Енисейского уездов, имеющих свободные доли (по 75 списков на каждый уезд), а также 100 схематических карт Енисейско-Ангарского, Кемчуго-Кетского, Кемско-Енисейского подрайонов, где происходило заселение участков. Списки и карты предназначались для выдачи ходакам [3, л. 5].

Другой отличительной чертой столыпинской переселенческой политики было стремление избежать каких-либо земельных конфликтов переселенцев со старожильческим населением. Поэтому в это время переселенцев практически не селят среди старожилов, а выделяют им земельные участки из казенных и кабинетных земель, что также находит свое отражение в документах. Такие документы в основном составляют фонды «Старший производитель работ заведующего Енисейской партии по образованию переселенческих и запасных участков», «Заведующий переселением и землеустройством в Енисейской губернии», «Управление земледелия и государственных имуществ», «Заведующий подрайоном водворения переселенцев и хозяйственного устройства по Красноярскому уезду», «Старший производитель работ, заведующий Красноярской поземельно-устроительной партией» и «Заведующий переселенческим делом Енисейско-Иркутского района» и содержат много сведений по этому вопросу. В этой связи достаточно показательны и интересны описания переселенческих участков, составленные чинами землеотводных партий. В этих документах записывались все сведения об образованном участке – наличии рядом с ним железной дороги, леса или гор, состав почвы, качество воды [4, л. 60].

Создание чисто переселенческих населенных пунктов существенным образом повлияло и на изменение этнического состава губернии, появлению в ней новых многочисленных этнических групп. Ведь именно в этот период в Енисейскую губернию, кроме собственно русского населения, начинают в массовом порядке прибывать переселенцы и других национальностей – украинцы, латыши, татары, эстонцы, немцы, коми-пермяки и представители других народов. Приехавшие в губернию переселенцы разных национальностей старались по возможности сохранить свой привычный уклад жизни чему как раз и способствовали создаваемые отдельные переселенческие мононациональные поселения.

В документах краевого архива отражена еще одна черта переселенческой политики рассматриваемого периода – строгий учет переселенцев со стороны властей. Ведение такого учета позволяло избегать, правда не всегда, ненужных конфликтных ситуаций, связанных с переселением, когда масса переселенцев, бросая все на родине, ехала неизвестно куда, а также различных земельных махинаций. В частности, для осмотра и зачисления земли семья желающих переселиться или группа семей направляла своего представителя – ходока, который от своего земского начальника (мирового посредника, комиссара) получал ходаческое свидетельство. В свидетельстве указывалось фамилия, имя, отчество предьявителя, губерния, волость, уезд, населенный

пункт его проживания, лица, которые его отправили, число долей которые он должен зачислить. По прибытию на Сызранский и Челябинский переселенческие пункты свидетельство должно было быть предъявлено переселенческому чиновнику, а на месте зачисления – должностному лицу, который это зачисление производит [5, л. 80]. Во время зачисления на участок ходок получал ходаческое удостоверение и талон, которые по возвращению на родину предъявлял местному начальству [5, л. 108].

Только при предъявлении этих документов ходоку и его заявителям выдавали проходные свидетельства розового цвета. Это свидетельство являлось главным переселенческим документом на право водворения. В свидетельстве указывались разные сведения о самом переселенце и членах его семьи, подлежащих переселению. Только имеющий такой документ переселенец мог рассчитывать на пользование льготами – дешевой перевозкой, ссудой на водворение и др. При этом срок переселения ограничивался 1 августом следующего от выдачи свидетельства года. Если крестьянин за это время не водворялся на участок, то зачисленные за ним доли считались свободными и могли быть переданы другому лицу [6, л. 45].

Кроме проходных свидетельств широко использовались и другие учетные документы - паспорта, посемейные списки переселенцев, протоколы о водворении на переселенческие участки, протоколы об исключении переселенцев из мест выхода, различные документы, включающие сведения о недоимках государственной оброчной подати и губернского земского сбора у крестьян, желающих переселиться в Енисейскую губернию. Наиболее полно такие документы представлены в фонде «Енисейская губернская казенная палата», а также в ряде фондов волостных правлений.

Перевозка переселенцев на территорию за Урал осуществлялась в основном, по железной дороге, а далее в зависимости от развитости дорожной инфраструктуры региона – водным путем, конными подводами и т.д. Поэтому переселенцам и ходокам предоставлялись проездные льготы, сведения о которых содержатся в различных архивных документах. Так, для проезда по железной дороге были разработаны специальные переселенческий тариф и тариф для клади, перевозимой переселенцами. Кроме того, железнодорожными проездными льготами пользовались переселенцы как уже водворившиеся на участки, так и лица, возвращающиеся в Европейскую Россию. Из удостоверения, выданного заведующим Красноярским переселенческим пунктом, следует, например, что на льготный проезд по железной дороге имели право переселенцы, направляющиеся на лечение в больницу [7, л. 10]. А из сообщения чиновника особых поручений при Переселенческом управлении можно узнать о негативной ситуации, которая сложилась в результате выдаче переселенцам, возвращающимся в Европейскую Россию, свидетельств удешевленного тарифа лишь до Челябинска и необходимости выдавать таким переселенцам свидетельства удешевленного тарифа до конечных станций [7, л. 12].

Для удобства переезда переселенцев по железной дороге на путях их следования как раз и были открыты специальные переселенческие пункты, где им оказывалась бесплатная медицинская помощь, предоставлялась дешевая пища, в том числе и горячая. Так, на Канском переселенческом пункте только в мае 1906 г. было выдано 2 345 полных порций, которые включали щи с хлебом и 1106 детских порций, включавших молоко и белый хлеб [8, л. 5]. В некоторых крупных пунктах функционировали бесплатные прачечные и бани. Кроме того, в переселенческих пунктах находились чиновники, у которых переселенцы могли заверить необходимые документы и получить нужную информацию, а также уполномоченные от губернских земств, которые следили за переселением своих земляков. О деятельности последних можно узнать из

уведомления Переселенческого управления, направленном в 1907 году переселенческим организациям разных губерний. В уведомлении сообщалось, что агент Полтавской губернской земской управы заметил на станциях Сибирской, Забайкальской железных дорог и КВЖД случаи агитации против переселения среди крестьян – переселенцев. В частности, неизвестные лица пугали переселенцев будущей войной с Китаем [9, л. 21].

Одним из крупнейших переселенческих пунктов Сибири был Красноярский переселенческий пункт. На хранении в краевом архиве имеются документы этого пункта. Они содержат совершенно разные сведения, как о его деятельности, так и деятельности других переселенческих пунктов на территории Енисейской губернии – Ачинского, Канского, Ольгинского, Больше-Улуйского, Абанского, Тинского, Долго-Мостовского, Минусинского.

Из самого Красноярска перевозка переселенцев до переселенческих участков осуществлялась двумя путями – по Енисею до пристаней Дербиной, Даурской, Убейской, Новоселовской, Батеневской, Усть-Ербинской, Сорокиной, Минусинской, Атамановой, Павловщиной, Юкseeвой, Заливской, Казачинской, Стрелки, Енисейской – и наземным путем на подводах. Из-за отсутствия на Енисее специальных пароходов, предназначенных для перевозки переселенцев, последние перевозились на частновладельческих судах, для чего пароходные компании, в частности Акционерное общество пароходства по реке Енисею, составляли специальные правила о перевозке переселенцев и разрабатывали специальную таксу за провоз переселенческого багажа. Согласно этим документам основная ответственность по перевозке ложилась на начальника Красноярского переселенческого пункта, каждую партию переселенцев сопровождали сотрудники пункта – баржевые фельдшерицы [10, л. 20].

Перевозка переселенцев сухопутным путем также осуществлялась не транспортом переселенческого пункта, а подводами местных жителей. Право на поставку подвод выигрывалось на специальных торгах, о чем составлялся соответствующий документ. Переселенцы, переезжающие на подводах, тоже имели проездные льготы, в частности, право на бесплатный проезд по плашкоуту через Енисей в черте Красноярска.

Документы краевого архива содержат и обширнейший материал об обустройстве переселенцев на новых местах. Из документов, например, видно, что зачисленные на переселенческие участки переселенцы имели право на различные ссуды, которые распространялись как на личные нужды, в основном на домоустройство, так и на общественные надобности – на строительство церквей, хуторское размежевание и т. д. Для переселенцев также открывались сельскохозяйственные склады и товарно-продовольственные лавки, где можно было приобрести различные земледельческие орудия, товары первой необходимости и продукты, в том числе и в кредит. Местные власти также использовали разные способы поддержки переселенцев. Так, в 1911 г. енисейский губернатор фактически разрешил переселенческим обществам сдавать в аренду участки земли, предназначенные для церковного и школьного строительства, где подобное строительство было нецелесообразно [11, л. 37]. Такая практика существовала и ранее, но пресекалась крестьянскими начальниками и переселенческими чиновниками. В результате отведенные под строительство земли изымались у обществ и переходили в разряд запасных.

Достаточно хорошо было поставлено дело оказания медицинской помощи переселенцам. Из документов видно, что переселенческие больницы выглядели лучше на фоне других учреждений здравоохранения и пользовались таким большим спросом у местного сельского населения, что властям пришлось ограничивать эту практи-

ку. Так, постановлением общего присутствия Енисейского губернского управления от 1 марта 1907 г. предписывалось направлять крестьян, как старожилов, так и новоселов в больницы при переселенческих пунктах только при условии занятости обычных сельских лечебниц и при наличии специальных препроводительных бумаг. А в 1914 г. Енисейская губерния по ряду показателей была одной из лучших за Уралом губерний по количеству врачебных и фельдшерских переселенческих пунктов, уступая только Томской губернии.

Такие меры, проводимые государством в отношении переселенцев, достаточно быстро стали приводить к желаемому результату. Переселенческое движение за Урал в годы столыпинских реформ охватило уже 47 губерний выхода, по сравнению с 17 губерниями в конце XIX в. А по данным Переселенческого управления за один только 1908 г. железной дорогой в Сибирь было перевезено более 750 тысяч переселенцев, тогда как с 1885 по 1896 г. за Урал переместилось только 469 275 человек [12, с. 2]. При этом активное переселение в Енисейскую губернию вызвало такое интенсивное освоение ранее пустующих целинных земель, что если до 1911 г. переселенцы селились вблизи от старожильческих поселений, городов, железных дорог, трактов, где тайга уже была вырублена, было много чистых мест или в степных районах губернии, то в 1911 г. незаселенные переселенческие участки располагались в основном в Ачинском, Енисейском и Канском уездах, севернее от железной дороги.

Как видно из представленных выше материалов, документы КГКУ «Государственный архив Красноярского края» отражают различные аспекты переселенческой политики рубежа XIX–XX вв. и содержат такие разнообразные сведения по этой тематике, что могут заинтересовать разные категории исследователей.

Список литературы

1. КГКУ «Государственный архив Красноярского края» (КГКУ «ГАКК»). Переселение за Урал. С-Петербург. 1911 г.
2. КГКУ «ГАКК». Краткое описание Енисейской губернии для переселенцев и ходоков. Красноярск. 1914 г.
3. КГКУ «ГАКК». Ф. 3. Оп. 1. Д. 1.
4. КГКУ «ГАКК». Ф. 262. Оп. 1. Д. 7.
5. КГКУ «ГАКК». Ф. 160. Оп. 1. Д. 2183.
6. КГКУ «ГАКК». Ф. 160. Оп. 1. Д. 1793.
7. КГКУ «ГАКК». Ф. 3. Оп. 1. Д. 4.
8. КГКУ «ГАКК». Ф. 3. Оп. 1. Д. 2.
9. КГКУ «ГАКК». Ф. 262. Оп. 1. Д. 13.
10. КГКУ «ГАКК». Ф. 3. Оп. 1. Д. 7.
11. КГКУ «ГАКК». Ф. 262. Оп. 1. Д. 37.
12. КГКУ «ГАКК». Переселение в Сибирь из восьми губерний, входящих в состав Южно-Русской областной Земской переселенческой организации за 1906–1912. Москва. 1912 г.

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА В г. КРАСНОЯРСКЕ
НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ 1917 ГОДА
(ГЛАЗАМИ ГИМНАЗИСТКИ КАТИ ГАЙДУКОВИЧ)**

*Харевин Денис Дмитриевич, старший преподаватель
Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
expertus.2014@yandex.ru*

В статье рассматривается политическая обстановка в г. Красноярск в канун революционных событий 1917 г. через призму дневниковых записей юной гимназистки Кати Гайдукович.

Ключевые слова: революционные события 1917 г., Февральская революция, Октябрьская революция, Красноярск, краеведение, мемуаристика

**THE POLITICAL SITUATION IN KRASNOYARSK ON THE EVE
OF THE REVOLUTIONARY EVENTS OF 1917
(THROUGH THE EYES OF HIGH SCHOOL STUDENT KATYA GAIDUKOVICH)**

*Kharebin Denis Dmitrievich, Senior lecturer
Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia
expertus.2014@yandex.ru*

The article examines the political situation in Krasnoyarsk on the eve of the revolutionary events of 1917 through the prism of the diary entries of a young high school student Katya Gaidukovich.

Keywords: revolutionary events of 1917, February Revolution, October Revolution, Krasnoyarsk, local history, memoiristics

На сегодняшний день, историческая наука среди источников исторически значимой информации выделяет мемуаристику. Так во многих произведениях мемуарного характера, авторы осознают свою причастность к описываемым ими событиям, имеющим историческое значение, и стремятся зафиксировать не только сами события, но и участие в них себя и третьих лиц [1, с. 14]. Одной из разновидностей мемуарных произведений выступают дневники и дневниковые записи, которые в большинстве своем сосредотачиваются не только на событиях из жизни их автора, но и на наблюдениях повседневной жизни и окружающей действительности.

Так об общественной жизни в Красноярске, в канун революционных событий 1917-го года, повествует дневник юной красноярки Кати Гайдукович, в котором она делилась своими впечатлениями и жизненными переживаниями на фоне резко меняющегося политического климата в Красноярске и Российской империи.

В канун пятидесятилетия Октябрьской революции, в феврале 1967 г. на страницах 43-го номера «Красноярского рабочего» публикуется заметка об удивительной

реликвии первой половины XX века – дневнике Кати Гайдукович, который она начала вести 4 февраля 1917 г. и закончила 6 февраля 1918 г. [2, с. 2]. Почти сразу после публикации заметки в газете, З.И. Глусская, занимавшая в то время пост директора Красноярского краеведческого музея, пишет письмо М.Н. Гайдукович, дочери той самой гимназистки Кати, с просьбой передать дневник ее матери в фонды музея [3]. Ночами, приходя после работы, Мая Николаевна перепечатывает дневниковые записи своей матери [4, с. 18] и седьмого июля того же 1967 г. машинописная копия дневника была передана в фонды Краеведческого музея (рис. 1). Последующие шестьдесят лет дневник оставался практически не востребован исследователями, несмотря на то, что он является «живым свидетелем» тех изменений, которые настигли Красноярск на пороге Революции и Гражданской войны. Новая волна интереса к дневниковым записям возникла у исследователей накануне столетнего юбилея Революции 1917 г., когда отрывки из дневника начали появляться на различных интернет-ресурсах, а сам дневник экспонируется в рамках выставочного проекта «Уроки революции» проходившего на пароходе «Святитель Николай» [5].

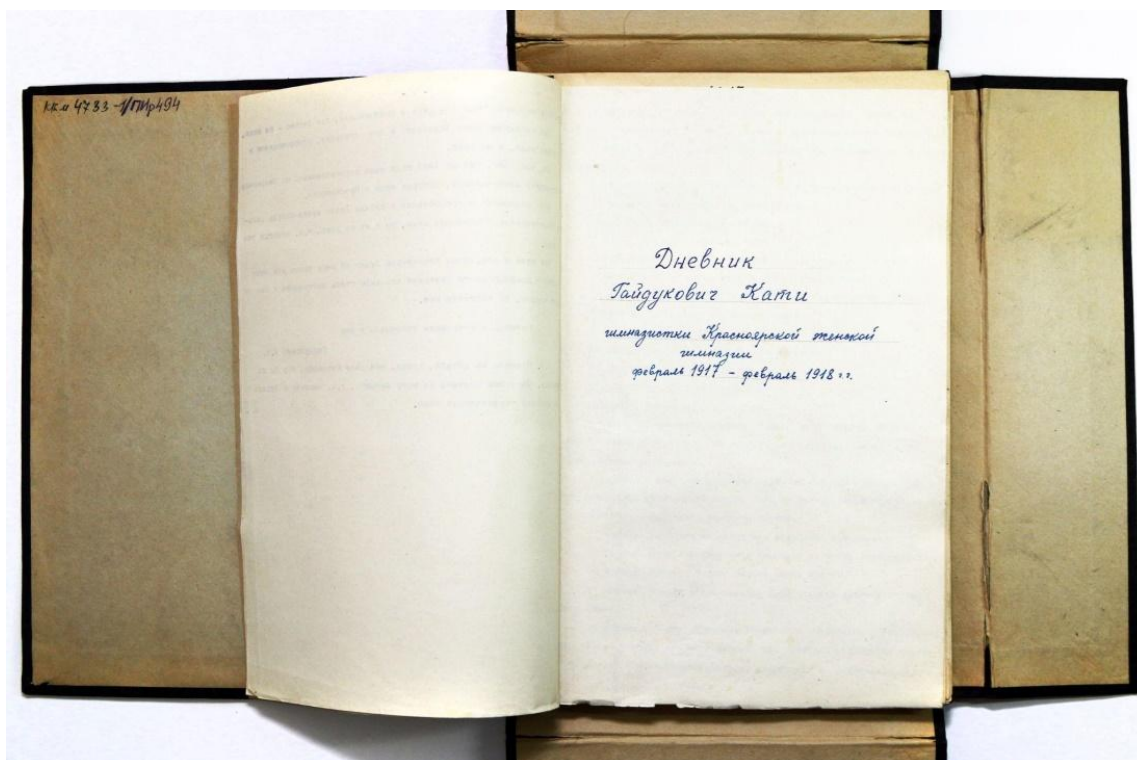

**Рисунок 1 – Титульный лист дневника Кати Гайдукович.
Из фондов Красноярского краевого краеведческого музея**

Катя Гайдукович (рис. 2) родилась в Витебске 28 марта 1900 г. в семье крестьянина Могилевской губернии Дениса Корниловича (1872–1912) и его жены Марии Венедиктовны (ум. 1912). Сразу после рождения, семья переезжает в Красноярск, где отец семейства поступает на службу в Красноярские железнодорожные мастерские. Через год, на свет появляется сын Николай (1901–1928), а еще через три года дочь Надежда (1904 – предположительно вторая половина 1970-х). После смерти родителей в 1912 г. Катя и ее брат с сестренкой были взяты на воспитание в семью их дяди

по материнской линии Ивана Венедиктовича Шаршуна (1869–1937). В том же году Катя поступает во второй класс Красноярской женской гимназии (рис. 3), семиклассный курс которой она окончила в мае 1918 г. с золотой медалью. Специальный восьмой класс Кате окончить не удалось, поскольку из-за революционных событий и начала Гражданской войны, в марте 1919 г. учебу ее пришлось оставить и поступить на работу машинисткой комендантского управления партизанского отряда П.Е. Щеткина.

Рисунок 2 – Ученицы и педагоги Красноярской женской гимназии, предположительно, третья слева во втором ряду сверху Катя Гайдукович (выделена), май 1918 г. Фото из собрания Владимира Чагина

В 1920-х гг. она выходит замуж и у нее рождается дочь, и семья перебирается в Новосибирск. Но уже в 1929 г. Екатерина разводится с мужем и через некоторое время у нее рождается вторая дочь – Майя, которая сыграет ключевую роль в сохранении дневника своей матери. В конце своей жизни Екатерина Денисовна преподавала в средних школах Новосибирской области и в 1951 г. скоропостижно скончалась.

***Рисунок 3 – Здание Красноярской женской гимназии.
Конец XIX – начало XX в. Фото из собрания
Цента по сохранению культурного наследия Красноярского края***

Но вернемся в 1917 г. На дворе весна. Шестнадцатилетняя Катя начинает вести дневник, в котором фрагменты «большой» истории растворены в истории «малой» – повседневной и личной жизни юной гимназистки, ее переживаниях, стремлениях и воззрениях. В силу ее возраста и жизненного опыта горизонты ее мыслей и впечатлений поначалу не так широки, однако в своих записях она делится впечатлениями об учебе в гимназии, дает оценку некоторым из своих преподавателей и описывает досуг своих сверстников. Однако постепенно Катя «овладевает» жанром, и характер ее дневниковых записей становится более аналитическим, а записи регулярными и более объемными, чего нельзя сказать о первых записях. Дневник показывает нам, как расширялся круг Катиних интересов, ее литературных предпочтений, а так же внутренних переживаний. С каждой записью уровень рефлексии повышался, и вместе с ним продолжался духовный и рост юной красноярки.

Исходя из характера дневниковых записей, можно сделать вывод о том, что революционные события в Красноярске воспринимаются юной Катей как некая праздничная данность, без полного осознания масштабности, важности и значимости происходящих вокруг нее политических изменений не только в жизни города, но и страны. Так, в период мартовских революционных восстаний, в дневнике Кати появляются следующие записи:

«4 марта 1917. В мастерских собрание. Низвергнуты все угнетатели»;

«5 марта 1917. Великий день. Митинг, речи, музыка Марсельеза! Ура!»;

«10 марта 1917. Праздник Свободы. Мы с Леной под знаменем техников» [6]

(рис. 4).

**Рисунок 4 – Демонстрация трудящихся на Воскресенской улице.
10 марта 1917 года. Фото из личной коллекции Александра Ульверта**

Мартовские события, с первых же недель начинают радикально менять консервативный учебный уклад в сибирских гимназиях. Так, в гимназиях Красноярска зарождаются элементы самоуправления – советы представителей гимназий: «7 апреля 1917. В гимназии собрание учащихся 5, 6, 7, 8-х классов. Обсуждение вопросов ученической жизни: спор по поводу внешкольного надзора, выборы преподавателей учащихся класса» [6].

Однако новые начинания не находят своего развития, о чем свидетельствуют записи Кати от 27 сентября и 5 октября 1917 г.: «Отправилась на заседание совета представителей. Сидела, сидела и чуть не заснула. Какая-то ерунда, переливание из пустого в порожнее, а не заседание»;

«... Это собрание оставило после себя неприятное впечатление: разбираются интересы гимназисток, а их нет и одной четверти, а те, которые пришли, либо гуляют по коридору, либо молчат – говорят за них гимназисты...» [6].

На основании этих записей можно сделать вывод, о том, что подавляющее большинство гимназисток (в отличие от гимназистов) абсолютно не интересовались теми событиями, которые происходили вокруг них.

На волне эйфории от февральских событий учащиеся Красноярского землемерного училища 21 мая 1917 г. выпускают первый (и скорее всего единственный) номер журнала «Дитя Революции» (рисунок 5), который производит на Екатерину большое впечатление, о чем она пишет в дневнике «<...> Вообще и стихи и статьи их журнала проникнуты стремлением к светлему, новому счастью, все в них порыв, блеск, вера в свои силы! Пока Николай читал, со мной что-то делалось необъяснимое, душа рвалась туда, куда ее звали эти строки: к свободе, к воле, к счастью, к борьбе за свои идеалы» [6].

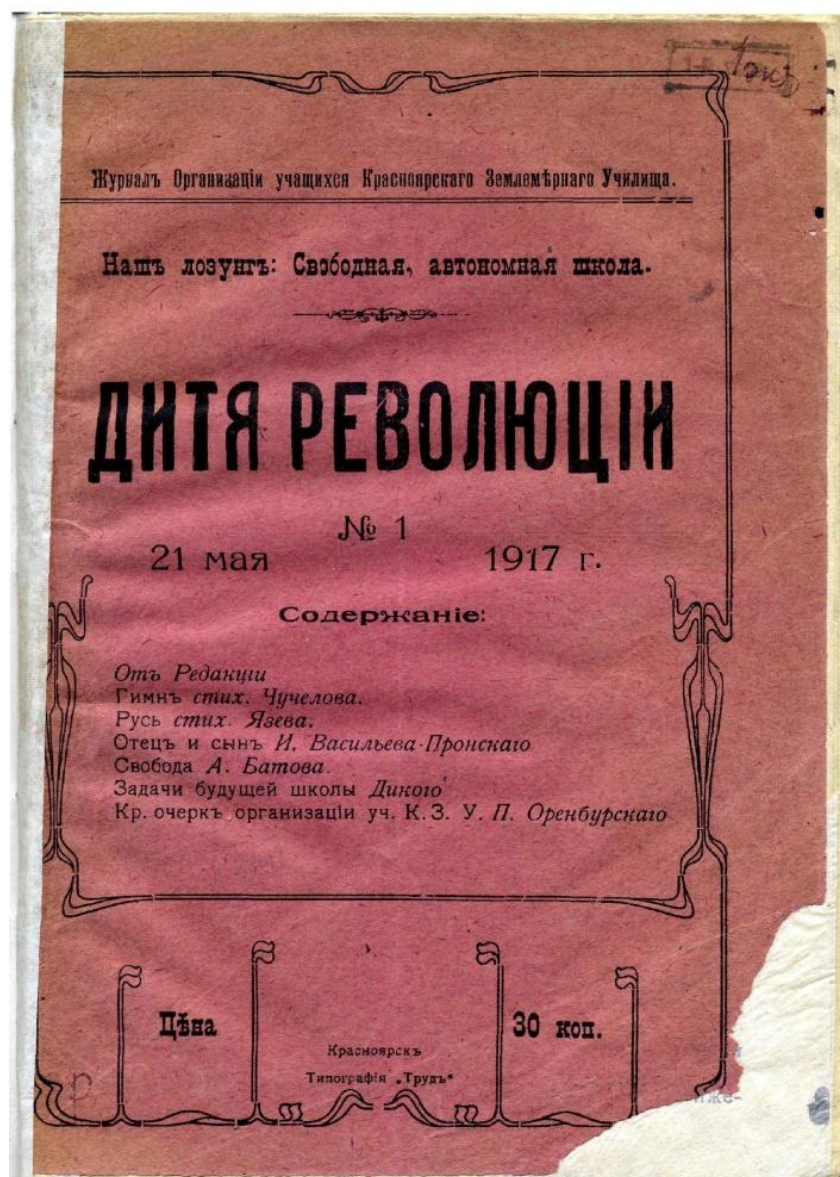

Рисунок 5 – Обложка журнала Организации учащихся Красноярского землемерного училища «Дитя Революции» № 1 от 21 мая 1917 г. Из фондов хранения Красноярской краевой научной библиотеки

В это же время появляются социалистические клубы учащихся, которые Катя встречает довольно прохладно. О посещении одного такого клуба, 31 августа она пишет: «Была в социалистическом клубе учащихся. Ну и клуб же, какая-то комедия!.. У меня осталось такое впечатление от этой лекции и прений: собрались маленькие дети и играют в «больших». Раззоронов был немного посерьезнее остальных, вероятно, потому, что он студент, но и он казался мне немного ненатуральным, может быть, я ошибаюсь, но многие его движения и выражения были чересчур картинные» [6].

30 августа 1917 г. Катя делает в своем дневнике следующую запись: *«Господи, что в России делается! Керенский вел агитацию против советов, кричал, что большевики вносят дезорганизацию, он метил в неограниченные правители, да встретил соперника в лице Корнилова. Тот теперь идет к Петрограду с войском, Керенский призывает всех объединиться и спасти революцию. Да! Заботится он о революции – он за свою шкуру дрожит! Подлецы! И Керенский, и Корнилов, и вся их братия – головы им снять, тогда только что-нибудь будет, а если их помиловать, так они снова через некоторое время голову поднимут. Теперь они дерутся, а народ страдает»* [6].

Эта запись интересна тем, что она описывает разительный контраст в восприятии происходящих событий, который произошёл в сознании Екатерины за какие-то полгода.

В сентябре 1917 г. начинается новый учебный год, который Катя ждет с нетерпением: *«Наконец-то дождалась учения!»*; *«Была в гимназии. Экзамены, начинаются, скоро учится, я очень рада, надоело сидеть дома»* [6].

В записях, относящихся к революционным событиям, Катя упоминает о собраниях, митингах, демонстрациях, публичных выступлениях, которые проходили в городе и которые она посещала. На страницах своего дневника Катя открыто симпатизирует радикальным партиям большевиков и анархистов. Она становится завсегдатаем лекций Владимира Константиновича Каминского (1889–?) лидера красноярских анархистов. В своем дневнике она пишет: *«11 сентября 1917. На лекции Каминского мне очень понравилось. Хорошее учение – учение анархистов; самый высокий идеал, идеал человеческой личности – у них. <...> Я до сих пор не имела понятия об анархизме, а сегодня, когда Каминский читал учения разных учителей анархизма, я все время вспоминала, что вот тогда когда я думала, тогда я это выражала, это мои взгляды, это мое мнение...»*;

«19 сентября 1917. Вечером была на лекции Каминского <...> Особенно понравилось учение Толстого и заключение лекции»; «Вечером была на митинге анархистов-коммунистов <...> наслушалась речей Каминского, Корабельникова, Пуцуина и других. Слушаешь и в груди закипает что-то, хочется броситься в бой со всеми темными силами и лучше погибнуть, но не сдаться! Нет! По-моему, анархизм - не утопия, не несбыточная красивая мечта, а может стать действительностью, если люди осознают всю высоту их учения»;

«26 ноября 1917. <...> Я имела возможность побеседовать с анархистами, удивительное милые люди, вежливые, развитые, мне очень понравилось с ними говорить, а они во мне вероятно увидели ярую сторонницу анархизма» [6].

Но при этом события Октябрьской революции не находят прямого отражения в дневнике. Нет там и упоминания о смене власти в стране, которая произошла 26 октября, и информацию о котором, телеграфист Красноярска утаил, и город узнал о событиях в Петрограде только 28 октября, и об аресте губернского комиссара Вл.М. Крутовского (рисунок 6), который состоялся в ночь на 5 ноября [7, с. 317–318].

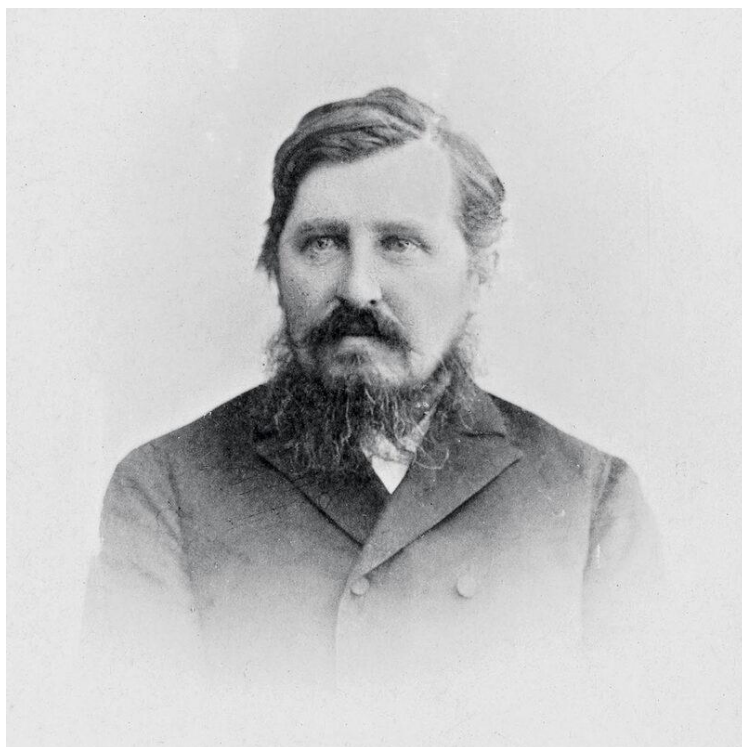

Рисунок 6 – Владимир Михайлович Крутовский. Фото 1900-х гг.

В день низложения Временного правительства в Красноярской женской гимназии проходил праздник областничества, о чем свидетельствует запись в дневнике Кати. 28 октября в Красноярске состоялось экстренное заседание исполкома Красноярского Совета, на котором было принято решение об увеличении численности Красной гвардии и отдано распоряжение воинским караулам занять помещение государственного банка, типографию, казначейство, телеграф и железнодорожную станцию [8, с. 229], а на страницах своего дневника Катя размышляет о получении подсчетной работы в переселенческом управлении.

Единственным упоминанием происходящих в городе изменений могут служить две записи касающиеся забастовки служащих и гимназистов, объявленной 6 ноября общим собранием гимназисток старших классов Красноярской женской гимназии «в знак протеста против захватной тактики большевиков и применяемой ими грубой силы»: «4 ноября 1917. Прежде всего у нас сегодня с громом и треском провалили предложение гимназистов о забастовке. Собрание было бурное, волновались все <...> гимназистки доказали свою самостоятельность и к забастовке не присоединились. А глупо бы сделали, если бы забастовали: большевиков этим не выпугаешь, а на занятиях будет сказываться этот перерыв»;

«10-11 ноября 1917. Не учимся. Ерунда какая-то происходит: то ученики бастуют, то учителя из-за выборов прекращают занятия» [6].

Тем временем переход власти к Советам в Красноярске обострялся до рукоприкладства [9, 10], поскольку октябрьские события раскололи общество надвое. Однако, как можно сделать вывод о том, что поначалу Катя принимает приход к власти большевиков, поскольку она считала это предпосылками к переходу к анархизму, о чем свидетельствует запись от 27 декабря 1917 г.: «<...> Куприянова заметила, как я могу защищать большевиков, будучи анархисткой? Я сказала, потому что мне так нравится, потому что через социализм придешь к анархизму» [6].

В конце 1917 г. кумир Кати анархист В. Каминский был арестован на основании постановления Исполнительного Комитета Красноярского Совета рабочих и солдатских депутатов по обвинению в мародерстве во время своего участия в подавлении антисоветского юнкерского восстания в Иркутске [11, л. 113]. Для юной Екатерины это становится шоком, и 29 декабря она запишет: «<...> Как это!?! Не могу.... Не хочу верить! Каминский – проповедник высоких идей анархизма... и Каминский – грабитель! Вор! Нет – не верится! Зачем этот удар? Мне и так больно! Каминский...» [6].

Дневниковые записи начала 1918 г. показывают то, что «хорошее» отношение к большевикам у Екатерины пошатнулось, это характерно показывает запись от 17 января: «<...> Ну, началось! Кутенко говорит, что мастеровых, пожалуй, не выпустят из мастерских; ожидают схватки с казаками. Пусть была бы – мне все равно <...> Среди красногвардейцев много хулиганов, которые пятнают чистый лозунг партии; исполнительный комитет кругом в грязи, дело о комиссарах он хочет замять, т.к. и сам не чист. Эх, вот оно святое дело завоевания свободы, так мало добыто, а сколько грязи вылили уже на все чистое, все святое, как истрепали заветные идеалы борцов за свободу! Чернь, чернь и чернь – пусть бьют, режут, давят друг друга! <...> Пришел дядя, на чем свет стоит ругает всех этих «большевиков»; сегодня еще ничего, а завтра всех вооружают» [6].

Тем временем в Красноярске вводится осадное положение, в связи с выдвижением казачьего дивизиона, под предводительством атамана А.А. Сотникова (1891–1921) (рис. 7).

Рисунок 7 – Александр Александрович Сотников с семьей. Фото 1917 г.

Это событие нашло свое отражение на страницах дневника Кати: *«18 января 1918. Ожидается выступление казаков и большевиков. Дядя уходит куда-то на дежурство. Он страшно возмущается всем происходящим; я вполне понимаю его, но все-таки мне как-то обидно или больно даже за него, за его такие узкие, чисто мещанские взгляды, но я не сужу его – в эти годы, и при тех условиях, в каких прошла его жизнь, трудно быть идеалистом»* [6].

Неопределенная ситуация января 1918 года пересекается с внутренним кризисом Кати, после самоубийства ее одноклассницы Валентины Кулешо, которая застрелилась у ворот своей квартиры 31 января. 1 февраля в своем дневника Катя напишет: *«Валя Кулешко застрелилась! Меня эта новость не удивила... даже это не удивило... Для меня это все так просто и так ясно! <...> Она умерла, потому что “надоели люди, надоела жизнь - гадкие люди, гадкая жизнь!” <...> Мы виноваты в ее смерти - и мы все увидели это, да поздно! К чему теперь жалеть!? <...> Потом была панихида... я не могла петь <...> Я не видела, не слышала ничего вокруг...»* [6].

Последняя запись, сделанная Катей в дневнике от 6 февраля 1918 г., касается ее разрыва с учеником Красноярского землемерного училища Александром Свечниковым.

Так, революционные события 1917–1918 гг. в Красноярске тесно переплетаются с взрослением Кати Гайдукович, ее учебой в гимназии, общением с друзьями и становлением как человека. При этом ее дневник, в котором личное и общественное неотделимы друг от друга, представляет огромную ценность для историков, как один из житейских источников познания истории родного города...

Список литературы

1. Матханова Н.П. Сибирская мемуаристика первой половины XIX века как социокультурный феномен // Гуманитарные науки в Сибири. 2020. № 3. С. 11–15.
2. Гайдукович М. Алый бант // Красноярский рабочий. 1967. № 43 (19 февраля). С. 2.
3. Научный архив Красноярского краевого краеведческого музея. Оп. 01. Д. 241 (Письма, содержащие сведения о предметах фонда).
4. Гайдукович М.Н. История длиной в полвека // Городской вестник. 2012. № 17 (27 апр.). С. 18.
5. Черкасов И.А. «Уроки революции» – дискуссионный выставочный проект Красноярского краеведческого // Революция 1917 года: 100 лет спустя. Взгляд из Сибири: мат-лы сибирского исторического форума, 25–26 октября 2017 г. Красноярск, 2017. С. 267–271.
6. Красноярский краевой краеведческий музей (КККМ). О/ф. 4733/1/Пир 494. Дневник гимназистки Кати Гайдукович.
7. 1917. Гроза над Енисеем: Русская революция в Енисейской губернии. Красноярск: Поликор, 2017. 448 с.
8. Красноярский Совет. Март 1917 г. – июнь 1918 г. Протоколы и постановления Советов, пленумов, исполкома, отделов: сб. докладов. Красноярск: Краснояр. кн. изд-во, 1960. 582 с.
9. Голос народа (Красноярск). 1917. 9 нояб.
10. Красноярский рабочий (Красноярск). 1917. 10 нояб.
11. ГАКК. Ф. Р-258. Оп. 1. Д. 15. Л. 113.

**ИЗУЧЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ПЕРЕСЕЛЕНИЙ
В СИБИРЬ И ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИХ ОБЩЕСТВ КАК ФАКТОР
ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ
ПЕДАГОГА-ИСТОРИКА**

Занданова Лариса Викторовна,

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

zandanova@mail.ru

Кулакова Яна Викторовна,

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

yanikk1989@mail.ru

В статье рассмотрены вопросы актуальности изучения опыта переселенческого движения и формирования переселенческих сообществ, адаптации переселенцев к новым условиям. Показаны результаты разработки данной темы и их отражение в современной отечественной историографии. Приведены примеры включения полученных знаний в образовательный процесс в условиях реализации магистерской программы «Педагогическое образование» направленность «Историческое образование».

Ключевые слова: переселенческое движение, переселенческие сообщества, современная историография переселения, магистерская программа

**THE STUDY OF MODERN HISTORIOGRAPHY OF MIGRATIONS TO SIBERIA
AND RESETTLEMENT SOCIETIES AS A FACTOR IN THE FORMATION
OF PROFESSIONAL COMPETENCE OF A TEACHER-HISTORIAN**

Zandanova Larisa Viktorovna,

Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

zandanova@mail.ru

Kulakova Yana Viktorovna,

Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

yanikk1989@mail.ru

The article discusses the relevance of studying the experience of the resettlement movement and the formation of resettlement communities, the adaptation of migrants to new conditions. The results of the development of this topic and their reflection in modern Russian historiography are shown. Examples of the inclusion of acquired knowledge in the educational process in the context of the implementation of the master's program "Pedagogical education" orientation "Historical education" are given.

Keywords: resettlement movement, resettlement communities, modern historiography of resettlement, master's program

В июне 2024 г. в НИУ ВШЭ прошел круглый стол «Новое освоение Сибири как национальная идея», на котором экономисты, политологи и международники обсудили вопросы развития Сибири в текущей геополитической обстановке. Участники встречи отмечали, что современная геостратегическая ситуация настоятельно требует возвращения к первоначальной идее – восточному повороту всей России через

первостепенное развитие всей Сибири, включая Приуралье, «сибиризацию» всей страны [1].

По мнению экспертов, суть «сибирского поворота» заключается в понимании того, что Сибирь многогранна, и речь идет не об освоении, а о развитии и, в первую очередь, о создании условий для жизни людей.

Еще в 2012 г. на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» был представлен Аналитический доклад, в котором шла речь об усилении восточного направления развития страны, для чего потребуется провести комплекс мер по развитию Сибири и Дальнего Востока [2, с. 9]. Было отмечено, что процесс заселения и хозяйственного освоения этих регионов был связан с различными волнами переселения, как добровольного, так и принудительного. Аналитики считают, что в настоящее время, в связи с малой плотностью населения в ряде районов Восточной Сибири и прогнозируемым недостатком рабочей силы, возможно, потребуется привлечение мигрантов из-за рубежа и переселенцев из Центральной России [2, с. 71].

Таким образом, мы видим, что изучение истории переселений и формирования переселенческих сообществ, в контексте актуализации данных процессов, привлекает более пристальное внимание к накопленному знанию, которое нельзя считать завершенным, скорее всего, оно будет набирать новые обороты.

Следует отметить, что российскими историками проделана большая работа по изучению миграций на Восток страны. В различные годы ученые представляли результаты своих исследований в виде диссертаций, монографий, материалов конференций, отдельных научных статей. Ими исследованы направления и приоритеты государственной политики как в дореволюционный, так и в советский периоды, основные формы и методы осуществления переселений, организация системы переселения, а также процессы адаптации новоселов в восточных районах; выявлены как позитивные, так и негативные моменты в реализации переселенческой политики на разных этапах.

Важным является то, что на этапе формирования постсоветской историографии на фоне открытия архивных фондов, ранее недоступных исследователям, интерес к теме не спадал, однако все больше наблюдалась его локализация. В публикации одного из авторов этой статьи в 2015 г. была предпринята попытка проследить процесс формирования современной историографии, сделан обзор публикаций и материалов диссертаций, вышедших в свет за полтора десятка лет XXI в. [3]. С того времени прошло почти десять лет, количество публикаций и защищенных диссертаций прибавилось. Отрадно то, что в 2007 г. М.К. Чуркин защитил докторскую диссертацию на достаточно непростую тему, связанную с факторами мобильности и адаптационными моментами в ходе переселения крестьянства в Западную Сибирь на рубеже XIX–XX вв. [4]. В последующие годы также ряд молодых исследователей представил к защите свои работы, посвященные реализации переселенческой политики на Дальнем Востоке в период Столыпинской аграрной реформы, в РСФСР во второй половине XX в., этот же период рассмотрен в диссертации В.Б. Лапердина на материалах Западной Сибири [5–7]. Вышли в свет монографии, написанные в междисциплинарном плане [8]. Были опубликованы материалы аграрно-демографических конференций, в которых активное участие принимали сибирские историки, так или иначе связанные с переселенческой тематикой [9]. Опубликованы отдельные статьи, в том числе в научных журналах [10, 11]. Все это позволяет получать новые знания о происходивших процессах, внедрять их в образовательное пространство, поскольку через изучение историографии, знакомство с новыми источни-

ками, концепциями и трактовками, молодое поколение историков будет вновь и вновь обращаться к этим темам. Особенно это важно при работе с ориентированной на глубокое изучение и понимание истории своей страны и своего края, а также ведение научно-исследовательской деятельности частью студентов – магистрантами.

Реализация магистерской программы по направлению подготовки 44.04.01 «Педагогическое образование» с направленностью «Историческое образование», являясь второй ступенью высшего образования, в соответствии с ФГОС ВО, предусматривает обучение студентов на основе полученного ранее образования в бакалавриате. Целью данного этапа обучения является повышение уровня ключевых и специальных компетентностей для успешного решения профессиональных задач. Учебный план подготовки по магистерской программе составляется с учетом обновления, расширения и углубления уже имеющихся теоретических знаний и практических навыков в области истории, источниковедения и историографии, содействия в повышении профессиональной компетентности педагога в области педагогических технологий (практически все обучающиеся по данной программе являются действующими учителями общеобразовательных школ или преподавателями СПО).

Поскольку степень магистра по научному уровню предшествует степени кандидата наук, часть дисциплин и практик в учебном плане направлена на совершенствование исследовательской компетенции студентов, формирование умений работы с историческими материалами в эпоху цифровых технологий, овладение навыками применения научного стиля в устной и письменной речи, что, в первую очередь, направлено на выполнение выпускной квалификационной работы и осуществляется в ходе учебной практики под названием «Научно-исследовательская работа», а также при изучении дисциплины «Управление исследовательской и проектной деятельностью школьников».

С этой целью авторами магистерской программы предусмотрен ряд дисциплин, способствующих достижению вышеперечисленных целей и решению указанных задач. Например, для углубления знания исторического материала по истории России и Сибири магистранты изучают такие дисциплины как «Российская история в концептуальных объяснениях и трактовках», «Динамика социокультурных систем в Сибири XX века», ««Народная история» Сибири XX в.». Занятия по этим дисциплинам предусматривают как лекционный материал, так и занятия в виде семинаров, им предшествует самостоятельная работа студента, на которую отводится большое количество времени.

В отличие от обучения в бакалавриате, где студенты в первую очередь получают знания о различных этапах истории и их содержании, в ходе изучения данных дисциплин перед будущими магистрами ставится задача актуализации и обновления этих знаний с помощью самостоятельной работы с источниками и историографическими трудами, приобретения навыков ведения учебно-исследовательской и проектной работы с учениками.

Важную роль в этом процессе играет знание научных достижений, в том числе на современном этапе. Усвоение полученных знаний дает возможность целостного видения проблематики социально-гуманитарного знания в целом и отдельных периодов развития общества, локальных проблем, в частности. Так, в ходе изучения дисциплины «Российская история в концептуальных объяснениях и трактовках» делается акцент на самостоятельном изучении научной литературы по заданным темам в соответствии с рабочей программой дисциплины.

В качестве историографического материала студентам предоставляется право самостоятельно выбрать научную статью из рецензируемого журнала, включенного в список ВАК, что подразумевает качество публикуемого материала и достаточно по объему. Студенту необходимо внимательно ее изучить и дать анализ по существующему образцу историографической характеристики конкретно-исторического исследования. В соответствии с этой схемой студент должен представить сведения об авторе, определить объект и предмет исследования, источниковую и историографическую базу, на которых построено исследование, теоретико-концептуальную основу исследования, главную проблему, которую ставит (или подразумевает) автор, главные аспекты этой проблемы, а также выводы автора по главным аспектам и проблеме в целом, выявить то новое, что привнес автор в решение проблемы. Такая работа с текстом и ее устная презентация на практическом (семинарском) занятии способствуют овладению студентом теоретическими основами и методами работы с историографическим источником.

Особенно эффективным такой вид работы является при знакомстве с историографией истории Сибири в ходе изучения дисциплин «Динамика социокультурных систем в Сибири XX века», «Народная история» Сибири XX в.», которые чередуются по годам. Учитывая, что к этому этапу обучения студенты уже знакомы с трудами отечественных историков по отдельным темам, важно сосредоточить их внимание на ключевых проблемах процесса освоения, заселения и хозяйственного развития территории от Урала до Тихого океана, к которым относится и тема «Переселение в Сибирь и формирование населения региона в XVII–XXI вв.».

Однако не всегда в процессе поиска подходящего по теме историографического труда, даже в журналах из списка ВАК, будущие историки находят по настоящему глубокие, научные статьи, дающие представление (по ранее указанной схеме) о цели и задачах автора, объекте и предмете исследования, репрезентативности источниковой и историографической базы, и тем более – о методологии исследования. Так, например, случилось со статьей двух авторов – И.С. Метелева и И.А. Курьякова об организации переселения в Западную Сибирь и Казахстан в 50–70-е гг. XX в., опубликованной в академическом журнале [12]. Студент, избравший ее для анализа, рассчитывал сделать своему преподавателю подарок, поскольку этот период являлся его «исконной» темой. Однако все вышло наоборот: при тщательном анализе выяснилось, что один из авторов (сведений о другом получить не удалось), являясь кандидатом экономических наук и не обладая достаточными знаниями ни по истории переселенческих процессов, ни по источникам, на которых можно было бы выполнить эту работу, ни по знанию трудов историков, ранее уже «перепавших» этот период и регион что называется «вдоль и поперек», опубликовал под своим именем псевдоисследование, бросающее тень на весь наш клан. К тому же очевидно, что не выполнили добросовестно свою работу не только эксперты журнала, но и редактор, отвечающий за выпуск, так как «хромает» не только содержательная сторона текста, но и его стилистика, а также элементарная пунктуация и орфография.

Тем не менее, и эта статья, после ее внимательного разбора, стала для будущих магистров примером того, как не надо вести исследование и писать научный текст, а также стала предупреждением на будущее: быть добросовестными в любом виде работ.

Таким образом, современная ситуация развития нашей страны, ориентированного на восток, вновь и вновь будет требовать отдачи всего общества. Скорее всего, мы увидим реальные шаги по реализации этих планов и в нашем регионе. Появятся

новые переселенцы, новые исследования, будет формироваться новая Сибирь. Возможно, что новые поколения историков, в том числе и те, кто сегодня еще сидит «за партой», станут продолжателями дел своих учителей и напишут новые научные труды.

Список литературы

1. Российская газета. 2023. 11 июня.
2. Караганов С., Барабанов О., Бордачев Т. Аналитический доклад международного дискуссионного клуба «Валдай» «К Великому океану или новая глобализация России». URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/k-velikomu-okeanu-1/?ysclid=m1yvbz7ld0806379926> (дата обращения: 28.09.2024).
3. Занданова Л.В. Проблемы миграции населения в Азиатскую Россию в трудах сибирских ученых XXI в. // Сибирь в изменяющемся мире. История и современность: мат-лы всерос. науч.-теорет. конф., посвящ. памяти проф. В.И. Дулова. Иркутск: Оттиск, 2015. С. 54–62.
4. Чуркин М.К. Переселения крестьян черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX – начале XX вв.: детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации: дис. ... д-ра ист. наук. Омск, 2007. 375 с.
5. Зуева Н.С. Переселенческая политика российского правительства на Дальнем Востоке в период столыпинских реформ: дис. ... канд. ист. наук. М., 2016. 351 с.
6. Пискунов С.А. Государственная политика сельскохозяйственного переселения и ее реализация на территории РСФСР: 2-я половина 1940 – 1980-е гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Тамбов, 2017. 516 с.
7. Лапердин В.Б. Развитие населения Западной Сибири в послевоенные годы (1946-1950-е гг.): дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2013. 228 с.
8. Бережнова М.Л. Загадка челдонов: история формирования и особенности культуры старожильского населения Сибири. Омск: Изд-во ОмГУ, 2007. 265 с.
9. Проблемы аграрного и демографического развития Сибири в XX–XXI вв.: мат-лы II Всерос. науч. конф. Новосибирск, 2014. 236 с.
10. Занданова Л.В. Реализация планов развития сельского хозяйства Сибири и переселенческое движение во второй половине 1950-х гг. // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2019. № 1 (11). С. 217–234.
11. Занданова Л.В., Кулакова Я.В. Документы федеральных архивов как источник изучения добровольных миграций сельского населения в Сибирь и на Дальний Восток в 1930-е гг. // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 491. С. 115–124.
12. Метелев И.С., Курьяков И.А. Организация переселения и обеспечения рабочей силой районов Западной Сибири и Казахстана в 50–70-х годах XX века // Региональные проблемы преобразования экономики. 2010. № 4. С. 1–10.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ВЛИЯНИЕ НА СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

*Ракитянская Анжела Ивановна, кандидат философских наук, доцент,
ст. преподаватель кафедры истории и философии
ВКА им. А. Ф. Можайского, г. Санкт-Петербург, Россия
rakityanskayaspb@mail.ru*

Переселенческое общество играет важнейшую роль в формировании демографической и культурной карты современного мира. Однако его развитие и адаптация во многом определяются геополитическими факторами. В данной статье рассмотрены факторы переселения населения, а так же обозначены некоторые геополитические теории и их отражение в современных реалиях переселения.

Ключевые слова: переселенческое общество, Хартленд, Римланд, мультикультурализм

GEOPOLITICAL INFLUENCE ON MODERN REALITIES OF SETTLEMENT SOCIETY

*Rakityanskaya Angela Ivanovna, Candidate of philosophical sciences, associate professor,
art. lecturer at the department of history and philosophy
VKA im. A. F. Mozhaitsky, St. Petersburg, Russia
rakityanskayaspb@mail.ru*

Migrant society plays a vital role in shaping the demographic and cultural map of the modern world. However, its development and adaptation are largely determined by geopolitical factors. This article examines the factors of population resettlement, as well as identifies some geopolitical theories and their reflection in the modern realities of resettlement.

Keywords: settler society, Heartland, Rimland, multiculturalism

Переселенческое общество – это исторический и социальный феномен, который охватывает множество народов и культур, стремящихся к новым возможностям через миграцию. С течением времени процессы переселения адаптировались к изменениям в политической, экономической и социальной среде, что привело к формированию уникальных сообществ, сохранивших свои традиции и обычаи, и в то же время интегрировавшихся в новые условия.

Переселения людей имеют глубокие корни, восходящие к древним временам, когда племена и народы искали лучшие условия для жизни, продовольствия и безопасности. Примеры можно найти в миграции скандинавов, тюрков, славян и многих других.

В XIX–XX вв. крупные волны европейской эмиграции в поисках работы и лучшей жизни в США, Австралии и других странах привели к формированию многонациональных обществ. Каждое переселение было спровоцировано различными факторами: экономическими, социальными и политическими, такими как войны, голод или стремление к новым землям.

Данные события в истории человечества не раз имели место быть, рассмотрим примеры некоторых переселенческих сообществ в странах и союзах:

1. Соединенные Штаты Америки. В XX в. США стали примером страны, где политика управления миграцией и контроля переселенческих сообществ изменялась в зависимости от характера политических направлений. Иммиграционные акты 1920-х гг. вводили строгие квоты на приезд мигрантов из определенных стран, что отражало расистские и ксенофобные настроения того времени. Это ограничение влияло на возможность интеграции новых групп и способствовало формированию этнических гетто. После Второй мировой войны, с учетом необходимости восстановления народов и создания многонациональных обществ, политика открытых дверей и принятия беженцев, таких как вьетнамцы и кубинцы, привела к новому уровню разнообразия и развития переселенческих сообществ.

2. Канада. Канада на протяжении своей истории активно развивает мультикультурную политику, направленную на поддержку разнообразия и интеграцию мигрантов. С 1970-х гг. страна как политика активно принимала беженцев, понимая, что их интеграция может приносить культурные и экономические выгоды. Однако эти процессы также требовали адекватного контроля и программ поддержки, чтобы минимизировать напряженность в межэтнических отношениях.

3. Европейский Союз. В последние десятилетия Европа столкнулась с значительными потоками мигрантов, что поставило перед странами-участниками множество вызовов и вопросов. Политика «гуманитарного редистрибуции» и климата страха из-за терактов привели к существенным изменениям в политике управления миграцией. Создание системы «Дублин» определило, какие страны несут ответственность за беженцев, что вызвало растущее недовольство и споры в отношении распределения нагрузки между странами.

4. Советский Союз. В истории СССР контроль над переселенческими сообществами проявлялся через принудительные переселения и коллективизацию, а также через политику национальности. Для многих народов процесс переселения стал не только вопросом выживания, но и способом сохранения идентичности. Так, например, чуваш и мордва в Приволжье, сохранили свои традиции, создавая уникальные культурные сообщества в результате миграций. Огромное значение имело переселение населения в период индустриализации СССР. Так, строительство волжских гидроэлектростанций требовало большого количества рабочих и специалистов, не говоря уже о территориях, хотя «великое переселение» для населения стало настоящей трагедией. После Великой Отечественной войны переселение народа имело огромные масштабы, т. к. восстановление страны, освоение слабоосвоенных территорий – целины, строительство БАМа, и др. требовало больших человеческих ресурсов. Таким образом, геополитика, определяемая распределением власти и ресурсов на глобальном уровне, имеет сильное влияние на миграционные потоки.

Современные реалии таковы, что геополитическая нестабильность, войны и конфликты в определенных регионах часто становятся причиной массовых переселений людей. Так, примером этому служат события в Сирии, кризисы в Афганистане и странах Северной Африки, которые вывели миллионы беженцев за пределы страны и положили начало одной из крупнейших миграционных кризисов нашего времени, затронувшей не только соседние страны, но и всю Европу.

В современной геополитической обстановке обозначим ряд факторов, которые непосредственно влияют и формируют переселенческие общества в современном мире:

1. *Экономические факторы и миграция.* С развитием технологий и глобализацией, миграция приняла новые формы. В странах с высокими темпами экономического развития, создаются привлекательные условия для мигрантов из менее развитых стран. Эти страны внедряют программы, поддерживающие приток квалифицированной рабочей силы, что связано с их стратегическими целями развития. В то же время, экономические санкции и кризисы в странах, переживающих политическую нестабильность, часто приводят к падению уровня жизни и, как следствие, увеличению миграционного потока. Мигранты, стремясь сменить условия жизни, становятся движущей силой переселенческого общества, борющегося за лучшие условия существования.

2. *Культурные и социальные аспекты.* Геополитические изменения способны также воздействовать на культурные и социальные структуры переселенческого общества. Появление новых миграционных потоков вскрывает вопросы интеграции и мультикультурности в странах-реципиентах. Общество сталкивается с вызовами, связанными с сохранением культурных идентичностей, которые могут подвергаться риску ассимиляции. Возникает необходимость создания программ поддержки интеграции, обучения языку страны проживания и правовой помощи для мигрантов.

3. *Политика стран-реципиентов.* Политические решения в странах-реципиентах также играют важную роль в формировании миграционных потоков и их восприятия. Политика открытых дверей, проводимая рядом государств, бывала изменчива в ответ на внутренние и внешние вызовы. Например, выделение квот на прием беженцев, реализация программ по обеспечению прав мигрантов или же, напротив, ужесточение миграционного законодательства способны либо способствовать интеграции, либо увеличивать социальную напряженность.

Геополитика, изучающая влияние географических факторов на политику и международные отношения, является ключевым элементом в понимании современных миграционных процессов. Ученые, занимающиеся исследованиями в этой области, формируют теории, которые помогают объяснить, как переселенческие общества возникают, развиваются и взаимодействуют в условиях глобальных изменений. Обозначим некоторые геополитические теории и их отражение в современных реалиях переселенческого общества:

1. *Теория «сердцевины» Хартленда.* Известный британский геополитик Хелфорд Макиндер [3], предложил свою теорию в начале XX в., утверждая, что «кто контролирует Восточную Европу, тот контролирует сердце мира». Современные реалии показывают, как важны эти географические аспекты для формирования миграционных потоков. Политическая нестабильность в регионах, идентифицированных как «сердцевина», приводит к тому, что жители стремятся покинуть свои страны в поисках безопасности. Примером служат военный конфликт в Украине, который вызвал масштабные внутренние и внешние миграции.

2. *Теория Римланда.* Другой видный ученый, Николас Спикмен, разработал концепцию «Римланда» [6], подчеркивая стратегическую важность прибрежных регионов. В свете современных миграционных процессов его теория становится актуальной, так как беженцы чаще всего движутся в поисках безопасности и лучших экономических возможностей через регионы, имеющие выход к морю. Например, теплые и экономически развитые страны Средиземноморья становятся привлекательными для мигрантов из Африки и Ближнего Востока.

3. *Теория новых миграционных потоков.* Современные политические деятели, описывают новые формы миграции в контексте глобализации. Они акцентируют внимание на том, что миграция уже не является однонаправленным потоком из стран

с низким уровнем жизни в более развитые экономики. Вместо этого, сегодня наблюдаются многофазные миграционные потоки, которые включают как высококвалифицированных специалистов, так и экономических мигрантов, что обогащает переселенческое общество.

4. *Теория социального капитала.* Социальный капитал, разработанный такими учеными, как Пьер Бурдьё [1] и Роберт Патнэм [4], подчеркивает важность взаимодействия внутри сообществ и сетей, которые способствуют социальному и экономическому развитию. Политические и административные меры могут значительно менять уровень социального капитала в переселенческих сообществах. Поддержка сетей и взаимодействий между этническими группами может способствовать интеграции, тогда как отсутствие таковой – способствовать маргинализации.

5. *Теория мультикультурализма.* Философские и социологические исследования, проведенные такими учеными, как Жак Деррида [2] и Эдвард Саид [5], подчеркивают значимость мультикультурного подхода в современных переселенческих обществах. Деррида и его работа о деконструкции идентичностей открывают новые перспективы для понимания, как мигранты могут сочетать свои культурные традиции с новыми условиями жизни, создавая разнообразные сообщества. В условиях глобализации это особенно важно, поскольку переселенческие общества могут обогащать культуру и экономику принимающих стран.

Таким образом, отметим, что теории играют существенную роль в понимании геополитических аспектов миграционных процессов и переселенческих обществ в современных реалиях. Каждая из упомянутых теорий позволяет увидеть, как глобальные изменения, конфликты и экономические факторы формируют динамику миграции, а также как эти процессы влияют на социальные, культурные и экономические аспекты жизни переселенческого общества. Важно учитывать результаты научных разработок при формировании миграционной политики и интеграционных программ, способствующих устойчивому развитию многонациональных обществ.

Список литературы

1. Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики // Гуманитарный портал. – URL: <http://www.gtmarket.ru/library/basis/3707/3708> (дата обращения: 20.09.2024).
2. Керни Р. Диалоги о Европе: пер. с англ. М.: Весь Мир, 2022. 320 с.
3. Маккиндер Х. Географическая ось истории. М: АСТ, 2021. 288 с.
4. Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии // Phanastike.com URL: http://www.phantastike.com/philosophy/chtoby_demokratiya_srabotala/ (дата обращения: 20.09.2024).
5. Саид Э. Культура и империализм. М.: Владимир Даль, 2012. 736 с. URL: <http://www.coollib.cc/b/486947-edvard-vadi-said-kultura-i-imperializm/read> (дата обращения: 20.09.2024).
6. Spykman N. The Geography of Peace. N.Y.: Harcourt; Brace, 1944 // Google Книги. – URL: http://www.books.google.ru/books?id=YpWDAAAAMAAJ&pg=PA15&hl=ru&source=gbs_selected_pages&cad=1#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 20.09.2024).

СЕКЦИЯ 7. ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ И СОЦИАЛЬНЫЕ СВЯЗИ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА

УДК 027.5(571.51-21Норильск)

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ НА СЕВЕР И БИБЛИОТЕЧНАЯ СФЕРА: ОТ ПРОШЛОГО К БУДУЩЕМУ

Подъяпольская Анастасия Валерьевна,

*Государственная универсальная научная библиотека Красноярского края,
Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
konukhova@mail.ru*

Активное освоение отдаленных территорий привело к необходимости создания крупных промышленных центров на Севере России. В советское время одним из таких центров стал город Норильск. Несмотря на лагерное прошлое, город стремительно возрастал и требовался приток специалистов не только на производство, но и в культурные сферы деятельности. Одна из них – библиотечная описана в данной статье как динамично развивающаяся. Молодые люди, приехавшие на Север Красноярского края по разным причинам, сформировали высокие организационные и профессиональные навыки в специфичных северных условиях. Это привело к тому, что норильская библиотечная система стала одной из лучших в Советском Союзе.

Ключевые слова: Север Красноярского края, библиотечная система Норильска, известные люди Норильска, переселение на Север, история Норильска, библиотекари Норильска

RELOCATION TO THE NORTH AND THE LIBRARY SECTOR: FROM THE PAST TO THE FUTURE

Podyapolskaya Anastasya Valerevna,

*Krasnoyarsk state scientific library of Krasnoyarsk area, Krasnoyarsk,
Krasnoyarsk state agrarian university, Krasnoyarsk,
konukhova@mail.ru*

The active development of remote territories has demanded to create large industrial centers in the North of Russia. In Soviet times, the city of Norilsk became one of these centers. Despite the GULAG's past, the city was growing rapidly and an influx of specialists was required not only for production, but also in cultural spheres. So the library life as a cultural sphere is described in this article in its dynamically developing. Young people who came to the North of the Krasnoyarsk Territory for various reasons have developed high organizational and professional skills in specific northern conditions. Thus the Norilsk library system became one of the best in the Soviet Union.

Keywords: The North of the Krasnoyarsk Territory, the library system of Norilsk, famous people of Norilsk, relocation to the North, the history of Norilsk, librarians of Norilsk

Активное освоение северных территорий стало важным этапом в истории нашей страны. Это не только великие географические открытия, но и постепенное освоение северных территорий, решение задач по развитию промышленности в суровых климатических условиях.

Создание на севере России крупных промышленных центров происходит в годы правления советской власти. Арктические пространства привлекали по целому ряду причин.

На севере Красноярского края природа обладала и обладает такими особенностями, как невероятно низкие температуры с сильными ветрами в сочетании с лесостепным ландшафтом. Однако именно природа наделила этот край уникальными богатствами.

Неудивительно, что впоследствии на эту северную территорию кто-то попадал в принудительном порядке, а кто-то по своей доброй воле.

Неоднозначность ситуации переселения на Север в первой половине XX века особенно ярко иллюстрирует город Норильск. Развитие инфраструктуры сначала поселка, а затем и города требовало совершенствования профессиональной деятельности в различных сферах – на производстве, в здравоохранении, в культуре (в частности, в библиотечной деятельности).

Необходимы были специалисты. Изначально это были заключенные, приехавшие на север в принудительном порядке. Попасть в Норильск они могли по ложным доносам – за преступления, которые они не совершали.

Уголовный кодекс РСФСР (особенная часть, 1926 г.) содержит разъяснения и о том, что «контрреволюционным признается всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти рабоче-крестьянских Советов» [5, с. 8].

Под такое определение попадало большое количество действий и огромное количество людей. Это могли быть разговоры двух друзей на кухне, направленные против власти и подслушанные соседом, студенческие волнения, а может быть – религиозная (христианская, других конфессий) или иная достаточно мирная деятельность, по советским критериям подпадающая под определение «контрреволюционная». В 20–30-х гг. репрессии захлестнули страну. Часть заключенных отправлялась в особо суровые условия – на Север, в том числе в Норильск.

«В 1945–1948 гг. осуществляется новый виток репрессий. Система ГУЛАГа достигла своего апогея именно в послевоенные годы, так как к сидевшим там с середины 30-х гг. «врагам народа» добавились миллионы новых. Репрессивная политика, в том числе принудительные переселения, вновь активизировалась в 1947 и заметно усилилась в 1948 году» [5, с. 29]. Принудительные переселения и депортации продолжались достаточно долго. Соответственно, переселение людей на север Красноярского края в 30–50-е гг. становилось все более масштабным. Ведь фактическое количество переехавших в Норильск людей включало не только заключенных и депортированных, но и людей, работающих в системе Норильлага, а также работников сферы производства и других сотрудников, создающих инфраструктуру нового населенного пункта.

При этом необходимость в новых профессионалах на севере возрастала с каждым днем. В 50–60-е гг. эта потребность еще выше, чем в 30–40-е. Новый город растет. Но восполнить кадровый дефицит с помощью нынешних или бывших заключенных не удавалось. Это лишь одна из причин, благодаря которым достаточно большое количество людей переехало в Норильск.

После того, как Норильск обретает статус города, в него стекаются специалисты со всей страны. Конечно, среди них были те, кто приехал в добровольно-принудительном порядке (отработать 5 лет по специальности, приехать по направлению или для обретения стажа в своей отрасли). Но в 50–60-е гг. переезды людей связаны с разными мотивами.

Вторую основную причину можно назвать «романтической». Это любовь к родной стране, к Северу. Не обыденное желание получить деньги, а нечто большее – желание сделать свой вклад в развитие страны и северных территорий, в то самое «светлое будущее», о котором так часто говорилось в советское время.

Одним из таких людей был Константин Григорьевич Аптекман (1933–1986). «С 1954 по 1958 год учился в Ленинградском государственном институте культуры им. Н. М. Крупской на факультете массовых и научных библиотек. В августе 1958 года Константин Григорьевич по распределению молодых специалистов приехал в Норильск и стал заведующим Норильской городской библиотеки, а после объединения в 1973 году городских библиотек в Централизованную библиотечную систему – директором Норильской ЦБС. Более 28 лет он был бессменным руководителем библиотек Норильска. Ему удалось превратить маленькую библиотеку в крупнейшую централизованную систему Таймыра». [3]

Биография К. Г. Аптекмана показывает, что он адаптировался к суровым климатическим условиям и посвятил северу всю свою профессиональную жизнь. Именно благодаря ему приехало и устроилось в норильские библиотеки большое количество специалистов с «материка» [2, с. 164].

Иногда вышеописанные «романтические мотивы» поступков соединялись с романтическими напрямую. Например, в судьбе Татьяны Николаевны Гришаевой – которая, будучи молодым библиотекарем, приехала в Норильск к будущему мужу в 1978 г. Впоследствии работала в команде К.Г. Аптекмана, а с 2001 г. пришла на пост директора.

В 2016 г. на этом посту ее сменила Татьяна Борисовна Кочеткова, которая в 2008 г. переехала в Норильск [1, с. 169]

Приведенные примеры показывают, что специалисты библиотечной сферы стремились в Норильск в разные годы на протяжении XX–XXI вв. Они готовы были отказаться от теплого климата и комфорта, включая свою жизнь в ритм северного города, создавая новую уникальную книжную атмосферу в переплетении с культурными особенностями жителей Таймыра.

Хотелось бы подчеркнуть, что большое количество исследований о Норильске и норильчанах посвящено теме производства, его становлению и личностям, которые с ним связаны.

Однако библиотечная сфера при более детальном рассмотрении оказывается не просто значимой, а даже знаковой: существует точка зрения, что библиотечная система Норильска являлась лучшей в нашей стране в советское время.

«В 1982 году Норильская ЦБС заняла первое место в социалистическом соревновании и награждена переходящим Красным знаменем. 13 библиотекарей были удостоены дипломов «Лучший библиотекарь края». Среди городов края в норильских библиотеках самая высокая читаемость. 57 тысяч читателей пользовались книжным фондом, который насчитывал 660 тысяч томов» [2, с. 166]. Свои лучшие традиции Норильская ЦБС продолжает и сейчас. Так, Норильская детская библиотека им. Саши Петряева является лауреатом в номинации «Лучшая детская библиотека» краевого конкурса «Вдохновение» [4].

Переселение специалистов с «материка» в Норильск создавало благодатную почву для становления библиотечной системы в Норильске и Красноярском крае в целом. Молодые люди, окончившие столичные высшие учебные заведения по библиотечным специальностям, быстро обретали новый опыт и становились настоящими профессионалами. Им помогала внутренняя идеологическая настроенность – патриотизм, желание сделать вклад в будущее своей страны. В частности, именно благодаря такому переселению – с учетом идеологии, навыков практической деятельности, направления образования успешная организация библиотечного дела в Норильске стала возможной. Деятельность таких специалистов, как К.Г. Аптекман, является примером эффективного управления в сфере культуры, работы с персоналом и грамотного выстраивания библиотечной практики.

Изучение опыта переселения библиотечных специалистов может помочь в организации культурной деятельности как в северных, так и в других отдаленных территориях, в том числе при создании модельных библиотек в различных населенных пунктах Российской Федерации.

Список литературы

1. Андриук М.В. Харизма, такт и дипломатия: Татьяна Гришаева // История библиотечного дела Красноярского края. Красноярск: ГУНБ, 2022. С. 168–170.
2. К.Г. Аптекман – директор Норильской ЦБС // История библиотечного дела Красноярского края. Красноярск: ГУНБ, 2022. С. 163–168.
3. Аптекман Константин Григорьевич. URL: <http://www.krskstate.ru/nasledie/trud/0/id/39653> (дата обращения: 21.10.2024).
4. Норильская детская библиотека признана лучшей в крае. // Норильский телеграф. URL: <https://ttelegraf.ru/news/36402-norilskaya-detskaya-biblioteka-priznana-luchshey-v-krae/> (дата обращения: 26.06.2024).
5. Память: боль... и гордость!: историко-краеведческие материалы / под ред. Л.В. Васильевой. Красноярск: ИП Феньков С.С., 2016. 284 с.

СОЗДАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ЦЕНТРОВ В СИБИРИ В 20-30-Е ГГ. XX В.

*Лукиева Елена Борисовна, кандидат исторических наук, доцент
Томский политехнический университет, Томск, Россия
llukielena@tpu.ru*

Межнациональные отношения в России в конце XX в. – начале XXI в. усилили внимание к проблемам национальной истории, культуре, сохранения национального самосознания, социально-культурной адаптации переселенцев в инонациональной среде. Возрос интерес к традициям, обычаям, национальным языкам. Как известно, Сибирь всегда была многонациональна. Этнополитические ситуация и процессы в регионе, требующие удовлетворения экономических, социальных, национально-культурных запросов населяющих его этносов, обуславливают необходимость изучения опыта решения проблем национально-культурного характера, накопленного в 20–30-е гг. XX в.

Ключевые слова: национальные меньшинства, национальное образование, нерусское население, переселенцы, культурные традиции

CREATION AND ACTIVITIES OF NATIONAL-CULTURAL CENTERS IN SIBERIA IN THE 20-30S OF THE 20 TH CENTURY

*Lukieva Elena Borisovna, Candidate of historical sciences, associate professor
Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russia
llukielena@tpu.ru*

Towards the end of the 20th century and the beginning of the 21st century, there was a notable increase in interest in the issues pertaining to national history, culture, the preservation of national identity, and the socio-cultural integration of immigrants in an alien environment. There has been a notable increase in interest in traditions, customs, and national languages. As is widely known, Siberia has historically been a region with a diverse population. The complex ethno-political situation and processes in the region, which require the satisfaction of the economic, social, and national-cultural needs of the various ethnic groups inhabiting it, necessitate a comprehensive examination of the experience of solving problems of a national-cultural nature accumulated in the 1920s and 1930s.

Keywords: national minorities, national education, non-Russian population, immigrants and cultural traditions

Значительную часть среди нерусского населения Сибири в 20–30-е гг. XX в. составляли национальные меньшинства: украинцы, белорусы, немцы, латыши, литовцы, эстонцы, евреи, мордва, чуваша, татары Поволжья и Приуралья, азербайджанцы, армяне, грузины, греки, корейцы, китайцы, японцы и др. Наиболее значительными группами среди них по численности были: украинцы, белорусы, татары, эстонцы, латыши, немцы, чуваша. Так, в одной из крупнейших губерний Сибири – Томской – в 1920 г. проживало 1 083 042 чел. 65 национальностей. Национальные меньшинства различались между собой численностью, социально-экономическим и культурным уровнем, языком, конфессиональной принадлежностью, национально-бытовыми особенностями. Они стремились сохранять в новых местах проживания родной язык,

сложившиеся культурные традиции, особенности хозяйственного уклада. Например, литовские, латышские и немецкие поселения отличала особая обособленность, замкнутость. Большинство пришлого населения было сосредоточено в сельской местности. Исключение составляли еврейские переселенцы, проживавшие в основном городах. Грамотность подавляющей части населения национальных меньшинств была довольно низкой, особенно среди женщин и детей, но у переселенцев из Прибалтики, немцев и евреев она была довольно высокой. Эта ситуация мешала процессу адаптации. Например, в Омской губернии в 1920 г. 48 % латышей, 45 % литовцев, 42 % эстонцев и 72 % евреев были грамотны [1]. В начале 20-х гг. в Сибири в системе партийных и советских органов были организованы национальные отделы и подотделы, создание которых обуславливалось сложной этнополитической ситуацией в крае. Перед ними, наряду с важными социально-политическими проблемами, стояли задачи и в области национально-культурного строительства, а также адаптация мигрантов к новой среде, к новым условиям жизни.

Советское правительство в период 1918–1920 гг. приняло ряд декретов и постановлений, закрепивших право национальных меньшинств на получение образования на родном языке – начального, среднего и высшего. В 20–30-е гг. была создана система национальных культурно-образовательных центров: национальные школы, клубы, красные уголки, библиотеки, избы-читальни, школы для взрослых и т. д. В это время в Сибири выходили газеты на немецком, венгерском, польском, латышском, татарском, литовском, эстонском языках. Создание национальных образовательных учреждений, издание национальных газет создало благоприятную атмосферу и давало возможность национальным меньшинствам почувствовать себя равноправными гражданами России и безболезненно адаптироваться к новым условиям жизни.

На протяжении всех 20-х гг. в Сибири большое место в деятельности национальных подотделов, функционировавших в системе партийных органов и народного образования, занимали вопросы, касающиеся создания и деятельности национальных школ. До революции 1917 г. в Сибири существовали национальные школы. Однако принципы деятельности этих учебных заведений не могли быть использованы для советской национальной школы. Преподавание в них велось преимущественно на русском языке вместо родного и было направлено на ассимиляцию нерусских народов. В процессе учебы к детям нередко применялись меры физического воздействия.

Открывались национальные школы в районах компактного проживания одной национальности. К 1920 г. в Сибири действовало 1 034 школы первой ступени, из них 97 в Томской и 499 в Омской губерниях. Из 596 школ Омской и Томской губерний подавляющее большинство – 420 школ были татарскими, за ними шли немецкие – 61, затем эстонские – 42, латышские – 27, украинские – 21 школа. Остальных школ – еврейских, польских, чувашских, белорусских и литовских было от 1 до 10 школ [2]. В населенных пунктах, где детей было немного (не менее 25 человек), открывались национальные классы при русских школах. Преподавание в национальных школах велось на родном языке. Период обучения в начальной школе был рассчитан на четыре года. После его окончания ученик мог продолжить в русской школе, а в местностях, где работали национальные школы повышенного типа или школы крестьянской молодежи, получить и среднее образование на родном языке. Для более полного учета национальных особенностей различных народов, живших в сибирских губерниях, были созданы двуязычные школы; русско-татарские, русско-польские, русско-украинские и др. Так, в 1923/24 уч. г. в Томской губернии из 37 татарских школ первой ступени в 34 преподавание велось исключительно на родном языке, в остальных трех – на русском и татарском; из 17 чувашских – в 12 на национальном, в двух на русском и чувашском [3] и т. д. Эти цифры подтверждают, что за национальными

меньшинствами признавалась их исключительность, национальные особенности, право на сохранение родного языка, истории, культуры.

В Томске осенью 1921 г. по инициативе немецкого населения и при его активном участии открыли немецкую школу с 9-летним курсом обучения для детей местных немецких колонистов. Через 2–3 года преподавание всех предметов в старших группах должно было быть переведено на немецкий язык. Кроме учебной работы школа вела и культурно-просветительную. Школа фактически была национальным и культурным центром для немецкого населения Томска. В ней проводились различные вечера: благотворительные, музыкальные, на антирелигиозные темы, посвященные революционным праздникам, выставки. На этих вечерах декламировались стихи, давались спектакли. Нередко, в качестве гостей приглашались родители учеников школы. В немецкой школе работали кружки: политграмоты, естественных наук, музыкальный, немецкого языка, спортивный, литературный [4].

Для национальных меньшинств, живших в городах, культурными центрами являлись и национальные рабочие клубы. В 1920 г. в Сибири насчитывалось всего 25 национальных клубов (еврейских, украинских, татарских, латышских и др.), в 1921 г. их стало 42, в 1924 г. – 103 клуба [5]. Их открытие служило признанием социального равенства. В Сибири в условиях преобладания мелкой промышленности, при распыленности и немногочисленности национального пролетариата они являлись связующей нитью. Национальные клубы объединяли представителей различных отраслей производства, иногда и служащих государственных учреждений. При клубах работали различные кружки и секции: спортивные, драматические, литературные, хоровые, друзей газеты и др. В них проводились лекции, митинги, концерты, беседы, спектакли, читки газет. В 1920–1921 гг. в Томске работали латышский, эстонский, украинский, татарский, польский и еврейский рабочие клубы. Так, в марте 1921 г. латышский клуб посещало 160 чел. В нем действовало 7 кружков: гимнастики и пластики, политграмоты, литературный, драматический, художественный, хоровой и ручного труда. Драматический кружок поставил несколько спектаклей: «Трубочист», «Золушка», «Астрономы». При латышском клубе существовал еще и детский клуб [6].

В августе 1920 г. в Томске был открыт украинский рабочий клуб. При клубе работала любительская театральная труппа. Кроме того, в нем действовали литературно-библиотечная, вокально-музыкальная и художественная секции. В этом же году в Томске была организована мусульманская драматическая труппа для работы как в городе, так и в уездах губернии. Однако, театральная секция Томского отдела народного образования не поддержала этого начинания. Она заявила о бесцельности организации театра для татар. При Томском польском рабочем клубе в 1920–1921 гг. работал театр, ставивший еженедельно по одному спектаклю. Театр действовал не только в городе, но и часто выезжал в польские поселки и деревни. Польский рабочий театр был единственным в Западной Сибири. При клубе еще работали культурно-просветительная, проводившая митинги и лекции. В начале 20-х гг., как правило, открывались клубы для каждой национальности в отдельности, а во второй половине – из-за финансовых трудностей предпочтение отдавалось созданию интернациональных клубов с национальными секциями, что экономило денежные ресурсы, позволяло максимально использовать помещения и имеющихся специалистов.

Культурными центрами являлись и национальные библиотеки. В 1920 г. их открылось в Сибири 46, в 1921 г. число их резко выросло – 242, однако к 1924 г. сократилось до 102 библиотек. Нередко они открывались при рабочих клубах, школах, благотворительных организациях. Библиотеки проводили литературные вечера, книжные выставки, праздники книги. В 20-е гг. была распространена совершенно новая форма пропаганды книг – передвижная библиотека.

Большое значение для крестьян-переселенцев, а их было большинство среди пришлого нерусского населения, имела изба-читальня. Первые из них появились почти сразу после освобождения Сибири от колчаковщины. В 1920 г. их уже было по Сибири больше 50, к 1921 г. их число увеличилось во много раз и составило 421, но потом в условиях нэпа сократилось до 88 [7]. Это был новый вид культурно-просветительного учреждения. Изба-читальня в деревне являлась фактически единственным национальным культурно-образовательным центром. Она была местом общения, источником информации, помощником в решении сложных проблем. При них открывались курсы по ликвидации неграмотности, библиотеки, сельскохозяйственные кружки, справочные столы, проводились беседы, лекции, громкие читки газет, журналов, книг на родном языке, выпускались стенные газеты. Наиболее интересные книги на политические и сельскохозяйственные темы прочитывались, а затем обсуждались. В этих избах-читальнях выписывались газеты: на татарском языке – «Азад-Себер», «Эшче», «Коммунист», на русском – «Красное знамя», «Комсомолец», «Томский крестьянин».

Но в деятельности большинства национальных культурно-образовательных центров в 20-30-е гг. было немало трудностей: их работа не имела планового характера, имела преимущественно вид кампаний и празднования юбилейных дат и практически затихала в летний период. Сложности были и в том, что не хватало квалифицированных специалистов, знающих языки, денежных средств. Отсутствовала необходимая учебная литература. Также возникали и коммуникационные проблемы: между местным русским населением и национальными меньшинства, а также между последними и местными властями. Очень сложно было вести работу среди дисперсно расселенных национальных групп.

Подводя итоги, необходимо отметить, что в 20–30-е гг. XX в. был накоплен определенный практический опыт решения национально-культурных проблем. При формировании и в деятельности национальных культурно-образовательных центров в Сибири были использованы принципы культурно-национальной автономии, позволяющие более полно учитывать интересы и потребности всех национальных групп. Создание и деятельность национально-культурных образовательных центров для национальных меньшинств решали многие очень важные социально-коммуникативные проблемы, а также проблемы адаптации национальных меньшинств к новой среде обитания, сохранения родной культуры, языка, традиций и национального самосознания в инонациональной среде.

Список литературы

1. Итоги демографической переписи населения 1920 г. по Омской губернии. Омск, 1923.
2. Подсчеты сделаны по: Сибирский революционный комитет. Новосибирск, 1959. 528; Советская Сибирь. 1920. 29 окт., 6 нояб.
3. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р 1053. Оп. 1. Д. 627. Л. 24; Д. 773. Л. 30.
4. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р 28. Оп. 1. Д. 837. Л. 52; Д. 837. Л. 52; Д. 949. Л. 16, 17, 42.
5. ГАНО. Ф. Р 1053. Оп. 1. Л. 146; Д. 553. Л. 102; Ф. Р 61. Д. 114. Л. 16.
6. ГАТО. Ф. Р 28. Оп. 1. Д. 484. Л. 4.
7. ГАНО. Ф. Р 1053. Оп. 1. Д. 1071. Л. 116–118.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПРОТЕСТАНТСКИХ ОБЩИН В ГОРОДАХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ СЕРЕДИНЫ XX ВЕКА

Конев Евгений Викторович,

Сибирский университет потребительской кооперации, Новосибирск, Россия

konev1020@mail.ru

В статье исследуется жизнедеятельность протестантских общин в больших и малых городах Западной Сибири на протяжении двух десятилетий XX века. Отмечается заметное увеличение численности религиозных объединений, состоявших из немцев, и регулярное проведение совместных молитвенных собраний различных вероисповеданий на родном языке. Автор затрагивает проблему взаимоотношения разных протестантских конфессий (евангельских христиан-баптистов, лютеран, меннонитов).

Ключевые слова: протестантизм, верующие немцы, религиозные общины, Западная Сибирь, города, евангельские христиане-баптисты, Совет по делам религиозных культов, молитвенные собрания

THE FUNCTIONING OF PROTESTANT COMMUNITIES IN THE CITIES OF WESTERN SIBERIA IN THE MIDDLE OF THE XX CENTURY

Konev Evgeny Viktorovich,

Siberian University of Consumer Cooperation, Novosibirsk, Russia

konev1020@mail.ru

The article examines the vital activity of Protestant communities in large and small cities of Western Siberia over two decades of the 20th century. There has been a marked increase in the number of religious associations composed of Germans, and regular joint prayer meetings of various faiths in their native language. The author touches upon the problem of the relationship between different Protestant denominations (Evangelical Christians-Baptists, Lutherans, Mennonites).

Keywords: Protestantism, German believers, religious communities, Western Siberia, cities, Evangelical Christian Baptists, Council for Religious Cults, prayer meetings

Великая Отечественная война заметно оживила жизнедеятельность протестантских общин. В это время на спецпоселение прибыло огромное количество верующих из западных областей СССР, в большей степени, состоявшие из немцев. Во многих западносибирских городах прибывшие проповедники вступали в контакт с местными протестантами и повсеместно создавались новые объединения. В связи с общим вкладом религиозных общин в победу Советское государство частично легализовало церковную деятельность. Одним из итогов изменения политики правительства по отношению к религии явился созданный в мае 1944 г. Совет по делам религиозных культов (СДРК). В октябре того же года главным образом при содействии органов власти произошло объединение евангельских христиан и баптистов, и образовался Всесоюзный совет евангельских христиан-баптистов (ВСЕХБ).

В августе 1945 г. в состав ВСЕХБ и также под напором государственного аппарата вошла некоторая часть христиан веры евангельской (ХВЕ) или пятидесятников в основном Воронаевского толка, многие их идеи и положения схожи с вероучением евангельских христиан и баптистов. СДРК и пресвитеры евангельско-баптистских общин потребовали от ХВЕ отказа от глоссолалии, омовения ног и учения о Святом Духе, а для совершения обряда хлебопреломления – не использовать пресный хлеб. В течение 1945–1947 гг. в регионах регистрировались религиозные объединения, верующим возвращались молитвенные дома. Однако «либерализация» по отношению к протестантским конфессиям коснулась только отдельных евангельско-баптистских объединений.

Немцы в течение 1940-х – середины 1950-х гг. находились под жестким контролем спецкомендатур Народного Комиссариата Внутренних Дел (НКВД), и большинство протестантских общин действовало нелегально. Нередко в одном городе Западной Сибири находились евангелисты-баптисты, лютеране, меннониты, а также христиане веры евангельской и адвентисты. И они в немалом количестве совместно проводили богослужения на немецком языке [1, л. 16; 5, л. 3]. В местах, где действовали зарегистрированные объединения Евангельских Христиан-Баптистов (ЕХБ), небольшие группы верующих немцев присутствовали на молитвенных собраниях. Принадлежность к одной национальности и проживание в режиме спецпоселения во многом консолидировали представителей разных протестантских конфессий. Неслучайно в областных, краевом центрах и больших городах молитвенные дома верующих находились в одном районе или поблизости, как правило, на окраинах.

Необходимо отметить, что условия существования спецпереселенцев являлись крайне негативными. На протяжении всего режима спецпоселения немецкое население полностью было лишено каких-либо возможностей поддерживать и сохранять свою национальную идентичность. Среди спецпоселенцев также отсутствовала культурно-просветительская и идеологическая работа. И потому в 1940-е гг. создавались благоприятные условия для вовлечения немцев в религиозные организации.

Местным властям очень трудно было разобраться, где находились те или иные религиозные объединения. В ряде городов действовало несколько общин разных конфессий. Уполномоченные СДРК в своих отчетах нередко представителей лютеранского вероисповедания называли немцами-баптистами. Большая их часть в конце 1940-х гг. изъявляла желание зарегистрироваться СДРК и иметь свой молитвенный дом. В Новосибирске, Омске, Томске, Барнауле, Славгороде, шахтерских городах Кузбасса (Сталинск, Ленинск-Кузнецкий, Осинники, Анжеро-Судженск) на молитвенных собраниях евангелистов-баптистов находились немцы трех протестантских объединений (ЕХБ, лютеране, меннониты), а также в указанных населенных пунктах по соседству проводили богослужения адвентисты и пятидесятники. Так, в конце 1940-х гг. в Куйбышевском районе Омска евангелисты-баптисты в составе около 1000 человек проводили молитвенные собрания [10, л. 16]. И в том же районе находились верующие немцы. А в Осинниках наряду с немецкой группой ЕХБ К.К. Крекера, богослужения местного зарегистрированного объединения посещали 25-30 лютеран, возглавляемых И.М. Даммером [3, л. 63–65].

В крупнейшем городе Сибири, Новосибирске, уже в ноябре 1948 г. Я.Г. Эзау обращался к местному уполномоченному СДРК с ходатайством о регистрации смешанного немецкого молитвенного собрания, состоявших из баптистов, меннонитов и лютеран в количестве около 100 человек [5, л. 3, 5]. Местные пресвитеры ЕХБ не являлись авторитетом для верующих немцев, многие из которых говорили на диалекте.

Этим можно объяснить стремление немецких групп к обособленности, автономности.

Итак, западносибирские евангельско-баптистские общины в городах являлись довольно сложноорганизованными. В их составе находились представители разных протестантских конфессий, и в большей степени они были связаны общей судьбой, проживая в режиме спецпоселения. В ряде населенных пунктов немецкие группы верующих старались проводить богослужения отдельно от русских.

Заметно активизировалась религиозная деятельность лютеран, евангелистов-баптистов, меннонитов и других представителей протестантских конфессий после снятия ограничений в правовом положении, находящихся на спецпоселении немцев, во второй половине 1950-х гг. В областных и краевых центрах, а также в больших и малых городах, где был велик удельный вес немецкого населения, в значительной степени увеличивались религиозные общины.

Во время хрущевской оттепели верующие немцы открыто проводили молитвенные собрания на немецком языке в основном в общежитиях предприятий, а также на квартирах и в домах единоверцев и руководителями их становились проповедники, не имевшие богословского образования. Назывались они не пасторами, а «старшими братьями». В Томске и лютеран, и меннонитов насчитывалось более 200, и большая их часть была сосредоточена на заводах «Сибэлектромотор» и Государственный подшипниковый. В Омске верующие немцы работали на судоремонтном заводе, в Сталинске – на шахте «Байдаевская», в Юрге – в стройтресте № 144 («Юргaproмстрой»). Нередко в областные центры и города приезжали верующие из близлежащих населенных пунктов. Например, в Томске организатором меннонитской общины явился Г.П. Фот [9, л. 54]. В Томск из Красновишерска Пермской области он нелегально приезжал несколько раз для проведения коллективного богослужения. В Юрге насчитывалось 115 меннонитов и 128 немцев ЕХБ и еще в мае 1957 г. «старший брат» евангелическо-лютеранской общины Ф.А. Радовский подготовил для конфирмации около 300 юношей и девушек немецкой национальности [4, л. 156].

В местах большого сосредоточения немецкого населения в Новосибирске (Центральном и Первомайском районах), Омске (Молотовском, Сталинском и Куйбышевском районах), Барнауле немецкие религиозные группы местными уполномоченными СДРК фиксировались как немногочисленные. Однако религиозные обряды для большей части немецкого населения, в том числе и неверующего, являлись национальной традицией [6, л. 35; 2, л. 34, 37, 39; 11, л. 16–17].

Между тем зарегистрированные объединения ЕХБ в 1950-е гг. во многом пополнялись верующими немцами. В 1956 г. в Новосибирске в состав местной евангельско-баптистской общины вошли 200 немцев [12, с. 473]. В Томске за 1950–1958 гг. приняли водное крещение 51 человек, в их числе 18 лютеран [7, л. 14]. И в марте 1958 г. старшим пресвитером ЕХБ по Западной Сибири С.Г. Аriskиным в томском облисполкоме поднимался вопрос о предоставлении молитвенного дома для совершения богослужений на немецком языке трем протестантским конфессиям (немецкая группа ЕХБ, лютеране, меннониты) [8, л. 129]. Подобного совместного объединения добивались верующие немцы в Ленинске-Кузнецком, Славгороде.

Следует отметить, что в таких сложнообразованных общинах не обходилось без разногласий и конфликтов. В смешанном немецком молитвенном собрании большинство верующих относилось к евангелическо-лютеранскому вероисповеданию, а руководство принадлежало евангелистам-баптистам. Лютеране и баптисты расходились по ряду вопросов. В частности, лютеране крестят младенцев, баптисты же только совершеннолетних. Пресвитер ЕХБ не разрешал лютеранам проводить самостоя-

тельно крещения. Более того, евангельско-баптистское руководство хорошо знало тексты Библии, проводило миссионерскую работу и умело убеждать рядовых верующих. У лютеран, как правило, находилось очень мало проповедников, подобных баптистским, которые не дали бы возможности изменить своей вере.

На рубеже 1950-1960-х гг. очень много верующих немцев выехало, особенно из городов Западной Сибири, в Среднюю Азию и Казахстан. В результате количество лютеран, меннонитов в Томской и Омской областях, городах Кузбасса существенно сократилось. Оставшиеся лютеране, например, в Славгороде, Юрге, Исилькуле нередко вливались в ряды баптистско-меннонитских объединений.

Таким образом, на протяжении 40-50-х гг. XX века протестантские общины в Западной Сибири, состоявшие из немцев, регулярно собирались на совместные молитвенные собрания. Их деятельность в основном была изолированной, автономной, и богослужениями руководили рядовые религиозные проповедники, не имевшие богословского образования. Во время нахождения на спецпоселении, верующие немцы разных исповеданий сплотились, и в ряде населенных пунктов Западной Сибири (Новосибирск, Томск, Ленинск-Кузнецкий, Славгород) руководством ЕХБ активно поднимался вопрос о создании смешанного немецкого молитвенного собрания. Однако взаимоотношения между евангелистами-баптистами и лютеранами, а также другими протестантскими группами были сложными и неоднозначными. В совместных общинах нередко происходили религиозные противоречия. При этом немало верующих немцев меняло свои убеждения, и случались переходы, например, из лютеранства в баптизм.

Список литературы

1. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. Р-1682. Оп. 1. Д. 4.
2. ГААК. Ф. Р-1682. Оп. 1. Д. 16.
3. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. Р-964. Оп. 1. Д. 5.
4. ГАКО. Ф. Р-964. Оп. 1. Д. 41.
5. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-1418. Оп. 1. Д. 29.
6. ГАНО. Ф. Р-1418. Оп. 1. Д. 105.
7. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-1786. Оп. 1. Д. 229.
8. ГАТО. Р-1786. Оп. 1. Д. 426.
9. ГАТО. Р-1786. Оп. 1. Д. 432.
10. Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. 2603. Оп. 1. Д. 8.
11. ГИАОО. Ф. 2603. Оп. 1. Д. 29.
12. История ЕХБ в СССР. Издание ВСЕХБ. М., 1989. 624 с.

**«МИГРАЦИЯ СЛОВ» КАК ИНСТРУМЕНТ ПОРОЖДЕНИЯ НОВЫХ ФОРМ
И СМЫСЛОВ (НА ПРИМЕРЕ ДИАЛЕКТНОГО ЭМОТИВА «ЛИХО» И ПРО-
ИЗВОДНЫХ)**

*Ветошкина Мария Александровна, аспирант
Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
m.a.vetoshkina@utmn.ru*

В статье рассматривается трансформация значения эмотива «лихо» и производных в диалектах Предуралья, Урала и Сибири.

Ключевые слова: диалект, семантика, сема, лексикон, словарь

**“MIGRATION OF WORDS” AS A TOOL FOR GENERATING NEW FORMS
AND MEANINGS (“LIHO” DIALECT EMOTIVE AND DERIVATIVES)**

*Vetoshkina Maria Aleksandrovna, post graduate student
University of Tyumen, Tyumen, Russia
m.a.vetoshkina@utmn.ru*

The article deals with the transformation of the meaning of the emotive “liho” and its derivatives in the dialects of the Pre-Urals, the Urals and Siberia.

Keywords: dialect, semantics, sema, sema, lexicon, vocabulary

Диалекты языков народов России, как никакие другие их разновидности, зависят от миграции их носителей. В Сибири, где миграционные процессы по многим социальным и историческим причинам происходили особенно активно, разновидностям русского свойственны и постоянство словарного состава, и частота его обновления в результате взаимодействия с другими диалектами. Мы поставили перед собой задачу проследить преемственность семантики слова «лихой» и производных в диалектах Предуралья, Урала, Зауралья и Восточной Сибири. Это слово входит в пласт общерусских и именуется мифологический архетип (образ неудачи, злой судьбы, беды). Оно имеет ярко выраженную эмоциональную окраску и называет внутренние переживания, поэтому мы можем изучать его как диалектный эмотив и классифицировать по тому, какой эмоциональный компонент превалирует в структуре значения слова.

Мы намеренно не рассматривали пласт значений, связанных с ростовщицеством («лихоимство»), поскольку они в диалектах не представлены, а также названия лекарственных растений. За этим исключением, взятые из словарной статьи Владимира Ивановича Даля [1, с. 257–258] примеры можно разбить на несколько групп в соответствии с объединяющим их основным эмотивным компонентом значения (табл. 1).

**Таблица 1. Семантика слова «лихо» и производных
в «Толковом словаре...» В.И. Даля**

Эмотивный компонент значения	Лексемы из словарного гнезда в словаре В.И. Даля и их значение
Страх	Лихой – сущ. злой дух, сатана; ... лихоманится, чудится, видится страшное, худое. Лихоматно кричать, лихим или благим матом, изо всей силы, отчаянно
Страдание	Лихобойный, бедственный, губительный. Лихобой, кто или что губит... Лихолетье ср. лихая година, бедственная пора, голод, мор и пр. Лихолетний, к бедственному времени относящийся
Восхищение	молодецкий, хватский, бойкий, проворный, щегольской, удалой, ухорский, смелый и решительный; Лихо сущ., ср. в нареч.: во втором (значении) бойко, молодецки, разудало и, в редких случаях, злобно, лукаво. Лихач муж. удалой парень, отважный и расторопный. Легковой извозчик со щегольской закладкой: извозчик на лихой лошади, который разъезжает с грабителями
Злость, гнев, осуждение	Лихой – злой, злобный, мстительный; лукавый. Враг, ворог, зложелатель. Лихо сущ., ср. в нареч.: в первом знач. зло Иногда лихо и лих означает действие на зло, наперекор. Лихость, лихота, свойство лихого; злой, злость. Лихостной тамб. злой, сердитый. Лихоститься тамб., вят. злиться, угрожать мстостью. Лих муж., пск., твер. злоба, зависть, злорадство Лиховать кого, корить, поносить, не одобрять, особ. при полавальных обысках, спросе о поведении; Лиховать без падежа делать зло, неистовствовать. Лихованный обыск, в котором кто-либо облихован, опорочен. Залиховать, облиховать кого по обыску. Лиховаться ниж. злиться на кого, мстить кому, делать зло. Лихованье ср., длит. лиховка жен., лиховщик муж. кто порочит кого на обыске. Лихостной, -стливый, злой, злобный, мстительный, завистливый, злорадный. Лиходействовать, -дейничать, -деить, делать зло, вредить. Лиходействие, злодействие, злодеянье. -дейный, к лиходействию относящийся; -дейский, свойственный лиходею муж. -дейке жен. злодейский. Лиходей мой, враг, неприятель, злодей, зложелатель, злорад. Лихоман, -манник муж. лихоманка жен., вост. обманщик, мошенник; злой человек, зложелатель; лиходей, ворог; бедовик, горемыка; * проказник, забавник; девичья зазноба. Лихоманный, лихоманковый... к лихоманству относящийся. Лихорадный, злонамеренный, злоумышленный, злословный, злорадный. Лихорадить кому, желать зла, злорадить. Лихоумый, -умоватый, лихорадный, злонамеренный; либо безрассудный
Слабость, болезненное состояние	Лихая болезнь, сифилитическая; * бедность. Мне лихо, сев. тошно, дурно, мутить; дремлет, хочется спать. Лихой орл. кожные болезни, особ. чирей; иногда костоед; симб. конская болезнь, гнойные желваки, ночной топот. Лихие, калуж. волосатик, гнойная язва. Лихач муж. бранное: лихая болезнь; полуночный лихач, болезнь от нечистого. Лихачев, ему принадлежащий. Лихачий, к нему относящийся. Лихачка жен. гнетучка, кумоха, лихорадка, лихоманка. Лиховать сиб. быть больным, хворать. Лихотка муж., вологод. скорбь, утробная хворь: пермяц. зазноба, подружка, милая. Лиходейка, лихорадка. Лихоимка, лихорадка. Лихоимчивый, -имоватый, склонный к этому делу. Лихоманка, лихоманчища, перемежная лихорадка Лихоманников, -нник, ему, ей принадлежащий. Лихоманничий, к ним относящийся. Лихоманный, лихоманковый, к лихорадке <...> относящийся
Отвращение	Лихо глядеть на тебя, противно. Лихорожий, лихорылый, отвратительный лицом.
Лень, апатия	Лихо вставать мне, тяжело, лень.

Сопоставим результаты с данными диалектных словарей Пермской [2, с. 482], Свердловской [3, с. 98–100], Тюменской области [4, с. 357] и Красноярского края [5, с. 289–290] (табл. 2).

Таблица 2. Семантика слова «лихой» и его производных в диалектных словарях

Диалекты/ представленность ЛСГ	Пермская область	Свердловская об- ласть	Тюменская область	Краснояр- ский край
Страх	Лихоматом орать (ухать)	Лих вселился (вошел); Лихим матом (орать); Лиховски (ре- веть); Лихоматичко, лихоматич- но, лихоматно, лихоматошкой, лихомачьем лихоматом (реветь, вопеть, кричать). Лихоманка – черт, леший, не- чисть.		Лихоматом кричать
		Лихома – страх	–	
Страдание	–	Лихосно, лихота (во 2-м знач.) – беда, горе, тяже- лая жизнь.	Лиха отве- дать Лихая годи- на	Лихо ¹ (на- реч., в 1 зн.) – тяжело Лихо ² – (бе- да, горе)
Восхищение	Лихачить – дей- ствовать безу- держно смело, безрас- судно. <i>Ты не лихачь на мотоцикле- то, а то голову свернешь</i>	Лихо (быстро, живо) <i>Раньше как жили – робили, а шас так это лихо ра- ботают.</i>	–	Лихо (в 5. значении) – быстро, живо <i>Лихо работа идет</i>
Злость, гнев	Лихость – зло; злое чувство, досада. Лихостливый, Лихочливый – зловредный	Лихота – 1. Злость. 3. Злой, противный чело- век. Лихой (о чел.) – тошнотворный, очень неприят- ный. Лиховать (во 2 зн.) – капризни-чать. Лихостной – вредный (о человеке). Лихосный – не- довольный всем. Лихоимец – зло- дей Лихоманка – о	–	Лихо ² (2 зн.) – про- сто зло

		вредном человеке Лихоманочной (во 2 зн.) – зловредный ли- хорадничать – завести плохое. Лихоститься – вредить		
Слабость, болезнен- ное состояние	Лихоманка – лихорадка			
	Лихостить – тошнить	Лихотить – тошнить		
	Лихо (в 1 зн.) – плохо, тяжело (недомогание – М.В.)	Лиховать (в 1 зн.) – болеть. Лихо- матно – тошно. Лихота – тошнота Лихоманочной (в 1 зн.) – больной лихо- манкой	Лихотить (во 2- зн.) – бо- леть, мучить. <i>Живот ли- хотит</i>	Лихотка – болезнь с ли- хорадкой Лихо ¹ (во 2 зн.) –тошнить Лихо ¹ (в 3 зн.) – физиче- ски плохо. Лихоститься – дремать
Отвращение	Лихо (во 2 зн.) – неприятно. Лихо (в 3 зн.) – стыдно	Лихо (нареч.) – 1. не хочется, про- тивно	–	Лихо (в 4 зн.) – неприятно, противно.
Апатия		Лихо (нареч.) – 2. лень, неохота. Лихо (на работу) – лень работать		–

Мы видим и совпадения прямые и частичные, и лакуны, где определенный компонент значения слова не реализовался в диалекте. Также в словарях говоров зафиксирован ряд значений слова «лихо» и производных, не описанных у Даля, возникших благодаря актуализации периферийных сем: в уральских диалектах «лихой» – невкусный (горький, слишком сладкий), «лихоматно» – нахально; в другом значении слишком сильно («лихоматно солнце печет»); в говорах Западной Сибири «лиховски» также означает высокую степень проявления признака и т. д.

Выводы:

1. Значительная часть слов, производных от «лихо», описанных в словаре В.И. Даля, употребляется в диалектной речи в том же значении. Не закрепилось в диалектах «лихо» в значении «смело».

2. Помимо этого, в диалектах Приуралья, Среднего Урала и Сибири образовался ряд новых однокоренных слов, что демонстрирует влияние миграционных процессов на развитие языка: «переехав» с переселенцами в Сибирь, общерусское «лихо» «обросло» новыми производными.

3. В диалектах Среднего Урала и Зауралья семантика слова «лихо» и производных весьма схожи, в этом также проявляется влияние миграции на диалекты: постоянно происходят процессы взаимного смешения и обогащения лексиконов соседних регионов.

4. Наряду с этим выделяется и ряд производных от «лихо», характерных для конкретного диалекта. Также форма и значение схожих слов в различных локусах может претерпевать незначительные изменения (ср.: *лихотить* и *лихостить*, *лихо* 'неприятное' и *лихо* 'стыдное'), поскольку одновременно с взаимным обогащением лексического запаса идет и обратный процесс – автономизации.

Приведенные нами положения не новы для географической лингвистики, однако то, как они отражаются на развитии значения диалектных эмотивов, обладающих значительным семантическим потенциалом, представляется перспективным полем для дальнейших исследований.

Список литературы

1. Владимир Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. И–О. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955. 779 с.
2. Словарь пермских говоров. Вып. 1. А–Н. Пермь: Книжный мир, 2000. 608 с.
3. Словарь русских говоров Среднего Урала. Т. 2: К–Н. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1971. 214 с.
4. Словарь русских старожильческих говоров Юга Тюменской области / под ред. С.М. Беяковой. Тюмень: ТюмГУ, 2014. В 2 т. Т. 1. 400 с.
5. Словарь русских говоров центральных районов Красноярского края. Т. 2 (Е–М). Красноярск: КГПУ, 2005. 376 с.

СИБИРЬ-ОСЕТΙΑ: ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО ПОЛЯ РОССИИ

Чеджемов Сергей Русланович,

*Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова,
Владикавказ, Россия
srchedgemov@mail.ru*

Лолаева Диана Таймуразовна,

*Северо-Кавказский горно-металлургический институт –
государственный технологический университет*

*Владикавказ, Россия
lolaeva.diana@yandex.ru*

Плиева Залина Тимуровна,

*Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова,
Владикавказ, Россия
za-li@yandex.ru*

В статье предпринимается попытка осветить проблемы взаимодействия представителей различных регионов Российской империи в деле развития педагогической мысли и системы народного образования. В качестве примера приводится краткий анализ творческого наследия видного представителя осетинской интеллигенции М.Д. Канукова, долгие годы работавшего в Сибири в конце XIX в. Авторы полагают, что рамках «Гришаевских чтений» работу в этом направлении целесообразно продолжать в целях ретроспективного изучения культурного потенциала многонациональной России.

Ключевые слова: Сибирь, Осетия, И.Д. Кануков, М.Н. Ядринцев, педагогика

SIBERIA-OSSETIA: FROM THE HISTORY OF THE FORMATION OF THE MULTINATIONAL CULTURAL FIELD OF RUSSIA

Sergey R. Chedzhemov,

*North Ossetian State University.
Vladikavkaz, Russia
srchedgemov@mail.ru*

Diana T. Lolaeva,

*North Caucasus Institute of Mining and Metallurgy, State Technological University.
Vladikavkaz, Russia
lolaeva.diana@yandex.ru*

Plieva T. Zalina,

*North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov,
Vladikavkaz, Russia
za-li@yandex.ru*

The article attempts to highlight the problems of interaction between representatives of different regions of the Russian Empire in the development of pedagogical thought and the system of public education. As an example, a brief analysis of the creative heritage of a prominent representative of the Ossetian intelligentsia M.D. Kanukov, who worked in Siberia for many years at the end of the nineteenth century, is given. The authors believe that within the framework of the "Grishaev Readings" it is advisable to continue work in this direction in order to retrospectively study the cultural potential of multinational Russia.

Keywords: Siberia, Ossetia, I.D. Kanukov, M.N. Yadrintsev, pedagogy

Поступательное развитие России как великой державы обусловлено проведение внутренней политики с учетом историко-правового наследия ее народов и региональной консолидации. Со времен Ивана Грозного Сибирь для государства Российского была не только местом, куда ссылались каторжники и неблагонадежные. Сюда довольно интенсивно переселялись и сами люди в поисках лучшей доли. В этом эта область Российской империи весьма похожа на Кавказ, за тем лишь отличием, что здесь противоправные деяния в основном не носили яркой национальной и религиозной формы. Определенная аналогия этих двух регионов империи представляет определенный интерес для исследователя и, не меньший интерес вызывает и анализ определенных социально-экономических отличий.

Президент РФ В.В. Путин справедливо отмечал, что Россия имеет великую историю и культуру, с многовековым опытом сосуществования различных народов [1]. Одним из таковых, добровольно вошедших в состав Российской империи еще в XVIII в. являются осетины. Всем нам памятна фраза нашего великого ученого М.В. Ломоносова о том, что российские богатства будут прирастать Сибирью. С полным основанием можно сказать, что речь идет не только о полезных ископаемых, но и об интеллектуальной составляющей. В этой связи хочется отметить мудрость наших сибирских коллег, как в прошлом, так и устроителей настоящего научного форума.

Тема нашего выступления связана с попыткой на конкретном примере представить процесс взаимодействия интеллигенции этих двух важных в прошлом и не менее важных в условиях сегодняшнего дня и перспективы российского многонационального и поликонфессионального государства регионов, которые сыграли весьма значимую роль в становлении и укреплении культурного потенциала нашего государства.

История нашего государства Российского, как образно выразились профессора А.В. Торкунов и В.В. Дегоев, «завораживает, поражает, восхищает и пугает. Но неумолимо требует изучения всей силой мысли и всей интуицией души» [2, с. 9].

Инал Дударович Кануков (1850-1898) по праву является видным представителем осетинской интеллигенции испытывавшим на себе благотворное влияние русского просветительства. Будучи княжеского происхождения, он родился в селении Кануковых близ Владикавказа. Получил образование получил в Ставропольской мужской гимназии и в 3-м Московском Александровском училище. В качестве офицера-артиллериста участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. в составе русских войск, в то время, как некоторые его соплеменники, ранее переселившиеся в Турцию, сражались против России.

В 1879 г. выйдя в отставку в звании штабс-капитана и сдав экстерном экзамены на звание народного учителя он работал в школах Осетии и Ставрополя, активно сотрудничал с местными периодическими изданиями на страницах которых были опубликованы по неполным данным около сотни статей, а также ставшего впоследствии единым крупным произведением - очерка «В осетинском ауле». В нем были использованы как личные наблюдения автора, полученные им начиная с юношеского возраста по широкому кругу общественно значимых вопросов.

В 1880 г. в поисках лучшей доли Инал Кануков переезжает на постоянное место жительства на восток страны и почти на 10 лет его основным местом жительства становится Владивосток. В Сибири и на Дальнем Востоке он прожил в общей сложности около 18 лет занимаясь педагогической деятельностью и активно сотрудничая с редакциями газет и журналов.

Этот период наиболее малоизвестная страница в его творческом наследии. Но, на сегодняшний день, в основном благодаря исследованиям ныне покойной доцента

З.Н. Суменовой, посвятившей анализу его деятельности кандидатскую диссертацию, изданную впоследствии в виде монографии, а также некоторых других авторов, имеются веские свидетельства о его деятельности в Сибири [3, 4], в то время как в иных исследованиях творческого наследия И.Д. Канукова эта тема не представлена [5, 6].

В ряде очерков и рассказов одним из первых среди осетинской интеллигенции анализировал школьное и семейное воспитание мальчиков и девочек как в осетинских школах, так и в Сибири. Некоторые его работы были включены одним из авторов настоящей статьи в специальное издание, редактором которого являлась З.Н. Суменова [7].

Именно на «Сибирский» период творческой деятельности Канукова приходится написанием им ряда работ, которые можно отнести к сравнительно-педагогической проблематики. Он не только сопоставляет различные педагогические методики, но и занимается историко-педагогическими аналогиями используя методы философского анализа.

Суммируя его историко-педагогические воззрения в этот период следует отметить, что здесь представлены многие вопросы. Особое значение он придавал налаживанию тесной связи обучения с жизнью, организации трудового обучения, в том числе и производительного труда. Не менее важным он считал проблему улучшения материального положения учителей и школьной гигиены, пропагандировал идеи развития умственного воспитания.

Ратуя за связь обучения с жизнью, он решительно выступал против такого положения дел, когда в образовательный процесс под благовидным предлогом связи обучения жизнью в решение сугубо профессиональных вопросов вмешивались непрофессиональные представители общества.

В статье «Несколько слов о положении школ и учителей в Южно-Уссурийском крае» впервые опубликованной на страницах газеты «Владивосток» № 30 от 29 июля за подписью М. Иронов, *является производным от осетинского самоназвания – ирон – осетин, Кануковым опубликовано еще несколько статей. – прим. авторов*) он приводит конкретные примеры этого. Один из власть имущих заявляет: «Захочу – будет школа, а не захочу – не будет! ... Посмотрю еще, как мне понравится учитель», а в другой школе «развязано приходит местный «общественник» в школу, как в свою хату, и становится у дверей, приняв позу «а ля Наполеон», и слушает, как учитель объясняет ученикам солнечную систему.

Дети с увлечением слушают учителя, учитель увлекается сам и не замечает того, как на губах мужика расплывается саркастическая улыбка, которая заканчивается громогласным восклицанием: “Э! Це все брехня!”. И топнув ногой, мужик уходит, приводя в недоумение детей и учителей» [7, с. 86].

И.Д. Кануков призывает изменить такой порядок вещей, когда положение учителей в сельском обществе всецело зависело от описанного выше обскуранта, а сами крестьянские общества смотрят на учителя как на простого батрака. Такая зависимость учителя от крестьянского общества не только оскорбляет и унижает учителя, но и сильно мешает делу, отбивает у учителей охоту занимать эти должности, считал И. Кануков.

Не менее прискорбным и смешным выглядели распространенные в то время «педагогические дебаты», которые вели крестьяне в отношении системы и методов преподавания. От таких крестьян учитель мог услышать и нижеследующие советы:

« – Ты бы сынка, моего, Гришутку, обучал спервоначалу писанию допрежь чтения, а то мне там понадобится расписочку написать аль што.

Учитель объясняет, что чтение у него идет совместно с письмом.

– Што ж, коли получаешь гроши, учи, как мы того хотим!».

Помимо этого, «школьники собираются зачастую с самыми разнокалиберными букварями.

– Ты зачем переменил азбуку, которую я выдал тебе? – спрашивает учитель у одного ученика.

– Тятенька переменила. Учи, говорит, по энтой. Дед, говорит, сам азы по энтой учил.

А того надоумила “мамка”, а третьего “братец” и т. д.» [7, с. 87].

В статье «Народная школа в Сибири», опубликованной в 1891 г. на страницах газеты «Владивосток», Инал Кануков анализировал положение учебных дел в школах Сибири. Критикуя оторванность обучения от нужд жизни, он обосновал необходимость сообщать в процессе обучения учащимся такие сведения, которые могли им пригодиться в дальнейшей самостоятельной жизни. Таковыми он считал научные сведения и практические навыки в области земледелия, садоводства, огородничества, обучение столярному делу, слесарному и токарному и в этих вопросах он солидаризировался со взглядами видного исследователя Сибири Николая Михайловича Ядринцева (1842–1894).

Подытоживая вышеизложенное хочется сказать, что кавказско-сибирское взаимодействие даже на ниве народного просвещения, не говоря уже о других социально-гуманитарных аспектах, не исчерпывается одним лишь именем И.Д. Канукова. Мы не претендуем на всестороннее освещение проблемы. Думается, что оно может лишь послужить основой плодотворной дискуссии и стимулировать поиск дальнейших следов просветительской деятельности И.Д. Канукова в Сибири, а также результатов взаимодействия представителей интеллигенции вышеназванных регионов нашей страны в упрочение культурного потенциала многонациональной России.

Список литературы

1. Послание Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации от 12 декабря 2013 г. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 15.09.2024).
2. Торкунов А.В., Дегоев В.В. Русская история. Государство. Цивилизация. Внешний мир. М., 2024. 687 с.
3. Суменова З.Н. Инал Кануков. Жизнь и творчество. Орджоникидзе: Ир, 1972. 250 с.
4. Калоев Г.З., Ардасенов Х.Н., Гиреев Д.А. Писатели Северной Осетии. Биобиблиографический справочник. Орджоникидзе: И», 1973. С. 20–21.
5. Габараев С.Ш. Инал Кануков. Очерк творчества. Сталинир: Ир, 1960. 141 с.
6. Валиева Т.И. Проблемно-тематическое своеобразие очерков И. Канукова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 12-2 (90). С. 230–233.
7. Антология педагогической мысли Северной Осетии / сост. и авт. предисл. Э.К. Каргиев, С.Р. Чеджемов. Владикавказ: Ир, 1993. 415 с.

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОДЕРЖАНИЯ И РОЛИ ТРАДИЦИЙ В ВОЕННЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Гребенкин Алексей Николаевич,

*Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации, Орел, Россия
angrebyonkin@mail.ru*

В статье на основе материалов федеральных архивов, эмигрантской прессы и воспоминаний воспитанников дана оценка трансформации содержания и роли традиций в военно-учебных заведениях русского зарубежья. Автор приходит к выводу, что традиции учебно-воспитательной работы и официальные воинские традиции не претерпели существенных изменений, однако неофициальные кадетские и юнкерские традиции стали гораздо серьезнее, нежели прежде.

Ключевые слова: русское зарубежье, эмиграция, военное образование, социокультурное пространство, традиции

TRANSFORMATION OF THE CONTENT AND ROLE OF TRADITIONS IN MILITARY EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE RUSSIAN ABROAD

Grebenkin Alexey Nikolaevich,

*Academy of the Federal Security Service of the Russian Federation, Orel, Russia
angrebyonkin@mail.ru*

This article, based on materials from federal archives, the emigrant press and the memoirs of pupils, evaluates the transformation of the content and role of traditions in military educational institutions of the Russian Diaspora. The author concludes that the traditions of educational work and official military traditions have not undergone significant changes, but unofficial cadet and cadet traditions have become much more serious than before.

Keywords: Russian Diaspora, emigration, military education, socio-cultural space, traditions

Крах имперской государственности в России в 1917 г., приход к власти большевиков и их победа в Гражданской войне стали мощными тектоническими сдвигами, за которыми последовала гигантская волна политической эмиграции. Значительное число тех, кто предпочел чужбину жизни на изменившейся до неузнаваемости Родине, составляли представители профессиональной военной корпорации – офицеры, юнкера, кадеты. Стремясь не утратить свою национальную и культурную идентичность, они в течение нескольких лет создали «Россию вне России», неотъемлемой частью которых были воссозданные в эмиграции военно-учебные заведения. Крымский, Донской и Русский кадетские корпуса старались строить свою деятельность на основе дореволюционных образцов. Отчасти это удавалось. Однако многое не могло не подвергнуться существенной трансформации.

Официальные, образовательные, воспитательные и культурные традиции в кадетских корпусах Русского Зарубежья не претерпели серьезных изменений. Генерал-лейтенант Б.В. Адамович, директор 1-го Русского корпуса, поставил задачу «создать

идеальный корпус, для чего необходимо восстановить все то, чем жили до революции, и считать, что каждый шаг назад есть шаг вперед по пути нашего прогресса» [3, л. 29 об.]. Его преемник генерал-майор А. Г. Попов также считал своим долгом восстановление «всех лучших заветов, воспринятых нами сознательно и бессознательно, путем нашего воспитания, от таких завещателей, какими были для корпусов Шувалов, Бецкой, Ангальт, Мелиссино, великий князь Михаил Павлович, Царь-Освободитель, его сотрудник Я.И. Ростовцев, Милютин, Исаков и великий князь Константин Константинович» [4, л. 74]. В своей деятельности кадетские корпуса руководствовались дореволюционными законами, правилами и инструкциями, большинство офицеров и преподавателей имели опыт работы в военно-учебных заведениях Российской империи. Учебно-воспитательная работа была организована на прежних началах; новыми предметами являлись лишь сербский язык, история Сербии и география Королевства сербов, хорватов и словенцев. Были обустроены церкви, созданы библиотеки, приобретены инструменты для оркестров, возобновлены празднование корпусных праздников и организация литературно-музыкальных вечеров. Руководство корпусов всемерно, не жалея средств, заботилось о культурном развитии кадет, и воспитанников по-прежнему водили в театры и на концерты, проводили с ними разнообразные чтения и собеседования. Досуг кадет был заполнен также участием в различных кружках (художественных, литературных, театральных), обучением ручному труду, занятиями спортом, изучением иностранных языков и даже изданием школьных журналов. Некоторые вынужденные послабления были сделаны лишь в отношении военного режима – преподавателям и воспитателям было разрешено носить гражданскую одежду, кадеты стали носить форму лишь на территории заведения, строевые занятия были заменены сокольской гимнастикой, роты, как в военных гимназиях, были переименованы в возрасты [3, л. 5–5 об.].

Зато неофициальные традиции претерпели весьма существенную трансформацию. Кадеты и юнкера, прошедшие через ужас и лишения Гражданской войны, отлученные от семьи и Родины и лишенные будущего, стали носителями других идеалов. Не могли не измениться и культивируемые ими традиции.

Перелом в характере кадетских традиций, начало их инверсивного движения от противостояния педагогам к их поддержке впервые дали о себе знать в 1917 г., когда кадеты и их наставники сплотились в борьбе с ненавистными им нововведениями. Кадеты интуитивно поняли, что именно от них зависит сохранение необходимого единства: «...уклонения от церкви прекратились, незнание урока по Закону Божию считалось позором, опаздывание в строй – преступлением. Бенефисы прекратились. Кадеты, чувствуя тяжелое положение офицеров-воспитателей, старались облегчить его как могли» [5, с. 3].

В эмиграции главной целью неофициальных традиций стало не полунасилованное сплочение для борьбы с ненавистным начальством и «фискалами», а создание товарищеского союза во имя сбережения чести и достоинства корпуса как во внешнем (чистота, опрятность, аккуратность, форма одежды и т. д.), так и во внутреннем отношении (приверженность к общепринятой идеологии, любовь и преданность родине, армии, православию) [1, с. 49]. Традиция негативного отношения к начальству, после кратковременного всплеска в начале 1920-х гг., постепенно уходила в прошлое. Главной задачей, объединившей воспитанников и офицеров, было сохранение национальной и культурной идентичности. Необходимо было позаботиться и о том, чтобы не утратить «воинский дух», ибо Государственная комиссия по делам русских беженцев в Югославии требовала преобразовать кадетские корпуса в гражданские средние школы. Зримым воплощением единения кадет и педагогов был обычай «качания» в день Св. Георгия георгиевских кавалеров из числа как педагогов, так и воспитанников.

Суровые условия пребывания на чужбине привели к тому, что карнавальная сторона традиций отступила на второй план, и на авансцену выдвинулась задача физического и духовного спасения воспитанников, сплочения их в тесную семью, которая могла бы выжить в чужой стране, вдали от Родины. В основу традиций были положены «честь корпуса, единение кадет и авторитет старших» [2, л. 128 об.].

Бывший воспитанник Донского корпуса Н. Воробьев вспоминал: «Останься мы на Родине, и главным элементом в соблюдении традиций была бы милая озорная шутка... Важен самый дух традиций. Отношение к ним за границей неожиданно стало гораздо более вдумчивым и серьезным. Да, конечно, мы и дурака валяли, и озорничали, и «хоронили» науки, и устраивали подчас «бенефисы», но это все не то. Потеряв свою Родину-Россию и свой самый дорогой в мире край – казачьи области, пройдя сквозь огонь гражданской войны, перешагнув через холод и голод, аресты близких, надругательства над товарищами и через тысячи смертей вокруг – мы иначе стали относиться к соблюдению кадетских традиций. Теперь мы смотрели на это уже не как на мальчишеские выходки и веселую игру. Нет, это было для нас чем-то священным, чуть ли не олицетворявшим для нас далекую поработленную Родину» [6, с. 289–290]. Не случайно в Донском корпусе атаман выпуска при передаче полномочий напоминал своему преемнику, что «традиции не побрякушки и не шутки подростков, а что они олицетворяют для нас связь с далекой Родиной» [6, с. 288].

Понимая, что традиции изменились в лучшую сторону, начальство и учителя заведений стремились опереться на них при организации учебной и воспитательной работы. Однако при этом педагоги стремились использовать термин «кадетские традиции» для обозначения не правил, регламентирующих поведение кадет, а духовных ценностей. Тем самым, очевидно, предполагалось отвлечь внимание кадет от их дореволюционных традиций, игравших не только положительную, но и отрицательную роль, и сплотить их на основе «новых» кадетских традиций, имевших духовно-нравственный характер.

Таким образом, в эмигрантских военно-учебных заведениях лучшие военно-культурные традиции подготовки офицеров были сохранены и продолжены. Официальные традиции и традиции организации учебно-воспитательной и культурно-досуговой работы не претерпели существенных изменений и обеспечивали выпускникам эмигрантских кадетских корпусов подготовку, достаточную для успешного продолжения военного образования в военно-учебных заведениях европейских государств. Серьезную трансформацию претерпели лишь неофициальные традиции, практически утратившие свою прежнюю негативную роль и превратившиеся в средство сохранения национальной культуры, в том числе военной. Традиции и обычаи кадет стали серьезными и осмысленными, хотя присущий им юмористический оттенок не исчез полностью.

Список литературы

1. Бодиско В. Письмо Г.В. Писареву // Бюллетень Объединения кадет Российских кадетских корпусов в Венесуэле. № 35. Каракас, 1993. С. 47–49.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-1255. Оп. 2. Д. 64.
3. ГАРФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 53.
4. ГАРФ. Ф. Р-6792. Оп. 2. Д. 165.
5. Кадет сибиряк-александровец. № 1. Белград, июнь 1925 г.
6. Кадетские корпуса за рубежом. 1920–1945. Монреаль: Monastery press, 1970. 502 с.

АРМЯНСКОЕ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО КИЗЛЯРА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

*Суздальцева Ирина Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент
Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова,
Махачкала, Россия
s.iren.a2010@mail.ru*

В статье представлены проблемы создания и основные направления работы благотворительного общества Кизляра. Оно было организовано по инициативе и при активной поддержке армянской общины города. Деятельность общества финансировалось членскими взносами, частными пожертвованиями и средствами, поступающими от благотворительных мероприятий. Оно поддерживало студентов и малообеспеченных горожан.

Ключевые слова: миграции, общины, Северо-Восточный Кавказ, организации, студенты, больница, культура

ARMENIAN CHARITABLE SOCIETY OF KIZLYAR IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY

*Suzdaltseva Irina Anatolyevna, Candidate of historical sciences, Associate Professor
Dagestan State Pedagogical University named after R. Gamzatov,
Makhachkala, Russia
s.iren.a2010@mail.ru*

The article presents the problems of creation and the main directions of work of the Kizlyar Charitable Society. It was organized on the initiative and with the active support of the Armenian community of the city. The society's activities were financed by membership fees, private donations and funds received from charitable events. It supported students and low-income citizens.

Keywords: migration, communities, North-East Caucasus, organizations, students, hospital, culture

В 20-х гг. XVIII в. начался процесс массовой миграции армян в Российскую империю и формирование переселенческих общин в районах Прикаспия и низовьях реки Терек [8, с. 146]. Значительная часть армянского населения обосновалась в Кизляре. К середине XIX в. здесь сформировалась многочисленная и влиятельная армянская община. Представители всех ее слоев испытывали потребность в создании разного рода общественных организаций, способствующих сохранению национальной самобытности армян.

Во второй половине XIX в. российские армяне оказались под влиянием просветительно-демократических процессов, развивающихся в России. Одним из их проявлений стало создание общественных благотворительных организаций. Для армянских общин Северного Кавказа, утративших органы самоуправления, участие в этом движении приобрело важное значение, так как способствовало сохранению идентичности и развитию национальной культуры.

Одним из первых на Северном Кавказе благотворительное общество было организовано в г. Кизляре. Инициатором его создания стала армянская общественность города, которая обратилась в местное полицейское управление с просьбой ходатайствовать перед начальником Терской области о разрешении основать благотворительное общество. К прошению прилагалась копия мирского приговора общины, подписанная 24 жителями Кизляра, 20 из которых были армяне. В нем отмечалось: «Мы, нижеподписавшиеся, желаем учредить в Кизляре благотворительное общество для изыскания средств для оказания моральной и материальной помощи бедным жителям города» [4, с. 210].

Благотворительное общество г. Кизляра основали 18 февраля 1880 г. 23 марта 1880 г. было выбрано его правление: 15 человек, в том числе 13 представителей армянской общины. В их числе были известные торговцы и промышленники Кизляра – М. Мамаджанов, Измиров, Фабриков, А. Султан Шах, А. Качкачян и другие. Управление делами было поручено М. Мамаджанову, а секретарем стал А. Тандов.

В первый же год благотворительное общество Кизляра объединило около 200 человек. Его деятельность финансировалась за счет членских взносов и частных пожертвований. По данным отчета, с февраля 1880 г. по февраль 1881 г. в кассу было внесено 1 895 руб. членских взносов. В частности, 90 руб. внес Э. Эльдаров и 75 руб. – А. Качкачян, за счет подписки на книги в пользу общества поступило 166 руб., от любителей театральные представления – 73 руб., а всего – 2 299 руб. [4, с. 220]. В тот же период общество израсходовало 905 руб., из которых 143 руб. получили 35 нуждающихся в качестве единовременных пособий, 496 руб. пошли на месячные пособия 64 семьям, 100 руб. – на покупку лекарств в аптеке А. Галла для оказания бесплатной медицинской помощи «бедным кизлярцам» [4, с. 220].

6 июля 1881 г. исполняющий обязанности наместника Кавказа князь Л.И. Меликов утвердил Устав «Армянского благотворительного общества на Кавказе», которое было основано в г. Тифлисе. Его целью было содействие распространению просвещения среди армян на Кавказе и в Закавказье.

Кавказское армянское благотворительное общество было призвано оказывать материальную помощь действующим армянским училищам и новым школам, содействовать распространению ремесел среди населения, изданию книг и периодической печати, созданию типографий, библиотек, читален, больниц и других учреждений. Было открыто 18 его отделений в разных городах Кавказа.

Распространение филиалов армянского общества на Кавказе способствовало активной деятельности благотворителей Кизляра: в 1884 г. в пользу общества 300 руб. пожертвовал И. Питанянц, 100 руб. – Топчиев и т. д. На эти средства выплачивались ежемесячные пособия студентам из армянской общины, и единовременные пособия, в том числе на ритуальные расходы, нуждающимся горожанам (около 300 руб.) [1, с. 200].

В конце XIX в. в низовьях реки Терека отмечался довольно высокий уровень заболеваемости и смертности в связи с антисанитарией и регулярной заболачиваемостью местности. Это приводило к возникновению в Кизляре эпидемий, в том числе холеры [2, с. 189]. Горожанам требовалась разнообразная, регулярная медицинская помощь. По инициативе доктора Р.И. Мишвелера в Кизляре была открыта больница. Помощь и содействие в ее создании оказало армянское благотворительное общество, которое собрало 363 руб. частных пожертвований. В числе благотворителей были М. Мамаджанов и М. Калантаров, которые выделили по 100 руб. Всего в фонд больницы поступило 838 руб. [4, с. 270]. В последующем за счет благотворительного общества малоимущие горожане получали в больнице бесплатную помощь и медикаменты.

Благотворительное общество Кизляра не ограничивалось сбором частных средств. Оно выступило активным организатором и устройтеlem театрализованных литературных вечеров с участием преподавателей и учащихся местных учебных заведений. Это разнообразило культурную жизнь Кизляра. Горожане с удовольствием посещали представления, а деньги, вырученные от продажи билетов, пополняли благотворительный фонд.

Создание благотворительного общества в определенной степени носило охранительный характер. Деятельность общественных организаций армян в Кизляре была важна в условиях нарушения былой замкнутости проживания местной диаспоры, изменения внутренней жизни национальной общины и разрушения ее целостности.

К концу XIX в. деятельность благотворительного общества в Кизляре постепенно была свернута. Одной из причин этого стала ограниченность средств. Кроме того, власти проявляли беспокойство по поводу активной работы армянских обществ. Так, еще в 1883 г. главноуправляющий гражданской частью на Кавказе А.М. Дондуков-Корсаков предупреждал начальника Терской области о том, что под видом общественно-полезных учреждений могут создаваться тайные политические кружки для пропагандистской работы, направленной на разжигание антитурецких настроений среди западных армян, продвижения через армянскую печать идеи освобождения и объединения армянского народа. По мнению главноуправляющего, местным властям следовало установить контроль над деятельностью армянских благотворительных обществ, проверять цели их создания, назначить специальных чиновников для проверки их доходов и расходов [4, с. 275].

Начальник Терской области требовал, чтобы все благотворительные общества отчитывались перед властями согласно положению, утвержденному в 1884 г. В 1894 г. их «благонадежность» была засвидетельствована специальной ревизией. Однако, князь Г.С. Голицын, ставший с конца 1896 г. главноначальствующим гражданской частью на Кавказе, не выказывал доверия армянским обществам. Он считал, что они занимаются не столько благотворительностью, сколько пропагандой армянского сепаратизма. Г.С. Голицын полагал, что их работа направлена на «узконациональное» просветительство и опасна с политической точки зрения. В целом, существование «племенных и вероисповедных благотворительных обществ» было признано вредным и способствующим «разъединению туземцев», мешающим их сближению «с русской народностью» [5, л. 25].

В 1897 г. Г.С. Голицын принял решение о закрытии армянских общественных организаций [6, л. 2]. К этому времени Кавказское благотворительное общество имело 21 филиал [3, с. 631]. В 1899 г. большинство филиалов, в том числе в г. Кизляре, прекратило свою работу. За этим последовал запрет армянских библиотек-читален и издательств, ужесточилась цензура газет и журналов. Это негативно сказалось на положении армянской диаспоры. В конце XIX – начале XX в. процесс ее распада принял необратимый характер. В силу сложившихся обстоятельств из Кизляра постепенно начали уезжать наиболее зажиточные армяне – торговцы и промышленники, не видевшие перспектив сохранения общины. Это обстоятельство предопределило ее дальнейшую судьбу: численность армянского населения Кизляра неуклонно снижалась [2, с. 185].

Таким образом, 18 февраля 1880 г. в г. Кизляре по инициативе местных армян было основано благотворительное общество, которое финансировалось за счет членских взносов и частных пожертвований. Оно занималось организацией театрализованных и литературных вечеров, выплачивало пособия студентам местной армянской об-

щины, оказывало материальную поддержку всем нуждающимся горожанам, организовало им бесплатную медицинскую помощь и выдачу медикаментов. В конце 90-х гг. XIX в. Кавказское армянское благотворительное общество было закрыто по инициативе главноначальствующего гражданской частью на Кавказе князя Г.С. Голицына. Одновременно прекратила работу общественная благотворительная организация в Кизляре.

Список литературы

1. Аганесова Д.В., Суздальцева И.А. Армянские общины Дагестана в XVIII–XIX вв. Махачкала: Народы Кавказа, 2007. 243 с.
2. Васильев Д.С. Очерки истории низовьев Терека. Досоветский период. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1986. 248 с.
3. Кавказское армянское благотворительное общество // Армянская советская энциклопедия. В 13 т. / под ред. М.В. Арзуманяна. Т. 5. Ереван, 1979. С. 361.
4. Лео. Тридцатилетие армянского благотворительного общества на Кавказе. (1881–19110). Тифлис, 1911. 360 с.
5. РГИА. Ф. 1268. Оп. 18. Д. 227.
6. РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 233.
7. Суздальцева И.А. Восточная политика России и начало массовой миграции армян в прикаспийские районы Дагестана в первой четверти XVIII века. // Кавказ, Ближний и Средний Восток в мировой политике: история и современность: мат-лы междунар. науч.-практ. конф., 16–17 ноября. Махачкала: ДГУ, 2006. С. 143–146.

**ЭКСПЕДИЦИЯ ЕНИСЕЙСКОГО ГУБЕРНСКОГО СТАТИСТИЧЕСКОГО
КОМИТЕТА 1897 ГОДА КАК ОДИН ИЗ ЭПИЗОДОВ ИЗУЧЕНИЯ
ЭТНОКУЛЬТУРНОГО И СОЦИАЛЬНОГО ВЛИЯНИЯ РУССКОГО
НАСЕЛЕНИЯ НА ХОЗЯЙСТВО И БЫТ ИНОРОДЦЕВ
ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ**

Хорина Вера Владимировна,

*КГКУ «Государственный архив Красноярского края», Красноярск, Россия
scd.nb.kgau@mail.ru*

В 1897 г. Енисейское губернское статистическое общество организовало экспедицию в Минусинский и Ачинский округа губернии для обследования экономики и хозяйства (в частности – земледелия и скотоводства) местных инородцев с целью оценки влияния русских «соседей» на их образ жизни и быт. Экспедиция собрала обширный статистический материал, по ее итогам было опубликовано два издания.

Ключевые слова: Енисейское губернское статистическое общество, П.Е. Кулаков, А.А. Ярилов, А.А. Кузнецова, минусинские и ачинские инородцы, хозяйство, быт, скотоводство, земледелие

**THE EXPEDITION OF THE YENISEI PROVINCIAL STATISTICAL
COMMITTEE IN 1897 AS ONE FROM EPISODES OF STUDYING
THE ETHNOCULTURAL AND SOCIAL INFLUENCE OF THE RUSSIAN
POPULATION ON THE ECONOMY AND LIFE OF NON-RUSSIAN PEOPLES
OF THE YENISEI PROVINCE**

Khorina Vera Vladimirovna,

*State Archive of the Krasnoyarsk Territory, Krasnoyarsk, Russia
scd.nb.kgau@mail.ru*

In 1897 the Yenisei Provincial Statistical Society organized an expedition to the Minusinsk and Achinsk districts of the Yenisei province to survey the economy of local non-Russian peoples (in particular their agriculture and cattle breeding) in order to assess the influence of Russian "neighbors" on their lifestyle and way of life. The expedition collected extensive statistical material, and two separate publications were published based on its results.

Keywords: Yenisei Provincial Statistical Society, P.E. Kulakov, A.A. Yarilov, A.A. Kuznetsova, Minusinsk and Achinsk non-Russian peoples, economy, cattle breeding, agriculture

В 1835 г., согласно Указа Правительствующего Сената, в г. Красноярске был основан Енисейский губернский статистический комитет. К концу XIX в. он являлся довольно заметной в губернии организацией, занимавшейся кроме своих прямых обязанностей (сбора самых разных статистических сведений и данных по экономике и демографии губернии, ее социальной и религиозной жизни и так далее и предоставления их в вышестоящие государственные инстанции) также и научными исследованиями: этнографическими, метеорологическими, историко-краеведческими и т. д.

На рубеже XIX–XX вв. в Енисейскую губернию дотянулось строительство Транссибирской железной дороги, – первый поезд прибыл в г. Красноярск в декабре 1895 г. В связи с этим начался очередной (и весьма активный) этап развития земледельческой колонизации этой территории. В губернию вновь массово поехали переселенцы, которых нужно было не просто разместить на жительство, но и обеспечить годными для сельского хозяйства наделами земли.

Соответственно, в этот период значительно усилился интерес губернских органов власти к изучению накопленного опыта освоения региона русскими крестьянами во взаимодействии с местным коренным населением, а также к изменениям, произошедшим в традиционном образе жизни и быте последнего в процессе межнациональных взаимоотношений и культурного обмена.

16 мая 1897 г. состоялось общее собрание Енисейского губернского статистического комитета (ЕГСК). Первым пунктом «повестки дня» стало голосование о принятии в члены статкомитета кандидатов, предложенных его председателем – губернатором К.Н. Светлицким. Все кандидатуры (помощник врачебного инспектора губернии В.М. Крутовский, купец и общественный деятель А.П. Кузнецов, секретарь ЕГСК П.Е. Кулаков и доктор философии А.А. Ярилов) были единогласно избраны в члены ЕГСК.

Затем секретарь статкомитета П.Е. Кулаков напомнил присутствующим, что ЕГСК обязан, по мере возможностей, проводить и научные изыскания. А в данный момент одной из наименее исследованных сторон жизни губернии является положение инородцев. И поскольку инородческий вопрос выдвинут сейчас на острие государственной политики, то такое исследование имело бы особую важность. Далее он развил свою мысль:

«В последнее время, вследствие различных влияний, и, главным образом, вследствие влияния на инородцев давления более сильной русской расы, жизнь инородцев подвергается коренной ломке. В жизни этих инородцев не было более критического момента, как настоящий, когда они, соприкасаясь с более высокой культурой и подчиняясь ей, радикально изменяют формы своего хозяйства и быта. Религиозные и обычно-правовые воззрения подвергаются радикальному изменению, формы хозяйствования изменяются под влиянием новых экономических отношений, потребности расширяются, нарушается весь бытовой уклад жизни. Племена, не умеющие приспособиться к новым культурным и хозяйственным формам, создать новые экономические отношения, подвергаются вырождению и угасанию. <...> Часть инородцев, как тунгусы, самоеды, абаканские татары приспособляются с трудом или совсем не приспособляются, и это отразилось на уменьшении их населения, другая часть – сагайские и мелецкие татары – значительно переняли уже русскую культуру, занимаются земледелием, огородничеством, пчеловодством, изменили образ жизни, и это отразилось на увеличении их населения».

В соответствии с вышесказанным, П.Е. Кулаков предложил организовать изучение минусинских и ачинских татар, поскольку организация экспедиции, например, в Туруханский край потребует гораздо больше усилий и средств. В программу же этого изучения должны войти религия инородцев, их семейный и общественный быт, формы хозяйствования, одежда, питание и т. д.

Собрание признало предложение П.Е. Кулакова полезным и выделило на экспедицию в Ачинский и Минусинский округа 535 р. из остатков сумм ЕГСК за прошлые годы. Полученные же при исследовании результаты было решено впоследствии

опубликовать изданием, отдельным от очередной «Памятной книжки Енисейской губернии» [1, л. 3–5].

31 мая 1897 г. Енисейское губернское управление оформило открытое предписание об оказании всемерного содействия членам экспедиции, в состав которой вошли П.Е. Кулаков, А.А. Ярилов и А.А. Кузнецова. (Кроме того, в ней должен был принять участие и В.М. Крутовский, но он был командирован по своей основной должности в Туруханский край).

Петр Ефимович Кулаков (уроженец г. Симферополя, экономист) был сослан в 1890 г. в Иркутскую губернию «за участие в террористическом кружке», в ссылке занялся статистико-этнографическими и экономическими исследованиями иркутских бурят. Позже, будучи переведен в Енисейскую губернию, он стал секретарем ЕГСК и включился в изучение экономики и хозяйства местных инородцев юга и севера губернии.

Арсений Арсеньевич Ярилов – сын минусинского купца 1-й гильдии, уроженец с. Медведево Минусинского округа, окончил сельскохозяйственное отделение Дерптского университета, защитив диссертацию «Характеристика сельского хозяйства Сибири» на примере Минусинского округа (и серьезно увлекшись почвоведением, что определило его дальнейшую научную судьбу), опубликовал несколько научных работ, получив степень кандидата сельского хозяйства, а затем доктора философии. Вернувшись в Сибирь в 1896 г., он читал лекции по естествознанию в Красноярской акушерско-фельдшерской школе, вскоре был избран секретарем Красноярского отделения Московского общества сельского хозяйства и членом ЕГСК. В 1905-1907 гг., после смерти своего друга Н.М. Мартьянова, Ярилов возглавит знаменитый Мартьяновский музей в г. Минусинске, а в советское время станет известным почвоведом.

Александра Александровна Кузнецова – дочь красноярского купца 1-й гильдии и потомственного почетного гражданина А.П. Кузнецова (и внучка известного мецената и общественного деятеля П.И. Кузнецова), в очень скором будущем – жена А.А. Ярилова.

Экспедиция приступила к работе летом того же года. Исследователями было привлечено около 20 помощников из лиц, живших непосредственно среди инородцев, – священников, сельских учителей, минусинских татар (хакасов), которые ответили на предложенные им по анкетным бланкам вопросы. Были собраны материалы 124 бюджетов инородческих хозяйств, данные архивов о сельском хозяйстве и повседневной жизни инородцев, сведения об их жилищах, одежде, пище, посуде, украшениях, данные о скотоводстве, об искусственном орошении пашен, о кочевании и т. д. (В д. 199 оп. 1 ф. 31 можно ознакомиться с соответствующими заметками, записями и даже зарисовками) [1, л. 39–112].

По итогам исследования члены экспедиции вынесли некоторые оценки об изменениях в образе жизни и быте инородцев под влиянием русских «соседей», при этом П.Е. Кулаков и А.А. Ярилов очень сильно разошлись во мнениях.

Кулаков остался убежден, что современные экономические процессы оказывают разрушающее влияние на родовые институты коренных народов юга Енисейской губернии, и что вторжение новых капиталистических отношений, нивелирующих культурные процессы, в итоге приведет к стиранию культурно-этнических особенностей и даже к полной ассимиляции русскими некоторых малочисленных народов Сибири. Во многих округах губернии уже происходит полный переход инородцев от кочевого скотоводства к оседлому земледелию (что всемерно поощряется губернской администрацией). Минусинские татары стремительно «обрусевают», меняется (а в

некоторых местах и вообще имеет тенденцию к исчезновению) сам антропологический инородческий тип.

Ярилов же негодовал по поводу весьма уничижительной характеристики коренных жителей юга губернии как «слабого и менее культурного племени, обреченного на вымирание» и опровергал мрачные прогнозы Кулакова. Он обоснованно утверждал, что сокращение процента коренного населения носит относительный характер и связано не с «вымиранием», а с увеличением общей доли русского населения за счет притока переселенцев из европейской части России [2; 3; 4, с. 68; 5; 6].

Результатом этих споров стали самостоятельные издания: «Минусинские и ачинские инородцы (материалы для изучения)» А.А. Кузнецовой П.Е. и Кулакова (Красноярск, 1898) и два выпуска трудов А.А. Ярилова «Былое и настоящее сибирских инородцев: материалы для их изучения» (Юрьев, 1899) [2; 5; 6]. Чуть позже Ярилов опубликовал еще одну книгу – «В защиту науки и приговоренных к смерти», в которой изложил свое видение социальных причин угнетенного положения сибирских инородцев [7].

В целом, экспедиция действительно оказалась полезным начинанием, как минимум, подготовив массу ценного фактического материала для дальнейшего изучения и анализа повседневной жизни, хозяйства и быта местных коренных народов и влияния на их традиционную культуру русского населения губернии.

Список литературы

1. Государственный архив Красноярского края. Ф. 31. Оп. 1. Д. 199 (Материалы экспедиции по исследованию быта Ачинского и Минусинского округов губернии). 123 л.
2. Кузнецова А.А., Кулаков П.Е. Минусинские и ачинские инородцы: материалы для изучения. Красноярск, 1898. 298 с.
3. Решетникова И.Л. Ярилов Арсений Арсениевич – ученый-почвовед, историк, заведующий Минусинским музеем с 1905 по 1907 г. // Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартянова. URL: <https://музей-мартянова.рф/2022/04/06/ярилов-арсений-арсениевич-ученый-по> (дата обращения: 20.05.2024).
4. Федорова В.И. Минусинский музей и развитие исторического краеведения в Сибири на рубеже XIX–XX веков // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. № 2-1. С. 68.
5. Ярилов А.А. Былое и настоящее сибирских инородцев: материалы для их изучения. Вып. 2. Мелецкие инородцы. Юрьев, 1899. 150 с.
6. Ярилов А.А. Былое и настоящее сибирских инородцев: материалы для их изучения. Вып. 3. Кызыльцы и их хозяйство (литературные, архивные и опросные данные). Юрьев, 1899. 366 с.
7. Ярилов А.А. В защиту науки и приговоренных к смерти. Юрьев, 1900. 100 с.

**ОСНОВНЫЕ ПРИЧИНЫ РАЗНОГЛАСИЙ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ
ИЗ ЦЕНТРАЛЬНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ С КОРЕННЫМ НАСЕЛЕНИЕМ,
ПРОЖИВАЮЩИМ НА ТЕРРИТОРИИ СОВРЕМЕННОЙ ХАКАСИИ
КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ**

Огурцова Ольга Сергеевна,

*Хакасский национальный краеведческий музей имени Л.Р.Кызласова, Абакан, Россия
olgaogur@mail.ru*

В данном исследовании рассмотрены две основные причины разногласий, обусловленных этнокультурными аспектами и социальными связями переселенческого общества, наблюдающимися на территории современной Хакасии конца XIX начала XX веков – религиозные и земельные. Также проведен краткий анализ заселения территорий Южной Сибири русскими, начиная со второй половины XVII века и сделан вывод о неизбежной, в сложившихся на тот момент условиях, интеграции скотоводов-кочевников и крестьян-земледельцев в особый сибирский мульти культурный социум.

Ключевые слова: Республика Хакасия, коренные народы, Столыпинская реформа, крестьяне-переселенцы, Сибирь

MAIN REASONS FOR DISAGREEMENTS OF MIGREGATES FROM THE CENTRAL REGIONS OF RUSSIA WITH THE INDIGENOUS POPULATION LIVING IN THE TERRITORY OF MODERN KHAKASSIA IN THE LATE 19TH AND BEGINNING XX CENTURIES

Ogurtsova Olga Sergeevna,

*Khakass National Museum of Local Lore named after L.R. Kyzlasov, Abakan, Russia
olgaogur@mail.ru*

This study examines two main reasons for disagreements caused by ethnocultural aspects and social ties of the migrant society observed on the territory of modern Khakassia in the late 19th and early 20th centuries – religious and land. A brief analysis of the settlement of the territories of Southern Siberia by Russians, starting from the second half of the 17th century, is also conducted, and a conclusion is made about the inevitable, in the conditions that existed at that time, integration of nomadic cattle breeders and peasant farmers into a special Siberian multicultural society.

Keywords: Republic of Khakassia, indigenous peoples, Stolypin reform, migrant peasants, Siberia

Современный многонациональный состав юга Красноярского края и Хакасии представляет собой общность людей в разное время заселявших эти территории, начиная с XVII столетия. Процессы миграции в Сибирь продолжаются и сегодня, но в данном исследовании мы рассмотрим период с 1727 г. по начало 1900-х. Земли современной Хакасии начали массово заселяться переселенцами из центральных регионов России после заключения Буринского (или Кяхтинского) пограничного трактата между Россией и Китаем 21 октября (1 ноября) 1727 г. Стороны договорились, что все

земли, находившиеся на северной стороне Саян, отходят к России, на южной – Китаю. Завершающим этапом заселения Сибири подданными Российской Империи стала Столыпинская реформа 1906–1917 гг.

Первые выходцы из России появились здесь в период с 1650 по 1680 г., после раскола Русской православной церкви. Подвергшиеся ссылке и опасавшиеся гонений старообрядцы первыми обосновались на территориях Южной Сибири, а их потомки продолжают проживать в Каратузском и Енисейском районах современного Красноярского края. Примерно в то же время на территории современной Хакасии появляются первые укрепления казаков. Так, сведения о первом Абаканском остроге, который был ликвидирован после осады кыргызскими племенами, датируются 1675 г. [5, с. 84].

Следующая волна переселения крестьян по собственному желанию в Сибирь началась еще до отмены крепостного права в 1861 г. Ее инициировали помещики, стремясь создать высокодоходные хозяйства и попутно избавиться от ненужных крестьян. Подобный вариант освобождения из крепостной зависимости описан исследователем Орловским:

«Помнится рассказ деда о том, что его отец Григорий со своим семейством жил в Воронежской губернии. В 1835 г. помещик решил отказаться от подневольного труда как малопроизводительного, чтобы улучшить показатели своего хозяйства. Для этого предложил крестьянам вольную, а «лишних» сократил. Прадеду сказал: «Ты своих 16 детей с надела не прокормишь, поезжай в Сибирь, там земли дадут, сколько хочешь». Дал ему за его земельный надел две телеги с конями... И поехали они в Енисейскую губернию, где свободной земли было немеряно. Ехали два года, зимовали у крестьян, помогая им в работе за кров, прокорм и скромную плату. Наконец достигли Ачинска и, повернув к югу, остановились в Усть-Ербе (сейчас она относится к Богградскому району Красноярского края), на Енисее недалеко от Абакана. Там, получив земельные наделы, отец и старшие дети начали пахать землю, продавать хлеб...» [4, с. 288].

Во второй половине XVIII века переселение крестьян в Сибирь проводилась с целью привлечения рабочих на прокладку железной дороги Сибирского почтового тракта. Плановое переселение крестьян предполагало предоставление переселенцам множества льгот – бесплатное оборудование колодцев, выделение стройматериалов, предоставление коров высокоудойных пород, освобождение от налогов. Хотя в период интенсивно заселялась Барабинская низменность, процесс повлек и последующее заселение территорий современной Хакасии [4, с. 291].

Переселение крестьян в результате Столыпинской реформы, завершило процесс заселения территорий современной Хакасии в рамках рассматриваемого нами периода. Юг Енисейской губернии и ранее пользовался у переселенцев особой привлекательностью. К примеру, в 1885 г. газета «Восточное обозрение» писала, как в Минусинск прибыли «тамбовцы буквально без медного гроша в поисках свободной земли, несчастные, голодные, они хватались за всякий слух о землях и скрывали его даже друг от друга, боясь, что если все они гурьбою отправятся в одно место, то их испугаются сибиряки и прогонят» [3, с. 103].

По данным «Памятных книжек Енисейской губернии», к 1901 г. численность переселенцев насчитывала 125,8 тысяч человек. Из которых сопредельный с территорией современной Хакасии Минусинский округ насчитывал 72 тысячи человек. Вместе с коренными жителями Сибири, переселившимися сюда ранее старообрядцами, казаками, строителями железной дороги этим людям предстояло образовать тот чело-

веческий потенциал, который вдохнет новую жизнь в огромный и сказочно богатый край. Русские, украинцы, белорусы, латыши, эстонцы, немцы, евреи, татары, мордва, представители других национальностей старались сохранить свою культуру, быт и обычаи, одновременно становясь сибиряками и обретая черты, связанные со сложностями жизни в достаточно суровом краю.

Тем временем в Енисейской губернии начинается быстрый экономический подъем. Усилиями купчихи, промышленницы и ученой Веры Баландиной строится железная дорога Ачинск – Минусинск для вывоза хлеба и снабжения населения степных регионов углем из открытых в Черногорских коях залежей. При этом крестьяне-переселенцы являются активной частью российского общества. Решившиеся сменить привычный уклад и уехать на новые места, где предстояло построить дом, раскорчевать и распахать землю, засеять поля, убрать и сохранить урожай, они содействовали экономическому расцвету Сибири.

Между тем, отношения между вновь прибывшим и коренным населением складывались по-разному. Доказательств тому можно с избытком обнаружить в документах, хранящихся в Национальном архиве Республики Хакасия. Наиболее значимыми становятся религиозные и земельные разногласия.

Исповедующие в большинстве своем православие, российские крестьяне не могли сохранять толерантность к шаманским ритуалам, дохристианским верованиям в духов – хозяев мест и к ряду обычаев, выглядящих в глазах переселенца того времени как дикость и примитивизм, с которым необходимо бороться. Представитель коренной национальности, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Елена Петровна Мамышева так описывает ситуацию: «С обеих сторон выработалась четкая дифференциация «свои – чужие», часть переселенцев, не обладавших навыками культуры или утративших их, высказывали по отношению к «инородцам» надменность, высокомерие и презрение: «русские смотрели на аборигенов как на нехристей, азиатов, орду». Современники отмечали, что «русский крестьянин нередко смотрел на инородца «не как на человека, а как на домашнее животное», обязанное повиноваться всем требованиям» [3, с. 104]. Между тем, переселенческое население именно «навыки культуры» считало основным достижением собственной идентичности и принадлежности к российским культурным ценностям. К примеру, в деревне Обетованная, основанной в 1830 г., с 1867 г. проживал бывший солдат Тимофей Бондарев. Сосланный в Сибирь с семьей и детьми, он занимался земледелием и преподавал в сельской школе. Увлечшись идеями Льва Толстого, ссыльный Бондарев вел многолетнюю переписку с русским писателем, а в 1887 г. опубликовал трактат «Трудолюбие и тунеядство». Село располагалось в непосредственной близости от угодий коренного населения на современной территории Бейского района Хакасии. С 1917 по 1958 г. деревня носила название Иудино, а сегодня носит название Бондарево (в честь похороненного здесь земляка).

Основной причиной недовольства коренного населения был земельный вопрос. Стоит отметить, формирование коренного народа Хакасии, начавшееся в средние века, продолжается и сегодня. Примерно к концу XVI в. на территории среднего Енисея и в бассейне реки Абакан сформировался своеобразный хозяйственный уклад, скотоводов-кочевников. Самоназванием «хакасы» определили себя на II Съезде хакасского народа в 1917 г. несколько соседствующих в здешних землях и близких друг другу этнических групп (качинцы, сагайцы, кайбалы и кыргызы). В царской России их именovali енисейскими, абаканскими, ачинскими татарами либо попросту «инородцами». Сегодня, чтобы соприкоснуться с удивительной философией мало изученного

народа Хакасии, понять ее древние смыслы, познакомиться с традиционным укладом быта в республику охотно едут туристы. Они видят древние могилы, разбросанные в бескрайних степях и до сих пор чтимые коренным народом, слушают горловое пение под звуки чатхана и хомыса. В конце XIX – начале XX в. ситуация была иная. На обширных территориях столкнулись интересы двух разных типов ведения хозяйства – земледельческого и скотоводческого. Переселенцы, прибывшие на «малозаселенные» земли для получения земельных наделов столкнулись с кочевыми племенами, использующими степные просторы для перекочевки и перегона скота с летних пастбищ на зимние. К тому времени территории были поделены между местными племенами и обозначены особыми знаками. Об использовании тех или иных земель не составлялось документов, но правила были четко регламентированы и известны традиционным пользователям, обитающим на здешних территориях. Особый режим действовал на охотничьих и рыболовных угодьях коренных жителей. Законы Российской империи, по мнению некоторых современных исследователей, игнорировали скотоводческий характер хозяйства коренного населения. Так в соответствии с законом 1896 г. «О главных основаниях поземельного устройства крестьян и инородцев, водворившихся на казенных землях губерний Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской» крестьянам и хакасам в пользование отводились наделы в расчете 15 десятин на душу мужского пола. Таким образом, порядок использования земли фактически переходил из кочевого состояния в оседлое, что влекло потрясение всех основ хозяйства и быта хакасов. В инородческих органах самоуправления, сначала представляющих собой «степные думы», а с 1890-х гг. «инородные управы», рассматривались довольно необычные иски.

Так, в 1897 г. Аскизская инородная управа рассмотрела заявление отставного рядового Егора Егорова, проживающего в д. Монокской, с требованием взыскать с инородца Николая Сагалакова 115 рублей 77 копеек, «которые забрала у Егорова в разное время из лавки мать ответчика Х.П. Сагалакова, и выдала 20 ноября 1887 г. Егорову расписку, в которой выразила, что платеж этих денег должен произвести ее сын Николай по первому требованию Егорова» [3, с. 103]. Ответчик долга не отрицал, но и возвращать деньги отказывался, поскольку истец нескольких лет безвозмездно квартировал в его доме. Инородная управа на основании свидетельских показаний приняла решение не взыскивать с ответчика денег.

В преддверии Всероссийской переписи населения 1897-го года Енисейское губернское правление занялось учетом инородческого населения и его родоплеменного состава. В 1898–1899 гг. был проведен анализ условий жизни инородцев, который выявил необходимость перевести кочевых скотоводов на общее с русскими крестьянами судопроизводство. Прокурор окружного крестьянского суда отмечал: «Что касается кочевых инородцев, то условия быта в настоящее время настолько изменились, что они по образу жизни, умственному и нравственному развитию, вообще по степени культуры ничем не отличаются от ближайшего к ним крестьянского населения. Многие из них занимаются хлебопашеством, сенокошением, пчеловодством, доставкой хлеба и овощей своего производства на золотые прииски и заводы и т. п.». К началу 1900-х гг. в преддверии Столыпинской реформы, государство проводило мероприятия по отводу земли для переселенцев в ускоренном режиме, нарушая традиционные земельные права старожилов и инородцев. Таким образом, в условиях аграрной реформы «инородцы лишались необходимых для ведения кочевого скотоводства пастбищ и были вынуждены адаптироваться к новым изменившимся условиям обитания». Инородцы, оставшись не у дел, нанимались в пастухи к переселенцам. О том, как складывались новые трудовые отношения, свидетельствует дело, которое

было рассмотрено в одной из управ. Крестьянин П. Брагин обратился в Абаканскую инородную управу с заявлением на инородца Евсея Терскова, которого наняли «в пастухи пасти 1000 штук вместе скота и овец за цену: 1 скот – 7 копеек, пара овец – 7 копеек, теленок – 4 копейки, кроме того 2 ½ пуда ржаной муки, 2 фунта соли с сотни голов как рогатого, так и овец, а также по одному барану из сотни овец» [3, с. 104]. Терсков, взяв задаток в 10 рублей денег, отправился домой, «откуда поныне не явился». Брагин и его односельчане два раза ездили за ним, но результат оба раза сводился к тому, что Терсков извинялся то лихорадочной болезнью, то обещаниями впоследствии отработать 10-рублевый задаток, чем и отвлекал их в течение трех лет от привлечения его к законной ответственности». Потерпевший просил инородную управу взыскать с подведомственного инородца Терскова в свою с товарищами пользу 16 (шестнадцать) рублей серебряных денег. И по мере увеличения числа переселенцев число подобных дел увеличивалось, отмечает исследователь.

Российские власти видели присоединенные земли как органическую часть России, евразийской географически и русской по культуре. Реализация данной идеи виделась возможной только при создании общих для русского и коренного населения видов хозяйственной деятельности, быта и культуры. Перевод кочевых инородцев в разряд оседлых с распространением на них действия Общего положения о крестьянах рассматривался на тот момент как нужное и своевременное мероприятие. В октябре 1911 г. хакасы были перечислены из кочевых в оседлые, а вместо инородных управ созданы волости. Так, родовая структура управления хакасов подверглась трансформации в территориальную, а конфликтные ситуации между инородцами и переселенцами постепенно начинали принимать характер хозяйственно-культурного диалога. Тому одинаково способствовали и переход инородцев на оседлый образ жизни, и интеграция переселенцев в особый сибирский многонациональный и мульти культурный социум, формирование которого продолжается и сегодня.

Список литературы

1. Бутанаев В.Я. История вхождения Хакасии (Хонгорая) в состав России / под ред. Б.Р. Зориктуева. Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та, 2007. 296 с.
2. Кызласов Л.Р. О присоединении Хакасии к России. Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та, 1996. 62 с.
3. Мамышева Е.П. Переселенцы и инородческое население в Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. (на материалах Минусинского и Ачинского округов): проблема взаимоотношений // Genesis: исторические исследования. 2018. № 11.
4. Орловский С.Н. История переселения в Енисейской губернии (на примере родов Смирновых и Кусковых) // Вестник КрасГАУ. 2013. № 10.
5. Скобелев С.Г. Саянский острог в ряду русских крепостей Средней Сибири // Три века Саянского острога: история, значение, перспективы: сб. мат-лов науч.-практ. конф. / Музей-заповедник «Шушенское». Шушенское, 2019. 100 с.
6. Степынин В.А., Прядко И. А. Из истории переселения крестьян в Енисейскую губернию (80 гг. XIX в. – 1917 г.) // К изучению экономики Енисейской губернии конца XIX-начала XX вв.: сборник статей и документов. Красноярск, 1962. 249 с.
7. ГКУ РХ «Национальный архив».

СТАРООБРЯДЦЫ ТИМОФЕЕВЫ В ЗАБАЙКАЛЬЕ

Иванов Виктор Филиппович,

*Бурятская государственная сельскохозяйственная академия имени В.Р. Филиппова,
Улан-Удэ, Россия
klio1976@mail.ru*

В статье автор рассматривает, что в Забайкалье, в местах компактного проживания старообрядцев, преобладают одни и те же фамилии. И на примере рода Тимофеевых показывает, как они стали основателями трех сел: Тарбагатай, Хасурта, Погромное. Работа выполнена на основе документов Государственного архива Республики Бурятия.

Ключевые слова: род, старообрядцы, единоверие. Тарбагатай, Погромное, Хасурта, волостное правление, Забайкалье

THE OLD-BELIEVERS TIMOFEEVS FAMILY IN TRANSBAIKALIA

Ivanov Viktor Philippovich,

*Buryat State Academy of Agriculture named after V.R. Philippov, Ulan-Ude, Russia
klio1976@mail.ru*

In the article the author points that on the territory of Transbaikalia in densely populated areas where Old-Believers live, one and the same family names are prevailed. Taking as an example the Timofeevs family the author shows how they became founders of three big villages: Tarbagatai, Khasurta and Pogromnoe. The article is based on the data of the State Archive of the Republic of Buryatia.

Keywords: family, Old-Believers, edinoverie (the same religion), Tarbagatai, Pogromnoe, Khasurta, rural district board, Transbaikalia

Современное общество возвращается к своим корням, повышается интерес к изучению своей родословной. На территории Забайкалья в местах компактного проживания старообрядцев-семейских, часто встречаются одни и те же фамилии представителей старинных многопоколенных родов: Ивановы, Кушнарёвы, Калашниковы, Афанасьевы, Чебунины и т. д. Это объясняется тем, что отправленные Екатериной II на поселение из Польши в Забайкалье в середине XVII века старообрядцы прибыли большими семьями, отдельными родовыми кланами, от чего и получили местное название – семейские (от слова семья). Поэтому в старообрядческих селениях до сих пор бытуют по 2–3 основных родовых фамилий.

В отечественной историографии тему происхождения родовых кланов и фамильных династий забайкальского крестьянства изучали историки и этнографы В.М. Пыкин [1], А.В. Пашинин [2]. Среди списков первых поселенцев-старообрядцев, мы находим и представителей рода Тимофеевых.

История образования русских фамилий уходит своими корнями вглубь истории. В прошлом родословные были достоянием только привилегированной горстки аристократов. Простому же люду на Руси иметь своих «предков не полагалось» [3].

История заселения Забайкалья семейскими-старообрядцами, освоения новых территорий подробно проанализированы в трудах В.П. Мотицкого, М.М. Шмулевича [4, 5]. Хозяйственное освоение края семейскими, экономическое и социальное положение их в обществе, сложные, порой противоречивые отношения с местной властью отражены в работах А.В. Кострова, С.В. Васильевой [6, 7].

В период раскола русской православной церкви в XVII веке, часть населения России не приняла нововведение патриарха Никона, и, скрываясь от преследования властей, бежала за границу, в основном в Речь Посполитую (Польшу). Среди «приверженцев старой веры» были и Тимофеевы, которые осели на Ветке (ныне территория Брянской области). Там они занимались сельским хозяйством, торговлей и строго придерживались «дедовским» обычаям и обрядам.

При завоевании польских земель Екатериной II русские беглецы-старообрядцы вновь попали под власть русского царя и в 1764–1765 гг. были насильственно выселены в Сибирь, в частности в Забайкалье. С партией старообрядцев прибыл в Забайкалье и Аввакум Тимофеевич Тимофеев (1750 г. р.) с сестрой Марфой (1755 г. р.), который был поселен в Тарбагатайскую слободу [8]. В материалах «Росписи Тарбагатайской Засимо-Савватиевской церкви прихожанам разных селений», в которых имеются подробные списки старообрядцев по Тарбагатайской слободе и окружным селениям, имеется и имя Аввакума Тимофеева. Эти материалы дают точную дату поселения и количество прибывших старообрядцев [9, с. 95]. В 1794–1806 гг., забайкальские старообрядцы представили в Иркутскую духовную консисторию подробную информацию о своем прибытии в Забайкалье. Тарбагатайцы писали: «Мы по содержанию святой веры именуемые старообрядцы прошлого 1764 года выведены из Польши, из разных мест и поселены в здешней Иркутской губернии за Байкал-море» [10]. В числе подписавших документ находим и Аввакума Тимофеева [11]. Население старообрядческих сел стремительно росло. За 70–80 лет проживания на новом месте оно увеличилось в 4 раза. По четвертой переписи 1782 г. старообрядцев обоего пола было примерно 4 400 человек. В 1850 г. их уже насчитывалось 17 880 человек [12, с. 21]. В Западном Забайкалье староверы-семейские составляли 80% от общего числа старообрядцев Иркутской губернии и 57 % от общего числа всего русского населения губернии [13, с.126].

Проживая в Тарбагатае, Аввакум женился и вырастил пять сыновей: Никита (1784 г. р.), Андрей (1786 г. р.), Федот (1791 г. р.), Лукьян (1793 г. р.) и Семен (1795–1869) [14, л. 12]. Они дали крепкую многодетную семейную династию Тимофеевых в селе Тарбагатай.

В период борьбы самодержавия с расколом в середине XIX века в Тарбагатае была построена единоверческая церковь. Священники этой церкви вели активную деятельность среди населения по вовлечению местных старообрядцев в единоверие, куда и пожелал присоединиться младший из сыновей Аввакума – Семен [15, л. 112].

В 1854 г. по предложению Верхнеудинского земского суда многие жители Тарбагатайской волости переехали на старый Читинский тракт [16, л. 1]. За период с 1856 по 1858 г. был основан ряд поселений: Домна, Поперечное, Укыр, Шакша, Погромное, Беклемишево и др. Миграционные процессы старообрядческих семей из основных больших селений в другие места Забайкалья, их причина, еще изучена недостаточно (Мухор-Тала Заиграевского района, Новодесятниково Кяхтинского района, Погромное Еравнинского района и др.). Впервые эта тема затронута в работах В.А. Байбородин и Ф.Ф. Болонева [17, 18].

Одними из первых основателей Погромнинского селения Кульского отдельного общества были семьи тарбагатайских крестьян-единоверцев Алексея Семеновича Чебунина, Терентия Федоровича Антонова и Семена Аввакумовича Тимофеева [19, л. 19–20; 20, л. 71–73]. Таким образом, правительство царской России претворяло в жизнь попытки освоения новых территорий и борьбы с расколом, путем перевода старообрядцев в единоверие, а затем и в официальное православие. Тарбагатайские переселенцы принесли с собой на новое место традиционный уклад жизни, ведение натурального подсобного хозяйства, старообрядческую веру, обычаи и обряды. В Погромном у Василия Семеновича и Степаниды Кондратьевны родилось и выросло четыре сына и одна дочь. Старший его сын Сергей (1850 г. р.) в 1875 г. женился на крестьянке Василисе Ивановне Дмитриевой. 24 февраля 1874 г. и них родился сын Василий, а затем Евсей и Николай, которые были крещены в Укырской Спасской церкви [21, л. 66]. Отец их Сергей Васильевич Тимофеев умер 4 декабря 1880 г. в тридцатилетнем возрасте. Мать, Василиса Ивановна повторно вышла замуж в село Новая Курба за ссыльнопоселенца Григория Бороздина и родила от него сына Александра.

Старший из ее сыновей Василий Тимофеев, уволенный в запас со службы в 1894 г., решил переехать из Погромного в Хасурту. Приговором сельского схода от 25 июня 1901 г. он был принят в Хасуртаевское сельское общество на постоянное жительство [22, л. 12]. Таким образом, отставной солдат Тимофеев положил начало новой фамильной династии в селе Хасурта. Василий Тимофеев построил себе четырехстенный дом, женился на местной староверке Анне. В браке у супругов Тимофеевых родились две дочери и два сына. Нефед Васильевич Тимофеев (1915 г. р.) погиб в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Ефрем Васильевич Тимофеев (1909 г. р.) женился на новокурбинской крестьянке Солдатовой Агафье Васильевне (1909 г. р.). Воевал на западном фронте, вернулся домой и умер от ран в 1945 г. Солдатская вдова, Агафья Васильевна добросовестно трудилась в колхозе «Победа» звеньевой полеводческой бригады. Она поддержала почин колхозника из Алтайского края М.Е. Ефремова и создала «Ефремовское звено», которое было известно далеко за пределами Хоринского аймака [23, с. 129]. Достоинство несли свои семейные и трудовые традиции ее дети. Сыновья Леонид (1932 г. р.) и Виталий (1938 г. р.) добросовестно работали на колхозно-совхозном производстве. Сын Виталия Ефремовича Тимофеева Александр (1959 г. р.) взял себе фамилию матери – Мартынов. Отличник учебы местной школы, в 1982 г. он успешно окончил Сибирский технологический институт г. Красноярск по специальности инженер лесного хозяйства. Трудовую деятельность начал лесничим Хасуртайского лесничества Курбинского лесхоза. В 1992 г. назначен на должность заместителя Министра лесного хозяйства Республики Бурятия. С 2004 – руководитель Агентства лесного хозяйства Республики Бурятия. Имеет звания «Заслуженный работник лесного хозяйства РБ» и «Заслуженный лесовод РФ» [24, с. 122].

Потомки рода Тимофеевых внесли достойную лепту в освоение Забайкалья. В отдаленные сибирские земли шли представители разных этнических и этноконфессиональных групп, значительную долю которых составили старообрядцы. Все они внесли свою лепту в освоение края. Сохранение ими традиционной культуры, их адаптация к новой природной среде являются важной темой исследования современных ученых: историков, этнографов, демографов. Род Тимофеевых занимает одно из достойных мест в изучении его истории и генеалогии, сохранении семейных традиций для последующих поколений. От одного представителя рода Тимофеевых Аввакума, пришедшего из Польши в Сибирь в середине XVIII в., пошел многочисленный клан Тимофеевых, которые стали основателями нескольких сел Забайкалья: Тарбагатай, Погромное, Хасурта.

Хозяйственное освоение Восточной Сибири, увеличение численности народонаселения было актуальным не только для XVIII–XX вв., остается актуальным в XXI в.

Интерес к истории родного края, своих корней имеет устойчивую тенденцию роста и в наши дни. Осознавая свое место в связке: я – семья – род – народ, люди обращаются к истории своих предков. Это способствует пониманию значимости каждого человека, повышение его ответственности за судьбу своего рода, семьи, всех живущих ее представителей, препятствует разобщению и отчуждению людей в современных условиях.

Список литературы

1. Пыкин В.М. Наследники огнепального протопопы. Семейный состав семейских 1768–1919 гг. Улан-Удэ: НоваПринт, 2021. 175 с.
2. Пашинин А.В. Статистические источники по генеалогии крестьянских родов (семей) конца XVII – начала XX вв. в фондах Государственного архива Республики Бурятия. Иркутск: Оттиск, 2015. 496 с.
3. Никонов В.А. География фамилий. М.: Наука, 1988. 189 с.
4. Мотицкий В.П. Забайкальское старообрядчество: прошлое и настоящее (XVIII–XX вв). Улан-Удэ, 1976. 80 с.
5. Шмулевич М.М. Очерки истории Западного Забайкалья XVII – середина XIX в. Новосибирск: Наука, 1985. 287 с.
6. Костров А.В. Старообрядцы Байкальской Сибири в начале XX века. – Иркутск: Оттиск, 2009. 68 с.
7. Васильева С.В. Власть и старообрядцы Забайкалья (XVIII – начало XX вв.). Улан-Удэ: Из-во Бурят. гос. ун-та, 2007. 233 с.
8. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 207. ОП. 1. Д. 1616. Л. 200.
9. Болонев Ф.Ф. Старообрядцы Забайкалья в XVIII–XX вв. М.: ДИК, 2004. 352 с.
10. Быконя Г.Ф. Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX вв. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1985. 297 с.
11. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 50. ОП. 7. Д. 40. Л. 10.
12. Шмулевич М.М. Очерки истории Западного Забайкалья. XVII и середина XIX веков. Новосибирск: Наука, 1985. 284 с.
13. Мамсик Т.С. Крестьянское движение в Сибири. Вторая четверть XIX века. Новосибирск: Наука, 1987. 268 с.
14. ГАРБ. Ф. 207. ОП. 1. Д. 22. Л. 12.
15. ГАРБ. Ф. 180. ОП. 1. Д. 5860. Л. 112.
16. ГАРБ. Ф. 207. ОП. 1. Д. 185. Л. 1.
17. Байборodin В.А. Тракт подле Яравня-озера. Улан-Удэ, 2005. 159 с.
18. Болонев Ф.Ф. Амурская эпопея в XVII и XIX веках. Переселение старообрядцев (семейских) на восток России (XVIII – начало XX века)». Новосибирск, 2013. 249 с.
19. ГАРБ. Ф. 207. ОП. 2. Д. 320. Л. 1-2.
20. ГАРБ. Ф. 169. ОП. 1. Д. 159. Л. 71–73.
21. ГАРБ. Ф. 173. ОП. 1. Д. 440. Л. 66.
22. ГАРБ. Ф. 79. ОП. 1. Д. 821. Л. 12.
23. Зайцева Л.А. Сельское хозяйство Бурятии (1930-е – 1950-е гг.). Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1996. 280 с.
24. Иванов В.Ф. У нашей школы доброе лицо: Хасуртайской средней общеобразовательной школе – 100 лет. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2009. 224 с.

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОСВОЕНИЯ ПРИАМУРЬЯ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Тихоньких Виктор Петрович,

ХГУ им. Н.Ф. Катанова, Абакан, Россия

victor.tikhonkikh@mail.ru; victor.tik1946@yandex.ru

Масштабы и направления заселения Приамурья определялись конкретными социально-экономическими, этнонациональными, географическими и геополитическими условиями. Цель исследования – рассмотреть особенности этнополитической проблемы освоения Приамурского края на русском Дальнем Востоке в начале XX в.

Ключевые слова: П.А. Столыпин, С.Ю. Витте, миграция, иммиграция, экономика, национальная безопасность

ETHNOPOLITICAL PROBLEMS OF THE AMUR REGION DEVELOPMENT AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

Tikhonkikh Viktor Petrovich,

KHSU named after N.F. Katanov, Abakan, Russia

victor.tikhonkikh@mail.ru ; victor.tik1946@yandex.ru

The scale and directions of settlement of the Amur region were determined by specific socio-economic, ethnonational, geographical and geopolitical conditions. The purpose of the article is to consider the features of the ethnopolitical problem of the development of the Amur Region in the Russian Far East in the early twentieth century.

Keywords: P.A. Stolypin, S.Yu. Witte, migration, immigration, economy, national security

Исследователь истории русского Дальнего Востока А. В. Ремнев в монографии «Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков» подчеркивает: «В силу своей сложности и вариативности Российская империя требует регионального измерения. Отдельные регионы в силу их специфики (времени вхождения в состав империи, географических и природно-климатических факторов, различной удаленности от имперского центра, этнического и конфессионального состава населения, уровня социально-экономического развития, влияния внешнеполитического окружения) представляли разные варианты протекания имперских процессов» [1, с. 7].

Особенностью колонизации Приамурья в начале XX в., в отличие от колонизации Западной и Восточной Сибири в XVII в. – первой половине XIX в., стало доминирование процесса экономического развития на государственной основе. Экономической основой заселения Приамурья в начале XX в. стало строительство Амурской железной дороги и соответствующей инфраструктуры. Для ее строительства и для развития социально-экономической сферы региона требовалось постоянное привлечение рабочей силы. Без привлечения многочисленной рабочей силы, в том числе иностранной, построить дорогу было невозможно. Именно железная дорога и ее инфраструктура обеспечивали рост и закрепление русского населения в Приамурье.

Вместе с тем, стратегическое значение приобрел национальный состав населения, в котором значительную часть составляли выходцы из соседних стран.

Проект строительства Амурской железной дороги вызвал у части русских политиков обоснованные опасения. Смысл его в том, что строительство и постройка дороги будет способствовать проникновению и закреплению в регионе китайцев, корейцев и японцев. Особую тревогу вызывало проникновение китайского населения из соседней с большим населением страны. Сложилось два основных мнения по вопросу целесообразности строительства дороги. Против строительства выступал С.Ю. Витте, за строительство П.А. Столыпин.

С.Ю. Витте считал, что постройка железной дороги будет служить «для окитаяния не только Северной Маньчжурии, но и всего нашего Амурского края». «Нам до поры до времени, гораздо выгоднее оставить наш Амурский край в том положении, в каком он находится полудиком, малонаселенном, нежели поднять искусственно - экономически чрезвычайное кровообращение в этом крае...» [2, с. 496]. Необходимо отметить, что такие суждения были ошибочными. После потери полного контроля над КВЖД в результате поражения в войне с Японией Приморье оказывалось оторванным от единого геополитического пространства России. В Приамурье образовался бы геополитический вакуум, который неизбежно был бы занят соседями. Прежде всего китайцами. П.А. Столыпин это понимал.

В своей речи в Государственной Думе 31 марта 1908 г. П.А. Столыпин так охарактеризовал такую опасность: «... Докладчик Комиссии государственной обороны сказал тут, что природа не терпит пустоты. Я должен повторить эту фразу ...при наличии государства, густонаселенного, соседнего нам, эта окраина не останется пустынной. В нее просочится чужестранец, если раньше не придет туда русский, и это просачивание, господа, оно уже началось. Для того, чтобы обнять этот вопрос не только с технической, со стратегической точки зрения, но с более широкой, общегосударственной, политической, надо признать, как важно для этой окраины заселение ее. ...оставлять этот край без внимания было бы проявлением громадной государственной расточительности. Восток проснулся, господа, и если мы не воспользуемся этими богатствами, то возьмут их, хотя бы путем мирного проникновения, возьмут их другие» [3, с. 1404–4116].

В следующей речи о постройке Амурской железной дороги в Государственном Совете 31 мая 1908 г., П.А. Столыпин приводит убедительные доводы о географической сложности заселения Дальнего Востока и о необходимости строительства железной дороги, подчеркивая геополитическую перспективу такого строительства для утверждения России на Дальнем Востоке: «... при отсутствии дороги не поведет к заселению этих областей. Ведь есть время года, когда из Забайкальской области в Амурскую можно пролететь только на воздушном шаре. Если судьба нас поставила в особенно благоприятные условия, если от наших колоний нас не отделяет большое водное пространство, то ясно, что насущной для России потребностью является соединение этих дальних владений железным путем с метрополией» [4, с. 119–129].

Освоение Приамурья и Приморья потребовало большого количества рабочих рук, они нашлись в Китае и Корее. Китайское переселение на амурские земли усилилось с промышленным развитием Приамурья. Движимые поиском заработков на Амур потянулись тысячи мигрантов. Численность иностранцев росла, вместе с ростом русского населения, прежде всего за счет китайцев.

Особенностью освоения Приамурья в начале XX в. стало соприкосновение активной русской миграции с иммиграцией из соседних азиатских стран, прежде всего из Ки-

тая. Как пишет Л.И. Галлямова в результате Приамурье и Дальний Восток в целом оказались в сфере миграционных волн из зарубежья, прежде всего Китая [5, с. 23].

Первая Всеобщая перепись населения, проведенная в Российской империи зимой 1897 г., зарегистрировала в Приморской области 20 тыс. 28 чел. китайцев (14,5 %), в Амурской – 12 тыс. 54 чел. китайцев. (10,4 %), на Сахалине – 0,14 тыс. (0,5 %) [6, с. 107–108]. К 1913 г., по приблизительным подсчетам, китайцы и корейцы составляли в Амурской области 12 % населения, а в Приморской – 16 % [7, с. 111]. Проценты китайцев среди русского населения конца XIX в. и начала XX в. сопоставимы, но мы должны иметь в виду рост русского населения потому абсолютная численность иностранцев выросла значительно. Приток китайских мигрантов постоянно усиливался, хотя это были в основном сезонные рабочие, большинство из которых возвращались на родину, но значительная их часть оставалась в России.

Опасность сильной зависимости экономического развития Дальнего Востока России от притока в край иностранцев, в основном китайцев, вынуждали русское правительство принимать меры, направленные на ограничение деятельности иностранцев и их закрепления в регионе: они были лишены права селиться в приграничных местностях, приобретать земли в Амурской и Приморской областях. В 1908 г. в Особом журнале Совета Министров было опубликовано решение о запрете переселения иностранцев, если они попадают в категории следующих лиц: больных, старше 60 лет, до 15 лет без родителей [8, с. 160].

В дополнение к этому решению 21 июня 1910 г. был принят закон «Об установлении в пределах Приамурского генерал-губернаторства и Забайкальской области, Иркутского генерал-губернаторства некоторых ограничений для лиц, состоящих в иностранном подданстве» запрещающий найм иностранной рабочей силы на казенные работы. Это были в основном военные объекты. [9, с. 15].

Ситуация осложнялась тем, что местные власти не смогли наладить не только контроль за китайцами державшимися своими общинами, но и организовать их полный учет. Причем при расширении масштабов освоения дальневосточных природных ресурсов спрос на дешевый китайский труд продолжал расти. Особенно в золотодобывающей отрасли. К тому же казаки и крестьяне, стремясь использовать дешевый труд сдавали свои земли в аренду китайцам и корейцам, что противоречило политической задаче закрепления Приамурья за Россией [10, с. 144–190]. Косметические ограничительные меры не остановили притока иммигрантов из Китая и Кореи. Центральные и местные губернские власти считали, что необходимо ограничить и поставить под контроль деятельность иностранцев на Дальнем Востоке, сократить поток мигрантов путем установления лимитов. Однако лимитирование труда китайцев и корейцев тут же оборачивалось ущербом для промышленности и русского населения [11, с. 53].

Наиболее результативным в ограничении труда китайских рабочих стало использование бесплатной перевозки русских рабочих на Амур. В результате удалось вытеснить с рынка рабочей силы значительную часть китайцев и заменить их русскими. В целях ограничения доступа китайцев в Приамурье с 1911 г. было введено также обязательное визирование китайских национальных паспортов в русских консульствах в Китае. По распоряжению губернатора Н.Л. Гондатти все китайцы золотоносных приисков, не имевшие визированных паспортов, были выселены обратно в Китай. Это вызвало значительные протесты со стороны золотопромышленников, которые стали терпеть убытки. Практика губернатора вызвала недовольства и китайского правительства, возникла угроза дипломатического конфликта. Н.Л. Гондатти вынужден был прекратить высылку и принимать рабочих из Китая без визированных паспортов [12].

Широкое использования китайского труда препятствовало заселению региона русскими, вело к его «окитаиванию», а в перспективе регион мог быть полностью поглощен Китаем. Это с одной стороны, с другой стороны, дешевизна китайской рабочей силы консервировала техническую отсталость производства, особенно добывающей и обрабатывающей промышленности. У предпринимателей не было заинтересованности внедрять новые технологии [13, с. 74–75].

Для ограничения притока иностранцев по инициативе генерал-губернатора Н.Л. Гондатти МВД подготовило в 1912 г. проект нового иммиграционного закона, призванного ужесточить меры контроля за притоком иностранцев на Дальний Восток и в Забайкалье, за их трудовой и иной жизнедеятельностью [14, с. 163–167]. Против закона выступило МИД России, которое отказывалось видеть в китайской миграции серьезную этническую и геополитическую опасность. В своей аргументации оно опиралось на опыт Америки, которая якобы стала богатой, потому что не разбиралась, откуда идут деньги и кто будет работать. Поэтому нужен закон, который бы не запрещал «желтый труд», а исключал вредные последствия его использования для «белого труда» [15, с. 70]. МИД не учитывало геополитическое положение русского Дальнего Востока, который граничил с державами имевших на него претензии [16, с. 86]. Мигранты в Америке, разделенной с Европой океаном, в конечном итоге теряли связь с родиной и становились американцами. Китайцы сохраняли тесную связь с Китаем и на ДВ они не становились русскими, а продолжали быть китайцами.

Проблема «желтой опасности» имела две стороны: военно-стратегическую опасность и четкую тенденцию русского приоритета столыпинской национальной политики на Дальнем Востоке. Однако начало Первой мировой войны снизило остроту вопроса. Русская промышленность теперь остро нуждалась в дешевом «желтом труде», который стал широко использоваться на русских промышленных предприятиях в основном в Сибири [7, с. 110–113]. Правительство все еще ограничивало приток китайской рабочей силы к западу от Урала, но в 1915–1916 гг. было принято решение об использовании китайцев на всей территории империи, кроме районов военных действий [17, с. 122–123].

Внимание Правительства к дальневосточному региону дало свои положительные результаты. Промышленное развитие вело к росту численности населения. За 1901–1916 гг. в край переселилось 287 тыс. человек. Если в 1907 г. здесь проживало 520 тыс. человек, то в 1913 г. уже более 900 тыс. [18, с. 309–314].

В 1906 г. русские составляли в крае 75,98 %, а в 1914 г. – 81,88 %. Общая численность населения края достигла 950 тыс. человек [19, с. 153]. Не смотря на отмену порто-франко, международная торговля на Дальнем Востоке в 1913 г. году составила 59 % от уровня общей торговли. Промышленность и сельское хозяйство Дальнего Востока ориентировалась преимущественно на экспорт. Поступление на Дальний Восток иностранных товаров, составлявшего в 1913 г. 24,6 %. [20, с. 201–202]. Грузооборот главного дальневосточного порта Владивостока вырос за 1906–1913 гг. в 3,4 раза и достиг 89,7 млн пудов [18, с. 309–314]. Приамурье добилось самостоятельного обеспечения хлебом. Вначале же освоения считалось, что Приамурье не в состоянии прожить без маньчжурского хлеба [21, с. 126]. В 1913 г. было добыто 1,8 млн пудов железной руды и 1,6 млн. пудов цинковой руды, 0,8 млн. пудов медной. С 1905 по 1916 г. добыча каменного угля увеличилась с 11,9 млн до 62,17 млн пудов, т. е. в 5,2 раза. Протяженность железных дорог выросла с 1910 в 1900 г. до 4 580 верст в 1916 г. а грунтовых дорог в 1914 г. составила почти 5 тыс. верст [18, с. 309–314].

Необходимо отметить, что задача, поставленная П.А. Столыпиным заселить край и создать из русских переселенцев общество, способное вынести борьбу с сильными соседями и удержать за собой культурное первенство, как показали последующие исторические события, была выполнена. Выросшее за счет переселенцев и естественного прироста русское население на Дальнем Востоке упрочило положение далекой дальневосточной окраины империи. Дальний Восток приобрел солидный запас прочности, который позволил российскому Дальнему Востоку пережить испытания революцией, гражданской войной и интервенцией и сохраниться в составе единого Российского государства.

Список литературы

1. Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2004. 552 с.
2. Витте С.Ю. Царствование Николая II. М.; Таллинн: .Скиф Алекс, 1994. 605 с.
3. Из речи П.А. Столыпина 31 марта 1908 г. // Государственная дума. Третий созыв. Сессия первая. 1907–1908 гг. Стенографические отчеты. СПб. 1908. Ч. 2. С. 1404–1416.
4. Столыпин П. А. Речь о постройке Амурской железной дороги, произнесенная в Государственном Совете 31 мая 1908 года. Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете 1906–1911. М.: Молодая гвардия, 1991. С. 119–129.
5. Галлямова Л. И. Значение миграций как фактора заселения и освоения Дальнего -Востока России (вторая половина XIX – начало XX в.) // Миграционные процессы в Азиатской России в XIX – начале XXI в. Новосибирск, 2009. С. 17–31.
7. Волохова А.А. Китайская и корейская иммиграция на российский Дальний Восток в конце XIX – начале XX вв. // Проблемы Дальнего Востока. 1996. № 1. С. 111.
8. Васильченко О.А. Государственная политика по переселению семей и организации их жизнедеятельности на Дальнем Востоке (1860–1941 гг.). Иваново, 2005. 384 с.
- 9 Сборник узаконений и распоряжений Правительства, издаваемых при правительствующем Сенате. СПб., 1910. № 1290. 499 с.
10. Сорокина Т.Н. Хозяйственная деятельность китайских подданных на Дальнем Востоке России и политика администрации Приамурского края (конец XIX – начало XX в.). Омск, 1999. С. 144–190.
11. Ларин А. Китайские мигранты в России: история и современность. М.: Восточная книга, 2009. 512 с.
12. Горное дело в Приамурском крае: по отчетам окружных горных инженеров и другим материалам за 1914 и 1915 годы (составлено в Канцелярии Приамурского генерал-губернатора). 1916. Вып. 24. 239 с.
13. Дятлов В.И. Миграция китайцев и дискуссия о «желтой опасности» в дореволюционной России // Вестник Евразии: Acta Eurasica: Независимый научный журнал. М., 2000. № 1 (8). С. 63–89.
14. Терехов А.М., Синиченко В.В. Влияние иностранной миграции на жизнедеятельность Восточной Сибири и русского Дальнего Востока (1856–1917 гг.). Иркутск, 2004. 142 с.
15. Н.Л. Гондатти – председателю Совета министров И.Л. Горемыкину (4 апр. 1914 г.). Движение китайцев в Россию принимает угрожающие размеры // Источник. 1997. № 1. С. 69–71.

16. Татищев А.А. Земли и люди. В гуще переселенческого движения (1906–1921). М., 2001. 375 с.
17. Новиков Д.Е. Русские либералы об экономической политике правительства на Дальнем Востоке (1906–1914 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 2000. № 4. С. 121–127.
18. История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – февр. 1917 г.) / отв. ред. А.И. Крушанов. М.: Наука, 1991. 469 с.
19. Кабузан В.М. Дальневосточный край в XVII – начале XX в. (1640–1917) / отв. ред. А.Л. Нарочницкий. М.: Наука, 1985. 260 с.
20. Галлямова Л.И. Экономическое развитие Дальнего Востока России накануне и в годы Первой мировой войны // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск, 2002. Ч. 3. С. 201–202.
21. Рыкачев А. Русское дело в Маньчжурии // Русская мысль. 1910. № 8. С. 126.

СЕКЦИЯ 8. ДИНАМИКА ПРОСТРАНСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В РОССИИ И МИРЕ

УДК 94(470)

ДИНАМИКА ПЕРЕСЕЛЕНИЯ ПЕРВЫХ РУССКИХ ЛЮДЕЙ НА ЕНИСЕЙ В XVI–XVII ВЕКАХ И ИХ ПОСЛЕДУЮЩАЯ АДАПТАЦИЯ

Рогачев Александр Георгиевич,

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
kaf.history@mail.ru

В конце XVI в. российский фронт начал резко продвигаться по Сибири на Восток. Вскоре первые люди прибыли на Енисей, в бассейне которого началась их быстрая и прочная адаптация. В 1628 г. государевы люди и казаки основали город Красноярск. В течении XVII в. осуществляется динамичное, экономическое и культурное освоение и развитие региона.

Ключевые слова: река Енисей, город Красноярск, Андрей Дубенский, меховой яsak, хлебопашество, кыргызы, государева десятина, казаки

DYNAMICS OF THE MIGRATION OF THE FIRST RUSSIAN PEOPLE TO YENISEI IN THE XVI TH-XVII TH CENTURIES AND THEIR SUBSEQUENT ADAPTATION

Rogachev Alexander Georgievich,

Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia
kaf.history@mail.ru

At the end of the 16th century, the Russian frontier began to rapidly advance along Siberia to the East. Soon the first people arrived at the Yenisei, in the basin of which their rapid and strong adaptation began. In 1628, the sovereign's people and the Cossacks founded the city of Krasnoyarsk. During the 17th century, the region was dynamically, economically and culturally developed.

Keywords: the Yenisei River, the city of Krasnoyarsk, Andrei Dubensky, fur yasak, arable farming, the Kyrgyz, the sovereign's tithe, the Cossacks

На могучий Енисей уже в XVI в. Северным морским путем приходили мангазейские и поморские русские промышленные люди. Они создали многочисленные зимовья с целью организации пушного промысла. Еще в начале XVII в. получил развитие путь в среднее течение Енисея по речным системам Таз-Турухан и Вах-Елогуй с помощью волоков. Затем русские казаки освоили правые крупные Енисейские притоки. Нижнюю и Подкаменную Тунгуски, Ангарау.

В приенисейском бассейне возникли остроги-городки Туруханск (1607 г.), Енисейск (1619 г.), Красноярск (1628 г.), Ачинск (1641 г.) и ряд других [1, с. 66].

В 1619 г. Петр Албычев и Черкас Рукин во главе группы Тобольских казаков основали город Енисейск с трехбашенной крепостью и стенами из дерева протяженностью примерно 400 метров. Это означало заметную интенсификацию территориального освоения пространств на нижнем Енисее, Таймыре и в Приангарье. Причем торговые и промышленные люди активно содействовали казакам даже в качестве воинов [1, с. 68].

Местное северное население противодействовало установлению ясачных меховых сборов русского государства. Однако постепенно установилось приемлемое взаимодействие новых пришельцев и северян. Государи в Москве в целом брали коренных сибиряков под свою руку и защиту.

Но южнее по Енисею сопротивление местных кочевников оказалось гораздо решительнее и опаснее. Почти целое столетие кыргызские енисейские князцы ожесточенно боролись за свое первенство [1, с. 69].

Огромное значение по продвижению из Енисейска на юг имела экспедиция сына боярского Андрея Ануфриевича Дубенского. Еще в 1623 г. он выбрал для будущего города высокий плоский мыс между реками Енисей и Кача. Царь Михаил Федорович Романов лично утвердил «городником» Дубенского (в обход местнического принципа) и подписал план застройки. В дальнейшем отряд Андрея Дубенского численностью около 300 человек в середине июля 1628 г. высадился в намеченном месте. Кыргызский князец Татуш организовал мирную встречу и дал казакам лошадей. Но уже 26 июля состоялся первый вооруженный налет на людей Дубенского. С 6 по 18 августа 1628 г. быстро и эффективно построили первый красноярский острог облегченного типа (у кыргызов отсутствовала артиллерия) [1, с. 69–70]. Так началась история города Красноярска.

В XVII в. российская государственная власть, главный экономический интерес в Сибири видела в добыче ценных мехов. Новую территорию разделили на ясачные волости и все местное мужское население платило налог – ясак мехами. Это был основной сбор, но к нему добавлялись так называемые государевы и воеводские поминки – подношения (также в виде мехов). Русское население (привыкшее к употреблению в пищу в больших количествах хлеба. – *А.Р.*) в такой обстановке серьезно отвлекались от занятий зерновым хозяйством. Местные жители в свою очередь не проявили интереса к земледелию [2, с. 44].

Русские новопришельцы к концу XVII в. основали в регионе несколько городов, до 250 других различных поселений. В них проживало в целом примерно 35 тыс. человек. В местной северной тайге ежегодно добывалось около 80 тыс. штук соболиных шкур. По экономической эффективности это в два лишним раза превышало стоимость всего выращенного хлеба и произведенных местных товаров. В регионе преобладало переложное земледелие на целинных землях. Повсеместно распространялось овощеводство. Это были популярные овощи – капуста, лук, морковь, огурцы, репа, чеснок. Важнейшую роль играло оседлое животноводство. В специальных хлевах-стайках содержали мелкий и крупный рогатый скот, а также домашних кур, гусей, уток. В тоге сибиряки-енисейцы имели необходимую тяговую силу, шерсть, кожу, мясо, яйца, молоко. Получило развитие кузнечное ремесло. Особенно оно процветало в Енисейске. Из болотных руд, близких к городу, местные жители ковали прекрасные и полезные железные изделия: топоры, сошники, серпы, косы-горбуши, ножи, гвозди, полосовое и листовое железо. Эти предметы археологи и историки обнаружили на Байкале, Лене и Амуре.

Енисейские купцы продавали пушнину на сибирских российских ярмарках. Там они закупали ценные ткани, посуду стеклянную, вино и галантерею. Из экзотического Китая в Сибирь шли специфические товары: чай, табак, шелк, фарфор, бумага. Енисейск являлся в XVII в. центром экономической жизни, а Красноярск оставался военным форпостом.

Князья кыргызские, постоянно подталкиваемые северо-монгольскими алтын-ханами (основными сеньорами енисейских кыргызов в то время), постоянно осуществляли опустошительные налеты на прилегающие к Красноярску сельские деревенские территории (например, в 1630, 1634, 1635, 1636 гг.). Казачьи и стрелецкие контрудары-походы в 1630–1640 гг. привели к основанию в 1636 г. Канского острога, а в 1641 г. – Ачинского. Кыргызы поняли, что местных русских поселенцев силой победить трудно. Лет на двадцать наступила эпоха затишья, дипломатии и взаимных уступок. Но в 1660–1690 гг. вновь начинается ожесточенное военное противостояние из-за мощной экспансии джунгаров в регион. Красноярск только с огромным напряжением сил устоял, но потери оказались огромны [1, с. 75–76].

Затем геополитическая ситуация в 90-е гг. XVII в. в регионе стала улучшаться, однако оставалась весьма противоречивой. Катастрофическое положение с продовольствием требовало решительных мер. Если труженик-земледелец имел до 4-4,5 десятин пашни, то его обязывали личными лошадью и сохой обрабатывать еще одну «государеву десятину». Крестьянин получал казенные семена и в итоге сдавал плоды урожая в казну [1, с. 77–78].

Следует отметить, что около половины русского населения на Енисее составляли казаки с семьями. Им приходилось практически становится одновременно воинами, работными людьми и даже чиновниками!

Вместе с посадскими на городских торгах они собирали пошлины с местных и проезжих торговых людей. Казаки в качестве приказчиков даже надзирали за крестьянами, отводили поселенцам сенокосные и пахотные угодья. Они также нередко выполняли в воеводской канцелярии функции переписчиков, счетчиков казенного имущества, оценщиков пушнины, закупщиков различных припасов и хлеба. Казаки обслуживали городские часы, проезжие ворота, настенную артиллерию, кузни и казенные мельницы. На них возлагались все необходимые местным властям плотничные работы на городских укреплениях, ремонт дощаников и лодок, перевоз на них соли и хлеба, сплавку леса. Пешему казаку полагалось в год 5 рублей денежного довольствия, 40 пудов ржи и овса. Казаку с лошадью выдавали до 60 пудов зерновых и 7 руб. 50 коп. деньгами. Часто подобное жалование существовало только на бумаге. Казачество с семьями в основном реально существовало за счет промыслов, торговли, ремесел и хлебопашества [1, с. 79].

Отдаленность от правительственного центра в столице вела к произволу местной власти. Он породил в 1695–1700 гг. бунт, получивший название «Красноярской шатости». В ходе этого движения красноярцы отказали в доверии двум воеводам, долгое время сидевшим в фактической осаде. Центр в итоге вынуждено смягчил административный произвол [1, с. 80–81].

В XVII в. в приенисейском крае получила развитие материальная и духовная культура. Красноярцы научились строить удобные для сурового края теплые дома с эффективным хозяйственным двором. По сравнению с европейской Россией енисейцы чаще использовали меховую одежду, ели больше дичи и рыбы, реже использовали глиняную посуду. Относительно больше здесь было грамотных и развитых людей, распространено книгочтение, знания в области географии краеведения. Местные жи-

тели знали и пели исторические народные песни, играли в шахматы и другие игры. О приенисейском крае и его особенностях, обычаях и нравах местного населения сообщали многие ученые и писатели того времени [3, с. 28–31].

Можно уверенно сделать вывод, что переселившиеся на Енисей в XVII в. русские люди пустили здесь прочные материальные и духовные корни, стали настоящими сибиряками во всех последующих поколениях.

Список литературы

1. Рогачев А.Г. История Красноярского края с древнейших времен до современности: культура, экономика, быт, право и особенности управления: учеб. пособие / Краснояр. гос. аграр. ун-т. Красноярск, 2015. 180 с.

2. Рогачев А.Г. Альтернативы российской модернизации: сибирский аспект (1917–1925) / Краснояр. гос. аграр. ун-т. 2-е изд., перераб и доп. Красноярск, 2008. 172 с.

3. Быконя Г.Ф. История Приенисейского края. XVII век – первая половина XIX в. Красноярск: Горница, 1997. 319 с.

МОНГОЛЬСКАЯ МИГРАЦИЯ В ИРАН В ПЕРИОД ЕГО ЗАВОЕВАНИЯ ХУЛАГУ-ХАНОМ И ПРАВЛЕНИЯ ХУЛАГИДОВ В «ДЖАМИ АТ-ТАВАРИХ» РАШИД АД-ДИНА (XIII-XIV ВВ.)

*Уметбаев Тимур Шамилевич,
Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия
kolbakty@mail.ru*

В настоящей статье рассмотрен вопрос монгольской миграции в Иран в период его завоеваний Хулагу-ханом и правления Хулагидов по материалам сборника летописей Рашид ад-Дина и других источников.

Ключевые слова: монголы, Хулагу, Рашид ад-Дин, Газан-хан

**MONGOLIAN MIGRATION TO IRAN IN THE PERIOD OF HIS CONQUEST
HULAGU-KHANOM AND THE RULE OF KHULAGIDOV
IN "JAMI AT-TAWARIKH" RASHID AD-DINA (XIII-XIV CENTURIES)**

*Umetbaev Timur Shamilevich,
Siberian Federal University, Krasnoyarsk
kolbakty@mail.ru*

This article examines the issue of Mongolian migration to Iran during the period of its conquest by Hulagu Khan and the reign of the Hulagid dynasty based on materials from the collection of chronicles of Rashid ad-Din and other sources.

Keywords: Mongolian, Hulagu, Rashid al-Din, Ghazan Khan

Первое монгольское нашествие на Иран началось еще в 1220 г. Тогда существенно пострадала область Хорасана. Последующие вторжения 1221–1222 гг., 1230–1231 гг., 1243 г. не были связаны с задачей непосредственного покорения Ираншахра, хотя этими походами и был нанесен определенный урон стране, а преследовали другие цели – Азербайджан, Грузию, государство Сельджукидов. Но часть Ирана оказалась в руках монголов. «В покоренных областях Восточного Ирана остались небольшие отряды завоевателей со своими семьями и скотом» [1, с. 181]. Впоследствии эти воины, по свидетельству хроники Вардана, по приказу Хулагу-хана переселились из ранее завоеванных пределов в пределы Румского султаната, а свое место освободили для вновь прибывших завоевателей [2, с. 10].

По восшествии Менгу-хана на престол, он принимал тазиков (персоязычное население), которые хотели занять должности. И принял Байджу-нойона, который жаловался на «еретиков» и «багдадского халифа» [3, с. 22].

И только в 1251 г. было принято решение на курултае в Каракоруме о совершении нового похода на запад в пределах Среднего и Ближнего Востока, который был поручен Хулагу-хану. «Общее количество войск по сообщению армянского историка XIII в. инока Магакии, доходило до 70 тыс.» [1, с. 186].

Менгу-хан определил Хулагу с левым крылом державы «в западные области Иранской земли, Сирию, Миср, Рум и Армению» [3, с. 22]. Правое крыло составил

Хубилай. В состав войска (левое крыло) Хулагу вошли корпуса Байджу и Чурмагуна, которые несли уже службу в Иране, а также корпус Даир-бахадур и Сали-нойона, который находился в Индии, и, кроме этого из всех дружин державы от каждого десятка для Хулагу выделялось по два человека (около 20 тысяч человек). Кроме этого, ему придавалась из Китая тысяча китайцев «каменетчиков, огнетчиков и арбалетчиков». Помимо этого, были приняты меры для тылового обеспечения армии Хулагу [3, с. 22]. По прибытии в Иран многие представители знати по призыву монголов поступили на службу к Хулагу [3, с. 25–26].

Сам поход начался в 1256 г. В ходе него были сокрушены низариты в северо-западном Иране и пал Багдад вместе с последним халифом Аббасидского времени. И только при Айн-Джалуте монголы были остановлены египетскими мамлюками. С этого момента монголам требовалось думать о том, как закрепить достигнутые завоевания, укорениться в новых для них областях некогда могущественного Ираншахра.

Внешнеполитическая ситуация для Хулагу осложнилась конфликтом с родственными Джучидами, у которых были свои претензии на ряд завоеванных Хулагу территорий. Эта война, констатирует хроника Каракоса Гандзакеци, продолжалась пять лет «от 710 г. (1261–1262) и по 715 г. (1266–1267) армянской эры» [4, с. 106]. С запада угрожали победители-мамлюки.

Не простой была и внутривосточная ситуация, о чем свидетельствует хроника Магакии – часть монгольских завоевателей не подчинилась Хулагу. И не признала, таким образом, верховное его назначение. В этой ситуации, ему удалось справиться с мятежом с участием грузинских и армянских войск [5].

Вопрос со строительством нового государства несколько затянулся, а покоренное монголами население рассматривалось почти исключительно как средство тылового обеспечения для ведения военных действий. Общее количество населения после военных действий в завоеванной стране составляло, по сведениям Вардана, около 1,5 миллионов человек [2, с. 45]. Поэтому затянулось и принятие ислама монголами, оказавшимися в Иране, на чем мне приходилось останавливаться в предыдущем выступлении на III Степановских чтениях.

После завоевательных войн требовалось решить вопрос о размещении монголов на новых территориях. В «Джами ат-таварих» Рашид ад-Дин констатирует, что «он пожаловал владения Ирак, Хорасан и Мазандеран до устья Джейхуна царевичу Абага-хану, который был его старшим и лучшим сыном. Арран и Азербайджан до [оборонительного] вала он передал Юшумуту. Диярраби'а до берегов Ефрата поручил эмиру Тудауну, Румские владения Му ин-ад-дину, Тебриз – мелику Садр-ад-дину, Керман – Туркан-хатун, а Фарс – эмиру Вангияну» [3, с. 61].

Аргун-хан воссел на престол в 1284 г. И он направил Джушкаба и Байду владеть в Багдаде и Диярбекре, Хуладжу и Гейхату – в Румское владение, а своего дядю Аджая направил в Грузию. Он поручил управление Хорасаном Мазандераном, Кумисом и Реем своему старшему сыну – Газану [3, с. 113–114].

К моменту воцарения Газан-хана страна находилась в неудовлетворительном положении из-за притеснений, «[чинимых] даругами, хакимами, битикчи и баскаками», что потребовало от ильхана принять меры по ужесточению административной системы контроля и управления, что, в частности, следует из наставления Рашид ад-Дина своему сыну Мухаммаду, назначенному эмиром Хорасана [6, с. 198–200].

Чтобы обеспечить монгольское войско постоянным доходом, и избавить его от необходимости его добывать, в период правления Газан-хана была проведена реформа, согласно которой в течение двух месяцев была определена икта (условное земель-

ное пожалование за службу) в районах от реки Амуйе до Мисра [3, с. 282]. Таким образом, территория расселения монголов оказалась очень обширной, т.е. от реки Амударьи до египетских владений на переднем Востоке в Сирии. Икта определялась за счет государственных и ханских земель, что снижало доходы в пользу самого хана.

Таким образом, окончательное расселение монголов, оставшихся в Ираншахре, состоялось в правление Газан-хана, спустя почти полвека после похода Хулагу-хана. Эта реформа привела к значительному распылению сил монголов на значительном пространстве земли, а в дальнейшем и их скорейшей утратой собственной идентичности. В некоторой степени, этим объясняется последующее скорое падение странные ильханов.

Список литературы

1. История Ирана с древнейших времен до конца 18 века / Н.В. Пигулевская [и др.]. Л.; М.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1958. 392 с.
2. История монголов по армянским источникам. Вып. 1. Вардан (пер. К.П. Патканова). СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1873. 108 с.
3. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 3. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 340 с.
4. История монголов по армянским источникам. Вып. 2. Киракос Гандзакети (пер. К. П. Патканова). СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1874. 148 с.
5. Инок Магакья. История народа стрелков (монголов) // Восточная литература. URL: <https://vostlit.info/Texts/rus10/Magakija/frametext.htm> (дата обращения: 23.04.2024).
6. Рашид ад-Дин. Переписка. М.: Наука, 1971. 499 с.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПЕРЕЕЗДА СТОЛЫПИНСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В ЕНИСЕЙСКУЮ ГУБЕРНИЮ

*Гринь Ольга Викторовна, старший научный сотрудник
научно-экспозиционного отдела
Историко-этнографического музея-заповедника «Шушенское»
grin.olga2011@yandex.ru*

Основное внимание в статье уделяется трудностям и противоречиям в проведении столыпинского переселения крестьян, их переезде на новых местах жительства Енисейской губернии. Раскрывается государственная политика по переселению в Сибирь, показываются места расселения переселенцев, прослеживается динамика народонаселения с учетом изменения его этнического состава.

Ключевые слова: массовое переселение, крестьянство, аграрные миграции, Столыпинские реформы, экономическое районирование, Сибирь

ORGANISATION OF MOVING STOLYPIN'S SETTLERS TO YENISEI PROVINCE

*Grin Olga Viktorovna, Senior researcher of the scientific-exposition department
Historical and Ethnographic Museum-Reserve 'Shushenskoye'
grin.olga2011@yandex.ru*

The article focuses on the difficulties and contradictions in carrying out the Stolypin resettlement of peasants and their relocation to new places of residence in the Yenisei province. The state policy of resettlement to Siberia is revealed, the places of resettlement of migrants are shown, the dynamics of the population is traced, taking into account the change in its ethnic composition.

Keywords: mass resettlement, peasantry, agrarian migrations, Stolypin reforms, economic zoning, Siberia

В Российской империи массовое переселение крестьян произошло в начале XX в. Активное переселение крестьян из Европейской России в Сибирь происходило еще после отмены крепостного права в 1861 г., но большего расцвета переселенческое дело получило в период аграрной реформы П. А. Столыпина. Увеличение населения проходило путем естественного прироста, т.е. рождаемости, а также с помощью переселенцев, поселенцев, в том числе и ссыльных. В Сибири переселенцы обзаводились семьями, хозяйством и со временем становились старожилами [1, с. 18]. Состав был многонационален: русские, украинцы, белорусы, татары, мордва, поляки, эстонцы, латыши, финны, немцы, евреи, представители других национальностей [2, с. 86].

Заселение Сибири в XIX в. проходило в 2 этапа, которые значительно были разными. На первом этапе в начале XIX века большинство переселенцев были мастеровые люди, ремесленники, крестьяне среднего достатка. Свободной земли было много, и поэтому старожилы нуждались в лишних рабочих руках. Наемный труд оплачивался хорошо – 50–60 копеек в день. Это были неплохие деньги. Причисление к

обществу стоило немного – 3 рубля, чего было достаточно, чтобы угостить общество. Проработав 2–3 года можно было купить небольшой дом, скот, орудия труда и транспортные средства. Через 10–15 лет материальное благосостояние переселенца мало чем отличалось от благосостояния старожила. В конце XIX в. картина резко меняется.

Переселение приобретает массовый характер. Связано это явление прежде всего с тем, что хотя крестьян освободили от крепостной зависимости, но оставили без земли [16, с. 129]. Также этому способствовали неурожайные года в европейской части – отсюда голод, и заинтересованность правительства. Крестьян привлекали и льготы, утвержденные Царским правительством. Это:

1) бесплатный проезд по железной дороге, которая уже функционировала с 90-х гг. XIX в.;

2) освобождение от налогов и податей на три года;

3) освобождение от рекрутчины [12, с. 120].

С началом столыпинской реформы руководство Российской империи стремилось в результате решить ряд проблем:

– снять аграрное перенаселение в Европейской части России;

– увеличить количество русского населения на национальных окраинах Российской империи;

– освоить необжитые территории Российской империи: Сибирь и Дальний Восток [8, с. 397].

Переселенческое дело активно сопровождалось деятельностью массовой пропагандой переселенческой администрации. Были учреждены должности, которые занимались процессом переселения крестьян в Енисейскую губернию. В задачи администрации по переселению также входила выдача разрешений на переселение [10, с. 15].

Для знакомства переселенцев с Енисейской губернией были распространены брошюры: «Краткое описание Енисейской губернии для переселенцев и ходоков», «Справочная книжка для переселенцев и ходоков» с описанием Енисейской губернии. Помимо того, переселенцы и ходоки получали необходимые документы удостоверяющие личность. По этим документам они получали возможность на бесплатный проезд по определенному тарифу [12, с. 206].

В условиях подготовки аграрной реформы переселенческое дело было направлено в управление землеустройства и земледелия. На территории Енисейской губернии реформа шла в направлении переселения и расширения общины. Здесь образовался переселенческий округ, который возглавил начальник переселенческих дел губернатор В.Ф. Давыдов. В округах было образовано 14 переселенческих округов, в том числе 129 волостей и 4 «инородческой управы», населенных хакасами. В 1906 г. в губернии был создан Отдел переселения и землеустройства, который возглавил Ю.В. Григорьев [3, с. 37].

Для проживания на вновь образованных переселенческих участках реформа П. А. Столыпина создала новейшую систему мер по переселению крестьян [14, с. 190]. Важным этапом в данной реформе получило строительство Транссибирской магистрали. До строительства железной дороги в Сибирь, путь к новому месту проживания был достаточно непростым. Переселенцы шли по 50 км в день большими группами от 30 до 90 семей [16, с. 19].

У большинства переселенцев не было лошадей, они были безлошадными. Крестьяне, отправляясь к месту поселения, брали с собой имущество, только самое необходимое. Российское правительство всячески пыталось облегчить условия переселения мигрантов в Сибирь. С назначением П.А. Столыпина премьер-министром он сра-

зу же приступил к изменению в системе перевозки переселенцев. С этой целью в 1906 г. появились села, которые охватывали большую территорию Сибири. В каждом из этих округов были свои чиновники по переселенческому делу из Челябинска и Иркутска. Переселенческому отделению было поручено движение по Сибирской железной дороге от Челябинска до Иркутска и по основным сибирским рекам [13, с. 388].

В 1906 г. число переселенцев в Восточной Сибири достигло 135274 человек. Переселенцы прибыли из разных губерний и на первом месте были: Полтавская, Курская, Черниговская, Воронежская, Могилевская, Харьковская, Орловская. Наиболее густонаселенными районами Енисейской губернии являлись: Канский, Минусинский, Красноярский, Ачинский [13, с. 22].

Для перевозки такого большого количества крестьян в Енисейскую губернию, пришлось разрешить ряд транспортных проблем. Осенью 1907 г. состоялось межведомственное совещание по вопросам переселенческого дела, на котором было предложено утвердить порядок перевозки поселенцев главному управлению землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ). ГУЗиЗ также занималась транспортным планированием в переселении крестьян на специально оборудованные участки.

Случалось, что переселенческие чиновники отправляли крестьян на уже занятые участки или в места, где не было свободной земли. Железная дорога не всегда могла решить вопросы по перевозке большого количества переселяющихся крестьян. Между тем по Сибирской железной дороге за полгода 1906 г. перевезли 250 тысяч переселяющихся крестьян [9, с. 26].

По данным статистики по Енисейской губернии за 1906-1917 годы большинство крестьян переселилось в Минусинский уезд. Более того, в другие годы земли не хватало даже для поселения. Согласно истории Джанаевского переселенческого пункта, основанного в 1908 году в Минусинском уезде Енисейской губернии, сюда приехали крестьяне из Полтавской губернии. Среди переселенцев были семьи: Коляда, Крицкие, Голота, Кужим и другие [7, л. 168].

В своих воспоминаниях переселенец Кужим рассказывает: «В Красноярск мы ехали в товарных вагонах. Путешествие было трудным и мучительным, особенно для детей. Вагоны были полностью переполнены, душные и жаркие днем и невыносимо холодные ночью. Многие дети остались похороненными вдоль Сибирской железной дороги [5, с. 3].

Чтобы решить ряд вопросов по перевозке переселенцев комиссия Госдумы приняла решение о замене грузовых вагонов на специализированные. Дума уже в начале 1908 г. выделила на строительство вагонов нового типа III-IV классов 50000 руб. Таким образом, произошла замена грузовых вагонов на специализированные утепленные вагоны для перевозки переселенцев [11, с. 42].

Совет Министров в марте 1908 г. рассмотрел предложение Думы и постановил: рассматривать вопрос о строительстве переселенческих вагонов, как вопрос бюджетный и весьма важный. За два года строительства вагонов с 1908 по 1909 гг. заводам Министерство путей сообщения выдало большую сумму денег. С 1911 по 1913 г. число новых вагонов увеличилось в несколько раз и тем самым улучшило ситуацию с перевозкой переселенцев [13, с. 186].

Столыпин считал необходимостью улучшать условия транспортировки переселенцев и создавать лучшие условия их адаптации в местах проживания. В результате мероприятий, которые были приурочены к аграрной реформе Столыпина увеличился поток переселенцев в Сибирь. Переселенческое управление, так же обеспечивает в процессе перевозки: кухней, прачечной и бесплатно кормит детей до 10 лет. Для пе-

реселенцев также создавались нормальные медицинские условия на пути следования. Хотя в пути часто случались и эпидемии холеры, тифа, но уже к 1908 г. случаев например эпидемий холеры у переселенцев не было выявлено. В 1909 г. в поезде, который перевозил переселенцев в Енисейскую губернию, было выявлено три случая холеры, но эпидемия не распространилась на всех пассажиров и была предотвращена [15, с.20].

Большинство переселенцев для перевозок предпочитало железнодорожный транспорт. Столыпин так же участвовал в разработке мер, которые сокращали потери при транспортировке переселяющихся крестьян. Решение было в замене не только тарифных ставок, но и всего порядка использования этих льгот. Все эти мероприятия касались не только людей, но и перевозки багажа.

В переселении крестьян в Сибирь использовался так же и водный транспорт. Такой транспорт практиковался в большей степени в районе между Омском и Иркутском. Передвижение важного транспорта осуществлялось на реках Тура, Тобол, Обь, Енисей и их притоках. Вместе с тем перевозка переселенцев была в руках частных лиц, которые имели собственную флотилию и баржи. Случались перевозки крестьян в 1907 г., когда железнодорожный транспорт не справлялся с потоком переезжающих людей в Сибирь и начальник переселенческого отдела Г.В. Глинка поднял вопрос о предоставлении переселенцам нужного количества барж и судов [13, с. 187].

Переселенческое управление, поэтому заключило с владельцами водного транспорта договор по перевозке переселяющихся крестьян с завышенными издержками. Большинство частных судоходных организаций нарушали установленные контракты и договора. Они вместо судов и пароходов перевозили переселенцев на непригодных для перевозки баржах. Переселенцев, как в тюрьме не пускали на палубу и перевозили как скот в нижнем трюме. Организаторы перевозок брали с переселенцев сборы в несколько раз которые превышали стоимости льготных билетов. Такие ссуды могли даваться в выездных и промежуточных пунктах. Например, чтобы проплыть по реки Енисей от Красноярска до Минусинска, необходимо было за взрослого члена переселенной семьи заплатить 2 рубля 80 копеек, за провоз 1 фунта багажа – 18 копеек, лошади – 5 рублей, части скота – 4 рубля и телеги – 5 рублей, всего 16 рублей 98 копеек. Примерно на такую же сумму обошлась дорога из Красноярска в Енисейск [13, с. 188].

Рассадка переселяющихся крестьян и погрузка багажа должна была осуществляться по договоренности с «Акционерным обществом пароходства по р. Енисей» в г. Красноярске на правом берегу Енисея. Эта погрузка происходила поблизости к железнодорожному мосту от переселенческого пункта на пристани.

Пароходы, которые направлялись в г. Минусинск и Енисейск отходили от переселенческого пункта не реже трех раз в неделю, а в г. Енисейск не реже двух. На этих судах можно было транспортировать не только людей, но и багаж, который везли переселенцы. Услуги погрузки, охраны и разгрузки грузов осуществляли сами пароходные компании «под ответственность». По окончании погрузки переселенцам выдавали квитанции, по которым они получали свой багаж. Перевозка поселенцев на речном транспорте приравнивалась к транспортировке пассажиров IV класса, дети 10 лет перевозились за половину цены, а дети 5 лет перевозились бесплатно. По бесплатному тарифу перевозили вещи переселенцев в размере два пуда на каждый билет. Пароходство по договору перевозило бедняков и их багаж при наличии переселенческого удостоверения, которое мог выдать начальник красноярского переселенческого пункта при условии небольшого количества бедняков.

Если водный транспорт не мог дойти до места назначения или г. Минусинска из-за мелководья, переселенцы имели права выгрузиться и добираться до назначенного пункта, если у данного судна была возможность высадки. В случае если переселяющиеся крестьяне не могли ждать следующего судна им могли вернуть биле и квитанцию.

В путь каждую группу крестьян должен был сопровождать медицинский работник Переселенческого управления. Этому работнику пароходство предоставляла права на проезд II классом. Медицинский работник так же имел право получать питание в пути следования судна с 50 % скидкой.

На баржах и судах должны были работать санитарные комнаты, которые отвечали нормам изолированного пространства. Персоналу судно также приходилось весь рейс регулярно проводить медицинские осмотры переселяющихся крестьян и команды судна. Если выявлялись на судне больной медицинский персонал, то ему предоставлялось возможность покупать продукты по сниженным ценам в буфетах судна. Переселенцам же разрешалось на бесплатной основе использовать кипяток в необходимом им количестве. Если оценивать работу водного транспорта, то условия, которые были созданы для переселяющихся крестьян, были намного хуже, чем в железнодорожных вагонах, которые в народе называли «столыпинские». Ситуации в этой сфере складывалась таким образом, что царские власти могли хоть немного контролировать действие железнодорожного транспорта в отличие от водного. Власти практически не подвергали контролю частные дороги и судоходное движение по сибирским рекам. Все нарушения, которые происходили в моменты перевозки людей, не контролировались законами Российской империи. Эти проблемы рассматривали на заседаниях различных комиссий, но ежегодно появлялись пожелания по улучшению перевозки водным транспортом [13, с. 189].

Руководство П.А. Столыпина было обязано признать, что условия перевозки ужасные, а транспорт ветхий и в большей степени изношен на 70 %. Так же комиссией было выявлено, что баржи переселенцам приходится ждать очень долго и иногда под открытым небом. Контракты, которые заключаются Переселенческим управлением с частными судоходными компаниями на перевозку переселенцев и их багажа не всегда соблюдались или выполнялись в полном объеме. Были предложения Переселенческому управлению создать свою речную флотилию и иметь свои пароходы и баржи по транспортировке переселяющихся крестьян. Это объяснялось тем, что необходимо развивать эту сферу Переселенческим управлением, но усложнялось все тем, что у переселенческих чиновников и так много важных и разнообразных задач [15, с. 11].

П.А. Столыпин и его ведомство считало, что сфера перевозок речным и железнодорожным путем требует особо большого вложения денежных средств из казны на развитие этого направления. Чиновники Переселенческого управления не стремились решить вопрос по строительству пароходов для нужд переселения, а продолжить сотрудничество с частными судоходными компаниями. П.А. Столыпин хотел заключать долгосрочные договора с частными компаниями по перевозкам людей. При этом он не хотел забывать и о необходимых удобствах по случаю транспортировки переселяющихся крестьян. Так необходимо было создать условия необходимые для предпринимателей, чтобы перевозки стали не только комфортными для людей, но и рентабельными в соответствии с необходимой сметой [15, с. 12].

Реформатор также считал, что необходимо развивать частное и государственное пароходство в Сибири. Он говорил о том, что большие реки в Сибири очень даже

подходят для перевозки переселяющихся крестьян и эти перевозки должны быть дешевыми и доступными для простых людей.

П.А. Столыпин предполагал, что необходимо правильно организовать судоходство в Сибири и поэтому на эти нужды не нужно жалеть денежных средств. Но отречение П.А. Столыпина от вопроса создания флота для перевозки переселенцев был, конечно же, большой ошибкой. Хороший флот мог помочь облегчить перевозку крестьян переселяющихся в новое место жительства. Мнение реформатора о том, что переселенческие чиновники не в коем разе не должны заниматься организацией постройки железных дорог и речного флота, не очень обосновано. Если рассматривать положительные стороны аграрной реформы, то можно отметить масштаб, которого достигло строительство дорог, мостов.

В 1906–1913 гг. переселенческое движение в Енисейскую губернию резко возросло в несколько раз. Так к примеру с 1906 по 1916 г. количество водворившихся переселенцев к концу реформы составило 131 185 чел.

В 1908 г. бедны переселенцы стали активно переселяться, в Енисейскую губернию. Чтобы устроить большое количество переселяющихся людей на местах в Енисейской губернии были созданы современные переселенческие пункты: Шушенский, Минусинский, Большемуртинский Долгомостовский, Больше-Улуйский, Сольбинский, Сорокинский. По мнению начальника переселенческого и земельного управления В.Ю. Григорьев, созданные переселенческие комплексы не отвечали большинству требованиям [6, с. 15].

В Енисейской губернии с 1890 по 1914 г. Переселенческое управление зафиксировало более 3000 участков, которые находились в Канском, Ачинском, Красноярском и Минусинском уезде [3, с. 39].

Если рассматривать районы расселения переселяющихся крестьян, то можно указать почти всю Енисейскую губернию. Главными уездами для расселения стали Ачинский и Минусинский. На переселенческих участках этих уездов и была самая большая плотность заселения.

Таким образом переселение осуществлялось в основном всеми видами транспорта, в основном железным транспортом. Организация переселенческого движения поначалу оставляла желать лучшего. Данная организация должна была обеспечить переселенцев горячим питанием на крупных станциях, оказать им медицинскую помощь в пути, а также обеспечить их размещением в бараках на время пребывания перед отправкой в свои районы. Поезда с иммигрантами изначально состояли из отапливаемых вагонов с двухъярусными койками. Все эти меры улучшали условия переезда, но были недостаточны для обеспечения комфортного переезда в Енисейскую губернию.

Список литературы

1. Аврех А.Я. П.А. Столыпин и судьбы реформ в России. М.: Политиздат, 1991. 286 с.
2. Аграрные преобразования и сельское хозяйство Сибири в XX веке. Очерки истории. Новосибирск, 2008. 307 с.
3. Баранцева Н.А. Переселение в Енисейскую губернию во второй половине XIX – начала XX века: этносоциальные и демографические аспекты // Вестник Челябинского государственного университета. История. 2009. № 176. С. 37.
4. Василевский Е.Г. Идеиная борьба вокруг столыпинской аграрной реформы. М., 1960. 228 с.

5. Ганжа И. Селу Кирово – 80 лет // Сельская правда. 1989. № 12. С. 3.
6. Григорьев В.Ю. Перемены в условиях экономической жизни населения Сибири. Красноярск, 1904. 02 с.
7. МКУ «АГМ» Ф. 54. Оп. 2. Д. 52.
8. Мухаев Р.Т. История государственного управления в России: учеб. для вузов . 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2023. 397 с.
9. Начальник Сибирской железной дороги о положении переселенцев // Сибирские вопросы. 1907. № 27. С. 26.
10. Переселение и землеустройство за Уралом ... [по годам]: (отчет о работах Переселенческого управления ...) / Переселенч. упр. Гл. упр. землеустройства и земледелия. СПб., 1911. 325 с.
11. Ремнев А.В. Комитет Сибирской железной дороги в воспоминаниях А.Н. Куломзина // Политика царизма в Сибири в конце XIX – начале XX вв. Иркутск, 1987. С. 42–57.
12. Сидельников С.М. Аграрная политика самодержавия в период империализма. М., 1980. 256 с.
13. Складов Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. 588 с.
14. Степанов В.Л., Н.Х. Бунге: Судьба реформатора. М.: РОССПЭН, 1998. 398 с.
15. Столыпин П.А., Кривошеин, А.В. Записка Председателя Совета министров и Главноуправляющего землеустройством и земледелием по поездке в Сибирь и Поволжье в 1910 г. СПб., 1910. 168 с.
16. Ямзин И.Л., Вошинин В.П. Учение о колонизации и переселениях. М.: Госиздат, 1926. 328 с.

МИГРАЦИЯ ВЫПУСКНИКОВ ШКОЛ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ В 1952–1963 ГОДАХ ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «КРАСНОЯРСКИЙ РАБОЧИЙ»

Колмогорова Анастасия Михайловна,

*Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
aseva2014@mail.ru*

В статье проанализированы объявления за 1952-1963 года для выпускников начальной, основной и средней школы, размещенные в ключевой региональной газете «Красноярский рабочий». Указаны рекламодатели, основные направления для возможной миграции внутри субъекта. Даны объяснения изменению количественных показателей объявлений.

Ключевые слова: Красноярский рабочий, советская школа, Красноярский край, школа в Оттепель, миграция школьников, миграция выпускников, миграция в Оттепель

MIGRATION OF SCHOOL LEAVERS OF KRASNOYARSK KRAI IN 1952–1963 BASED ON THE MATERIALS OF THE NEWSPAPER «KRASNOYARSKIY RABOCHIY»

Kolmogorova Anastasia Mikhailovna,

*Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk
kaseva2014@mail.ru*

The article analyses the advertisements for 1952-1963 for graduates of primary, basic and secondary schools placed in the key regional newspaper 'Krasnoyarskiy Rabochiy'. The advertisers, the main directions for possible migration within the subject are indicated. Explanations are given for the changes in the quantitative indicators of the adverts.

Keywords: Krasnoyarskiy Rabochiy, soviet school, Krasnoyarsk Krai, school in the Thaw, migration of schoolchildren, migration of school leavers, migration in the Thaw

В эпоху Хрущева в Красноярском крае доля городских жителей превысила долю жителей села. Внутренняя миграция, ускорение темпов урбанизации вели регион к заветной цели – индустриализации. Безусловно, новые фабрики и заводы требовали все большее количество рабочих рук, особенно рук молодых. Но, в отличие от индустриализации 1930х требовалась уже не просто физическая сила для рытья котлованов, требовались как минимум базовые знания и умения. Также в связи с введением сложных технических процессов на производствах растет спрос на людей с высшим или средним техническим образованием. В связи с этим в потоке молодежи, устремившейся из села в город, растет доля вчерашних школьников, которые едут не на заработки, а для поступления в техникумы, колледжи, университеты.

В то время уже существовал справочник для школьников об учебных заведениях РСФСР как общереспубликанских, так и региональных. Однако его выпуски различались объемами год от года и не всегда доходили до малых населенных пунктов. Тем не менее, наиболее актуальна информация по учебным заведениям субъекта (и не только его) традиционно печаталась в местной прессе. Региональной газетой с наи-

большими тиражами в Красноярском крае являлась газета «Красноярский рабочий», которая существует и ныне[1]. Уже в конце марта появлялись первые редкие объявления о наборе в студенты какого-либо учебного заведения, чаще всего это касалось заочной формы обучения[2, с. 2]. Начиная с 1955 г. в последних майских выпусках, практических всех июньских и большей части июльских на последней четвертой странице размещались объявления от вузов и ссузов как Красноярского края, так и других регионов страны. Так, например, в 1957 г. разместили объявление о наборе рижские учебные заведения и киевское летное училище, в 1956 г. – Свердловский юридический институт [3, с. 2], в 1960 – Дальневосточное мореходное училище (г. Владивосток) [4, с. 2]. Объявления же Новосибирского, Томского, Иркутского и других государственных университетов, кемеровских и алтайских техникумов встречаются регулярно. Ежегодно в одном из последних майских или первых июньских выпусков Красраба (именно так называют газету «Красноярский рабочий» жители региона) полный газетный лист отдавался под рубрику «Куда пойти учиться».

Сеть учебных заведений Красноярского края была гораздо шире ныне существующей. В ходе анализа объявлений выявлены следующие населенные пункты, в которых размещались образовательные учреждения высшего, среднего и начального профессионального образования: Красноярск, Березовка, Канск, Ачинск, Енисейск, Абакан, Рыбинское, Маклаково (Енисейский район), Шушенское, Боготол, Иланское, Предвидинск (Большемуртинский район), Черногорск, Минусинск, Туруханск, Норильск.

Если говорить о количественных показателях, то можно проследить изменение количества страниц, на которых размещались объявления, и количество самих объявлений (табл.). Увеличение числа страниц не находится в прямой зависимости от количества объявлений. Хотя начиная с 1960 г. рубрика «Куда пойти учиться» начинает выходить в двух номерах подряд. Что свидетельствует либо о популярности данной рубрики у читателей, либо о запросе со стороны учебных заведений на размещение рекламы. Второй вариант более вероятен, так как именно в этот период количество учебных заведений в Красноярском крае начинает приближаться к своему максимуму. Открыто большинство университетов и институтов, техникумов и колледжей. Так в 1955 г. видно увеличение количества страниц, на которых появлялись объявления для абитуриентов, однако количество самих объявлений сократилось. А в 1959 г. можно наблюдать обратную ситуацию, при приросте количества объявлений видно сокращение числа страниц на треть. Неожиданно большие показатели 1953 г. (на уровне 1960х) объясняются постоянно повторяющейся рекламой педагогических (в особенности красноярского и ачинского) и лесотехнического институтов, педагогических училищ. Активное размещение объявлений педагогических учебных заведений можно объяснить тем, что в 1952 г. на XIX съезде КПСС фактически была начата реформа школьного образования, задан вектор на политехнизацию. Началось повсеместное строительство школ, разукрупнение классов (вместо 42 человек постепенный переход к 35, а затем и 30 ученикам в классе), кроме того в школу пошли дети рожденные в 1945–1946 гг., это был первый бейби-бумовский год в СССР. В связи с этим в школах стали требоваться дополнительные педагогические кадры.

**Количественные показатели объявлений в газете
«Красноярский рабочий» для абитуриентов в 1952–1963 гг. [5]**

Года	1952	1953	1954	1955	1956	1957	1958	1959	1960	1961	1962	1963
Разворотов	5	15	9	16	13	16	14	9	25	19	22	16
Всего объявлений	37	58	44	38	40	32	38	42	66	58	73	79
ВПО	10	17	14	9	15	8	14	15	19	16	15	18
СПО	24	37	25	28	25	21	21	24	46	38	49	54
НПО	3	4	5	1	0	3	3	3	1	4	9	7

Однако при растущем спросе на учителей остальные отрасли народного хозяйства не отстают в запросах на молодые рабочие руки. Если рассматривать объявления от средне-профессиональных образовательных учреждений, то там представлены многие отрасли промышленности. Это и геодезия, и радиотехника, и металлургия, и электрогазосварочные работы, и медицина, и пищевое производство и многое другое.

В ходе сравнительного анализа показателей по 3 уровням образования было выяснено, что количественные показатели объявлений высших и средне профессиональных учебных заведений демонстрируют одинаковые тенденции на протяжении 1950х годов. Лишь в 1956 и 1958 гг. тренды показали разное направление: рост у ВО, снижение у СПО (рис. 1).

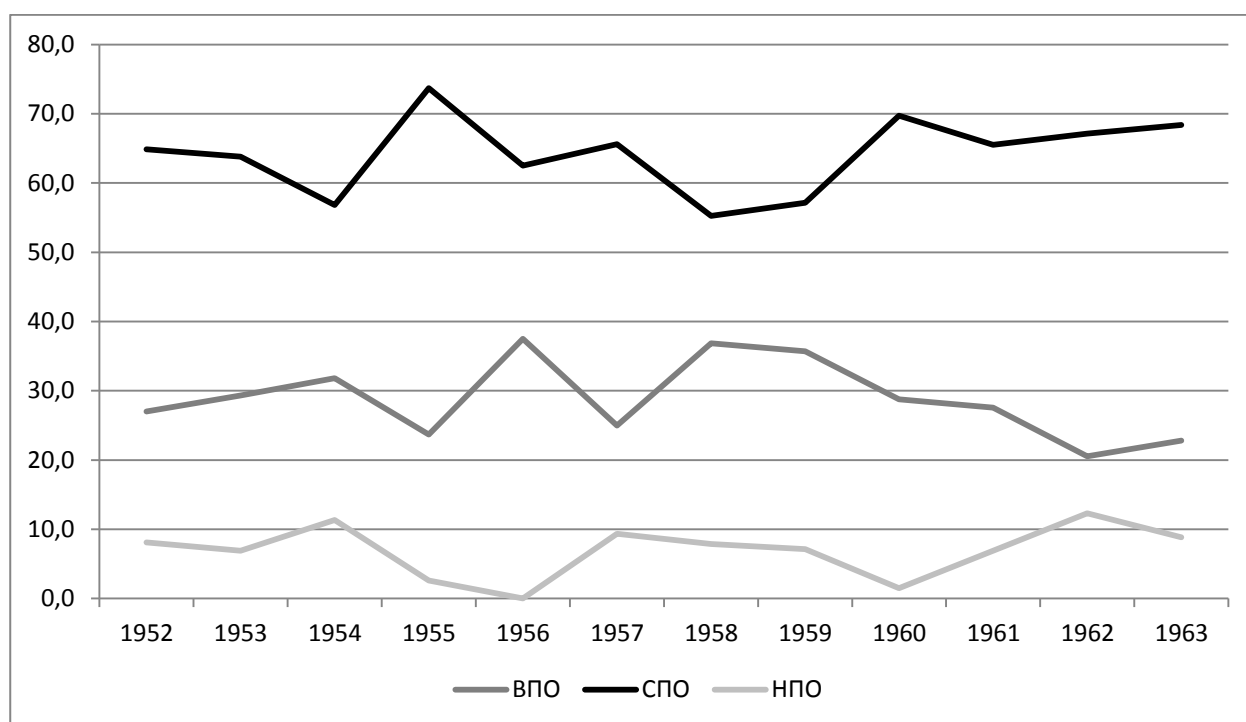

**Рисунок 1 – Доля объявлений по уровням обучений
в газете Красноярский рабочий в 1952–1963 гг. [5]**

Изменения количества рекламы начально-профессиональных учебных заведений – не коррелируется ни с первым, ни со вторым показателями. К тому же, процентный прирост или падение между годами по объявлениям ВО и СПО учреждений

схожи, то даже если НПО-реклама демонстрирует аналогичную тенденцию, то проценты изменений полностью отличны. Кроме того, в 1955 и 1956 гг. в газете Красноярский рабочий встречается только 1 и 0 объявлений соответственно. Данное явление требует дополнительного изучения для выявления причин столь сильного расхождения трендов. Сейчас можно лишь предположить, что это может быть связано с повышением спроса на рабочих, уже имеющих знания, умения и навыки, а также переносом обучения первичным навыкам выпускников школ непосредственно на фабрики и заводы, что привело к сокращению различных школ и ФЗУ. Последний довод подтверждается появлением объявлений об открытии курсов обучения при заводах.

В конце исследуемого периода (1961, 1962 гг.) кроме объявлений о приеме на обучение (в очной, вечерней и заочной форме) стали появляться объявления о подготовительных курсах [6, с. 2]. Выделить какую-либо тенденцию не удалось, так как объявления носят одиночный характер, не связаны с какой-либо отраслью, не привязаны к уровню учебного заведения и представляют разные города Красноярского края. Можно вести речь о появлении спроса на данную услугу среди абитуриентов, что позволяет сделать вывод о повышении конкурса в учебные заведения края. Данный вывод подтверждается достижением возраста выпускника учеников, рожденных в первый послевоенный год бейби-бума, а также окончанием школы людей, прервавших свое образование и получивших аттестат средней или общей школы в более взрослом возрасте.

К 1963 г. объявлений о приеме в учебные заведения становится много, красноярских школьников ждут и на Дальнем Востоке, и в европейской части России, и на Кубани, и в столичных вузах, конечно, речь не идет о вузах первой величины (МГУ, ЛГУ, МГТУ и другие).

В итоге проведя исследование газеты «Красноярский рабочий» и представленных в них объявлениях от учебных заведений СССР, можно говорить о том, что возможности миграции выпускников школ Красноярского края расширяются. Если в первые года исследуемого периода реклама по началу приема абитуриентов представлена в основном организациями региона и лишь эпизодически встречаются учебные заведения соседних регионов (Новосибирск, Иркутск), то в 1960-е гг. половина объявлений предлагает школьнику покинуть Красноярский край, а половина из них предлагает переселиться более чем на 2 000 км от родного дома.

Список литературы

1. Красноярский рабочий. О нас. Красраб. URL: <https://krasrab.ru/o-nas> (дата обращения: 22.09.2024).
2. Красноярский рабочий. 962. 28 марта. № 75 (12871).
3. Красноярский рабочий. 956. 5 мая. № 108 (10750).
4. Красноярский рабочий. 1960. 3 июня. № 131 (12310).
5. Красноярский рабочий. 1956–1963. № 9718-13353.
6. Красноярский рабочий. 1962. 18 января. № 15 (12811).

ВОЗМОЖНОСТИ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ДРЕВНЕЙ СИБИРИ НА ПРИМЕРЕ БУРИШЕЙ

*Баканова Марина Владимировна,
ICMC Dua Hospital, Islamabad, Pakistan
mari-ina@mail.ru*

В настоящее время можно считать подтвержденными крупные миграции населения в зоне от Южной Сибири до Гималаев и Тибета в направлении Север-Юг и обратно, так же как и заселенность Высокогорья Азии в различные периоды истории представителями различных групп народов. Родоначальники буришей – народа изолята долины Хунза с большой долей вероятности могли прийти из Южной Сибири или верховий Енисея, смешавшись уже на месте дополнительно с местными жителями, проникнувшими на территории долины в более древние времена. При этом – в дальнейшем формирование народа буришей продолжилось путем контактов с соседними народами, а также – весьма удаленными, связанными в рамках Великого Шелкового пути. Язык бурушаски имеет сложную структуру и в настоящий момент определяется как язык изолят, тем не менее – наиболее древняя грамматическая часть более всего соответствует енисейским языкам (и современному – кетскому), но имеются и довольно крупные заимствования. Генетические исследования выявляют связь между такими географически удаленными народами как буриши, карасукцы и кеты. Продолжение исследования буришей необходимо как в рамках установления принадлежности и истории народа, так и в рамках изучения древних миграций на «Крыше мира» и связям внутри региона Высокогорной Азии.

Ключевые слова: буриши, бурушаски, карасукцы, кеты, Хунза, Южная Сибирь, генетика, антропология, этнология

POSSIBILITIES OF MIGRATION PROCESSES IN ANCIENT SIBERIA ON THE EXAMPLE OF THE BURISHI

*Bakanova Marina Vladimirovna,
ICMC Dua Hospital, Islamabad, Pakista
mari-ina@mail.ru*

At the present time, large migrations of the population in the area from Southern Siberia to the Himalayas and Tibet in the North-South direction and back can be considered confirmed. As well as the settlement of the Asian Highlands in different periods of history by representatives of different groups of peoples. The ancestors of the Burusho (Brusho, Botraj), the people of the isolate of the Hunza Valley, with a high degree of probability could have come from Southern Siberia or the upper reaches of the Yenisei, mixing already on the spot additionally with local residents who penetrated the territory of the valley in more ancient times. At the same time, the formation of the Burusho people continued

through contacts with neighboring peoples, as well as very distant ones, connected within the framework of the Great Silk Road. The Burushaski language has a complex structure and is currently defined as an isolate language, however, the most ancient grammatical part most closely corresponds to the Yeniseian languages (and the modern Ket), but there are also quite large borrowings. Genetic studies reveal a connection between such geographically distant peoples as the Burusho, Karasuk and Kets. Continuation of the study of the Burusho is necessary both in the context of establishing the identity and history of the people, and in the context of studying ancient migrations on the "Roof of the World" and connections within the region of Highland Asia.

Keywords: Burusho, Burushaski, Karasuks, Kets, Hunza valley, Southern Siberia, genetics, anthropology, ethnology

Буриши (буришки, бурушаски, вершики, хунза, хунзакуты) – народ Гилгит-Балтистана, северо-восточных территорий современного Пакистана. [1] Крупные группы буришей проживают в Ясине, Хунзе, Нагаре, в мелких поселениях речных долин Гилгит-Балтистана, имеются также сообщения о группе в 350 человек, проживающих на индийской территории Кашмира (в Батамалу и в Ботрадж-Мохалле, что к юго-востоку от Хари Парбат). В настоящее время доподлинно не установлено его происхождение. Ряд исследователей полагает, что родиной буришей является Южная Сибирь, а точнее – верхнее течение Енисея. Сами хунзакуты склонны утверждать, что они потомки армии Александра Македонского, но эта легенда присутствует в преданиях большей части горных племен Гималаев и Гиндукуша [2].

Этнографический аспект

Существует вероятность того, что современные территории Хунзы были заселены еще в древности во времена существования Мехргарха или Хараппской цивилизации, на удобном перекрестке торговых путей, соединявших Сибирь, Алтай, Китай с Южной Азией. Сложность вопроса здесь, скорее всего, в том, было ли заселение постоянным, которое позднее включило в себя новые народы, или же на определенном этапе население вымерло (например, в череду суровых зим) или же ушло, соответственно – заселение проходило заново, новыми народами. В последнее время язык буришей пытаются связать с языком единственного дравидского народа на территории Пакистана – брагуями, но особых подвижек в данном направлении нет. Археологические находки в соседнем с Гилгит-Балтистаном Кашмире (индийская зона контроля) в виде петроглифов, в том числе: петроглифов, специфичных для кыргызского наследия, наводит на мысль о том, что «Крыша мира» никогда не была недоступной для окружающих народов и перемещения по горным перевалам Гиндукуша, Гималаев и Памира шли постоянно и в различных направлениях. Предположительно, аналогичные кашмиро-кыргызским петроглифам имеются и на территории Гилгит-Балтистана. Для четких утверждений собранного материала на данный момент недостаточно, но предположительно указанный горный регион был неким центром горных миграций между верховьями Енисея, Алтаем, восточным Казахстаном, Кыргызстаном, Ваханом, Гилгит-Балтистаном, Синьцзяном и Кашмиром с началом формирования в 3–2 тыс. до н. э. [3]. За данными выводами стоят вполне серьезные исследования новоси-

бирских ученых и их индийских коллег, которые и обнаружили в Кашмире петроглифы в так называемом битреугольном стиле и изображения людей в грибовидных головных уборах, ранее считавшиеся характерными только для территории востока Центральной Азии и Южной Сибири [4].

Доисторические миграционные процессы отличались малой скоростью и необходимостью формирования «опорных баз», которые служили прибежищами в длинные, холодные зимы, когда ледники сковывали перевалы. Соответственно, долина Хунзы с независимыми источниками воды, летним благоприятным климатом и возможностью выхода на несколько разнонаправленных перевалов могла изначально использоваться как временная стоянка при миграционных перемещениях с Севера на Юг и обратно. Хотя нельзя полностью исключить и такой вариант как: заселение ее во времена древних миграций, возможно – неоднократное, связанное с вымиранием или уходом населения в экстремально суровые зимы. Что же это дает? Вероятность того, что некая группа людей, изначально проживающая в верховьях Енисея, вполне была способная мигрировать в долину Хунзы и закрепиться в ней самостоятельно, либо – смешавшись с имеющимся местным населением. Эта версия вполне укладывается в рамки происхождения языка бурушаски от енисейских языков, выдвинутую Жоржем ван Дрием (Driem) и детально разработанную и обоснованную Сергеем Старостиным [5]. Она указывает на сильное сходство в глагольной морфологии, в особенности в личных префиксах, между бурушаски и енисейскими языками (в частности с сохранившимся кетским языком). На этом основании ученый утверждает о существовании некой гипотетической семьи «карасук», включавшей бурушаски и енисейские языки, и связывает ее с археологической культурой Карасук, существовавшей примерно во 2 тыс. до н. э. [6]. Буриши могли выделиться из карасукской культуры еще в степях Евразии или уже после переселению к истокам Енисея, переселиться в долину реки Хунза (и возможно смешаться с местным населением), постепенно прирастая мигрантами как со стороны Китая (Синцзянь или более массовые миграции тибето-бирманцев), так и со стороны начавших постепенную миграцию ранних индоарийских переселенцев, сформировавших затем дардские народы. Собственно говоря, именно этим смешением может определяться и разнонаправленность определения языковой семьи бурушаски: многие века он впитывал наследие разных языков, оставляя неизменной часть енисейской древней основы. Собственно буриши делят свое общество на четыре разных клана: Хурукуты (возможно связанные с населением Памирского плато – наиболее древний, с наибольшей степенью может быть родственным кетам и добуришскому населению Хунзы); Бурунг (возможно связанные с арийским населением Кашмира); Дирамитинг (возможно связанные с монголоидами Синцзяня) и Бараталинг (претендующие на македонское происхождение – от воинов армии Александра Македонского, во всяком случае – по их собственным легендам) [7, 8].

Молекулярная генетика и генеалогия

Загадка буришей, правда в основном связанная с из долголетием (к счастью – опровергнутая серьезными исследованиями) тревожила весь западный мир. В определенной мере именно с этим было связано проведение генетического исследования населения долины Хунза в начале XXI в., хотя оно, конечно, недостаточно и требует

расширения не только за счет анализа генетики буришей из удаленных деревень, но и усилий палеогенетиков. Согласно полученным данным, множество хунзакутов имело гаплогруппы Y-ДНК: R1a1 и R2a, которые связаны с индоевропейскими народами и миграцией бронзового века в Южную Азию с. 3000 г. до н.э. и, вероятно, возникли либо в Южной Азии, [9] Средней Азии, [10] либо в Иране и на Кавказе. [11] В других образцах были найдены два типично южноазиатских клона, гаплогруппа H1 и гаплогруппа L3 (определяемая мутацией SNP M20). Другие гаплогруппы Y-ДНК, которые весьма часто встречаются среди буришей – это гаплогруппа J2, связанная с распространением сельского хозяйства на Ближнем Востоке в неолите, и гаплогруппа C3 из Восточной Евразии, возможно связанная с переселением тюрков или монголов. С меньшей частотой были обнаружены гаплогруппы O3, также принадлежащие к мужской линии Восточной Евразии, и Q сибирского мужского происхождения, P, F и G [12]. Таким образом, мужские линии ДНК свидетельствуют о связях буришей с населением Южной Азии, Восточной и Южной Сибири, Памиром (в первую очередь из-за маркера M124 (определяющего гаплогруппу R2a Y-ДНК), возможно с ранними группами населения Ближнего Востока и Китая [13]. Стоит отметить, что проводились генетические исследования и представителей карасукской культуры. Согласно исследованиям 2010 г. у двух карасукцев была определена Y-хромосомная гаплогруппа R1a1. В исследовании 2015 г. были определены Y-хромосомные гаплогруппы R1a и Q1a и митохондриальные гаплогруппы A, C4, M8, H4, I4 и U5 [14]. Таким образом, некоторое генетическое родство карасукцев и буришей действительно имеется, но на настоящий момент данных недостаточно, чтобы утверждать это наверняка. Генетические исследования кетов также выявили у них высокую концентрацию редкой линии Y-хромосомной гаплогруппы Q, [15], указывающую на родство с американскими индейцами, но также, как видим выше, свойственную карасукцам и в меньшей степени буришам.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Достоверность наличия крупных миграций в зоне от Южной Сибири до Гималаев и Тибета в направлении Север-Юг и обратно весьма высока.
2. Родоначальники буришей – народа изолята долины Хунза с большой долей вероятности могли прийти из Южной Сибири или верховий Енисея, смешавшись уже на месте дополнительно с представителями других народов.
3. Язык буришей – бурушаски имеет сложную структуру, связанную с разнообразными языковыми семьями и в настоящий момент определяется как язык изолят, тем не менее – наиболее древняя грамматическая часть более всего соответствует енисейским языкам (и современному – кетскому).
4. Генетические исследования буришей, несмотря на то, что являются незавершенными, выявляют связь между буришами, карасукцами и кетами.
5. Продолжение исследования буришей необходимо как в рамках установления принадлежности и истории народа, так и в рамках изучения древних миграций на «Крыше мира» и связям внутри региона Высокогорной Азии.

Список литературы

1. Gilgit Baltistan Scouts The Defenders of the North. Geography & demography of Gilgit Baltistan. URL: <http://gilgitbaltistanscouts.gov.pk/TOGeography%20.html> (дата обращения: 23.04.2024).
2. Musavir Ahmed Ethnicity, Identity and Group Vitality: A Study of Burushos of Srinagar. *Journal of Ethnic and Cultural Studies*. 2016. Vol. 3, no. 1. P. 1–10.
3. Полосьмак Н.В. След ведет в Занскар // Наука из первых рук. 2016. Т. 71/72, № 5/6. С. 150–161.
4. Новосибирские археологии изучали петроглифы на севере Индии // Вести Новосибирск. 2020. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/221480668> (дата обращения: 23.04.2024).
5. Vajda E.J. (2001) Yeniseian Peoples and Languages: a History of Their Study with an Annotated Bibliography and a Source Guide. Surrey, England: Curzon Press, 389 p.
6. George van Driem Languages of the Himalayas: An Ethnolinguistic Handbook of the Greater Himalayan Region, containing an Introduction to the Symbiotic Theory of Language (2 vols.) Germany, Leiden: Brill, 2001. 1375 p. DOI: 10.1163/9789004492530.
7. Bengtson J.D., Blazek V., On the Burushaski-Indo-European hypothesis by I. Čašule. *Journal of Language Relationship*. 2011, Neuveden, № 6. P. 25–63.
8. Bengtson J.D., Blazek V., Comments on Casule's Correlation of Burushaski... // *The Journal of Indo-European Studies*. 2012. 40/1-2. P. 156–161.
9. Kivisild, T.; et al., The Genetic Heritage of the Earliest Settlers Persists Both in Indian Tribal and Caste Populations. *The American Journal of Human Genetics*, 2003. Vol. 72 (2), P. 313–332, doi:10.1086/346068.
10. Sengupta, Sanghamitra; et al. "Polarity and Temporality of High-Resolution Y-Chromosome Distributions in India Identify Both Indigenous and Exogenous Expansions and Reveal Minor Genetic Influence of Central Asian Pastoralists". *The American Journal of Human Genetics*. 2006. Vol. 78 (2) p. 202–221. doi: 10.1086/499411.
11. Thanseem, Ismail; et al. Genetic affinities among the lower castes and tribal groups of India: Inference from Y chromosome and mitochondrial DNA. *BMC Genetics*. 2006. Vol. 7. P. 42. doi:10.1186/1471-2156-7-42.
12. Raheel, Qamar; et al. Y-Chromosomal DNA Variation in Pakistan. *American Journal of Human Genetics*. 2002. Vol. 70 (5). P. 1107–1124. doi:10.1086/339929.
13. Li, Jun Z. Worldwide human relationships inferred from genome wide patterns of variation. *Science*. 2008. Vol. 319 (5866). P. 1100–1104.
14. Keyser, Christine; Bouakaze, Caroline; Crubézy, Eric; Nikolaev, Valery G.; Montagnon, Daniel; Reis, Tatiana; Ludes, Bertrand. Ancient DNA provides new insights into the history of south Siberian Kurgan people. *Hum. Genet.* 2009 Vol. 126(3). P. 395–410. doi: 10.1007/s00439-009-0683-0.
15. Flegontov, P. et al. (2016) Genomic study of the Ket: a Paleo-Eskimo-related ethnic group with significant ancient North Eurasian ancestry. *Sci. Rep.* 6, 20768; doi: 10.1038/srep20768.

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВНУТРЕННЕЙ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Баранова Ирина Сергеевна,

*Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия
i.s.baranova@mail.ru*

Погребняк Ирина Александровна,

*Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия
pogrebnyakirina2002@gmail.com*

В статье рассматриваются миграционные процессы в Российском государстве на протяжении XVII–XIX вв. Проанализированы основные причины миграционной подвижности населения в разные временные отрезки изучаемого исторического периода. Значительное внимание уделяется последствиям миграционных процессов для территорий, принимавших переселенцев.

Ключевые слова: миграция, внутренняя миграция, население России

HISTORICAL AND GEOGRAPHICAL FEATURES OF INTERNAL MIGRATION OF POPULATION IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA

Baranova Irina Sergeevna,

*Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia
i.s.baranova@mail.ru*

Pogrebnyak Irina Aleksandrovna,

*Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia
pogrebnyakirina2002@gmail.com*

The article examines migration processes in the Russian state during the 17th-19th centuries. The main reasons for the migration mobility of the population in different time periods of the historical period under study are analyzed. Considerable attention is paid to the consequences of migration processes for the territories that received migrants.

Keywords: migration, internal migration, population of Russia

Проблема внутренней миграции всегда остается актуальной для научного общества, так как любой ее аспект – общегеографический, социальный, экономический – напрямую связан с жизнеустройством планеты: преодолением проблем в сохранении мира и порядка. Неразумное распределение ресурсов, в том числе и людских, приводит к мировым катаклизмам разного масштаба.

Одним из главных факторов миграций населения в нашей стране в дореволюционный период было сельскохозяйственное перенаселение. Концепция хозяйственности в XVII–XVIII вв. основывалась на преобладании в экономике сельского хозяйства. Экстенсивный тип земледелия в европейской части страны вызывал нехватку земель, что, в свою очередь, вело к кризису производства. Развитие аграрного производства происходило главным образом за счет роста численности населения и освое-

ния новых территорий. Начиная с XVII в., освоение земель на юге, в Поволжье и Сибири становится характерной чертой развития сельского хозяйства в России.

По окончании Смутного времени с 1620-х гг. происходит заселение южных территорий страны сначала казаками, защищавшими южные рубежи, затем крестьянами, церковными и служивыми людьми. Параллельно шла активная колонизация Урала и Сибири. Главными занятиями колонистов были охота, рыболовство и сбор ясака мехами. В Поволжье и Прикамье активно развивалось солеварение.

В конце XVII – первой четверти XVIII в. политическая и экономическая необходимость развития промышленности способствовала возникновению крупных производств и заводских поселений на Урале и в Сибири. Указами Петра I разрешалось искать руды людям любого звания на своих и чужих землях. Кроме того, ужесточение крепостничества привело к увеличению бегства крестьян на Дон, на Урал и в Сибирь. Прибывавшее в Сибирь крестьянство в основной массе было беглым – из поместий, черносошных земель севера Европейской России. Ведущий фактор, подталкивающий крестьян к уходу в Сибирь со своих прежних мест – это желание проживать на независимых собственных территориях. Русским переселенцам приходилось справляться с проблемами, которые были связаны не только с огромным пространством, но и бездорожьем. Также задерживало крестьянскую миграцию в Сибирь господство феодальных отношений в государстве, индивидуальная зависимость крестьян от помещиков, прикрепление крепостных к земельным наделам.

Стрелецкий бунт (1682 г.) сопровождался не только казнью и расформированием стрелецких полков, но и ссылкой мятежных стрельцов в Сибирь (1704 г.). В последующем 1705 г. в Сибири оказались астраханские стрельцы, а также казаки, поднявшие мятеж против налогового гнета, произвола и насилия местной администрации и офицеров гарнизона. Стрельцов при Петре I было выслано настолько много, что в Сибири в этот период времени они находились почти во всех острогах.

В XVIII в. правительство прилагало усилия к заселению Сибири русскими, невзирая на нехватку населения в ряде регионов западной части страны и необходимые для этого финансовые затраты. Требовалось удержать за собой открытые и завоеванные территории, заселив их русскими людьми. Однако уже после того, как правительство завладело Сибирью и зафиксировало ее за собой, началось сокращение вложений по ее дальнейшему заселению и освоению. По этой причине к концу XVIII в. прослеживается снижение государственной колонизации Сибири. В этот период доминирующим типом заселения территории становятся ссылки в Сибирь.

В XVIII в. русские интенсивно осваивали юго-восточную часть Западной Сибири. Сюда не только стягивались переселенцы с европейской части России, но и наблюдались миграции крестьянского населения из северо-западной части страны. Наиболее активный поток русских в Сибирь происходил в 1760–1780 гг. Кроме того, в данный период времени множество мигрантов интенсивно осваивало недостаточно заселенные восточные и южные районы.

В это же время в северных таежных и тундровых регионах происходило уменьшение числа жителей. В Тобольском уезде, наиболее населенном в XVII в., русское население за 1767–1782 гг. снизилось на 30 %, а в Тюменском и Туринском уве-

личилось весьма несущественно. В Березовском уезде русское население за 1740–1760-е гг. сократилось на четверть. В начале XIX в. русских в Западной Сибири насчитывалось 1 560 тыс. человек, что составляло большинство населения края.

В Среднем Поволжье с 1719 по 1762 г. доля крестьян увеличилась с 45,8 до 49,9 % [4]. Особенно значительно в Пензенской губернии (с 17,8 до 32,4 %). В Нижегородской губернии в 1719 г. государственных крестьян составило 12,1 %, а в 1762 г. – 14,7 %. В Северном Приуралье соответственно 70,6 и 75,5 %. Однако немалый прирост населения наблюдался в заселяемых ареалах. Это говорит о том, что в мигрировании данного периода главную роль сыграло перемещение незакрепощенных. В Южном Приуралье доля крестьян увеличилась с 9,8 до 39,9 %, а в Нижнем Поволжье – с 5,9 до 35,2 %. Увеличился процент государственных крестьян также и во всей численности населения Российской империи всем народонаселении Российской Федерации вместе с 32,8 до 35,1 %.

В южные уезды государство вывезло различные группы крестьян: казенных – в Царицынскую округу, удельных (дворцовых) – в Камышинскую. В 1781 г. правительство пыталось переселить несколько десятков тысяч малоземельных крестьян из центральных губерний России в Азовскую и Новороссийскую губернии. Говоря об увеличении жителей в течении XVIII в., необходимо помнить, что Сибирь была недостаточно заселена. Согласно сведениям ревизий, жители Сибири (в ревизских душах мужеского пола) составляли к населению России (в начале XVIII в.) в 1719 г. 3,1 %; в 1744 г. – 3,4; в 1762 г. – 3,7; в 1782 г. – 4,2; в 1795 г. – 4,2 %. Таким образом, стараниями относительно незначительной доли русских людей (несколько десятков тысяч человек) осваивался огромный регион.

Русское общество, пришедшее из европейской части государства в Сибирь либо переселившееся из одного региона в другой по каким-либо хозяйственным причинам, сыграло большую роль в формировании рабочей силы, изучении новых территорий, развитии образа жизни, ремесла и промыслов, торгово-денежных связей. Кроме того, наблюдалось позитивное влияние пришлого населения на усовершенствование способов хозяйственной работы коренных жителей Сибири.

Таким образом, увеличение доли русских жителей на новых территориях в XVII–XVIII вв. происходило как за счет вольнонародной колонизации (в подавляющем большинстве крестьянского переселения), так и путем ряда государственных мероприятий. Власть стремилась в принудительном порядке заселить более значимые для него в хозяйственном и военно-стратегическом отношении регионы: тракты, территории горных рудников и металлургических заводов. Государство высылало в Сибирь ссыльнокаторжных донских и запорожских казаков, беглых раскольников. Для изучения местности посылались помещичьи крестьяне и дворовые люди, обращаемые собственниками за «предерзостные поступки» в рекрутов.

В XIX в. развитие капитализма дало толчок расширению рынка труда. Начинается очередной этап стремительной колонизации - заселение новых территорий и урбанизации. Активизируется миграция населения из сельской местности в городскую, что в итоге привело к стремительному росту городов. В конце XIX – начале XX в. Россия становится одним из крупнейших экспортеров зерна. Это было связано с тем,

что после отмены крепостного права в 1861 г. было осуществлено массовое заселение земель Новороссии, области Войска Донского, степного Предкавказья, Заволжья, Южного Урала и Сибири.

В июле 1889 г. был утвержден указ «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли» [1]. Он предусматривал следующие привилегии для участвовавшего населения:

- переселенцы, не выплачивавшие подушной подати на Родине, никак не облагались ею и на новом месте;
- они же избавлялись на несколько лет, вместе с учетом региона населения, от арендной платы;
- личностям мужского пола, достигнувшем во время переселения призывного возраста, исполнение армейской повинности отсрочивалось на 2–3 года;
- переселенцы освобождались от выплаты недоимок предыдущих годов; им выдавались займа на путевые затраты, а также на домашние расходы: на постройку домов в Сибири – 250 рублей, а на Дальнем Востоке – 400 рублей и безвозмездно рубить в государственном лесу бревна, какое количество их необходимо для строительства дома. Основная же привилегия заключалась в предоставлении переселенцам никак не меньше 20 десятин земли.

Успешная национальная переселенческая политика царского правительства дала возможность ввести в аграрное производство в Сибири 20 миллионов десятин степи и тайги, никем прежде практически не использовавшихся. Кроме того, данная земля находилась вплотную к государственной границе, и ее заселение в значительной степени способствовало безопасности страны.

С 1861 по 1914 г. в Сибирь переселилось порядка 4,8 млн человек. Большая часть переселенцев осела на юге Западной Сибири (в том числе и на севере Казахстана), в предгорьях Алтая. Восточнее Енисея переселенцы оседали в узкой полосе вдоль Великой Сибирской железной дороги, прошедшей по лесостепным и степным регионам. В результате значительно увеличивается население отошедшего к Российской империи только в середине XIX в. Приморья и Приамурья, но еще длительный период времени характеризующихся низкой численностью.

Освоение Сибири в сельскохозяйственной сфере начинается в конце XIX в. Но наибольший приток населения приходится уже на XX в. после строительства Транссибирской железной дороги. Транссиб – это рельсовый путь, соединяющий европейскую часть России с ее срединными (Сибирь) и восточными (Дальний Восток) регионами. Вопрос о строительстве Транссиба назревал в стране давно. В начале XX в. обширные районы Западной и Восточной Сибири и Дальнего Востока оставались оторванными от европейской части Российской империи, поэтому возникала необходимость в организации пути, по которому можно было бы добраться туда с минимальными затратами времени и средств.

Вместе с формированием капиталистических взаимоотношений стремительно растут города. Если в 1811 г. городское население Российской Федерации составляло приблизительно 5 % ее жителей, то в 1867 г. в населенных пунктах жило уже приблизительно 10 % жителей Европейской России, а в 1916 г. – больше 20 %. При этом сте-

пень урбанизации восточных ареалов государства (Сибирь и Дальний Восток, Казахстан) была в два раза ниже. Наблюдается тенденция сосредоточения городских жителей в больших населенных пунктах.

Крупными центрами миграционного притяжения государства стали города Москва и Санкт-Петербург [2]. Количество жителей в них увеличивалось наиболее активно, они сформировали значительные области миграционного притяжения. Например, к Петербургу притягивались мигранты не только из губерний территории современного Северо-Запада (Петербургская, Новгородская и Псковская), но и вся северо-западная доля Центрального региона (Смоленская, Тверская, Ярославская губернии) и Вологодской губернии. В начале XX в. Петербург становится самым большим городом России по численности населения (2,5 млн чел. в 1917 г.).

В течении XIX в. Российская империя стала одной из крупнейших по численности населения стран мира. В 1867 г. количество жителей империи насчитывалось 74,2 млн чел., в 1897 г. – 116,2 млн. чел., а в 1916 г. – 151,3 млн чел. Стремительно увеличивается прирост населения на протяжении приблизительно 60 лет. В основе этого «демографического взрыва» лежал не только процесс территориального расширения страны, но и высокие темпы естественного прироста, широкое распространение традиций многодетности.

Москва, помимо населения Московской губернии, увеличивалась также за счет мигрантов из Тульской, Калужской, а также Рязанской губерний [3]. Хотя Москва расположена в плотно населенном регионе и историческом центре государства, потеря ею с XVIII в. столичных функций существенно сказалась на темпах увеличения населения. Длительный период времени жизнь в столице носила патриархальный характер, но структура ее хозяйства начала изменяться с середины XIX в., когда город получил новые торговые и промышленные функции. В начале XX в. Москва стала вторым по численности населения городом России (1,6 млн чел. в 1912 г.).

Крупным регионом миграционного притяжения в конце XIX в. – начале XX в. стали шахтерские и металлургические центры Донбасса. Поскольку они появились на территории колонизируемого степного юга, вокруг них сложилась довольно обширная область миграционного притяжения. К ней относились как российские центрально-черноземные губернии, так и украинские территории Приднепровья. По этой причине на Донбассе, как и в Новороссии и Слободской Украине исторически сложилось достаточно разнородное русско-украинское население.

В России в этот период возникают обширные территории миграционной убыли – прежние крепостнические губернии с существенным избытком жителей (условным сельскохозяйственным перенаселением). К ним относятся в первую очередь северные промыслово-земледельческие губернии (Псковская, Новгородская, Тверская, Костромская, Вологодская, Вятская), характеризующиеся негативными условиями для земледелия, а также определенной направленностью сезонных отхожих промыслов.

Миграционная убыль значительно снизила демографические возможности российского Нечерноземья. Кроме того, регионами миграционной убыли стали губернии Центрального Черноземья, южной полосы Центрального региона правобережной час-

ти Поволжья, северо-востока Украины и Белоруссии. С данных территорий до конца XIX в. выехало более десятой части населения.

Таким образом, внутренняя миграция населения в Российской империи играла важную роль как в формировании экономики, так и структуры расселения. Освоение новых районов было невозможно без переселения значительной части населения, являвшейся не только трудовыми ресурсами, но и гарантией сохранения государственной территории. Благодаря внутренней миграции города становились крупными промышленными центрами, появлялась инфраструктура на неосвоенных ранее территориях.

Список литературы

1. Гаврилова Н.Ю., Дудин В.Е., Устинова О.В. Миграционная политика в дореволюционной России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 8. С. 1–7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/migratsionnaya-politika-v-dorevolutytsionnoy-rossii/viewer> (дата обращения: 29.09.2024).

2. Грицай В.В., Яблонский И.В. Основные тенденции развития миграционных процессов в Российской империи в конце XIX – начале XX в. // Общество и право. 2019. № 1 (67). С. 114–118. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-tendentsii-razvitiya-migratsionnyh-protsessov-v-rossiyskoy-imperii-v-kontse-xix-nachale-hh-v/viewer> (дата обращения: 29.09.2024).

3. Морозов С.Д. Особенности миграции населения России в 1897–1914 гг. // Международный электронный научный журнал. 2016. № 6 (11). С. 4.1–4.10. URL: <https://oaji.net/articles/2016/3992-1476384814.pdf> (дата обращения: 29.09.2024).

4. Ногманов А.И. Петровские преобразования в регионе Среднего Поволжья (по материалам законодательства // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2022. Т. 12, № 4. С. 68–80. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/petrovskie-preobrazovaniya-v-regione-srednego-povolzhya-po-materialam-zakonodatelstva/viewer> (дата обращения: 29.09.2024).

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ И МИРЕ

*Иванов Эдвин Алексеевич,
Национальный музей имени Алдан-Маадыр Республики Тыва,
Республика Тыва, Кызыл, Россия
usea2807@bk.ru*

Влияние миграции на устойчивое развитие в последнее время становится все более актуальной областью научных исследований. Оно воплощает в себе гармоничный и всеобъемлющий прогресс в экономике и обществе, который отвечает требованиям настоящего времени, не препятствуя способности будущих поколений реализовать свои собственные предпосылки. Главная цель – влияние миграции на устойчивое развитие России и ее изменения.

Ключевые слова: трудовая миграция, миграционные процессы, Россия, экономический рост, социальные вызовы, трудовые мигранты, международные мигранты

MIGRATION PROCESSES IN RUSSIA AND THE WORLD

*Ivanov Edwin Alekseevich,
Aldan-Maadyr National Museum of the Republic of Tuva,
Republic of Tuva, Kyzyl, Russia
usea2807@bk.ru*

The impact of migration on sustainable development has recently become an increasingly relevant area of scientific research. Sustainable development embodies harmonious and comprehensive progress in the economy and society, which meets the requirements of the present, without hindering the ability of future generations to realize their own prerequisites. The main goal is the impact of migration on the sustainable development of Russia and its changes.

Keywords: migration processes, Russia, economic growth, social challenges, labor migrants, international migrants

Влияние миграции на устойчивое развитие зависит от обстоятельств и конкретных условий миграции и может приводить как к благоприятным, так и к неблагоприятным результатам [1–3]. Одним из ключевых различий между миграцией в России и в других частях мира является географическая близость стран происхождения. Такая разница может иметь значительные последствия для интеграции и социальной сплоченности мигрантов в принимающем обществе.

Государственная компания «Работа в России» назначена оператором по организованному набору трудовых мигрантов [4]. Об этом в конце марта 2024 г. сообщило Министерство труда Российской Федерации. Как считает заместитель министра труда Дмитрий Платыгин, необходимо сделать приоритетной моделью привлечения иностранцев для отечественных компаний организованный набор. Такая инициатива может позволить отбирать сотрудников с учетом квалификации и исключить ситуацию выхода такого сотрудника на открытый рынок труда. Служба также будет информировать соответствующие органы для принятия мер в случае нарушения мигрантом режима пребывания у работодателя и нарушения работодателем трудовых прав работника.

По данным Института демографических исследований Российской академии наук, по состоянию на февраль 2024 г. в России насчитывается до 4 млн нелегальных мигрантов [5]. В отчете столичного главка МВД говорится, что в Москве в 2023 г. правоохранительные органы выявили около 224 тыс. случаев нарушения миграционного законодательства, 42 тысячи мигрантов были депортированы. Из него следует, что в 2023 г. в Москве было установлено около 7,5 тыс. фактов незаконной трудовой деятельности и почти 8 тыс. нарушений порядка привлечения иностранных граждан к трудовой деятельности в Российской Федерации.

По словам министра внутренних дел Владимира Колокольцева, МВД совместно с Правительством Российской Федерации разработало комплексный план мероприятий по реализации концепции государственной миграционной политики на 2024–2025 гг. Частью этого плана является разработка цифрового профиля иностранного гражданина, который подразумевает регистрацию человека в информационной системе еще до въезда в Россию.

Число международных мигрантов, прибывших в Россию в 2023 г., сократилось на 23 % по сравнению с 2022 г., составив 560,4 тыс. человек. Это минимальное значение с 2013 г., когда в страну въехали 482 тыс. иностранцев, согласно данным Росстата, которые были опубликованы в июле 2024 г. По данным Департамента статистики, более половины (55 %) международных мигрантов в 2023 г. составляли мужчины, 45 % – женщины [6]. Подавляющее большинство приезжих (76 %) – люди трудоспособного возраста от 16 лет до достижения пенсионного возраста. Наиболее распространенной возрастной группой среди представителей обоих полов является диапазон 20–24 лет.

В России количество мигрантов сократилось на 23 %. Наибольшая доля мигрантов (31 %) прибыла из Таджикистана, на втором месте – выходцы из Кыргызстана (10 %). Граждане Украины, Армении и Казахстана составили 9 % от общего числа прибывших. Около 40 % международных мигрантов – граждане России.

Демограф Игорь Ефремов отметил, что доля граждан России в потоке международной миграции всегда была высокой. До 2022 г. она составляла 30–35 %, в 2022–2023 гг. выросла примерно до 40 %, пояснил эксперт. Среди прибывающих из-за рубежа высока доля состоящих в браке людей – 51 % мигрантов старше 14 лет. В то же время уровень образования тех, кто приезжает в Россию, обычно невысок. Большинство из них (39 %) имеют среднее общее образование, 22 % – среднее профессиональное и только 9 % – высшее.

Вопреки распространенному мнению, работа не является основной причиной переезда в Россию. Согласно данным Росстата, 28 % мигрантов прибыли в страну в трудовых целях в 2023 г. Большинство руководствуется «причинами личного, семейного характера», включая вступление в брак и воссоединение с родственниками.

Среди регионов лидерами по миграционному приросту в 2023 г. стали Московская область, Тюменская область и Ханты-Мансийский автономный округ. На их долю пришлось 57 % от общего миграционного прироста международной миграции, составивший 109 тыс. человек. По этому показателю Москва даже не вошла в топ-20, а миграционный отток был зафиксирован в Санкт-Петербурге.

В этом году граждане 47 стран смогут получить вид на жительство в России в целях защиты традиционных духовно-нравственных ценностей. Для этого Правительство РФ утвердило список иностранных государств, политика которых противоречит традиционным духовно-нравственным ценностям России [7]. Об этом стало известно в сентябре 2024 г., после публикации соответствующего распоряжения, подписанного

премьер-министром Михаилом Мишустиным, на официальном интернет-портале правовой информации. Этот список включает 47 стран и территорий, навязывающих деструктивные неолиберальные идеологические установки, несовместимые с традиционными ценностями России. Ранее президент России Владимир Путин подписал указ, позволяющий гражданам стран, где «нарушаются традиционные духовные и нравственные ценности», получать вид на жительство в России.

В ноябре 2022 г. премьер-министр Михаил Мишустин подписал постановление правительства, которым изменил параметры пилотного проекта, запущенного в конце 2021 г., направленного на привлечение трудовых мигрантов из Узбекистана для нужд российского строительства и агропромышленного комплекса [8]. Проект значительно расширен и включен в число ведомств Министерства промышленности и торговли, которое также получило возможность нанимать граждан Узбекистана на предприятия.

Кроме того, указом были сняты ограничения на количество мигрантов. Ранее существовал «потолок» для импорта рабочей силы: 10 тыс. человек для строительной отрасли и 1,1 тыс. работников для агропромышленного комплекса. Теперь нет ограничений по количеству пользователей. Сама идея отказа от специальной квоты для «пилота» обсуждалась в правительстве с весны 2022 г. Тогда, в частности, этого добивался Минсельхоз, заявляя о необходимости 38 тыс. рублей. В проекте постановления, подготовленном Минтрудом, тогда предлагалось отказаться от отраслевой специфики, фактически распространив проект на всю экономику Российской Федерации, но документ в таком варианте подписан не был.

В начале сентября 2022 г. глава Федерального агентства по делам национальностей (ФАДН) Игорь Барinov сообщил, что приток иностранной рабочей силы в Россию в период с января по сентябрь 2022 г. увеличился на 30 % по сравнению с аналогичным периодом 2021 г. Лидируют Узбекистан, Таджикистан и Киргизия.

Таким образом, миграционные процессы оказывают значительное влияние на экономику Российской Федерации в целом. Они влияют на трудовой рынок, стимулируя как экономический рост через увеличение производства и потребления, так и вызовы, такие как социальные напряжения и дисбаланс на рынке труда. Они могут стимулировать спрос на товары и услуги, способствуя экономическому росту. Однако, необходимо учитывать позитивные и негативные аспекты миграции, разрабатывать сбалансированные и эффективные методы в области миграционной политики, которые учитывают интересы мигрантов и местного населения.

Список литературы

1. Kuznetsov A. V., Labour migration in Russia: Features, trends, and socio-economic implications (Moscow State University Press, Moscow, 2006).
2. Rusanova E., Sharipova A., Vakulenko E., Entrepreneurship and Sustainability. Issues 6 (1), 253–268 (2019).
3. Elsebaie N. et al, Economics and Entrepreneurship 7(132), 72–75 (2021). <https://doi.org/10.34925/EIP.2021.132.7.009>.
4. Госкомпания «Работа в России» станет оператором оргнабора мигрантов // ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/20366633> (дата обращения: 23.06.2024).
5. Росстат составил портрет типичного мигранта в России // Агентство социальной информации. URL: <https://asi.org.ru/news/2024/07/22/rosstat-sostavil-portret-migranta-v-rossii> (дата обращения: 23.06.2024).

6. Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения 11.06.2022).

7. Об утверждении Перечня иностранных государств, реализующих политику, навязывающую деструктивные неолиберальные идеологические установки, противоречащие традиционным российским духовно-нравственным ценностям: распоряжение Правительства РФ от 17.09.2024 № 2560-р // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/86428.html> (дата обращения: 21.09.2024).

8. О реализации пилотного проекта по привлечению граждан Республики Узбекистан для осуществления временной трудовой деятельности у российских юридических лиц, осуществляющих хозяйственную деятельность в сферах строительства, легкой промышленности и агропромышленного комплекс: постановление Правительства РФ от 06.10.2021 № 1694 (ред. от 10.11.2022, с изм. от 20.02.2023) // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_397322 (дата обращения: 21.09.2024).

ЧЕРДЫНЬ НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ТОРГОВЫХ ПУТЕЙ

*Толстогузова Елена Александровна,
Чердынский краеведческий музей им. А. С. Пушкина, Россия,
tolstoguzova-1975@mail.ru*

Начиная с VII–VIII вв. Чердынь являлась перекрестком дорог – здесь формировались основные торговые пути, которые вели к Печоре и Ледовитому океану, в Западную Сибирь, к Волге и дальше на юг. Географическое расположение города определило главную его судьбу как крупного торгового и культурного центра Урала. В данной статье мы хотели рассказать о торговых путях, которые послужили этому.

Ключевые слова: Чердынь, торговые пути, волок, Колва, Вишера, Печора, Волга

CHERDYN IS AT THE CROSSROADS OF TRADE ROUTES

*Tolstoguzova Elena Aleksandrovna,
Cherdyn Museum of Local Lore named after A. S. Pushkin, Russia,
tolstoguzova-1975@mail.ru*

Starting from the 7th–8th centuries. Cherdyn was a crossroads – the main trade routes were formed here, which led to Pechora and the Arctic Ocean, to Western Siberia, to the Volga and further to the south. The geographical location of the city determined its fate as a major trade and cultural center of the Urals. In this article we wanted to talk about the trade routes that explain them.

Keywords: Cherdyn, trade routes, volok, Kolva, Vishera, Pechora, Volga

Камский торговый путь был хорошо известен географам древности. Еще в эпоху неолита и бронзы вдоль берегов Камы в Приуралье приходят его первые жители, зарождается торговля по Камскому пути, где шел обмен высококачественным кремнем, яшмой, днепровским янтарем, свинцом и оловом. В эпоху «раннего железа» VII–VIII вв. по берегам Камы, Колвы, а также Средней Волги расселялись угорские и финские племена. Кама стала превращаться в торговую артерию, по которой осуществлялся дальний транзит. Результатом последнего стало появление в Приуралье различных изделий скифов, Египта, Ирана. Основным предметом обмена для жителей Приуралья становятся меха пушных животных, которые обменивались среднеазиатское и иранское серебро, арабские и византийские монеты, дорогие восточные ткани [1]. Огромное значение для развития экономических и этнокультурных связей народов Приуралья имело появление на Нижней Каме болгар [2]. Расширился состав продуктов обмена – из Приуралья в Булгарию и далее на Восток и Запад шли не только меха, но и слитки меди и бронзы, отборное зерно и соль, разнообразные украшения из стекла, серебра, бронзы и золота, туалетные принадлежности, ключи и замки, оружие. Наиболее показательной частью болгарского импорта является гончарная (круговая) керамическая посуда.

Походы русских в Сибирь совершались еще в XI в. Сначала их привлекала богатая Югра, затем появились Великая Пермь с Чердынью, откуда начиналась дорога в Сибирь через Уральские горы – **«Чердынская дорога»**. От Чердыни дорога шла вверх по рекам Вишере и Велсу, далее по р. Чурок, далее через водораздел на речку Тальтию (Талую) и вниз по рекам Ивдель, Лозьва, Тавда, Тобол. До конца XVI в. чердынская дорога была единственным узаконенным правительством путем в Сибирь, хотя было известно несколько путей переходов через Уральские горы.

В 1598 г. была построена и запущена более короткая Бабиновская дорога, а «чердынская» утратила свое значение [3]. При этом ездить по «отмененным» дорогам в Сибирь без дозволения царя запрещалось. Примером такого разрешением является грамота «от царя и великого князя Бориса Федоровича всея Руси в Сибирь, в Березов город, воеводе нашему князю Ивану Михайловичу Борятинскому да голове Григорию Потапьевичу Векентьеву». Также к концу XVI в. на сегодняшней территории Соликамского, Чердынского и Красновишерского ГО проходил **Вишерский торговый путь**, соединяющий Европу и Сибирь. Прежний «Новгородский» был оставлен в середине XVI в. Он шел с Вычегды на Печору через перевал в Уральских горах на Сосьву и Обь (**«Илычская дорога»**) [4]. По мере того, как позиция Новгорода ослабевали, а московские усиливались, менялся и основной путь в Сибирь. **«Московский путь»** был проложен от Москвы через Ярославль, Тотьма, Великий Устюг, Лайск на Кайгородок на Каме, далее через Юкseeво, Косу, Уроку выходил на Соликамск, а затем через Чердынь по рекам Вишера и Велс шел через Уральские горы на Лозьву.

Существовала другая малоизвестная дорога в Сибирь – **Язьвинская**. Так, в писцовой книге Кайсарова 1623–1624 гг. сказано: «...и на сибирской на Верхотурской дороге, на волоку, на реке на Язьве монастырь – новая пустынь... и всякое церковное строение в той пустыне боярина Ивана Никитича Романова» [5, 6].

На карте Северного Урала, датирующей 1760 г. и составленной канцелярией сибирского губернского управления, показаны Верхотурский, Соликамский и Чердынский уезды и обозначены не только населенные пункты и заводы, но и существовавшие тогда дороги [7].

Наряду с Бабиновской показана и другая, которая также отходит от Соликамска и приходит к Верхотурью. От Соли Камской она следует в северо-западном направлении и выходит на р. Язьва и вдоль нее доходит до истока. Затем дорога переходит на Восточный склон Уральских гор и по левому берегу р. Ваграны приходит к р. Сосьве у юрт вогула Маслова. Далее вниз по Сосьве выходит на р. Лялю у д. Грязных и затем подходит к Верхотурью. Особенностью этой дороги является то, что ею можно следовать в Сибирь, не заходя в Верхотурье. Часть дороги (вдоль Ваграны) – это участок, вновь проложенный Походяшиным к Петропавловскому заводу. Старая же дорога на завод проходила от Княспинского озера между реками Турьей и Волчанкой [8]. Верхотурская (Язьвинская) дорога использовалась как ясачная, так как после образования г. Верхотурье ясак с вишерских вогулов стали собирать верхотурские служилые люди.

Немской или Бухонин волок – так называется транзитный путь по водоразделу между р. Волог (приток Березовки, басс. Камы) и р. Нем (приток Вычегды) – водораздел бассейнов рек Камы и С. Двины, по которому суда перетаскивались из того или другого бассейна. Бассейн Камы здесь заканчивается озером Чусовским, откуда древний торговый путь шел на протяжении 7 верст суходолом до р. Нем, притока Вычегды, впадающей в С. Двину (Бухонин волок). Первое упоминание о волоке встречается в 1517–1518 гг., но современное название волок получил позднее. М. Кайсаров

упоминает его как Немишинъ в 1623 г., но уже в то время волок сдавался в оброк жителю погоста Вильгорта Ивану Сидорову сыну Бухони за 2 рубля, 3 алтын и 2 деньги в год [6], что, вероятно, и закрепило дошедшее до наших дней название [9].

Постепенному запустению волока содействовало сооружение **Северо-Екатерининского канала**, который оттянул грузы, следовавшие с Камы. Идея устройства канала приписывается В. Н. Татищеву [10]. Водный путь задумывался как эффективный путь доставки сибирских товаров в Архангельский порт, вместо давно существующего волока на пути из Астрахани в Архангельск. В месте максимального сближения верхних течений Северной Кельтмы и Джурича был прорыт судоходный канал длиной 17,6 км. Канал строился 36 лет с перерывами, с 1785 по 1822 гг. В 1822 г. канал был открыт и за время работы по нему прошло более шестидесяти судов с грузом. В 1838 г. канал закрыли по экономическим причинам, хотя судоходство продолжалось еще в течение девяти лет. В 1890 г. академик Ю. М. Шокальский, закончив исследования на Вычегде, поднялся по Северной Кельтме до Северного Екатерининского канала. Северная Кельтма оказалась неудобной для судоходства: мелководная, узкая и местами завалена лесом. Канал пришел в негодность, заилился и шлюзы его были разрушены. В 1915 г. производилась расчистка канала с использованием труда военнопленных [11].

Якшинский купеческий путь начинался от г. Чердынь и шел вверх по Колве, затем по Вишерке, Чусовскому озеру, Березовке и Еловке до устья Вогулки, где товары перегружались на небольшие лодки и подвозились к **Печорскому волоку** протяженностью 4,3 км, проходившему через небольшую заболоченную возвышенность – водораздел между Камой и Печорой. Сохранился старинный канал (длиной 0,65 км), соединивший Вогулку с бассейном Печоры – с Волосницей. Пользоваться им можно было только весной в высокую воду. Мелководье и извилистость этих рек заставляли основные грузы доставлять только до Усть-Еловской пристани, а затем везти 40 верст сухим путем до Якшинской пристани на Печоре [12].

Т.о., с VII в. и до н. XX в. Чердынь являлась перекрестком дорог – здесь формировались основные торговые пути, которые вели к Печоре и Ледовитому океану, в Сибирь, к Волге и на юг. Географическое положение города определило его судьбу как крупного торгового и культурного центра Урала.

Список литературы

1. Белавин А.М. Камский торговый путь из Болгара в «страну Вису и Чулман» // Международные связи, торговые пути и города среднего Поволжья IX–XII веков: мат-лы Междунар. симпозиума, Казань, 8–10 1998 г. Казань: Мастер-Лайн, 1999. С. 161–172.
2. Белавин А.М. О раннем этапе болгаро-пермских контактов // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань, 1990. С. 125–131; Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Основные этапы этнокультурной истории Пермского Приуралья в эпоху железа // Коми-пермяки и финно-угорский мир: мат-лы 1-й Междунар. науч.-практ. конф. Кудымкар, 1997. С. 136.
3. Бахрушин С.В. Пути в Сибирь в XVI–XVII вв. // Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3, ч. 1. М., 1955.
4. Бахарев П., Чагин Г. Вишерская дорога: историко-краеведческий очерк. Соликамск, 2010.
5. Шишонко В.Н. Пермская летопись с 1263–1881 г. Пермь: Тип. Губ. зем. управы, 1881–1889.

6. Кайсаров М. Перепись Перми Великой 1623–1624 г.
7. ГАСО Ф. 59, Оп. 3, Д. 3026. Карта 1760 года, составленная Лукой Сотниковым.
8. ГАСО Ф. 24. Оп. 2. Д. 264. Л. 19.
9. Дмитриев А.А. Происхождение названия и судьба Бухонина волока. Пермь, 1893. Т. 1.
10. Березнер А.С. Территориальное перераспределение речного стока европейской части РСФСР. Л.: Гидрометеиздат; Веселовский А. Научные экспедиции Русского Географического Общества на Север в 1843–1893 годах (Историческая справка) // Северный Край. 1922 г. Кн. № 3 (май – июль).
11. Севернов И. Северо-Двинско-Уральский водный путь (заброшенный Северо-Екатерининский канал) // Известия Вологодского общества изучения северного края. № 3. Вологда: Типография П.А. Цветова, 1916.
12. Ермилов Н.Е. Поездка на Печору: путевые заметки Н.Е. Ермилова. Архангельск: Губ. тип., 1888.

ПО СЛЕДАМ ЗАБЫТЫХ ПИСЕМ

УДК 347.6

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ УСЫНОВЛЕНИИ ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ, В СУДЕБНОМ ПОРЯДКЕ

Дадаян Елена Владимировна,

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
dadaelena@yandex.ru

Сторожева Анна Николаевна,

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
storanya@yandex.ru

Авторами в настоящей работе поднимается вопрос развития законодательства об усыновлении, а именно показывается в историческом контексте, когда в современном российском законодательстве появился судебный порядок усыновления детей, оставшихся без попечения родителей. В статье отмечается, что судебный порядок усыновления направлен, прежде всего, на прозрачность, понятность процедуры такого усыновления. Помимо всего прочего у лиц не согласных с решением суда об усыновлении имеется процессуальное право обжаловать судебный акт в вышестоящем суде. Отсюда судебный порядок усыновления направлен на защиту прав и законных интересов детей и как следствие на их гармоничное развитие и успешную социализацию.

Ключевые слова: усыновление, дети, оставшиеся без попечения родителей, суд, судебный порядок усыновления

ON THE ISSUE OF THE DEVELOPMENT OF LEGISLATION ON THE ADOPTION OF CHILDREN LEFT WITHOUT PARENTAL CARE IN COURT

Dadayan Elena Vladimirovna,

Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia
dadaelena@yandex.ru

Starozheva Anna Nikolaevna,

Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia
storanya@yandex.ru

The authors in this paper raise the issue of the development of legislation on adoption, namely, it is shown in the historical context when a judicial procedure for the adoption of children left without parental care appeared in modern Russian legislation. The article notes that the judicial procedure of adoption is aimed, first of all, at transparency, clarity of the procedure of such adoption. Among other things, persons who disagree with the court's decision on adoption have a procedural right to appeal the judicial act to a higher court. Hence, the judicial procedure of adoption is aimed at protecting the rights and legitimate interests of children and, as a result, their harmonious development and successful socialization.

Keywords: adoption, children left without parental care, court, judicial procedure of adoption

До 1995 г. усыновление детей, оставшихся без попечения родителей, в нашем государстве осуществлялось в административном порядке.

В конце 1995 г. был принят Семейный кодекс Российской Федерации, который действует в редакциях и на сегодняшний день [1]. Как раз в данном нормативном правовом акте была закреплена идея об отмене административного порядка усыновления и установлении судебного порядка усыновления. Судебный порядок усыновления появился в 1996 г. Соответствующие изменения и дополнения были внесены в ГПК РСФСР [2].

Так, в ГПК РСФСР появилась отдельная глава 29.1, состоящая из пяти статей, закрепляющая процедуру усыновления, начиная от подачи заявления об усыновлении и заканчивая постановлением решения.

Причины перехода от административного порядка усыновления к судебному порядку в литературе называются разные, но здесь стоит отметить, что усыновление влечет серьезные правовые последствия не только для усыновителя, но и прежде всего для усыновляемого лица. Обеспечить баланс интересов лиц, принимающих участие в процессе усыновления, может только независимый, профессиональный субъект. А придание процедуре усыновления публичного характера призвано предотвратить любые риски для участников такого сложного процесса.

Суд является наиболее авторитетным органом, который в соответствии со своим статусом и предназначением служит гарантом обеспечения законности и справедливости при производстве усыновления. Кроме того, судебный порядок усыновления не только призван обеспечить защиту прав и интересов детей, но и является правовым фактором, препятствующим их незаконному усыновлению [3].

Судебный порядок усыновления стал причиной обобщения Верховным Судом Российской Федерации судебной практики об усыновлении и принятия обобщающих рекомендаций для нижестоящих судов, которые обязательны к применению при рассмотрении и разрешении дел об усыновлении.

Важным правоприменительным актом того периода времени явилось Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.07.1997 № 9 [15].

Остановимся на некоторых важных вопросах, которые были доведены до сведения нижестоящих судов для неукоснительного применения с целью максимальной защиты прав и интересов усыновляемого ребенка.

Верховный Суд Российской Федерации разъяснил нижестоящим судам, что необходимо учитывать судам в первую очередь при рассмотрении дел об усыновлении, представил алгоритм, что следует иметь в виду при решении вопроса о допустимости усыновления в каждом конкретном случае.

Разъяснения Пленума ВС РФ можно условно разделить на три блока, разрешаемых судом при рассмотрении дел об усыновлении вопросов.

Первый блок вопросов посвящен процедурным (процессуальным вопросам), к примеру, требованиям к форме, содержанию заявления об усыновлении и процедуре рассмотрения спора. Так, дела об усыновлении рассматриваются только в порядке особого производства, в закрытом судебном заседании, включая объявление решения. С целью неразглашения тайны усыновления в протоколах судебного заседания в обязательном порядке должны быть отражены сведения о предупреждении лиц, участвующих в деле о необходимости сохранения в тайне сведений об усыновлении.

ВС РФ отмечает, что при рассмотрении данной категории дел обязательно участие представителя органа опеки и попечительства, а также прокурора.

Что касается вопроса личного участия предполагаемого усыновителя (заявителя) в процессе рассмотрения дела, то личное участие заявителя обязательно.

Особую важность процедуры усыновления придает тот факт, что даже, если у заявителя имеется представитель, тем не менее, это не освобождает лицо, желающее усыновить ребенка, от обязанности лично явиться в суд. Личное участие в суде такого лица позволит суду сформировать представление о будущем усыновителе, его отношении к процедуре усыновления, а также дать ответ на вопрос, а готово ли указанное лицо стать родителем по отношению к чужому ребенку и взять на себя такую социальную ответственность.

Суд устанавливает не только соответствие кандидата на роль усыновителя требованиям закона, предъявляемым к усыновителям, но и должен учитывать личные качества такого лица, его поведение не только на работе с коллегами, но и в быту.

Момент, с которого усыновитель приобретает права законного представителя ребенка, определяется моментом вступления судебного акта об усыновлении в законную силу. Таким образом, высшая судебная инстанция государства подтверждает право заинтересованных лиц обжаловать решение об усыновлении, если судом не были соблюдены или неправильно применены нормы материального и процессуального права.

Одновременно с заявлением об усыновлении суд не может рассматривать какие-либо другие требования заявителя, направленные на защиту имущественных прав ребенка. Такими требованиями могут быть, требования, вытекающие из гражданско-правовых договоров, направленных на приобретение усыновляемым гражданином права собственности на имущество.

Вышестоящая судебная инстанция обращает внимание на то, что нижестоящим судам следует обсудить вопрос о необходимости привлечения к участию в деле родителей (родителя) усыновляемого ребенка, его родственников, представителей учреждения, в котором находится ребенок, оставшийся без попечения родителей, других заинтересованных лиц, а также самого ребенка, если он достиг возраста десяти лет.

Далеко не последнее слово о том, следует или нет привлекать вышеуказанных лиц к участию в процессе остается за органом опеки и попечительства. Предполагается, что орган опеки и попечительства достаточно информирован о семье усыновляемого ребенка и условиях проживания ребенка. Такая информированность позволяет суду получить от органа опеки и попечительства квалифицированный (обоснованный) ответ на вопрос будет ли привлечение в процесс родителей и самого ребенка соответствовать интересам усыновляемого лица.

Второй блок вопросов касается усыновления иностранными гражданами российских детей.

В анализируемом Постановлении № 9 ВС РФ даются рекомендации судам на случай усыновления иностранными гражданами российских детей.

Такие граждане обязаны представить в суд:

- заключение об условиях жизни и возможности быть усыновителем, выданное компетентным органом государства, гражданином которого является усыновитель;
- разрешение компетентного органа соответствующего государства, в ведении которого находятся вопросы иммиграции и натурализации, на въезд и постоянное жительство усыновляемого ребенка на территории этого государства.

Обращается внимание, что иностранный гражданин получает право на усыновление только в том случае, если ребенок, об усыновлении которого просит заявитель,

состоит на централизованном учете и истек 3-х месячный срок со дня постановки на такой учет.

Третий блок вопросов – это правовые последствия усыновления, а также процедуры и оснований для отмены усыновления. Обращается внимание судов, что не только установление усыновления осуществляется в судебном порядке, но и отмена усыновления также должна быть только в судебном порядке.

Не преувеличивая значимость судебной практики, отметим, что Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.07.1997 № 9 [4] являлось актуальным правоприменительным актом вплоть до апреля 2006 г. [5], т. е. порядком девяти лет. За указанный период времени произошло становление судебной практики по вопросам усыновления, что и в настоящее время дает возможность судам общей юрисдикции подходить к вопросам усыновления наиболее взвешенно и единообразно, учитывая в первую очередь интересы усыновляемого ребенка. Констатируем, что на протяжении всей эволюции развития законодательства об усыновлении в рассматриваемый нами период центральной фигурой такой процедуры всегда являлся усыновляемый ребенок, его интересы, что достаточно четко прослеживается не только из нормативных правовых актов, но из судебной практики.

Таким образом, законодатель, установив судебный порядок усыновления детей, оставшихся без попечения родителей, усилил публичный контроль за каждым этапом процедуры усыновления. Принятия решения об усыновлении органом, который подчиняется только закону, направлен на защиту прав и законных интересов детей и как следствие на их гармоничное развитие и успешную социализацию.

Список литературы

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // Информационно-поисковая система «Консультант плюс».
2. Федеральный закон от 21.08.1996 № 124-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Гражданский процессуальный кодекс РСФСР» // Информационно-поисковая система «Консультант плюс».
3. Летова Н.В. Усыновление в Российской Федерации: правовые проблемы. М.: Волтерс Клувер, 2006. 256 с.
4. О применении судами законодательства при рассмотрении дел об установлении усыновления: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.07.1997 № 9 // Информационно-поисковая система «Консультант плюс».
5. О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.04.2006 № 8 (ред. от 17.12.2013) // Информационно-поисковая система «Консультант плюс».

**О МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДАХ К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ОРГАНОВ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ (НА ПРИМЕРЕ ОРГАНОВ НКВД
ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 1941–1945 ГГ.)**

Жадан Александр Владимирович,

*Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД России,
Владивосток, Россия
awzhadan252@mail.ru*

В статье представлено авторское видение методологической парадигмы исследования истории органов внутренних дел, сочетающей возможности институционального, структурно-функционального, синергетического и диалектического подходов. Предлагается рассматривать эволюцию органов НКВД в период 1941–1945 гг. как часть естественно-исторического процесса, детерминированного объективными закономерностями, а сами органы – как подсистему в рамках более крупных социальных систем (советского общества и его государственно-политического механизма), в их взаимообусловленности, взаимовлиянии и едином стремлении к сохранению целостности и устойчивости.

Ключевые слова: органы НКВД; методология; институциональный подход; структурно-функциональный подход; синергетический подход; диалектический подход

**ON METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE STUDY OF THE HISTORY
OF INTERNAL AFFAIRS BODIES (ON THE EXAMPLE OF THE NKVD BODIES
OF THE FAR EAST 1941–1945)**

Zhadan Alexander Vladimirovich,

*Vladivostok Branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
Vladivostok, Russia
awzhadan252@mail.ru*

The article presents the author's vision of the methodological paradigm of the study of the history of internal affairs bodies, combining the possibilities of institutional, structural-functional, synergetic and dialectical approaches. It is proposed to consider the evolution of the NKVD organs in the period 1941-1945. as part of a natural-historical process determined by objective laws, and the organs themselves as a subsystem within larger social systems (Soviet society and its state-political mechanism), in their interdependence, mutual influence and a common desire to preserve integrity and stability.

Keywords: NKVD organs, methodology, institutional approach, structural and functional approach, synergetic approach, dialectical approach

Современный уровень развития исторической науки характеризуется сосуществованием различных эпистемологических парадигм (гегелевской, марксистской, позитивистской, неокантианской, модернистской, постмодернистской). При этом вариативность моделей социально-политического развития и неповторяемость челове-

ского прошлого как объекта исследования, обуславливают отсутствие какого-либо одного универсального способа осмысления истории [1–7]. По этой причине, осуществляя выбор эпистемологических подходов научной интерпретации исторического опыта деятельности органов НКВД Дальнего Востока, мы предлагаем исходить из совокупности их эвристического потенциала и практической возможности применения к конкретным проблемам исследования.

История правоохранительных органов является частью институциональной истории государства, что позволяет исследовать органы НКВД, с одной стороны, как открытую систему, находящуюся во взаимодействии с иными социальными и политическими институтами, а с другой – как отдельный исторический феномен, с четко выраженной организационной структурой и специфическим набором правил и социальных практик.

Институциональный подход дает исследователю необходимый инструментарий для осмысления сложных и многогранных социально-политических изменений [8]. В частности, он позволяет анализировать эволюцию органов внутренних дел под воздействием политических, социальных, экономических факторов, изменений в идеологии и стратегии политических акторов. Существенный научный потенциал данный подход содержит для исследования особенностей развития органов правопорядка Дальнего Востока в критических условиях Великой Отечественной войны, когда многие институты Советского государства и общества оказались в «точке выбора», вынуждены были пройти через этап существенных изменений.

Преступность как явление также обладает набором специфических характеристик (организационных черт, норм и практик), позволяющим рассматривать ее как социальный институт и использовать соответствующий подход для анализа региональных закономерностей развития криминологической ситуации в условиях военного времени.

Методологически обоснованной представляется интерпретация подходов институционального анализа в контексте современной синергетической теории, как междисциплинарного направления, исследующего принципы самоорганизации различного рода систем. Используемые синергетикой категории динамического хаоса как некой сверхсложной упорядоченности и стремления систем к целостности, хорошо применимы к анализу криминологических изменений в дальневосточном обществе, эволюции механизма противодействия преступности, изменений организационной структуры органов внутренних дел, их взаимосвязи с другими подсистемами советского государства и общества.

Социальная система, в ее синергетическом понимании представляет собой открытый организм, направленный на сохранение своей стабильности и жизнеспособности. Попадая в сформулированную А.Дж. Тойнби ситуацию «Вызова и Ответа», социальная система вынуждена адаптироваться к внешней среде (как вариант – изменять ее) и совершенствовать внутреннюю самоорганизацию (интеграцию и координацию своих элементов и компонентов). Применительно к истории органов НКВД военного периода такими диссонирующими систему вызовами времени стали, в частности, количественный и качественный дефицит кадров, слабое материально-техническое обеспечение, резкое ухудшение криминологической обстановки.

Поиск «Ответа», адаптацию органов внутренних дел к внешним вызовам военного времени следует рассматривать как составную часть экзистенциальной борьбы всего советского государства и общества 1941–1945 гг., когда обеспечение стабильно

функционирующего тыла стало важным вкладом дальневосточных органов НКВД в дело победы СССР во Второй мировой войне.

Диалектический подход позволяет рассматривать эволюцию органов НКВД как часть естественно-исторического процесса, детерминированного объективными закономерностями, но одновременно испытывающего влияние субъективного воздействия широких масс населения, отдельных социальных групп, партийно-политических органов власти и их лидеров.

Будучи частью советского социума и его государственно-политического механизма как более крупных систем, органы НКВД, в свою очередь сами являлись сложным структурным образованием, с внутренней иерархией подсистем и четким (нормативно определенным) распределением функций составных элементов. Фактически, в рамках единой системы Народного комиссариата внутренних дел, каждый его территориальный орган может рассматривать как относительно самостоятельная подсистема со своей внутренней структурой элементов. В этой связи структурно-функциональный подход позволяет получить представление об организационных механизмах противодействия преступности и охраны правопорядка через установление характера взаимосвязей и распределения функциональных обязанностей между центральными, региональными и периферийными аппаратами органов НКВД (и внутри таковых), их взаимодействия с советскими и партийными органами власти, активной общественностью. Этот же подход применим для анализа систем воспитательной работы и профессиональной подготовки. Исследование взаимосвязей органов НКВД с другими частями советского политического механизма, прежде всего, с правящей коммунистической партией дает возможность установить скрытые рычаги влияния на деятельность органов правопорядка.

Таким образом, предлагаемая нами эпистемологическая парадигма исследования, сочетая познавательные возможности институционального, структурно-функционального, синергетического и диалектического подходов, позволяет рассматривать эволюцию органов внутренних дел в период 1941–1945 гг. как часть естественно-исторического процесса, детерминированного объективными закономерностями, а сами органы НКВД – как подсистему в рамках более крупных социальных систем (советского общества и его государственно-политического механизма), в их взаимообусловленности, взаимовлиянии и едином стремлении к сохранению целостности и устойчивости. Одновременно, подход к пониманию органов внутренних дел как относительно самостоятельной системы позволяет давать оценку гармоничности составляющих ее элементов и их функциональной эффективности.

Список литературы

1. Белькова А.А. Исторический институционализм – новое направление в исторических исследованиях // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 7. С. 117–120.
2. Ипполитов Г.М. Системный подход к познанию истории: дискуссионные размышления о некоторых аспектах многоаспектной проблемы в лапидарном изложении // Самарский научный вестник. 2017. № 2 (19). С. 192–199.
3. Ипполитов Г.М. Классовый подход к познанию истории безнадежно устарел? или... (рассуждения – приглашение к дискуссии) // Самарский научный вестник. 2019. № 2 (27). С. 318–324.

4. Ипполитова А.Г. Карл Маркс о теории формационного подхода к познанию истории: некоторые аспекты многоаспектной проблемы // Креативная экономика и социальные инновации. 2019. № 9. С. 58–65.
5. Проскурякова Н.А. Новые теоретико-методологические подходы в постсоветской социальной истории XVIII – начала XX в. // Вестник РУДН. История России. 2006. № 2 (6). С. 40–53.
6. Смоленский Н.И. Проблема цивилизационного подхода в научном наследии И.Д. Ковальченко // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. 2011. № 4. С. 26–39.
7. Фролов И.В. Ценностный подход в изучении истории // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2009. № 2 (14). С. 133–137.
8. Семенова Н.Л. Неинституциональный подход в изучении истории государственного управления России // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2023. № 1 (94). С. 147–150.

АРОМАСHEВСКИЙ РАЙОН ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ВИДЫ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

Петров Юрий Владимирович,

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

petrov19811201@gmail.com

В работе рассмотрены хозяйственные аспекты развития Аромашевского района Тюменской области через призму организации природопользования. Существующая организация природопользования во многом опирается на сформированные в XX в. виды деятельности, которые могут быть использованы в современном планировании социально-экономического развития муниципального образования.

Ключевые слова: Аромашевский район, виды природопользования, историческое природопользование, экологическая обстановка, населенные пункты

AROMASHEVSKY DISTRICT OF THE TYUMEN REGION: HISTORICAL TYPES OF ENVIRONMENT MANAGEMENT

Petrov Yuriy Vladimirovich,

University of Tyumen, Tyumen, Russia

petrov19811201@gmail.com

The paper considers the economic aspects of the development of the Aromashevsky district of the Tyumen region through the prism of the organization of nature management. The existing organization of nature management is largely based on the ones formed in the 20th century. types of activities that can be used in modern planning of socio-economic development of the municipality

Keywords: Abatsky district, types of nature management, historical nature management, ecological situation, settlements

Аромашевский район в Тюменской области является земельным владением древних угров, ремеслом которых было занятие охотой и рыбалкой. Их предками принято считать Хантов и Манси. До вступления в состав Российской Федерации в этом регионе преобладали тюркские скотоводческие племена, которые существовали в одном тысячелетии до нашей эры. В средневековье этот край находился в зависимости от крупных держав кочевников, в том числе и Монгольской империи. После ее развала территория района вошла в Тюменское ханство, а затем – в сменившее ее Сибирское ханство. В конце 16 века эти земли стали частью Российского государства, однако русская колонизация продвигалась медленно [1, с. 27].

Считается, что Аромашево возникло в 1720 г. в числе первых поселений региона. Впоследствии оно стало торговым селом и волостным центром в Ишимском уезде Тобольской губернии. Массовый приток населения в эти края произошел в конце XIX – начале XX столетия. Выходцы из европейских губерний страны прибывали сюда вынужденно, в принудительном порядке. Район возник в 1923 г., объединив три волости. Первоначально Аромашевский район относился к Ишимскому округу Уральской об-

ласти, а в 1944 г. включен в Тюменскую область. Аромашевский район раскинулся в северной части лесостепной зоны Ишимской равнины. Здесь преобладают однородные ландшафты: плоская равнина, где луга и небольшие участки степи сменяются лесами. Постепенно с юга на север лесов становится больше. К северу увеличивается и количество болотных угодий. Все реки района относятся к бассейну Оби. Главная река – Вагай (приток Иртыша), протекает с юга на север. Вдоль нее сконцентрирована большая часть здешних поселений, в том числе и Аромашево. Для Вагая, как и для других рек региона, характерно извилистое русло и широкая, заболоченная пойма с озерами, протоками, старицами [2, с. 43].

В январе – марте 1918 г. в Тобольской губернии мирно установилась Советская власть. Переход к советской власти в 1918 г. произошел в г. Ишиме и Ишимском уезде также мирно. Во время гражданской войны, в июне 1918 г. Ишим был захвачен белогвардейцами. В дальнейшем Красная Армия неоднократно пыталась взять Ишим, но смогла это сделать лишь в ноябре 1919 г. Но оформление в Тюмени губернского центра было прервано наступлением Колчака. Лишь после освобождения Тюмени в 1920 г. Тюмень стала административно – политическим центром края. В апреле – мае 1918 г. началась национализация крупных и средних предприятий. Для управления национализированной промышленностью были созданы совнархозы. В июле 1918 г. Сибирское временное правительство отменило все постановления советской власти. Уходя из Тюменской области белые войска забрали с собой все самоходные суда, подвижной состав железных дорог, уничтожили станки на фабриках. Промышленное производство упало на 60–80 % от довоенного уровня. По окончании гражданской войны г. Ишим оставался провинциальным городом со слабо развитым кустарным производством. В 1919 г. в нем насчитывалось 1 189 дворов с населением свыше 11 тысяч человек. Наиболее крупными предприятиями города были: механический чугунолитейный завод с количеством рабочих около 100 человек; транспортная мастерская – 48 человек; 3 мельницы с общим числом рабочих свыше 60 человек и др. На железнодорожном узле, включая депо, насчитывалось около 600 рабочих. В это время Ишимский уезд был одним из крупнейших в Тюменской губернии, в нем проживало 420 тыс. человек, имелось 56 волостей и 645 сельсоветов. В уезде насчитывалось 120 различных промышленных предприятий и кустарных производств с количеством рабочих около 1270 человек [1, с. 31].

В конце 1923 года при новом районировании Тюменская губерния была упразднена. Ее территория, разделенная на четыре округа (Тюменский, Тобольский, Ишимский, Туринский), вошла в состав Уральской области [3, с. 19].

Ведущие отрасли производства Аромашевского района в основном были восстановлены только к концу 1925 г. По отношению к 1916 г. посевные площади сельскохозяйственных культур составляли 92 %, валовый сбор зерна повысился на 59 %. Во многом восстановлению зернового хозяйства помогали поставки сельскохозяйственного инвентаря (плугов, сеялок, жаток) и семенные государственные ссуды. Животноводство развивалось медленнее, но благоприятные условия НЭПа, повышенный спрос в промышленных районах на продукцию животноводства являлись хорошими материальными стимулами. Поэтому, вплоть до конца 20-х гг., животноводство развивалось нарастающими темпами [4, с. 71].

Большинство мастерских и ремесленных предприятий в годы НЭПа было передано в аренду кооперативам и частным лицам. Преобладающее значение в те годы имели 2 типа кооперации: сельхоз союз и коопсоюз. Сельхоз союз имел в Ишимском округе свыше 290 различных предприятий, большую часть из которых (254) состав-

ляли масломолочные. Коопсоюз имел свыше 180 различных мелких предприятий, в том числе, 118 маслодельных заводов, 2 мельницы, кожевенный завод и др. Всего в 1925 г. в округе насчитывалось 1183 различных предприятия, с 1525 работниками. Основными отраслями специализации были: деревообрабатывающая, швейная и обувная, но основной удельный вес в выпуске продукции приходился на пищевую отрасль, дававшей 73,6 % от всей производимой продукции [5, с. 11].

На территории района находится зоологический заказник регионального значения «Алабуга», который расположен в северо-западной части Аромашевского района, охватывая почти всю верхнюю часть водосборного бассейна реки Илиней – крупного левого притока реки Вагай. Его площадь составляет 24 750 га, из них лесопокрытая площадь – 11 200 га [5, с. 34].

В лесах района обитают различные представители животного мира: около 30 видов птиц, из них: тетерева, белая и серая куропатка (охота на них в районе запрещена), перепела, лебеди. Более 20 видов животных: лоси, кабаны, волки, рыси, медведи. Из всех представителей животного мира наиболее многочисленны косули, бобры, лисицы, енотовидные собаки. Встречаются единичные особи норки, куницы, горностая [6, с. 52].

В Аромашевском районе представлены группы полезных ископаемых, обеспечивающие основные потребности современного экономического развития: углеводородное сырье (нефть и попутный нефтяной газ), строительные пески и глины, формовочные и стекольные пески, агрохимическое сырье (торф, сапропель), титан-циркониевые минералы и др. Запасы строительного и агрохимического сырья значительны и могут удовлетворить текущие потребности региональной экономики на несколько десятков лет. Другие полезные ископаемые являются востребованными, но необходима более детальная оценка запасов и разведка ресурсов: углеводородное сырье, формовочные и стекольные пески, диатомиты, титан-циркониевые минералы, железные руды и др. [7, с. 113].

Территория Аромашевского района испытывает на себе негативное влияние проявлений экзогенных геологических процессов (ЭГП). Данные процессы протекают независимо от влияния человека, однако его хозяйственная деятельность может существенно изменить ход их развития, ускорить или замедлить, вызвать новые генетические типы. Экзогенно-геологические процессы осложняют инженерно-хозяйственную деятельность и освоение территории Аромашевского района, наносят прямой и косвенный социальный и экономический ущерб – создают на урбанизированных территориях угрозу безопасности населения, осложняют функционирование гражданских, промышленных и линейных сооружений, приводят к сокращению полезных площадей существующих и перспективных застроек, приводят к потере продуктивности сельскохозяйственных и лесных угодий [1, с. 109].

Улучшения качества жизни большинства населения зависят от того, как экологическая обстановка в районе будет улучшена [8, с. 167; 9, с. 793].

В 1995 г. от стационарного источника загрязнения в атмосферу поступили 295 тонн загрязняющего вещества. Переход котельных из твердого топлива на газ и газификацию частных секторов существенно влиял на снижение выбросов вредных веществ в атмосферу. Кроме стационарных источников, массивным и прогрессирующим источником загрязнения атмосферы является автотранспорт. На 1 января 2000 г. в районе эксплуатировалось 3 165 единиц автотранспорта. Отмечается снижение количества большегрузных автомобилей, мотоциклов, увеличение легковых автомобилей [10, с. 37].

Основные проблемы:

- изменение площади земель населенного пункта и водных фондов, загрязненные жидким и твердым бытовым отходом производства и использования, отсутствия установленной законодательством нормы о утилизации, переработке жидкого и твердого бытового отходов;
- проектно-сметная документация для строительства полигона для твердого бытового отхода и канализационных сооружений находится в процессе разработки;
- отсутствие оборудования биотермической ямы скотомогильника. Сейчас у специализированной организации заключено соглашение о поставке контейнеров на утилизацию биологического мусора в район.

Чтобы оздоровить окружающую среду, нужно продолжать газификацию поселений района, чтобы оздоровить окружающую среду. Принимать меры, направленные на ликвидацию незаконных свалок твердого бытового отхода.

Список литературы

1. Алексеева Л.В. История Аромашевского района в первое десятилетие (декабрь 1923 г. – июнь 1932 г.). Тюмень, 2018. 193 с.
2. Бакулин В. В. География Тюменской области. Екатеринбург, 1996. 235 с.
3. Долгополова Н.В. К вопросу о проблеме агроэкологии в агроландшафте и в биосфере // Региональный вестник. 2018. № 1. С. 2.
4. Булаев М.А. Природные рекреационные ресурсы: учеб. пособие. Тюмень, 2018. 162 с.
5. Козьева И.А., Кузьбожев Экономическая география и регионалистика: учеб. пособие. 2-е изд. М., 2019. 178 с.
6. Санникова Н.В. Экологические функции леса // Вестник государственного аграрного университета Северного Зауралья. 2016. № 3 (34). С. 21–26.
7. Клещев К.А. Перспективы развития сырьевой базы нефтедобычи России. Пути реализации нефтегазового потенциала Тюменской области. Тюмень, 2019. 204 с.
8. Петров Ю.В. Геоинформационное моделирование налогового администрирования муниципального управления в области охраны окружающей природной среды // Малоотходные, ресурсосберегающие химические технологии и экологическая безопасность. Стерлитамак: Фобос, 2013. С. 167–168.
9. Петров Ю.В. Россия опасна мизерностью своих потребностей // Теоретические и прикладные исследования социально-экономических систем в условиях интеграции России в мировую экономику. Тюмень: ТюмГУ, 2013. 793–798 с.
10. Малышкин Н.Г. Оценка экологической безопасности районов юга Тюменской области на базе совокупности критериев // АгроЭкоИнфо. 2018. № 4 (34).

МОЛОДЕЖНАЯ СЕКЦИЯ

УДК 314.151.3-044.332:77.041(=161.1)"1920/1939"

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В 1920–1930-е гг. НА ОСНОВЕ ФОТОМАТЕРИАЛОВ

*Щукина Анастасия Николаевна, магистрант
Сибирский Федеральный Университет, Красноярск, Россия
a.n.shchukina@mail.ru*

История русской эмиграции является важной частью истории нашей страны и стран принимающих эмигрантов. За время волн эмиграций, последовавших за революцией и Гражданской войной из страны уехало около 2 миллионов человек. В рамках изучения феномена эмиграции фотография является очень ценным ресурсом, так как именно визуальный источник является отражением событий и явлений повседневной жизни.

Ключевые слова: профессиональная адаптация, эмиграция, 1920–1930-е годы, фотоматериалы

PROFESSIONAL ADAPTATION OF RUSSIAN EMIGRATION IN THE 1920s-1930s YEARS BASED ON PHOTOGRAPHIC MATERIALS

*Shchukina Anastasia Nikolaevna, Master`s student
Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia
a.n.shchukina@mail.ru*

The history of Russian emigration is an important part of the history of our country and the countries hosting emigrants. During the waves of emigration that followed the revolution and the Civil War, about 2 million people left the country. As part of the study of the phenomenon of emigration, photography is a very valuable resource, since it is the visual source that reflects the events and phenomena of everyday life.

Keywords: professional adaptation, emigration, 1920s-1930s years, photographic materials

Миграции населения – перемещения людей, связанные, как правило, со сменой места жительства. Она подразделяется на безвозвратную (с окончательной сменой постоянного места жительства), временную (переселение на достаточно длительный, но ограниченный срок), сезонную (перемещение в определенные периоды года). Различают внешнюю и внутреннюю миграцию; к внешней относится миграция за пределы страны; к внутренней – движение из села в город, межрайонные переселения и др. [1]. Наша работа будет заключаться в изучении внешней миграции на основе фотоматериалов (т.е. перемещения населения за пределы Советского Союза, в данном случае в Западную Европу), изучение этой темы способствует сформировать понимание со-

циальных, экономических, культурных и политических проблем мигрантов за границей, выявить механизмы и проблемы их социальной адаптации.

Источником для изучения данной темы были выбраны фотоматериалы. На современном этапе развития исторической науки мы можем наблюдать тенденцию к расширению источниковой базы исследования за счет включения визуальных документов [2]. Вследствие визуального поворота, фотография перестала восприниматься как дополнение к основной информации, т. е. письменным источникам. Теперь она рассматривается как самостоятельный источник при правильном ее атрибутировании. При этом существуют и дискуссии, связанные с местом визуальных источников в исследованиях, так Л.Н. Мазур отмечает, что «визуальный поворот в исторической науке совершается медленнее, чем в социологии и культурологии». Для историка «основой исторического знания и его символом» остается письменный источник, а «видимость» визуального источника воспринимается как вещь отвлеченная. Но нельзя не обратить внимания на то, что в современном мире изображение обладает не меньшей, а, возможно, даже большей силой воздействия на самые широкие массы людей, чем слово [3].

Таким образом, в данной работе будет рассмотрена одна из проблем эмиграции – профессиональная адаптация, на основе фотографий, сделанных Джеймсом Эббе в США и Европе [4] и серии снимков неизвестного автора в Германии [5]. Именно при помощи визуальных источников мы сможем углубить историческое знание и составить как можно более полную картину прошлого.

В конце XX в. в гуманитарных науках вслед за лингвистическим произошел так называемый «визуальный поворот» (pictural turn). Историки исследуют возможности визуалистики для познания прошлого и формирования новых исследовательских и образовательных практик. Среди существующих классификаций исторических источников чаще всего выделяют четыре основные группы: вещественные, изобразительные, письменные, фонические. Именно к изобразительным источникам мы обратимся в нашем исследовании [6].

Существуют различные методы анализа визуальных источников. Первый условно называют «технологическим». Его сторонники – Ю. Л. Троицкий и А. В. Корчинский [7] – предлагают историкам при анализе этого корпуса источников сосредоточить основное внимание на выполнении определенных исследовательских процедур:

1. Оценить пространственную композицию снимка. Выяснить, что является композиционным центром, а что относится к второстепенным деталям? Что снято крупным планом, а что общим? Является фото профессиональным или любительским.

2. Изучить распределение света и цвета на фотографии. Для понимания фотографии может иметь значение то, как падает свет на изображаемые объекты. Создана ли мрачная атмосфера или автор специально высвечивал изображение.

Наше исследование базируется на антропологическом подходе. Именно благодаря ему мы можем ответить на следующие вопросы: зачем, для кого, при каких обстоятельствах делалась съемка; как воспринималась фотография современниками и потомками, публиковалась ли она, где и по какому поводу; вошла ли фотография в историческую память россиян или иностранцев и почему это произошло. Но при этом нужно помнить о искажении фотографии: умышленном или случайном. Чтобы избежать не точностей или вовсе фальсификации исторических фактов, мы проводим со-

поставление полученной информации, при анализе фотографий и сведений из источников [8].

Первый блок анализируемых фотографий представлен работами Джеймса Эббе, на снимках которого изображена российская творческая интеллигенция в эмиграции. Мы можем видеть на фото Михаила Фокина и его жену Веру Фокину – артистов балета, А.П. Павлову – одну из величайших балерин XX в., И.Л. Рубинштейн – актрису и танцовщицу и других известных личностей в сфере театра и балета. Все фотографии датированы 1920-ми гг. Проводя анализ данных фотографий и изучая биографию отдельно взятых личностей, мы можем говорить о том, что их деятельность в эмиграции не отличалась от того, чем они занимались на родине. Стоит отметить тот факт, что некоторые из них, как например, Ида Рубинштейн были очень уважаемы и в новой для себя среде. Итальянский поэт Габриеле д'Аннунцио написал для Рубинштейн «Мистерию о мученичестве святого Себастьяна», которая была поставлена во Франции, а позже И.Л. Рубинштейн создала собственную труппу. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, как адаптировалась творческая интеллигенция, продолжая развиваться в направлении своей профессиональной деятельности, имея большой успех в США и странах Европы.

Следующий блок представлен фотографиями неизвестного автора, которые были сделаны в 1930-е гг. в Германии, в Берлине. Здесь мы видим противоположную ситуацию адаптации творческой интеллигенции. Многим ее представителям пришлось адаптироваться под условия новой жизни, находя иное «применение» своим знаниям и навыкам. Так, Алекс Авалов, бывший крупный помещик и профессор химии в Санкт-Петербурге в эмиграции занимался производством крепких алкогольных напитков с помощью аппарата, построенного им в Берлине. Авалову пришлось использовать свои знания в сфере химии не для научных целей, а перенаправить их в другую отрасль, которая давала возможность заработка. Знаменитый оперный певец – граф Василий Тарновский, получил высшую оперную награду в России. В эмиграции Василий Тарновский работал как пианист и певец сатирических куплетов в русских кафе в Берлине. Несмотря на то, что В.В. Тарновский также относился к творческой интеллигенции, потребовалась профессиональная адаптация и более скромное проявление себя в профессии, нежели актерам театра и балета. Мы видим пример того, как желание заниматься любимым делом отражалось в занятиях тех или иных людей, посредством «приспосабливания» в среде эмиграции.

Третий блок фотографий неизвестного автора сделан в той же географической местности, но здесь уже запечатлены люди, которые в России несли воинскую службу. Однако в эмиграции, обретая другой социальный статус, в условиях других порядков в государстве многие из них стали заниматься совершенно другой, отличной от прежней деятельности. Так, барон фон Руктешель до революции 1917 г. служил капитаном гвардейского полка, в эмиграции стал гитаристом в цыганском оркестре. Сахно-Устимович, из Терского казачьего полка, бывший адъютант царя, стал поваром в небольшом русском ресторане, причем очень достойным и уважаемым. Павел Александрович Офросимов, бывший генерал-майор свиты Его Величества, в эмиграции разводил кур. Данные люди не смогли включиться в ту же сферу, в которой служили в России. Мы видим, что несмотря на их довольно высокое положение на родине, им пришлось адаптироваться к тем условиям, в которые они попали, зачастую смириться с более низким социальным статусом.

Таким образом, анализ фотографий позволяет нам выделить три пути развития в профессиональной сфере эмигрантов. Первая группа – это те, чья профессиональная

деятельность никак не изменяется. Мигранты второй группы «встраиваются» в схожую профессиональную деятельность, значительно не меняя свой основной навык. И третья группа – те, чья профессиональная деятельность на родине и в эмиграции коренным образом различаются.

Помимо этого, можно сделать следующие выводы. У большинства мигрантов первостепенная задача стояла в финансовом обеспечении своей жизни, нежели развиться как профессионал. Оказавшись вдали от родины, нужны были средства к существованию и выживанию. Условия и социальная структура в странах Запада не всегда позволяли людям заниматься той же профессиональной деятельностью, что и на родине, мы можем наблюдать это в ходе анализа фотографий, приведенных в данной статье. При этом, встречаются случаи, когда у мигрантов была возможность открытия своего дела (магазины, кафе и т.д.).

Анализ профессиональной адаптации через осмысление и анализ фотоматериалов позволяет нам более детально изучить повседневность и рабочую сферу жизни эмигрантов, опираясь на их биографию и род занятий на родине, что формирует целостную картину представления о данной проблеме.

Список литературы

1. Большой Энциклопедический словарь. Миграция. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/197218> (дата обращения: 23.02.2024).
2. Главацкая Е. М. Фотодокументы как исторический источник: опыт атрибуции, критического анализа и научного цитирования // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2012. № 1 (99). С. 217-225.
3. Сукина Л. Б. Визуальный источник: перспективы, проблемы и ограничения использования информационного ресурса / Л.Б. Сукина // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vizualnyy-istochnik-perspektivy-problemy-i-ogranicheniya-ispolzovaniya-informatsionnogo-resursa> (дата обращения: 02.10.2024).
4. 1920-е. Русские эмигранты на снимках Джеймса Эббе. URL: <https://humus.livejournal.com/8438432.html> (дата обращения: 02.10.2024).
5. Литературно-исторический клуб «РусичЪ». URL: <https://likorg.ru> (дата обращения: 02.10.2024).
6. Белгородская Л.В. Смыслы и скрытые подтексты визуальных исторических источников. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2019. С. 17.
7. Визуальные образы прошлого: новые стратегии использования в образовательной и исследовательской практике. Новосибирск: Новосиб. гос. пед. ун-т, 2014. С. 113–114.
8. Волкова Г.В. Фотография в общественно-политической и культурной жизни Российского зарубежья (1920–1930-е гг.) // Новый исторический вестник. 2007. № 2 (16). С. 251–265.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖЕНСКИХ ОБРАЗОВ В РОССИИ В ПЕРИОД 1900-1920-х ГОДОВ

Оюн Надежда Шолбановна, студент

Сибирский Федеральный университет, Красноярск, Россия

nadyaoyun.94@gmail.com

Чистяков Роман Михайлович, студент

Сибирский Федеральный университет, Красноярск, Россия

red7310@mail.ru

В статье анализируется трансформация женских образов в первой трети XX века. В дореволюционную эпоху акцент делается на приобретении женским образом компонента сексуальности, предпосылках и причинах появления этого компонента. В советскую эпоху прослеживается кардинальный слом сложившихся до 1917 года шаблонов в пользу формирования образа «новой советской женщины», практически лишенного феминных и сексуальных черт.

Ключевые слова: Российская империя, СССР, женщина, образ, тело, сексуальность, пerversии, производственная пропаганда

THE TRANSFORMATION OF WOMEN'S IMAGE IN RUSSIA IN THE PERIOD OF THE 1900s-1920s

Oyun Nadezhda Sholbanovna, Student

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

nadyaoyun.94@gmail.com

Chistyakov Roman Mikhailovich, Student

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

red7310@mail.ru

The article analyzes the transformation of female images in the first third of the 20th century. In the pre-revolutionary era, the emphasis is on the acquisition of a sexuality component by the female image, the prerequisites and reasons for the appearance of this component. In the Soviet era, a radical breakdown of the patterns that had developed before 1917 can be traced in favor of the formation of the image of the "new Soviet woman", practically devoid of feminine and sexual features.

Keywords: Russian Empire, USSR, woman, image, body, sexuality, perversions, industrial propaganda

Начало XX в. для России явилось эпохой слома не только сложившихся политических, социальных, экономических систем, но и нравственных, и гендерных. Вместе с формирующейся капиталистической моделью общества, упадком института церкви, проникновением либеральной буржуазной философии женщина получила возможность раскрепощения в самых разных сферах. Еще во второй половине XIX в. такие произведения, как «Что делать?» Н.Г. Чернышевского [1], «Отцы и дети» И.С. Тургенева [2] фиксировали значительную трансформацию образа жизни девушки. Вспомним Кукушину: она самостоятельная («...Впрочем, я действительно помещи-

ца. Я сама именем управляю...»); приверженность нигилизму позволяет ей одеваться так, как ей хочется («...не совсем опрятное платье...»), кокетничать с мужчинами. Главная героиня произведения Н.Г. Чернышевского вообще имеет право выбора: решает, с кем из двух мужчин ей остаться.

Капитализм и индивидуализм начала XX века ускоряют это раскрепощение, доводя его до крайности. Именно в это время становится возможно найти в газетах многочисленные объявления о продаже открыток порнографического характера [3], соседствующие с рекламой книги о вреде рукоблудия (которая лишь стимулирует интерес к подобным перверсиям) [4, с. 80], систематически посещать показы эротических фильмов в электротейатре [5, с. 2–3].

Падение пуританской нравственности делает неотъемлемой составляющей женского образа сексуальность: от рекламы сладостей [6, с. 106] до объявлений о продаже средств против ожирения [7, с. 4; 8, с. 4] – везде акцентируется внимание на женском теле, и если наблюдателю и не оказывается представлена соблазнительная красавица с тонкой талией и большим бюстом, то обязательно считывается смысл, что женщина может улучшить свой облик, чтобы стать сексуальнее.

Рисунок 1 - Реклама сладостей

*Рисунок 2 – Зачем оставаться толстым?
Или, вернее, зачем оставаться толстой?*

Стройная, атлетичная фигура как новая буржуазная добродетель способствует популяризации женских гимнастических кружков (как, например, красноярская секция соколов, в которую, в среднем, входило около 20 участниц [9, с. 3]; в уставах большей части сокольских обществ других городов также предполагалось существование женских секций [10, с. 6–7]). Провозглашение большой груди как признака женского здоровья поднимает спрос на различные чудодейственные мази и устройства, вроде бюсторазвивателя «Экзубер» [4, с. 83, 91].

в результате свободной любви, освобожденная от семейных уз и заботы о детях, которые будут воспитываться обществом в детских колониях, и активно участвующая в строительстве социализма» [14, с. 5].

*Рисунок 4 – Обложка
«Работницы» за 1927 г.*

*Рисунок 5 – Обложка
«Работницы» за 1929 г.*

*Рисунок 6 – Плакат
периода Глан-Глобуса В.Б.*

И действительно, в плакатах и газетах она изображается в рабочей одежде, без ярко выраженной феминности [12]. Взгляд у нее серьезный, она уверена, амбициозна и полна сил. Она готова к разгрому прежних порядков и часто можно встретить ее с высоко поднятой правой рукой и грубой мимикой [11].

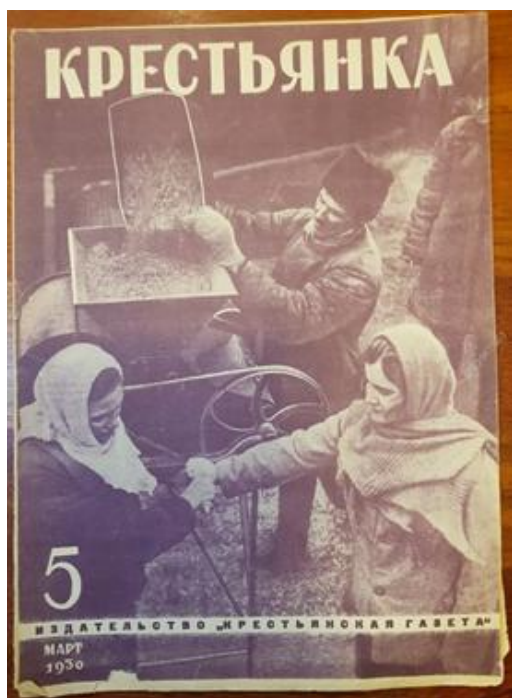

*Рисунок 7 – Обложка
«Крестьянки» за 1930 г.*

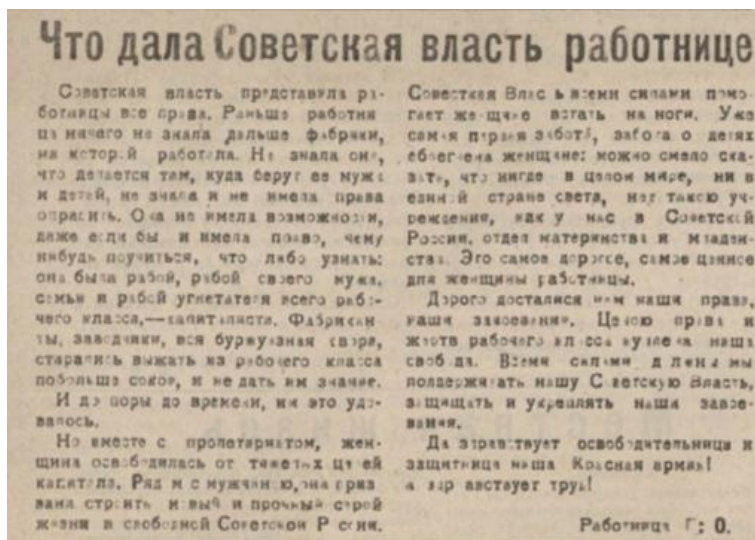

*Рисунок 8 – Что дала советская власть
женщине?*

«Новая советская женщина» также активно осваивает мужские профессии. И это не только в рамках всеобщей трудовой повинности, но и для решения женского вопроса, чтобы добиться экономической независимости и освободиться от «домашнего рабства». По мнению Н. Крупской, идея равноправия может быть реализована только тогда, когда женщина сможет сама хорошо заработать на жизнь себе и детям: («...самостоятельный заработок освобождает женщину от власти мужчин...») [15, с. 97]. И поэтому продвигаются заголовки о том, как важно приобщить себя к труду [16, с. 4] и изображения, как она наравне с мужчинами берется за тяжелую работу [17].

Так к концу 1920-х гг. эталон советской женщины полностью определяется. Конечно, такие собирательные пропагандистские образы государство использовало для трансляции своих интересов. «Новая советская женщина» отличается асексуальным образом, прежняя сильная феминность отходит далеко назад. Так, закрепляется эталон вовлеченной в строительство нового общества героини. Она образована, активна, ответственна и хочет развиваться в разных направлениях, чтобы ощутить себя сторонницей общеклассовых интересов и стать частью рабочего движения.

Таким образом, можно проследить наглядную трансформацию женского образа и телесности, которые формировались под разные социально-экономические перемены общества и настроения.

Список литературы

1. Чернышевский Н.Г. Что делать? // Интернет-библиотека Алексея Комарова. URL: <https://ilibrary.ru/text/1694/index.html> (дата обращения: 07.10.2024).
2. Тургенев И.С. Отцы и дети // Интернет-библиотека Алексея Комарова. URL: <https://ilibrary.ru/text/96/index.html> (дата обращения: 05.10.2024).
3. Енисей. 1903. № 67. С. 4.
4. Забытая реклама. Труды отечественных теоретиков рекламы конца XIX – начала XX в. Н. Плиский, А. Веригин, Н. Верховой, А. Ратнер / авт.-сост. А.А. Степанов, А.Е. Якимов. СПб.: РИАЛ – ПРОНТО; Книжный Дом, 2014. 100 с.
5. Красноярская мысль. 1912. № 111. С. 2–3.
6. Глинтерник Э.М. Реклама в России XVIII – первой половины XX века / Э.М. Глинтерник. СПб.: Аврора, 2007. 361 с.
7. Красноярская мысль. 1911. № 19. С. 4.
8. Сибирская мысль. 1912. № 2. С. 4.
9. Енисейская мысль. 1912. № 32. С. 3.
10. Федотова О.Д., Спивак И.А., Карпова Г.Ф. Влияние панславистских идей Мирослава Тырша на просветительскую деятельность российских общественных организаций начала XX века // Мир науки. Педагогика и психология. 2022. Т. 10, № 1. С. 1–10.
11. Работница. 1927. № 3.
12. Крестьянка. 1929. № 5.
13. Плакат Глан-Глобуса В.Б. Кат. № 1895. Издательство: Московский Комитет В.К.П. (б). М. Период 1922–1930.
14. Скорнякова С.С. История гендерного равноправия в России в Советский период // Россия в глобальном мире. СПб., 2014. С. 1–12.
15. Крупская Н.К. Женщина-работница. Педагогические сочинения. М.: Изд-во Академии пед. наук, 1957. Т. 1. С. 97.
16. Красноярский рабочий. 1920. № 293. С. 4.
17. Крестьянка. 1930. № 5.

ЭВОЛЮЦИЯ РАЗВИТИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РУССКИХ ЗЕМЕЛЬ И ЮГРЫ В XI–XV ВВ.

Серикова Влада Олеговна, студент

Московский государственный институт международных отношений,

Москва, Россия

serikovavlada2006@gmail.com

При рассмотрении истории России через территориальную призму событий Сибирь становится полноправной частью нашей истории только в XVI в. в связи с походами Ермака Тимофеевича за Урал. История Сибири и ее взаимодействие с Русью до XVI в. зачастую покрыта тенью. Исходя из этого, в данной статье будет рассмотрен характер взаимоотношений между Югрой и русскими землями в XI–XV вв.

Ключевые слова: Югра, Новгород, военные походы, дань, Москва, пушнина

EVOLUTION OF THE DEVELOPMENT OF RELATIONS BETWEEN RUSSIAN LANDS AND YUGRA IN THE XI-XV CENTURIES

Serikova Vlada Olegovna, Student

Moscow state institute of international relations, Moscow, Russia

serikovavlada2006@gmail.com

When considering the history of Russia through the territorial prism of events, Siberia becomes a full-fledged part of our history only in the 16th century, in connection with Ermak Timofeevich's campaigns beyond the Urals. The history of Siberia and its interaction with Russia before the 16th century is often covered with shadows. On this basis, this article will examine the nature of the relationship between Yugra and Russian lands in the XI-XV centuries.

Keywords: Yugra, Novgorod, military campaigns, tribute, Moscow, fur trade

Для того чтобы перейти к детальному рассмотрению каждого обозначенного аспекта, необходимо обозначить хронологические рамки и деление времени внутри них, чтобы также проследить эволюцию анализируемых сторон взаимоотношения с Сибирью до XVI в.:

➤ Общие хронологические рамки: XI–XV вв., то есть от первого упоминания Югры в Повести временных лет в 1096 г. и до последнего похода Ивана III на эту территорию в 1499 г.

➤ Первый период: XI – первая половина XIV вв., когда основная информация о Югре появляется в новгородском и других приуральских летописаниях.

➤ Второй период: вторая половина XIV–XV вв., когда во взаимодействиях с Югрой появляется новая сторона – Московское княжество.

В течение первого рассматриваемого периода хронологических рамок хочется обратиться к отрывку из Повести временных лет про поход Гурята Роговича в 1096 г., в котором впервые упоминается Югра: «яже сказа ми Гурята Роговичъ, новгородецъ, глаголя сице, яко «Послахъ отрока своего в Печеру, люди, иже суть дань дающе Новгороду. И пришедшу отроку моему к нимъ, и оттудѣ иде въ Угру» [1]. В первую

очередь, хочется обратить внимание на то, что взаимоотношения между Новгородом и Югрой характеризовались, как даннические. Это, конечно, может говорить о военном и численном превосходстве новгородского войска в этот период. Однако стоит обратиться к двум другим летописным известиям о походах 1187 и 1193 гг. Во время первого похода «избъени быша печерьскеи и югрьскіи въ Печере, а другиі за Волокомъ, и паде головъ о сте кѣметства» [2, л. 48 об.], то есть новгородцы также «присмирили» югорских и печорских данников. Но в следующем походе 1193 г. «яко изнемогоша голодомъ, стояли бо бяху 6 недѣль, слушающе льстьбѣ ихъ, и на празднѣиѣ святого Николы вылѣзше из города, исѣкоша вся; и бѣ туга и беда останку» [2, л. 53] видно, что силы оказались не равны, из-за чего войско новгородского воеводы Ядрея было разбито. В сумме приведенные летописные известия о вышеупомянутых трех походах показывают, что, во-первых, новгородцы достаточно часто совершали походы на Югру, дабы восстановить выплату дани с этих политических объединений, так как во всех трех летописных отрывках упоминается дань, данники и др., что, в свою очередь, показывает непостоянство в новгородско-югорских взаимоотношениях. Возвращаясь к первому отрывку из Повести временных лет, необходимо обратить внимание на то, почему в общерусском летописном своде, который был составлен на юге Руси, то есть в Киеве, появляется известие новгородского происхождения о походе на Югру, которая находится за Уралом. Исходя из того, что в данном источнике отражены события, которые являются ключевыми в представлении монахов и киевских князей, можно утверждать, что в тот период времени появляется интерес в этом направлении, что говорит и о его важности в контексте общерусского «мира» для монаха-автора Повести временных лет [4, с. 258–270]. При обращении к двум следующим приведенным отрывкам из Новгородской первой летописи старшего извода, может возникнуть вопрос: почему в дальнейшем известия о походах на Югру, в основном, берутся из новгородского летописания? Это объясняет факт того, что, начиная с XII в., Русские земли вступают в период т.н. раздробленности, в период которой об общерусском летописном своде говорить не приходится, так как укрепляется локальное летописания в новых политических центрах, например, в Галицко-Волынском княжестве или в Новгородской земле.

Рассмотрев характер взаимоотношений между русскими землями и Югрой в течение первого обозначенного периода хронологических рамок, перейдем к анализу образа населения и территории Югры в древнерусских летописях. Для этого необходимо вновь обратиться к Повести временных лет, в которой читаем следующее (из отрывка про 1096 г.): «Угра же рекоша отроку моему: “Дивно находимъ мы чюдо ново, егоже нѣсмы слыхали преже сихъ лѣтъ, се же нынѣ третье лѣто поча быти: суть горы заидуче в луку моря, имѣже высота акы до небеси, и в горахъ тыхъ кличъ великъ и говоръ, и сѣкутъ гору, хотяще просѣчися»[1]. В приведенном отрывке летописец рисует нам представление о том, что находится за Уральскими горами, делая отсылку на «Откровение» Мефодия Патарского, которое, в свою очередь, повествует о легенде про Гогу и Магогу, которые были заперты в горах еще Александром Македонским [9, с. 222–230]. Использование таких персонажей, как Гог и Магог, говорит о том, что все, что находится в Уральских горах и за ними, то есть в районе Зауралья, есть неизвестное и неизведанное, а также опасное и загадочное, так как упоминаемых персонажей признано ассоциировать с гуннами, с которыми боролся Александр Македонский. Такая характеристика показывает, что на момент написания летописи, в первой четверти XII века, как таковых знаний о населении и территории Югры летописец не имел, это может говорить о том, что контактов между новгородцами и югрой к концу

XII века было немного [8, с. 46–51]. Так, это стоит сравнить раннее приведенным отрывком из Новгородской первой летописи про поход 1193 г., в котором упоминается уже наличие городов в Югорских землях («придоша въ Югру и възяша городъ, и придоша къ другому граду»), что говорит о большей осведомленности о Югре уже к концу XII века [7, с. 9–10].

Первый условно рассматриваемый период взаимоотношений с Югрой показал, что, во-первых, основные контакты взаимодействия с этой территорией Зауралья установили именно новгородцы, во-вторых, характер этих взаимоотношений можно описать как военно-даннический, так как для того, чтобы собирать дань с Югры Новгороду приходилось прибегать к военной силе, что также подтверждается тем, что в летописях упоминания о Югре, в большинстве случаев, происходит в контексте военных походов новгородцев на нее, и, в-третьих, так как именно в этот период происходит установления контактов между Югрой и русскими землями, происходит эволюция образа Югры: от чего-то неизведанного и опасного, до понимания того, что на этой территории были свои города (или, как минимум, поселения).

Переходя ко второму периоду хронологических рамок, сначала рассмотрим характер взаимоотношений с Югрой, и как он поменялся. Исходя из Новгородской первой летописи младшего извода периода второй половины XIV в., видно, что частые походы на Югру сохраняются [6, с. 161–162]. Однако летописные сведения необходимо дополнить сведениями из берестяных грамот. Так, обратимся к грамоте № 365, на которую нанесен следующий текст: «да пришли съмъ с [ъ]бдор[и] юмъ съ[ц]тъмъ(сѧ) ... по[ло]» [3]. Из этого сообщения нам важно упоминание топонима Обдоры, что говорит о том, что новгородские походы на Югры не просто продолжались, но и расширялись территориально, например, доходя до Обдоры. Из особенностей такого источника как берестяные грамоты стоит также подчеркнуть, что он имеет личное происхождение, а, походы в это время могли быть организованы не только с санкции, например, вече, но и по личному желанию представителя боярства, который имел достаточно средств для реализации военного похода на столь отдаленную территорию. В XV веке взаимоотношения с Югрой делают новый виток в своем развитии, а именно появляется новый инициатор походов – Московское княжество. Во многих исторических трудах исследователи уделяют внимание трем походам, организованных московским князем Иваном III Васильевичем, в 1465 г., 1483 г. и в 1499 г. [10, с. 45–49; 11, с. 116–121]. Целью каждого похода было подчинение политических объединений, населяющих Югру, и обложение их данью, что соотносится с целями, которые преследовал Новгород в этом регионе. По-другому говоря, характер взаимоотношений не поменялся, но изменилось соотношение сил в этих отношениях, так как теперь за право взимать дань с территории Югры соперничали два крупных политических центра русских земель. Обращаясь к Двинским спискам, в которых перечисляются территории, население которых «переприсягнула» Москве вместо Новгорода, В.Л. Янин говорил, что территория Приуралья и Зауралья стала одним из камней преткновения в московско-новгородской борьбе во второй половине XV в., которая закончилась победой первой [5, с. 292–322]. Сама суть вопроса в этом конкурентном противостоянии между двумя политическими центрами также показывает, что эти территории имели экономическую выгоду, в виде пушнины для торговли, которую еще с XI в. Новгород получал с этих территорий.

Подводя итоги проведенного исследования, стоит сказать, что Югра для русских земель из загадочного и труднодоступного региона в XI–XII вв. превратилась в территорию, которая была интересна двум ключевым политическим центрам русских

земель в XV в. и выступала одним из аспектов борьбы между этими центрами, что подчеркивает также значимость этого региона для политики Новгорода и Москвы во второй половине XV в.

Список литературы

1. Повесть временных лет // Электронная библиотека ИРЛИ РАН. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/?tabid=4869> (дата обращения: 01.10.2024).
2. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // Полное собрание русских летописей. Т. 3. М.; Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1950. С. 38–448.
3. Грамота № 365 // Древнерусские берестяные грамоты. URL: <http://gramoty.ru/birchbark/document/show/novgorod/365/> (дата обращения: 04.10.2024).
4. Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.): курс лекций. М.: Аспект Пресс, 1998. 399 с.
5. Янин В.Л. Очерки истории средневекового Новгорода. М.: Языки славянских культур, 2008. 400 с.
6. Пузанов В.Д. Русские походы в Югру XI–XVI вв. // Вестник угроведения. 2014. № 3. С. 161–164.
7. Пузанов В.Д. Русь и Югра в XI–XVI вв. // Северный регион: наука, образование, культура. 2015. № 2. С. 8–11.
8. Клима Л. Финно-угорские народы в России в Средние века, 859–1118 гг.: финно-угры и самоеды на страницах Повести временных лет // История. 1983. С. 43–60.
9. Петрухин В.Я. «Русь и вси языци»: аспекты исторических взаимосвязей, историко-археологические очерки. М.: Языки славянских культур, 2011. 384 с.
10. Перцев Н.В. Поход московских войск 1499 г. в Югру в контексте внешней и внутренней политики Московского государства // Genesis: исторические исследования. 2018. № 2. С. 40–54.
11. Маслюженко Д.Н., Рябинина Е.А. Поход 1483 г. и его место в истории русско-сибирских отношений // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 1. С. 115–123.

**ПЕРЕСЕЛЕНИЯ КРЕСТЬЯН В БАРНАУЛЬСКОМ УЕЗДЕ ТОМСКОЙ
ГУБЕРНИИ (НА МАТЕРИАЛАХ СЕМЕЙНЫХ ИСТОРИЙ
РОДА ПЕРШИНЫХ)**

*Демчик Евгения Валентиновна, доктор исторических наук, профессор
Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия
demtchikev@mail.ru*

*Першин Максим Евгеньевич, студент,
Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия
kinoskass@mail.ru*

В статье на примере нескольких семейных историй показаны причины переселений крестьян по одному из сибирских регионов. Микроисторический анализ переселений по Барнаульскому уезду Томской губернии основан на материалах Государственного архива Алтайского края, впервые вводимых в научный оборот. Изучение процесса переселения в рамках конкретного сибирского региона расширяет представления о переселенческих процессах в целом.

Ключевые слова: предки-пасынки, переселение по Сибири, ревизские сказки, крестьянство

RESETTLEMENT TO SIBERIA IN THE FAMILY HISTORY OF THE PERSHINS

*Demchik Evgeniya Valentinovna, Doctor of Historical Sciences, Professor
Altai State University, Barnaul, Russia
demtchikev@mail.ru*

*Pershin Maksim Evgenievich, Student
Altai State University, Barnaul, Russia
kinoskass@mail.ru*

Using the example of several family stories, the article shows the reasons for the resettlement of peasants within one of the Siberian regions. The microhistoric analysis of the migrations in the Barnaul district of the Tomsk province is based on the materials of the State Archive of the Altai Territory, which are being introduced into scientific circulation for the first time. The study of the resettlement process within the framework of a specific Siberian region expands the understanding of resettlement processes in general.

Keywords: stepson's ancestors, resettlement of peasants within one of the Siberia, revision lists, peasantry

Обращение к анализу процесса переселения на микроуровне позволяет увидеть некоторые его особенности в разных регионах Сибири. В рамках микроисторического анализа будут представлены факты переселений в семейной истории рода Першиных, а именно крестьянских фамилий Зарешновых и Кротовых, проживавших в нынешних селах Дмитро-Титово (Кытмановский район, Алтайского края), Шахи (Павловский район, Алтайского края) и Каркавино (Косихинский район, Алтайского края).

История переселения крестьян по Сибири – отнюдь не новая тема исследования. Однако обращение к микроисторическому анализу позволяет понять особенности

протекания этого процесса в конкретных регионах Сибири, к тому же, ввести в оборот информацию из ранее неопубликованных источников.

Исследование ставит своей целью выявление причин и особенностей переселения крестьян на примере рода Першиных. Для достижения этой цели проанализируем данные ревизских сказок по с. Дмитро-Титовскому и станцу Шаховскому и проведем анализ документов об отводе земельных наделов крестьянам с. Дмитро-Титовского и д. Каркавиной.

Ценным историческим источником для поиска информации о крестьянах-переселенцах являются ревизские сказки. Эта ценность определяется сведениями из графы «из того числа выбыло», в которой, в случае переселения крестьянина, писали куда конкретно он переселился. А учитывая тот факт, что, найдя информацию об «исчезнувшем» предке по одной ревизии, возможно «по цепочке» найти информацию о нем же, но уже причисленном к другому селению, можно говорить о ценности данного источника для поиска предков-переселенцев.

Так, в Государственном архиве Алтайского края была найдена запись в ревизской сказке от 15 мая 1834 г. по с. Дмитро-Титовскому (ныне – с. Дмитро-Титово, Кытмановского района, Алтайского края) [1, л. 82об. – 83]. Семья умершего Мартына Меркурьева Зарешнова претерпела изменения: сам он в 1830 году умер, два его сына Сергей и Гурьян в 1831 году были отчислены в Шаховский станец, Шадринской волости (ныне – с. Шахи, Павловского района, Алтайского края). Семья же братьев осталась на родине. Используя возможность найти информацию «по цепочке» была найдена запись от 30 июня (июля) 1834 г. по станцу Шаховскому, где значились братья Зарешновы. [2]

На сайте Шаховского сельсовета есть историческая справка – текст «Членам исторического кружка, юным друзьям Шаховской школы от Смирнова Николая Николаевича, комсомольца двадцатых годов, жителя Шахов с декабря 1920 по октябрь 1930 годов за февраль – август 1967 года». [3] Согласно этому исследованию, Шаховской станец был образован как насильственное поселение «по воле заводского начальства Колывано-Вознесенского завода» в связи со строительством Павловского завода, когда встала необходимость образования промежуточного поселения-станца по дороге Барнаул – Павловский завод. Желających поселиться на станце добровольно не нашлось, тогда в 1771 г. горнозаводским начальством было приказано переселить сюда несколько крестьян из берского ведомства за негодностью в заводскую службу и не имеющих хлебопашества.

Используя данные Н. Н. Смирнова и факты из ревизских сказок можно предположить, что братья Зарешновы были переселены в станец Шаховских тоже насильственно. В пользу этой версии говорит и то, что братья-крестьяне значатся в ревизии 1834 года как «отчисленные в станец» (пассивный залог фразы сам за себя говорит об отсутствии желания к переселению со стороны братьев). Следует также отметить, что расстояние между нынешним с. Шахи и с. Дмитро-Титово составляет 128 километров по прямой или 173 километров по нынешней дороге. Судя по всему, братья прожили в станце Шаховском до конца жизни, но говорить об этом не позволяет источниковая база, ограниченная окладной книгой 1845 [4], по которой братья продолжали жить в станце, а старший уже значился старым.

Сибирь – излюбленное место ссылок – сама тоже становилась местом, откуда отправляли в ссылку. Пример тому – двоюродные братья из с. Дмитро-Титовского Александр Харитонов и Потап Иванов Зарешновы. Согласно той же ревизской сказке

1834 г. по с. Дмитро-Титово, в 1829 году, когда им было по 26 и 22 года соответственно, они были «сосланы в ссылку».

Усыновление – еще одна причина перемещений крестьян по Сибири. Так, 15 января 1911 г. каркавинский сельский староста Кротов написал обращение дмитро-титовскому сельскому старосте: «Имею честь просить Вас милости Государь отобрать отзыв у крестьянина Вашего ведения с. Дмитро-Титовского, у отчима Осипа Дмитриева Зарешнова, не желает ли он принять в свою семью и получить на его земельного надела, пасынка Семена Наумова Кротова, приведенного из деревни Каркавиной, Косихинской волости. Прошу немедленно прислать ответ» [5, л. 82]. Через 15 дней, 30 января 1911 г. письмо дошло в Дмитро-Титово и 4 февраля того же года дмитро-титовский сельский староста Зарешнов взял отзыв у Осипа Дмитриевича: «Пасынка моего Семена Наумова Кротова принять в свою семью с наделом земли при землеустройстве я желаю, Осип Дмитриевич Зарешнов». [5, л. 81] Так, в 1911 г. 7-летний Семен, возможно с матерью, переселился из д. Каркавиной в с. Дмитро-Титово (40 километров по прямой, 80 километров по нынешней дороге), получив имя Зарешнова Семена Осиповича, а отчим получил за пасынка «земельный надел при землеустройстве». Характерно, что взял Семена как пасынка не крестьянский мир Каркавиной, где жили многие представители близкой родни Кротовых, а чужой крестьянин из чужого села.

Итак, анализ переселенческих процессов на примере семейных историй позволяет сделать следующие выводы. Переселения крестьян по сибирским регионам происходили в том числе по причине а) насильственного причисления к образованным из экономической необходимости поселениям; б) ссылки; в) усыновления крестьянских детей, связанного, в частности, с получением за них земельных наделов в 1910-1912 годах. Переселение не обязательно проходило в ближайшие поселения (15 дней шло письмо из д. Каркавиной в с. Дмитро-Титовское). Крестьянам ничто не мешало усыновить крестьянского сына из неближнего села, а само предложение об усыновлении производилось в письмах сельских старост между собой.

Список литературы

1. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 2. Оп. 1. Д. 8263.
2. ГААК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8269. Л. 146об.
3. Смирнов Н.Н. Членам исторического кружка, юным друзьям Шаховской школы от комсомольца двадцатых годов, жителя Шахов с декабря 1920 по октябрь 1930 годов за февраль – август 1967 года. URL: <https://shahi.ru/about/3> (дата обращения: 12.03.2023).
4. ГААК. Ф. 21. Оп. 1. Д. 12.
5. ГААК. Ф. 29. Оп. 1. Д. 853.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ИНТЕРНИРОВАНИЯ ЯПОНЦЕВ В США. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В РОМАНЕ ДЖ. ОКАДА «NO-NO BOY»

Замахаяев Владислав Владимирович, магистрант

*Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева,
Красноярск, Россия
zamakhaevvv@yandex.ru*

В данной статье выявлены социокультурные последствия интернирования японцев в США, нашедшие отражение в романе Дж. Окада «No-no boy». Являясь современником и участником описываемых событий, автор в художественной форме представляет идейный раскол среди американских японцев, усиление ассимиляционных процессов после окончания войны.

Ключевые слова: японцы, США, интернирование, последствия, роман, мальчик нет-нет

THE SOCIOCULTURAL CONSEQUENCES OF THE INTERNMENT OF THE JAPANESE IN THE USA. REPRESENTATION IN J. OKADA'S NOVEL «NO-NO BOY»

Zamakhaev Vladislav Vladimirovich, Master`s student

*Krasnoyarsk state pedagogical university named V.P. Astafiev, Krasnoyarsk, Russia
zamakhaevvv@yandex.ru*

This article reveals the socio-cultural consequences of the internment of Japanese Americans in the United States, reflected in the novel "No-no boy" by J. Okada. Being a contemporary and participant of the described events, the author presents in an artistic form the ideological split among Japanese Americans and the intensification of assimilation processes after the end of the war.

Keywords: Japanese, USA, internment, consequences, novel, no-no boy

Интернирование японцев в США в период Второй мировой войны стало одной из дискуссионных тем в американской истории XX в. Внимание исследователей в первые послевоенные годы было сосредоточено на правовых оценках данной политики [1]. В художественном дискурсе тема впервые была отражена американским писателем японского происхождения Джоном Окада в романе «No-no boy» 1957 г. С 1980-х гг. интерес к ней значительно возрос.

В отечественной историографии интернирование японцев в США и память о нем изучены фрагментарно. Переселение японцев с западного побережья упоминается российскими исследователями в контексте изучения Второй мировой войны [2], в рамках исследования процесса в целом [3], а также в сравнительном контексте [4, с. 40]. Художественные произведения об интернировании стали объектом исследований О.Г. Сидоровой [5, с. 244–245] и Е.С. Хованской [6, с. 264–273].

Целью данного исследования является изучение репрезентации социокультурных последствий интернирования американских японцев в художественной литературе на примере романа американского новеллиста японского происхождения Джона Окада «No-no boy».

Как выразился Рут Озеки в своем предисловии к изданию 2014 года: «Только художественная литература обладает силой задавать вопросы, которые оживляют прошлое и запечатлевают его во всей его яркой путанице и сложности» [7, р. 14]. Обращение к роману Дж. Окада было обусловлено следующими обстоятельствами: основные события сюжетной линии связаны с последствиями интернирования; роман стал первым в ряду художественных произведений об интернировании японцев; публикация новеллы вызвала неоднозначную реакцию не только среди представителей американской общественности, но и внутри японской диаспоры в США; в отличие от других романов, в «No-no boy» задета острая тема «сознательного отказа» от участия в войне и обретение ею популярности стало возможно лишь на волне роста антивоенного движения в Соединенных Штатах Америки.

Джон Окада родился в 1923 г. в г. Сиэтл. До 1942 г. он учился в университете Вашингтона. После интернирования в лагерь Минидока был добровольно рекрутирован в подразделение радиоразведки ВВС США. После завершения Второй мировой войны Дж. Окада в составе оккупационных сил проходил службу в Японии. По завершению военной службы Окада получил степень бакалавра в Университете Вашингтона и магистра в педагогическом колледже Колумбийского университета. Работая составителем технологических инструкций на промышленных предприятиях, Дж. Окада занимался написанием своего единственного романа, который обрел популярность лишь в 1970-е гг. Автор романа был воплощением «представителей образцового меньшинства» (так именовались американские японцы, которые в большинстве своем, несмотря на дискриминационную политику по отношению к ним, демонстрировали всяческую лояльность правительству).

Сюжет произведения основан на возвращении главного героя, американского японца Ичиро Ямада, из федеральной тюрьмы, в которой он провел два года, ответив отрицательно на вопросы о лояльности в анкете для интернированных японцев. Повествование строится вокруг линий его взаимодействия с окружающими близкими родственниками и представителями диаспоры в Сиэтле. Ичиро оказывается ввергнутым в конфликтную среду, где основным триггером его рефлексии является мать, проникнутая патриотизмом к Японии, отрицающая проявления американской культуры, а также крайне убежденная в победе Японии во Второй мировой войне. Главный герой в своих размышлениях на протяжении всей сюжетной линии обвиняет свою мать в том, что она оказала на него пагубное влияние, заставившее его сомневаться в преданности государству, в котором он родился и вырос. Ичиро винит своих родственников в нежелании ассимилироваться и становится частью «приютившей их Америки». Отец, по мнению главного героя, был неспособен противостоять жесткой, самоуверенной матери в ее антиамериканских воззрениях и «неправильном» влиянии на сына, что также вменяется ему в вину. По возвращению из тюрьмы, родной брат Ичиро, Таро, стал испытывать к своему «осрамленному» родственнику лишь презрение и ненависть, и даже записался в ряды армии США, сделав тем самым то, что не

смог сделать его старший брат, вышел из-под материнского влияния и не посрамил свою семью перед большинством японцев Сизтла.

При выходе из автобуса в родном городе Ичиро Ямада практически сразу же начинает подвергаться остракизму со стороны воевавших за США японцев. Возникает колоссальный разрыв между ним и теми, кто «остался патриотом своей родины», не смотря на свою этническую принадлежность. Главный герой потерял свою идентичность. Он не может считать себя истинным японцем, так как японская культура была ему чужда, а американская, в которой он родился и вырос, была им предана. По мнению, Ичиро, он не имел права больше претендовать на плоды той страны, помощь которой он не оказал в один из самых критических моментов истории. «Спасательным кругом» для главного героя становится ветеран Второй мировой войны, Кенджи, лишившийся ноги в ходе боевых действий, а также его подруга Эми. Таким образом, морально-нравственной и духовной неполноценности Ичиро противопоставляется физическая «неполноценность» Кенджи, который не только спасает главного героя от унижений, но и заставляет его засомневаться в непростительности своего проступка. Но указав правильный путь, герой войны умирает от полученной на войне травмы, так и не сумевши помочь главному герою преодолеть последствия душевной драмы.

Большинство представителей японского сообщества, попавшие в схожие жизненные обстоятельства, что и главный герой, не ценят свою жизнь, находятся в конфликте не только с окружающим миром, но и сами с собой. В качестве одного из выходов из этого состояния демонстрируется смерть приятеля Ичиро, Фредди, в ходе несчастного случая, к которому привела череда непростительных ошибок.

Автор романа показал, что молодое поколение японцев, представителями которого являются Ичиро, Таро, Фредди, Кенджи и Эми – заложники «неправильной двойной идентичности». После 7 декабря 1941 г. «стало неправильно быть американцем и японцем одновременно» [7, р. 90]. Для доказательства верности американским идеалам многие японцы должны были взять в руки оружие и пойти на смерть, либо перечеркнуть свое американское прошлое и попытаться принять сторону этнической родины, заклеив себя «врагом». Те же, кто выбрал второй путь и отказался защищать интересы США во Второй мировой войне стали «большими черными пятнами на новом белье» [7, р. 189] воевавших и доказавших свою преданность американской родине японцев.

Анализ произведения, ставшего классикой азиатско-американской литературы, позволяет увидеть последствия интернирования: раскол американского общества на японцев и остальных жителей США, на патриотов и предателей, на родителей и не разделяющих их ценности детей внутри японской диаспоры. К последствиям данной политики можно отнести феномен «потерянного поколения», оказавшегося за рамками не только американского общества, но и внутреннего круга взаимодействий. Гармоничная система социальных связей, характерная для японских сообществ островного государства и за его пределами [8, с. 16], распалась под влиянием насильственного вмешательства в жизнь американских японцев. Именно «культура стыда» стала преобладающей для большинства японцев, проживающих на территории США, в послевоенный период вплоть до 1960-х гг., и подтолкнула к усилению ассимиляционных процессов, захвативших и представителей первого поколения.

Список литературы

1. Grodzins, M. *Americans Betrayed: Politics and the Japanese Evacuation*. Chicago: University of Chicago Press, 1949.
2. Суржик Д. В. «Японский вопрос» в США в годы Второй мировой войны // Новые исторические перспективы. 2016. № 2. С. 61–71.
3. Журавлева П.А., Закиров А.В. Проблема интернирования японцев в США в 1941–1945 гг. // Казанский вестник молодых ученых. 2021. № 3. С. 56–58.
4. Полян П.М. История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001. 329 с.
5. Сидорова О.Г. Азиатский «акцент» в современной литературе США // Известия УрГУ. 2007. Сер. 2. Вып. 14, № 53. С. 242–252.
6. Хованская Е.С. Трагедия интернирования в годы Второй мировой войны в современном художественно-документальном японско-американском дискурсе // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. № 1. С. 264–273.
7. Okada J. *No-no boy*. Washington: University of Washington Press, 2014.
8. Стрельцов Д.В. Политическая система современной Японии: учеб. пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 2013. 384 с.

ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ РУССКОЙ ОБЩИНЫ ПЕРВОЙ ЭМИГРАЦИИ В ЧЕХОСЛОВАКИИ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Китаева Таира Сергеевна, студент

*Московский государственный институт международных отношений Министерства
и иностранных дел России, Москва, Россия*

Taya_Kit@mail.ru

Чехословакия занимает особое место в истории первой волны русской эмиграции. Общность языка и культуры, территориальная близость и хорошая знакомая русской интеллигенции по частым заграничным поездкам чешская действительность особым образом способствовали быстрой адаптации русских эмигрантов. Однако особую роль в этом процессе сыграли и внутренние процессы складывания национальной идентичности самой Чехословакии. О взаимодействии этих процессов со складывающимся менталитетом русских эмигрантов пойдет речь в статье.

Ключевые слова: белые эмигранты, Чехословакия, Т.Г. Масарик, «русская акция»

PECULIARITIES OF ADAPTATION OF THE RUSSIAN COMMUNITY OF THE FIRST EMIGRATION TO CZECHOSLOVAKIA IN THE CONTEXT OF THE FORMATION OF NATIONAL IDENTITY

Taira Sergeevna Kitaeva, Student

MGIMO Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

Taya_Kit@mail.ru

Czechoslovakia occupies a special place in the history of the first wave of Russian emigration. Russian intelligentsia's common language and culture, territorial proximity, and the Czech reality, which is well known for frequent trips abroad, contributed in a special way to the rapid adaptation of Russian emigrants. However, the internal processes of the formation of the national identity of Czechoslovakia itself also played a special role in this process. The interaction of these processes with the emerging mentality of Russian emigrants will be discussed in the article.

Keywords: white emigrants, Czechoslovakia, T.G. Masaryk, «Russian action»

Тема русской эмиграции и в особенности вопрос формирования эмигрантской идентичности – популярная тема исследований. Крупный специалист-богемист Серапионова Е.П. в монографии «Российская эмиграция в Чехословацкой республике» анализирует как общие трудности, с которыми сталкивается российская диаспора в Чехословакии, так и специфику работы отдельных эмигрантских структур. В монографии представлены данные о количестве русских за границей в разных уголках планеты, рассматривается их социальное положение, правовое положение и финансовое благополучие [3]. Интересную источниковую базу представляет сборник документов и материалов русской эмиграции в Чехословакии, изданный Институтом славяноведения РАН. В сборнике собраны мемуары, письма, научные работы и публици-

стика русских авторов-эмигрантов в Чехословакии, работы которых поливают свет не только на реалии эмигрантской действительности, но и на трансформацию воззрений отдельных представителей русской интеллигенции в период эмиграции [11]. Л.С. Кишкин в статье «Русская эмиграция в Праге: культурная жизнь (1920–1920-е гг.)» более детально касается темы культурного развития эмигрантской общины и в особенности подробно прослеживает процесс сближения чешской и русской культуры в условиях эмиграционных будней [1]. Интерес представляет также статья М.Е. Гороховой, в которой автор останавливается на проблеме «языкового барьера» и методов ее решения, а также особенностях адаптации русских эмигрантов на примере языковых трудностей [8].

Менталитет русских эмигрантов в Чехословакии формировался под влиянием ряда факторов, в числе которых выделяются как общие тенденции формирования «эмигрантского сознания», так и специфические, связанные с родом занятий и взаимодействием с местным населением. Так, по зафиксированным данным, из 22 тыс. зарегистрированных в 1931 году чехословацких белых эмигрантов 8 тыс. занимались сельскохозяйственным трудом, около 7 тыс. принадлежало к студенчеству высших и средних учебных заведений, к условному слою «интеллигенции» относилось еще 2 тыс., и еще 2 тыс. занимались культурной, политической и общественной деятельностью [2, с. 45]. Как видно из представленных данных, основная масса эмигрантов была занята в сельском хозяйстве, что отчасти объясняется простотой и легкой адаптацией к условиям этой деятельности, либо поступала в учебные заведения для дальнейшего развития в разных областях общественной жизни. Интересно при этом, что большая часть эмигрантов сознательно выбирала неполитическую сферу деятельности несмотря на то, что многие из них в России занимались именно ей. И в первую очередь такой выбор объяснялся не сложностями адаптации к чехословацким политическим реалиям или запрету со стороны властей, а внутренним непринятием самих эмигрантов. Политический уклад мышления формировал узнаваемый тип русского экспатрианта, социальную группу с уникальным взглядом на политику, который возникал под влиянием национального самосознания, а также комплекса социальных и психологических аспектов. Этот тип мышления определял их потенциальную социальную роль (если бы они вернулись на родину) в реформировании и прогрессе постсоветской России. Тем не менее, жизнь за рубежом создавала собственные обстоятельства. Многие эмигранты, под воздействием повседневных условий, демонстрировали политическую бездеятельность или даже равнодушие, не участвуя в идеях и проектах активной части эмиграции, стремящейся к переменам в структуре Советской России. В то же время, политические идеи эмигрантов ярко проявлялись в печати, которая в 1920-30-х годах была преимущественно политической направленности и отображала политические ценности и культуру зарубежья [12]. Культурные ценности и научное наследие служили своеобразным скрепляющим элементом в жизни русских эмигрантов. Активная поддержка, оказываемая чехословацким правительством русскому меньшинству помогла группе русских профессоров (П.И. Новгородцев, М.М. Новиков, А.А. Кизеветтер и др.) в 1923 г. открыть Русский народный университет (РНУ) в Праге. Первоначально его целью декларировалось оказание помощи русским студентам в чехословацких вузах, но со временем университет стал своеобразным культурным центром. В одном из отчетов РНУ указывалось, что он «поставил своей задачей быть тем живым связующим звеном между русской молодежью и научной мыслью – тем культурным центром, вокруг которого сгруппировались бы все элементы русской эмиграции, ищущие знаний и пополнения своего образования, где

мысль их находила бы себе ответ на свои искания и запросы, где создалась бы почва, благоприятствующая и вызывающая подобные стимулы» [2, с. 57]. Стоит отметить и еще одну важную составляющую сохранения национальной идентичности в русской среде – поддержание и распространение русского языка, который служил своеобразным символом надежды возвращения на родину. Благодаря «благодатной почве», сформированной поколениями чешских и словацких публицистов и общественных деятелей XIX века, воспитывавшихся в традициях русофильства и панславизма, многие жители Чехословакии знали русский язык [8].

Однако помимо объяснимого стремления самих белоэмигрантов к скорой адаптации на новой территории, особый интерес также представляет и встречное движение со стороны граждан новообразованной Чехословакии к сближению с новыми соседями. В основе такого восприятия иммигрантов лежит как общая идеологическая доктрина этого периода, формируемая самим первым президентом независимой Чехословакии – Т.Г. Масариком, так и общественные настроения, в частности популярные в то время антинемецкие и антиавстрийские настроения.

Правительственный курс Т.Г. Масарика выражается в так называемой «Русской акции» – программе финансовой помощи русским эмигрантам в Чехословакии, ведущей свое начало с 1921 года. В программу были включены практически все главные институты Чехословакии того времени: министерство иностранных дел, фонд президента, Чехословацкий Красный Крест. Был создан специальный орган – Земгор («Объединение земских и городских деятелей в Чехословакии»), цель которого заключалась в оказании всех видов помощи. В 1927 г. появилась постоянно действующая организация – «Объединение русских эмигрантских организаций» (ОРЭО). Однако помощь оказывали не только правительственные инстанции, активное участие в программе благотворительных фондов и частных лиц, чаще всего так или иначе связанных с Россией, свидетельствует об отклике со стороны населения. Согласно статистическим данным, на помощь белоэмигрантам Чехословакия потратила больше, чем все остальные страны-центры эмиграции, более того, в совокупности финансирование эмигрантов составило 5 % среднегодового бюджета республики [3, с. 78].

Однако помимо практического измерения, концептуальные изменения начались и в идеологической сфере. Так, Т.Г. Масарик внес свой вклад в переосмысление восприятия славянской темы и присутствия России в ней. Идеологические концепции панславизма и русофильства утратили свою актуальность в политической сфере. Масарик выступал против теократии, монархии и военно-политического строя, как в Чехословакии, так и в России; он отвергал идею о монархических, феодальных и церковных корнях старой славянской общности, которая была под покровительством царской России [9]. Взгляд Масарика на фундамент славянской культуры был связан с формированием общеевропейской культуры, способной преодолеть национальные рамки и достичь уровня общечеловеческого значения без претензий на расовую превосходство и мировое лидерство. По словам Милюкова, Масарик «освободил Россию от романтической оболочки, которую наделили старые панслависты, и рассмотрел русское настоящее и прошлое глазами европейца и демократа» [11, с. 56].

Вместе с положительным образом России, в судьбе которой чехословацкие идеологи по собственным соображениям играли роль практически миссионеров, спасающих запутавшуюся русскую нацию от катастрофы в лице как императорского деспотизма, так и большевистской диктатуры, в это время также активно развивалась и критика прошлого имперского опыта самой Чехословакии, на протяжении веков входящей в состав Священной Римской империи, а затем Австро-Венгерской монар-

хии. Долгая безуспешная борьба за самостоятельность и автономию в составе империи, которую народы, населявшие землю современных Чехии и Словакии вели с 1848 г., отразилась в резком отрицании и в конечном счете преодолении «немецкого» и «австрийского» прошлого. Так, начиная с момента образования республики проходят акции по сносу памятников австрийским деятелям: в Братиславе в 1920 г. сносят памятник Иосифу II, в Праге такая же судьба постигла и памятник Марии Терезии. На фоне таких настроений, Россия как традиционный защитник всех славян еще со времен чешских «будителей», представляется не только гарантом независимости Чехословакии, но и в целом предводителем всей славянской общности [6, с. 30]. Несмотря на трансформации этой концепции в трудах Масарика, упомянутых выше, русские эмигранты воспринимались народом Чехословакии спасителями и друзьями, которым нужна помощь.

Лучшей иллюстрацией сближения народа Чехословакии с русскими эмигрантами на идеологическом уровне выступает массовое создание общих русско-чехословацких организаций по поддержанию русского языка – одной из главных составляющих идентичности. Среди них общество «Чешско-русское единство», участники которого устраивали литературные вечера, праздновали юбилеи русских писателей и поэтов. Кроме того, уже в 1919 г. в Праге появляется первое русское издательство «Наша речь», которое выпускало буквари, книги русских классиков и т.д. После переименования в «Пламя» В 1923 г. издательство получило известность в других европейских странах и со временем стало одним из самых крупных и знаменитых русских эмигрантских издательств. Кроме того, у самих чехов появилась возможность изучать русский язык в образовательных учреждениях. Можно сказать, что такой явный интерес к русскому языку как на государственном, так и на общественном уровне объясняется во многом поиском оппонента немецкому языку, насильно насаждаемому австро-венгерскими властями на протяжении долгого времени [8].

Таким образом, можно сделать вывод о сравнительно быстрой адаптации русских эмигрантов в Чехословакии, чему способствовали не только внешние факторы, такие как близость славянских языков и культуры, хорошая осведомленность интеллигенции о жизни в Чехии из-за частых поездок в Европу еще во времена Российской империи, но и внутренние факторы развития самой Чехословакии – новообразованного государства, одной из важных задач которого представлялось избавление от воспоминаний о «немецко-австрийской оккупации» и формирование собственной национальной идентичности. Традиция восприятия русских соседей как спасителей-антагонистов немцев, притеснявших чехов и словаков, трансформировалась под воздействием идей лидера нации Т.Г. Масарика, однако была также актуальна для граждан Чехословакии.

Список литературы

1. Кишкин Л.С. Русская эмиграция в Праге: культурная жизнь (1920–1920-е годы) // Славяноведение. 1995. № 4. С. 17–26.
2. Борисенок Е.Ю. Формирование политической программы русского казачества в условиях эмиграции в Чехословакии (1920-е – начало 1930-х годов) // Славяноведение. 1996. № 5.
3. Серапионова Е.П. Российская эмиграция в Чехословацкой республике. М., 1995.

4. Протасова Е.Ю. Русская эмиграция в Чехословакии 1920–1930-х гг. в оценках современной российской историографии: дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2012
5. Дом в изгнании. Очерки о русской эмиграции в Чехословакии. Прага, 2008.
6. Сладек З. Русская эмиграция в Чехословакии: развитие «русской акции» // Славяноведение. 1993. № 4. С. 28–39.
7. Возникновение и деятельность Русского научно-исследовательского объединения в Чехо-Словакии. Прага, 1938. 206 с.
8. Горохова М.Е. Проблема адаптации русских эмигрантов первой волны в Чехословакии: языковой аспект // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2020. № 4-1. С. 110–121.
9. Т.Г. Масарик и «Русская акция» Чехословацкого правительства: к 150-летию со дня рождения Т.Г. Масарика: по материалам международной научной конференции. М., 2005.
10. Задорожнюк Е.Г. Томаш Гарриг Масарик о старой и новой России в труде «Мировая революция» (к 170-летию со дня рождения политика). Славянский альманах. 2020. № 1-2. С. 182–203.
11. Милюков П.Н. Русский европеец. Публицистика 20-30-х гг. XX в. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. (Люди России).
12. Культурное и научное наследие русской эмиграции в Чехословацкой республике: документы и материалы. М.; СПб.: Нестор-История, 2016. 288 с.

РАЗВИТИЕ КРАСНОЯРСКОГО ГИМНАСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА «СОКОЛ» В 1910–1914 ГОДАХ

*Чистяков Роман Михайлович, студент
Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия
red7310@mail.ru*

В статье анализируется развитие Красноярского гимнастического общества «Сокол» в 1910–1914 гг. Оценивается его влияние на развитие как городского спорта, так и города в целом.

Ключевые слова: Российская империя, Сибирь, Енисейская губерния, Красноярск, гражданское общество, общественные объединения, спортивные общества, Красноярское гимнастическое общество «Сокол»

THE DEVELOPMENT OF THE KRASNOYARSK GYMNASTICS SOCIETY «SOKOL» IN 1910-1914

*Chistyakov Roman Mikhailovich, Student
Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia
red7310@mail.ru*

The article analyzes the development of the Krasnoyarsk Gymnastics Society «Sokol» in 1910–1914. Its impact on the development of both urban sports and the city as a whole is assessed.

Keywords: Russian Empire, Siberia, Yenisei province, Krasnoyarsk, civil society, public associations, sports societies, Krasnoyarsk Gymnastic Society «Sokol»

Модернизация общества, наступившая вследствие реформ Александра II, способствовала ускоренному формированию институтов гражданского общества. Еще до появления 4 марта 1906 г. Указа «О временных правилах об обществах и союзах» [1] в Российской империи начали возникать разнообразные общества. Пункт второй Указа позволял учреждать их без обращения в высшие инстанции, передавая функцию по утверждению их уставов в руки губернаторов. Это нововведение значительно облегчило создание обществ в территориально отдаленной Сибири, на что указывает тот факт, что именно в начале XX века почти в каждом губернском центре Сибири появилось свое спортивное общество. Не стал исключением и Красноярск: в конце 1910 г. («...без-года недельная “Соколиная гимнастика”» в употреблении относительно к декабрю [2, с. 2]) здесь возник Сокольский кружок внутри Вольно-Пожарного общества (ВПО), обособившийся затем в отдельное общество.

Существование Красноярского гимнастического общества «Сокол» в довоенное время можно разделить на два этапа: зависимый (зима 1910 – 12 февраля 1912 г.; функционирование в виде кружка ВПО и полная финансовая и пространственная зависимость от него) и автономный (12 февраля 1912 – 28 июля 1914 г.; независимый от ВПО статус, наличие нормативно-правовой базы в виде устава, интенсификация деятельности и расширение ее до масштабов города в целом).

Создание сокольского кружка и начало первого этапа следует связывать с приездом в Красноярск геодезиста-триангулятора Л.Х. Лоренцена, который также являлся квалифицированным тренером: в 1897 году он успешно прошел пражские высшие руководительские курсы по гимнастике [3, л. 1–2, 8]. Именно он занял пост начальника общества в 1912 году [4, с. 3]; именно его квалификация, вероятно, сделала возможным организацию кружка двумя годами ранее.

Самоорганизовавшись на базе клуба ВПО, сокольский кружок сумел привлечь к занятию гимнастикой более 70 человек (в апреле 1911 г. в его составе числился 71 участник; а по прошествии так называемого «сокольского вечера» – центрального мероприятия сокольских обществ – в него записалось еще 44 человека [5, с. 3]). Такой значительный для города охват обеспечивался весомой поддержкой кружка ВПО: клуб предоставил соколам помещение для проведения занятий (им оказался зал клуба, где проходили его собрания [6, с. 2-3]), а также обеспечил им солидные денежные ассигнования (в первый год сумма составила 1200 рублей, затем оказалась сокращена до 500 [7, с. 3]). Однако эта поддержка и стала причиной разлада двух обществ: дело было в том, что каждый посетитель сокольского кружка одновременно состоял и в ВПО, выплачивая ему ежегодный взнос в размере 6 рублей и пользуясь всеми преимуществами членства. Однако размер ассигнований на сокольский кружок фактически снижал эту сумму до 1 рубля – в то время на сокольские занятия ходило около 100 человек – что порождало несправедливость по отношению к участникам других кружков. В размолвке с вольнопожарными сыграло свою роль и злоупотребление их гостеприимством: сокольские занятия нередко задерживали собрания клуба до глубокого вечера, за что нерасторопные гимнасты удостоивались всеобщего ехидства («Красноярская мысль», например, называла их занятия «соколиной потехой» [6, с. 2-3], а один из членов-председателей признался, что «ничего просветительного в их деятельности на благо общества не видит» [8, с. 3]). Еще один член-председатель, некто Патлых, утверждал, что соколы своего основополагающего принципа («в здоровом теле – здоровый дух») не выдержали, имея в виду, возможно, их крикливость, вызывающее поведение и тягу к вредным привычкам (чуть позже «Сибирская мысль» заострит внимание на некультурной выходке курящего сокола, позволившего себе начать браниться на посетителя прямо во время сокольского вечера [9, с. 2]; мы можем уверенно предположить, что подобные выходки случались и ранее).

Так или иначе, но «соколам» пришлось обособиться от ВПО, что и произошло 12 февраля 1912 г. Одновременно с фактом автономии это определяло начало самого сложного периода в их существовании. Ссора с самым популярным обществом города привела к тому, когда даже самая незначительная казусная ситуация, случавшаяся с «Соколом», вроде упомянутого грубого гимнаста на сокольском вечере или открывшегося рядом с сокольским катком пивного ларька [10, с. 2] в подчеркнуто негативном ключе освещалась в газете. Какое-то время общество даже не имело помещения для занятий [11, с. 2]. В этой связи случился и ощутимый отток соколов (в феврале 1912 г. их осталось лишь 66 человек [12, с. 3]).

Тем не менее, второй этап существования сокольского общества запомнился современникам, в первую очередь, хорошими вещами: это был этап плодотворной спортивной и проектной деятельности членов общества. Под их эгидой в городе устраивались самые разнообразные спортивные активности: велопрогулки [13, с. 3], забеги [14, с. 1], студенческие гуляния [15, с. 2]. «Сокол» приурочивал свои мероприятия к значимым для современников датам (например, в августе 1912 г. – в честь празднования юбилея Отечественной войны – были устроены соревновательные иг-

ры; это стало традицией в последующие годы); он также обустроил ледовый каток после целой череды неудачных попыток Городской управы и ВПО, забрасывавших проект на половине пути [16, с. 3]. В 1912 г. оказалось открыто два спортивных зала: в недавно отстроенном 4-м народном училище на Большекачинской улице [17, с. 2] и в здании Мужской гимназии [18, с. 3]; летом 1913 года начались работы по обустройству велодрома, футбольного поля, тира для стрельбы и иных спортивных объектов [19, с. 3]. «Сокол» сделал и много других полезных вещей, для освещения которых просто не нашлось места в данном исследовании. Рубежной датой, ознаменовавшей интенсивное развитие общества, можно считать 19 августа 1912 г., когда Гордума выделила ему место за рекой Качей у Радайкина моста, где в будущем будет располагаться знаменитый стадион «Соколка» – сердце спортивной жизни дореволюционного Красноярска и первый спортивный стадион в его истории [20, с. 2].

Соколы на стадионе «Соколка». Именно на этом стадионе располагалась большая часть вышеупомянутых спортивных объектов: и каток, и велодром, и футбольное поле. Фотография из музея спорта «Локомотив» в Красноярске

Влияние Красноярского гимнастического общества «Сокол» на развитие города трудно переоценить. При нем появился первый в истории города масштабный спортивный объект: стадион «Соколка»; оформился костяк квалифицированных спортивных педагогов, которые, несмотря на повсеместное упразднение сокольских обществ Советской властью в 1923 г., принимали самое активное участие в развитии заводских кружков физкультуры (после революции и Гражданской войны уцелели начальник общества Л.Х. Лоренцен – его характеристику как спортивного педагога в личном деле, несмотря на крайне предвзятое отношение советских партийных функционеров к бывшим соколам, можно даже считать в какой-то степени положительной [3, с. 10], председатель общества Г.П. Полонский [21, с. 1]. Взглянув на личные дела инструкторов физической культуры 1920-х годов, также увидим большое количество человек, ранее числившихся в сокольской организации [22, с. 3, 6, 8]). Еще до 1914 г. «Сокол» принял самое деятельное участие в улучшении народного образования и воспитании молодежи, постепенно заменяя косных отставных офицеров на должностях преподавателей физкультуры как в средних учебных заведениях [23, с. 1], так и в

начальных училищах [24, с. 2]. Еще более важной его деятельность стала с началом Первой Мировой войны, когда ему пришлось взять на себя функции допризывной подготовки, что положило начало качественно новому периоду в его существовании.

Список литературы

1. Именной высочайший указ правительствующему сенату о временных правилах об обществах и союзах. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5205/?ysclid=m2oftfspo8131000607> (дата обращения: 25.10.2024).
 2. Красноярская мысль. 1910. № 35.
 3. Послужной список служащего Красноярского окружного военкомата Лоренцев Лука Христианович // ГАКК. Ф.Р-87. Оп. 1. Д. 134.
 4. Сибирская мысль. 1912. № 38.
 5. Красноярская мысль. 1911. № 91.
 6. Красноярская мысль. 1911. № 7.
 7. Сибирская мысль. 1912. № 25.
 8. Сибирская мысль. 1912. № 29.
 9. Сибирская мысль. 1912. № 64.
 10. Сибирская мысль. 1912. № 22.
 11. Сибирская мысль. 1912. № 215.
 12. Сибирская мысль. 1912. № 38.
 13. Сибирская мысль. 1912. № 90.
 14. Сибирская мысль. 1912. № 147.
 15. Сибирская мысль. 1912. № 151.
 16. Енисейская мысль. 1912. № 20.
 17. Сибирская мысль. 1912. № 220.
 18. Енисейская мысль. 1912. № 18.
 19. Енисейская мысль. 1913. № 123.
 20. Сибирская мысль. 1912. № 182.
 21. Личное дело. Полонский Георгий Павлович // ГАКК. Ф.Р-891. Оп. 1. Д. 426.
 22. Личное дело инструкторов физической культуры // ГАКК. Ф.Р-1298. Оп. 1.
- Д. 4.
23. Енисейская мысль. 1912. № 7.
 24. Енисейская мысль. 1912. № 19.

ПОЛОЖЕНИЕ БОЛГАРСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНОЙ ФРАКИИ В ПЕРИОД БАЛКАНСКИХ ВОЙН 1912–1913 гг.

Нигамедзянов Артем Петрович, студент

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия
lux_scientiae@mail.ru*

Статья посвящена региональным демографическим аспектам Балканских войн 1912–1913 гг. – на примере положения болгарского населения Восточной Фракии рассматриваются этнодемографические трансформации на Балканах, которыми сопровождались Балканские войны. В условиях раздела европейских территорий Османской империи этнический характер населения тех или иных регионов имел исключительно большое значение.

Ключевые слова: Балканские войны, Османская империя, болгарское население, Восточная Фракия, этнические чистки, депортация, христианизация, беженцы

THE POSITION OF THE BULGARIAN POPULATION OF EASTERN THRACE DURING THE BALKAN WARS OF 1912–1913

Nigamedzyanov Artem Petrovich, Student

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
lux_scientiae@mail.ru*

The article is devoted to the regional demographic aspects of the Balkan Wars of 1912–1913. Using the example of the situation of the Bulgarian population in Eastern Thrace, the ethnodemographic transformations in the Balkans, which were accompanied by the Balkan Wars, are considered. In the context of the division of the European territories of the Ottoman Empire, the ethnic character of the population of certain regions was extremely important.

Keywords: The Balkan Wars, The Ottoman Empire, Bulgarian population, Eastern Thrace, ethnic cleansing, deportation, Christianization, refugees

По итогам русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и Берлинского конгресса 1878 г. Османская империя потеряла значительную часть своих территорий на Балканском полуострове, сохранив за собой, тем не менее, территорию Адрианопольской (Одринской) Фракии, Македонии, Эпира, Косово и ряда других регионов. Вопреки решениям Берлинского конгресса (статья 23) [1, с. 192], балканским регионам не была предоставлена автономия в составе Османской империи, а их территория оставалась разделенной между ее европейскими вилайетами. Балканские владения империи в силу своего полиэтнического и поликонфессионального состава, а также особого внимания к ним со стороны европейских держав, стали важным очагом внутривосточной и международной нестабильности в конце XIX – начале XX в.

В рассматриваемый период в балканских вилайетах получают развитие национальные и национально-освободительные движения греков, болгар, сербов, албанцев, валахов и других народов. Ряд из них занимается просветительской деятельностью, в то время как ряд других встают на путь вооруженной борьбы против империи. В то

же время между независимыми балканскими государствами (Грецией, Сербией и Черногорией), а также вассальным (до 1908 г.) от Османской империи Княжеством Болгария ведутся переговоры о создании военно-политического блока против Турции, которые в конечном итоге приводят к оформлению Балканского союза в 1912 г. [2, с. 35–37].

Главной целью Балканского союза была война против Османской империи с целью полного ее изгнания с Балканского полуострова. Внутривосточная нестабильность в империи вследствие Младотурецкой революции 1908 г. и поражение в итало-турецкой войне 1911–1912 гг., завершившейся потерей Ливии, обусловили готовность Балканского союза начать войну 26 сентября (9 октября) 1912 г. Двумя основными очагами боевых действий стали Македония и Восточная Фракия. Последняя ввиду своей близости к имперской столице – Константинополю имела особое военно-стратегическое значение.

Восточная Фракия до Балканских войн составляла, наряду с Западной Фракией и некоторыми смежными территориями, единое пространство – вилайет Эдирне Османской империи. В вилайете проживало смешанное население, в большинстве своем представленное турками, болгарами и греками, причем в среде болгар следует отдельно выделить помаков – субэтнос болгар, исповедующий ислам. По данным одного из самых авторитетных специалистов по этнографии фракийских болгар, очевидца событий Балканских войн, Л. Милетича, в вилайете Эдирне в 1912 г. проживало около 400 тыс. турков, около 300 тыс. болгар, включая около 95 тыс. помаков, и около 200 тыс. греков [3, с. 8, 291, 301]. Тем не менее, сам исследователь, несмотря на подробность собранного материала, отмечает, что данные неточны ввиду невозможности разграничить помакское и болгарское население в некоторых регионах [3, с. 288–291].

Фракийский фронт Первой Балканской войны был отмечен значительными успехами болгарской армии – в октябре-ноябре 1912 г. была занята большая часть Восточной Фракии, включая города Кырккилисе, Люлебургаз и Пынархисар, а крупнейший город региона – Эдирне был взят в осаду [2, с. 38]. Болгарская армия была поддержана повстанческими силами представлявшей интересы болгарского населения Внутренней македонско-одринской революционной организации, которая с середины 1890-х гг. занималась подрывной деятельностью в Македонии и Фракии. В частности, для борьбы с османской армией на базе организации при активном участии македонской эмиграции в Болгарию было сформировано Македонско-одринское ополчение, участвовавшее в боевых действиях в 1912–1913 гг. [4, с. 8–15].

Как отмечал русский публицист В. Е. Якушкин в своем сочинении «Балканские войны и их результаты» (1914), «к половине ноября войну можно было считать уже оконченной» [5, с. 14], т. к. болгары вышли к укреплениям Чаталджи под Стамбулом, а падение осажденных союзниками крепостей «было только вопросом времени» [5, с. 15]. Эдирне был взят болгарскими войсками 13 (26) марта 1913 г. По данным болгарского историка С. Елдарова, в период осады имели место единичные выступления местных болгар против османской армии, оборонявшей город [6, с. 36–39]. Взятие же города было воспринято местным болгарским населением с огромным энтузиазмом [6, с. 39–41].

Болгарское продвижение во Фракии сопровождалось широкими этническими чистками, направленными против турецкого населения. По данным Л. Д. Троцкого, находившегося в это время в Софии в качестве военного корреспондента газеты «Киевская мысль», в период Первой Балканской войны имели место казни пленных турецких солдат, репрессии против помаков, сотрудничавших с турецкой армией, а

также убийства мирного турецкого и помакского населения [7, с. 268–273, 278]. Кроме того, Троцкий обвинял болгарскую военную цензуру в попытке скрыть данные события от европейского общественного мнения [7, с. 269–270].

Другим важным аспектом оккупационной политики Болгарии во Фракии стала насильственная христианизация помакского населения. Данный сюжет, в числе прочих, нашел отражение в расследовании Комиссии Э. Карнеги о причинах Балканских войн, результаты которого сыграли важную роль в формировании образа Балканских войн на Западе. Комиссия отмечает широкие масштабы принудительного крещения помаков и апеллирование болгарской стороны к мифу о насильственном крещении помаков в период османского завоевания [8, с. 77–78]. В современной болгарской историографии существует мнение, что крещение помаков с целью их интеграции в болгарскую культурную среду отвечало интересам помакского населения [9, с. 48–50]. Комиссия Карнеги также описывает случаи разрушения мечетей, убийств мирных жителей и бегство турецкого и помакского населения в Малую Азию [8, с. 123–128].

Еще до окончания Первой Балканской войны между союзниками возникли острые противоречия, в первую очередь из-за Македонии, предопределившие новую войну. Спустя месяц после подписанного 17 (30) мая 1913 г. Лондонского мирного договора, 16 (29) июня 1913 г. началась Вторая Балканская война, в ходе которой Болгария оказалась вынужденной вести войну против Сербии, Греции, Турции и Румынии. Война закончилась поражением Болгарии. Подписанный 28 июля (10 августа) 1913 г. Бухарестский мирный договор отторг от Болгарии ряд территорий, в том числе закрепил Восточную Фракию за Османской империей.

Возвращение Османской империей контроля над Восточной Фракией в ходе войны сопровождалось ответными этническими чистками против болгарского населения. Вышеупомянутый нами болгарский этнограф Л. Милетич характеризует османскую политику после занятия региона как систематическое истребление и изгнание местного болгарского населения. По данным исследователя, широкомасштабные репрессии против болгар охватили как крупные города, так и болгарские села по всей Фракии [3, с. 11–24]. Имеются сведения об участии помаков в убийствах и разграблении имущества фракийских болгар [3, с. 273–275]. Комиссия Карнеги приводит факты спасения населения отдельных сел усилиями русской дипломатии и Болгарской экзархии, помогавших населению бежать в Болгарию [8, с. 133].

Милетич не приводит точных данных по количеству погибших и переселившихся болгар в период Второй Балканской войны, но со ссылкой на статистику Болгарской экзархии констатирует, что к декабрю 1913 г. на территории Восточной Фракии проживало 3071 болгар. Они были сосредоточены в г. Эдирне и Кырккилисе, в то время как «сельского болгарского населения в регионе не осталось» [3, с. 291]. Этнические чистки затронули и часть Западной Фракии, оккупированную Османской империей и Грецией, но возвращенную Болгарии после войны. Комиссия Карнеги исчисляет число сожженных сел в Западной Фракии двадцатью двумя, а число убитых – несколькими тысячами, не давая общих данных по Восточной Фракии. Имели место и депортации населения в Болгарию, организованные греками [8, с. 135].

Одной из важнейших задач ослабленного войнами болгарского государства стало обустройство болгарских беженцев на территории Болгарии. Согласно Комиссии Карнеги, численность беженцев из Восточной Фракии в Болгарии превышала 51 тыс. человек, в то время как численность болгарских беженцев из Западной Фракии и Македонии превышала 60 тыс. человек [8, с. 154]. Беженцы были размещены преимущественно в южной части Болгарии – в тех регионах, которые Болгария получила

и сохранила в результате Балканских войн [3, с. 307–317]. Среди основных проблем были массовый голод и отсутствие жилья для беженцев [3, с. 285–286]. Следствием таких условий проживания была высокая смертность в среде переселенцев – по данным Милетича, не ниже 30% среди фракийских болгар [3, с. 290].

Таким образом, этнодемографические процессы в Восточной Фракии, которыми сопровождались Балканские войны 1912–1913 гг., стоит рассматривать в общем русле политики этнических чисток, применяемых всеми государствами-участниками с целью закрепить за собой те или иные территории со смешанным этническим и конфессиональным составом населения. Успехи Болгарии в Первой Балканской войне открыли перспективу укрепления позиций болгарского населения в Восточной Фракии, в то время как поражение во Второй Балканской войне фактически свело на нет болгарское этническое присутствие в регионе.

Список литературы

1. Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М.: Госполитиздат, 1952. 462 с.
2. Болгария в XX веке: очерки политической истории. М.: Наука, 2003. 463 с.
3. Милетич Л. Разорението на тракийските българи през 1913 година. София: Държавна печатница, 1918. 344 с.
4. Дървингов П. История на Македоно-одринското опълчение. Т. 1. Животът и действията на опълчението във войната с Турция. София: Държавна печатница, 1919. 659 с.
5. Якушкин В. Е. Балканские войны и их результаты. М.: Т-во И. Н. Кушнерев и К°, 1914. 25 с.
6. Елдъров С. Българите в обсадения Одрин // Известия на Тракийския научен институт. Кн. 13. София: Съюз на тракийските дружества в България, Тракийски научен институт, 2014. С. 28–42.
7. Троцкий Л. Сочинения. Т. 6. Балканы и балканская война. М.; Л.: Госиздат, 1926. 503 с.
8. Report of the International Commission to Inquire into the Causes and Conduct of the Balkan Wars. Washington, D. C.: Carnegie Endowment for International Peace, 1914. 413 p.
9. Трифонов С. Тракия. Административна уредба, политически и стопански живот, 1912–1915. София: Тракийска фондация "Капитан Петко войвода", 1992. 275 с.

РАЙОНИРОВАНИЕ АЧИНСКОГО УЕЗДА (ОКРУГА) В СОСТАВЕ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ. ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОПЫТА ПРЕДЫДУЩИХ ПОКОЛЕНИЙ

Васильев Михаил Сергеевич, студент

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

mikhail.vasilev.dmb20@gmail.com

На сегодняшний день перед представителями отечественного научного сообщества из разных сфер стоит задача прогнозировать социально-экономическое развитие для удовлетворения потребностей населения. Для увеличения эффективности в этом деле требуется создание единой информационной системы, в которую будет включен колоссальный массив данных об интересующем нас регионе, а именно данных как настоящего, так и прошлого времени. Примером такой системы является специализированная локальная геоинформационная система, основным принципом создания которой является наполнение системы сведениями об объектах в привязке к пространственным данным.

Территории, которые в свое время входили в состав Ачинского округа Енисейской губернии, а на текущий период времени входят в состав Балахтинского, Большеулуйского, Назаровского, Новоселовского, Ужурского и Шарыповского и других западных районов Красноярского края, и являются одними из самых плодородных. Соответственно при постоянном увеличении числа жителей города Красноярска, его агломерации, а также других городов Красноярского края возникает потребность в увеличении поставок сельскохозяйственной продукции. Однако под влиянием продолжающиеся урбанизации, число сельских поселений, являющихся критически важной составляющей инфраструктуры сельского хозяйства, на современной территории Ачинского округа значительно сократилось.

Если существующая тенденция развития сельского хозяйства в Красноярском крае продолжится, то появляется перспектива сокращения расходов на освоение новых территорий под сельскохозяйственные угодья. Эта перспектива заключается в повторном заселении земель сельских поселений, которые перестали существовать. Так казаки и переселенцы основывали поселения в районе Ачинского уезда (округа), ныне не существующие, учитывая как географические, так и экономические факторы, направленные в основном именно на развитие сельского хозяйства. Ключом в применении этой перспективы будет являться использование топографических карт Ачинского уезда (округа) за различные периоды времени, на которых отображена сеть сельских поселений, в создании специализированных ГИС и ЭИС систем. Ачинский уезд, а впоследствии округ был основан по принципам районирования земель Енисейской губернии, во главе которых стояла группирование схожих по экономическим критериям земель, в случае с Ачинским уездом (округом), он создавался из самых благоприятных для земледелия территорий, называемых центральной частью земледельческой зоны Красноярского края. Именно с целью использования опыта прошлых лет и является целесообразным создание локальной ГИС системы для территорий Ачинского уезда (округа).

Ключевые слова: Ачинский уезд, районирование, Енисейская Сибирь, геоинформационная система, казаки, татарские улусы

ZONING OF ACHINSK COUNTY (DISTRICT) IT IS PART OF THE YENISEI PROVINCE. PROSPECTS FOR USING THE EXPERIENCE OF PREVIOUS GENERATIONS

*Vasiliev Mikhail Sergeevich, Student
Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia
mikhail.vasilev.dmb20@gmail.com*

Today, representatives of the Russian scientific community from various fields are faced with the task of predicting socio-economic development to meet the needs of the population. To increase efficiency in this matter, it is necessary to create a unified information system, which will include a huge array of data about the region we are interested in, namely data from both the present and the past. An example of such a system is a specialized local geoinformation system, the main principle of which is to fill the system with information about objects in relation to spatial data.

The territories that at one time were part of the Achinsk district of the Yenisei province, and for the current period of time are part of Balakhtinsky, Bolsheulysky, Nazarovsky, Novoselovsky, Uzhursky and Sharypovsky and other western districts of the Krasnoyarsk Territory, and are among the most fertile. Accordingly, with a constant increase in the number of residents of the city of Krasnoyarsk, its agglomeration, as well as other cities of the Krasnoyarsk Territory, there is a need to increase the supply of agricultural products. However, under the influence of ongoing urbanization, the number of rural settlements, which are a critical component of the agricultural infrastructure, in the modern territory of the Achinsk district has significantly decreased.

If the current trend of agricultural development in the Krasnoyarsk Territory continues, then there is a prospect of reducing the cost of developing new territories for agricultural land. This prospect is to repopulate the lands of rural settlements that have ceased to exist. So the Cossacks and settlers founded settlements in the area of Achinsk county (district), which now do not exist, taking into account both geographical and economic factors aimed mainly at the development of agriculture. The key to applying this perspective will be the use of topographic maps of Achinsk county (district) for various time periods, which display a network of rural settlements, in the creation of specialized GIS and EIS systems. Achinsk uyezd, and subsequently the district was founded according to the principles of zoning the lands of the Yenisei province, headed by the grouping of lands similar in economic criteria, in the case of Achinsk Uyezd (district), it was created from the most favorable territories for agriculture, called the central part of the agricultural zone of the Krasnoyarsk Territory. It is with the aim of using the experience of previous years that it is advisable to create a local GIS system for the territories of Achinsk county (district).

Keywords: Achinsk district, zoning, Yenisei Siberia, geoinformation system, Cossacks, Tatar ulus

Изначально заселение территории Ачинского уезда (округа) велось в военных целях, так был воздвигнуты Ачинский и Мелесский остроги, основывались казачьи станицы в целях сдерживания угрозы кочевых тюркоязычных племен Киргизов, кочевавших, как на территории Ачинского уезда (округа) так и на территории современной республики Хакасии и Минусинской котловины. Также критическую значимость этого региона на начальных этапах освоения Сибири представляло сдерживание экспансии Джунгарского ханства и Цинской империи. Что повлекло к первому этапу ос-

воения Ачинского уезда (округа). Характеризовался он основанием оборонительных сооружений, образованием казачьих станиц, причем нередко казаки селились в уже существовавших татарских улусах, что приводило к образованию первых деревень. Со временем для обеспечения быстрой переброски войск, а также сообщения с восточными частями Российской империи, через территорию Ачинского уезда (округа) был проведен почтовый тракт, развивалось речное судоходство. А после расширения существующих границ и потери первичной цели защиты начался второй этап освоения территории Ачинского уезда (округа).

После потери статуса пограничного края территория Ачинского уезда (округа) с уже существующей инфраструктурой, в частности путями сообщения и прообразом города – Ачинский острог, оказалась востребованной как территория, хорошо подходящая для социально-экономического развития. Обуславливалось это наличием полезных ископаемых, в частности золота, а также перспективой развития сельского хозяйства. Так как территория Ачинского уезда (округа) входит в состав среднесибирского лесостепного района. Это позволяло переселенцам подыскивать свободные от лесных зарослей поляны – елани, чтобы уменьшить необходимость трудоемкой расчистки леса под пашню. Небольшие по составу, в XVII в. сибирские крестьянские семьи стремились избегать расчистки лесных участков. Таким образом распахать степные пространство под поля, что было намного быстрее и менее затратно, чем аналогичные участки территорий в лесных зонах Сибири.

Определяющее влияние на хозяйственное развитие Ачинского уезда (округа) оказало то, что город Ачинск, уездный центр, стоял на Московском тракте и был важным транспортным пунктом большой транзитной торговли. Причем становление его в этом плане началось несколько раньше и шло более интенсивно, чем земледельческая колонизация уезда. Поэтому с самого начала сельскохозяйственные занятия горожан и возникающие ремесла приспособлялись к обслуживанию этой транзитной торговли, которая после 1757 г. получила новый импульс с проведением Московского тракта. Ачинский острог стал заметным торгово-распределительным центром Причулымья. Возведение Ачинского острога в степень окружного города по реформе 1785 г. способствовало дальнейшему развитию городской инфраструктуры как социально-экономического феномена, благодаря которой все элементы поселения городского типа получили возможность для дальнейшего развития.

В совокупности с развитой сетью инфраструктуры, в том числе речным сообщением Ачинский уезд (округ) как и вся территория Енисейской Сибири представляла собой особый район критически значимый для социально-экономического развития Российской Империи, чтобы оставаться в составе Тобольского наместничества. Вследствие чего возникла потребность создания отдельной административно-территориальной единицы, которая позволила бы обеспечить эффективное, а главное быстрое развитие данного региона. Чтобы решить данную потребность использовался метод районирования.

Районирование – деление территории на части – районы, которые отличаются друг от друга природными, историческими, экономическими особенностями, условиями жизни людей. Главная задача районирования – выделение специфических черт, присущих данной территории, отличающих ее от других. При районировании используют принцип однородности, учитывающий схожие признаки (климат, растительность, рельеф, специализацию отраслей экономики), и многоступенчатости (или многоуровневости), предполагающий выделение разных по размеру территорий (крупные районы, районы среднего уровня, более мелкие районы).

Согласно историко-географическому описанию, сделанному в приложении к картографическому материалу подробного учебного атласа Российской империи 1841 г., понимание обоснования и содержания разделения Сибири заключалось в следующем: прежний состав Тобольской и Иркутской губерний не изменился. Однако Томская губерния, включавшая ранее территорию Ачинского уезда (округа), была разделена на две части. Из ее состава была выделена Енисейская губерния.

Енисейская губерния, относившаяся к Средней (Срединной) Сибири и не имевшая внешних границ (помимо Урянхайского края на Юге и побережья Карского моря и моря Лаптевых на Севере, так и не приобрела «самостоятельности» подобно Тобольской и Томской губерний, с 1882 г. находившихся напрямую под управлением Министерства внутренних дел. Енисейская губерния на 1887 г. состояла из Ачинского, Енисейского (с Туруханским отделением / краем), Канского, Красноярского и Минусинского округов (с 1898 г. уездов), а также Усинского пограничного округа на самом южном ее рубеже (с 1885) и Урянхайского края, вошедшего под протекторат.

Однако, еще до выделения Енисейской губернии и Ачинского уезда, соответственно, на этой территории уже находились устоявшиеся административные образования, которые консолидировали первых поселенцев в определенных взаимосвязанных друг с другом районах. Ими являлись церковные приходы, так в 1721 г. образована Тобольская епархия, в которую вошли и приходы Енисейского края. В 1861 г. создана Енисейская и Красноярская епархия, что способствовало развитию церковной жизни в регионе. Строятся каменные храмы, открываются церковно-приходские школы, развивается благотворительность. Церковные приходы выполняли важные административные функции: регистрировали браки, рождения детей, смерть людей. Каждый населенный пункт деревня, село или переселенческий участок был приписан к своему церковному приходу. Ярким примером многофункциональности и административной важности церковного прихода являются сведения из отчета губернатора Енисейской губернии за 1864 г.: «на Ачинской системе иждивением промышленника Цибульского строятся новая церковь в центре золотых промыслов – в татарском улусе Чебаках, которая будет приходскою для татар-христиан и для промыслов». Как мы можем увидеть из этого примера, в освоении территории Ачинского уезда церковные приходы имели значительную роль.

Большие успехи были достигнуты в земледельческом хозяйстве. Расположенная на основной сибирской магистрали Енисейская губерния быстро превратилась во 2-й по значению район хлебопашества. В начале XVIII в. здесь было 1918 крестьянских дворов с населением примерно 5 730 душ мужского пола. Общая запашка по району составляла не менее 7 500 дес. в поле. Валовой сбор хлеба был более 90 тыс. четьей. Хлеб выделялся в бесхлебные уезды: Мангазейский, Якутский, Нерчинский. Из отчета губернатора Енисейской губернии мы можем увидеть, что «Важнейшую отрасль сельского хозяйства составляет хлебопашество. Оно преимущественно развито в Южной части губернии, именно в Ачинском и Минусинском округах, но далеко не в цветущем состоянии, хотя с каждым годом запашка увеличивается; способы возделывания земли самые простые; кроме простой, весьма неудобной по тяжести русской двухконной и одноконной сохи и простой, почти четырехугольной бороны с деревянными и железными зубьями пополам, других орудий не употребляется, земель никогда не удобряют и распахивают чрезвычайно мелко, от того росту хлеба мешают сорные травы, исключения в последнем случае весьма редки, система, хозяйства с залежами; обыкновенно пашут на одном месте 4,5- редко 6 лет, а потом на такое же число лет, оставляют прежние и распахивают новые места, или же расчищают леса» . Как

мы видим из данного фрагмента, даже при использовании достаточно примитивных орудий труда, потенциал развития земледелия в Ачинском округе являлся колоссальным, так как основным географическим рельефом являлись лесостепи, а территория уезда не была плотно заселена, что актуально и для современного времени, это позволяло распахивать новые участки пригодные для земледелия, а значит обеспечивать крестьян работой и увеличивать показатели производства сельского хозяйства путем увеличения ресурсной базы.

Другой важной отраслью Енисейской губернии было животноводство оседлого типа. Кормовые ресурсы в Енисейской губернии были изобильные, поэтому все сельские и городские жители держали много лошадей, крупный и мелкий рогатый скот, кур, уток, гусей. Самыми распространенными домашними животными были, кроме лошадей, коровы и овцы. В натуральном хозяйстве, распространенном в то время, не могли обойтись без натуральных продуктов обмена: кож, шерсти, молока, мяса, яиц, тягловой силы. В весенне-летнее время скот находился на подножном корму, но пастухов не было. Как горожане, так и сельчане обносили скотные выпасы городьбой. Однако, стоит отметить, что на зимний период крестьяне зачастую не заготавливали корм для скота, что приводило к деградации пород: «весь скот, за исключением дойных коров, в Ачинском и Минусинском округах, большею частью пускается зимою в степи, где, выгребая копытами из-под снега сухую траву, едва утоляет голод, а при глубоких снегах и сильных морозах гибнет в большем количестве от холода и голода; в других местах, скот хотя не выпускается в поле, но содержится в тесных пространствах вовсе не покрытых и плохо огражденных, которые нимало не защищают животных от стужи и сырости. Летом на хороших пастбищах, скот скоро поправляется и, если бы жители обращали более внимания на содержание его зимою, то и местная порода могла бы, в течении некоторого времени уллучшиться; доказательством может служить то, что рогатый скот, содержимый у некоторых поселенцев и переселенцев из внутренних губерний в сараях, защищенных от ветров, дождей и снега, хотя на простой, но обильной пищи становится тучным и значительно рослым». Таким образом мы видим, что рассматриваемый временной период Ачинский уезд (округ), как и остальная часть Енисейской губернии являлась периферией развития российского общества, не везде использовался так необходимый научно-технический прогресс, однако как мы видим на указанных примерах территория Ачинского уезда обладает значительным потенциалом, как в развитии сельского хозяйства, так и в развитии животноводства.

Рассматривая более подробно факторы формирования Ачинского уезда (округа) в его границах в составе Енисейской губернии, мы видим, что данный регион имел свои отличительные особенности. Наличие плодородных земельных ресурсов в пределах лесостепных зон способствовало развитию сельского хозяйства. Соседство с автохтонным населением: татарами, киргизами и прочими тюркоязычными народами способствовало обмену опытом в развитии скотоводческого направления аграрного хозяйства. Также следует учесть фактор наличия водной артерии – реки Чулым, по берегам которой на всей протяженности Ачинского уезда (округа) активно основывались поселения, связанные между собой региональной инфраструктурой: путями сообщения и др. А также административными организациями, в том числе церковными приходами, которые создавались, в свою очередь, на основе устоявшихся путей сообщения.

Также не стоит забывать и об энергетической промышленности: добыча угля из месторождений Канско-Ачинского угольного бассейна является важной частью эко-

номики Красноярского края. Значительная часть месторождений, угольных разрезов находится на территории бывшего Ачинского уезда, в котором в свое время был опыт создания инфраструктуры для функционирования золотых приисков. Хотя с течением времени меняется технологии добычи ископаемых ресурсов, как показывает практика инфраструктура, расположенная вблизи к месту проведения добывающих работ, имеет критически важное значение для увеличения темпов добычи ресурсов. Так как наличие населенных пунктов поблизости обеспечивает возможность работникам предприятий не быть изолированными от общества, иметь доступ к материальным благам, то есть участвовать в торговле. Ведь как мы знаем наличие старателей по близости всегда стимулирует, как торговлю, так и развитие развлекательной индустрии в поселении.

Таким образом исторически обусловленная перспектива развития сельского хозяйства на территории Ачинского уезда (округа) обусловлена географическими факторами и уже имеет исторический опыт. Именно поэтому, для снижения прогнозируемых расходов на повторное освоение территории бывшего Ачинского уезда (округа) целесообразно использовать опыт прошлых поколений, ведь история циклична и знает не одну сотню примеров, когда на фундаменте заброшенных поселений основываются и развиваются новые.

Список литературы

1. Гергилев Д.Н. Развитие системы административного управления Сибирью в XVIII – первой трети XIX веков: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Кемеров. гос. ун-т. Кемерово, 2010. 30 с.
2. Дворецкая А.П. Информационный потенциал и возможности базы данных и ГИС-системы населенных пунктов Приенисейской Сибири (середина XIX – начало XX века) в свете современной регионалистики // Вестник Пермского университета. История. 2023. № 4 (63). С. 178–188.
3. Отчет губернатора Енисейской губернии за 1864 год. URL: <https://fromthepage.sfu-kras.ru/lib/yenisei-province/report-1864-1> (дата обращения: 01.05.2024).
4. Сарафанов Д.Е. Социально-демографическое развитие населения Юга Западной Сибири в пространстве церковных приходов второй половины XVIII – начала XX вв.: историография, источники, методы и технологии исследования: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2023.
5. Список населенных пунктов Енисейской губернии (с приложением списка русских поселений в Урянхайском крае и схематической карты волостей Енисейской губернии). Красноярск: Енис. губ. тип, 1911. 426 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_v19_rc_1911049 (дата обращения: 01.05.2024).

ТОРГОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ РОССИИ С 13 СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИМИ КОЛОНИЯМИ В XVIII ВЕКЕ

Жамалетдинов Назар Ахатович, студент

*Московский государственный университет международных отношений
Министерства иностранных дел России, Москва, Россия
durnina131415@gmail.com*

В статье рассматриваются торговые отношения между Россией и 13 колониями в XVIII веке. Дается специфика отношений и анализируется влияние колониальной политики Великобритании на русско-американскую торговлю. Сделан вывод о причинах развития торговли между странами, которые заключаются в деформации американской экономики и переселенческом характере 13 североамериканских колоний.

Ключевые слова: Россия, Великобритания, Америка, Навигационный Акт, колония, фронтир

RUSSIA'S TRADE RELATIONS WITH THE 13 NORTH AMERICAN COLONIES IN THE XVIII CENTURY

Zhamaletdinov Nazar Akhatovich, Student

*MGIMO Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia
dirnina131415@gmail.com*

The article deals with trade relations between Russia and 13 colonies in the XVIII century. The specifics of relations are given and the influence of British colonial policy on Russian-American trade is analyzed. The conclusion is made about the reasons for the development of trade between the countries, which lie in the deformation of the American economy and the migratory nature of the 13 North American colonies.

Keywords: Russia, Great Britain, America, Navigation Act, colony, frontier

В 1893 г. Дж. Тернер характеризует американскую историю, как «историю колонизации Великого Запада» [1, с. 13]. Фронтир в его понимании становится не просто географическим регионом, а полосой быстрой и эффективной американизации, в которой дикая местность преобразует деятельность европейского колониста в новый американский продукт [1, с. 15]. Поэтому соприкосновение колониста с фронтиром началось еще в XVII веке на Востоке, собственно окраины Новой Англии, Большую Долину Пенсильвании и т.п. малонаселенные местности Тернер называет «старым регионом Запада» [1, с. 67].

Однако, регион Атлантического побережья отбрасывается из концепции старого Запада, поскольку в виду тесных связей с Европой побережье не впитало «опыта фронта» и его развитие пошло другим путем [1, с. 68]. Но, рассматривая фронтир ни как исторический регион освоения, а как трансформирующее общество явление, «экономическое» наследие фронта в виде яркого проявления индивидуализма [1, с. 94] можно обнаружить и на Атлантическом побережье, в виде формирования фритредерского и глобалистского характера колониальной торговли. К середине XVIII века для колоний, как для переселенческих сообществ было характерно отсутствие промышленности, развитие которой в Америке начнется только в 1790-х с подачи Гамильтона [2, с. 17], и высокого технологического уровня аграрного хозяйства [3, с. 144], что повышало в их жизни роль международной торговли из-за необходимости обеспечения достаточного уровня потребления за счет импорта [3, с. 336].

Глобализм колониальной торговли имеет неординарные прецеденты, такие как прямые торговые контакты с Россией после Семилетней войны. С 1763 по 1766 г. зафиксировано 8 рейсов из Америки в Санкт-Петербург, из которых 5 было совершенно из Бостона, 2 из Филадельфии и 1 из Нью-Йорка [4, р. 597]. В Россию экспортировались сахар, рис, красное дерево, ром, индиго и т. п. [4, р. 596–597], хотя в первую очередь цель данных трансатлантических рейсов заключалась в вывозе из России необходимых для нужд колониального флота товаров: пенька, парусина, равендук, брезент, железо и т. п. [4, р. 596–597]. При этом показатели русско-американской торговли сильно уступали существовавшему параллельно товарообороту между Россией и Великобританией. Для сравнения, только за 1765 год в Петербург прибыло 455 британских судов [4, р. 598], а в 1764 году из Петербурга в Лондон было отправлено 940 тысяч пудов пеньки, что составило 79 % всего отпуска в Европу [5, с. 106–108], учитывая, что часть этой пеньки отправлялась потом в американские колонии. Существование подобного посредничества объяснялась не столько географией, которая повышала стоимость прямых перевозок [4, р. 599], сколько протекционистской политикой Великобритании и криминализацией альтернативных возможностей торговли для колоний, кроме как с метрополией.

В независимости от проводимой политики Лондон никогда не отказывался от мер меркантилистского характера в отношении колоний. Англии всегда требовались рынки сбыта промышленных товаров, защищенные от проникновения иностранного капитала. После 1763 г. парламент также начал активно реализовывать свое право на изменение «внешних» налогов, то есть таможенных сборов [6, с. 214]. После Семилетней войны основные тенденции колониальной политики метрополии выглядели следующим образом: монополизация рынков для британских промышленных товаров; сдерживание колониального промышленного производства; определение колониального судоходства исключительно пределами британского доминиона; присвоение колониальной прибыли; мерчандайзинг колониальных товаров; контролирование сфер финансов и кредитования в колониях [7, с. 28].

Реализация права на повышение таможенных сборов и включение колоний в единый британский рынок могли осуществляться только путем принудительной экономической интеграции с помощью инкорпорирования в колониальную политику протекционистских мер. Законодательным воплощением подобных мер стали Навигационные акты 1660, 1663, 1670, 1673, 1696 и 1733 гг. Акт 1660 г. запретил ввоз и вывоз товаров из колоний не на английских кораблях, запрещал иностранцам и натурализованным гражданам заниматься торговлей и накладывал ограничение на вывоз в Европу сахара, табака, хлопка, шерсти, имбиря и фустика [8]. Акт 1663 г. обязал корабли, везущие товар из Европы в колонии прибывать в Англию для таможенного досмотра [9], и акт 1670 г. наложил запрет на вывоз в Европу сахара, табака, кокосового волокна, индиго, имбиря и красильного дерева [10].

Конфликт фритредерской торговли колоний и «навигационного» рынка Британии приводил также и к существенной деформации американской экономики. Эксплуатация колониальных рынков привела к ситуации, в которой к 1770 г. пассивный торговый баланс для американских колоний составил 20 миллионов фунтов стерлингов [7, с. 33], что фактически обозначало альтернативные издержки колониальных торговцев, которые они понесли в виду ограничений, наложенных законодательством. 20 миллионов – это в том числе потери в золоте и серебре, поскольку продажа товаров в Америку очевидно шла по рыночным ценам, в то время как вывоз товаров из Америки шел по заниженным ценам относительно рыночных. «Табачные лорды» в метрополии активно занижали закупочные цены, поскольку являлись для американских плантаторов единственными контрагентами [3, с. 140]. Подобная практика приводила также к финансово-кредитной деформации, поскольку все виды валютных накоплений утекали из колоний, что заставляло американских торговцев массово

оформлять кредиты у британских банкиров и промышленников. Тот же Томас Джефферсон перед Войной за независимость оказался в долгах перед «табачными лордами» на сумму в 10 тысяч фунтов стерлингов.

Подобное экономическое давление и нереализованный потенциал заставляли американцев искать нелегальные пути обхода, и хоть торговля с Россией не была для них первостепенной, поскольку еще с 1750-х организаторы рейсов в Петербург разбогатели на нелегальной торговле с Голландией [4, р. 599], но тем не менее сам факт регулярных торговых сделок на протяжении трех лет является показателем необходимости для американцев расширения сети нелегальных контрагентов.

Таким образом, существование торговли России с 13 колониями обуславливается двумя причинами. Во-первых, колониальные сообщества Америки, являвшиеся переселенческими, в массе своей прошли «фронтирную» трансформацию в той или иной степени, поэтому сообщества Атлантического побережья в том числе обладали фронтирным наследием в виде ярко-проявленного индивидуализма, что в условиях отсутствия развитой промышленности и сельского хозяйства выводило для колонистов на первый план международную торговлю и расширение сети партнеров, одним из которых становилась Россия. Во-вторых, давление британского рынка приводило к деформации американской экономики. Выходом для преодоления экономического кризиса становилась нелегальная торговля, где Россия также становилась одним из партнеров.

Список литературы

1. Тернер Ф.Дж. Фронтир в американской истории. М.: Весь Мир, 2009. 304 с.
2. Согрин В.В. Американская двухпартийность. От Джорджа Вашингтона до Джо Байдена. М.: Весь мир, 2022. 192 с.
3. Филимонова М.А. Повседневная жизнь американцев во времена Джорджа Вашингтона. М.; СПб.: Алетейя, 2024. 548 с.
4. Saul N.E. The Beginnings of American-Russian Trade, 1763–1766. *The William and Mary Quarterly*, vol. 26, No. 4, Oct., 1969. P. 596–600.
5. Демкин А.В. Британское купечество в России XVIII века. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2019. 306 с.
6. Соколов А.Б. «Правь, Британия, морями»? Политические дискуссии в Англии по вопросам внешней и колониальной политики в XVIII веке. М.; СПб.: Алетейя, 2020. 296 с.
7. Aptheker Herbert. *A History of the American People: The American Revolution, 1763-1783*. New York: The fifth printing by International Publishers CO., INC., 1977. 304 p.
8. 'Charles II, 1660: An Act for the Encouraging and increasing of Shipping and Navigation.', in *Statutes of the Realm: Volume 5, 1625-80*, ed. John Raithby (s.l, 1819). British History Online / URL: <https://www.british-history.ac.uk/statutes-realm/vol5/pp246-250> (дата обращения: 23.04.2023).
9. 'Charles II, 1663: An Act for the Encouragement of Trade', in *Statutes of the Realm: Volume 5, 1625-80*, ed. John Raithby (s.l, 1819). British History Online / URL: <https://www.british-history.ac.uk/statutes-realm/vol5/pp449-452> (дата обращения: 23.04.2023).
10. 'Charles II, 1670 & 1671: An Act to p[re]vent the planting of Tobacco in England, and for regulateing the Plantation Trade.', in *Statutes of the Realm: Volume 5, 1625-80*, ed. John Raithby (s.l, 1819). British History Online / URL: <https://www.british-history.ac.uk/statutes-realm/vol5/pp747-749> (дата обращения: 23.04.2023).

ИСТОРИЯ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ В СИБИРЬ: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ И ОСОБЕННОСТИ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Леонов Данила Алексеевич, студент

*Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, Тамбов, Россия
danilaleonov80@gmail.com*

В данной статье рассматривается история переселенческих движений в Сибирь. Основное внимание уделяется причинам и особенностям данного процесса. Проводится анализ ключевых факторов, которые способствовали внутренней миграции, а также влияние этих событий не только на развитие всего региона, но и в масштабах страны.

Ключевые слова: переселение, Сибирь, внутренняя миграция, переселенческие политика, демографические изменения

THE HISTORY OF RESETTLEMENT TO SIBERIA: THE MAIN STAGES AND FEATURES OF MIGRATION PROCESSES

Leonov Danila Alekseevich, Student

*Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russia
danilaleonov80@gmail.com*

This article examines the history of migration movements to Siberia. The main attention is paid to the causes and features of this process. The analysis of the key factors that contributed to internal migration, as well as the impact of these events not only on the development of the entire region, but also on the national scale, is carried out.

Keywords: resettlement, Siberia, internal migration, resettlement policy, demographic changes

Переселенческая политика играла ключевую роль в расширении Российского государства на востоке, начиная с разгрома войск хана Кучума и основания первых городов в Сибири и заканчивая распадом Российской империи. Освоение данных территорий стало вопросом не только в расширении границ и укреплении влияния в данном регионе, но и в важности аспекта внутренней колонизации и решении социально-экономических проблем государства[1]. Переселение в данный регион позволяло немного снизить кризис перенаселения Европейской части России, в некой степени способствовать решению аграрного вопроса и положить начало исследованию природных ресурсов Сибири. Данный процесс затронул сотни тысяч людей и требовал создания системы административного управления, координирующую и регулирующую перенаселение, контролирующую распределение земли и, конечно, гарантирующую правопорядок на новых территориях. Именно поэтому особое место в изучении процесса освоения Сибири занимает вопрос об административном контроле и организации управления переселенцев. Государство стремилось не только организовать отток населения на восточные приобретения, но и обеспечить интеграцию переселенцев в новую среду. Это подразумевало необходимость создания системы управления, которая могла бы контролировать миграционные потоки, обеспечивать пере-

селенцев ресурсами и следить за их правопорядком в условиях удаленности Сибири от центра. Особую роль играли местные администрации, которые часто находились в условиях нехватки кадров и ресурсов, что усложняло процесс контроля и управления. Взаимодействие центральной власти с местными органами и управление переселенцами в удаленных районах Сибири были неотъемлемой частью общей стратегии государственного контроля в освоении восточных рубежей[2].

История создания системы управления на территории Сибири начинается в конце XVI века, когда Русское царство приступило к процессу освоения данных земель после их присоединения. Завоевание Сибири стало важной главой в истории России, так как оно открыло путь к освоению колоссальных по своим размерам территорий, которые были богаты природными ресурсами. Однако первый этап освоения носил исключительно военный и торговый характеры: строились остроги, создавались засечные черты, формировались крепости для защиты от набегов коренного населения. Активное заселение же началось позже. В момент осознания необходимости создания постоянных поселений, обеспечивающих контроль над обширными территориями и гарантирующих экономическое освоение земель [3].

Действительно масштабный размер переселения начался лишь с XVII в., в тот момент, когда были созданы первые крупные города: Тобольск, Томск и Енисейск. Данные города становились торговыми, ремесленными и военными центрами. Как правило в данный период переселение не носило исключительно организованный характер. Некоторые люди отправлялись в Сибирь в поисках новых возможностей, других переселяли принудительно. Поэтому состав населения был весьма неоднороден. Управленческая система на начальном своем этапе была достаточно слабой и неорганизованной, а большая часть основных функций по управлению ложилась на плечи воевод.

Но с течением времени переселенческая политика приобрела организованный характер. К XIX в. началось системное и планомерное переселение отдельных групп крестьян на данные территории. Сибирь, с ее обширными малозаселенными землями, рассматривалась как один из инструментов решения аграрного вопроса. Усиливающийся масштаб переселения требовал создания более четкой и организованной системы управления. Основной задачей государства стало наделение землей новоприбывших. Все это приводило к созданию специализированных учреждений и особой законодательной базы.

13 июня 1893 г. были утверждены «Временные правила для образования переселенческих и запасных участков в районе Сибирской железной дороги» [3]. В соответствии с ними были созданы «Временные комиссии», которые принимали решения по изъятию земли под переселенческие и запасные участки, а также разбирали жалобы и протесты местного населения.

В дальнейшем же политика переселения стало одной из составных частей аграрной реформы, которая была направлена на решение вопроса малоземелья крестьян и укреплению экономики государства в целом. Важнейшим аспектом данного процесса стали Столыпинские реформы, суть которых заключалась в преодолении земельного кризиса. В рамках данных мероприятий переселение не только поощрялось, но и сопровождалось материальной поддержкой[4].

Данный регион рассматривался как плацдарм для решения части внутренних проблем государства. Российская империя стремилась как можно быстрее освоить эти богатые, но малозаселенные земли. Все это требовало огромной подготовки и органи-

зации. В этом процессе основным направлением была реализация правовых механизмов, которые способствовали бы контролю и координации переселенческих потоков.

Главенствующие меры в первую очередь включали в себя создание органов контроля за организацией процесса переселения, распределением земли и обеспечением населения необходимыми материальными средствами. Основное внимание вновь созданных структур было направлено на реализацию переселенцами хозяйственной деятельности на выделенных участках. Но несмотря на всех успехи в освоении Сибири, государство столкнулось с рядом серьезных проблем, которые затрудняли реализацию переселенческой политики[5]. Весьма ощутимой проблемой было буквальное отсутствие инфраструктуры в регионе. Большинство территорий оставалось труднодоступными, что негативно сказывалось на общей тенденции. В данных условиях темпы переселения замедлялись, а напряженность в обществе росла.

Еще одним серьезным вызовом стал аспект конфликта с коренными населением Сибири. Народы, жившие испокон веков на этих землях, отнеслись негативно к переселению русских крестьян. Поскольку это создавало серьезную угрозу их культурной и социальной идентичности. Кроме того, введение новых налогов для коренного народа также вызывало обеспокоенность. Множество сибирских народов оказались вынуждены платить ясак или выполнять повинности, которые не были свойственны их привычному укладу жизни. Все это вызывало недоверие и ненависть к прибывавшим людям. В ряде случаев недовольства переходили в открытые конфликты и восстания, что усугубляло ситуацию в регионе.

В заключение хотелось бы отметить, внутренняя миграция в Сибирь сыграла ключевую роль в расширении территории России на восток. Политика переселения несомненно способствовала освоению данного региона, но не стоит забывать про проблемы, которые сопровождали данный процесс. Внутренняя миграция сыграла ключевую роль в расширении территории России на восток. Исторический опыт показал, что колонизация региона требовала эффективной системы управления и организованного переселения. Несмотря на значительные успехи, не обошлось и без проблем. В первую очередь недостаточный уровень, а порой и полное отсутствие инфраструктуры, а также столкновение с коренным населением, чьи интересы зачастую игнорировались. Все это свидетельствует о достаточно противоречивом характере переселения. Таким образом, данный процесс оставил глубокий след в истории всего Российского государства, оказав демографическое, экономическое и социальное влияние на структуру региона.

Список литературы

1. Чуркин М.К. Переселенческое движение в западную Сибирь в оценках и решениях российского правительства (1861–1905 гг.) // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 4. С. 261–266.
2. Государственный архив Тамбовской области. Ф. 26. Оп. 5. Д. 1-а.
3. Витте С.Ю. Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве, читанных Его императорскому Высочеству великому князю Михаилу Александровичу в 1900–1902 гг. – СПб., 1912.
4. Пронин В.И. Роль государства в развитии производительных сил Сибири конца XIX – начале XX вв. // Моя Сибирь: вопросы региональной истории и исторического образования / под. ред. В.А. Зверева. Новосибирск, 2002.
5. Серповский Н.А. Переселения в России в древнейшее и новое время и их значения в хозяйстве страны. Ярославль, 1885.

ЯЗЫКОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ МИГРАЦИОННОЙ ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННЫХ МАССМЕДИА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

*Севруженко Наталья Сергеевна, младший научный сотрудник лаборатории исторических и социально-экономических исследований Сибири и Центральной Азии
Федеральный исследовательский центр «Красноярский научный центр» Сибирского
отделения Российской академии наук, Красноярск, Россия
nsevruzhenko@sfu-kras.ru*

Цель настоящего исследования состоит в проведении теоретического обзора существующих исследований миграционного дискурса и обосновании актуальности изучения языковых последствий миграционной войны в российских массмедиа. Полученные результаты способствуют развитию миграционной лингвистики и лингвистической экологии.

Ключевые слова: языковые последствия, миграционная война, миграционная лингвистика, миграционный дискурс, лингвоэкология

LANGUAGE CONSEQUENCES OF MIGRATION WAR IN MODERN MASS MEDIA: PROBLEM DEFINITION

*Sevruzhenko Natalya Sergeevna, Junior Researcher in a Laboratory of Historical and Socio-Economic Research of Siberia and Central Asia
Federal Research Center «Krasnoyarsk Science Center» of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Krasnoyarsk, Russia
nsevruzhenko@sfu-kras.ru*

A purpose of this article is to do a theoretical review of existing studies of migration discourse and to substantiate the relevance of studying linguistic consequences of the migration war in Russian mass media. Achieved results contribute to the development of migration linguistics and linguistic ecology

Keywords: linguistic consequences, migration war, migration linguistics, migration discourse, linguistic ecology

В российском обществе все чаще поднимается вопрос об урегулировании миграционных потоков в нашу страну из близлежащих государств, вплоть до пересмотра действующей миграционной политики и внесения в нее существенных изменений. Основаниями для этого послужили: 1) большое количество трудовых мигрантов из Средней Азии, в том числе нелегальных (об этой проблеме в конце 2023 г. говорил президент В.В. Путин, оценивая количество приезжих в более чем 10 млн человек (Итоги года с Владимиром Путиным. 14.12.2023 [27]); 2) рост уголовных преступлений, совершаемых мигрантами (по словам председателя СК России А.И. Бастрыкина, в 2022 г. против мигрантов было возбуждено в три раза больше уголовных дел, чем в 2021, причем по особо тяжким преступлениям – в пять раз больше (Александр Бастрыкин: мигранты стали одним из факторов социальной напряженности в мире и России // Интерфакс. 11.04.2023 [28]), и тенденция к их увеличению сохраняется: «при

снижении общего количества миграционной преступности на 6 % в прошлом году доля тяжких преступлений выросла на 11 %» (Председатель СК России провел оперативное совещание по вопросам противодействия миграционной преступности // Следственный комитет Российской Федерации. 23.07.2024 [29]); 3) низкий уровень владения русским языком у мигрантов, в том числе у т.н. «новых россиян» – иностранных граждан, получивших российское гражданство (см. итоги диагностики детей-мигрантов (Более 10 % детей-мигрантов по завершении учебного года не владеют русским языком // tass.ru. 04.06.2024 [30]), а также данные МВД России (Порядка 54 % заявителей программы соотечественников не смогли подтвердить владение языком // tass.ru. 17.06.2024 [31])).

Одна из волн антимигрантских настроений была в марте 2024 г. после совершения теракта в «Крокус Сити Холле» выходцами из Центральной Азии. Возникло противоборство между сторонниками миграционной политики, считающими мигрантов «дешевой рабочей силой», теми, кто способствует «омоложению» трудовых ресурсов страны, и ее противниками. Это противоборство привело к появлению понятия «миграционная (мигрантская) война». Данное понятие упоминается и в российских СМИ: Миграционные войны. Как беженцы и переселенцы стали оружием гибридных конфликтов (ТАСС. 12.08.2021); «Мигрантская война» в России набирает обороты. (Царьград. 30.05.2024).

С позиции права миграционные войны представляют собой «экономико-политические, этнические, конфессиональные или этнокультурные конфликты между коренным населением и переселенцами, сопровождающиеся открытым насилием и применением любых доступных, включая вооруженные, средств и методов противостояния со стороны всех участников социального противоборства» [1, с. 22]. Освещение миграционных войн происходит в дискурсивном пространстве массмедиа, в которых находят отражение их языковые последствия.

В лингвоэкологии термин «языковые последствия» дефинируется следующим образом: это «процессы, происходящие в современном русском языке и речи под влиянием каких-либо факторов, событий» [2, с. 176]. К таким процессам относят появление обусловленных информационно-психологическими войнами новых слов или новых значений, а также актуализацию определенных средств выразительности.

В современном языкознании выделяется отдельная область – «миграционная лингвистика», одна из задач которой – исследование миграционного дискурса. Его определяют как вид социальной практики, который формируется посредством социальных структур и социальных агентов [Цит. по: 3, с. 28], а также «как идеологический конструкт, который выражает определенную позицию общества и формирует отношение к миграции и мигрантам» [4, с. 40]. В качестве основных социальных агентов выступают мигранты и титульная нация.

Основаниями для выделения миграционного дискурса в самостоятельный тип дискурса служат проникновение проблем, связанных с миграционными процессами, в различные сферы деятельности общества и повышение частотности их обсуждения в СМИ. Отмечают взаимодействие миграционного дискурса с политическим, экономическим, образовательным, религиозным, медийным и другими дискурсами [5, с. 157;

6, с. 2018; 7, с. 51]. Однако есть мнение, что миграционный дискурс можно рассматривать и как часть политического дискурса [8, с. 40–41; 9, с. 143] или медиадискурса [7, с. 5–21; 10]. Ему присуще манипулирование общественным сознанием, так как он часто реализуется с помощью оппозиции «свой – чужой» [10, с. 157; 11].

В России в последние годы значительное внимание уделяется исследованию миграционного дискурса. В Пермском государственном национальном исследовательском университете были изданы монографии под названием «Миграционная лингвистика в современной научной парадигме» (в 2019 [7] и 2020 гг. [12]) и выходит научный журнал «Миграционная лингвистика».

В.М. Костева считает, что необходимо выделять и антимиграционную лингвистику, которая рассматривала бы антимиграционный дискурс. Он, как полагает ученый, тесно связан с антимигрантской мифологией и мигрантофобией и, в первую очередь, может характеризоваться как агрессивный интрадискурс – «фрагмент конкретной этноспецифической лингвокультурной реальности, демонстрирующий возможные и реальные фреймы и сценарии поведения, направленного на других лиц с непосредственной интенцией причинения вреда» [7, с. 47–49]. Таким образом, миграционные войны оказывают влияние и на развитие лингвистики, формирование в ней новых направлений.

В многочисленных российских исследованиях рассматриваются различные вопросы миграционной лингвистики (см. например, [13–26] и др.).

Однако языковые следы конфликтов между россиянами и мигрантами, освещающихся в массмедийном дискурсе, с лингвоэкологических позиций еще не были исследованы. Мы считаем, что их системное описание чрезвычайно актуально в контексте общественно-политических событий, происходящих в России как многонациональной стране, межэтнические и межрелигиозные отношения внутри которой часто становятся мишенями в информационно-психологической войне.

Предметом изучения лингвоэкологии в концепции А.П. Сковородникова, которой мы придерживаемся, является «состояние языка как сложной семиотической системы с экологических позиций <...>, обусловленное различными экстралингвистическими факторами, влияющими негативно или позитивно на язык и языковое сознание его носителей; пути и способы защиты языка от негативных влияний среды его обитания, с одной стороны, и его обогащения и совершенствования, с другой» [2, с. 36–37].

Исследователи отмечают, что в дискурсе российских СМИ в целом создается отрицательный образ мигрантов и миграции: «К числу закономерностей, характерных только для СМИ, относится использование военной, криминальной и гидронимной метафорических моделей с негативным прагматическим потенциалом» [13, с. 8]. Нередки случаи, когда по отношению к мигрантам из центральноазиатских республик используется «язык вражды», что может привести к дестабилизации общества.

В современных медиа конфликты между мигрантами и титульной нацией получают широкое освещение, что влияет на общественное мнение и может усиливать или смягчать напряжение между различными этническими группами. Таким образом, с нашей точки зрения, «миграционные войны» в лингвистике могут описывать слож-

ные взаимодействия и конфликты, возникающие в результате миграционных процессов и связанных с ними языковых и культурных изменений.

В продолжение предлагаемого исследования планируется выявление и описание языковых следов миграционных войн в современных российских массмедиа с учетом их тематической составляющей.

Таким образом, анализ научной литературы показал, что в настоящее время в отечественной науке идет становление миграционной лингвистики как нового направления. Кроме того, существует проблема языковых последствий миграционной войны в России, которая требует глубокого изучения в связи с информационной и национальной безопасностью государства.

Список литературы

1. Тонконогов А.В., Калинкина Т.В. Миграционная война как фактор современной геополитики // Закон и право. 2019. № 7. С. 22–25.
2. Лингвозкология: проблемы и пути их решения: монография / под ред. А.П. Сковородникова, Г.А. Копниной. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2022. 612 с.
3. Charaudeau P. Langage et discours. Paris: Hachette, 1983. 176 p.
4. Зубарева Е.О. Модель миграционного дискурса. Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. № 5 (1). С. 35–45.
5. Шустова С.В. Рекламный мигрантский и антимигрантский дискурсы // Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: медиационные практики Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2019. С. 157–178.
6. Собянина В.А., Хохлова И.В. Языковая репрезентация миграции в немецких СМИ. М.: Москов. гос. пед. ун-т, 2018. 167 с.
7. Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: медиационные практики: монография / С.В. Шустова [и др.]; науч. ред. А.М. Ааматов; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2019. 180 с.
8. Раренко М.Б. Миграционная лингвистика и ее место в современных лингвистических исследованиях // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6: Языкознание. 2021. № 1. С. 374–43.
9. Матвеева В.Н., Степанова Н.В. Прагматилистический анализ миграционного дискурса (на материале выступлений британских политиков) // Дискурс. 2021. Т. 7, № 5. С. 143–161.
10. Терюха Н.Г. Миграционный медиадискурс: проблемы определения дефиниции в современной лингвистике // БГЖ. 2020. № 4 (33). С. 327–330.
11. Иссерс О.С., Рахимбергенова М.Х. Языковые маркеры этнической ксенофобии (на материале российской прессы) // Политическая лингвистика. 2007. № 23. С. 90–96.
12. Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: дискурсивные практики, перевод, дидактика / С.В. Шустова [и др.]; науч. ред. О.А. Радченко. Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2020. 156 с.

13. Веснина Л.Е. Метафорическое моделирование миграции: по материалам российских печатных СМИ и данным ассоциативного эксперимента: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Екатеринбург, 2010. 250 с.
14. Зубарева Е.О. Концепт «мигрант» в миграционном дискурсе (на материале свободного ассоциативного эксперимента) // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2018. Т. 4, № 4. С. 29–41.
15. Комарова Е.В. Понятие «мигрант» в медиатекстах России и Великобритании: этнокультурная специфика вербальной репрезентации: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. М., 2021. 176 с.
16. Кривенькая М.А. Миграционный дискурс в художественной литературе // Этнодиалоги. 2022. № 1 (67). С. 135–160.
17. Невечеря О.В. Телевидение и развитие миграционных процессов в Российской Федерации (на материалах Оренбургской области): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10. М., 2005. 25 с.
18. Нестерова Я.А., Бурова Е.А. К вопросу об особенностях употребления метафор в миграционном дискурсе Германии, Австрии, Англии и Америки // Российский гуманитарный журнал, 2006. Т. 5, № 6. С. 565–570.
19. Петрушкова Е.А. Имидж трудового мигранта в средствах массовой информации Республики Таджикистан и Российской Федерации (сопоставительный анализ 2008–2013 г.г.): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10. Душанбе, 2017. 25 с.
20. Скребцова Т.Г. Образ мигранта в современных российских СМИ // Политическая лингвистика. 2007. № 23. С. 1154–118.
21. Степанова Н.В. Когнитивно-дискурсивное исследование миграционного дискурса (на материале англоязычных медиатекстов) // Дискурс. 2021. № 7 (4). С. 104–118.
22. Федоров П.М. Роль интернет-СМИ в формировании социальных установок россиян в отношении мигрантов (по результатам контент-анализа региональных новостных интернет-сайтов) // Мониторинг. 2014. № 6 (124). С. 119–134.
23. Хохлова И.В. Метафоры в миграционном дискурсе Германии (на примере сообщений о беженцах в период «Арабской весны») // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2014. Т. 20, № 1. С. 185–188.
24. Шустова С.В. Миграционная лингвистика и миграционный дискурс // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2018. № 4 (2). С. 114–125.
25. Шустова С.В. Лингвотолерантность и лингвоконфликтogenicность в миграционном дискурсе // Вопросы современной лингвистики. 2021. № 4. С. 21–29.
26. Якимова О.А. Репрезентация мигрантов в российских массмедиа и ее динамика (2010–2020 гг.) // Siberian Socium. 2020. Т. 4, № 4 (14). С. 22–40.
27. Итоги года с Владимиром Путиным. 14.12.2023. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72994> (дата обращения: 20.09.2024).
28. Александр Бастрыкин: мигранты стали одним из факторов социальной напряженности в мире и России // Интерфакс. 11.04.2023 URL: <https://www.interfax.ru/russia/> (дата обращения: 20.09.2024).

29. Председатель СК России провел оперативное совещание по вопросам противодействия миграционной преступности // Следственный комитет Российской Федерации. 23.07.2024. URL: <https://sledcom.ru/press/events/item/1901624> (дата обращения: 20.09.2024).

30. Более 10 % детей-мигрантов по завершении учебного года не владеют русским языком // tass.ru. 04.06.2024. URL: <https://tass.ru/obschestvo/20989605> (дата обращения: 22.09.2024).

31. Порядка 54 % заявителей программы соотечественников не смогли подтвердить владение языком // tass.ru. 17.06.2024 URL: <https://tass.ru/obschestvo/21119483> (дата обращения: 22.09.2024).

ЛЕГЕНДА О ПЕРВЫХ ПЕРЕСЕЛЕНЦАХ СЕЛА АЛЕКСАНДРОВКА

Морозов Андрей Владимирович, студент

Пензенский государственный технологический университет, Пенза, Россия

andrey_morozov_1998@list.ru

Статья рассказывает о переселенцах села Александровка Городищенского района Пензенской области, принадлежащего князю Куракину, и разоблачает легенды об одном из его названий: Веляя. Исследуются исторические факты и возможные источники данных названий.

Ключевые слова: князья Куракины, село Александровка, народные предания

THE LEGEND OF THE FIRST SETTLERS OF THE VILLAGE OF ALEXANDROVKA

Morozov Andrey Vladimirovich, Student

Penza State Technological University, Penza, Russia

andrey_morozov_1998@list.ru

The article tells about the settlers of the village of Alexandrovka in the Gorodishchensky district of the Penza region, belonging to Prince Kurakin, and exposes the legends about one of its names: Veliya. Historical facts and possible sources of these names are investigated.

Keywords: Princes Kurakins, village of Aleksandrovka, folk legends

Село Александровка находится в Городищенском районе Пензенской области. Его история начинается с того, как князь Б.И. Куракин (1676–1727) купил в конце XVII в. во владение земли «за рекою Сурою, на речке Юловке, в иных урочищах» [1, с. 86] и в самом начале XVIII в. раздвинул ее пределы покупкой от разных лиц значительных земельных участков.

По воспоминаниям Ивана Николаевича и Семена Николаевича Заушниковых, которые записал в конце XX века местный краевед М.И. Потапов: «Первое поселение в этих местах было образовано в 1700 г. под названием Велья. Борис Иванович поселил здесь крепостных крестьян, которых выменял у литовского князя на двух породистых собак. Вероятно, название «Велья» произошло от реки Веляя, проходящей по Литве, откуда и прибыли крестьяне» [2, с. 129].

Однако исследовав документы из архива князей Куракиных, а также изучив книги «Дневник и путевые заметки Бориса Ивановича Куракина. 1705-1710 гг.» и «Жизнь князя Бориса Ивановича Куракина, им самим описанная», увидим, что Борис Иванович был в княжестве Литовском в 1705 г. и действительно встречался со многими знатными людьми, а так же и с князем, но не найдем ни одного упоминания об обмене собак на крепостных.

Изучая архив Куракиных дальше, было обнаружено, что в начале XIX в. Куракины получают во владение вотчину под Псковом на границе с Литвой, которое называется Велья [3]. И по данным архива Ф.А. Куракина в начале XIX в. в село Александровка Городищенского уезда Пензенской губернии были переселены крестьяне

из псковской вотчины Велья, поэтому один из участков села так и называется «Велия» [4, с. 477].

Крепостным крестьянам, которых князь Куракин решил переселить из псковской вотчины пришлось идти на новое место жительства пешком. Во время последнего привала в поле, недалеко от села по Морозовому долу многие переселенцы умерли и были там же захоронены. Это место в народе получило название «Велейская долина» и с тех пор считается заповедной зоной.

8 августа 1989 г. на поляне Велейской долины стараниями М.И. Потапова был поставлен памятный знак переселенцам села (Рисунок 1). Он представлен в виде католического креста с различными украшениями. На кресте написано «Здесь покоится прах многих поселенцев Вельи, пришедших из Литвы по велению князя Б.И. Куракина. Вечная им память благодарных потомков» [5].

Рисунок 1 – Памятный знак о переселенцах села

Но как мы теперь видим на памятнике допущена ошибка, появившаяся в результате заблуждения. Крестьяне на самом деле были не литовцами, а русскими крепостными с литовской границы, которых переселили в XIX в. из псковской вотчины «Велья», но спустя столетия в народных приданиях они стали литовцами.

Список литературы

1. Савин О.М. Императоры и губернаторы: страницы истории Пензенского края. Пенза, 2006. 429 с.
2. Козылова М.М. Владения князей Куракиных в Городищенском районе Пензенской области // Моя малая Родина: мат-лы межрегион. науч.-практ. конф. / под общ. ред. В.Е. Маляева; Пенз. гос. пед. ун-т, Степановская муницип. ср. общеобразоват. школа [и др.]. Пенза: ПГПУ, 2012. 263 с.
3. О приобретении в Удел имени князя Куракина в Велейской вотчине Опочецкого уезда Псковской губернии // ЦГИА СПб. Ф. 1205. Оп. 10. Д. 39.
4. Восемнадцатый век: исторический сборник, издаваемый по бумагам фамильного архива Почетным Членом Археологического Института князем Федором Алексеевичем Куракиным / под ред. В.Н. Смольянинова. В 2 т. Т. 2. М.: Типо-литогр., 1905. 541 с.
5. История Павло-Куракинского сельсовета, люди, достижения // Администрация Павло-Куракинского сельсовета. URL: <https://gorodishe.pnzreg.ru/munitsipalnye-obrazovaniya-administratsiya-pavlo-kurakinskogo-selsoveta/obshchie-svedeniya/istoricheskie-svedeniya-o-munitsipalnom-obrazovanii/> (дата обращения: 06.07.2024).

МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИХ СООБЩЕСТВАХ

Пупышева Оксана Владимировна, студент

*Уфимский государственный нефтяной технический университет, Уфа, Россия
turenarar@gmail.com*

В работе рассматриваются этнокультурные аспекты и социальные связи переселенческого общества и основные направления политики мультикультурализма в современном поликультурном пространстве. Основное внимание уделяется исследованию миграционных процессов, адаптации мигрантов к новым условиям жизни, а также анализу культурных и социальных изменений, происходящих в результате переселения. Автор анализирует проблемы взаимодействия между различными этническими группами и местными жителями, а также влияние переселенческих процессов на социальную структуру общества.

Для исследования использовались данные социологических опросов, интервью с представителями различных этнических групп, а также анализ статистической информации. Результаты исследования показали, что переселенческое общество характеризуется сложными процессами адаптации и интеграции, которые оказывают значительное влияние на культурные и социальные отношения внутри общества.

Ключевые слова: миграция, интеграция, адаптация, миграционное законодательство, межкультурный диалог, социальная адаптация, экономические аспекты миграции, безопасность

INTERCULTURAL INTERACTION IN MIGRANT COMMUNITIES

Pupysheva Oksana Vladimirovna, Student

*Ufa State Petroleum Technical University, Ufa, Russia
murenarar@gmail.com*

The paper examines the ethnocultural aspects and social ties of migrant societies, as well as the primary directions of multiculturalism policies in contemporary multicultural spaces. The main focus is on studying migration processes, the adaptation of migrants to new living conditions, and the analysis of cultural and social changes resulting from migration. The author analyzes the problems of interaction between different ethnic groups and local residents, as well as the impact of migration processes on the social structure of society.

For the research, data from sociological surveys, interviews with representatives of various ethnic groups, and an analysis of statistical information were used. The research results showed that migrant societies are characterized by complex processes of adaptation and integration, which have a significant impact on cultural and social relations within society.

Keywords: migration, integration, adaptation, migration legislation, intercultural dialogue, social adaptation, economic aspects of migration, safety

Переселенческое общество – это динамичное социальное образование, формирующееся в результате миграционных процессов. Характерной чертой таких обществ является их этническое разнообразие, выражающееся в многообразии языков, куль-

турных традиций и обычаев [1, с. 174]. Взаимодействие представителей разных культурных групп порождает новые формы социальной организации – этнические ассоциации, кооперативы, религиозные общины. Одновременно с этим возникают и уникальные вызовы – адаптация к новым условиям жизни, поиск баланса между сохранением культурной идентичности и интеграцией в местное сообщество, преодоление языковых барьеров и дискриминации [2, с. 373].

Последние десятилетия характеризуются беспрецедентной динамикой миграционных процессов, что приводит к формированию мультикультурных обществ во многих регионах мира, включая Россию [3, с. 334]. Экономические диспропорции, социальные потрясения и геополитические изменения стимулируют миграцию, создавая сложную мозаику культур и этнических групп. Однако процесс интеграции переселенцев не всегда проходит гладко. Конфликты, связанные с различиями в ценностях, обычаях и культурных кодах, могут препятствовать формированию единого и сплоченного общества [4, с. 3233].

Изучение исторического опыта различных народов позволяет нам глубже понять сложности и противоречия, связанные с построением поликультурного общества. Стоит отметить, что есть страны, где исторически на государственном и общественном уровнях были заложены основные принципы поликультурности общества [5, с. 15].

Государство играет ключевую роль в регулировании миграционных процессов, разработке программ социальной адаптации и интеграции мигрантов. Гражданское общество также вносит значительный вклад в решение проблем, связанных с миграцией, организуя волонтерские программы, культурные мероприятия и инициативы по межкультурному диалогу [6, с. 212].

По данным министерства внутренних дел Российской Федерации, опубликована «Аналитическая справка о результатах деятельности подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России за январь – июль 2024 года», в которой отмечается что, количество оформленных заграничных паспортов (паспорт гражданина Российской Федерации, удостоверяющий личность гражданина Российской Федерации за пределами Российской Федерации) увеличилось на 16,3 % (с 3,5 млн до 4,1 млн). При этом число оформленных заграничных паспортов с 5-летним сроком действия снизилось на 19,8 % (с 2 416,4 тыс. до 1 937,6 тыс.) при росте на 96,0 % (с 1 095,5 тыс. до 2 146,9 тыс.) числа оформленных заграничных паспортов с 10-летним сроком действия. Столь существенное увеличение связано с возобновлением выдачи паспортов нового поколения после временного прекращения их оформлений в феврале – мае 2023 г. по независящим от МВД России причинам [7].

На основе вышесказанного можно сделать вывод что, миграционные процессы в России приобретают новые качественные характеристики. Рост мобильности населения, укрепление связей с соотечественниками за рубежом и трансформация этнических сообществ – это лишь некоторые из тенденций, которые становятся все более заметными. Для того чтобы эффективно управлять этими процессами, необходимо проводить глубокие исследования, разрабатывать новые подходы к миграционной политике и учитывать интересы как самих мигрантов, так и принимающего общества.

Взаимодействие мигрантов с коренным населением часто осложняется наличием стереотипов и предубеждений. Это может приводить к дискриминации, ксенофобии и социальному отчуждению. На индивидуальном уровне миграция представляет собой сложный процесс адаптации к новой социокультурной среде, сопряженный с потерей привычных социальных связей, культурных кодов и идентичности. Переселенцы сталкиваются с необходимостью осваивать новый язык, адаптироваться к но-

вым нормам и ценностям, что может сопровождаться чувством изоляции и неопределенности. Однако миграция также открывает новые возможности для личностного роста и развития.

Взаимодействие мигрантов с принимающим обществом является двусторонним процессом, который оказывает существенное влияние на обе стороны. С одной стороны, мигранты обогащают культурную жизнь принимающих сообществ, внося свой вклад в развитие искусства, литературы, кулинарии и других сфер. С другой стороны, их присутствие может вызывать социальную напряженность и конфликты, связанные с различиями в культурных ценностях, нормах поведения и языковом барьере [8, с. 540].

В крупных городах и мегаполисах России часто формируются этнические анклавы, где сосредоточены представители определенных национальностей. Такие анклавы могут играть важную роль в сохранении культурной идентичности мигрантов, но одновременно способствовать их изоляции от принимающего общества.

Успешная интеграция мигрантов во многом зависит от развития межкультурного диалога и создания условий для их социальной адаптации. Важную роль в этом процессе играют образовательные программы, направленные на изучение русского языка и культуры, а также мероприятия, способствующие общению между представителями разных национальностей.

На круглом столе «Социальная и культурная адаптация и интеграция иностранных граждан в Российской Федерации» мнения порой звучали диаметрально противоположные. Необходимость совершенствовать миграционное законодательство назрела давно. Предлагаемые тезисы призваны обеспечить глубокий и всесторонний анализ актуальной проблемы миграции в России. Они учитывают, как теоретические аспекты, так и практические вызовы, с которыми сталкиваются мигранты и принимающее общество.

Руководитель рабочей группы по нормативно-правовому регулированию социально-культурной адаптации и интеграции мигрантов, беженцев и временных переселенцев ГД Анастасия Удальцова считает, что трудовая миграция в современном ее виде – одна из главных проблем на пути выстраивания гармоничных межнациональных отношений.

По мнению спикера, основной поток мигрантов пребывает в Россию из стран постсоветского пространства и в большинстве своем – это молодые люди, зачастую не владеющие русским языком на должном уровне и не имеющие востребованной на российском рынке труда специальности. Такие мигранты и не пытаются адаптироваться, потому что не связывают свое будущее с Россией: - «Наше законодательство сейчас ориентировано на привлечение временных иностранных работников, поэтому не способствует успешной адаптации и интеграции мигрантов в российское общество. Прямое следствие – изоляция мигрантов от принимающего социума и нарастание негативного отношения к мигрантам». Сегодня необходимо создавать условия и стимулы для переселения в РФ соотечественников, проживающих за рубежом, содействовать внутренней миграции, разрабатывать дифференцированные механизмы привлечения и отбора иностранной рабочей силы [9].

Социально-правовой статус временных трудовых мигрантов характеризуется высокой степенью уязвимости, обусловленной в первую очередь сложностями легализации [10, с. 22]. Большинство мигрантов, прибывающих в страну с целью трудоустройства, сталкиваются с проблемой нелегального пребывания. Для них получение

разрешительных документов, таких как регистрация и разрешение на работу, становится приоритетной задачей.

Несмотря на стремление мигрантов легализоваться, существующие миграционные процедуры часто представляют собой существенное препятствие [11]. Регулярное продление регистрации каждые три месяца создает дополнительную бюрократическую нагрузку и порождает чувство неопределенности среди мигрантов. Приобретение же разрешения на работу сопряжено с еще большими трудностями, включая высокие финансовые затраты и дискриминационные практики. Отсутствие легального статуса автоматически лишает мигранта доступа к многим социальным услугам и делает его уязвимым перед эксплуатацией.

Этнокультурные особенности мигрантов оказывают существенное влияние на их процесс адаптации в принимающем обществе. Языковые барьеры, различия в культурных нормах и ценностях, религиозные убеждения создают значительные трудности в межличностном взаимодействии и интеграции в местное сообщество. В то же время, этнические общины играют важную роль в социальной поддержке мигрантов, обеспечивая им чувство принадлежности и помогая преодолеть чувство изоляции. Однако, чрезмерная замкнутость в рамках этнической группы может препятствовать полноценной интеграции.

Несмотря на трудности, с которыми сталкиваются трудовые мигранты, их присутствие оказывает существенное влияние на экономику принимающих стран. Они заполняют вакансии, на которые местные жители не соглашаются, стимулируют экономический рост и способствуют развитию некоторых отраслей. Однако, нелегальная миграция создает серьезные проблемы, такие как рост теневой экономики, эксплуатация труда мигрантов, распространение инфекционных заболеваний и усиление социальной напряженности [7].

Для решения этих проблем необходимо комплексное и системное государственное регулирование миграционных процессов. Необходимо упростить процедуры легализации, обеспечить доступность информации о правах и обязанностях мигрантов на понятном языке, а также создать условия для их социальной адаптации, включая программы обучения языку и культурной ориентации [12, с.1900]. Важную роль в этом процессе могут сыграть международные организации, которые способствуют выработке единых стандартов в области миграции и оказывают гуманитарную помощь мигрантам.

Для борьбы с этими явлениями необходимо проводить широкую просветительскую работу, направленную на формирование толерантного отношения к представителям других культур. Также важно создавать условия для межкультурного диалога и сотрудничества между мигрантами и местным населением.

Список литературы

1. Алекперова А.Р. Глобализация и востоковедение: проблемы направления Восток-Запад и его современные тенденции развития // Наука сегодня: теория и практика: Сборник научных статей VIII Международной научно-практической конференции. Уфа: Уфим. гос. нефтяной техн. ун-т, 2020. С. 172–175. EDN EHASOU.

2. "Religious Renaissance" and the politicization of religion as a factor in the power of modern geopolitical governance / S. Lyausheva, N. Ilyinova, I. Karabulatova [et al.] // Man-Power-Law-Governance: Interdisciplinary Approaches: To the 100th anniversary of the State University of Management, Москва, 24–25 сентября 2019 года / Edited by Irina S. Karabulatova. Vol. 374. M.: Atlantis Press, 2019. P. 372–376. EDN DOODUV.

3. Хаертдинова, З. Р. Геополитический аспект формирования внешней политики России // Наука сегодня: теория и практика: сб. науч. ст. VIII Междунар. науч.-практ. конф. Уфа: Уфим. гос. нефтяной техн. ун-т, 2020. С. 332–335. EDN JCSMNG.
4. Зайнуллина К.М. Влияние глобализации и регионализации на мировое общество // Наука в современных условиях: от идеи до внедрения: мат-лы нац. науч.-практ. конф. Ульяновск: Ульянов. гос. аграр. ун-т им. П.А. Столыпина, 2022. С. 3231–3235. EDN HFLCEE.
5. Криштаносова Е.А. Специфика адаптации этнокультурных групп в современном поликультурном пространстве // Этническая культура. 2022. Т. 4, № 1. С. 15–18.
6. Ситдикова Л.В. Геополитические аспекты теории международных отношений // Наука сегодня: теория и практика: сб. науч. ст. VIII Междунар. науч.-практ. конф. Уфа: Уфим. гос. нефтяной техн. ун-т, 2020. С. 210–213. EDN DKPIMO.
7. Аналитическая справка о результатах деятельности подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России за январь – июль 2024 г. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/54762494> (дата обращения: 23.06.2023).
8. Global Integration And Business Risks In Africa / R. Vildanov, S. Galiullina, O. Konnova, A. Ishmeeva // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS, Krasnoyarsk, 19–21 мая 2021 года. Vol. 116. Krasnoyarsk, Russia: ISO LONDON LIMITED – European Publisher, 2021. P. 539–545. DOI: 10.15405/epsbs.2021.09.02.60. EDN CCGVJL.
9. Как адаптировать мигрантов? URL: <http://komitet-dn.duma.gov.ru/press-centr/publikacii-i-vystupleniya/c67052a3-e103-416b-a4f9-dd9c3b1cfbab> (дата обращения: 23.06.2023).
10. Кузнецов, И.М., Мукомель, В.И. Адаптационные возможности и сетевые связи мигрантских этнических меньшинств // Анализ сетевых связей и адаптационных возможностей мигрантских этнических меньшинств. 2005. № 05-03-03083а. С. 1–51.
11. О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации: федер. закон от 18.07.2006 № 109-ФЗ (последняя редакция).
12. Бикметова А.Р. Историческая и сравнительная социология в глобальном мире // Наука в современных условиях: от идеи до внедрения: мат-лы нац. науч.-практ. конф. Ульяновск: Ульянов. гос. аграр. ун-т им. П.А. Столыпина, 2022. С. 1897–1901. EDN UKRZWE.

СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД УКРАИНСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Куropyтник Александра Николаевна,

Новосибирский Национальный Исследовательский Государственный Университет,

Новосибирск, Россия

alexandra.k.2712@gmail.com

В статье представлены материалы исследования о трансформации свадебного обряда украинских переселенцев в Западной Сибири в первой половине XX в. на примере с. Решеты Кочковского р-на Новосибирской области. Анализируется влияние традиционных украинских обычаев на формирование новых ритуалов в условиях сибирской среды. В центре внимания – адаптация свадебных обрядов к новым условиям жизни, а также сохранение и трансформация элементов украинской культуры. Исследование основано на полевых материалах, собранных автором в 2024 г., а также на этнографических материалах.

Ключевые слова: Сибирь, миграции, крестьянство, переселенческая культура, этнография, народные традиции, культурная ассимиляция, Западная Сибирь, Новосибирская область, Кочковский район, история, украинцы, переселенцы, традиции, обычаи, этноним, семейные обряды, свадебный обряд

WEDDING CEREMONY OF UKRAINIAN IMMIGRANTS IN WESTERN SIBERIA IN THE FIRST HALF OF THE XX CENTURY

Kuropyatnik Alexandra Nikolaevna,

Novosibirsk National Research State University, Novosibirsk, Russia

alexandra.k.2712@gmail.com

The article explores the transformation of the wedding ceremony of Ukrainian immigrants in Western Siberia in the first half of the 20th century on the example of the village of Reshety, Kochkovsky district of the Novosibirsk region. The influence of traditional Ukrainian customs on the formation of new rituals in the Siberian environment is analyzed. The focus is on the adaptation of wedding ceremonies to new living conditions, as well as the preservation and transformation of elements of Ukrainian culture. The research is based on field materials collected by the author in 2024, as well as ethnographic materials.

Keywords: Siberia, migration, peasantry, resettlement culture, ethnography, folk traditions, cultural assimilation, Western Siberia, Novosibirsk region, Kochkovsky district, history, Ukrainians

Огромное влияние на историю Сибири оказали миграции крестьянства в XIX – начале XX в. с территорий Европейской части России. Благодаря им на Сибирских землях смогла образоваться особая разновидность культуры – переселенческая. «Изучение народных традиций – это своего рода исследование фундамента этноса, попытка узнать, насколько он прочен и как взаимосвязан с культурными пластами других народов», – писала в своей книге этнограф Елена Федоровна Фурсова. Действительно, изучение особенностей культурной ассимиляции населения в разных

районах Западной Сибири важно для выявления абсолютно уникальных объектов материального и нематериального наследия, преобразованного, а порой и сломленного, под влиянием множества факторов, связанных с переселением на новое место, общения с другими этносами, социальными преобразованиями.

К сожалению, незаслуженно мало в данном контексте изучен самый небольшой район Новосибирской области – Кочковский. История его начинается еще в XVIII в., когда на берегу р. Карасук расселявшимися по Западной Сибири крестьянами начали основываться первые поселения – Букреево Плесо, Кочки, Решеты. Территория района находится в степной зоне, контактирует на юге с Алтайским краем. Одним из главных достоинств данной местности, помимо умеренного климата с холодной зимой и достаточно длинным, теплым летом, является наличие плодородной черноземной почвы, необходимой для успешного земледелия. Во многом благодаря названным преимуществам, в процессе крупных миграций конца XIX – начала XX в., население района пополнилось большим количеством переселенцев, особое место в числе которых заняли *украинцы*. Основным, численно преобладающим этническим массивом в Сибирском крае были русские – 6 767 892 чел. (77,9 % от всего населения Сибирского края в 8 681 177 чел.), украинцы (827 536 чел.) составляли вторую по численности группу населения [2, с. 41]. По материалам переписи населения 1916–1917 гг., основная часть украинцев переселилась на территорию Кочковского района в 1893–1903 годах [5, с. 16]. Двигались в основном из Харьковской, Полтавской, Черниговской и Таврической губерний. Как можно понять, везти с собой много вещей было проблематично, а вот традиции и обычаи прошли со своими хозяевами весь этот трудный путь, в конечном итоге продолжив свою жизнь на новой территории.

В качестве иллюстрации будет использоваться материал, собранный в процессе беседы с жителями с. Решеты в сентябре 2024. Среди решетовцев большое количество потомков переселенцев с Украины. Многие уже и не помнят, откуда точно прибыли их предки, но сами до сих пор применяют к себе этноним «хохлы» – в значении «орусевшие украинцы». Как мы знаем, в данный момент это название для жителей Украины имеет оскорбительное значение, однако для местных оно является устоявшимся, используется для отделения себя от остальных жителей. До сих пор характерно для местных жителей на территории Кочковского района, для тех же целей, обозначение русского населения «кацапами». Помимо этого, украинских переселенцев определяет особый говор, так называемый «суржик» – смесь русского и украинского языков, их потомкам по сей день свойственен явный акцент и неосознанное употребление устоявшихся иноязычных конструкций в речи. В памяти пожилых людей еще остается множество воспоминаний о семейных обрядах, связанных с важнейшими процессами в жизни человека: рождение, женитьба, смерть.

Описывается свадебный обряд респондентами 1930–1950 гг. рождения [8]. Информация сохранилась достаточно ясно благодаря удивительной устойчивости традиции, отдельные черты которой воспроизводились местными жителями вплоть до конца века. Относительно долгое время сохранялась традиция жениться по принципу землячества: русские выбирали себе жен из русских семей, белорусы – из белорусских, а украинцы – соответственно, из украинских. Сам обряд не носил названия «свадьба», украинцы называли его «взсыле», лишь к середине века, под влиянием общения с другими этносами, первый термин вошел у них в обиход. Со своей родины украинцы также привезли обычай выбора благоприятного времени для свадьбы. До сих пор пожилые люди украинского происхождения в Решетах говорят, что жениться нужно осенью – либо до, либо после Покрова (14 октября), или же

весной, после великого поста [8]. Справлять свадьбу также следовало в выходной: гуляние среди недели считалось непристойным делом. Изданный в 1918 г. Советским правительством Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» имел свое влияние на эту традицию. В свете отказа от религии, постепенно календарное распределение стало менее строгим, свадьбы теперь игрались круглый год, но это в большей степени относится к городам, в деревне сохранялось консервативное отношение.

По воспоминаниям местных, до свадьбы существовал этап «добрых отношений». Он включал в себя знакомство, ухаживания, сватовство. Знакомство могло проходить разными путями, тем более общество было небольшим, приезжие, не всегда, но чаще всего быстро вливались в старожильческую общину. Помимо очевидной совместной хозяйственной деятельности, для молодежи в то время проводились так называемые «вечоры» – мероприятия, на которые собирались по вечерам после работы чтобы отдохнуть и пообщаться – играли в разные игры, пели, танцевали. После знакомства и продолжительных ухаживаний, могло быть принято решение о свадьбе. Известно, что в традициях украинской свадьбы имеет большое значение мнение родителей – чаще всего именно они дают окончательное решение и согласие на свадьбу. Однако, к описываемым событиям середины 40-х годов XX века, в свете развития гражданских прав и свобод, выбор жениха и невесты уже чаще был волей самих молодых.

Немного подробнее остановимся на сватовстве. Обычно сватать в дом невесты приходили только мужчины, среди которых был жених. В процессе использовалась игра слов, вроде своеобразного торга: «вы смотрите наш товар, а мы ваш». Если невеста была согласна, она повязывала рушник на руку свата. Затем за столом между сватами и семьей невесты решались вопросы об организации и дате свадьбы. Правда, по рассказу жителей Решет, сватовство в описываемый период уже начало сводиться к минимуму, скорее представляя собой простое знакомство родителей. В доме невесты собирались представители обеих семей и также решали все связанные с торжеством вопросы. Если проводилось традиционное сватовство, то в него уже вкладывался не обрядовый, а скорее игровой смысл.

Итак, когда дата назначена, как мы помним – обязательно на выходной день, начинались предсвадебные приготовления. В украинской традиции, которая переместилась и в Сибирское село, важным на этом этапе было приглашение. Заранее (рознится конкретный день недели – в четверг или пятницу) готовили особую выпечку – шишки, с которой ходили по домам родственников и звали их на торжество. Еще один важный вид выпечки, по словам жителей села, характерный для любого крупного украинского праздника – каравай. Перед свадьбой пекли его как в семье невесты, так и жениха, затем использовали уже непосредственно в день свадьбы.

Настает время основного праздника. С самого начала снова заметно влияние отказа от религии – ранее утром первого дня молодые должны были ехать на венчание в церковь, теперь же им нужно было заранее зарегистрировать свои отношения в органах ЗАГС. По задумке советского правительства, все описываемые традиционные ритуалы должен был заменить новый обрядовый комплекс. Только вот для населения, веками исполнявшего устоявшиеся брачные обряды, замена не оказалась удачной и плохо приживалась. Формальная процедура регистрации не давала эмоционального отклика, поэтому, особенно в деревнях, для населения фактом вступления в брак была не она, а домашняя церемония с выполнением всех обычаев.

Празднование длилось не один день. В первый торжество начиналось к обеду. В дом невесты приезжают гости – сваты, дружок и дружка (свидетель со свидетельницей), другие гости. Начинался выкуп невесты. Выкуп давали чаще всего различными сладкими угощениями. Отец и мать невесты передавали сватам сундук с приданым, в котором обязательно были постельное белье, одеяла, подушки, вышитые невестой вручную рушники. После этого начиналось застолье. Жениха с невестой садили в центре. На голове невесты был яркий венок, украшенный лентами: это многовековой атрибут украинской свадьбы, правда, тоже претерпевший изменения в Сибирских условиях. Из-за климатических условий, к концу осени, когда чаще всего справляли свадьбы, уже не оставалось цветов, поэтому венок был искусственным – из бумажных или восковых цветов. В 40-х гг. XX в. ярко этнически окрашенные традиционные одежды уже не были в ходу, невеста просто надевала нарядное платье и украшения, а жених строгий костюм. Когда угощение подходило к концу, необходимо было исполнить еще один важный обряд: невеста вставала из-за стола, и под пение подруг те расплетали ей косы, сверху повязывали платок – «теперь она уже не девка, теперь – молодлица» [8]. Мать невесты после этого начинала ее «обсыпать» - заранее готовили конфеты, пшеницу и монетки: «конфеты – чтоб у молодых жизнь сладкая была, копейки – чтоб грошей в достатке было, пшеница – богатство главное» [8]. Затем родители еще раз благословляют молодых, и те идут с частью гостей в дом жениха. Родственники невесты продолжают праздновать у нее в доме.

Возле ворот дома жениха расстилают дорожку, мать с отцом встречают их хлебом-солью: держат на расшитом рушнике каравай, который пекли накануне. Ранее важным элементом была икона, которую молодые после торжества забирали в свой дом, но в связи с запретом религии, традиция была изменена. Родители благословляют молодых, после гости проходят в дом. Начинается «одаривание» (даруване) – все гости дарят, кто что может, в зависимости от достатка, при этом много шутят. Начинают с подарков от родителей, затем идут другие близкие родственники, а потом уже все остальные гости. Интересный обычай с этим связанный рассказали жители села – во время даруваня каждый подарок рисовали чем-нибудь острым прямо на печке дома. Затем, когда гости уже уйдут, молодой нужно было все что нацарапано замазать – если следов не осталось – значит, хорошая хозяйка[8].

Под конец дня все уже встают из-за стола, поют, танцуют, начинается настоящее веселье.

Второй день свадьбы. Праздник продолжается, правда теперь в доме жениха и невесты отдельно. Все гости приходили со своим спиртным, хлебом и едой. Обязательным было «ряжение» для гостей и родителей, пели много шуточных песен, выполняли еще несколько обрядов. Был обычай катания родителей – из гостей выбирали «коней», запрягали в телегу или сани, в зависимости от времени года. Самым главным было брыкающимся «коням» сбросить пассажиров в лужу или снег. В дом невесты вносили «сор» – на пол бросали солому, перемешивая с монетами, – она должна была монеты собрать, а солому вынести из дома веником.

Таким образом, свадебный обряд на протяжении XX в. претерпел большое количество изменений. «Будучи социально-обусловленным, историческое содержание свадебного обряда отражало общественные отношения, создавшие эти традиции. С изменением отношений форма обряда и содержание его изменились»[4]. Тем не менее, все перемены в обрядовой традиции затрагивают лишь внешнюю сторону, при этом сохраняя самое важное – национальные корни. Даже при наличии большого давления на традиционную народную культуру, связанного с колоссальными социальными потрясениями первой половины XX века, она смогла сохранить свои

самобытные черты. Конечно, славянские традиции (и не только свадебные) имеют между собой множество сходств, но в этом и есть главная ценность выявления частного из общего – сохранение многообразия в исторической памяти.

Список литературы

1. Высоцкая Л. Свадебный обряд украинских переселенцев // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Вып. 4: мат-лы науч.-практ. конф. / под ред. М.А. Демина, Т.К. Щегловой. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2001. С. 297–299.
2. Коровушкин Д. Г. Украинцы в Западной Сибири: Расселение и численность в конце XIX – начале XXI века. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2007. 248 с.
3. Новосибирская область: этноконфессиональный атлас / Н.В. Октябрьская [и др.]. Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2018. 324 с.
4. Ростовская Н.А. Эволюция свадебной обрядности русского городского населения России в советский период // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. Гуманитарные науки. 2012. № 27. С. 950–954.
5. Ставровский Я.Ф. Переселение в Сибирь: прямое и обратное движение переселенцев семейных, одиноких, на заработки и ходоков: текст и таблицы. СПб.: Издание Переселенческого управления, 1906 (Издание Переселенческого управления; Вып. 18).
6. Фурсова Е.Ф. Календарные обычаи и обряды восточнославянских народов Новосибирской области как результат межэтнического взаимодействия (конец XIX – XX в.). Новосибирск, 2002.
7. Фурсова Е.Ф. Очерки традиционной культуры украинских переселенцев Сибири XIX – первой трети XX века (по материалам Новосибирской области). Ч. 1 / Новосиб. гос. пед. ун-т. Новосибирск: Агро-Сибирь, 2004. 190 с.
8. Интервью с Куропятник Н.М. (1953 г. р.), Куропятник С.П. (1954 г. р.), Ткаченко Н.Г. (1939 г. р.), Кошляк О.И. (1941 г. р.). Записано автором 18.09.2024 в 18 ч.

ОГЛАВЛЕНИЕ

СЕКЦИЯ 1. ТРАНСГРАНИЧНЫЕ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИЕ СООБЩЕСТВА: ИММИГРАЦИЯ И ЭМИГРАЦИЯ.....	3
Меер Е.С. «Великое переселение народов» начала XXI в. в итальянском кинематографе	3
Карпенко Е.В. Система поселений «Туньтянь» в Синьцзяне в период Цинской империи: классификация, структура.....	7
Павлюкевич Р.В. Миграционные потоки между сельскими районами Красноярского края и Узбекской ССР в 1960 гг.	11
Корноухова Г.Г. Русские трудовые мигранты на астрабадских рыболовных промыслах Лианозовых в Персии, рубеж XIX–XX вв.	15
Нор К.Е. Современная эмиграция из России и формирование русскоговорящих сообществ за рубежом	19
Курбанов Н.И., Тихонов Н.Д. Мухаджирство как фактор формирования внешней политики республики Абхазия	23
Лойко А.И. Белорусы в переселенческом обществе Восточной Сибири и российского Дальнего Востока	28
Урожаева Т.П. Таджикские мигранты в регионе Приангарья в 1990-е –2015 гг.....	31
Есеева Г.Н. Миграции между Казахстаном и Россией: современное состояние и перспективы	37
Аллабердиева Л.А. Миграционные процессы средневековых хорезмийцев: направления и факторы развития	42
СЕКЦИЯ 2. НЕВОЛЬНЫЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ: ПРИНУДИТЕЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ	48
Степанова Л.Б. Визуальное воображение Севера в исследовательских проектах польских исследователей	48
Ковалев А.С. Инвалиды и пожилые люди в «кулацкой ссылке» (на материалах Сибири).....	53
Есин Р.С. К вопросу об использовании железнодорожного транспорта для перемещения грузов и людей до и во время форсированной коллективизации на территории районов современного Красноярского края в 1927–1931 гг.	62
Бакшеев А.И. Переселение российских старообрядцев в Сибирь в XVII в.	67
Зберовская Е.Л. Трудовые ресурсы сибирской модернизации	72

Воробьев А.Н. Выселенные «тунеядцы» в Красноярском крае в 1961–1965 гг.: численность, правовой режим, бытовое и трудовое устройство.....	76
Ковалева С.Е. Гарри Руфф: жизнь, полная перемен и вдохновения.....	80
Кулемзина Т.В., Криволап Н.В., Моргун Е.И., Красножен С.В. К вопросу о медицинском сопровождении вынужденных переселенцев.....	85
Кабакова Н.В. К вопросу о численности ссыльных в Тобольской губернии в начале XIX в.	89
Шаповалов С.Н. Цебельда – станица Николаевская (вынужденные переселения богоявленских жителей).....	93
Хоммиев Т.Б., Нурмаммедов Н.С. Из истории переселения уйгуров в царское имение Мервского оазиса конца XIX века	96
Галлямова Л.В. Добровольная и вынужденная миграция купечества Тобольской губернии в революционные годы XX в.	101
СЕКЦИЯ 3. ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ В ГОРОДСКОМ И СЕЛЬСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ	104
Ищенко О.В. К вопросу о направлениях образовательной миграции в Сибири в конце XIX – начале XX вв.	104
Баранцева Н.А., Милкин Е.И. Формирование переселенческого компонента населения Идринского района	107
Лебедева И.Е. Судьба переселенцев середины XV века из Венеции в Тану по материалам нотариальных актов Пьетро Пеллакана.....	111
Селиванов Л.С. Деятельность польских ссыльных поселенцев в уездном городе Енисейске в последней четверти XIX в.	115
Яковлева И.П., Останко В.А. Проблема воспроизводства локальной идентичности молодежи в условия региона с высоким уровнем миграции (на примере сельских и городских сообществ Краснодарского края).....	121
Бондаренко С.И. Экономическое и культурное значение переселений на Алтай.....	126
Войтович А.Х. Азербайджанские переселенцы в городском и сельском пространстве Тюменской области в 1989 – 2021 годах	131
Перелыгин А.Ю. О роли П.К. Гудкова в развитии добровольной пожарной охраны в Енисейской губернии в конце XIX – начале XX века	137
СЕКЦИЯ 4. ПОЛИТИКА И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ КОНТРОЛЬ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИХ СООБЩЕСТВ: ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ	142
Соколова Е.В. Деятельность переселенческого управления и комитета труда в Красноярском крае (по документам КГКУ «Государственный архив Красноярского края»)	142

Крот М.Н. Осмысление ассимиляторских возможностей русского народа в трудах отечественных ученых-этнографов конца XIX века	149
Шекшеев А.П. Крестьянское переселение на территорию Енисейской Сибири (1917–1920-е гг.)	154
Шаламов В.А. Становление и развитие учреждений для оказания медицинской помощи крестьянам-переселенцам в Енисейской губернии в начале XX века	159
Шаламова С.А. Обзор деятельности Иркутского переселенческого района за 1925 год (по материалам центра документации новейшей истории Иркутской области)	163
СЕКЦИЯ 5. ЭКОНОМИКА ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИХ СООБЩЕСТВ: ТРАНСФЕР ПРАКТИК И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АНКЛАВЫ.....	167
Гайдин С.Т., Бурмакина Г.А. Вольные и невольные работники золотых приисков Сибири в императорский период.....	167
Рогачев А.Г. Экономика человеческих переселенческих сообществ на Енисее в каменном веке.....	173
Деньгина О.В. Особенности колониционного фонда Бельской волости Енисейского уезда Енисейской губернии в контексте реформы П. А. Столыпина	176
Батурин А.С. Развитие автомобильного транспорта на территории Кузбасса в 1930-е гг.	182
Баранова А.С. Состояние развития торговой сети Красноярского края на этапе урбанизационного перехода.....	185
Ганчар А.И. И.П. Корнилов о предоставлении служащим в Виленском учебном округе прав и преимуществ, дарованных служащим в царстве Польском (1867)	189
Зайцева Л.А. Забайкальское крестьянское земледельческое хозяйство (XVII–XIX вв.)	195
Тихоньких В.П. Социально-экономические последствия организации землепользования новоселов и старожилов в Сибири во второй половине XIX века.....	199
СЕКЦИЯ 6. КОНСТРУИРОВАНИЕ КАТЕГОРИИ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО/ОБЩЕСТВО: МЕТОДОЛОГИЯ, ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ	204
Сентябова М.В. Переселение как опыт детства: концептуальный анализ	204
Чернышов В.В. Енисейская губерния и крестьянское переселение начала XX века. Отражение различных аспектов переселенческой политики в документах КГКУ «Государственный архив Красноярского края».....	208
Харебин Д.Д. Политическая обстановка в г. Красноярске накануне революционных событий 1917 года (глазами гимназистки Кати Гайдукович)	214

Занданова Л.В., Кулакова Я.В. Изучение современной историографии переселений в Сибирь и переселенческих обществ как фактор формирования профессиональной компетентности педагога-историка.....	224
Ракитянская А. И. Геополитическое влияние на современные реалии переселенческого общества.....	229
СЕКЦИЯ 7. ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ И СОЦИАЛЬНЫЕ СВЯЗИ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА	233
Подъяпольская А.В. Переселение на Север и библиотечная сфера: от прошлого к будущему.....	233
Лукиева Е.Б. Создание и деятельность национально-культурных центров в Сибири в 20-30-е гг. XX в.....	237
Конев Е.В. Функционирование протестантских общин в городах Западной Сибири середины XX века	241
Ветошкина М.А. «Миграция слов» как инструмент порождения новых форм и смыслов (на примере диалектного эмотива «лихо» и производных)	245
Чеджемов С.Р., Лолаева Д.Т., Плиева З.Т. Сибирь-Осетия: из истории формирования многонационального культурного поля России	250
Гребенкин А.Н. Трансформация содержания и роли традиций в военных учебных заведениях Русского Зарубежья.....	254
Суздальцева И.А. Армянское благотворительное общество Кизляра во второй половине XIX века	257
Хорина В.В. Экспедиция Енисейского губернского статистического комитета 1897 года как один из эпизодов изучения этнокультурного и социального влияния русского населения на хозяйство и быт инородцев Енисейской губернии.....	261
Огурцова О.С. Основные причины разногласий переселенцев из центральных регионов России с коренным населением, проживающим на территории современной Хакасии конца XIX-начала XX веков	265
Иванов В.Ф. Старообрядцы Тимофеевы в Забайкалье	270
Тихоньких В.П. Этнополитические проблемы освоения Приамурья в начале XX века	274
СЕКЦИЯ 8. ДИНАМИКА ПРОСТРАНСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В РОССИИ И МИРЕ.....	280
Рогачев А.Г. Динамика переселения первых русских людей на Енисей в XVI - XVII веках и их последующая адаптация	280
Уметбаев Т.Ш. Монгольская миграция в Иран в период его завоевания Хулагу-ханом и правления Хулагидов в «Джами ат-таварих» Рашид ад-Дина (XIII–XIV вв.).....	284

Гринь О.В. Организация переезда столыпинских переселенцев в Енисейскую губернию	287
Колмогорова А.М. Миграция выпускников школ Красноярского края в 1952–1963 годах по материалам газеты «Красноярский рабочий».....	294
Баканова М.В. Возможности миграционных процессов в древней Сибири на примере буришей.	298
Баранова И.С., Погребняк И.А. Историко-географические особенности внутренней миграции населения в дореволюционной России.....	303
Иванов Э.А. миграционные процессы в России и мире	309
Толстогузова Е.А. Чердынъ на перекрестке торговых путей.....	313
ПО СЛЕДАМ ЗАБЫТЫХ ПИСЕМ	317
Дадаян Е.В., Сторожева А.Н. К вопросу о развитии законодательства об усыновлении детей, оставшихся без попечения родителей в судебном порядке.....	317
Жадан А.В. О методологических подходах к изучению истории органов внутренних дел (на примере органов НКВД Дальнего Востока 1941–1945 гг.)	321
Петров Ю.В. Аромашевский район Тюменской области: исторические виды природопользования	325
МОЛОДЕЖНАЯ СЕКЦИЯ	329
Щукина А.Н. Профессиональная адаптация русской эмиграции в 1920–1930-е гг. на основе фотоматериалов	329
Оюн Н.Ш., Чистяков Р.М. Трансформация женских образов в России в период 1900-1920-х годов	333
Серикова В.О. Эволюция развития взаимоотношений русских земель и Югры в XI-XV вв.	338
Демчик Е.В., Першин М.Е. Переселения крестьян в Барнаульском уезде Томской губернии (на материалах семейных историй рода Першиных)	342
Замахаяев В.В. Социокультурные последствия интернирования японцев в США. Репрезентация в романе Дж. Окада «No-po boy»	345
Китаева Т.С. Особенности адаптации русской общины первой эмиграции в Чехословакии в контексте формирования национальной идентичности.....	349
Чистяков Р.М. Развитие красноярского гимнастического общества «Сокол» в 1910–1914 годах.....	354
Нигамедзянов А.П. Положение болгарского населения восточной Фракии в период Балканских войн 1912-1913 гг.	358
Васильев М.С. Районирование Ачинского уезда (округа) в составе Енисейской губернии. Перспективы использования опыта предыдущих поколений	362

Жамалетдинов Н.А. Торговые отношения России с 13 североамериканскими колониями в XVIII веке	368
Леонов Д.А. История переселения в Сибирь: основные этапы и особенности миграционных процессов	371
Севруженко Н.С. Языковые последствия миграционной войны в современных массмедиа: постановка проблемы	374
Морозов А.В. Легенда о первых переселенцах села Александровка.....	380
Пупышева О.В. Межкультурное взаимодействие в переселенческих сообществах.	384
Куropyтник А.Н. Свадебный обряд украинских переселенцев в Западной Сибири в первой половине XX века.....	389

ГРИШАЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

**Материалы VII Международной научной конференции,
посвященной памяти доктора исторических наук,
профессора, заслуженного работника высшей школы
Василия Васильевича Гришаева**

7–8 ноября 2024 г.

Электронное издание

**Редакционная коллегия:
С.Т. Гайдин, Р.В. Павлюкевич, Ю.В. Рябов, М.В. Сентябова,
А.С. Баранова, А.М. Колмогорова, Д.Д. Харебин**

Издается в авторской редакции

Подписано в печать 02.04.2025. Регистрационный номер 176
Редакционно-издательский центр Красноярского государственного аграрного университета
660017, Красноярск, ул. Ленина, 117